Афонский патерик
или
Жизнеописания святых на Святой Афонской Горе просиявших

Содержание

Март

1 марта

Память преподобного отца нашего Агапия

5 марта

Страдание святого мученика Иоанна Болгарина

19 марта

Память преподобного Иннокентия Вологодского

22 марта

Житие и страдание святого нового преподобномученика Евфимия

23 марта

Страдание святого преподобномученика Луки

Апрель

4 апреля

Страдание святого священномученика Никиты
Память преподобного Феоны, митрополита Солунского

6 апреля

Житие преподобного и богоносного отца нашего Григория Синаита
Память преподобного Григория Византийского

7 апреля

Житие преподобного и богоносного отца нашего Нила Сорского

12 апреля

Житие преподобного отца нашего Акакия Нового

19 апреля

Житие преподобного и богоносного отца нашего Симеона Босого, Нового Чудотворца
Житие и страдание святого преподобномученика Агафангела Есфигменского

Май

1 мая

Житие и страдания святого нового преподобномученика Акакия

4 мая

Память преподобного отца нашего Никифора

11 мая

Память преподобного отца нашего Никодима, архиепископа Сербского

13 мая

Память преподобного отца нашего Иоанна Иверского
Житие преподобного и богоносного отца нашего Евфимия нового (Иверского)
Житие преподобного отца нашего Георгия Иверского
Память преподобного Гавриила Иверского

21 мая

Страдание святого преподобномученика Пахомия

28 мая

Память преподобного отца нашего Иоанникия, архиепископа Сербского

Июнь

2 июня

Житие и страдание святого новомученика Константина

11 июня

Память неизвестного по имени инока, удостоившегося явления Архангела Гавриила

12 июня

Житие преподобного и богоносного отца нашего Петра
Память преподобного отца нашего Арсения Коневского

14 июня

Житие преподобного и богоносного отца нашего Нифонта

15 июня

Память святителя Ефрема, патриарха Сербского

18 июня

Память преподобного Леонтия Прозорливого

20 июня

Память святителя Каллиста I-го патриарха Константинопольского

25 июня

Житие преподобного Дионисия, ктитора обители в честь Крестителя Иоанна, что на святой Горе Афонской
Страдание святого преподобномученика Прокопия

Первая неделя по неделе всех святых

Память преподобного отца нашего Феолипта, епископа Филадельфийского

Июль

5 июля

Житие преподобного и богоносного отца нашего Афанасия
Страдание святого преподобномученика Киприана Нового

8 июля

Житие преподобного и богоносного отца нашего Феофила Мироточивого

10 июля

Память преподобного и богоносного отца нашего Антония Печерского

11 июля

Память преподобного отца нашего Никодима
Страдание преподобномученика Никодима
Страдание святого преподобномученика Нектария

28 июля

Житие преподобного и богоносного отца нашего Павла Ксиропотамского

Август

4 августа

Подвиги и страдания священномученика Космы равноапостольного

7 августа

Память преподобного отца нашего Дометия Филофеевского

11 августа

Житие преподобного и богоносного отца нашего Нифонта II-го патриарха Константинопольского

15 августа

Преподобного отца нашего Герасима нового Ватопедского (НОТАРАС)

19 августа

Житие преподобного и богоносного отца нашего Феофана

30 августа

Общая память святых сербских святителей и учителей

Сентябрь

13 сентября

Житие преподобного и богоносного отца нашего Иерофея

14 сентября

Страдание святого преподобномученика Макария

16 сентября

Память преподобного отца нашего Киприана, митрополита Киевского и всея России

20 сентября

Страдание святого преподобномученика Илариона

22 сентября

Житие преподобного и богоносного отца нашего Космы, отшельника Зографского
Память двадцати шести святых преподобномучеников Зографских

Октябрь

1 октября

Житие преподобного и богоносного отца нашего Иоанна Кукузеля
Память преподобного Григория, доместика великой церкви

2 октября

Страдание святого мученика Георгия

5 октября

Обретение святых мощей преподобного отца нашего Евдокима Ватопедского

6 октября

Страдание святого преподобномученика Макария Нового

7 октября

Память преподобного отца нашего Сергия Вологодского, или Нуромского

11 октября

Страдание двадцати шести святых преподобномучеников Зографских – игумена Фомы и с ним 21 инока и 4 мирян

14 октября

Житие преподобного и богоносного отца нашего Евфимия, Нового Фессалоникийского

20 октября

Житие преподобного и богоносного отца нашего Герасима Нового
Житие и страдания святого нового преподобномученика Игнатия

21 октября

Житие и подвиги преподобного отца нашего Филофея

26 октября

Страдание святого преподобномученика Иоасафа

28 октября

Житие преподобного и богоносного отца нашего Афанасия I-го, патриарха Константинопольского

30 октября

Страдание святого преподобномученика Тимофея Есфигменского

Ноябрь

1 ноября

Страдание святого преподобномученика Иакова и двух учеников его, иеродиакона Иакова и Дионисия монаха
Житие преподобных и богоносных отцов наших Евфимия и Неофита дохиарских

12 ноября

Житие преподобного отца нашего Нила Мироточивого

13 ноября

Страдание святого преподобномученика Дамаскина

14 ноября

Житие преподобного и богоносного отца нашего Григория Паламы, архиепископа фессалоникийского
Страдание святого новомученика Константина

17 ноября

Память преподобного Геннадия Ватопедского

22 ноября

Память святителя Каллиста II-го, патриарха Константинопольского

Декабрь

5 декабря

Память святых преподобномучеников карейских
Житие преподобного и богоносного отца нашего Нектария, подвизавшегося в скиту Карейском в келье Архангелов, именуемой Ягари
Память преподобного и богоносного отца нашего Филофея Карейского

7 декабря

Память преподобного отца нашего Григория, ктитора обители Григориатской

19 декабря

Житие преподобного отца нашего Даниила, архиепископа сербского
Страдание святого священномученика Константина Россиянина

28 декабря

Житие преподобного и богоносного отца нашего Симона Мироточивого

30 декабря

Страдание святого преподобномученика Гедеона

Добавление

Из службы святым, на Афоне просиявшим

Предисловие.

Всему христианскому миру известно, что святая Афонская Гора находится под особенным покровительством Пресвятой Госпожи Девы Богородицы и что сие место наречено Ее жребием, как жребий евангельского Ее слова. Истину эту всегда признавали православные, но ее признают не только православные, но и иноверные, и даже неверные. И безчисленные опыты доказывали и доказывают Богоматернюю любовь и нежный промысл о посвятивших себя на Афоне трудам подвижнической жизни. Все также знают, что по державной Ее воле это место остается и останется, как говорят местные предания, до скончания мира исключительным жребием мужского иночества. С давних времен Афон и по законам царей земных, державствовавших в православной Греции до ее падения, обречен исключительно пребыванию на нем отшельников[1]. Даже и после разгрома Востока от нечестивых сынов Агари, Святая Гора грозными их повелителями оставлена в прежних ее правах[2]. И с тех пор даже доныне, во все дни пребывания Востока под сокрушительным игом магометанства, она остается собственностью иночества и есть как бы отдельный иноческий мир со своими законоположениями в отношении к нравственной и внешней его жизни, посреди господствующего изуверского деспотизма чтителей ложно пророка магометанской власти, не касаясь прав и преимуществ Святой Горы, обременяли и обременяют ее обители только налогами. Таким образом, Святая Гора, пребывая предметом материнской заботливости Приснодевы, как Ее наследие, и по человеческим законам – достоянием иноческим, была во все времена оплотом, убежищем и светочем православия, вертоградом, рассадником, средоточением православного монашества, училищем подвижничества. И эта-то столь знаменитая и достопамятная Гора почти по сю пору не имела отдельной, полной о себе истории; скажем более – ученые не только не написали о ней истории, но даже не согласились еще между собой о начале поселения на ней иноков. Из греков, блаженной памяти славный и ученый святогорец Никодим[3], в конце изданного им Номоканона (изд. в лист, в Лейпциге, 1800 года, стр. 549), сделал о Святой Горе несколько замечаний, но как это только замечания, то они мало объясняют быт Горы. По его изысканиям, Афон уже 15 почти веков продолжает быть особым местом, посвященным исключительно славословию Божию и служит училищем благочестия и добродетели с тех времен, когда христианская вера сделалась на земном шаре господствующей. Напротив, другой ученик Святой Горы, епитроп Филофея, Феодорит, в своих записках об Афоне, начертанных около двадцатых годов настоящего века, основываясь на житии преподобного Евфимия (жившего в девятом веке), видит на Святой Горе до девятого века совершенную пустыню. Из наших соотечественников, писавших о Востоке, знаменитый паломник Барский, высказав довольно много подробностей об Афоне, ничего не написал определенного о первоначальном его быте. Блаженной памяти святогорец в своих письмах о св. Афонской Горе (см. письмо 4-е 1-й части), сделав о ней несколько замечаний, обещал составить впоследствии полную историю Афона, но обещания свои унес с собой во гроб. А.П., в предисловии к своему указателю афонских актов, мог только сказать, что деловые свитки афонские уцелели с десятого века; другие из ученых русских, посетивших Афонскую Гору, основываясь тоже на житии преподобного Евфимия и соглашаясь с рукописью упомянутого Феодорита, до девятого века видят на Афоне тоже пустыню. Они говорят, что святой Евфимий, пришедши с Олимпа на Афонскую Гору, нашел в ней одного только подвижника, именем Иосифа. Один афонский любитель *«поминать дни древние»* (Пс. 142, 5), Иаков[4], не соглашаясь с рукописью Феодорита, делает на житие святого Евфимия несколько замечаний, опровергающих мнения сего ученого и доказывающих существование всельников на Афоне еще прежде святого Евфимия, следовательно до девятого века. Но так как и без этих замечаний из жития святого Евфимия ясно видно, что во время сего преподобного Афонская Гора не была пустыней и что подвизался в ней не один только Иосиф, то мы для краткости при изложении жизнеописания преподобного

Евфимия (смотр. его житие) опустили замечания Иакова. Кроме этих замечаний, в записках Иакова мы видели намеки, упоминающие о ктиторстве на Афоне равноапостольного Константина и свидетельствующие о существовании здесь иночества даже во время Феодосия Великого. В Neon leimonarion встретилось нам житие преподобных Варнавы, Софрония и Христофора (память их по греческому синаксарю авг. 17). Из них Варнава и Софроний, скончавшиеся в начале пятого века, при посещении разных святых мест были и на Афонской Горе, видели в ней монастырь Ватопедский и другие обители. Это-то вышеизложенное несходство мнений ученых касательно Святой Горы и побуждало нас всеми способами убеждать покойного Иакова или любого из ученых настоящего времени здешних греков, чтоб они занялись составлением полной, основательной истории Афона и таким образом оставили полную по себе память, а не как другие переселялись в жизнь будущую, сделав лишь несколько замечаний о Святой Горе. Однако в последнее время появилось в литературе греческой и иностранной немало сочинений, относящихся к истории Святой Горы[5]. Также и в русской литературе есть немало сочинений, касающихся истории Святой Горы[6]. Можно бы даже сказать, что и Святая Гора дождалась наконец своей *специальной* истории, если бы сочинение преосвящ. Порфирия оказалось вполне удовлетворительным. Трудолюбивый и многоплодный автор «Христианского Востока» – (покойный уже ныне) епископ Порфирий (Успенский) предпринял благодарный труд написать такую историю Святой Горы в поучение всем почитателям Афона. Еп. Порфирий умел собрать и вывез с Востока, и в частности со Святой Горы, много исторического материала, частью помещенного в изданных им сочинениях, а частью ждущего еще появления в свет. За обнародованный им сырой исторический материал наука будет ему всегда благодарна. Но в то же время надо с сожалением сказать, что и указания покойного автора, а равно и предлагаемые им исторические выводы, делаемые будто бы на основании несомненных фактов, часто страдают неточностью и, отличаясь большой оригинальностью, часто имеют под собой не факты, а только богатую фантазию автора, почему и не могут быть признаны весьма близкими к истине. Неточность эта невыгодно рекомендует сочинения покойного епископа. «Древности, – по выражению приснопамятного Московского святителя Филарета, – любят свидетельства, а не догадочные заключения»[7].

Еп. Порфирий († 1886 г.), начав свое издание «Истории Афона» еще в 1877 году, довел ее при жизни только до тринадцатого века; оставался не обнародованным самый интересный материал, относящийся к истории «монашеского» Афона. Этому своему труду сам покойный автор придавал весьма важное значение, почему завещал Императорской Академии наук тщательно издать после смерти приготовленные им самим сочинения. Таким образом, в 1892 году Академия наук выпустила в превосходном издании этот посмертный труд покойного преосвященного Порфирия: окончание «Истории Афона». Однако ожидания и надежды как наши, так и всех интересующихся историей Святой Горы, далеко не были удовлетворены этим *окончанием*[8]. Вероятно, и годы, и здоровье покойного трудолюбивого автора, а, может быть, даже и недостаток материалов, не позволили должным образом разработать предположенную им себе и, надо сказать, благодарную тему. Так что и опять Афону приходится ждать еще своей истории. А напечатанная еп. Порфирием «афонская энциклопедия», как называют некоторые ученые сочинения еп. Порфирия об Афоне, будет служить подготовительной работой, сборником материалов.

Не имея о себе вполне удовлетворительной истории, Афон не имеет и собрания жизнеописаний, в которых изображалось бы житие просиявших в нем святых отцов, по крайней мере более известных[9]; по сю пору никто еще не занялся этим делом и не потрудился составить патерик, подобный нашему печерскому. Из наших соотечественников брался было за это покойный святогорец, но предприятие его сошло с

ним в могилу. Впрочем, обещания его относительно афонского патерика отчасти оправдались и самым делом: из представляемых теперь нами читающей публике житий некоторые принадлежат действительно его перу. Хотя эти труды оставлены нам без окончательной отделки, однако мысль и начало всякого дела ценится высоко. Мало того, что на Святой Горе нет собрания этих сельных кринов, в разные времена процветавших на пустынных высотах заоблачного Афона, а теперь благоухающих в обителях Отца Небесного, Святая Гора скудна и историческими о них записками. Даже и в безценных для Церкви минеях святителя Ростовского, святого Димитрия, мы видим только трех насельников Афона: св. Афанасия, Петра и столь славно и полезно потрудившегося для Церкви знаменитого Паламу. Поэтому много нужно было трудов, чтобы собрать и эти скудные крохи из обильного святогорского аскетического вертограда. Где будем искать причины такого недостатка? Ее можно, кажется, полагать частью в простоте первоначальных насельников-иноков Святой Горы, не обращавших внимания на важность и цену памяти о своих отцах-подвижниках для последующих родов и потому сохранявших оную более в устных преданиях, нежели в записках; частью – в особенном смирении здешних святых подвижников, которые, как и все, ставшие на истинную стезю подвижничества, не желали и не желают быть славимыми от людей (см. житие Нила Мироточивого); частью – в неоднократном разорении Святой Горы набегами варваров и латинян, когда библиотеки монастырей доходили до такой растраты, что рукописи и книги были разбираемы не томами, а выносились целыми кипами[10]. Мир и спокойствие или перевороты держав воздействуют не только на политическое значение народов, но и на быт иноческий, поэтому судьбы Афона всегда более или менее соединены были с судьбами Востока, и особенно Константинополя. Есть много и других причин такого важного упущения. Но нам известно, что Афон, с его аскетами, всегда мил и дорог всякому русскому сердцу. Поэтому, желая познакомить своих соотечественников с прославленными святой Церковью подвижниками Афона, мы решились показать им несколько сих кринов из небесного сада, могущих благотворно облагоухать их. Говорим: несколько, ибо все ли жизнеописания святых подвижников Афона поместили мы в своем патерике, за то хорошо не ручаемся. Патерик сей, в первых его изданиях, мы излагали в хронологическом порядке, по векам от Р.Х. И так как печальная для Церкви эпоха взятия Константинополя агарянами сама собою разделяет весь собор описанных нами святых на два резко различающихся периода (что можно сказать не только об афонских, но и о всех святых Церкви восточной), из которых первый период можно и должно назвать преподобническим, а второй – мученическим, то это давало нам повод разделить свой патерик на две части, сообразно с указанными периодами. Теперь, однако, желая дать книгу более удобную для постоянного чтения, мы решились распределить памяти святых не по векам, а по дням и месяцам на целый год. А в конце книги для любителей истории мы прилагаем «хронологический указатель» и азбучный (алфавитный) список имен святых нашего патерика. Касательно же памяти святых, на Афонской Горе просиявших, надобно заметить, что, кроме дней, помечаемых нами, или, что то же, празднуемых всей православной Церковью, все афонские преподобные прославляются Святой Горой еще в 1-ю неделю по неделе всех святых; во 2-ю же по ней Афонская Гора празднует всем новым мученикам. Святым, на Афоне просиявшим, есть у нас отдельная служба, составленная блаженной памяти Никодимом и отпечатанная в Ермополе (в 1847 году и потом в Афинах, в 1869 г.). Служба эта переведена и на славянский язык и отпечатана в Будине (в 1810 г., а затем в Царь-граде, в 1862 г.). Есть также отдельная служба и святым новомученикам. И эта служба составлена тем же Никодимом Святогорцем и помещена в изданной им книге: «Neon Marturologion», или «Новое собрание повествований о мучениках» (издана в Венеции, в 1799 г., потом в Афинах, в 1856 г., см. стр. 219–270). Службы эти находятся на Востоке в общецерковном употреблении, равно как и жития, помещенные в нашем патерике. Почти все они официально одобрены Вселенской Константинопольской Церковью. В «Собрание синаксарей», или кратких житий святых

(Sunaxaristhz. Benetia. 1819 г.), переведенное на новогреческий язык, исправленное и дополненное упомянутым уже нами святогорцем Никодимом, включены имена всех бывших известными ему новых учеников. В минеях греческих, изданных в 1842–43 гг. в Констанинополе, после тщательного рассмотрения особой комиссией и по благословению святейшего патриарха Германа и его синода, также поставлены имена сих мучеников наряду с именами древних подвижников веры и благочестия[11].

Нет сомнения, что собрания эти не обнимают сказания обо всех, запечатлевших кровью истину своей веры в сии тяжкие для Восточной Церкви времена ига агарянского, но и тех сказаний, какие сохранила благочестивая ревность боголюбивых мужей, достаточно для того, чтобы свидетельствовать о крепости и силе благодатной жизни в Церкви, столько веков томящейся под игом иноверным и всегда представляющей новых поборников веры, готовых стоять за нее до крови. Общение Церкви российской с Церквами Востока, составляющими вкупе с ней единую, святую, соборную, апостольскую Церковь, делает и нас причастниками славы мученичества, которой украшаются собратия наши на Востоке.

Святая Афонская Гора, Русский монастырь,
1896 года, 5 июля.

Тако глаголет Господь: будет в последняя дни явлена гора Господня, и дом Божий на версе гор, и превознесется превыше холмов, и приидут к ней вси языцы. И пойдут языцы мнози, и рекут: приидите, и взыдем на гору Господню, и в дом Бога Иаковля, и возвестит нам путь свой, и пойдем по нему (Ис. 2, 1–4)

Иже (святые все) верою победиша царствия. Содеяша правду, получиша обетования, заградиша уста львов, угасиша силу огненную, избегоша острея меча, возмогоша от немощи, быша крепцы во бранех, обратиша в бегство полки чуждих: инии же избиены быша, не приемше избавления, да лучше воскресение улучат: друзии же руганием и ранами искушение прияша, еще же и узами и темницею, камением побиени быша, претрени быша, искушени быша, убийством меча умроша: проидоша в милотех, и в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бе достоин весь мир, в пустынях скитающеся и в горах и в вертепах и в пропастех земных (Евр. 11, 33–38)

Поминайте юзники, аки с ними связани. Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие: ихже взирающе на скончание жительства, подражайте вере их (Евр. 13, 3. 7)

Ежелетну память днесь сущих на Афон отцев ублажим иноцы – насельницы Афона. Они бо во истину все блаженство Господа имеяху: нищии духом – обогатишася, кротцыи – землю кротких наследоваша, плачущии – утешишася, алчущии правды – насытишася, милостивыи – помилованы, чистии сердцем – Бога, елико мощно, зреша, миротворцы – божественнаго сподобишася усыновления, гонимии и мучимии за правду и благочестие – на небеси ныне радуются и веселятся, и прилежно молят Господа спасти души наша (Из службы преп. отцам на Афоне просиявшим, стихира на литии)

Бог прославляем в совете святых (Пс. 88, 8)

Соберите Ему преподобныя Его (Пс. 49, 5)

Господи, аще не быхом святыя Твоя имели молитвенники, и благостыню Твою милующую нас, како смели быхом, Спасе, пети Тя, Егоже славословят непрестанно Ангели? Сердцеведче, пощади души наша (Октоих, глас 6-й, вторник утра, на стиховне стихиры, и Октоих глас 6-й, суббота утра, на хвалит. стихиры).

Восхвалим убо мужи славны, и отцы в бытии. Многу славу возда Господь в них величием Своим от века. Господствующе в царствиих своих, и мужи имениты силою, советующе разумом своим, провещавшии во пророчествах; старейшины людей в советах и в разуме писания людей; премудрая словеса в наказании их, ищуще гласа мусикийска, и поведающе повести в писаниях; премудрость их поведят людие, и похвалу их исповесть Церковь (Прем. Сир. 44, 1–5, 14.).

4 ЯНВАРЯ

Житие и страдания святого нового преподобномученика Онуфрия[12]

Место родины святого нового преподобномученика Онуфрия было селение Габрово, Терновской епархии. Он происходил от богатых христианских родителей-болгар и во св. крещении назван был Матфеем. Когда Матфей достиг возраста, способного разуметь книжное учение, тогда родители отдали его в училище, где он проходил учение с большим успехом. В это время однажды он в чем-то провинился, за что и был наказан своими родителями, но, однако, это внушительное родительское наказание породило в его юном уме мысль о мести, которая по действу вражескому клонилась к собственной его погибели. Питая гнев на своих родителей за наказание, он выразился пред находившимися там турками, что желает принять магометанскую веру. Это детское намерение легко могло бы осуществиться, если бы не успели родители исхитить его из рук служителей Магомета. Видно, однако, что любовь Небесного Отца, за веру и благочестие родителей, не оставила отрока, изъявившего по своему неразумию желание отречься от христианской веры. Ибо когда Матфей пришел в совершенный возраст и стал понимать предметы самостоятельно, то тогда же удалился на святую Афонскую Гору и поступил в братство Хиландарского монастыря. Здесь вскоре он принял на себя иноческий образ с именем Манассии и проходил духовные подвиги со вниманием и ревностью. Спустя некоторое время он за свою добродетельную и подвижническую жизнь рукоположен был во иеродиакона[13]. В сем священном сане Манассия прилагал труды к трудам, ревнуя в добродетелях подвижникам Христовым, и таким образом приходил от силы в силу. Но опыт и писания св. Отцов свидетельствуют, что насколько человек преуспевает в добродетели, настолько же украшается смирением, так что тогда даже и малейшие грехи кажутся ему великими и он сердечно сокрушается о них, принося покаяние. Так точно и Манассия: преуспевая в добродетели и рассматривая всю свою прошедшую жизнь, он с ужасом увидел свое падение, т.е. отречение от Христа, бывшее еще в отрочестве, которое с этого времени как бы неким тайным обличителем постоянно носилось в его уме. Кроме того, и сердце его не имело покоя вследствие вычитанных им слов, сказанных Спасителем в Божественном Евангелии: *всяк, иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех: а иже отвержется Мене пред человеки, отвергнуся его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех* (Мф. 10, 32–33). Имея в уме постоянно сии священные слова, Манассия скорбел, вся душа его была объята страхом. «А что, – думал он, – если я не принесу достойных плодов покаяния за свое отречение и в день Великого Суда Христос, Которого я отвергся пред людьми, отвержется меня пред Отцем Небесным?» Сердце его не было покойно, в нем не царил тот радостный мир, который в подкрепление и утешение посылается подвижникам от всещедрого Бога, а потому

совершаемые им подвиги казались ему весьма недостаточными для того, чтобы очистить себя от глубокого, как ему казалось, падения и умилостивить Бога; при этом в уме его носилось, что примирить свое сердце с Небесным Творцом возможно только чрез исповедание Его пред неверными. Поэтому он решился, за свое отречение от Христа, исповедать Его пред турками, проливши за Него кровь в мученических страданиях, очистить свое падение и этим путем примириться с Богом. Это святое и притом трудное намерение день и ночь не оставляло его; однако, не доверяя себе, он с сердечной и смиренной молитвой просил Бога открыть ему, есть ли на то воля Его, угодная и совершенная, как о сем говорит св. апостол Павел (Рим. 12, 2). И если желание его угодно Ему, то тогда бы только Господь утвердил его мысль непоколебимою и укрепил бы его Своей благодатью мужественно исповедать христианскую веру пред врагами Христа и принять мученическую кончину. Но так как, по словам Св. Писания, *помышления смертных боязлива и погрешительна умышления их* (Прем. Сол. 9, 14), то и Манассия не решился без совета с опытными отцами вступить в великий подвиг мученичества, а потому со смирением и кротостью он открыл свое желание духовным старцам и просил их благоразумного совета. Но старцы посоветовали ему хорошенько обдумать свое намерение и, не познавши своих сил, не решаться на столь страшный подвиг.

Совет опытных мужей был принят Манассией с охотой, и он начал еще более подвизаться в посте, бдении, молитве и трудах; при этом желание пострадать за Христа не только не охлаждалось в его сердце, но еще более воспламенялось, особенно когда он узнал о недавнем страдании новых преподобномучеников Евфимия, Игнатия и Акакия[14].

Узнав, что сии св. мученики, приготовляясь к мученическому подвигу, пользовались советами и руководством духовника Никифора, он отправился в Предтеченский скит, где чистосердечно исповедал пред опытным духовником Никифором свое намерение, просил его принять в свою келью и приготовить к страдальческому подвигу, подобно Евфимию с Игнатием и Акакием.

– Согласен, чадо, принять тебя к себе, – сказал ему ласково духовник Никифор, – но только с тем, чтобы никто из посторонних не знал о твоем намерении пострадать за Христа и чтобы все время приготовления твоего к мученичеству ты совершал так, как бы уже находился в страданиях за Христа, пред жестокими мучителями. Соглашаешься ли ты на это?

– Согласен, святой отче, – с радостью отвечал блаженный.

И, таким образом, получив желаемое – быть учеником опытного мужа, Манассия возвратился в свой монастырь, распорядился своими вещами и деньгами, из коих одну часть раздал как милостыню, а другую оставил в пользу монастыря с тем, чтобы оный доставлял пропитание его родному отцу, который в то время жил вместе с ним в Хиландарском монастыре, в полном монашеском пострижении.

После этого он под видом, как будто бы хочет идти в Иерусалим для поклонения святым местам, скрылся от всех и пришел к духовнику Никифору, который с отеческой любовью принял блаженного и поместил его в отдельной келье, при этом заповедал ему, чтобы он ни с кем не имел никакого общения, а один наедине молился Богу.

Заключившись в тесной и темной келье, Манассия начал подвизаться в продолжительном бдении и молитве; при этом смирял свое тело земными поклонами, которых в течение суток полагал по 3.500, а поясных без числа. Молитва со слезами как бы сроднилась с ним, ее он имел постоянно в устах и в уме, и таким образом блаженный подвижник в сей

тесной келье, подобно золоту, искушался в терпении и мужестве. Для подкрепления же телесного употреблял в пищу хлеб с водой чрез два, а иногда и чрез три дня; вареную же пищу во все время вкушал иногда только в субботы и воскресные дни.

Спустя четыре месяца в его душе, уже очищенной и горящей пламенной любовью к сладчайшему Иисусу, явилась решимость вступить в давно желанный подвиг пострадать за православную веру и принять мученическую кончину. В это время старец Никифор постриг его в великий ангельский образ с именем Онуфрия, и решено было духовником с другими старцами отправить его на остров Хиос, который блаженный Онуфрий должен избрать поприщем мученических подвигов. И таким образом быв напутствован общими молитвами и благословениями, мужественный воин Христов вместе с иноком Григорием, тем самым, который до этого сопутствовал трем мученикам Христовым – Евфимию, Игнатию и Акакию, – с этим-то любвеобильным Григорием Онуфрий оставил св. Афонскую Гору. Отправились в путь и, будучи управляемы Промыслом Божиим, вскоре благополучно прибыли в Хиос. Здесь они остановились в доме у одного христианина, где в отдельной комнате провели семь дней в посте, бдении и молитве, подкрепляя свою душу частым причащением Св. Христовых Таин. И таким образом вооружившись во всеоружие духовное, Онуфрий решился в грядущую пятницу, как день спасительных страданий Господа нашего Иисуса Христа, выйти на брань против духа злобы и пролить свою кровь за Иисуса Христа. Как бы в подкрепление и утешение блаженного Онуфрия в одну из проведенных в молитве ночей он сел отдохнуть и, будучи в изнеможении, погрузился в легкий и тонкий сон. В это время он видит лик стоящих пред ним архиереев, священников и воинов, которые сказали ему:

– Встань и иди к Царю, Который хочет видеть тебя.

– Для чего, – спросил их блаженный с робостью, – Царь желает видеть меня и что я за человек, который понадобился ему? Умоляю вас, оставьте меня.

– Невозможно, – сказали ему небесные посетители, – вставай и иди за нами.

В сопутствии сих светоносных мужей Онуфрий встал и пошел за ними. Потом пришли они в некое открытое и обширное место, которое было все залито необыкновенным светом, где на прекрасном и сияющем как бы от солнечных лучей троне в величии восседал Царь, к Которому блаженный подошел и поклонился до земли. В это время Царь обратился к предстоящим и, указывая рукой на одно светлое место, сказал: «Вот для него готова уже обитель». При сих словах Онуфрия оставил тонкий сон и он проснулся, чувствуя в сердце своем небесную радость. Прославив Бога, утешившего его чудным видением, он усердно просил в молитве своей и святого Василия Великого, так как эта ночь была его памяти, чтобы и он походатайствовал за него у Престола Божия своими благоприятными молитвами. Но каковая же печаль объяла его сердце, когда он в следующую ночь уже не ощущал той небесной радости и вместо оной наступил страх и трепет, и он стал чего-то страшиться. Видя себя в таком состоянии, он со слезами обратился к старцу Григорию:

– Отче! Божественный огнь, который согревал сердце мое, угас! За что я, окаянный, лишился этого утешения?

– За гордость, – отвечал ему Григорий, – ты возмечтал о себе нечто великое, и за это скрылась от тебя благодать Божия.

– Увы мне, окаянному! – с рыданием и стонами сказал Онуфрий. – Какого я лишился драгоценного дара! Что теперь скажут св. отцы и братья афонские! Вместо того, чтобы услышать им о новом мученике и порадоваться моему спасению, они услышат о вторичном моем отречении от Христа. Увы мне, грешному! Увы мне, несчастному!

Выплакав свое горе, он упал к ногам Григория и, лежа у его ног, укорял себя за то, что не мог сохранить Божественного утешения. Потом стал на молитву и до тех пор изливал оную пред Сердцеведцем, пока опять не почувствовал в сердце своем той угасшей теплоты, которая было его оставила.

Чувствуя себя в мирном устроении, он, с детской простотой обратившись к Григорию, с радостными слезами на глазах сказал:

– Отче! Благословен Бог, мне теперь опять хорошо.

На утро Григорий взял предосторожность, дабы опять Онуфрий не впал в духовную гордость, так как коварства злобного врага сильны, который, рыкая, как лев, ищет, кого поглотити, и тем более и сильнее вооружается на тех, которые мужественно отражают все его нападения. Древняя злоба не дремлет и готова воздвигнуть тучи своих коварств, лишь бы только найти в подвижниках Христовых хотя малейшую слабость. Поэтому опытный старец Григорий, дабы смирить все помыслы Онуфрия и чтобы он отнюдь не надеялся на себя, повелел ему просить у всех, в том доме находившихся, за себя молитв, припадая к их ногам и лобызая оные. После этого в тот же день блаженный Онуфрий заключился в церковь, где начал молиться с воплем, изливая пред Сердцеведцем скорбь тоскующей своей души.

Григорий, слыша Онуфрия молящегося с воплем, на сей раз не препятствовал ему явно изливать свою печаль пред Отцом Небесным, ибо видел, что его гласная молитва исходила из сердца, согретого Божественной теплотой; и, чтобы не смутить молящегося, уже после, когда блаженный окончил свою молитву, Григорий из предосторожности заметил ему, говоря: «Разве ты не слышал, что сказал Господь в Евангелии: *Да не увесть шуйца твоя, что творит десница твоя* (Мф. 6, 3). Для чего это ты тщеславишься и творишь твою молитву гласно? Конечно, для того, чтобы тебя все слышали и хвалили. Несчастный! Опять ты впал в гордость и погубил труд свой. Опять ослепила тебя духовная гордость!»

Блаженный, слыша от старца Григория сии слова, с кротостью отвечал ему: «Согрешил, отче! Прости меня и помолись за меня Богу, чтобы Он избавил меня от сетей диавольских». Но опытный Григорий, видя глубокое смирение Онуфрия, в душе радовался за него, так как выговор сделан был ему, собственно, для того, чтобы вести блаженного к подвигу мученическому путем смирения и таким образом низложить всезлобного и гордого диавола. Цель его была достигнута, и теперь-то он начал приготовлять его к подъятию страданий во исповедание имени Христова. Всю предшествующую ночь провели они вместе на молитве, потом, приобщившись св. Христовых Таин, Григорий одел Онуфрия в мирские одежды (волосы на голове и бороде были обриты еще с вечера) и, как только забрезжило утро, отпустил его с пожеланием совершить благополучно мученический подвиг.

На дороге он встретился с одним христианином и при разговоре с ним, видя его благонамеренным, открыл ему свое желание пострадать за Христа. Добрый христианин порадовался и при этом заметил, что у него к довершению всей турецкой одежды недостает красных башмаков, которые в этом случае были необходимы, и купил ему

оные. Потом пошли они в храмы Пресвятой Богородицы, именуемой Обрадованной, и св. Матроны Хиоградской, где отслужили молебен Царице Небесной, прося подкрепления и помощи у Богоматери, и уже отсюда Онуфрий пошел в мехкеме (судилище).

Пришедши в мехкеме, он спросил у сторожа: можно мне видеть председателя?

– На что тебе он? – отвечал сторож.

– Имею к нему заявить дава[15].

– А есть у тебя фетуфа?

– Нет, – в замешательстве отвечал Онуфрий.

– В таком случае невозможно видеть председателя, – отвечал ему сурово сторож.

Не достигнув цели, Онуфрий со скорбью пришел обратно в дом к тому доброму христианину, который купил ему башмаки. Но сей благонамеренный христианин успокоил его и посоветовал идти опять в мехкеме и там, никому не сказавшись, поднять занавес, отделяющий присутствующих от просителей, и таким образом можно проникнуть в их заседание.

Выслушав совет, Онуфрий пошел в мехкеме, где безбоязненно поступил по совету доброго христианина и, вошедши в присутствие, обратился к судьям со следующими словами:

– Пятнадцать лет тому назад в этом месте я получил опасную рану, и с того времени обошедши разные города и врачей, не получил исцеления, и все, как бы согласившись между собой, сказали, что рану мою никто не может залечить, как только одно лишь то место, где я оную получил, поэтому я опять пришел сюда, чтобы совершенно залечить ее.

– Какая же твоя рана, – спросил его кади (судья), – и что именно ты хочешь от нас получить?

– Рана моя, – отвечал мученик, – такого рода: будучи отроком, я по своему неразумию отрекся христианской веры пред вашими мусульманами, впрочем никогда не последовал ей, а всегда был истинным христианином и исполнял все христианские обряды. Но когда я пришел в совершенный возраст, тогда ясно как день открылось предо мной мое падение, которое я считал как бы за глубоко нанесенную в душу мою рану. После этого я обошел многие святые места для уврачевания себя покаянием, но помыслы мои не успокоились, а сердце до сих пор не находит покоя. Итак, проклинаю вашу веру с ложным вашим пророком Магометом и дерзновенно исповедую себя пред вами христианином. – Говоря это, он бросил пред ними головную зеленую повязку, одна часть которой попала в лицо кади, а другая муфтия.

Судьи, видя такое дерзновение святого, удивились, как это мог решиться на такую дерзость христианин; один же из них с гневом начал говорить святому: «Что ты, несчастный, делаешь? Подними и опять положи себе на голову эту святую вещь». Но мученик, улыбнувшись, начал укорять все их вещи, которые они называют святыми, и самую их веру со всеми ее обрядами.

Слыша хулу на свою веру, судьи злобно закричали: «Смерть этому человеку!» – и приказали ввергнуть его в темницу, забивши ноги в колоды. Когда святой мученик введен был в мрачное заключение, то томившиеся там в узах некоторые из христиан с участием спрашивали о его имени и отечестве, но страдалец Христов, скрывая истину, чтобы не дать подозрения, что он инок, отвечал им, что он из Тернова, а имя ему Матфей. Но, однако, святому долго не пришлось сидеть в темнице, ибо судьи в этот же день осудили его на смерть.

Когда вывели святого узника из темницы, то судьи еще раз спросили его, что он думает о себе, и когда узнали, что мужественный страдалец непоколебим в своем исповедании, приказали отрубить ему голову, а тело с одеждой бросить в море.

После этого повели св. Онуфрия на смертную казнь. Пришедши на то самое место, где незадолго пред этим был обезглавлен новый преподобномученик Марк, Онуфрий преклонил колена и заклан был ножом в гортань подобно кроткому агнцу, чистая же и непорочная его душа отлетела в небесные обители 4-го января 1818 года, в пятницу в 9 часов дня, на 32 году от рождения.

Таким образом совершился дивный подвиг святого страстотерпца Онуфрия, которого он так долго ждал для примирения себя с сладчайшим Иисусом, за Которого излил свою кровь, смыв с себя то пятно, которое некогда тяготило его душу. Теперь только вполне залечилась смертельная рана, о которой преподобномученик говорил пред турецкими судьями.

После казни святые мощи мученика были положены в куль, а в другой куль насыпали ту землю, на которой лежали мощи, дабы христиане не могли взять что-либо для освящения, и таким образом положили в лодку, отвезли в открытое море, и там бросили в морскую пучину. Что же сделалось со св. мощами по ввержении их в море, для нас осталось тайной. Знаем только, что Тот, за Которого он пострадал, сохранил их невредимыми и в волнах морских, ибо в Св. Писании говорится: *Хранит Господь вся кости их, и ни едина от них сокрушится* (Пс. 33, 21), и что он сподобился получить от Христа Бога мученический венец, за исповедание Его пред магометанами. Молитвами святого преподобномученика Онуфрия, Христе Боже, сподоби и нам получить христианскую кончину и Небесное Царство, которое Ты уготовал своим последователям от сложения мира. Аминь.

Память св. преподобномучеников Ватопедских – игумена Евфимия и двенадцати иноков

Святые эти преподобномученики пострадали от папистов, разорявших святую Афонскую Гору в царствование византийского императора Михаила Палеолога (1260–1281 г.). За дерзновенное обличение латиномудренных в ереси преподобный Евфимий был утоплен, а иноки повешены и мученической кончиною прославили венчавшего их Господа.

Память их совершается в обители Ватопедской 4 января. Общая же память всех свв. новомучеников празднуется на святой Афонской Горе во 2-ю неделю по неделе Всех Святых.

Подробное сказание о страдании свв. преподобномучеников ватопедских смотри в «Повести о нашествии папистов на Святую Гору», помещенной нами под 10-м октября, во 2-й части Афонского патерика.

Жизнь святого Евстафия, архиепископа Сербского[16]

Блаженный Евстафий был родом из области Будимльской в Сербии, сын богобоязненных родителей. С юных лет лучшим утешением для него было чтение Божественных книг и посещение храмов Божиих. Еще будучи отроком, прежде нежели отдали его в научение книжное, он сам пришел напомнить об этом своему отцу и в скором времени превзошел в учении всех своих сверстников. Едва вступив в юношеский возраст, он бежал из родительского дома, чтобы сделаться иноком, и водворился в области Зетской, в обители Архангела Михаила, где была епископская кафедра. Преосвященный Неофит сам постриг его, и там начал он проходить со всей строгостью жизнь подвижническую, день и ночь посвящая молитве и не обращая своего лица к оставленной им суете мира. Пришло ему желание посетить святые места Иерусалима и поклониться Гробу Господню. Никому не открыв своего тайного помысла, он со слезами молил Господа исполнить пламенное его желание. Господь внял его молитве: нашлись добрые спутники – два инока, посланные ему Самим Господом, которые пришли в обитель Архистратига и объявили юному подвижнику желание свое идти в Иерусалим. С ними пустился Евстафий в дальний неведомый путь, возложив все упование свое на Бога, и благополучно достиг Святого града, где провел немало времени, обходя все покланяемые места страданий Господних и окрестные пустыни, наполненные паломниками. Совершив свое странствие в Палестине, он отправился и на святую Афонскую Гору, чтобы водвориться там для большого подвига, посреди отцов. Он поселился на Святой Горе в знаменитой лавре Хиландарской и там хотел окончить дни свои в безмолвии, посвятив себя служению Богу в пустыне, но Господу благоугодно было поставить его на свещнике, чтобы он светил родной земле с кафедры святительской. Молва о нем распространилась далеко, и к его духовной беседе стали притекать не только из ближних, но и из дальних обителей, ибо высоким подвигом иноческой жизни он превзошел всю братию на Афоне. Общим собором всех обителей Святой Горы он был поставлен игуменом лавры Хиландарской, в каковом звании видим его с 1263 г.[17]. Благочестивые крали сербские, услышав о высокой его добродетели, притекали к нему за советом и осыпали вверенную ему обитель обильными дарами. Блаженный Евстафий ревновал идти во всем по следам великого Саввы, основателя Хиландарской обители, и как подражал ему в созидании оной, так и наследовал его кафедру. Но прежде ему суждено было наследовать кафедру области Зетской, в той обители Архангела, где он принял ангельский образ – хотя и вопреки его желанию он возведен был на степень святительскую. После кончины блаженного архиепископа Иоанникия краль сербский Драгутин созвал всех епископов и игуменов земли своей для избрания достойного преемника усопшему архипастырю – и выбор их пал на смиренного епископа Евстафия. Смутился духом смиренный и долго умолял краля не возлагать на рамена его бремя не по силам, но не мог воспротивиться общему голосу Церкви сербской и возведен был соборно на осиротевшую кафедру.

Высокие добродетели Евстафия доставили ему уважение и нового короля Милютина. В звании архиепископа всей Сербии он с 12-ю епископами присутствовал на соборе, на котором краль Милютин утвердил за Хиландарским монастырем земли и угодья Сербской страны[18]. После семилетнего управления Церковью блаженного Евстафия постигла тяжкая болезнь, предвестница скорой кончины, но смерть представлялась ему сладостным сном. Он находился тогда в обители Жидча, основанной св. Саввой, куда и призвал

ближних епископов и игуменов, простился со всеми, приобщился св. Таин и с веселым лицом сказав: «В руки Твои, Господи, предаю дух мой», мирно скончался в 1279 г.[19]

Весь освященный собор с честью похоронил его в мраморной раке, в обители Спасовой на месте, называемом Жидча, но Господь сохранил кости праведника и не дал им видеть истления. Начались дивные знамения при раке его и исцеления болящих. Краль Урош Милютин, после совещания с преемником Евстафия, архиепископом Иаковом, повелел открыть раку; живым, а не усопшим предстал им святитель в мертвенном своем покое. Нетленное тело его с великой честью поднято было из гробовой раки и поставлено в ковчеге внутри храма. День его преставления положено было праздновать 4 января. Когда же спустя некоторое время от смут воинских, волновавших Сербию, обитель Жидча стала небезопасна, архиепископ Иаков устроил торжественное перенесение тела блаженного своего предместника в более огражденное место, в обитель патриархии Печской, где и доселе почивают мощи Евстафия посреди славных его предместников и преемников, источая благодатные исцеления.

Сербская церковь поет св. Евстафию: «На Негоже уповал еси, святителю, из млада возраста, радуяся же яко елень востекл если на гору святую, земная вся оставил еси, прилепився закону Творца и Владыки исполнением заповедей».

«Очистив душу и тело от скверны, праведно-преподобна и незлобива учителя себе показал еси, отче блаженне: сирых питатель, обидимых помощник и странноприимен был еси: темже со дерзновением вопиеши: Тебе люблю, Иисусе Боже мой, света невечерняго и миром владычествующа»[20].

(Память святителя совершается вторично в общей службе свв. сербским святителям и учителям – 30 августа).

5 ЯНВАРЯ

Страдание святого преподобномученика Романа

Смотри память о страдании его февраля 16-го. В греческих минеях, напечатанных Великой Церковью в Константинополе 143 г., а также в Синаксаристе Никодима, память св. преподобномученика Романа указана дважды: 5 января и 16 февраля.

11 ЯНВАРЯ

Память преподобного и богоносного отца нашего Феодосия, митрополита Трапезундского

Преподобный Феодосий был сначала игуменом обители Филофеевской, потом возведен на кафедру митрополитскую в Трапезунде.(Смотри о нем в житии святого Дионисия, бывшего его брата по плоти, ктитора обители честного Предтечи, 25 июня).

13 ЯНВАРЯ

Житие, подвиги и чудеса преподобного и богоносного отца нашего Максима Кавсокаливита[21]

Преподобный отец наш Максим родился в Лампсаке, от родителей благородных и благочестивых. Будучи бездетны, они молились Богу со слезами о даровании им дитяти, и молитва их была услышана: Бог даровал им этого блаженного Максима, названного во святом крещении Мануилом. Итак, получивши его от Бога как дар, они воспитывали его с особенной заботливостью и, по наступлении времени, начали учить его священным книгам, а когда достиг он отроческих лет, поселили его при храме Пресвятой Богородицы и посвятили Богу. Таким образом, Мануил, постоянно пребывая в Богородичном храме, славословил Бога и в простоте непорочного сердца ходатайствовал у Всепетой Матери о своем спасении. Как второй Самуил, преуспевая в возрасте и благодати, он был хвалим и любим всеми; потому что при незрелости еще детского возраста выказывал уже старческий разум. Этому много содействовало, с одной стороны, и то, что часто ходил он к некоторым старцам, безмолвствовавшим вблизи того храма и, обращаясь с ними, по возможности услуживая им, внимал советам их, и, таким образом, назидаясь и примером богоугодной их жизни, и наставлениями, пламенел Божественным желанием оставить мир и, сделавшись иноком, хранить строгое безмолвие. При таких прекрасных свойствах и желании непорочного сердца он часто, видя нищих, пренебрегал холодом и отдавал им собственные одежды, чтоб согреть их; равным образом, делил с ними и хлеб. А чтобы начатков добродетельной своей жизни не погубить льстивой похвалой со стороны мира, он принял на себя вид юродивого, хотя это и не скрыло его от внимательности людей. Между тем, родители, забыв, что Мануил посвящен ими Богу, приготовлялись женить его, чтоб, связав его узами брака, иметь в нем утеху собственной жизни.

Узнав об этом, юный Мануил, вкусивший уже сладость духовную, на семнадцатом году жизни, оставив родителей, отечество и мир и тайно удалившись на гору Ган, принял на себя ангельский образ, с именем Максима, и предался безусловной покорности и послушанию старца Марка, свидетельстованного в опытах иноческой жизни и известного по всей Македонии. Под мудрым его водительством юный Максим быстро преуспевал во всех подвигах иноческой жизни и, восходя от силы в силу, был любим жившими там старцами, исключая только его наставника Марка. Марк, желая утвердить в смирении скромного и дивного своего послушника, безпрерывно унижал и поносил его, несмотря на чрезвычайные и постоянные его труды. Впрочем, недолго Божественный Максим оставался при этом старце: Бог воззвал сего преподобного от жизни временной в вечные обители, вследствие чего Максим, оставив гору Ган, пустился странствовать по Македонии в чаянии найти другого, подобного первому, старца – и Бог исполнил его желание. На пустынных горах Папикийских, в тамошних пещерах, он нашел несколько отшельников чрезвычайно строгой жизни, от которых и занял много полезных советов и опытов жизни совершенно ангельской. Оттуда отправился он в Константинополь, где, восхищаясь великолепием и Божественной красотой храмов и поклоняясь святыням, хранящимся в них, он наконец пришел во Влахернский храм Пресвятой Госпожи нашей Богородицы Одигитрии. Там, созерцая дивные чудеса, точившиеся от иконы Пресвятой Одигитрии и поклонясь Ей, размышлял, какую чрезвычайную славу имеет Она на небесах, и от сего и подобных тому созерцаний восхищаясь духом и неизреченно радуясь сердцем, в течение всей ночи пробыл без сна, оставался без обуви на ногах, без покрова на голове и имел на себе только ветхую власяную одежду. В таком виде казался он всем как юродивый, да и сам притворялся таким, подобно великому Андрею, Христа ради юродивому, и, как тот, совершал на виду у людей безчинства. При всем том ему удивлялись все и почитали его не действительно, а только Христа ради юродивым.

Узнал как-то о святом Максиме царь Андроник Палеолог и пожелал его видеть; для этого призвал его во дворец и вступил с ним в беседу в присутствии вельмож. Божественный Максим по своему обыкновению отвечал царю либо словами Григория Богослова, либо Божественного Писания, так что самые риторы, находившиеся тут во дворце, дивились, как хорошо знает он творение Богослова и Священное Писание. Но так как Максим при обширных своих сведениях не знал грамматики, а потому и говорил неправильно, то великий логофет Каниклий заметил: «Глас – глас Иаковль, руце же – руце Исавовы». Выслушав это, преподобный удалился из дворца, осмеял разум разумных и, называя их безумными, впоследствии уже никогда не являлся к ним. Между тем, он часто ходил к тогдашнему патриарху святому Афанасию и беседовал с ним, радостно внимал ему и отзывался о нем всем, как о новом Златоусте, а патриарх, узнав про жизнь святого Максима, старался всячески склонить его к вступлению в одну из киновий, которые он устроил в Константинополе. Но преподобный ни за что не хотел оставить Влахернского храма Богородицы, пребывая в притворе его в алчбе и жажде, бдении и молитве и всегдашних воздыханиях и слезах, а по дням юродствовал при народе, стараясь таким образом утаить свои подвиги, и избегал чрез то суетной похвалы.

Наконец, по довольном времени, святой Максим для поклонения великому Димитрию Мироточивому отправился в Фессалоники, а оттуда прибыл на святую Гору Афонскую. Там, обошедши священные обители, пришел он наконец и в лавру святого Афанасия. Жизнь и подвиги сего угодника, равно как и святого Петра Афонского, чрезвычайно удивляли его, так что он решился, оставшись на Святой Горе, подражать в безмолвии святому Петру, а в общении с братией и в строгом хранении заповедей Господних – Афанасию. Впрочем, не доверяя собственному выбору и влечению своей мысли, прежде начатия иноческих подвигов на Святой Горе отнесся он к тамошним святым отцам, требуя их совета: каким путем предпочтительно идти ему? Те посоветовали ему сначала подчинить себя старцу с безусловным исполнением не своей собственной, а его старческой воли, и чрез то самое, усвоив себе, при содействии благодати Христовой, Божественное смирение – как начало и корень всех добродетелей – наконец удалиться в пустыню, на безмолвие.

Так и поступил преподобный. Оставшись в лавре святого Афанасия, он покорил себя игумену и наравне с прочими братиями проходил сначала низшие послушания; потом, имея хороший голос и зная церковное пение, определен был на клирос. Таким образом, воспевая хвалы свои Господу, он возносился к Нему сердцем и мыслью и много плакал от умиления, трогаясь, при чтении и пении, безконечным человеколюбием Бога, даровавшего нам благодать Духа Святаго к достойному созерцанию Его даже и тогда, когда мы живем еще в теле. Следствием сего было то, что, пламенея чувством Божественной любви, он и среди множества братий постоянно был мыслью в мире и безмолвии и упражнялся умной молитвою, т.е. безпрестанным молитвенным в тайне сердца взыванием: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» – что по чрезвычайной трудности и потребных к тому нерасхищенности ума и безмолвию сердца редко кому дается, а сей преподобный от юности получил такую благодать молитвы, ходатайством Пресвятой Богородицы, за особенное благоговение к Ней и за свои подвиги. Итак, пребывая в монастыре с должным повиновением и усердием, он вел себя и здесь так же строго, как и при Влахернском храме. В лавре не имел он даже и кельи и ничего другого, что доставляло бы телесное удовольствие, а пользовался только пищей из трапезы, и то для того, чтоб поддержать жизненные силы; вместо же кельи проводил ночи в бдении, в притворе церковном, к чему приучил себя от юности.

Но как Моисея призвала Синайская гора, Илию – Кармил, а Крестителя Иоанна – пустыня, таким точно образом и преподобного Максима призвал пустынный Афон –

красота и цвет гор – дабы и на нем процвел праведный, яко крин, и для иночествующей братии опытами и чрезвычайными подвигами духовной своей жизни произвел желанные плоды Святаго Духа. В неделю Святых отец, бывающую после Божественного вознесения, является ему Богоматерь, имея в объятиях младенствующего Господа, и говорит: «Следуй за Мною, Мой избранный, на самую вершину Афона, чтобы там по желанию твоему принять благодать Святаго Духа». Видя два или три раза это Божественное явление, он оставил Великую лавру и по истечении недели взошел на вершину горы, в субботу Пятидесятницы, где и провел в обществе прочих братий всю ночь без сна. Братия, по совершении там Божественной литургии, спустились с горы, а Божественный Максим, оставшись на ней, провел в молитвенном подвиге трое суток. Бог только ведает, что вынес он в течение этого времени от искушений сатаны и враждебных полчищ, силившихся прогнать оттуда святого. Чтобы устрашить его, сатана производил во время ночи громы и молнии, так что казалось, вся Гора Афон приходила в сотрясение; скалы трещали и распадались на части, а днем слышались дикие голоса, как будто от множества вооруженных безобразных людей, которые, производя возмущение, устремлялись со всех сторон на вершину горы, чтоб ринуть оттуда преподобного. Но так как все это было мечтательным явлением демонских козней, то, полный духа веры и благодати, святой Максим не обращал на то внимания, а только постоянно возносился молитвенным духом и мыслью к Богу и Пречистой Его Матери и просил Их заступления и помощи. И он был услышан. Является ему окруженная множеством небесных сил и осияваемая небесной славою Царица всей твари, держа на руках Сына Своего, младенчествующего Господа. Пораженный видением Божественного света и явлением, Максим, однако ж, не вдруг увлекся чувством доверия, ибо знал, что и сатана принимает на себя вид Ангела света, но прежде обратился к молитве, и потом, уверившись, что то не был демонский обман, а истинное явление Богоматери, в неизреченной радости поклонился Ей и Господу и воскликнул:

– Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! – и прочее тому подобное.

Когда Господь благословил его, Всесвятая рекла:

– Приими, избранник Мой, власть на демонов и поселись в подгории, ибо на это есть воля Сына Моего, чтобы ты, возвысившись в подвигах, и для других был путеводителем на пути спасения их.

После сего, в подкрепление ослабевших его сил, дан был ему и Хлеб Небесный. Между тем как он принял таким образом данную ему пищу, послышалось ангельское пение, окружил его Божественный свет и Богоматерь, в виду его, вознеслась на небеса. Видение это, Божественный свет и благоухание, разлившееся над вершиной горы, так усладили и восхитили сердце преподобного, что он три дня и три ночи оставался еще там в молитвенном подвиге и славословии Бога; потом спустился с вершины и, согласно воле Пресвятой Богородицы, пришел в храм Ее, где, пробыв несколько дней в бдении и молитве, опять поднялся на верх горы и лобызал то место, на котором в неизреченной славе явилась ему Богоматерь. Как тогда, так и впоследствии при воспоминании сего видения он исполнялся чувством невыразимой радости и веселья, и каждый раз разливалось вокруг него райское благоухание и Божественный свет.

Впрочем, несмотря на такие дивные проявления мира духовного, святой Максим, спустившись с горы, удалился на Кармил – так называется место, где при церкви святого Пророка Илии уединенно спасался старец, – и поведал ему о своих видениях. Старец, сколько строгий в подвижничестве, столько же и недоверчивый к опытам проявления мира духовного, выслушав исповедь его, положительно заметил и передавал

впоследствии другим, что Максим обманут мечтами демонскими, отчего и стали с того времени называть его прельщенным, боясь всякого с ним общения и сношений касательно иноческой жизни. Вместо того чтоб огорчиться таким пренебрежением к нему и недоверчивостью, преподобный Максим радовался и приписываемое ему заблуждение обратил в собственную пользу – под видом прелести и гордости скрывал дивные свои подвиги, всеобщим презрением подавлял в себе неприязненное чувство самомнения и глубоко укоренял в своей мысли и сердце смиренномудрие, этот Божественный дар Святаго Духа, составляющий основу и красоту подвижничества. Чтобы лучше утвердить общую молву между святогорцами касательно своего юродства, он избрал себе странный род жизни: не обитал на одном месте, но, как юродивый или помешанный, переходил с места на место; где останавливался на несколько времени, там делал из травы малую каливу, чтобы только поместить многопобедное тело его, потом, спустя немного, сожигал ее и, уходя на иное место, делал новую каливу. От этого и назвали его кавсокаливитом, т.е. сожигателем калив. Нестяжательности его можно дивиться, а не говорить о ней: у него не было даже необходимого – он жил как невещественный и безплотный и всю свою жизнь провел в местах пустынных и неприступных. Между тем, Божественной благодати, тайных радостей сердца и надежд, как плодов всегдашней молитвы, сокровенного его поста, неподражаемых для обыкновенного человека подвигов и лишений, греннического терпения зимой и летом и постоянного одиночества никто не ведал и не знал. Редко когда удовлетворяя существенным требованиям природы, приходил он к кому-либо из братий, вкушал предлагаемый ему хлеб и небольшую часть лозного вина, как чашу любви и страннолриимства. По причине такой его нестяжательности один из святогорцев справедливо отозвался о нем евангельскими словами: *воззрите на птицы небесныя, яко ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш небесный питает их* (Мф. 6, 26). Так и Максим, как птичка, или, лучше сказать, как безплотный, носился по горным скалам святогорских пустынь и распинал, по Божественному Павлу, плоть свою со страстьми и похотьми (Гал. 5, 24).

И при таком ангельском образе жизни, при таких поразительных подвигах и трудах святой Максим долго оставался у всех в пренебрежении, так что и те, которые дивились его жизни, зная чрезвычайные его лишения и скорби, смотрели на него с предубеждением, тогда как он достиг уже высоты и совершенства созерцательной жизни, подобно древним великим отцам Антонию и Павлу Фивейскому, Петру и Афанасию Афонским, сиял благодатью Святаго Духа и удостаивался тайн откровения и видений Божественных. Но не навсегда и он остался в таком положении: мало-помалу, входя в беседы и общение с великими старцами Святой Горы, он был наконец совершенно понят ими, так что вместо прежнего предубеждения они стали смотреть на него с благоговением и, удивляясь благодати Божией, действовавшей в устах его, нарекли его светилом своего времени.

В то время прибыл на Святую Гору преподобный Григорий Синаит и, поселившись в ските Магуле[22], был для всех отцов Горы вожделенен, особенно же для тех, которые жили в безмолвии, потому что, проведя всю жизнь в безмолвии и постоянно занимаясь умной молитвою, он знал очень хорошо сети и тайные прилоги демонов, что составляет особенное достоинство и безценный дар истинно подвижнической жизни. Посему безмолвники заимствовали у него таинства умной молитвы, познавая из его бесед и рассуждений признаки действий благодати и сокровенных козней и тонких сетей демонского обмана. Некоторые из них известили его о преподобном Максиме, рассказывая о чрезвычайных его подвигах и юродстве и признаках явного заблуждения. Все, что ни слышал божественный Григорий о святом Максиме, удивляло его: он непременно желал видеть этого подвижника и беседовать с ним, почему и послал некоторых из учеников своих пригласить святого Максима к нему для свидания и беседы. Долго посланные не могли найти преподобного Максима, так как тогда было время

зимнее, в течение которого преподобный то скрывался в пещерах, то скитальчески проводил дни и ночи среди пустынных лесов. Наконец, по истечении нескольких дней, утомленные трудными путями и зимними непогодами, пришли они в келью святого Маманта, чтобы там отдохнуть, – и вот туда же является божественный Максим, приветствует каждого порознь и, между прочим, объясняет посланным от преподобного Григория, куда он хочет идти со Святой Горы, с каким намерением и целью. Но когда посланные сказали, что старец их Григорий приглашает его к себе для свидания, он встал и, тогда же отправляясь с ними, запел: *возведох очи мои в горы, отнюду же приидет помощь моя,* и проч. (Пс. 120).

– Послушайте, братия, – сказал преподобный Максим своим спутникам, когда приблизились они к келье Григория, – старец теперь, после молитвенного подвига и трудов, покоится, – успокоимся и мы.

И с сими словами, оставив их, погрузился в пустынный лес, прослезился и запел: *Исправи, Господи, стопы моя пред Тобою, да не обладает мною всякое беззаконие* (Пс. 118, 133). Наконец преподобный Григорий и Божественный Максим увиделись. Чтоб присутствие других не могло нарушить покоя их и искренности, Григорий приказал удалиться всем и остался только с преподобным Максимом. Когда они остались наедине, Божественный Григорий, между прочим, спросил святого Максима, занимается ли он умной молитвой.

– Прости меня, – отвечал с улыбкой тот, – я человек прельщенный.

– Оставь теперь это, – возразил Григорий, – и ради Господа, ради моей собственной пользы, скажи мне о делах твоих: я ищу не празднословия, а славы Божией.

Тогда Божественный Максим, убежденный именем Божиим, начал рассказывать ему о своей жизни, о Божественных видениях и с тем вместе – о демонских искушениях.

– Я, – говорил он, – имел великую веру к Госпоже моей Богоматери, плакивал пред Нею в моих молитвах, испрашивая благодать умной молитвы, и раз, вошедши по обыкновению в храм Ее, со слезами просил Ее об этом. Приступив для сего к Божественному лику, чтоб облобызать его, я вдруг ощутил теплоту, которая, согревая сердце, приводила в движение все чувства и волновала их сладостным умилением. С тех пор ум и сердце мое постоянно заняты сладкой памятью моего Иисуса и Богоматери и молитва сердечная остается постоянным моим занятием. Но прости меня.

– Скажи мне, – продолжал божественный Григорий, – при постоянном действии молитвы Иисусовой в сердце твоем замечал ли ты в себе какое-нибудь Божественное изменение или восторг, или какой-нибудь другой плод молитвы и благодати Святаго Духа?

– Чтобы дух молитвы чувственнее и обильнее проявлялся во мне, – отвечал божественный Максим, – я погрузился в пустыню и постоянно искал безмолвия: тогда этот плод молитвы я действительно замечал в Божественном желании и восхищении ума ко Господу.

– Но это не точно так, – возразил Синаит. А божественный Максим, потупившись, улыбнулся и сказал:

– Дай мне покушать и не любопытствуй о заблуждении.

– О, если бы я дошел до такого заблуждения! – воскликнул святой Григорий. – Но умоляю тебя, скажи мне откровенно: во время молитвы, когда мысль твоя возносится к Богу, что созерцает душа? Может ли тогда действовать сердечная молитва?

– Никак, – отвечал он, – когда благодать Святаго Духа во время моей молитвы овладевает умом, тогда молитва не действует, потому что, не имея своей собственной силы, ум в те минуты остается под влиянием Святаго Духа, и Дух уже действует, вводя и изводя его в видения Божественные, осиявая его неизреченным светом и, по мере достоинства человека, доставляя ему свое утешение. В таком положении бывали святые пророки и апостолы и восходили до такой степени в созерцании откровений, что для людей казались иступленными или как бы упившимися. Как святой Исаия удостоился видеть Господа *на престоле высоце и превознесенне,* окружаемого серафимами (Ис. 6, 1) или как Стефан первомученик зрел *небеса отверста и Сына Человеческаго одесную стояща Бога* (Деян. 7, 56), и проч; точно так же и ныне рабы Христовы сподобляются различных видений, хотя некоторые и не верят сему, считая это невозможным, а потому и думают, что то заблуждение, а не истина. И очень странно, что бедные люди не признают благодати Святаго Духа, хотя она еще чрез Иоиля обещана Богом: *излию,* сказал чрез него Бог, *от Духа Моего на всяку плоть, и прорекут* (Иоил. 2, 28). Эту Божественную благодать и ныне дарует Христос всякому из верующих, и, как обетовал Сам, она не оскудеет до скончания века. При действии сей благодати душа становится выше всего чувственного и погружается в таинства созерцания, так что о чем ум дотоле и воображать не мог, то, как говорит божественный Павел, ясно открывается ему. Чтобы понять, как ум созерцает то, *еже око не виде* и чего не мог он постичь сам собою, объясним это так: воск, как ни растирай его руками, без содействия огня не сделается текучим, а положи его в огонь, он прежде всего растопляется, потом объемлется пламенем и, сливаясь с ним, вспыхивает, объемлется светом и сам превращается в свет – так что невозможно уже оставаться ему в своем собственном виде, напротив: он разливается в пламени как вода. Так бывает и с нашей душой: без содействия благодати она предоставляется силе собственного своего рассуждения, но когда Божественный огнь, или благодать Святаго Духа, объемлет ее, она остается уже под влиянием и действием Его света, делается сама светом и, таким образом, воспламенившись огнем Божественным, не может действовать собственными силами или думать и рассуждать по своему произволу, но действует и рассуждает в силе и духе Божественной благодати.

– Но это не суть ли только признаки заблуждения, – возразил тогда святой Григорий, – от которых должно отличать еще другие?

– Признаки заблуждения, – отвечал на это великий Максим, – и признаки благодатных действий – не одно и то же. Лукавый дух заблуждения действует не так: он производит в душе движения смешанные, ум становится мрачен, сердце каменеет, – следствием чего и бывает боязнь и страх, высокое о себе мнение, пренебрежение к другим, волнение мысли неприязненными чувствами в отношении ко всем, что и в самых беседах человека обнаруживает опасное положение мечтательного ума и враждебного сердца. Такой человек, сам замечая в себе действие неприязни, смущается; в нем хотя и не может быть истинного смирения и молитвенной слезы, однако ж он в тщеславии своем хвалится собственными подвигами, так что наконец доходит до помешательства и совершенно погибает. Такого несчастья да избавит нас Господь, твоими молитвами! Между тем, признаки благодати, – продолжал св. Максим, – следующие: Дух Святый, осеняя ум, совершенно хранит его и все чувства от развлечения и рассеянности, и потом, приводя на память человеку смертный час, грехи его и вечные за них наказания, невольно погружает его в смиренное о себе мнение, трогает и доводит до слез и плача. И чем более таким образом действует на человека благодать, тем совершеннее смиряет его и в этом смирении

утешает вместе безмерным человеколюбием Господа, Который пострадал за него. Вследствие же сего ум, погружаясь в таинства созерцания и Божественных видений, относит все это не к собственным своим силам и подвигам, а к всемогуществу и силе Бога, и сердце в тишине производит плоды Святаго Духа: радость, мир, долготерпение, благость, милосердие и – оплот всех сих плодов – Божественное смирение. От этого душа человека чувствует неизреченное веселье.

Божественный Синаит, пораженный беседой святого Максима, с тех пор называл его не иначе, как земным ангелом.

После сего он убедительно просил, чтобы преподобный Максим не сожигал уже калив своих.

– Укрепись, – говорил он, – на одном месте и сиди, как говорит мудрый Исаак, чтобы сколько, с одной стороны, и себя утверждать в опытах подвижничества, столько же, с другой – и иным доставить пользу и назидание. Ты уже состарился, – продолжал он, – а смерть приходит часто преждевременно: поэтому не скрывай таланта – не для себя собственно дан он тебе Богом, но для того, чтоб ты передал его и другим. Оставь юродство и пребывай на одном месте, а то что за польза, если тобою будут только соблазняться? Хорошо ли, если ты вместо того, чтоб передать твои опыты в строгом подвижничестве и таким образом одних утвердить в них и более возвысить, а в менее сильных возбудить святую ревность к подражанию, заставишь и тех, и других иметь о тебе зазрительное мнение? Господь не для того дает благодать Святаго Духа, чтобы, подобно ленивому рабу, скрывали ее; мы, подражая апостолам, должны быть светом миру, и *свет* нашей жизни *да просветится пред человеки,* а не пред пустынными скалами. Итак, да просияет собственный твой свет пред здешними отшельниками, да видят дела твоя и прославят Отца нашего, Иже на небесах. Послушайся меня и поступи так. Я советую тебе, как искренний друг и брат: а знаешь, что *брат от брата помогаем, яко град тверд* (Притч. 18, 19), по выражению Священного Писания». Когда и прочие старцы узнали об этих советах Божественного Григория, переданных Максиму, у них тоже родилось желание употребить всевозможные убеждения к тому, чтоб он утвердился на одном месте. Вследствие сего божественный Максим, как истинно смиренный и послушный воле старческой, избрал себе постоянным жилищем пещеру в соседстве знаменитого старца Кир Исаии, окружил ее легкой загородкой на одну сажень в ширину и на одну в длину – но не из камней или дерева, а из ветвей и трав, по своему обыкновению, – и с той поры, действительно, провел там остаток жизни своей, в обычной своей нестяжательности, восходя от силы в силу и день от дня преуспевая в подвижничестве, так что наконец достиг высоты ангельского безстрастия. При пещере своей он выкопал себе могилу и, каждодневно удаляясь туда во время утрени, плакал над могилой и плачевным старческим гласом пел надгробные песни, составленные им самим. Таким образом тихо текла жизнь его. Демоны, конечно, не преставали тревожить его жестокими своими нападениями, но, ставши выше всех их козней, он низлагал их; врачевал приходивших к нему и источал всем и каждому струи вещественных и духовных целений, убеждая всех к исправлению своей нравственности и к строгому хранению церковных законоположений и запечатлевая такие убеждения конечным советом, по очищении совести, приобщаться пречистых Таин Христовых, в известные праздники, во исцеление души и тела. Из числа многих чудес преподобного Максима представим следующие – чтобы показать, какую силу и власть приял он от Господа над демонами и каким даром предведения и прозорливости украсил его Господь. Заметим предварительно, что он получал иногда и хлеб насущный от Бога чрез Ангела.

Однажды пришли к преподобному некоторые из лаврской братии для получения от него назидания душевного. Пришел с ними и мирянин. Преподобный, как только увидел последнего, строго закричал на него и прогнал его далеко, приговаривая: «Это окаянный Акиндин!» Между тем, пришедшие с мирянином не знали, что он питал неприязненные чувства и мысли в своем сердце в отношении к пустынному подвижничеству. Когда мирянин таким образом был выгнан, преподобный начал объяснять братии заблуждения Акиндина, называя его еретиком, слугой антихриста и приятелищем демонских скверн. Так преподобный Максим был строг в отношении и к другим еретикам и противникам восточного православия: он проклинал их. Точно таким же образом в другой раз выгнал он от себя и вольнодумца.

Афонский инок хотел по своей надобности путешествовать в Константинополь и решился было сесть на прибывший к Святой Горе солунский каик. Когда же прибыл он к преподобному Максиму, чтобы благословиться от него на такой дальний путь, тот не отпустил его, предсказывая гибель каика, что и оправдалось: по истечении трех дней во время сильной бури каик залило волнами, и он вместе со всеми бывшими на нем пассажирами погрузился в море.

Пришли к преподобному некие миряне, имея с собой одержимого демоном несытости, потому что больной ел за пятерых и при всем том не насыщался. Повергшись к ногам преподобного, миряне умоляли исцелить больного. Тронутый просьбами их, святой взял сухарь и, давая страждущему, сказал: «Во имя Господа нашего Иисуса Христа, вкушай не более этого сухаря, будь сыт и мирен», – и с той поры несчастный не только исцелился, питаясь так, как заповедал преподобный, но, пришедши в сокрушение, отрекся мира, сделался иноком и под руководством своего врача, преподобного Максима, достиг совершенства иноческой жизни.

Из многих случаев, доказывающих, в какой степени преподобный имел дар предведения и прозорливости, приведем следующий. В одно время он предсказывал приближенным своим братиям, что к нему придут греческие цари, но не для душевного назидания, а для того, чтоб узнать судьбы будущего. Так и случилось.

По прошествии малого времени, действительно, прибыли к нему Иоанн Кантакузен и Иоанн Палеолог, греческие императоры. Преподобный много утешил их старческими своими советами, открыл им тайные судьбы грядущей их жизни, побуждая к великодушию и терпению всех превратностей; отпуская же их от себя, обратился к Кантакузену и сказал: «Отец игумен!», а Палеологу: «Держи, неудержимый, и не обманись: царство твое будет продолжительно, но бедственно и смутно. Впрочем, идите с миром!». Вскоре после сего он послал в Константинополь Кантакузену сухарь, часть луку и чесноку, приказавши сказать: «Ты будешь монахом, и вот твоя пища!» Так и случилось. По возникшей неприязни и смутам, утесняемый Палеологом, Кантакузен уклонился от него и наконец скончал дни свои в иночестве, на Святой Горе. Когда случилось ему впоследствии питаться сухарями и обычной иноческой пищей, он вспоминал пророчество святого Максима и дивился его предведению. И Палеолог, равным образом, воспоминая слова преподобного, трогался сердечно дивной его прозорливостью.

В одно время прибыл на Святую Гору из Константинополя ученый чиновник, или так называемый грамматик, и, желая видеть преподобного, слава которого разносилась всюду, пришел к нему. Но прежде, нежели мог он выговорить что-нибудь, преподобный, провидя сердечные его чувства и мысли, напал на него. «Видал ли ты, – строго и гневно спрашивал он грамматика, – подвиги и борения святых и благодать, которая даруется им за то от Бога? И ты смеешь хулить их, полагая, что святые не так подвизались, как пишут о них в

житиях их, что будто бы историки делают им милость, прибавляя много небывалого! И в рассуждении чудес, которые они творили, ты смеешь умствовать, что это вымысел, а не действительная правда! Отстань от таких сатанинских помыслов, иначе ты раздражишь Бога и молния поразит тебя за твое заблуждение и неправые мысли. Напротив, знай, что из жизни святых только часть доступна описанию, потому что никто не в силах подробно показать тайные их подвиги, которые ведомы только единому Богу. Итак, если хочешь себе добра, смирись, оставь глупые речи эллинских твоих мудрецов и обратись к Богу всей силой души: тогда не только не будешь отвергать дивные подвиги святых, но убедишься истинно, что как благодать Божия, действовавшая во всех их мыслях, начинаниях и подвигах, выше слова человеческого, так и самые подвиги святых выше описания исторического!» Пораженный прозорливостью преподобного, грамматик затрепетал и не только исправился сам, но при помощи Божией действовал и на сердца других вольнодумцев.

Пожелал видеть преподобного Максима и беседовать с ним архиерей траянопольский. В сопутствии своего диакона прибыл он на Святую Гору. Чтоб увериться в справедливости молвы о прозорливости преподобного Максима, архиерей сказался диаконом, а своего диакона облек в архиерейские свои одежды. Когда таким образом предварительно явился к нему архиерей в виде диакона, прося дозволения видеться с ним траянопольскому владыке, преподобный отвечал: «Не искушай моей худости, святой владыка, но благослови меня. Прости мне, – продолжал он, – я видел, как вы с диаконом переменились одеждами». Архиерей просил прощения у преподобного и возвратился от него с великой для души своей пользой.

В то время дела сербской Церкви находились в таком положении, что потребовалось в Сербии присутствие вселенского владыки: поэтому, по воле царя, тогдашний святой патриарх Каллист и подвигся туда со своим клиром. Отправляясь по назначению, он посетил и святую Афонскую Гору, как бывший афонский инок. Посещая здесь различные святые обители, он почел необходимым побывать и в убогой каливе богатого добродетелями и всем им известного святого Максима. Преподобный подобающим образом встретил святого владыку и принял от него святительское благословение. После приличного своего приветствия владыке он привел присутствующим следующее шуточное изречение: «Старец этот погубил свою старицу (т.е. Константинополь)», а провожая от себя святого патриарха, запел вслед за ним следующие надгробные стихи: *блажени непорочнии, в путь ходящии* – и сказал бывшим тут, что патриарх не вернется на свою кафедру, что смертные его останки примет в свои недра земля сербская. Так и случилось.

Раз посетил святого Максима смотритель лаврской больницы святого Афанасия, по имени Григорий, с другим братом лавры. Это было зимой. Вошедши в каливу преподобного, они видят теплый хлеб необыкновенной чистоты и издающий столь чудное и обильное благоухание, что наполнилась им вся калива святого. Между тем, не нашедши в каливе даже и признаков того, чем зажигается огонь и не видя никакого в ней следа – ибо тогда только что выпал свежий снег – они дивились этому явлению и изумлялись. Ясно таким образом убедившись, что это был хлеб неземной, они припали к ногам преподобного и просили его сподобить и их этой небесной пищи. Святой с любовью уделил им половину небесного хлеба, обязав их, впрочем, никому не объявлять об этом, пока он находится в сей скоропреходящей жизни. Сподобившиеся видеть такое чудо лаврский больничный Григорий и другой брат лавры, по преселении святого в жизнь не стареющуюся, рассказывали о нем, свидетельствуясь Богом, и присовокупляли еще, что он в то же время дал им и воды необыкновенно приятной.

Многие говорили также, что святой Максим неоднократно услаждал пред ними морскую воду и делал ее годной для питья.

Наконец, по истечении 14-ти лет безмолвной своей жизни в глубокой пустыне, преподобный, на остаток дней своих, оставил строгое свое уединение и поселился близ лавры преподобного Афанасия, где и окончил подвижническую свою жизнь, 3-го января, в глубокой старости, будучи 95-ти лет.

Как при своей жизни, так и по смерти, преподобный Максим много творил и творит чудес. Составитель его жития[23], перечисляя и излагая их, говорит: «Призываю Бога во свидетели, что и сам я был очевидцем нескольких чудес его: раз, например, видел его перенесшимся по воздуху с одного места на другое; слышал, как преподобный пророчески предсказал мне, что я буду прежде игуменом, а потом охридским митрополитом, открыл мне даже и о страдальческих подвигах моих за Церковь», – и все это, как замечает биограф, исполнилось. Мало того, по смерти своей преподобный Максим являлся ему и исцелил его от смертной болезни. Молитвами сего преподобного да удостоимся и мы получить от славимого в Троице Бога милость и спасение вечное. Аминь.

14 ЯНВАРЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Саввы I-го, архиепископа Сербского[24]

Предисловие

Одержимый нищетой разума и не имея ничего в доме ума своего, что мог бы достойно предложить на трапезу, полную словес евангельской пищи для присных рабов богатого Владыки, я возбуждаю вас самих, отцы мои, на молитву: да подастся мне от неоскудных сокровищ ясность языка и слово, текущее разумом; наипаче же да озарит меня свет, могущий прояснить мрак души моей и мысленные очи, чтобы мне предпринять сказание о житии богоносного Саввы, просиявшего добродетелью в роде нашем. Не ищу похвал ему, ибо похвала преподобным от Господа, но ищу пользы от него – и себе, и другим. Если нужно было описывать житие древних великих мужей ради проистекавшего отсюда блага, то тем нужнее, даже вожделеннее, это ныне, в последнем и ленивом роде нашем, когда уже приближается кончина и мало спасаемых. Взирая на жития их, как бы на высокие столпы, горе воздвигнутые и одушевленные, мы будем невольно обращать взоры и на самих себя, а самих себя представлять на суд собственной совести, что, увлекшись суетной жизнью, так далеко отстали от них. Нам нужно возбуждать себя от лености, как бы острием стали, чтобы подражать им. Сказание это, быть может, одушевит и наши сердца к исправлению жизни по столь высокому образцу.

«Повинуясь повелению отеческому, я предлагаю повесть о житии всеблаженного и всехвального Саввы, который постился прежде на святой Горе Афонской, а потом был первым архиепископом и учителем народа сербского. Не по слуху только составлял я это житие, но многое принял изустно от честных учеников блаженного, которые постились и странствовали вместе с ним, и потом жизнь его изложили на хартии, для собранного по нем стада, чтобы доставить и другим общение с блаженным отцом их. Не что-либо вымышленное предлагаю здесь для похвалы великого Саввы, а сущую истину. Мы боимся оскорбить истину ради похвал и почтем себя блаженными. Удовлетворимся, если в

состоянии будем изложить и то одно, что действительно было, а похвалы воздаются ему на небесах – ангельские и Божественные – и нечистый ум наш не в силах изглаголать их. Итак, призвав на помощь Самого Господа и святых Его молитвенников, я, по силе своей, начинаю повесть о великом Савве, откуда следует: прилично изводить отрасль от самого корня, ибо не от терния приемлем благословенные грозды, а от доброй лозы».

Так смиренно пишет иеромонах Дометиан, ученик св. Саввы, игумен Хиландарский, в предисловии своем к жизнеописанию своего учителя, составленному им в 1264 году.

1. ***Первые годы святого Саввы, до его пострижения***

Великий жупан, самодержец сербский, Неманя Стефан владычествовал над всеми землями сербов, Далматией и Травунией, Богемией, Славонией, Расией и отчасти Иллирией, которые с запада и с востока граничили с областями ветхого и нового Рима. Благочестивый, богобоязненный и нищелюбивый более, нежели кто-либо, сиял он мужеством, как воевода сил, богател всеми благами земными, наипаче же добрыми нравами, украшался правдой и милостью. Супруга его Анна, дочь греческого императора Романа, ни в чем не уступала добродетели своего мужа, и в благословенном браке прижили они многих сыновей и дщерей, наставленных ими на тот же путь спасения, но спустя несколько лет заключилась утроба Анны, как некогда Лии, супруги Иаковлевой, и перестала она рожать. Скорбели о том оба супруга: они желали иметь еще одно благословенное чадо и в ночной молитве со слезами воззвали ко Господу: «Владыко, Боже Вседержителю, послушавший древле Авраама и Сарру и прочих праведников, молившихся Тебе о чадах, услыши и нас, грешных рабов Твоих: даруй нам, по Твоей благости, прижить еще чадо мужеского пола, которое будет утешением нашим и жезлом старости нашей; возложив на него руки, мы почием в мире, и ныне даем Тебе обет: после зачатия детища сего отлучиться от общения брачного и до конца жизни сохраниться в чистоте телесной».

Господь близок ко всем, призывающим имя Его: Он услышал молитву сих праведников, и это было начатком неизглаголанных судеб Божиих, столь светло просиявших в житии преподобного, чудного и в самом рождении, ибо рождение его было произведением не одного лишь закона человеческой природы, но и плодом молитвы. Дарованный от Бога, младенец и нарекся Божиим; утешенные родители прославили Господа и вторично породили свое чадо, водою и Духом, в новую жизнь, дав имя ему: Растко (Ростислав) – ради доброго его возраста[25]. Дитя возрастало о Господе и, когда достигло отроческих лет, отдано было в научение Божественных книг. Безмерна была любовь родителей к этому дитяти – они не могли отвлечь от него ненасытных взоров, ибо красотою телесной и душевной превосходило оно всех своих братьев и в детстве еще изумляло каждого разумом. На пятнадцатом году его возраста Стефан отделил ему особенную область в своей державе, где бы юноша мог потешиться с благородными сверстниками охотой, ристанием и другими свойственными его летам забавами.

Но иное было направление ума благоговейного Растки: еще юный, взошел он уже в разум священных книг, которые непрестанно читал, заимствуя из них начало премудрости – страх Божий, и разгораясь день ото дня Божественной любовью, как бы огнь прилагал к огню. Ни во что вменял он царство и богатство, славу и благоденствие и почитал как тень мимотекущую все временные многомятежные блага и суетным – все человеческое на земле. Растко избрал себе правый путь – единый непреткновенный: неленостно стоял на службах церковных, любил пост, избегал празднословия и смеха; нечистые слова и вредные песни, разжигающие юношеское желание, ненавидела душа его; ко всем был приветлив, нищелюбив и кроток, особенно уважал сан иноческий, так что и сами

родители, взирая на высокую его добродетель, чувствовали себя пристыженными юношей, как будто он не от них родился, а поистине дарован им от Бога.

На восемнадцатом году его жизни отец и мать хотели сочетать его законным браком, но благодатный юноша избегал всяких уз мира, чтобы упразднить себя для единого Бога. Слыхал он о святой Горе Афонской и о прочих пустынных местах, ибо к отцу его приходили отовсюду за милостыней, да и сам он посылал от себя во святые места – раздавать преподобным милостыню. Господь не оставил без исполнения сердечного желания юного Растки. Однажды вместе с благородными сверстниками посетил он родителей своих – и обрадовались державные пришествию возлюбленного сына: пиршества, во изъявление общей радости, сменялись пиршествами. Случилось Промыслом Божиим в те торжественные дни придти инокам со Святой Горы Афонской за милостыней. Один из них был родом русский: тайно пригласив его к себе в храмину, благодатный юноша расспрашивал его подробно о Святой Горе и взял с него обещание – никому не открывать беседы их. Инок русский с любовью рассказывал о пустынном жительстве и общежительном уставе: как на Святой Горе пребывают по двое и по трое в кельях и как уединяются отшельники на безмолвие во глубину пустыни для поста и молитвы. Красноречиво описал все это пришелец афонский, ибо не простой был чернец, а искусный в слове и послан от Бога; внимая ему, юноша проливал потоки слез, и сон бежал очей его.

– Вижу, отче, – сказал он старцу, – что всевидящий Бог, Которому открыта болезнь моего сердца, послал твою святыню возбудить меня, грешного: ныне, в самом деле, утешилось мое сердце и неизреченной радостью исполнилась душа моя; ныне я уразумел то, чего, не сознавая, желал постоянно. Блаженны сподобившиеся столь безмятежного жития! Что же мне делать, отче? Как избежать многомятежного мира для этой ангельской жизни? Если родители сочетают меня браком, любовь плотская удержит меня. Между тем, я не хотел бы оставаться здесь ни одного дня, чтобы не возобладала мною сладость житейская и не отвлекла души моей от любви ангельской, – хотел бы бежать, но пути не знаю. Притом всюду стерегут меня: отец настигнет и возвратит; я только наведу на него скорбь, а на себя позор и устранен буду от желанного подвига.

– Вожделенна любовь родителей, – отвечал старец, – и неразрешим союз естества: отрадно единство семейное, – но Владыка всяческих, ради Него, чтобы за Ним последовать, внушает оставить и это, и даже, если случится, пострадать за Него – а не телесного искать покоя, и прилежать бдению и молитве, в алчбе и наготе, с плачем и сокрушением сердца. Вот какой путь предлагается боголюбивым душам и вменяется им в истинную славу.

Как земля доброплодная приемлет семя, так принимал юноша в сердце свое словеса старческие, и дивился старец теплой любви его к Богу, пламеневшей в душе его, исполненной целомудрия и умиления.

– Вижу, чадо, – сказал он, – что во глубину души твоей проникла уже любовь Божия, но поспеши совершить доброе свое желание, пока злой сеятель не успел посеять плевел в сердце твоем и заглушить добрую пшеницу, а иначе благая мысль твоя изменится в любосластие. Удержанный здесь, ты ничего не достигнешь и подвергнешься укоризне евангельской, подобно тем, которые предпочли села и упряжь волов, и новобрачную жену безсмертной вечери Господней и явили себя недостойными призвания Небесного Царя. Я сам готов быть споспешником благому делу и проведу тебя до Святой Горы, куда стремишься ты духом – лишь бы только мы имели коней для избежания погони.

Юноша возблагодарил Бога, утвердившего сердце его пришествием странника, благодарил и самого посланного к нему от Бога старца, который исполнил душу его радости.

Нимало не медля, вошел он к родителям и просил, по обычаю, благословения в путь. «В горах, недалеко отсюда, – сказал он, – есть довольно добычи: благословите на ловлю и, если замедлю, не скорбите, потому что там много оленей». Желая сделать ему угодное, благословил его отец, благословила и мать, как обычно матерям, и заповедала скорее возвращаться: не угадали они, что не оленей хочет ловить сын их, а что он сам, как олень, жаждет источников полных и ищет истинного источника – Христа. Для большего успокоения родителей послал он в горы ловцов, как бы для того, чтобы облавой согнать зверей к одному месту. К вечеру Растко остался под горой со своей дружиной и, когда все уснули, в глубокую ночь, с немногими из присных своих, которым известна была тайна, предводимый Богом и посланным от Него иноком, пустился бежать. Настал день: благородные юноши искали своего господина, но нигде не могли найти и говорили между собой: «Не посмеялся ли он над нами и не возвратился ли к отцу?» Не видя, однако, ни инока, бывшего с ними, ни присных служителей князя, они стали недоумевать и, оставив ловитву, возвратились к державному с вестью об утрате его сына.

Услышав печальную эту весть, скорбные родители едва не лишились жизни – и тут же уразумели, что увлек его не кто иной, как русский инок, и не в иное место, как на Святую Гору, куда издавна было его стремление. Собрались вельможи и народ и подняли громкий плач о горькой утрате: родители оплакивали сына, братья – брата, рабы – владыку. Но вскоре державный отец ободрился духом и велел утолить плач: «Не подвергнемся мы такой обиде от иноков, – сказал он, – и не лишимся сына, которого даровал нам Господь свыше всякой надежды; мы еще увидим его и насытимся его любовью». – Стефан призвал одного из своих воевод: «Испытал ли ты, – говорит он, – болезнь чадолюбия, этот вечный огонь, не знающий утоления? Если мы когда-либо делали тебе добро, то вот теперь случай тебе возблагодарить нас. Ступай и возврати сына моего, и тем утешишь сердце отца и освободишь от смерти мать: мы будем иметь тебя вместо друга и наградим многими, выше прежних, благами». Скорбный отец призвал дружину благородных юношей и, прельстив их надеждой наград, велел стремиться внутрь Святой Горы; написал и послание к греческому епарху города Солуни и умолял его силою извлечь сына из обителей афонских, с угрозой достигнуть этого войной, если не исполнит просимого добровольно.

Воевода и дружина гнали сильных коней своих день и ночь и достигли славного города Солуни, где вручили епарху письмо державного. Епарх, очень любивший властителя сербов, сильно огорчился и написал от себя к проту, или верховному игумену Святой Горы, письмо, в котором умолял его не презирать требований жупана Сербии, ибо теперь надобно совершить не просто какое-либо дело, а немедленно возвратить сына державному отцу его, чтобы не нарушил он приязни своей к грекам и не нанес им многих скорбей. Епарх с воеводой сербским отпустил и доверенного своего человека. Вступив в пределы Святой Горы, они везде дорогой спрашивали, не проходил ли искомый ими юноша, – и при этом описывали внешний образ его и красоту. Наконец услышали они, что незадолго пред ними такой юноша прошел в русский монастырь: тогда, отложив путь своей к проту Афонской Горы, посланные поспешили в Руссик[26], чтобы взять юношу, пока он еще не постригся; и беглец действительно найден был в Руссике еще в одежде княжеской. Когда вошли они в церковь святого великомученика Пантелеймона и увидели своего князя, тогда забыли от радости трудный путь и со слезами пали к ногам его: в страхе, как бы опять не лишиться его, хотели они возложить на него узы, но не дерзнули поднять руки на своего господина – только поставили около него почетную стражу, чтобы, отдохнув несколько, взять его с собой.

Подивился юноша, что отец послал за ним такого именитого воеводу, и как бы стыдился смотреть в лицо этому мужу, поднявшему ради него столь тяжкий труд. Растко отвел его в сторону и спрашивал: «Как мог ты столь быстро совершить такой далекий путь?» Воевода рассказал ему о горести родителя, о письме его к епарху и от епарха к проту, не скрыл и твердого намерения возвратить князя волей или неволей в дом отеческий. Уразумел юноша предстоявшую опасность, но еще надеялся отклонить ее просительным словом к воеводе. «Если хочешь, – говорил князь, – ты можешь оставить меня здесь, не опасаясь измены, и, как сильный человек, укротить моего отца, а сам я напишу к нему и умиротворю его сердце: только ты поступи с братской любовью – не препятствуй мне совершить то, для чего я пришел». Но воевода отвечал: «Нет, владыка мой, ты и не начинай такого моления к рабу твоему, так как исполнить его невозможно. Государь мой и твой отец возложил это дело на меня, как на человека верного. Пусть бы еще мы обрели тебя в иноческом образе – тогда могли бы, пожалуй, иметь хоть некоторое извинение, но так как Господу угодно было, чтоб ты удержал доныне тот самый вид, в каком желают видеть тебя отец твой, братья и вельможи, то кто я, чтобы мог отважиться на такой помысл, и с какими очами явлюсь пред лицо отца твоего? Итак, отложи всякую мысль о сопротивлении и, хотя с сердцем скорбным, последуй за нами; угаси пламень, возжженный в сердце родительском странным твоим побегом. Ибо знаешь сам, что ты был единственной утехой твоего отца. Если же не захочешь идти с нами, то принудишь меня сделать то, о чем не хотелось бы и говорить: принудишь наложить на тебя узы, ибо я боюсь твоего отца более всего и такое принял от него повеление».

Видя неумолимый нрав воеводы, юноша принял на себя веселый вид и сказал: «Да будет воля Господня!». Уверяя, что пойдет с ними, он тайными воздыханиями взывал к Господу, чтобы Милосердый был его помощником в этой напасти и позволил, благочестия ради, употребить хитрость – ибо сердце его было исполнено мудрости. Князь просил игумена приготовить светлую трапезу для утешения сербских пришельцев, а, между тем, с вечера начать утреннюю службу и открыл ему тайную свою мысль. Игумен поспешил исполнить желание его: устроилась обильная вечеря, и сам настоятель служил при трапезе, которая продлилась далеко за полночь. Это было накануне воскресенья. Игумен велел ударить в било ко всенощному бдению, а сам вместе с юношей встал от вечери; восстал и воевода со своей дружиной, чтобы присутствовать при службе церковной, ибо не дерзал спустить глаз с юного своего князя. Медленно шло пение и чтение, по уставу святых отцов; сторожившие юношу, утомленные еще от дороги и после пиршества исполненные вином, забылись сном в церковных седалищах. Ревностный Растко, едва только заметил это, тотчас встал из среды их и, поклонившись пред святым алтарем, произнес Господу обеты иноческие. Потом взял он с собою одного старца инока, почтенного саном священства, и вместе с ним взошел на высокий монастырский пирг, заключив за собой железные двери. Священноинок, сотворив молитву, отрезал власы главы его и облек его в ризы ангельского образа: Растко мирское имя свое изменил на имя Саввы, которым прославилась земля сербская. Простершись на землю, много пролил он слез и произнес благодарные молитвы ко Господу, исполнившему пламенное желание его сердца. Старец инок пристыжен был плачем юноши, который в столь нежные годы показывал уже такую высокую ревность по Боге.

Покамест совершалось это на высоком пирге – внизу, в храме великомученика Пантелеймона, всенощное бдение окончилось: очнулись стражи, проспавшие своего князя, и ужаснулись, не видя его между собою; они стали искать его всюду, в церкви и в обители и, не находя, начали досаждать игумену и бить монахов. Воевода, утишив молву, говорил братии: «Мы приняли от вас, честные отцы, неправду и безчестие, но, стыдясь ангельского вашего образа, кротко и человеколюбиво обходились с вами. Не тот ли из вас, что приходил просить дара у владыки нашего, – не он ли, льстец, достойный смерти, в

ничто вменив этот дар, бежал и похитил сына у отца, родителей повергв смертный плач, а нас – в безвыходные затруднения? Теперь же вот опять укрыли вы от нас господина нашего. Откуда такое своеволие? Как можете вы ругаться над нами? Головой своей дадите нам ответ: откройте, где скрыли вы князя?»

Слыша на высоком пирге, что воевода готов уже свирепствовать и что нещадно бьют иноков, юноша убоялся суда Божия, если бы злоба довершилась убийством. Он приник с вершины башни и во мраке ночи воззвал к своим. Все обрадовались, услышав голос его, и устремились к пиргу, взирая на высоту и как бы желая проникнуть очами мглу ночную, чтобы утешиться его лицезрением. Инок Савва, бывший князь Растко, сказал воеводе: «Ты ли в седой голове носишь ум юноши и, имея с собою в стране чужой полк людей, высоко думаешь о себе?», а благородным юношам говорил: «Бога ли вы не боитесь, ни ангельского не стыдитесь образа? Годится ли вам вооружаться на иноков во святыне храма? Какое зло сделали они вам? Если ищете меня, то вот я пред вами; впрочем, ныне еще не свободен, а завтра увидите меня; оставьте же этих в покое». Объятые страхом и стыдом, благородные воины сербской дружины безмолвствовали и не знали, что отвечать своему князю, а только обступили пирг и стерегли его всю ночь. На рассвете же князь-инок опять приник с высоты столпа и возгласил к своей дружине. Узрев его в таком виде, подняли они горький плач и со слезами пали на землю. Инок же Савва, сострадая их горю, утешал их следующими словами: «Сделавшееся со мною угодно было Богу: Сам Господь привел меня сюда, так что вы не настигли меня, и Он же теперь избавил меня от рук ваших. Вы хотели совратить меня с доброго, желанного мною пути и похвалиться пред вашим владыкой, но Бог мой, на Которого уповая вышел я из дома отеческого, и здесь был мне помощником, как вы сами видите; Он и впредь направит жизнь мою по Своей воле. Прошу вас не скорбеть и не сокрушаться обо мне: напротив, восхвалите вместе со мною Бога, удостоившего меня этого спасительного и желанного мною образа. Возьмите с собой знакомую вам княжескую мою одежду и волосы от моей головы да и возвращайтесь с миром восвояси; отнесите эти залоги родителям и братьям моим, чтобы они поверили вам, что вы нашли меня в живых, но, по благости Божией, уже иноком: Савва – имя мое».

Сказав это, новый инок бросил с вершины пирга свою одежду и юношеские волосы, а с ними вместе и хартию, написанную его рукой в утешение родителям, которых он умолял «не иметь о нем ни малейшей скорби и не плакать, как о погибшем, а скорее молить Господа, чтобы их молитвами совершить ему доброе. Пусть и они по мере своих сил попекутся о душе своей и пусть не чают его более видеть во временной жизни – разве только Бог позволит ему во Святой Горе дождаться владыки, отца своего, насладиться зрением честных седин и насытиться излияниями сладкой его любви!» Многое к этому еще присовокупил Савва из слов евангельских – о правде, милости и суде, и о том, чтобы не делать другим, чего себе не желаешь, и заключил следующим обетованием Господним: *всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада, или села, имене Моего ради, сторицей приемлет и живот вечный наследит* (Мф. 19, 20).

Подняв брошенные с пирга княжескую одежду, хартию и волосы, воевода и его дружина положили все это пред собою и оплакивали живого, как мертвого. «Что ты сделал с нами, князь! – восклицали они, – нам горше смотреть на тебя теперь, когда ты найден, чем тогда, когда бежал от нас; такое обретение печальнее самой утраты! Вот и княжеская одежда, но как мы отдадим ее родителям и братьям! Вот волосы с любимой головы, которыми доныне утешались сердца и взоры их, но теперь не покажутся ли они несчастным как бы вервие удавления! Все это исполнено не радости, а плача! Какое примем за тебя возмездие? В какую светлую одежду облекут нас те, которых сами мы облечем в одежду сетования? Предложенный нам ночной пир исполнен был прелести – он

уподоблялся той трапезе, которой обольстил Иаков отца своего, чтоб исторгнуть у него благословение! Подносимая тобой чаша, князь, казалась полна меду любви, а между тем она растворена была горькой желчью! О ночь, в которую мы заснули, будь ты темна, по слову Иова, и да не причтешься ты к ночам лунным! В эту ночь мы, как безумные, достойные всякого осмеяния, в один час упустили из рук труды многих дней! Сон, по грехам нашим, одолел нас, а если бы, как было нам повелено, мы обложили бежавшего узами, то были бы теперь свободны от скорби смертной. Как явимся владыке нашему! Какой камень или какое железо выдержит ту повесть, которую мы принесем твоим родителям и братии!»

Такой плач, такие вопли слышны были и внизу – на земле, и вверху – на пирге, ибо и Савва нисколько не меньше плакал там, как и эти здесь. Да и какой безчувственный камень не умилился бы, внимая тому плачу! Так прошел день. К вечеру рыдание несколько утихло: сербская дружина стала уже собираться в путь и, возводя взоры на столп, к своему князю, посылала ему прощальное целование и укоризны, со слезами любви: «Прощай, владыко наш, прощай и благоденствуй, насыщай без нас каменную твою утробу! Примет ли Господь тебя, прельстившего родителей? Достанет ли у тебя духа говорить, что боишься Бога, обманувши нас?» Взывая к нему таким образом в сердечной горести, они в то же время испрашивали у него молитв и благословения и, взяв с собой печальную его одежду, пошли в обратный путь, но дорогою не раз останавливались, обращаясь к роковому пиргу с полными слез глазами, пока можно было еще видеть его издали[27].

После того инок Савва сошел со столпа, в новом ангельском своем образе, поклонился игумену и братии и от всех был приветствуем с любовью. Тех из братий, которые приняли за него оскорбления, он умолял простить своим досадителям, чтобы они с миром возвратились с праздными руками. Внимая смиренным его речам, все исполнились радости, а те, которые приняли за него раны, утешались ими, как бы приобрели какую корысть.

2. *Иноческие подвиги Саввы; пострижение отца его*

Вскоре пронеслась молва по всей пустыни, в общежитиях и по кельям отшельников, что сын самодержца сербского, оставив царство и возлюбив безмолвие более мира, вселяется с ними: поэтому все желали видеть его. Наступил праздник Благовещения Пресвятой Богородицы – это был храмовый в знаменитой обители афонской, Ватопеде: настоятель и братия пригласили честного инока Савву участвовать в радости торжества и похвальных пениях Пречистой Деве. Пришедший на зов принят был с честью и любовью и, насладившись праздником, осмотрел благолепие чудной обители. Игумен и братия ватопедские с согласия прота всех обителей Святой Горы убедили преподобного поселиться вместе с ними; потом, спустя немного времени, испросил он благословение у игумена идти поклониться прочим обителям Святой Горы, взойти на самую ее вершину и посетить всех рассеянных по пустыни отшельников. Игумен согласился и отпустил с ним опытных иноков, которые бы указали ему все святые места: везде принимаем он был с особенной честью. Совершая трудные пути босыми ногами, путешественник пришел в лавру святого Афанасия, где едва только принял молитву и благословение и дал себе малый покой, как устремился на вершину Афона, куда издавна влекло его желание сердца. Там на коленях простоял он всю ночь на молитве, одождив священную вершину теплыми слезами. Спустившись с горы, посетил он множество постившихся в вертепах, у ее подошвы, где проводили они самое строгое житие, и радовался, что сподобился видеть рабов Божиих, каких трудно встретить на земле. Блаженные эти отцы, хотя еще и не могли называться ангелами, ради плотской своей оболочки, однако ж, поистине были

выше человеков, так как упразднились от всего земного, не заботились ни о чем телесном, не занимались ни куплями, ни земледелием или виноградниками: молитвы и слезы были ежедневным их деланием; ум же их всегда был устремлен к Богу; тесные их каливы поросли травой и оглашались только древесным шумом и пением птиц, возбуждавших к прославлению Бога, а некоторые отшельники гнездились в каменных ущельях, земных пропастях и на морских утесах, подобно птицам, где были обуреваемы ветром и дождями, опаляемы солнцем, лишены всякой отрады и где не грозила им опасность от хищников, ибо у них не было ничего, кроме рубища. Пища была по силе каждого: одни изредка питались хлебом, другие – древесными плодами или диким быльем; питием же служила им текущая из камней вода. Все они, однажды отрекшись от всего мирского, уже совершенно забыли мир и мало чем не достигли естества ангельского.

Блаженный Савва, написав на хартии своего сердца такие труды их и такую преданность Богу, глубоко вздыхал и укорял себя за свое нерадение: он со слезами припадал к ногам преподобных, прося их молитвы и благословения, и с сердцем, как бы уязвленным стрелой, возвратился в свою обитель Ватопед, где был принят с прежней любовью. Братия расспрашивали его о странствованиях по Святой Горе и, видя, что он уныл лицом и утратил цвет юности, приписывали это непривычному хождению босыми ногами по камням. Но они не ведали тайны души его, не знали, что желание пустынное снедало самую плоть его и не давало ему покоя. Он пришел к игумену и исповедал ему болезнь сердечную, умоляя отпустить его на подвиг пустынный, но игумен не дал ему на это благословения, пока не утвердится он на первой ступени общежития, чрез послушание. «Все хорошо в свое время, – говорил опытный старец, – ни время, ни возраст не позволяют еще тебе искать столь трудного подвига; к тому же знают, чей ты сын, ибо приход твой не утаился и от державных. Что же если, по смуте человеческого врага, встретит тебя в пустыне муж крови и мы все за тебя приимем поношение?» Не без Промысла Божия последовал этот отказ, чтобы пустынное светило не скрылось в горах под спудом и не лишились света имевшие просветиться от него. Со смирением послушался аввы преподобный и начал разделять с братией труды общежития: работая для каждого, он приобрел общую любовь; днем занимался службой телесной, а ночь проводил в бдении молитвенном, истомляя тело поклонами, как будто душа его заключена была в медной плоти или словно плоть вовсе не принадлежала ему, ибо не чувствовал он никакой усталости; едва позволял себе вкушать немного хлеба и воды, а зной и холод были для него безразличны; зимой довольствовался он убогой власяницей, только для прикрытия наготы, и ходил всегда босыми ногами; огрубевшая кожа ступней его уже не боялась острия камней. Но, враг своего тела, он был обходителен и кроток со всеми: в обители дивились, как в столь юном возрасте и в столь короткое время мог он достигнуть такого совершенства духовного, какое недоступно и многолетним подвижникам.

Между тем, воевода и благородные юноши, возвратившись к родителям блаженного Саввы, рассказали им все, что с ним было; они принесли и красную одежду, и светло-русые волосы юноши, и написанную его рукой прощальную хартию. Оружие прошло сердце родителей и братий, когда увидели они, что утрачена их надежда: громкими воплями звали отсутствующего; одежду и волосы его делили между собой, как некое сокровище, окропляя их слезами и прилагая к очам своим, как бы врачевство. Вместе с царственным домом плакали, будто об усопшем, и все подвластные и, ради сетования, по обычаю мирскому, облеклись в черные одежды. Но мало-помалу сердца родителей умилились: страх Божий возвратился в их души и они уразумели, какой благой пример показал им юноша, предваряя их на пути спасения.

Державный Стефан послал от себя на Святую Гору много золота, чтобы царственное его детище ни в чем не нуждалось и имело деньги для раздачи убогим; родитель не без страха написал ему послание и, стыдясь называть его сыном, скорее называл отцом и учителем, предстателем пред Господом и молитвенником о них к Богу. «Дом наш в руках твоих, – писал старец, – души наши и мы все в твоей воле, ибо ты удивил родивших тебя своей добродетелью; но отними от нас скорбь тяжкой нашей болезни и утешь своим пришествием; мы обещаем опять возвратить тебя в пустыню». Получив отеческое писание, богомудрый Савва оросил его обильными слезами, помолился о родителях и благодарил Бога. Приняв от руки их много золота, он отделил только необходимое на хлеб, а сам, ходя босым по монастырям и пустыням, сеял повсюду милостыню щедрой рукой и тем созидал обитель отцу своему на небесах; потом опять возвращался в монастырь свой Ватопед на прежние подвиги.

Однажды напек он свежих хлебов и, навьючив ими монастырских лошаков, ночью поднялся в путь вместе с погонщиками, которым вверены были мулы; босой, шел он впереди и проникал в дальнейшие пустыни, чтобы угостить пустынников, постившихся от трех до пяти дней и даже по неделе, судя по силе каждого, ибо это было время великой Четыредесятницы. День тогда настал субботний, и Савва думал насытить постников, чтобы взамен восприять себе от них теплые молитвы. Когда достиг он места, называемого Милопотам, напали на него разбойники и отняли все. Огорчился блаженный, но не оттого, что впал в руки разбойников, а оттого, что этим замедлился путь его и не мог он поспеть вовремя к трапезе отшельников. Хищники спросили его: кто он, из какой обители? Савва назвал себя учеником отца Макария и сказал, что ради монастырской нужды был он послан в соседний Есфигмен, где задержала его братия, чтобы послать с ним теплые хлебы в пустыню, старцам, Христа ради постящимся, ибо таков обычай отеческий. Говоря это, вознес он из глубины сердца теплую молитву, с полной верой к святым мужам, которых шел посетить, – и получил нечаянную свободу. Разбойники умилились, ибо Господь коснулся сердца их, и отпустили Савву со всеми его запасами: ревностный инок успел еще вовремя принести хлебы преподобным и рассказал им, как, молитвами их, сподобился избежать рук вражиих.

Когда прошло первое изумление разбойников, они начали говорить между собой: «Что это было с нами? Не обаятель ли какой обаял нас? Или мы видели поистине человека Божия! Посмотрим, действительно ли он – ученик преподобного Макария? А преподобный Макарий по своей добродетели известен был всем. Пришли они к Макарию, как бы за благословением, и увидели при нем блаженного юношу. Старец пригласил их сесть и предложил им все, что имел в своей келье, – пустынных овощей и маслин; более же всего насытилась душа их доброй беседой: им казалось, что небесный огонь опалит их или земля поглотит живыми, если они причинят ему какое-либо зло. Вопрос их был один: в самом ли деле юноша ученик его, ибо славное видели о нем знамение. Внимая им, старец прослезился и сказал: «Чада мои! Юноша этот ученик Божий, по иночеству – один из братий наших, а по рождению – сын благочестивого царя сербского. Он оставил царство, презрел славу родителей и все приманки мира, возлюбил нищету и, как сами видите, поселился с нами. В настоящее время Бог посылает его обходить пустыни и утешать страждущих в горах и вертепах». Изумились хищники великому смирению юноши, нисшедшего с такой высоты Бога ради, и не могли без слез смотреть на власяное рубище и босые ноги Саввы, представляя прежнее его величие: они пали к ногам его и просили себе благословения – как от юноши, так и от старца, обещаясь более не творить разбоев. Старец и юноша тоже, со своей стороны, поклонились им до земли и с любовью обнимали их, радуясь внезапному их обращению. С тех пор блаженный уже без страха странствовал по пустыне.

Савва опять пожелал идти в лавру святого Афанасия, и по обычаю пешком, ибо до пришествия отца своего никогда не решался сесть на коня. Игумен, милуя странника и желая облегчить ему путь, отпустил его, с несколькими из братий, в малой ладье. Они были уже недалеко от лавры. Как вдруг из-за утесов выплыли навстречу им морские разбойники; один из иноков успел бежать с этой вестью в лавру – и исполнилось скорбью сердце игумена о блаженном юноше. Опасаясь, как бы злодеи не узнали царского его рода, он послал своего старца на берег, чтобы умягчить суровость разбойников и пригласить их в лавру, где обещал дать им все нужное. Что же? Ожесточенные, действительно, повиновались слову старческому. Пленники сказались лавриотами, а Савва между тем воссылал теплые молитвы к Богу. Благоразумный старец, взглянув на юношу, как будто признал его и с великим гневом воскликнул: «Не туда-то ли послал тебя игумен – а ты еще здесь? Разве так исполняют приказания?» И при этом слове устремился на него с посохом, как бы хотел ударить его. Савва уразумел хитрость и, будто испугавшись нечаянного гнева, соскочил с ладьи и бросился бежать в лавру, а разбойники, обезумевшие в эту минуту, и не подумали удержать его и ни в чем не прекословили старцу. Таким образом, князь сербский избежал опасности и прославил Бога за свое спасение. Пришедши в лавру, хищники даже и не спросили о бежавшем: игумен угостил их и отпустил с миром. Когда же впоследствии узнали они, кто был юноша, которого они отпустили, – яростью исполнилось сердце их, и они, где только могли, везде наносили оскорбления лавриотам. Савва, поклонившись гробу святого Афанасия, благополучно возвратился со спутниками своими в Ватопед.

Некоторое времени спустя родители опять писали блаженному Савве, умоляя его придти к ним, и послали ему золота больше прежнего, вместе с особыми дарами для обители ватопедской – золотыми сосудами, честными иконами и ткаными золотом завесами – так что Ватопеду все завидовали, даже самый прот. Блаженный принял писание родительское с радостью, хотя и не без слез, и благодарил Бога за присланную ему милостыню: часть полученного даяния уделил он нищим, а все прочее употребил на сооружение трехъярусных келий в Ватопеде, где братия умножалась. Тут же, на ограде, за великим собором, начал он строить одну церковь – во имя Рождества Богородицы, другую – во имя Златоуста, третью, на великом пирге, – во имя Преображения; с соборной крыши велел он снять каменные плиты и покрыл ее оловом, как видно это и доныне. Совершая такие постройки внутри Ватопеда, блаженный говорил: «Если призрит на меня Господь и даст мне видеть здесь отца моего, то я поселю его в своих кельях». Много и другого сделал он для обители – так что его называли вторым ктитором Ватопеда.

Родителям и братии преподобный написал от себя слово любви: «Вашей о мне жалостью и благосклонным писанием вы отнимаете у меня мою душу: болезную в разлуке с вами, но не должно любить кого-либо больше Бога, ибо сказано: *любяй отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин.* Это самое препятствует мне идти к вам, но я припадаю к святому моему отцу и молитвенно взываю: в земном твоем царстве ты подвизался апостольски и людей своих просветил православием: прогнал ереси, разрушил бесовские храмы, соорудил церкви Божии и всем явил свое страннолюбие и милосердие, но еще остается тебе исполнить одно слово евангельское: *кто хощет по Мне идти, да отвержется себе, и возмет крест свой и по Мне грядет* (Мф. 16, 24). Да будет приятен тебе совет мой: презри земное богатство, как бы не сущее, и все красное мира, как суетное и маловременное, и последуй мне крестным путем, который я приготовил тебе в той же пустыни; вселись со мной и, удалившись от всего мирского, приготовляй себя к созерцанию Божию молитвой и постом. Если ты сподобился благодати во время земного царствия, то смирением иноческого образа достигнешь венца в пустыни, а мою душу любовью твоей и лицезрением избавишь от печали, ибо я опять буду с тобой. Добрая мать моя, в своей области, да последует тому же примеру. Молю вас, славы ради царствия и

многого ради богатства, не оскорбитесь моими словами, как некогда оскорбился евангельский юноша. Веру имей, отче, что, оставив земное царство, ты приобретешь небесное: если же презришь слова мои – не надейся увидеть меня в этой временной жизни. Мир Божий и любовь святых отец пустынных и моя грешная молитва да будут с тобой».

Приняв в руки сыновнее послание как некую святыню, державный отец встал со своего престола, поклонился и поцеловал драгоценные для него строки, но прочесть их не мог, ибо пламенные слезы отеческой любви затмевали его взоры. Наконец, успокоившись духом, он прочитал письмо и подивился премудрости и силе изложенного в нем слова, ибо глубоко в сердце его проник укор о евангельском юноше, который ради земного богатства оставил Христа, и державный ублажил своего сына, сделавшегося ему учителем. Немедленно велел он со всей своей державы созвать епархов, воевод и благородных мужей, малых и великих, и назначил день великого государственного совета, а между тем распределил все свое богатство, назначив его, по частям, убогим, хромым, слепым, сирым и вдовицам. Когда все собрались, так что царские палаты едва могли вместить благородный синклит, вышел в середину этого сонма владыка и велел сперва прочесть во всеуслышание сыновнее писание; потом сказал: «Други мои, братия и чада, внемлите моему слову: жизнь моя известна вам с самого начала; каждого из вас вскормил я, как брата или друга, и вы всегда были послушны мне. Вот, мы сохранили нашу землю не разоренной от врагов, – однако спасались, уповая не на лук наш: крепость наша состояла в вере во Отца и Сына и Святаго Духа, мы были сильны против врагов крестом Христовым. Ныне заклинаю вас соблюсти святую веру в единосущную Троицу чистой от всякой ереси – такой чистой, какой мы приняли ее при святом крещении, изгнав из своей среды всякую ересь. Умоляю вас быть верными, как мне самому, тому, кого я поставлю вместо себя владычествовать над вами. Божиим Церквам и их служителям воздавайте должную почесть: вы видели, как сам я всегда воздавал подобающее святыне».

Внимая этой неожиданной речи, вельможи недоумевали, а державный, между тем, заключил ее следующими словами: «Возлюбленный и Богом дарованный мне синклит! Вы слышали, как отрекается от меня сын мой и не хочет более видеть меня в этой жизни, если я не последую ему. При вашем содействии довольно было у меня радостей земного владычества, довольно воинских дел и обильных трапез, довольно пресыщения удовольствиями мира; ныне отпустите меня с любовью и крестом на раменах, да последую сыну, да настигну его в пустыни, где надеюсь избавиться от своих зол и попекусь о своем спасении». Едва только объявил он эту печальную весть, как отовсюду поднялся громкий вопль и огласил весь дворец. Все плакали – благородные и неблагородные, чуждые и сродники по плоти – сыны его и сыны сынов, раздирая на себе княжеские одежды. Чего не делали они, каких умиленных слов не говорили, чтобы как-нибудь удержать отца своего и владыку!

– Не оставляй нас, отец наш и учитель, иначе и мы пойдем с тобою! Если хочешь восприять крест Христов, заключись в своем монастыре, чтобы мы по крайней мере могли утешаться твоим лицезрением. Какая будет тебе похвала, если ты, как один из странных, да еще и на чужой стороне, окончишь жизнь свою?

Но державный отвечал:

– Что плачете и расслабляете мою душу? Вы слышали, как отрекается меня сын мой, если не последую ему! Не хочу лишиться его.

Тут призвал он старшего своего, Стефана, – богобоязненного, исполненного добродетели и мужества, и вместе с епископом Каллинником и со всеми благородными вошел в Церковь святых верховных апостолов. По совершении Божественной службы самодержец-отец и преосвященный епископ молитвенно осенили избранного честным крестом и возложили на главу его руки, благословляя Стефана быть великим жупаном, владыкой и самодержцем всей земли сербской; потом все благородные вельможи поклонились ему и возгласили «многая лета».

В царских палатах приготовлен был светлый пир, Стефан приглашал всех, говоря: «Приидите возлюбленные други, братия и чада, разделите со мною последнюю трапезу: уже никогда вместе с вами не вкушать мне этих яств; возвеселимся в последний раз». Во время пира принесены были светлые дары и державный наделил каждого из своих присных: оба Стефана – отец и сопрестольник его – щедро раздавали подарки, один – по случаю оставления, а другой – по случаю принятия царства. На следующее утро все изменилось: смиренный Стефан Неманя и супруга его Анна пошли в храм Пресвятой Богородицы, ими же самими созданный в Студенице, и тут поклонившись пред царскими дверьми, произнесли Богу иноческие обеты. Тот же епископ Каллинник обоих их облек в ангельский образ и нарек бывшего властителя Стефана иноком Симеоном, а подругу его, благочестивую Анну, – инокиней Анастасией. Анастасия, собрав вокруг себя лик черноризиц, вместе с ними упражнялась в пощении и молитвах, а Симеон вначале подвизался с иноками, бывшими в Студенице, потом же, собрав много золотых и серебряных сосудов для раздачи афонским обителям, пустился с ними в путь. Сын его, самодержец Стефан, со всем дворянством сербской земли, провожал его до пределов греческих, обливаясь горькими слезами, и там расстался с ним, а некоторые из дворян последовали за ним на Святую Гору[28].

Достигнув Ватопеда, державный инок был принят в нем с честью. Игумен и братия после благодарной молитвы приветствовали старца в соборной церкви, а потом в отчие объятия призвали и сына. Какими словами описать радость давно желанного свидания? Не было тут звуков речи или слов, были только слезы; и если бы старца не поддерживали – он упал бы на землю: слезы его лились на вожделенную главу юного сына, склонившуюся к его сердцу, – и каких благодарений не воссылал к Богу богобоязненный юноша из глубины обрадованного сердца, видя, что отец его исполнил заповедь Божию! Оба они, Господа ради отказавшись от всего, сделались на земле странниками. Отдохнув от пути, преподобный Симеон принес в дар обители драгоценные сосуды и завесы, привел избранных коней и лошаков для работы и наделил серебром всю братию от первого до последнего, начиная с игумена. Из дворян, провожавших бывшего своего владыку, иные остались с ним в обители, хотя и вопреки его желанию: «У тебя прославились мы в земном воинстве, – говорили они, – теперь с тобою вместе будем воинствовать Царю Небесному, и ничто не разлучит нас от любви твоей». Все они впоследствии на удивление Святой Горе сделались опытными иноками.

Скоро по Горе Афонской пронеслась молва о пришествии сербского владыки. Все удивлялись смирению его и прославили Бога. Игумены из своих обителей и преподобные из глубины пустынь вместе с отцом своим протом, памятуя благодеяния его сына, пришли поклониться державному иноку: старец всех наделял нескудной милостыней и у всех просил себе молитв и благословения – так что наконец непрестанные посещения Ватопедской обители сделались уже в тягость. Князья-иноки сербские, чтобы устранить это неудобство, дали еще довольно золота и требовали, чтобы всем приходящим странным всякий день была пища, хлеб и вино. Потом пожелал и Симеон обойти Святую Гору, чтобы поклониться всем ее обителям. Испросив благословение у игумена, он взял с собой Савву, как жезл своей старости. Юноша, по обычаю, хотел идти с ним босыми

ногами, но нежный отец не мог того вынести, хотя доблестный юноша со слезами просил его об этом, как о милости, пока будет в силах. «Помилуй, чадо мое, – говорит ему отец, – уязвляющими ноги твои камнями ты будешь терзать мое сердце!» Савва, не желая оскорбить родителя упорством, впервые после многих лет обулся и сел на коня: так прибыли они сперва на Средину Святой Горы[29], где обитал прот, старейший над всеми монастырями, в обитель Богоматери на Карее. Бывший владыка сербский наделил прота и всю братию великолепными дарами; имена его и сына вписаны для поминовения между именами царских ктиторов Святой Горы. Из Кареи спустились они в обитель Иверскую, а дорогой посетили и другие монастыри, везде записывая имена свои, – и так достигли святой лавры, но старец, ослабевший ногами, не мог взойти на вершину Святой Горы Афонской и только у подножия ее, издали, с верою поклонился ей. В лавре помолился он над гробом святого Афанасия, основателя афонского общежития, и щедрее, чем в иных монастырях, одарил игумена и братию. Из соседних и дальних скитов стеклось много преподобных пустынников для духовного собеседования с державными сербскими иноками. Наконец, возвратившись в Ватопед, отец и сын поселились вместе, в устроенных заблаговременно кельях.

Единомысленные во всем, они разделили между собою труды и молитвы: сын подвигам учил отца, но старец, как старец, не мог следовать по стопам его, и потому юноша старческую немощь восполнял избытком своих сил – постился и трудился и за себя, и за отца. Чуден был этот старец: как некогда, живя в мире, он без труда, хотя и без обиды, своими щедротами осыпал нищих и тем как бы делал беднее свое царство, так и в иноческих подвигах казался лихоимцем – не имея сил исполнить все сам, он, лежа, собирал плоды сыновние, собирал с сокрушением сердца и со смирением души, проливая от сердечного умиления много слез. Юноша трудился, а старец соболезновал, мысленно творя столько же поклонов, сколько и тот, и сostраждущей ему душой при всенощном его распинании как бы поддерживал простиравшиеся долу члены своего сына. Усугублял ли юноша пост за себя и за старца – усугублял и старец слезы и воздыхания за себя и за юношу, ибо плакал о юности сына, истомляемой подвигами, плакал и о своем ожесточении, и о своем безсилии для подвигов, и о том, что не мог страдать вместе с сыном. Унылый и дряхлый, с трясущейся от ветхости головою, он укорял себя и сидел, а юноша старчески утешал отца: «Не унывай, батюшка! Мое стояние, мой пост и поклоны пусть будут и твоими; я приемлю твои труды на себя, ибо ты послушал меня, и от меня взыщет Господь душу твою».

Внимая таким словам, дряхлый старец обливался потоками слез, изумлялся чрезвычайному смирению и послушанию своего сына и даже не смел называть его своим сыном, а только, прижав к себе и лобызая священную его главу, говорил: «Ей, господин мой! Ей, утроба моя! Воистину все оставил я и тебе единому прилепился! Что же воздам тебе, исторгшему меня из суетного мира и столько болящему о душе моей? – Благословен ты от Бога, благословен и день, в который ты родился, – не мое чадо, а Божие». Так утешался старец, видя в сыне как бы некоего борца или искусного воеводу, который подвизается за него и, вменяя себе сыновние подвиги, оставался благонадежен. Таким образом, труды доблестного сына и воздыхания отца его к Богу, равно как сугубая молитва их, сливались в одно – и оба они веселились о Господе, оба ограждали, как внутренно – свою душу, так и извне – обитель Ватопедскую, восстановляя в ней все разоренное.

3. *Начало Хиландарской обители*

При входе во Святую Гору, на месте, называемом Просфори, издавна был монастырь с церковью святого Симеона Богоприимца, но эта церковь, по разорении монастыря

корсарами, оставалась в запустении. Игумен и братия Ватопеда напомнили о ней преподобным, и они на ее обновление великодушно дали много золота, которое обильно приносили им от самодержца Стефана. Вскоре церковь соорудилась и благолепно украсилась; поднялись и высокий, стоящий доныне пирг, и около него ограда с палатами. Кроме того, державные иноки много сделали и для обители Ватопедской: расширили и расписали ее трапезу, соорудили кельи, насадили виноградники и приписали к ней метохи, или подворья, которые испросили у державшего тогда скипетр греческий императора Алексия Ангела, который исполнял всякое прошение преподобных, – не оттого только, что находился в родственных с ними связях, но и потому, что дивился страническому их подвигу.

Когда же с течением времени различные нужды побудили самого игумена идти в Царьград ходатайствовать о делах монастырских и он боялся, что не будет уважено его прошение, – братия внушили ему убедить блаженного Савву идти вместо себя. Князь-инок сербский принят был в Царьграде сватом своим, императором, с великой честью; юный лик его пред взором всех представлялся ангельским. Император спрашивал его о здравии и образе жизни отца его – и Савва, рассказав все, что знал, возбудил при дворе общее изумление. Кесарь ублажил святого старца, уклонившегося от многих попечений и избравшего себе благую часть. Богомудрый, пользуясь царской любовью, изложил, что было ему поручено от обители Ватопедской, и император все его прошения исполнил, обещая даровать сверх того все, о чем еще стал бы он просить. Тогда Савва сказал кесарю: «Есть на Святой Горе запустевший монастырь, называемый Хиландарь; если царство твое хочет сотворить добро мне и отцу моему, то даруй нам эту обитель, а мы, как бы от себя уже, передадим ее Ватопеду, и это наше даяние прослывет милостью твоего царства».

Юный инок просил с боязнью, как бы сомневаясь в успехе, но кесарь, ободряя его, сказал: «Я уже говорил тебе, что все, о чем ни попросишь, дам твоей святости». Итак, кесарь пожаловал им Хиландарь со всем его населением и утвердил дар свой багряной подписью и хрисовулом; самого Савву, почтив многими дарами, отпустил с любовью, а преподобному Симеону написал грамоту о взаимном утверждении мира между сербами и греками и просил себе его молитв. Обрадовалась ватопедская братия, что исполнены ее прошения. Савва поспешил к своему отцу; молча сидел старец, не выходивший из своей кельи со дня отбытия сына. Но с возвращением его как бы светом зари просияло его сердце и прояснилась душа его: он воздел преподобные руки свои к Богу и, благодаря Его, пал со слезами в сыновние объятия. Савва возвестил ему о царском приветствии, вручил письмо вместе с дарованным золотом и объявил, что Хиландарь пожалован им царским хрисовулом: за все это старец воздал хвалу Богу. На другой день преподобный Симеон призвал игумена и братию и, показав им хрисовул, приписал Хиландарь к Ватопеду и все присланное царем золото уступил на пользу обители: такую любовь питали они к монастырю, в котором полагали окончить дни свои!

Но Господь, древле поселивший в Египте пришельца Иакова, чрез прекрасного сына его Иосифа, водворил теперь на Святой Горе и нового Израиля, посредством благообразного подвижника Его Саввы, и землю вольного их странствования населил не плотскими, а духовными их чадами. Некий богобоязненный старец пришел к блаженному Савве и сказал: «Страннолюбие ваше, питание нищих и любовь к святым монастырям, а особенно к Ватопеду, достойны хвалы и приятны Богу, но благоразумно было бы вам подумать и о самих себе во дни вашей жизни – приимите добрый мой совет, как совет человека, желающего вам добра. Ныне все вам возможно о Господе: в своей земле вы самодержцы и сродники по плоти царствующему кесарю, всякое ваше прошение исполнится. Итак, испросите себе запустевший монастырь и, обновив его, утвердите за своим отечеством, и пусть называется он Сербским; пусть и из среды вашего народа любящие Бога и

убегающие от суеты мирской после вас обретут там пристанище спасения, и сами вы, многих ради спасенных, сподобитесь больших почестей от Бога».

Блаженный Савва принял это внушение как внушение Самого Господа и, поблагодарив соплеменного ему старца, с любовью и дарами отпустил его на родину. Потом вошел он в келью отца и сообщил ему данный совет: преподобный Симеон, одолеваемый старостью, как бы воспрянул от сна; ослабевшие колена его изнемогали от поста, однако ж, поддерживаемый сыном, как посохом, он поднялся с одра своего и, став на молитву, воздел горе руки, со слезами благодарил Бога за такой совет, и, наконец, вот что сказал любимому сыну: «Веруй мне, Божие чадо, – Бог для нашего спасения восхотел, чтобы мы сперва сами временно пожили под властью, пришельцами, руководствуясь не своей волей, и чрез то стяжали бы себе смирение; оттого доныне и скрывал Он от нас этот совет. Теперь же послал Он к нам старца, или ангела Своего, и мы должны неукоснительно последовать этому данному нам Богом, совету».

Тогда блаженный Савва вместе с отцом пошел к игумену и открыл ему свою мысль, но игумен, посоветовавшись с братией, не одобрил такой мысли и не позволил осуществить ее делом, ибо ему хотелось удержать у себя царственных иноков, от которых текло много богатства в монастырь. После сего богомудрый Савва пошел в Карею и свое намерение изложил проту. Прот одобрил мысль его – возродить на Святой Горе монастырь в пользу своего отечества – Хиландарь ли, вначале дарованный им царем, или иную обитель, что покажется лучшим. С такой утешительной вестью Савва возвратился к отцу и объявил ему о сочувствии прота. Старец, движимый теплотой духа, хотел было немедленно идти осмотреть место для обители, но уже изнемогал от дряхлости и даже не в силах был сидеть на коне. Поэтому Савва между двух коней привязал носилки, на которые, как на одр, положил родителя и, странствуя с ним таким образом, обошел многие места, но ни одно из них не понравилось им, кроме Хиландаря, и они возвратились в Ватопед. Между тем, игумен опять совещался с братией. «В течение многих лет, – говорил он, – сколько пользовались мы от этих царственных пришельцев, и доныне не они ли были благодетелями нашего монастыря? Так худо будет, если они удалятся от нас прогневанными: если хотим сохранить приязнь их, отдадим им Хиландарь, который они же испросили для нас у царя». Итак, призвав к себе святого Савву, они даровали ему Хиландарь и положили между собою завет, чтобы Ватопед и Хиландарь взаимной любовью составляли как бы одно[30]. Написали они и к самодержцу Стефану, объявляя ему, что хотят устроить монастырь, в котором принимал бы участие и он, и, по нем, сыны его и внуки.

Возрадовался христолюбивый самодержец и послал родителю и брату много золота, работников и лошаков, предлагая и впредь присылать все, что им будет нужно, и благодаря за то, что пекутся о душе его; богоносные же иноки Симеон и Савва вознесли теплую молитву к Творцу и к Пресвятой Матери Божией, призывая Их на помощь предпринимаемому ими делу. Приняв благословение от игумена и от отца своего, Савва со множеством работников пришел в Хиландарь и в короткое время совершил весьма многое. В Хиландаре нашел он все в запустении, кроме церкви: надлежало укрепить ограду, соорудить обширную трапезу для братства и довольно келий, обновить и церковь, расписав по золоту ее стены, и украсить ее иконами, завесами и сосудами. Все это, с помощью Божией, совершалось спешно, ибо преподобный Симеон торопил сына, говоря: «Если бы сподобил меня Господь видеть монастырь нашего имени, то благо было бы мне – тогда там настиг бы меня и конец жизни!» Пламенное желание старца исполнилось благодаря сыновнему усердию Саввы. Он успел переселиться из Ватопеда в свою обитель Хиландарь, которой соборная Церковь праздновала Введение во храм Божией Матери.

Братство сербское объединилось; учредилась обычная служба по уставу, взятому из Ватопеда, и был поставлен игумен для наблюдения за чином церковным.

Державные иноки испросили у прота, который благоволил к ним, запущенные масличные сады и виноградники окрест Хиландаря да около святого Георгия и святого Николая, что в Малее, а у самого прота купили они на Карее обширное место, где соорудили двухъярусные кельи, для успокоения игумена и братии, когда случится им приходить из Хиландаря (это происходило около тысячи двухсотого года). Для большего утверждения и распространения обители преподобный Симеон вторично уже отправил сына в Царьград к свату своему, императору Алексию, с просьбой, чтобы он даровал монастырю их звание царской ставропигии и чтобы Хиландарь не зависел даже от прота всех афонских монастырей, а зависел только от одного кесаря. Преподобный опять с великой любовью принят был в Царьграде.

– Жив ли старец, отец твой? – спросил император, – и Савва отвечал:

– Старец, молитвенник царства твоего, еще жив.

Кесарь вздохнул и сказал:

– Благословен этот человек от Бога – получив земное, он усердствует достигнуть и небесного.

Блаженный Савва в царствующем граде был отпущен на покой в обитель Матери Божией Эвергетиссы (Благодетельницы), которой почитался он ктитором вместе с отцом своим, потому что на ее сооружение пожертвовали они много золота. На другой день, посетив опять императора, Савва рассказал ему, как возобновили они обитель на Святой Горе, и просил для нее царского утверждения; вспомнил он и о другом запустевшем монастыре, именно о Зиге, и также испросил его себе, со всем первобытным его достоянием. Монастырь этот был некогда царским; итак, чрез новое даяние его, в число ктиторов хиландарских входил теперь сам император. Алексий радовался, что и он вместе с ними будет общником в молитвах на всех церковных службах, и немедленно пожаловал Хиландарю просимую обитель со всеми ее метохами и садами, объявил самый Хиландарь царским монастырем и все это утвердил хрисовулом, с золотой печатью и багряной подписью. Кроме того, кесарь дал еще преподобному из своей руки жезл и велел поставить его в церкви, чтобы при поставлении игумена братия держала этот жезл посредине, в знамение того, что игумен назначается по воле царской и приемлет власть как бы из рук самого царя[31]. Исполнив таким образом желание преподобного, император отпустил его к отцу со многими дарами и ради воспоминания о взаимной любви велел сказать ему: «Все твое прошение исполнил я, отче святый, молю твое преподобие, не забудь и нас в святых твоих молитвах к Богу».

Возвратившись из дома кесарева в обитель Матери Божией Эвергетиссы, преподобный Савва золото, данное императором для доставления отцу, раздал нищим, ибо все отеческое почитал своим, равно как и отец все свое почитал сыновним, кроме разве одной души, – да и ту, Бога ради, готов был отдать сыну: такова была любовь между отцом и богодарованным ему сыном. Старец, почитая Савву не человеком, а как бы ангелом, посовестился принимать от него какую-либо услугу. Зато и сын, со своей стороны, служил ему во всем как раб и никому не уступал этой священной обязанности. Старец с полной утешения душой непрестанно молился о нем, а Савва щитом его молитвы мужественно ограждался от искушений бесовских.

Когда в обитель Эвергетиссы приходили нищие за милостыней, пришла к преподобному между прочими благообразная жена и сказала: «Угодник Божий! Господь и Пречистая Матерь Его повелели мне объявить тебе, что на Святой Горе, в области твоего монастыря, в двух местах таятся сокровища, которые ты найдешь и тем довершишь устройство обители». Преподобный принял это слово с верой. Простившись с иноками обители, Савва поклонился еще царю и патриарху и пустился в обратный путь – на Святую Гору, спеша утешить старца-родителя вестью о царском благоволении и дарованных им хрисовулах. Оба преподобные с общего согласия предали свой монастырь державной заботе сербского владыки Стефана – чтобы он заботился о новой обители, как о своей присной: благочестивый Стефан с радостью принял на себя такую заботу и приписал к Хиландарю много имения, движимого и недвижимого, так что этот монастырь с того времени сделался обителью собственно сербской.

4. *Кончина и явление преподобного Симеона*

Преподобный Симеон немного времени пожил в основанной им обители и достиг предела земного своего жительства. Призвав возлюбленного сына, он говорил ему: «Чадо! Приблизилось время моего отшествия; если и прежде заботился ты о благе души моей, то теперь наступило время помочь ей еще более, ибо я знаю, что все, чего попросишь ты от Бога, будет дано тебе». Припавши со слезами к своему отцу, Савва обещал за него молиться и сам просил молитв его, как и прежде, во дни земной жизни, ибо только его теплыми ко Христу молитвами избавлялся от всякого зла, а в час отшествия старца к Богу веровал, что родительская молитва о всех чадах плотских и духовных, о земле родной и о церкви, для которой столько трудился, будет еще действеннее. Старец плакал и говорил: «Если получу дерзновение у Бога, не оставлю вас», – и, возложив преподобные руки на возлюбленного сына, благословил его, долго держал в своих объятиях и со слезами дал ему последнее целование; затем помолился о нем, вспомнил и о родных сербских церквах и заповедал довершить многое неоконченное; что же касается смертных своих останков, то просил, чтобы в благоприятное время, когда изволит Бог, Савва перенес их в землю родную, в созданный им монастырь Студеницы. Савва обещал исполнить все заповеданное. Потом умирающий призвал к себе всю иночествующую братию и, называя каждого по имени, благословлял, просил себе его молитв, и, предавая всех их Господу и Пречистой Его Матери, а с Божией помощью и своему преподобному сыну, распустил братию по кельям.

Была уже ночь – и вот, в крайней дряхлости, внезапно встает он с одра своего юношески и как бы ожидает светлых гостей Небесного Царя: украсившись одеждой святого ангельского образа, Симеон причастился принесенных ему в келью Страшных и Животворящих Таин и за все благодарил Бога. После того объяли его, как человека, предсмертные страдания; во всю ту ночь любимый сын не отходил от отца и, исправляя последнюю ему службу, прочитал у его одра всю Псалтирь. Они взаимно увещевали друг друга не скорбеть и вместе воссылали к Богу благодарные молитвы. Когда рассвело, Савва внес родителя своего в церковный притвор. Умилительно было зрелище крайнего смирения: тот, кто некогда, во дни своего величия, возлегал на златом и мягком одре, теперь лежал на рогоже при последнем издыхании. Вокруг него стояла братия и плакала, расставаясь с отцом; преподобный едва мог подать знак рукой, чтобы удержались от плача. Светло было лицо его: казалось, будто, вместе с таинственными посетителями поет он псалом – но никто не видел этих посетителей и не мог расслышать псалма, кроме последних слов: *всякое дыхание да хвалит Господа.* Тогда только уразумели, что отходивший воспевал песнь ангельскую, вместе с ангелами, и до конца жизни прославлял Бога. После сей песни Симеон уже ничего более не говорил, а только светло взирал на

образ Христов, как бы вручая Ему свою душу. Благовонием фимиама исполнилась вся храмина: так сладостно уснул святой старец!

Возлюбленный сын припал к честному лицу его и, вместо теплой воды омыв его горячими слезами, положил ему на перси знамение креста. Потом в сопровождении всей братии, со свечами и кадилами, проводил тело успошего внутрь созданной им Церкви Богоматери и положил его в мраморном благолепном гробе. Осиротевший в одно и то же время чувствовал и печаль, и радость: печаль – о лишении доброго сподвижника и участника в молитвах, а радость – о том, что сподобился видеть его украшенным всеми добродетелями, до конца совершившим свое течение и уже теплым предстателем, ходатайствующим о нем у Христа. Дни поминовения родительского Савва ознаменовал обильной милостыней нищим – раздал приходящим все, сколько было у него золота, потому что никому не хотел отказывать или что-нибудь оставить у себя. По оскудении же нужного для монастырских потреб золота вспомнил он слово благоговейной жены, сказанное ему в Царьграде, – то есть слово о сокровищах, таящихся в окрестностях Хиландаря, но не без молитвы решился он искать этих сокровищ. Савва так молился Господу: «Слышал я Давида, глаголющего, *богатство аще течет, не прилагайте сердца;* тем более достоин укоризны человек, раскапывающий землю для приобретения сокровищ, которых сам туда не клал. Итак, не дай, Господи, чтобы враг мой поругался надо мною, возбуждая во мне желание гибельных и тленных богатств, но если это не искушение противника, если это сказано мне было от Тебя, то пусть будет по воле Твоей, Господи, – пусть явится сокровенное или же пусть скроется и от нас, рабов Твоих, как прежде от других».

Савва с учеником своим пришел на указанное место, и едва только копнули они землю, тотчас обрели отверстие пещеры: так что как будто сама земля отдавала им хранимое в ней сокровище. Можно подумать, что Матерь Божия Благодетельница Сама являлась преподобному в обители царьградской, и только ради смирения не признал он Явившейся. Принесши в монастырь найденное золото, Савва почитал его не своим и не лихоимствовал, но одну часть послал в Царьград, в обитель Эвергетиссы, другую раздал по монастырям святогорским, третью – по пустынным кельям отшельников, а четвертую внес в Хиландарь и разделил нищим, ибо для того и являлась ему Благодетельница, чтобы он благодетельствовал.

И прежде говорили мы, какое сильное желание имел святой Савва отрешиться от всего мирского и безмолвствовать в уединении, но тогда он был удерживаем от этого сперва по причине молодости, потом по случаю прибытия к нему отца, затем по поводу двукратной его отлучки в царствующий град, и, наконец, по надобности создать собственную обитель. Когда же все это, для спасения братий, устроилось, – когда и игумен поставлен был, и отец препровожден до блаженного упокоения, Савва мог позаботиться и о самом себе. И вот удалился он в Карею, где нашел прекрасное место, оживленное источником воды и плодоносными деревами. Купив это место у прота, Савва построил себе там молчаливую келью с малой церковью во имя Освященного Саввы Иерусалимского. Отрекшись от многих сожителей, он удовольствовался лишь тремя, которые строго исполняли весь церковный устав[32], а сам, безмолвствуя в келье, упражнялся только в молитве и больше прежнего возобновил юношеские свои труды, состоявшие в посте и бдении, в коленопреклонениях и ночных стояниях. Он стал выше того, чем был некогда и, забывая заднее, по слову апостольскому, простирался в преднее (Флп. 3, 13): кто изочтет умиленные его слезы и тайные воздыхания? В таком подвиге Савва пребывал по смерти преподобного своего отца всякий день и всякий день как бы умирал памятью смертной. От чрезвычайного пощения страдала его печень и до такой степени стеснилась его утроба, что, хотя бы и желал он впоследствии принимать пищу, внутренняя болезнь возбраняла

ему это. Впрочем, и самую свою болезнь принимал он с любовью, как если бы она послана была ему свыше, ибо смерть по Боге предпочитал он житию, преданному страстям, и помнил слово апостольское, что когда истлевает внешний человек, тогда обновляется внутренний. Во время безмолвия в Карее Савва написал и жизнь своего отца, преподобного Симеона.

Одно было у него сердечное желание – сподобиться получить какое-нибудь извещение от усопшего родителя – и об этом воссылал он пламенные молитвы к Богу: и вот однажды ночью является ему преподобный Симеон, облеченный неизреченной славою, в венце, сиявшем светозарнее солнца, и в сообществе иных светлых лиц. Как бы удерживая своего сына от уныния, усопший весело говорит ему: «Не унывай и не скорби о мне, сын возлюбленный, а скорее радуйся; вот, по твоему прошению, Бог являет тебе твоего родителя, а ты видишь, как почтил Он меня славою и какими в вечном Царстве Христовом обогатил меня благами. Восприяв ныне то, о чем ты говорил мне при жизни только в уповании, я радуюсь и наслаждаюсь созерцанием невообразимой для вас красоты. Благословен от Бога ты, бывший мне вожатым к вечному блаженству и безконечной жизни, ибо твои за меня труды и подвиги, молитвы и милостыни помнит Господь, и за них ожидает тебя великое воздаяние. Но прежде ты сам обогатишься от Бога благодатью и властью апостольскою вязать и решить – прежде ты сам, в сане святительском, просветишь своих соотечественников, научишь их вере и покаянию и приведешь ко Христу; поклонишься ты и святым местам, где во плоти странствовал Господь наш Иисус Христос и где совершились все Его страдания за нас: все это начертаешь ты на скрижалях сердца твоего, для многих будешь образом добродетели и все заповеди Христовы утвердишь на незыблемом основании в своем отечестве. После этого приидешь к нам и сподобишься еще больших даров – как за меня, так и за многих – и украсишься двойным венцом, сколько ради постничества твоего, столько же ради учительства и, сподобившись безсмертного блаженства, будешь ликовать со всеми святыми в безконечные веки, насладишься не гадательно, а существенно – лицезрением Пресвятой Троицы».

Пришедши в себя после таинственного видения, преподобный Савва ощутил в сердце своем мир и тихую радость: ему казалось, что его жительство уже не на земле, а на небесах. Встал он с убогой своей рогожины, простер к небу руки и на коленях орошал землю обильными потоками слез, прославляя Бога за ниспосланное ему утешение. Молитвенно взывал он и к отцу своему, видя его пред глазами как живого, ублажая за неизменную любовь, которая не разлучала их и по смерти, и утешая унылую душу свою видением и ангельскими явлениями. Но и среди уединенной жизни Савва продолжал быть утешением отшельников в их пустыне и благотворителем нищих, прибегавших к нему из стран дальних и ближних: разбился ли у кого корабль, или разрушился дом, или тяготила кого иная какая крайность – пристанищем всех обуреваемых была его гостеприимная келья. И сокровища у него никогда не оскудевали – земля ли открывала ему богатство или присылал его державный брат, смотревший на него, как на ангела Божия.

Есть на Святой Горе монастырь, по имени Каракалл. Раз ночью ограбили его морские разбойники и на своих кораблях увезли не только монастырское достояние, но и самого игумена с братией. Хищники мучили своих узников, ибо нечем было им откупиться. Несчастные привезены были в Великую лавру и там выставлены на продажу, как бы приговоренные к смерти, но их было много и выкупить всех не имелось средств, потому что продавались они не иначе, как все вместе. В таких обстоятельствах узники, посоветовавшись со своим игуменом, решились свой монастырь со всем его достоянием подчинить лавре, чтобы только избавиться от смерти. Лавриоты – сперва неумолимые, когда дело касалось человеколюбия, – ради корысти решились выкупить пленников и,

таким образом овладев обителью и достоянием ее, изгнали игумена со всей братией. Изгнанные прибегли к преподобному Савве, как всегдашнему пристанищу обуреваемых. Боголюбивое сердце его не стерпело такой неправды, и много пролил он слез, внимая плачевной их повести, но, не довольствуясь одними слезами, Савва открыл щедрую свою десницу и, заплатив монастырский долг, возвратил Каракалл прежнему настоятелю и братии, а все разоренное в нем обновил и позаботился и о пропитании братства.

От тех же разбойников опустел на Святой Горе и другой монастырь, во имя сорока мучеников, называемый Ксиропотам, и близок был к падению. Игумен и братия, готовые уже ради своего убожества оставить обитель, пришли к преподобному и стали просить его милости. Савва, богатевший не в себя, но в Бога, милосердовал и о них: он выкупил все, что было заложено монастырем и восстановил разоренное, а соборную церковь всю расписал и благолепно украсил, и с того времени носил имя ктитора ксиропотамского. И третий монастырь, называемый Филофей, испытал также силу его щедрот. Он начат был одним боголюбцем, который, однако, не мог довершить его; строитель пришел к Савве и стал просить его участия, чтобы вместе с ним был ктитором обители, – и преподобный для довершения начатого дал ему довольно золота. Вообще, милостыня его была выше всякой жертвы, молитвы и пощения.

Утешенный славой родителя, Савва усугубил пост и молитву и еще большее возымел дерзновение к Богу – и упование не изменило ему. Пламенная любовь его к отцу и к своему народу внушила ему желание, чтобы слава отчая, которой втайне наслаждался он один, сделалась достоянием всех верных сынов его; и он усердно помолился всемогущему Богу, чтобы Господь ниспослал Духа Своего Святаго и прославил на земле подвизавшегося ради Него державного инока Симеона: пусть бы обновились кости его и помазались благовонным миром в изъявление того духовного помазания, которым была исполнена душа его, и пусть бы та благодать, которой наслаждается блаженный пред лицом ангелов Божиих, сделалась явной и пред человеками; сам же он, Савва, хотя и недостойный раб Господень, еще большее получил бы упование, видя, что Господь исполняет молитву его. С верою молился Савва и сам верил исполнению просимого. Подобно тому, как сын, что-либо просящий у своего отца и не сомневающийся, что получит желаемое, заблаговременно призывает своих присных и соседей, чтобы они насладились ожидаемым даром, – так и Савва, как бы уже наперед зная волю Господню, по чрезвычайной своей вере, в годовщину памяти блаженного отца своего дерзновенно призвал в Хиландарь прота с прочими игуменами и старцами именитых афонских обителей. Собралось множество гостей, званных и не званных – так что в обители стало тесно.

Благолепно украшены были и церковь, и самый гроб блаженного Симеона. По обычном чтении Псалтири, узаконенном по усопшим, когда после гостеприимной вечери настало время успокоения, преподобный Савва призвал в церковь прота и сказал ему: «Отче святой, я вместе с братией моей взойду на пирг, чтобы там совершить утреннее славословие на языке славянском, а ты со всеми своими здесь, в Великой церкви, пой утреннее пение, ради памяти преподобного отца моего, и моли о его успокоении; буду молиться и я, и, если Бог прославит раба Своего, вы призовете меня, и я приду к вам». Затворив церковь, отдал он ключи проту и с его благословения взошел на пирг. Недоумевал прот, о чем говорил ему преподобный, и, вручив ключи служащему иерею, сам пошел на покой, в келью, равно как и все бывшие с ним, но богоносный Савва с вечера начал всенощное бдение и о чем прежде пламенно молился, о том же начал взывать к Господу Вседержителю и теперь – чтобы Он излиял благодатную Свою росу на истаявшие, Бога ради, постом кости раба Божия отца его и обновил их благовонным миром; пусть бы родитель его одинаково прославился – на земле и на небесах, а все,

видевшие чудо, пусть бы прославили Господа и познали милость Божию к верным рабам, оставившим ради Него все удовольствия мира.

Настало время утреннего славословия, прот и бывшие с ним игумены совершали службу в соборной церкви и, поминая преставившегося, испрашивали ему упокоения у Господа. В это время вся церковь внезапно исполнилась запахом благовонной масти и благодать Божия излилась на сухие кости. Все усладились сердцем и в неизреченной радости спрашивали друг друга: «Откуда это? Чувствуете ли, что каким-то ароматным благоуханием веет от гроба?» Близ стоявшие хотели видеть, что внутри, – и увидели мраморный гроб блаженного, наполнившийся благовонным миром, которое текло из него ручьями и исполняло все благоуханием. Все объяты были ужасом, прот с бывшими при нем подошел к гробу и увидел такое обилие мира, что оно как бы источником текло по земле. Тут, оставив утреннее пение, все со страхом и слезами стали вопиять: «Господи, помилуй!» Вспомнил тогда прот, что сказал блаженный Савва: «Если буду позван, приду и я», – и не медля велел позвать его. Преподобный с радостью спустился с пирга и, увидев желанное чудо, прославил Бога, что Он удостоил отца его явиться мироточцем во гробе, и теплыми слезами любви окропил гроб отеческий[33].

Прежде всего прот благоуханным миром крестообразно помазал себя и своих; потом помазывалась им и вся братия славянская, освящаемая как бы от руки самого владыки своего и отца. В то же время чрез прикосновение к гробу и чрез помазание святым миром начали исцеляться одержимые нечистыми духами и другими тяжкими болезнями, и все ублажали угодника Божия. Миро истекало не только от костей блаженного Симеона, но и от сухого камня, и от его иконы, написанной на стене над его гробом. «Господи помилуй! – единогласно взывала вся церковь, – дивен Бог во святых Своих и велик в делах Своих! Довлеет нам, грешным, извещение Твоей милости, и сколь велика любовь Твоя к человекам, сохраняющим заповеди Твои! Слава милосердию Твоему!»

По окончании утреннего славословия и по совершении Божественной литургии прот, со всеми игуменами, благословил преподобного Савву праздновать со святыми память святого отца его и, чрез писание, сделать незабвенным житие его. Утешенный сын для пришедших в обитель устроил светлое торжество, осыпал щедротами своими всех от первого до последнего и три дня удерживал прота с игуменами, чествуя их братской трапезой и богатыми дарами. Потом, когда все разошлись по обителям, Савва, пользуясь тишиной, вошел в церковь, где был гроб отца его, и, затворившись в ней, простерся на землю. Поражая себя в перси, он с пламенными слезами взывал к Богу: «Кто я, Господи, и что есть дом отца моего, что посетил Ты нас такой милостью и не презрел моления грешного и недостойного раба Твоего! Что воздам Тебе за все Твои блага! Изнемогает ум мой, не могу достойно хвалить Тебя! Слава Тебе, внимающему молящимся Тебе с верою! Слава Тебе, что пред лицем всех людей прославил раба Твоего, отца моего, дабы и в этих странах познали, что мы и все наше племя – истинные рабы Твои, верно Тебе покланяющиеся во Святой Троице!»

Потом Савва припал на гроб блаженного отца своего, обнимал его и целовал: слезы его растворялись благовонным миром, и он умащался им, освящая все свои чувства, уста, очи и самое сердце; как бы во дни жизни, лицом к лицу, беседовал наедине с родителем, называя его присным своим молитвенником и предстателем в настоящем и будущем. «Скользко здешнее житие, – говорил он, – человечество склонно к падению и никто не изъят от страстей и пороков!» – Потому особенно сын и просил помощи блаженного родителя. Он собрал в сткляницу многоценное миро от честных мощей, чтобы послать его в благословение самодержцу Стефану и утешить братию свою участием в благодати

отеческой; потом, поучив назидательным словом братию Хиландарской обители, возвратился на свое безмолвие, в карейскую келью.

5. ***Священство и странствования преподобного Саввы***

Благочестивый прот Дометий, называвшийся Иерусалимитом, был исполнен благодати Святаго Духа и благоговел к преподобному Савве, видя в нем много благодатных даров. Находясь в духе пророческом, этот старец предсказал ему также славу отца его, когда все они приглашены были в его обитель. Прозорливый провидел в нем доброго пастыря Христову стаду на пажитях благочестия, наставника заблудшим и утешение печальным, из-за чрезвычайной его простоты и смирения, и потому питал к нему искреннюю любовь. На соборах святых отцов в Карее, прот всегда отличал его пред всеми, сажал на почетное место и, желая получать от него благословение, убеждал принять сан священства, но Савва избегал славы человеческой и отрекался по своему недостоинству; наконец едва мог он убедить смиренного инока, только с помощью многих. «Да совершится воля Господня и твое повеление, отче святый!» – сказал Савва и пришел в Хиландарскую обитель, куда призван был епископ Николай, соседнего города Ерисса, имевший власть рукополагать на Святой Горе. Епископ посвятил его во диакона и пресвитера; новопосвященный предложил обильную трапезу всему духовному клиру и всей нищей братии и, благословив всех иноков хиландарских, опять удалился на безмолвие в свою келью на Карее. Там, пришедши к проту, чтобы известить его об исполнении воли его, Савва хотел, по обычаю, принять от него благословение, но прот, с любовью приветствуя преподобного, как сына, принял сам от него благословение, как от отца, поцеловал руку его, положив ее себе на главу и, после братской трапезы, отпустил его на постнические подвиги.

Спустя некоторое время монастырские нужды побудили преподобного идти в Солунь: там, поклонившись гробу великомученика Димитрия и помазавшись святым его миром, водворился он в своей обители, называемой Филокалия, которой почитался ктитором, так как для ее сооружения пожертвовал много золота. В Солуни посетил он митрополита Константия, который много слышал о его добродетели и давно желал видеть его. В то же время в Солуни случился и епископ Ерисса Николай: он рассказал владыке бывшее знамение истекшего мира от гроба преподобного Симеона и о том, каковы были подвиги самого Саввы; митрополит весьма утешался этим и, часто призывая его к себе, наслаждался его беседой. Однажды, в день праздничный, митрополит хотел совершить Литургию с тремя епископами: Николаем ерисским, Михаилом кассандрским и Димитрием адрамитским. Эти епископы пригласили служить вместе с собою и преподобного Савву и соборно благословили его носить набедренник, дав ему вместе с тем сан архимандрита. Блаженный Савва послал из Солуни миро от гроба отца своего к державному брату с описанием всех бывших от него чудес, а сам возвратился на Святую Гору. Посланные принесли в сербскую землю благословенный дар сей, и утешился Стефан небесной славой своего родителя: с благоговением облобызал он честное миро от святых его мощей и, призвав епископа своего и весь благородный синклит, прочел во всеуслышание братнее письмо и повесть о чудесах при гробе родителя.

«Хочу здесь сказать о вражде между братьями, да стыжусь», – говорит писатель жития. Впрочем, не братьев теперь осудим мы, а древнего виновника всякой ненависти, который, от гордости спадши с небес, завистью подвиг первого человекоубийцу Каина на брата своего Авеля и Исава на Иакова. Он-то именно и ныне возбудил вражду великого князя Вулка против его брата, самодержца Стефана, по поводу благословения отчего. Преподобный Симеон, отходя на Святую Гору, вместо себя самодержцем всей сербской земли поставил сына своего Стефана и благословил его на свой престол. По удалении

родителя Вулк, движимый завистью, говорил сам себе: «Когда скончаются дни отца моего, отмщу за себя», – и после его преставления, по совету нечестивых, начал всячески озлоблять державного брата, призывал и венгров себе на помощь, чтобы низвергнуть его с престола; но, хотя воздвигал он много браней, все они сокрушались о благословение отчее, как о необоримую стену. Вулк, с позором обращаемый в бегство, вынужден был укрываться в ущельях гор. От междоусобия страдала сербская земля, поля ее оставались не возделаны, а от многократных кровопролитий пустели города и селения. Тогда державный Стефан написал христолюбивому брату своему Савве, умоляя его подвигнуться на общий глас воздыхания и принести с собой в землю сербскую мощи святого отца их, чтобы укротить междоусобие и смирить иноплеменников.

Услышав это, человек Божий восскорбел духом и, желая утешить печальную душу брата своего, подвигся упованием, что если излияние мира во Святой Горе ознаменовало святость преподобного отца его, то оно же в сербской земле умиротворит и братнюю вражду. Итак, взяв с собой мощи родителя, он пошел с ними в сербскую землю и заблаговременно возвестил о своем шествии царствующему брату, чтобы тот успел с подобающей честью встретить святые мощи. Утешился самодержец, что идет отец его от Святой Горы умиротворить несогласие семейное: он молитвенно возблагодарил Господа за такое милосердие и с епископом, со всеми черноризцами и благородным синклитом пошел в сретение отцу и брату. При пении псалмов, с кадильным фимиамом и радостными слезами поклонились они честным мощам, прикасаясь к ним очами и устами, чтобы освятиться благовонным миром, и на своих руках понесли священную раку. Брат и все бывшие с ним со слезами обнимали богоносного Савву, прося святых его молитв и благодаря за принесенное им сокровище. Изумлялись афонские иноки смирению самодержца Стефана, который преклонял пред ними в прах царственную главу и багряницу свою, припадая к стопам убогих отшельников.

Дивно поистине было это зрелище не только для людей, но и для ангелов: теперь уже не кости древнего Израиля переносимы были Иосифом, с простыми погребающими из Египта – земли рабства, но сопровождался от Святой Горы сыном-ангелом и встречаем был сыном-самодержцем державный некогда и преподобный Симеон-мироточец, новый Израиль и патриарх, восприемлемый сынами сынов своих, всем собором и синклитом. С такой честью проводили его в сооруженную им во имя Богоматери обитель Студеницы: положив там честные его мощи в мраморном гробе и совершив Божественную службу, братья обильной трапезой насытили не только всех пришедших, но и собравшихся к погребению святого Симеона нищих. Блаженный Савва с пришедшими с ним афонскими иноками остался в Студенице до второй годовщины святой памяти блаженного его отца, чтобы потом опять возвратиться на Святую Гору.

Накануне того дня было совершено вечернее славословие, но богоносный Савва не удалился на покой подобно другим: напротив, как некогда на святой Афонской Горе, он во всю ночь не дал дремания очам своим, умоляя Господа, чтобы повторилось то же знамение мира пред всем народом сербским, какое было на Святой Горе, дабы все прославили Господа и Его угодника и пришедшие с ним познали православие угодившей Богу земли сербской. Преподобный сын молитвенно обратился затем и к отцу своему и умильно говорил ему: «Все мы здесь – люди твои и дети твои, которых дал тебе Бог, все мы здесь – чада твоей церкви и ждем отеческих твоих щедрот. Не скрывай для себя единого дарованную тебе от Бога благодать, но открой и пред нами небесное твое богатство излиянием мира, во уверение твоих чад и людей твоих на земле, где некогда ты царствовал, дабы все твои возрадовались о тебе и душа моя не омрачилась печалью».

Потом Савва велел ударить в било к утрени и сам, совершая Божественную службу во глубине алтаря, проливал много слез и с воплем крепким взывал к Богу, чтобы Господь услышал его молитвы и подал то, что будет на пользу просящим. Внял Господь гласу его смирения: во время Божественной литургии внезапное ощутилось в церкви благоухание и опять, как было на Святой Горе, повеяло ароматами от гроба. Державный Стефан, предстоявший гробу, хотел сам видеть, откуда такое веяние: и внезапно увидел, что мраморный гроб родителя, как бы водами многими, исполнен был кипящим миром, которое от преизбытка изливалось повсюду. Тут в ужасе воскликнул он: «Господи помилуй!» – и все присные стеклись к нему и в радостном изумлении взывали: «Дивен еси, Господи, слава Тебе!» Между тем, сделалось в храме такое волнение, что преподобному от шума и плача невозможно было совершать Божественную службу: он сам от слез и рыданий не в силах был говорить народу и едва мог наконец вымолвить самодержцу и всем плачущим, чтобы утихли. Миро текло не только от гроба, но и от лика преподобного в трапезе церковной, и оно собираемо было в драгоценные сосуды. По окончании службы Савва, приступив ко гробу родителя, помазал миром державного брата своего, присных, весь народ и пришедших с ним от Святой Горы: миро это все брали себе в домы на благословение.

Тогда блаженный сказал брату, синклиту и народу: «Видите, что открылось пред вами; это было от Господа, дивно пред очами вашими; возрадуемся же, по слову псаломскому, в сей день, который сотворил Господь (Пс. 117, 24). Вот, отец наш, недавно еще отшедший ко Господу, опять духовно приходит к нам и своей молитвой не отступает от нас: как прежде, во дни жизни, веселил он нас в делах житейских, так ныне, и еще несравненно более, веселит в духовных. Прежде, подобно Аврааму, собирал от нищих и странных и предлагал им гостеприимную трапезу, а теперь приемлет их в лоне Авраама, которому подражал, и вместе с ним радуется. Вчера смиренно преклонял он пред нами главу свою, а ныне мы сами преклоняемся и целуем святой гроб его. Вчера с любовью черпал он для нас чашу воды, а сегодня из той же чаши умащает нас миром святых своих мощей и изумляет чудесами. Сколь благ Бог Израилев к правым сердцем! Он возносит смиренных на высоту и дает милость боящимся Его всегда, ныне и во веки! Не удивимся ли сему, не скажем ли с Апостолом: «Не забывает Бог о трудах и воздаянии рабов Своих, послуживших во имя Его святым и нищим!» – Вот и молитвы, и милостыни, и все доброе в жизни отца нашего вспомнил ныне Господь, и он по делам своим восприял благое: вы сами видели прославление его пред вами, ибо не только от святых мощей своих источает он миро на исцеление недужных и отгнание нечистых духов, но и писанный на стене честный лик его увлажняется миром: это уже совершилось однажды в стране чуждой, на Святой Горе, – это же повторилось и ныне, посреди чад его, в земле собственного его народа. Так восходит он от славы в славу, дабы мы, видя честь отца нашего, поревновали добрым делам его, какими угодил он Богу. Господь являет нам любовью Свою, чудодействуя для нас Своими святыми, дабы мы уразумели, что Он ведает любовь каждого к Нему; и кто ради Него творит какое-либо добро, тот никогда не укроется от всевидящего ока Божия, ибо Господь есть Воздаятель благим. Святые, восшедшие от земли на небо, не требуют себе земной славы, ни человеческой почести, но наслаждаются такими благами, каких и око не видело, и ухо не слышало, ибо наслаждаются любовью Восприявшего их на небесах и вместе с Псалмопевцем вопиют: *что ми есть на небеси, и от Тебе что восхотех на земли?* (Пс. 72, 25). И все это делается нашего ради спасения, чтобы мы славили Бога, дивного во святых Своих и, ублажая достойно благоугодивших Ему на земли, поревновали делам их».

«Посему и я умиленно ныне прошу сродников моих по плоти подражать делам отца нашего, истинной его вере и правде, смирению и кротости, любви к ближним, щедроте к нищим, милости к во всем подобным нам людям, братьям вашим по святому крещению,

хотя и под властью вашей находящимся, памятуя, что и у вас есть Господь на небеси и что у Бога нет лицеприятия. Пред Ним станет владыка с рабом, царь с воином, отец с сыном, когда престолы поставятся и Бог воссядет на суд, и река огненная потечет с шумом, готовая восприять грешных, и книги наших деяний отверзутся, где все написано перстом Божиим; тогда как горы над нами станут обличители грехов наших, ибо на страшном том прении подвергнется испытанию каждый: нельзя там будет прикрыть истину ложью – каждый узрит все свое и убоится, и не останется места, куда можно бы бежать, ибо Сам Господь будет судить людей Своих, а страшно, – говорит Апостол, – впасть в руки Бога живаго! Сего ради и я внушаю вам отгребаться от всякого зла и творить все, что пред вашими очами творил отец наш, дабы и вы, избегнув страшных этих зол, наследовали с ним неизреченное благо в безконечные веки. Бог мира и любви, молитвами святого отца нашего, со всеми нами и вами. Аминь».

Внимая страшному сему оглашению, самодержец и все его вельможи со слезами преклонили свои выи и от глубокого умиления забыли даже о хлебе, хотя день склонялся уже к вечеру и время трапезы давно миновало. Изумлялся старейший державный брат сладкой речи, исходившей из уст меньшего, и все, падши ниц к ногам его, просили, да исходатайствует он им благодать – не только быть слушателями его словес, но и делателями оных. Когда церковный собор разошелся, все сели за трапезу и после духовной пищи наслаждались телесно, не забывая при этом, ради памяти общего отца их Симеона, и о людях убогих. Вскоре потом преподобный Савва начал напоминать о своем отшествии на Святую Гору – и это слово было острым копием, пронзавшим сердце державного. «Не оставляй нас, отче святой, – говорил он брату, – чтобы не исторгнуть души моей прежде времени. Приникни к мольбам святого отца нашего Симеона и останься в созданной им обители Пресвятой Богородицы: начальствуй над братией, не славы ради, а ради блага братий своих и всех людей отечества твоего, ибо для того, думаю, и послал тебя Бог, чтобы довершить не оконченное отцом нашим; я же – раб твой во всем, чего пожелаешь, – буду служить тебе, как господину моему. Но если, имея власть сделать нам много на пользу душевную, ты убежишь от нас ради лености, то воздашь ответ Господу нашему».

Кроткая душа Саввы, не хотевшая оскорблять никого, видя усердную мольбу брата, вельмож и всех пришедших с ним иноков, была и на этот раз побеждена своим благоутробием: «Воля Господня и твое желание да совершатся!» – сказал он брату. Возрадовался державный Стефан и все его присные – словно приобрели великое некое сокровище. Савва водоврился во святой лавре – Студенице, созданной его родителем до удаления его на Афон, и так как сам поставлен был в Солуни архимандритом, то и этой обители доставил звание архимандрии. Таким образом, не под спудом остался этот светильник, но поставлен на свещнике в своем отечестве и так продолжал подвиги афонские, умерщвляя плоть свою и проповедуя слово Божие в народе к общему утешению братии. Сладостнее меда и сота были речи его, а чудеса запечатлевали благодатную силу их, ибо молитвой его исцелялись болящие и изгонялись бесы: все благоговели пред ним не как пред человеком, а как пред пророком Божиим. Пришествие Саввы было умиротворительно и для присных, ибо самодержец Стефан снова сблизился с братом своим, великим князем Вулком, на которого подействовало слово священноинока: устыдился он и оставил коварные замыслы, в которые был вовлечен дурным советом, и при взаимной любви братской усилилась к нему любовь народа.

Молитвами святых отец Симеона и Саввы в стране сербской стало распространяться и благочестие. В это время начали строить великую церковь Вознесения Господня для кафедры архиерейской, на месте, называемом Житчи; преподобный архимандрит создал много деревянных и каменных церквей и в Студенцах. Однажды Савва вместе с

самодержцем пришел посмотреть здание архиепископии, для которого созваны были лучшие каменщики и художники из земли греческой. Тут увидел он человека, который расслаблен был всеми членами и, прося на пути милостыни, в таком безпомощном положении пел псалмы Давидовы. Прослезился Савва о немощи человеческой и, по слову Христовой притчи о милосердном самарянине, с одним из учеников своих положил на свою мантию расслабленного и внес его в церковь пред икону Спасову: здесь, оставшись с ним наедине, он сперва исповедал грехи свои пред Богом, а потом испросил милость Божию и болящему; здесь умастил он болезненные его члены отеческим миром, растворенным его слезами и, воззвав молитвенно к Господу, разрешил больного: расслабленный встал и начал ходить. Скоро слух о чудном этом исцелении распространился повсюду, и многие начали приносить к преподобному своих недужных; преподобный исцелял их молитвою и миропомазанием. Слыша о совершающихся чудесах, жители окрестных стран исполнились благоговения – не только к преподобному Савве, но и к державному его брату – и просили его принять их под крепкую свою руку.

Один страшный случай еще более ознаменовал чудодейственную силу Саввы, когда он должен был явиться защитником невинных и карателем преступных и щитом молитвы охранять страну свою от кровопролития. Стефан призрел у себя в Сербии одного из родственников бывшего краля болгарского Калояна. Этот краль погиб нечаянной смертью, когда, пользуясь завоеванием Царьграда оружием франков, хотел разорить Солунь: была общая молва, что сам великомученик Димитрий не допустил его до своего города. Имя князя болгарского, искавшего себе защиты под сенью Стефана от гонения нового краля Борилла, было Стреза. Борилл боялся воинских доблестей Стефана и близкого родства его с умершим Калояном. Несколько раз обращался он к властителю сербскому то с предложением даров, то с угрозами, чтобы выдан был ему Стреза: однако благочестивый Стефан не только не соглашался на низкое дело, но еще почитал покровительствуемого им за сына и даже назвал его крестовым своим братом, запечатлев духовный союз этот клятвой над Евангелием, несмотря на то, что многие из вельмож предупреждали Стефана о жестоком нраве и кровожадности этого болгарского выходца. Стефан пользовался его влиянием и родственными связями, чтобы привлекать под свою державу нескольких малых болгарских владельцев, княживших в окрестностях Солуни и Охриды.

Наконец, он дал ему во владение крепкий замок Просек, на неприступном утесе, над широкой рекой Вардар, и тут-то вместе с крайней свирепостью Стрезы обнаружилась вся его неблагодарность. Любимой его потехой было сидеть на вершине утеса и свергать с высоты его в речную пучину людей, навлекших на себя его негодование, хотя и по самой ничтожной вине. Не было никому свободного проезда мимо замка: каждому угрожала опасность от прихоти сурового властелина. Окрестные жители не раз обращались с жалобой к жупану сербскому, и неоднократно посылал от себя Стефан присных к извергу, чтобы смягчить его сердце. Стреза на неприступном своем утесе смеялся над увещаниями Стефана и, наконец, собрав около себя толпу подобных себе злодеев всякого звания, дерзнул выступить против своего благодетеля. Тогда-то уже, но слишком поздно, узнал свою ошибку Стефан и вынужден был собрать сербскую дружину против закоснелого злодея. Он возложил надежду свою на Господа, Заступника правых, и сам вышел в поле наказать бывшего своего друга, оказавшегося недругом.

С горестью услышал Савва о походе брата и о предстоявшем кровопролитии. Исполненный духа любви Христовой, вызвался он идти сам в стан неприятельский, чтобы словом кротости умиротворить врага. Не без страха отпустили его присные, но Савва боялся единого Бога. Смело вступил он во враждебный стан: Стреза, знавший его при дворе братнем, встретил его с честью и даже пал к ногам его, прося благословения.

Сладостной речью начал убеждать преподобный ожесточенного, чтобы отстал от своих злодеяний, напоминая ему прежнюю любовь и царственные щедроты Стефана, но не мог тронуть каменного сердца ни лаской, ни угрозами грядущего на него гнева Божия и наконец сказал: «Так как, уповая на свое оружие, ты не приемлешь благих советов, то сам себе готовишь гибель. На Господа возлагаем нашу надежду и не страшимся твоих полчищ: Господь рассудит нас». Так расстались они, и Савва, возвратившись в свой шатер, воззвал к Богу отца своего Симеона, чтобы Он призрел на рабов Своих и смирил неправедного, обратив против него собственное его оружие. Не дождавшись рассвета во вражьем стане, преподобный ночью пустился в обратный путь, и в ту же ночь страшный вопль и тяжкие стоны понеслись из шатра болгарского властителя. Спешно собрались к нему отроки и нашли его на одре, пронзенного собственным мечом. «Грозный юноша, – сказал он, – назвавший себя посланцем Саввы, напал на меня спящего и, исхитив меч, пронзил мою внутренность». Он просил послать вслед за преподобным, чтобы умолить его об исцелении, но его уже не настигли, и таким образом, оставшись без всякой помощи, неблагодарный Стреза испустил нечистую свою душу. Испуганная его дружина быстро рассеялась, и Стефан избавился от напрасного кровопролития. Владыка сербский и все его присные прославили Господа за легко полученную ими победу, приписывая ее молитвам святого Саввы.

Руками Саввы продолжали совершаться непрестанные чудеса, возбуждая народную молву и общее к нему благоговение. Устрашился преподобный, как бы не утратить вечных благ ради временных, и вспомнил о безмолвном своем жительстве на Святой Горе и об уединенной келье на Карее, свидетельнице стольких подвигов пустынной жизни. Сколько ни старался убедить его державный брат остаться в Сербии, Савва пребыл неумолим и, поставив на свое место игумена в лавру Студеницы, простился с братом и всеми присными. Горько было это расставание, ибо как одна душа в двух телах, так единодушны были оба брата: удаление Саввы представлялось Стефану как бы удалением его собственной души из тела. Дав ему много золота, державный проводил его до пределов греческих и взял с него обещание возвратиться. Но с какой горестью провожали его здесь, с такой же радостью встречали на Святой Горе – и настоятели, и старцы всех обителей, а особенно братия родного Хиландаря. Теперь он снова водворился в безмолвной келье, которая и доныне слывет постницей Саввы на Святой Горе, по чрезвычайным подвигам поста его в ней.

Вскоре, по таинственным судьбам Божиим, престало истекать миро от гроба преподобного Симеона, и державный Стефан, принимая это за изъявление гнева Божия к их недостоинству, строго испытывал свою совесть, усугубил молитву и милостыню и часто приходил плакать на гроб родительский. Наконец решился он писать к брату на Святую Гору, чтобы тот пришел утешить его своим лицезрением: «С тех пор, как оставило нас твое преподобие, отвратился от нас и святой отец наш Симеон, ибо иссякло утешавшее нас святое миро, истекавшее от мощей его, и он, доныне милосердовавший о нас отечески, теперь как бы ожесточился и более не внемлет нам, по грехам ли то нашим или потому, что тебя нет с нами! Итак, прииди уврачевать нашу болезнь, не презри мольбы единоутробного твоего брата, хотя человека и грешного: быть может, и отец наш, утешенный твоим пришествием, возвратит нам милость свою и твоими молитвами потечет опять святое миро от мощей его».

Но Савва не мог отторгнуться от сладости безмолвного жития и не тронулся братней мольбой: он только написал от себя послание к отцу своему, как бы к живому, «чтобы он простил прегрешения чад своих и раскрыл опять заключенный в нем источник: как некогда, находясь еще во плоти, – писал Савва, – внимал ты молениям сыновним и, отходя от сей жизни, обещался исполнять мольбы наши, так и ныне да явится отеческая

твоя любовь и не посрамит нашего упования». Написал он утешительное письмо и к брату, которое послал с учеником своим, честным старцем Иларием. Но, вручив ему то, которое было написано к отцу, Савва не велел открывать его, доколе не будет оно прочтено после Божественной литургии над самым гробом преподобного. Священноинок Иларий исполнил все в точности, по велению своего аввы. Державный брат, хотя и дивился, что Савва не исполнил пламенной мольбы его, однако с великой честью принял посланного. Вместе с Иларием пошел он в лавру Студеницы: во время всенощного бдения афонский пришелец изумлялся молитвенному стоянию и слезному умилению державного, который превосходил подвигами, по-видимому, и убогих афонских иноков, ибо не таков был Стефан, каковы бывают иные мирские властители: мудрый в совете, доблестный в воинстве и светлый посреди вельмож своих, на трапезе и во дворце, он превосходил и самых иноков на молитве, омывал землю потоками слез, украшал достоинство венца своего любовью к нищим.

После Божественной литургии весь освященный собор, со свечами и кадилами, приступил к гробу преподобного Симеона, близ которого стоял самодержец, обливая его слезами. Честный Иларий, державший в руке послание, прочел его над гробом во всеуслышание всех, и внезапно потоком воскипело из него благовонное миро, так что сосудами не успевали собирать его, и умастился им весь пол церковный. Утешенный Стефан, стоя при гробе, сказал умилительное слово братии и народу, ублажал отца своего и брата и взаимную любовь их, ознаменованную чудом, – ибо слыхано ли было когда, чтобы живой писал к усопшему и усопший внимал ему с послушанием, как живой! С великой честью отпустил Стефан инока Илария на Святую Гору и дал ему благодарное послание к брату, которому послал много даров и отеческое миро.

6. *Свидетельство святого Саввы*

Некоторые монастырские нужды побудили преподобного опять идти к царю и патриарху – ходатайствовать о Святой Горе и Хиландарской обители, но уже не в Царьград, где тогда владычествовали франки, завоевавшие в 1204 году столицу империи, а в древнюю Никею, прославленную первым и седьмым Вселенскими соборами: там царствовал Феодор Ласкарис, родственник сербских царей – ибо дочь его была выдана за князя Радослава, племянника святого Саввы и сына Стефанова. Император принял его с великой любовью, ибо, наслышавшись о его подвигах на Святой Горе, давно уже желал видеть его и исполнил все монастырские его прошения. Савва хотел уже оставить Никею, когда пришла ему от Господа благая мысль воспользоваться благоприятным случаем и порадеть о земле сербской. «Приду ли когда-либо сюда еще в моей жизни?» – подумал Савва и, возложив упование на Бога, приступил к царю. «Господь Бог, хотящий всем спасения, – сказал он, – старанием отца нашего и нашим, удалил от земли нашей ересь (вероятно, латинскую или богомилов, рассеянных в то время в Болгарии): православие в Сербии возрастает и умножается. Но один у нас недостаток: мы не имеем своего архиепископа, который посвящал бы для нас иереев и учил бы нас заповедям Господним (вероятно, в то время свидетельствовали в Сербии греки). Поэтому особенно молим ваше благоутробие: повели, царь, святому отцу, вселенскому патриарху, единого из пришедших с Афона братий моих посвятить архиепископом, в утешение наше и в похвалу благочестия вашего». Император отвечал: «С радостной душой исполню твое прошение, но хочу видеть избранного тобою брата – благоволит ли к нему душа моя, ибо велик должен быть муж, на которого падет сей высокий жребий». – «Пусть все приидут пред царские твои очи, – сказал ему Савва, – и Ангел твой укажет тебе, к кому Господь расположит твою душу». Когда собрана была вся пришедшая братия хиландарская, державный сказал: «Все братия твои честны и святы, но я не могу ни одного из них возвести на такую высоту сана

и апостольского седалища: к тебе самому благоволит о Боге душа моя, ибо житие твое не скрылось от нас с первых дней твоей юности».

Смутился Савва и отрекался от высокой степени, которой почитал себя недостойным. Между тем, император объявил о прошении его патриарху и сказал, что выбор его не падет ни на кого иного; патриарх принял слово царское с радостью, ибо тоже много любил преподобного. Кесарь, вместе с первосвятителем, снова приступил к святому Савве и умолял его «не чуждаться апостольского звания, возвещаемого Духом Святым в сердцах их, но Бога ради принять совет их для пользы сербов, чтобы слово учения его было в народе со властью и чтобы он не себя единого спасал пустынным молчанием, а многих в мире обратил бы от заблуждения, что вменится ему в большую любовь к Богу». Но, одержимый любовью к пустынной жизни, преподобный убегал высоких почестей, как птица – тенет, предпочитая всему ангельское житие и подвиг поста. Он продолжал упорствовать пред царем и патриархом, ссылаясь на свое недостоинство, пока наконец император, огорчившись, не сказал ему: «Где слыхано, чтобы неимущий отказывался от чего-либо с таким любопрением; гораздо приличнее было бы тебе повиноваться богоугодному совету многих, чем не покоряться и противостоять. Так как ты хочешь утвердиться в своей воле, то ищи себе посвящающих: мы на это не согласны». Сказав так, царь удалился в свои покои.

Что же смиренномудрая и праведная эта душа, ненавидевшая почесть как хулу и безчестие? На что решилась она, видя огорчение царя и понуждение от патриарха и всех вельмож? Савва решился покориться воле державной и сказал: «Изволение Божие и святое ваше повеление да совершится над нами грешными». Тогда император велел от царской палаты приготовить всю нужную утварь для посвящения архиерейского. В день Успения Богоматери 1222 года вселенский патриарх Герман[34] рукоположил Савву архиепископом всей сербской земли; царь присутствовал при посвящении со всеми вельможами и возглашал: «аксиос», – «достоин», и достоинство его явлено было от Господа. Некто, сподобившийся Божественного видения, сказал впоследствии патриарху, что во время возложения святительских рук на главу поставляемого внезапно излился на него чудный свет, и весь он сиял пред ними как огненный. По окончании Божественной службы император и все присные его приблизились к новому святителю принять от руки его благословение. Кесарь пригласил к себе на трапезу патриарха со всеми епископами, и патриарх посадил подле себя нового архиепископа сербского как сопрестольника. Все прияли щедрую милостыню от руки царской, и в радостный этот день не были забыты нищие.

Вскоре святой Савва начал собираться в родную землю на указанный ему от Бога жребий, но ему опять пришла мысль для избежания дальнего путешествия в Никею и большой траты денег испросить у державного первосвятителя право на посвящение архиепископов сербских в собственной земле их, ибо частые войны между западными и восточными властителями могли иногда преграждать пути, либо даже нерасположение самих первосвятителей или кесарей могло кафедру сербскую повергать в продолжительное вдовство. Рассудив это в сердце, святитель Савва пожелал устроить церковь свободной от всех этих бед, самовластной, ни в чем не зависящей ни от Востока, ни от Запада. Призвав себе на помощь преподобного отца своего Симеона и с полным упованием приступив к императору, он говорил: «Если, по внушению Божию, благоизволил ты показать нам совершенную любовь, то доверши оную повелением твоей тихости, чтобы благословением устным и письменным святого отца нашего вселенского патриарха даровано было право не приходить впредь архиепископам нашим для посвящения в царствующий град, а рукополагаться собором своих епископов».

Изменилось лицо царя, когда услышал он столь нечаянное прошение: не понравилось оно ни патриарху, ни вельможам, ибо они хотели, чтобы Церковь сербская была подчинена вселенскому престолу и прибегала к нему со многими дарами. Но, с другой стороны, император, по чрезвычайной любви к святому Савве, стыдился отпустить его скорбным, не исполнив прошения, и потому, хотя с трудом, однако ж унял негодование патриаршее и снизошел к желанию родственного ему святителя. По убеждению царскому святейший патриарх написал от себя грамоты, чтобы с того времени ищущему достоинства архиепископа сербского не приходить из сербской земли в царствующий град, но быть посвящаемым у себя собором святых епископов: эта грамота была подписана собором всех присутствовавших в Никее митрополитов и епископов. Патриарх, неоднократно приглашая к себе новопоставленного архиепископа, научал его всем правилам церковным и, наделив утварью, вручил ему такую грамоту: «Герман, Божией милостью архиепископ Царьграда, нового Рима, и вселенский патриарх, имени ради Господа нашего Иисуса Христа, посвятили Савву архиепископом всей земли сербской и дали ему власть во всей его области церковной посвящать епископов, иереев и диаконов, вязать и решить вины человеческих погрешений и всех учить и крестить во имя Отца и Сына и Святаго Духа: все православные христиане да послушают его, как меня самого».

Щедро одаренный патриархом, Савва пришел проститься к императору, который, с любовью прося благословения его, сказал ему: «Все твои прошения исполнены, отче; молим твою святость, чтобы твоими молитвами быть нам благоприятными Богу; сопровождаемый Ангелом Господним, да приидешь ты благополучно к своим и известишь нас о твоем здравии. Император дал ему все нужное в путь, а когда он отрекался, со смирением говорил: «Ему, как новопоставленному, необходимо будет дорогой подавать всем просящим у него, да молятся о нем». Такой-то великий подвиг совершил святой Савва в краткое время для всей своей сербской земли, удостоив ее не только архиепископского сана, но и независимого святительского престола! Морем отплыл он во святую Афонскую Гору: здесь пустынные отцы, услышав, что бывший их сожитель приходит к ним уже облеченный властью святительской, все устремились к нему в сретение из пустынных гор, из пещер и каменных расселин, с радостью и вместе с печалью, ибо чувствовали, что блаженный должен оставить их. Все они спешили принять от него благословение и последнее целование и, восхваляя Бога, стекались в Хиландарскую обитель, где святитель, на пути к своей родине, водворился временно.

Грустно было думать, что спостник их и сподвижник с детских лет, возросший вместе с ними в пустыне и осыпавший их своими благодеяниями, навсегда оставил их. Прот и игумены старейших и меньших монастырей, узнав, что патриарх дал ему власть рукополагать в своей церковной области, один за другим призывали его в свои обители служить с ними Божественную литургию и посвящать у них иереев и диаконов. Так обошел он в последний раз все монастыри, поклонился всем церквам и, простившись с протом и игуменами, возвратился в Хиландарь. Там еще однажды поучил настоятеля и братию страху Божию и всякой добродетели и, преподав им во Христе целование, вышел из обители с несколькими избранными иноками, которых предполагал посвятить епископами в Сербии. Но, оставляя Святую Гору, святитель неоднократно обращался взорами и мыслями к красным ее пустыням и с любовью взирал на острые каменные пути, по которым часто проходил босыми ногами, посещая святых отшельников, – воспоминал блаженное житие этих пустынных отцов, которых ум непрестанно возвышался к Богу в молитвах, и с благодарностью приводил себе на память, что от их созерцания и сам научился многому в первые годы пустынножительства.

Все это с любовью вспоминал святой Савва, и когда помышлял, что ничего подобного не встретит в своей земле и что ему предстоит там положить основание архиерейской

кафедры, еще более чувствовал всю тяжесть настоящей разлуки: исходя из Святой Горы, как бы из некоего Божественного рая, подобно древнему Адаму, он горько плакал и восклицал: «О, скольких благ лишился я, окаянный! Сколько было здесь богатства! Здесь мог я без всякой мирской печали молиться в тишине Богу – и все это переменил теперь на тщету человеческой славы! Увы мне! Кто не восплачет о моей участи! С какой высоты ниспал я и что приобрел! Господи, Боже мой, на Которого уповая удаляюсь от сей святыни, ухожу от Святой Горы! Если есть о мне воля Твоя благая, молитвами Пречистой Твоей Матери и угодника Твоего Симеона, отца моего, не оставь меня в такой скорби, утопающим в унынии!» Так, шествуя весь день, дряхлый и унылый, с трудом достиг он первого ночлега, вне Горы Святой, и там стал опять воздыхать о лишении ее. Но, по слову псаломному, гора мысленная и святая, гора Божия, гора тучная, гора, усыренная Духом, гора небеси подобная и превысшая всех гор и всех ангельских сил, Всечистая Дева и Матерь Божия, от Коей, как от горы великой, воссиял Христос, в сонном видении воздвигла от уныния душу его, говоря: «Имея Меня споручницей к Царю всех, Сыну и Богу Моему, о сих ли еще скорбишь? – Восстав, иди со тщанием на дело, на которое избрал тебя Господь, ни о чем более не думая, ибо все о Господе будет споспешествовать тебе во благое».

Воспрянув от видения, святой Савва почувствовал сладостное утешение в своем сердце и, обливаясь слезами – уже не в печали, а в радости, – возблагодарил Бога за то упование, которое обновлено в нем словами Пречистой Божией Матери, и весело продолжал путь свой. Пришедши в великий город Солунь, он поклонился гробу святого великомученика Димитрия и, посетив митрополита, водворился в своей обители Филокалии. Немедленно велел он написать две местные большие иконы: Господа Вседержителя и явившуюся ему гору Божию, всечестную Матерь Господа и, благолепно украсив их златыми венцами с драгоценными каменьями, поставил в церкви Филокалии память бывшего ему явления. В Солуни приготовил он также и всю церковную утварь, необходимую для его архиепископии и, провожаемый митрополитом и епархом, направился в родную землю.

Двойной радостью исполнился державный Стефан, когда услышал, что возвращается брат его блаженный Савва, и возвращается уже не просто архимандритом, а первосвятителем всей земли сербской. Будучи сам одержим тяжкой болезнью, послал он к нему вместо себя детей своих, до пределов земли греческой. Когда же пришел Савва к болезненному одру брата, он не мог даже и подняться, чтобы обнять святителя, – так безнадежна была болезнь его! Но здесь, с пришествием Своего угодника, Господь переменил всеобщую печаль на радость. Святой Савва животворящим крестом освятил воду, напоил и омыл ею болящего и, возложив руки на главу его, помолился о нем с теплыми слезами; болезнь внезапно исчезла, смертную бледность заменил румянец жизни; больной, не имевший сил подняться, сам встал с одра и даже мог разделить трапезу с братом и вельможами – да и не только он один: исцелялись и все те, на которых святитель возлагал свои руки.

Стефан совещался с братом своим и вельможами, где бы устроить архиепископию и поставить епископов. Все направились в святую лавру Студеницы: там святой Савва обновил обычаи Святой Горы, ввел порядок Божественной службы и всех поучал покаянию. Чудное было зрелище и повторялось непрестанно: когда первосвятитель во время Литургии и всенощной приходил покадить гроб отца своего – преподобный Симеон, как бы воздавая сыну почестью за почесть, внезапным излиянием мира исполнял церковь; усопший веянием ароматов отвечал живому. Такими дивными знамениями утверждались в вере все православные. Из лавры пошел святой Савва на предназначенный ему престол архиепископский, во вновь сооруженную великую церковь Вознесения Господня на месте, называемом Житчи. Она еще не была довершена, но святой украсил ее стенным писанием и святую трапезу утвердил на мощах мученических. Там посвятил он

двенадцать избранных учеников своих во епископы Сербии и, несмотря на все эти святительские труды, днем и ночью не преставал поучать всех к нему приходивших, а особенно новопоставленных, чтобы во всем следовали они учению соборов и святых отцов, и потом каждого отпускал во вверенную ему область.

7. *Царское венчание Стефана*

Когда окончательно создана была в Житчи великая церковь, для которой иконописцы и мрамор выписываемы были из Царьграда, архиепископ Савва велел брату своему созвать всех его правителей и вельмож, а сам со своей стороны созвал епископов и игуменов и, посреди их сонма, в кафедральной церкви, воссев вместе с братом на престоле, сказал во услышание всех о причине настоящего необычайного собрания: «Всем вам известно двукратное мое от вас бегство, знаете вы и то, что ничего из прелестей мира не предпочел я любви Божией; молитва к Богу всегда была лучшим для меня на земле блаженством. Вас ради, моих соплеменников, оставил я святую, сладкую мне пустыню и пришел сюда искать не чего-либо вашего, а вас самих – ради ваших душ возненавидел свою, поминая древних святых, сердобольствовавших о своем племени. *Аще спасая спасеши люди сия,* – говорил Моисей Богу, – *спаси: аще ли ни, то и мене испиши от книг, в нихже вписал мя еси* (Исх. 32, 32); и Павел апостол желал сам быть отлучен от Христа ради братий своих по плоти (Рим. 9, 3). Соревнуя им, и я болезную о вас, и я ради вашего спасения не забочусь о своем, но если чрез послушание ваше узаконится благое, то усвоением вас Богу приобрету свое спасение и я. Посему молю вас, будьте послушны мне во всем, что предложу вам о Господе. Господь Бог ваш, молитвами угодника Своего, святого праведного отца нашего Симеона, утвердил вас и распространил: много между вами начальников и воевод, много жупанов малых и великих. Но властвующему у вас не подобает носить одинаковое с прочими наименование своей власти: напротив, он, как и я, ради вас облеченный властью священства и поставленный во главу Церкви, должен для вашей чести, славы и величия украситься венцом царствия». Умилились все, внимая слову, исполненному любви, и с радостью покорились посланному к ним от Бога, обещая во всем повиноваться ему.

Наступил светлый праздник Господа и Спаса нашего, и во время Божественной литургии в урочное время пред совершением даров призвал Савва брата своего, великого жупана, пред святой жертвенник, молитвенно облек его в царскую багряницу, препоясал драгоценным поясом, возложил на главу его венец царствия и, помазав освященным миром, провозгласил его, милостью Божией, самодержавным кралем сербским. Вельможи и народ – все единодушно поклонились ему и взывали: «буди, буди!». По окончании Божественной службы для архиепископа и нового краля приготовлен был великий пир, на котором присутствовали все благородные и епископы, причем не были забыты и убогие. Не венцу царскому радовался Стефан и не драгоценной багрянице, почитая все это тленным и скоропреходящим, а радовался более великому собранию своего народа и благолепию храма, которого был ктитором, ибо не щадил для него своих сокровищ: церковь эта представлялась как бы земным небом. На другой день архиепископ снова призвал державного брата, облеченного всеми знаками царской своей власти, и весь его синклит и, воссев посреди них на престоле вместе с кралем, преподал народу слово Божие: он внушал всем быть твердыми в вере отеческой и чуждаться ересей, непрестанной молитвой отражать искушения врагов невидимых – и сознаваться в своих заблуждениях, когда кто одержим какой-либо ересью, чтобы верой и покаянием обратиться к православию, ибо страшно впасть в руки Бога живаго.

Внимая сему оглашению, все засвидетельствовали пред святителем, что они веруют так, как он учит их. После сего святой Савва со всеми епископами приступил к совершению

Божественной литургии. Когда вошли они в алтарь и воссели на горнее место для слушания Апостола – сопрестольник апостольский, после слов евангельских, с высоты горнего места, сперва сам во услышание всех исповедал Символ Веры, потом повелел произнести его самодержцу Стефану, первоначальному кралю, и всем его вельможам, а за ними и всему народу, который, по слову святителя, должен был повторить его; потом троекратно приказал всем громко произносить за собой: «Приемлем все Соборы в различные времена и в разных местах сошедшихся святых отец для утверждения православной веры; от кого они отрекались, и мы отрекаемся – кого прокляли, и мы проклинаем. Покланяемся же и целуем всечестный образ человеческого нас ради воплощения Христа, Слова Божия и Отчего; покланяемся и целуем образ Пречистыя Его Матери, и Сию Приснодевою и сущею Богородицею исповедуем; покланяемся святому древу честнаго Креста и целуем его, ибо на нем, Живот всех, пригвоздился Христос; покланяемся Божественным Тайнам Христа Бога нашего и, с верою причащаясь им, приемлем не простой хлеб и вино, а самую Плоть Христа Бога нашего и самую святую и животворящую Кровь Его, излиянную за живот мира; покланяемся святым Божественным церквам и святым местам, почитаем и священные сосуды, покланяемся и образам всех святых угодников Божиих, достойно чтим их и целуем, следуя апостольским преданиям и правилам святых отец: так веруем и так исповедуем; всех же еретиков и всю ересь их злую проклинаем».

Из этого исповедания и отречений видно, против какой ереси они особенно были направлены: павликияне, или богомилы, в то время свирепствовали в Болгарии и, подвигаясь далее к западу, полагали начало протестанству, отвергавшему священное предание Церкви. Умилительное было зрелище всенародного собрания в храме, гласно исповедующего свою веру и обличающего ересь. Так некогда собирались все на Иордан к Иоанну Предтече, когда очищение наше, Сам Господь Иисус, крестился посреди грешников, чтобы очистить их от грехов. Савва, как другой Предтеча, стоял посреди народа и всем вопиял: «Покайтесь!» Стефан краль, нравом нетерпеливый, стоял здесь кротко, изумлялся неслыханному у них делу братнему и многими слезами покаяния обливал помост.

И на третий день Савва созвал в архиепископию синклит и народ, поучал всех правой вере, без которой безполезны благие дела, внушал более всего соблюдать святые догматы. Преподав всем мир и благословение, он отпустил краля и благородных его восвояси, а исповедавших ересь удержал при себе в церкви для более тщательного испытания: здесь не крещенных, огласив по чину церковному, сподобил он святого крещения, а державших латинскую ересь, по истинном исповедании, утвердил в православии святым миропомазанием. Так научил он действовать и своих епископов, а многих благочинных пресвитеров послал по церковной своей области – освятить таинством брака тех, которые взяли за себя жен без благословения, хотя бы они были уже в старости и имели детей. Сам же святой Савва, проходя всю свою землю, утверждал в православии народ, очищал нравы, возбуждал к покаянию, устанавливал церковные службы и привлекал всех к соборной апостольской Церкви, обещая им милость брата своего краля и отлучая от Церкви закоснелых еретиков.

Царское венчание Стефана возбудило зависть в крале угорском, который не мог радоваться величию Сербии и объявил ей войну. Смутился Стефан, не приготовленный к брани, и просил святого брата своего идти умиротворить врага. Благодушествовал Савва и, возложив упование на Бога, смело пошел в Венгрию, где собралось уже много команов, чтобы идти на сербскую землю. С честью принят был Савва, как святитель и царский брат, но благое слово его сперва не подействовало: как непреклонный кипарис, не внимал ему краль; однако упование Саввы не ослабело. Знойный был день: посреди жаркой

беседы святитель пожелал прохладить жажду свою холодной водой; послан был служитель принести немного льда, но в великом смятении возвратился с вестью, что от чрезвычайного жара лед весь растаял. Краль огорчился, а святой, подняв к нему преподобные руки, просил Господа, молитвами Богородицы и преподобного отца его Симеона, сотворить знамение для обличения людей ожесточенных и послать град с небеси, чтобы прохладить народ. Внезапно, по его молитве, блеснула молния, прокатился гром и рассыпался град широкой полосой на всю окрестность. Ужаснулся краль с бывшими с ним и от страха взывал: «Господи помилуй!» Потом, по слову святителя, страшная буря опять стихла. Савва велел собрать полный сосуд града и сперва сам вкусил от него, как бы от некоего благословения, потом поднес кралю и сказал: «Так как у твоего кралевства не было льда, то я испросил эту прохладу у Творца времен, и Господь от Своих неоскудных сокровищ даровал мне лед, чтобы я мог подать его и тебе в благословение».

С благоговением принял краль подносимый ему дар Божий и умилился в своем сердце – и не только он, но и все его вельможи с любовью приходили поклониться святому, прося его быть у них присным гостем и простить все сказанное вопреки ему. Все просили его благословения и целовали его власяницу, ибо видели в нем человека Божия: ради него переменили враги прежнюю вражду свою к Сербии на твердую любовь. Особенно полюбил святого Савву краль, уважая его как отца своего и учителя, и пожелал исповедать пред ним все грехи своей жизни и свою веру, чтобы убедиться, в истине ли он пребывает. Святитель с любовью принял его покаяние и внушил ему отречься от ереси латинской, чтобы затем держаться уже православия. После троекратного отречения от ереси и исповедания веры архиепископ приобщил его Святых Таин и наставил в добром учении. Утешенный краль с миром и благословением отпустил Савву к брату его Стефану со многими дарами. О крале венгерском говорят, что он до самого конца своей жизни помнил поучение святого и сохранил православие, отличаясь истинным смирением и наипаче любовью к нищим: когда же этот блаженный Владислав преставился к Богу, Господь прославил его чудесами. Венгры и доныне хвалятся, что имеют у себя мощи святого и краля-чудотворца.

Вскоре после замирения с Владиславом краль Стефан объят был тяжкой болезнью: призвав брата, он молил облечь его во святой ангельский образ, но блаженный Савва отказывался, говоря, что, когда придет время, он сам напомнит о том; Стефан, между тем, на краткое время получил облегчение. Но едва только архиепископ возвратился на свою кафедру, как болезнь опять усилилась, – и тогда брат снова написал ему плачевное послание, в котором умолял поспешить приездом, если только хочет застать его в живых. Однако, как ни спешил блаженный Савва, брат не дождался его, а без святого никто не смел постричь его и никому из сынов своих не мог он завещать свое царство, говоря: «Не мое оно, а Божие и потрудившегося о нем владыки – брата моего. Как мне сперва дано было оно молитвой его и благословением, так и ныне пусть он же вручит его тому, кому Бог повелит».

Дети и все вельможи плакали над ним и приготовлялись к погребению, а святого Савву послали предварить, чтобы он не утруждал себя спешным путем, потому что брат его уже преставился, хотя и не в иноческом образе. Оружие прошло душу святителя, когда услышал он о кончине братней; сошедши с быстрого коня, он много плакал, но не роптал, а восклицал: «Слава Господу о всем!» Но еще более, чем о кончине, святой Савва скорбел о том, что державный не успел восприять иноческого образа, и жестоко укорял себя в этом лишении; впрочем, не терял упования, но воззвал к Богу отца своего, Господу Иисусу, Который прослезился над умершим Лазарем, воскресил его четверодневного, возвратил к жизни сына вдовицы и дочь Иаира, и молил Его с твердой верою, «чтобы Он удержал в теле душу раба Своего Стефана только до наступающей ночи, чтобы возможно

было ему, по желанию, восприять ангельский образ, утраченный ради его замедления». После пламенной молитвы он воскликнул: «На Тя, Господи, уповаю, да не постыдимся во веки!» – и, сев на коня, устремился в путь еще быстрее.

Пришедши в царские палаты, он удалил всех плачущих и горькими слезами окропив лицо усопшего, втайне помолился тайноведцу Богу, положил руку свою на сердце брата и во имя Святой Троицы осенил его знамением честнаго креста. Внезапно ощутил он, что сердце бьется под его рукой и согревается холодное тело брата. Возрадовался духом Савва и сказал плачущим детям и народу: «не плачьте и не распространяйте молвы: не умер краль, а спит, и душа его в нем», и, как бы возбуждая его от сна, говорил: «Встань, владыка мой, встань!» Стефан открыл очи свои, объятые смертным сном, узнал святого, поцеловал его руку и, поддерживаемый им, сел. Святитель немедленно облек его в ангельский образ, изменив царское имя Стефана на иноческое Симеона; потом привел к нему старшего сына его Радослава, повелевая передать ему кралевство, и краль-инок сказал: «Я вручаю ему царство властью скиптра, а ты – благословением молитвы». Симеон целовал иноческое свое одеяние с любовью, радуясь власянице своей больше, чем царской багрянице. Потом архиепископ приобщил его Божественных Таин, возблагодарил Бога, что Он услышал молитвы его, говоря: «Приими паки, Господи, приими в мире душу его, чтобы чрез воздвижение его, равно как и чрез преставление, одинаково прославилось святое имя Твое!» Пока Савва молился, инок Симеон в его объятиях предал Господу душу свою, в радости сердечной, так что общая печаль превратилась в радостное изумление. Савва со всем священным собором и синклитом проводили тело усопшего до великой Студеницы и там положили его близ гроба святого родителя[35].

8. *Странствования Саввы во Святую Землю*

После преставления первовенчанного краля святой архиепископ венчал на царство и старшего сына его Радослава в кафедральной своей церкви в Житчах и, утвердив в руках его скипетр сербской земли, сам недолго остался с ним. Давно уже было у него сердечное желание посетить Святую Землю и поклониться местам, где совершились страдания Христовы. Напрасно удерживали его краль, епископы и вельможи: они принуждены были наконец отпустить его в долгий путь в надежде на его возвращение. Радослав, готовый уступить ему и весь царский свой дом, дал ему много золота. Сперва святитель направился в Далматию, а оттуда морем на своем корабле во Святую Землю; благополучно достиг восточных пределов и, вошедши во Святой Град, со слезами облобызал святой гроб Христов и страшную Голгофу. В Иерусалиме с честью принял его патриарх Афанасий и вместе с ним служил Божественную литургию в великом храме Воскресения. Потом, с патриаршего благословения, странствовал он по всей его области и везде на святых местах совершал Литургию: на Сионе, в Вифлееме, Гефсимании, на Елеоне, в Вифании, в великой пустыни Четыредесятницы, и везде раздавал обильную милостыню. Затем пошел он на Иордан, на место Богоявления, и по ту сторону его поклонился пещерной церкви святого Крестителя, где был принял с любовью от всей братии, совершил Божественную службу и дал милостыню пустынникам. Они проводили его опять чрез Иордан в обитель святого Герасима, а оттуда в Великую лавру тезоименитого ему Саввы, где несколько отдохнул он от трудов своих. В лавре братия вручила ему пастырский жезл своего аввы, по древнему завещанию, переходившему у них из рода в род, – чтобы жезл сей отдан был не кому иному, как святителю, носящему имя Саввы: посох этот до сих пор хранится в одной пустынной келье Афона, называемой Патерица[36].

Не уклонился он также и от посещения пустыни и всех мест, ознаменованных страдальческими подвигами освященного Саввы и всех преподобных, постившихся около

его лавры, и пустился по юдоли плачевной к Мертвому морю, заходил в пещерные кельи молчальников, живших как бы уже вне плоти, умилялся ангельскому их житию и наслаждался духовной беседой: обогатившись же молитвами их, возвратился он в лавру, которую одарил больше всех монастырей. Святой Савва не миновал и пустынной лавры великого Евфимия и обители Феодосия Киновиарха и таким образом совершил весь пустынный обзор Сиона. Из Иерусалима отправился он в Назарет и на Фавор, потом опять возвратился в Святой Град, где с любовью был встречен патриархом: все удивлялись постническим его трудам. В свободное время совещался он с Афанасием о правилах церковных и, научая других, учился сам. В Иерусалиме и в окрестных обителях приобрел он много святых мощей и священной утвари на благословение своему отечеству и, опять совершив Божественную службу в великой церкви вместе с патриархом, пустился в дальнейший путь[37].

Окормляемый Богом, святитель благополучно отплыл из Акры и достиг Никеи. Греческая держава тогда разделилась надвое: в Солуни царствовал Феодор Ангел, который впоследствии взят был в плен и ослеплен болгарским царем Асаном, а в Никее тридцать пять лет мощной рукой держал скипетр Кало-Иоанн Ватаций, и это продолжалось почти до освобождения Царьграда. Ватаций с великой честью принял святого Савву и многие дни держал у себя чтимого всеми святителя. Император благословил его честным древом креста Господня, святыми мощами, драгоценной утварью и на вооруженных судах со многими дарами отпустил на Святую Гору. Царское и свое собственное золото блаженный Савва щедрой рукой расточал по обителям, где с чрезвычайной любовью встречен был опять протом, игуменами и всей братией. Долгое время пробыл он в Хиландаре, поклонился упраздненному гробу отца своего и направился в Солунь: там с равной почестью принят был другим императором – Феодором, который желал соблюсти мир с сербской землей. Когда достигла весть сербского краля Радослава о возвращении дяди его – сам он со всеми присными выехал к нему далеко навстречу, и оба возрадовались вожделенному свиданию.

Тотчас по приезде святой Савва поспешил в лавру Студеницы – поклониться гробу отца своего, облагоухаться миром его и умастить им труженические свои члены. Отдохнув от дальнего пути, призвал он епископов и игуменов в день памяти первовенчанного краля, чтобы совершить Божественную службу и, открыв гроб, обрел мощи его нетленными, причем церковь исполнилась благоухания. Тогда поднял прославленное тело почившего и из лавры перенес его в великую соборную церковь, созданную им в Житчах: там опять совершил Божественную службу и, устроив трапезу на поминовение души его, щедро угостил нищих. Потом обошел он всю сербскую землю, всех утверждал в вере, а в обителях исправил иноческие уставы по образцу афонских и палестинских. Богатым мира сего апостольски внушал не высокомудрствовать и более, нежели на свои богатства, уповать на благие дела, не забывая, что и они из той же персти, как и убогие; воинов, по слову Крестителя, убеждал удерживаться от обид и неправедного хищения; всех возбуждал к любви христианской и призрению нищих, всех призывал к покаянию, к милованию сирот и вдовиц, к искуплению пленных, к уважению духовных лиц и святыни – и такой проповедью просвещалась вся земля сербская.

Между тем, лестью диавольской снова возникли междоусобия единокровных: меньший брат Владислав восстал на старшего, ибо краль Радослав, вначале всеми хвалимый, впоследствии предался женской любви и начал действовать безрассудно: вельможи его, избегая гонений, переходили к меньшему брату – и святой Савва, сколько ни старался умиротворить братьев, не мог достигнуть этой благой цели. Радослав был изгнан и бежал в город Драчи (Диррахиум), где вскоре лишился обольстившей его жены, которую из-за ее красоты отнял у него один сильный франкский властитель того города. Сам Радослав едва

спасся от смерти бегством и укрылся под сень святого дяди, который убедил его принять ангельский образ. После краткого подвига в иночестве инок Иоанн, бывший краль Радослав, мирно преставился ко Господу. Тогда святитель благословил и венчал на царство меньшего племянника Владислава, который хотя и незаконно принял вначале власть, но оправдан был потом судьбами Божиими. Это было в 1230 году. Савва обручил его с дочерью краля болгарского Асана, чтобы этим брачным союзом еще более утвердить престол сербский.

Одним из первых деяний Владислава было создание новой обители, называемой Милешево, во имя Вознесения Господня, ибо он был во всем послушен святителю и принимал с любовью каждое его слово, как посланное ему свыше от Бога. Радовался святой Савва духовному процветанию земли сербской, украшавшейся благочестием и храмами Божиими, радовался, что не тщетны были труды его. Между тем, видя, что уже совершил свой подвиг, пожелал он исполнить давнее желание своего сердца окончить дни свои странником в земле чужой. Эту тайную свою мысль Савва открыл Владиславу, и хотя краль и присные его не хотели и слышать о такой разлуке, однако не могли победить твердого его намерения. Савва объявил им, что хочет идти на гору Синайскую и потом, возвратившись к ним, пребывать в безмолвии. Созвавши всех епископов, он еще однажды учил их твердо держаться преданий апостольских, пред всеми свидетельствовать истину и внимать стаду, которое поручил им Господь. В кафедральной своей церкви пред всем собором и синклитом избрал он на свое место одного из учеников своих, иеромонаха Арсения, которого испытал как мужа преподобного и богобоязненного, рукоположил его во епископа и, поставив на архиерейской своей кафедре, поручил его любви самодержца; потом преподал всем прощальное благословение и последнее о Христе целование и снова взял striннический свой посох, чтобы идти в дальний и невозвратный путь.

Святитель опять отплыл Адриатическим морем в Палестину[38], а между тем разнеслась молва, будто он везет с собою много сокровищ, и скрывавшиеся в заливах морские разбойники хотели было схватить его, но Господь покрыл мглой корабль угодника Своего и таким образом спас его от хищников, которые увидели его уже в безопасной пристани бриндской[39]. Тогда, полные раскаяния, они вышли на берег к святому, исповедовали пред ним злое свое намерение и просили молитв его. Незлобивый Савва принял их великодушно, как бы сострадая напрасному труду их, и, наделив дарами, безбоязненно пустился опять в морское плавание. После нескольких дней поднялась страшная буря, ветры бушевали, волны вливались в корабль и на море пал сумрак ночной: руки корабельщиков опустились, и сам кормчий отчаялся в спасении; такую тяжкую скорбь навел Господь на Своего избранника, испытуя его любовь и веру. Тогда все бывшие на корабле приступили к святому и говорили: «Погибаем, отче, и надеемся спастись только твоими молитвами!» Но святой отвечал им: «Чада мои, молитесь вместе со мною Тому, Чье мы создание, ибо я человек грешный и эта пагуба постигла вас ради меня». Однако они еще сильнее взывали: «Помилуй нас, отче, мы приходим в отчаяние», – и, припадая к ногам его, умоляли испросить им милосердие у Господа. Тогда святитель Божий повелел им прекратить плач и втайне безмолвной молитвой молиться о себе и о бывших с ними на корабле. Потом приказал он своим ученикам поднять себя и держать, ибо стоять от морского волнения было невозможно, а людям на корабле взывать: «Господи помилуй!» – и начал пламенно молиться Тому, Кто, некогда разбуженный посреди бури Своими учениками, запретил морю и ветрам. Вслед за тем с великим дерзновением к Богу простер он руки против ветра и высоко воздымавшихся волн и, осенив их знамением креста, запретил им именем Творца стихий: тогда, при имени Господа Иисуса, ветры и море внезапно унялись, волны в нем сокрушились, и снова просияло солнце. После сего бывшие на корабле в ужасе прославили Бога и Его угодника, а святой смиренно относил это чудо к их молитвам и внушал им исправить свою жизнь.

Достигнув акрской пристани, святитель водворился на покой близ церкви святого Георгия, на подворье лавры святого Саввы Освященного, которое во время первого своего путешествия выкупил из рук франков и возвратил лавре. Жители города, услышав от корабельщиков о совершенном чуде, приходили посмотреть на человека Божия и принять его благословение. Из Акры чрез Кесарию и Яффу достиг он опять Святого Града и там остановился в своей обители, в доме Иоанна Богослова, который выкупил также из рук сарацинских. Вместе с игуменом и лаврской братией святого Саввы вошел он в светлый храм Воскресения и поклонился святой Голгофе и всем местам страдания Господня, проливая радостные слезы. Патриарх иерусалимский Афанасий, услышав о вторичном пришествии знакомого ему святителя, поспешил в храм, приветствовал его и пригласил к себе на трапезу. Приходу его обрадовались все нищие святого града и все устремились к нему, словно к отцу своему: тут опять обильно потекла его милостыня во все обители.

Приняв благословение от патриарха, направился он в Александрию, где с усердием поклонился храму евангелиста Марка и с честью принят был патриархом, который давно ожидал его. В дружеской с ним беседе, узнав, какого отца он сын, как оставил свой престол и отплыл путником ко святым местам ради любви Христовой, патриарх дивился подвигу его и сблизился с ним в чувстве святой любви. Оба святителя много беседовали друг с другом о делах духовных и расстались со взаимными дарами. Святой Савва пожелал видеть отшельников пустыни египетской, надеясь встретить в ней таких же подвижников, какие бывали там искони, и патриарх отпустил с ним опытных мужей, чтобы удовлетворить благочестивой жажде его. Помолившись в великом городе Александрии в церкви безсребренных Кира и Иоанна и мученика Мины, Савва пошел в пустынный путь свой, на край Ливии и в Мареоту – подивиться ангельскому жительству молчальников и обогатиться духовной их беседой: прошел он всю пустыню скитскую и проник во глубину Фиваиды, где, как солнечные лучи, просиял священный сонм их; все пустынники сделались участниками щедрой его милостыни.

После сего Савва возвратился в Иерусалим и предпринял новое странствование в Вавилон, чтобы оттуда пройти на Синайскую гору. Миновав пустыню иорданскую, успокоился он в обители Богоматери Каламони, где Сама Пречистая Дева с предвечным Своим Младенцем и обручником Иосифом отдыхала во время бегства в Египет. Оттуда отправился он в замок Карак, или аравийскую Петру, на южной оконечности Мертвого моря и по трудном шествии чрез пустыню достиг наконец Вавилона (египетского). Он послал учеников своих к владевшему тем краем султану – просить себе дома для жилища, и хотя этот сарацинский властитель враждебен был христианам, однако смирился пред ним, как бы объятый невольным страхом, и велел приготовить ему приличное жилище. В Церкви трех вавилонских отроков, с любовью принятый христианским митрополитом, святой Савва вместе с ним представился султану, который встретил его с особенной честью, велел удовлетворить всем его нуждам и проводить со всей безопасностью к египетскому султану в Каир. И этот властитель принял его также благосклонно, назначив ему для пребывания древнюю митрополию, где Матерь Божия три года пребывала с предвечным Младенцем в Египте.

Утешенный пришествием святого Саввы, дивился митрополит Каира, какими почестями осыпал его султан, еще никому из христиан до того времени так не благоприятствовавший. Испросив себе благословение у митрополита, старца-инока, Савва углубился опять в пустыню, посетил обители великих подвижников Антония и Арсения и со слезами любви приветствовал вольных страдальцев, спасавшихся там по следам святых отцов. Египетский султан, узнав, что святитель хочет посетить Синайскую гору, ради царского его рода послал к нему своих вельмож с богатыми дарами индийских ароматов и фиников, коней для пути и охранную стражу. Вельможи сарацинские с благоговением

прикасались к его одежде и говорили, что еще никто подобный ему не приходил к ним из христиан и что воистину это – человек Божий. Благополучно достигнув Синая, он поклонился месту Неопалимой Купины. Епископ синайский, заступавший место игумена, любезно принял его и возвел на вершину горы, где беседовал Господь с Моисеем. В обители пустынной святой Савва провел всю Четыредесятницу, в строгом подвиге, и всякую субботу восходил на вершину священной горы, совершая там всенощное бдение, к утру же возвра щался в обитель Преображения к Божественной службе.

Этой великой лавре пожертвовал он много золота, записав в синодик ее имена своих присных, родителей и братий, и благополучно возвратился оттуда в Иерусалим. Там в последний раз отслужил Божественную литургию в храме Воскресения, усердно помолился о царях христианских и о Церкви Господа над его гробом и, с обильными слезами облобызав святой гроб и Голгофу, простился с патриархом Афанасием. Из Иерусалима святой Савва направился в великую Антиохию, где также встречен был с любовью патриархом и много беседовал с ним о делах церковных. С людьми патриаршими посетил он обитель святого Симеона Дивногорца и поклонился его гробу. Много даров оставил святой Савва в Антиохии, а патриарх, со своей стороны, одарил его мощами святых. Потом прошел он всю Арменню и чрез пределы турецкие опять достиг берега морского, чтобы плыть в Царьград.

9. ***Преставление святого Саввы***

Это было последнее странствование святого Саввы. От многих трудов и морского плавания болезнь одолела его, и негде было ему выйти на берег, чтобы получить хоть какую-нибудь ослабу; душа его была близ смерти, и ученики недоумевали, что им делать. Со слезами приступили они к болящему и говорили:

– Теперь, как и всегда, Бог послушает тебя; там помолись Ему, по крайней мере ради нас, о спасении твоей жизни, пока мы не достигнем какой-либо знакомой земли и ты не изведешь нас, отче, из этой пучины к верным людям: ведь если не будет тебя с нами, нас продадут в рабство иноплеменным или ради несомого нами богатства бросят в пучину!

– Не скорбите, чада, и не унывайте, – сказал им святой, – уповаю на Бога, что ни одна из представляемых вами бед не коснется нас.

При этом ученики умоляли его обрадовать души их и вкушением пищи, чтобы не умереть ему от многодневного голода. Но все, что ни подносили болящему, не было ему по вкусу; одно только, казалось, могло бы быть ему полезно – пища свежая: однако, когда ученики начали просить о том начальника корабля, он грубо укорил их за безрассудное прошение, ибо корабль быстро несся по волнам и ниоткуда не было видно берега.

Этот суровый ответ корабельщика передали они Савве, и он отвечал: «Воля Господня да будет о мне!» В эту минуту поднявшаяся волна выплеснула на корабль, к тому месту, где лежал труженик, большую рыбу, нисколько не обрызгав его плеском. Он с умилением принял дар, посланный ему от Бога, и велел приготовить свежую пищу не только для себя, но и для всех, бывших на корабле. Изумился начальник судна и, припавши к ногам святого, просил прощения за суровое слово, чтобы благополучно довершить плавание. Вкушение свежей пищи внезапно укрепило силы болящего, так что уже не заметно было в нем никакого расслабления; окрыляемый Богом, переплыл он великую пучину и достиг царствующего града. Там, поклонившись святым церквам, отдохнул в обители Эвергетиссы, собирая для своей земли святые мощи и церковные сосуды. Так окончил Савва свое странствование, обтекши как бы на крыльях всю Палестину, Сирию и Персию,

Вавилон, Египет и Анатолию, повсюду посещая святые места, везде отыскивая великих старцев, с которыми мог бы духовно побеседовать, и собирая священные останки святых.

Из Царьграда отплыл он опять на корабле в загорскую землю, потому что хотел видеть свата своего Асана, краля болгарского, дочь которого была за племянником его Владиславом. Из приморского города Месемврии подал он весть о себе Асану, и краль немедленно прислал дружину свою, слуг и коней, чтобы безопасно довезти святителя до столичного города Тырнова. В Тырнове державный с любовью встретил его и, ввиду тогдашней стужи, поместил в теплых своих палатах. Настал светлый праздник Богоявления: краль и блаженный патриарх болгарский Иоаким пригласили его освятить воду в навечерии, а патриарх должен был совершить это освящение наутро. Святой Савва охотно согласился на это, и когда прочитал над крещальницей молитвы освящения да крестообразно благословил воду, она трижды расступалась в купели под его рукой и опять трижды чудным образом соединялась под ней. Окропив краля и все его палаты в самый день Богоявления, святитель сербский вместе с патриархом участвовал в царской трапезе.

Вскоре после сего Асан собрался на охоту в нижние пределы Болгарии и просил святого пробыть у него до светлого праздника, из-за зимней стужи, причем заповедал своим, чтобы в царских палатах все было к его услугам. По отшествии краля святителя постигла болезнь: он почувствовал, что это уже Божие призвание, и поручил своим ученикам из всех принесенных им с Востока святынь и драгоценной утвари одну часть отнести в его архиепископию, а другую – в лавру Студеницы. С ними же Савва послал мир и благословение кралю Владиславу, наместнику своего престола – архиепископу Арсению, и всему народу земли своей, в грамотах, а сам остался только с немногими избранными. И в патриархию болгарскую дал он священные одежды и книги, окованные золотом, богато украшенные свещники и сосуды церковные, которые долго сохранялись там в память о святителе; ущедрил он и нищих, не оставляя ничего у себя, чтобы облегчиться для дальнего пути, и благодарил Бога, что Он исполняет желание его предать душу в стране чужой.

В эти дни приходит к нему патриарх Иоаким и, видя его уже при последнем издыхании, предлагает ему послать весть к кралю, но святой не хотел утруждать державного, который и без того довольно уже благодетельствовал ему своей милостью, даже просил и самого патриарха оставить его наедине, чтобы мог он в тишине предать душу свою Господу; после сего они дали друг другу взаимное во Христе целование и патриарх удалился. В полночь на воскресенье причастившись Божественных Таин, Савва произнес то же самое, что любил повторять всегда: «Слава Богу о всем!», – и возвеселился духом, как будто пришел к нему кто-либо из присных его; духовная эта радость была свидетельством приближения к нему ангелов Божиих, ибо лицо его сияло несказанным светом, выражая душевную чистоту. Так, до конца благодаря Господа, Савва предал в руки Его святую свою душу; это было 12 января 1237 года[40]. Блаженный Иоаким патриарх, с епископами своими, игуменами и начальниками города, недоумевали, где погрести его, ибо святитель не оставил об этом никакого завещания. Необходимо было послать спросить Асана, и он сильно обиделся на патриарха, что не известили его о болезни святого мужа. Краль велел положить его в великой церкви Сорока Мучеников, которую сам соорудил в своей столице, и, по любви к усопшему, раздал много милостыни нищим; потом, возвратившись с охоты, Асан, прежде чем вступил в царский свой дом, пришел поклониться гробу святого, благодаря Господа, что Он сподобил обитель его столь великого сокровища. Немедленно велел он украсить мрамором гробницу святителя, покрыть ее багряницей и поставить сверху драгоценный свещник, являя ему по смерти ту же любовь, какую питал к нему во время жизни его.

По прошествии года преемник святительского престола, архиепископ Арсений, поболел за святого отца своего и учителя пред благочестивым кралем Владиславом и сказал ему: «Странно и неприлично пред Богом и людьми оставлять нам святого отца нашего равноапостольного, от Христа дарованного нам учителя, который подъял столь великие подвиги и труды о земле сербской и украсил ее церквами, кралевством, престолом архиепископским и всеми законами православия, и допустить, чтобы святые мощи его пребывали вне своего отечества и престола. На тебе лежит забота всеми силами стараться перенести их из чужой земли в свою». Возрадовался краль предложению святителя и послал почетнейшего из своих вельмож к тестю своему кралю Асану с прошением возвратить ему тело святого Саввы. Асан огорчился и отвечал:

– Если бы святое тело его лежало у нас безчестно и небрежно, праведно было бы просить его для подобающей ему почести, но так как усопшему в Бозе воздается у нас такая же почесть, какая была бы и у вас, что видите вы сами, и покоится он в храме Божием, то для чего утруждаете нас и святого напрасной просьбой? – с таким словом отпустил он посланных.

Потом Владислав прислал к тестю своему еще большее число благородных мужей и умолял его: «Если я обрел пред тобою благодать, не затвори предо мною отеческой утробы и не оставь меня погруженным в великую скорбь – даруй мне святые мощи отца моего и учителя для возвращения их в родную землю!» – Недоумевал краль болгарский, что ему делать, ибо не хотел лишить царства своего столь великой святыни, тем более, что положил ее в царской своей обители; призвал он на совещание патриарха и вельмож, но все они единогласно воспротивились прошению сербскому и говорили, что весь город Тырнов вознегодует, если он удовлетворит таковому. Тогда краль Асан написал следующее утешительное письмо к зятю своему Владиславу: «Если Господу угодно было, чтобы святитель упокоился в наших пределах, столь же верных Христу, то кто же я, чтобы воспротивиться воле Божией? И как дерзну потревожить гроб и святые мощи, когда святой ничего не заповедал пред смертью о своем перенесении? Все, что изволишь просить у меня, сын мой, исполню с радостью, но перестань побуждать меня к тому, что исполнить невозможно, ибо патриарх, вельможи и весь город воспрещают это».

Владислав, видя, что тесть его неумолим, а, между тем, опасаясь укоризны от своих людей и гнева Божия за отчуждение присного святителя, решился сам идти к тестю со своими епископами и благородными мужами, а вперед выслал вестников, которым вверил много золота для патриарха и царских советников, чтобы они расположили краля внять его просьбе. Далеко вышел навстречу зятю своему Асан и принял его с великой честью, но Владислав, прежде чем взойти в палаты царские, просил позволения, со всеми своими, поклониться гробу сербского святителя в обители Тырновской. Проливая горючие слезы и ударяя челом о землю, он молил святого простить ему согрешения, если чем оскорбил его. «Знаю, отче, – говорил он, – знаю, что мое согрешение было первой виной твоего бегства и возбранило тебе преставиться в своем отечестве, а, быть может, оно же ожесточает теперь и краля, чтобы не возвратить нам своего сокровища, но умилосердись ныне, презри грехи мои и, хотя я недостоин нарещись сыном твоим, не отринь, однако, дитяти брата твоего и прими покаяние исповедующего грехи свои пред тобою; призри на мою скорбь и труд тебя ради, вонми вере моей и не оставь своего отечества, для которого ты столько подвизался и подъял безчисленные болезни, – не облеки меня стыдом, оставаясь в чужой стороне. Твоими молитвами к Богу наставь державного исполнить мое прошение о тебе, чтобы не возвратился я без всякой надежды, как бы прогнанный, не имея тебя с собою».

Так молился Владислав над гробом, и глаза его опухли от слез, когда был он позван к кралю на торжественную трапезу. В наступившую затем ночь в сонном видении предстал

кралю Асану в образе святого Саввы Ангел Божий и повелел ему отпустить мощи его в землю людей своих. Краль ужаснулся и, призвав патриарха и вельмож, рассказал им о своем видении; тогда уразумели они посещение Божие и советовали кралю во избежание бед отпустить тело святого. После сего краль призвал зятя своего со всеми его епископами и вельможами и, хотя опечален был усердной их просьбой о возвращении честных мощей, но, устрашенный бывшим явлением, отпустил мощи святого Саввы в Сербию, как некое благодатное сокровище, говоря: «Хотел я удержать у себя в обители дарованного Богом мне святого мужа и украсил честной гроб его, надеясь, что мощи его никогда не будут изнесены отсюда, но так как ты сам с высоты твоего престола пришел ко мне, отцу твоему, ходатайствовать о святых мощах, то не хочу сына моего отпустить скорбным; возьми же отца своего и владыку и отнеси в землю свою, как сам знаешь».

Владислав, не ожидавший столь скорого разрешения от своего тестя, в радостном изумлении пал пред ним на землю, ибо в самом деле глубоко чувствовал, что умилосердившийся краль этим благодатным даром обогатил его свыше всех царских сокровищ; радостна была для него светлая трапеза в палатах тырновских. Приготовив все нужное для подъятия святых мощей из недр земных, Владислав пригласил епископов своих совершить над ними поминование в храме, где они долго почивали, и, когда открыли гроб, нашли святителя в совершенном нетлении, как бы спящего: благоухание ароматного мира разлилось по всему храму, а еще более мира потекли исцеления – не только от святых мощей, но и от самого места, где они лежали. Граждане тырновские толпами устремились к святому – получать врачевание своих недугов, ибо великая сила исходила от него: духи нечистые бежали, расслабленные укреплялись, хромые ходили, глухие слышали. Те, которые от безчисленного стечения народа не могли приблизиться к самым мощам, во освящение домов своих с верой брали персть от его могилы и роптали на своего краля, зачем уступает он такое сокровище. Смутился Владислав, опасаясь, как бы опять не ожесточилось сердце тестя его, и велел поспешить в обратный путь. На прощальной трапезе Асан с любовью укорял своего зятя, называя его пленником его, ибо, пришедши к нему, Владислав взял в плен лучшее его сокровище; потом усердно помолился святому, чтобы этот угодник Божий за искреннюю любовь, которую краль питал к нему при жизни и по смерти, испросил и ему милость от Бога. В заключение же всего оба краля почтили друг друга взаимными дарами; долго граждане тырновские приносили дары свои ко гробу святителя, ибо и после перенесения мощей продолжали получать исцеления от благовонной персти гроба его: благочестивому Асану казалось, что человек Божий еще пребывает в его обители, а потому велел он собрать остатки древа от его гроба, с благовонной перстью, и по-прежнему соорудил гробницу и украсил ее багряным покровом, с златокованным подсвечником, в честь святого.

Был в той обители инок, по имени Неофит, много лет уже расслабленный, ползавший по земле на коленях и на руках. Он в царской обители питался милостыней и еще при жизни святого Саввы довольно получал ее. После перенесения мощей пришедшие богомольцы однажды угостили убогого обильной трапезой и напоили вином, так что не мог он доползти до своей рогозины и остался в церковном притворе. Не помня сам себя, лег он на гробовой камень святого и заснул, но в полночь какой-то светлый муж разбудил его, и он, внезапно воспрянув с камня, стал на ноги и не понимал сам, что с ним было, – тот ли это Неофит, который дотоле ползал по земле. Обрадованный, припал он к гробу святого и с благодарными слезами восхвалял Господа, Который вместо должного наказания за его дерзость разрешил его узы. В таком положении исцеленного застал пономарь, пришедший зажигать кандила для утрени, и сперва принял его за ночного татя, хотевшего ограбить церковь. Неофит рассказал о явлении светлого мужа, который, прикоснувшись к нему жезлом, велел ему сойти со своего гроба; при этом он показал даже свои костыли и ремни, которыми были обвязаны его колени. Тогда пономарь уверился и поспешил возвестить о

том архимандриту обители, а настоятель возвестил кралю и патриарху, и все прославили Бога.

Стечение народа ко гробу святого ради исцелений наконец стало докучать монастырской братии; однако все-таки не смели они из опасения гнева благочестивого краля возбранять приходящим; когда же Асан в скором времени преставился, иноки старались не допускать народ до гроба. Около того времени скончался в Тырнове один из болгарских митрополитов, и присные его испросили ценой золота дозволение положить тело их родственника в опустевшем гробе св. Саввы. Иноки согласились на это с радостью, чтобы чрез то уменьшилось народное стечение к священному месту, но и этим не могли они удержать излияние чудес на притекавших к святому с верою.

Между тем, краль Владислав переносил мощи святителя в свою землю и, с радостью предшествуя им, как некогда Давид святому ковчегу, в светлой одежде воспевал пред ним псалмы царя-пророка. В сретение ему вышел блаженный архиепископ Арсений со всеми епископами, игуменами и множеством народа поклониться мощам угодника Божия, от которых истекало столько исцелений. Дойдя до монастыря Вознесения, несшие с торжеством положили великого святителя на месте, называемом Милешево, которое сооружено было Владиславом, и после того именитый собор земли сербской разошелся. Спустя немного времени одному богобоязненному старцу, жившему в обители, явился в сонном видении святитель и сказал: «Не под землею, а в храме подобает лежать мощам моим». По этому внушению святые мощи немедленно были вынуты из-под земли и положены внутри церкви, которая от них облагоухалась. «От этих святых мощей, – говорит составитель жития Саввы, – приходящие с верой и доныне получают исцеление, и доныне ограждается ими отечество. Оба сии святые – и преподобный Симеон, и Освященный Савва – охраняют землю сербскую от нашествия сопротивных и передают преемственно от отца к сыну сербское кралевство: эти ангелы Божии, на помощь нам посылаемые, иногда являются даже пред сербскими полками в своем собственном образе. Многие из воинов свидетельствовали, что сами видели святых Симеона и Савву пред своей дружиной; одного в смиренной одежде иноческой, а другого в светлом облачении святительском, и с благоговением дивились, как поражали они супостатов, восстававших на землю сербскую».

(Из рукописи 16-го века, принадлежащей Троицкой лавре, называемой Серблякˌ или Жития святых сербских № 9).

10. ***Уставы святого Саввы для обители Хиландарской и кельи "Типикарницы" на Карее***

Св. Савва по кончине преподобного Симеона, как сам он говорит в своем уставе, с великой скорбью и боязнью принял на себя Хиландарь, оставленный на его попечение заветом отца; потому что братии было очень мало, даже игумен Мефодий с девятью братьями оставил монастырь. Но попечением Саввы монастырь вскоре сравнялся числом иноков с первыми монастырями Афона, Савва перестроил Хиландарь до основания, снабдил книгами, сосудами, иконами, ризами и прочей утварью церковной; обезпечил внешнее содержание братии вкладами и дал свой устав монастырю.

Устав этот, или типик, составленный св. Саввою, сохраняется в Хиландаре доселе; он надписывается так: «Указание жития в монастыре Пресвятой Богородицы, зде написанное и преданное вам, братие и чада мои возлюбленные, мною, грешным и смиренным монахом Саввою»[41]. В уставе этом св. Савва высказал и свою горячую любовь к Господу, и свой взгляд на иноческую жизнь. «Преподобные и богоносные отцы наши, светила всего

мира, – пишет св. Савва в начале своего устава, – оставили мир, последуя словам Господа, глаголющего в Евангелии: *иже хощет идти по Мне, да отвержется себе и возмет крест свой и в след Мене да грядет. Иже любит отца и матерь паче Мене, несть Мене достоин,* – поучающего презирать плоть, *прилежати же о души, вещи безсмертней,* и призывающего к Себе труждающихся и обремененных, и обещающего им упокоение, нищим духом – Царство Небесное, и плачущим – утешение безконечное. Слыша такие слова, они оставили мир и все, что в нем, пошли в след Господа и восприяли в свои души начало премудрости – страх Господень, и, подвизясь в исполнении заповедей Божиих, плакали день и ночь о душах своих, с радостью претерпевали всякое злострадание и муки ради любви к Нему, распинали и умерщвляли себя ежедневно послушанием и отсечением своей воли и рассуждения. Очистивши всем этим свой ум, душу и сердце, просветились внутренно благодатью паче солнца и вселили Христа в свои прекрасные души, попрали все козни диавола и, как быстрокрылые орлы, возлетели на небо, оставив нам образ своей добродетельной жизни, дабы все, хотящие иночествовать по Боге, последовали стопам их. И я, грешный и ленивый, и последний из всех монах Савва, молю вас, возлюбленные о Христе и духовные братия мои и отцы, уподобимся тем мудрым купцам, которые временное променяли на вечное, отдали все свое имение, вместе с телами и души свои, и за это стяжали безценный бисер – Христа. Поревнуйте мудрым девам, которые наполнили елеем светильники свои и готовые вошли с Женихом своим в чертог и радость вечную. Боюсь и трепещу, возлюбленные, чтобы кто из вас не остался за дверьми, как пять других дев, и не услышал оного и грозного определения: «отъидите от Мене, не вем вас». Страшась сего определения и желая услышать вожделенный глас: «приидите благословеннии Отца Моего; внидите в радость Господа своего», – смирим себя здесь, братие, да вознесемся там; восплачем здесь, да утешимся там; будем алкать и жаждать здесь, да насытимся там; помилуем здесь, да обретем милостивым Бога там». Словами Писания показав необходимость терпения (Иак. 1, 2–4. 12), добрых дел (2, 19–24) и любви к ближнему (1 Ин. 1, 4–7; 4, 16. 21; 5, 1–3), Савва продолжает: «Сия есть победа, побеждающая мир – вера, надежда, кротость, терпение, горячая молитва со слезами, а паче украшение ангельское, т.е. чистота и целомудрие, послушание с самоукорением и любовь, по которой сошел к нам Сын Божий. К тому приложите незлобие, не дети будучи умом, но злобой младенчествуя, и, верую в Сына Божия, вы обрящете милость и живот вечный, и здесь – неоскудеваемую пищу. Если же кто из вас, братие, ленив, как я, окаянный, ленивый, сонливый, немощный; воспряни, возлюбленный, и покайся, и помысли о благах, которые обещал Господь. Вы знаете, возлюбленные, что претерпевшим злострадание уготована от Господа слава и честь, а ленивым, нерадивым и любящим покой телесный – вечная мука. Но как слава мира сего ничто пред славой будущего века, так и мука мира сего ничто пред вечными муками, которых трепещет сам сатана. Помыслив о сем и укрепившись о Господе, станьте крепко против лености и, отвергнув всякую гордость, с кротостью приимите сие истинное слово, могущее спасти души ваши; будьте творцы слова, а не слышатели только. Я написал вам, как должно поступать. Положите это писание как некое мерило, не только для вас, но и для тех, которые будут после вас в обители; здесь показано нужное для души и для тела, дабы, взирая сюда и исполняя, вы могли проводить непорочное житие ваше, имея помощником Бога и Его Пречистую Матерь, нашу Владычицу и Благодетельницу, ходатайствующую о душах наших к Сыну Своему. Стремясь всегда к лучшему, не уклоняйтесь ни на десно, ни на шуе, но, по силе, как кто может, текиите царским путем. Блажен ты и добро тебе будет, тщащемуся пройти сквозь тесные врата и прискорбным путем, вводящим в живот вечный. Друг друга любите, друг другу покоряйтесь, друг друга тяготы носите, все единомысленно повинуйтесь вашему предстоятелю игумену. Вспоминайте в молитвах ваших в Бозе почившего отца нашего и наставника Симеона, не забывайте и мое недостоинство. Поступая так, истинно говорю вам, свидетельствуясь Христом, что непостыдными обрящетесь на Страшном Суде и получите вечные блага. Благодать и мир

Господа нашего Иисуса Христа и любы Бога и Отца, и причастие Святаго Духа буди всегда со всеми вами во веки».

Устав, данный св. Саввой, обнимал и порядок богослужения, и порядок жизни и управления монастырского. Хиландарь должен быть общежительным. Монахам не позволялось иметь собственности даже и одной медницы; пищей должны были довольствоваться общей, по кельям не дозволялось ни готовить, ни держать ничего съестного. Первая одежда поступающему в обитель выдавалась монастырская, а потом даваемы были деньги каждому на одежду. Св. Савва признавал лучшим, если по два брата будут жить вместе, но прислугу иметь запрещал, только к больным, для которых назначалась особая келья, приставляем был брат или два для служения. Ежедневно братия должны исповедывать свои грехи игумену, если он есть и духовник, по установлению св. Саввы. Игумен должен всех обще и каждого отдельно научать и наставлять на путь спасения. Если же он сам не принимает на исповедь, то выбрать другого брата из своей обители или ближайшей, который бы мог быть отцом духовным для всех. Исповедь должна быть приносима в одно время, когда начнется утреннее славословие; не бывшие в это время в монастыре по какому-либо послушанию должны исповедоваться после повечерия. Те помыслы, которые и днем, и ночью безпокоят инока, приражаются и опять отражаются, можно прощать и простому священнику, назначенному игуменом для сего. Но если помыслы остаются долго, причиняют брань и крепко смущают, то о таких помыслах должно открывать игумену, и он подаст приличное врачевство. Исповедающийся не должен скрывать и малого, но откровенно все объявлять. Впадши в согрешение, не должно обвинять друг друга или ссылаться на какой-либо случай – это не покаяние; нужно откровенно сознавать свою вину и очищаться покаянием. Отрекающиеся от исповеди не только не должны быть допускаемы до причащения, но их должно изгонять из монастыря, как отсекают член согнивший. Для такого монаха пребывание в монастыре послужит ко вреду, а не к пользе. Как больной, не показывающий своей раны врачу, не может получить исцеления ее, так и не исповедующийся не получит исцеления своей души. Напротив, душа, помышляющая об исповеди, ею, как уздой, удерживается от грехов.

Те, которые чувствуют себя очистившимися от скверных помыслов и от гнева, роптания, печали и обиды, лжи и смеха, памятозлобия, ярости, сквернословия и сим подобного, по установлению св. Саввы, могут приобщаться св. Таин три раза в неделю. Если же кто впадает в сии греховные страсти и движения и скоро очищается исповедью и покаянием, тот пусть причащается однажды или дважды в седмицу. Впрочем, все более зависит от воли игумена или отца духовного, который должен быть один для всей братии. Игумен, эконом, экклесиарх избираются согласием десяти или двадцати старейших братий без всякого участия начальства прочих монастырей афонских. Если бы кто пришел в монастырь из лиц известных, прося пострижения, то дозволялось такого вскоре постригать, а лицо неизвестное – не прежде шести месяцев, после того, как его способность к иноческой жизни будет изведана. Празднословие запрещалось; сидит ли в келье брат или трудится на общей работе, он должен иметь на устах молитву и церковные песни. Покорность игумену, взаимная любовь и согласие, усердное исполнение возложенного на каждого дела должны быть непременной обязанностью каждого инока.

Подле монастыря Савва устроил гостиницу для принятия странных, нищих и немощных, которых повелевал игумену снабжать одеждой и обувью, хлебом, вином и сочивом от трапезы братской, а умерших погребать по-христиански.

Дабы типик сей не был забываем братией, св. Савва завещал читать его по субботам за трапезой, а на память ктитора весь прочитывать в церкви. «Все, – пишет св. Савва в конце

типика, – что не служит ко спасению, да будет изгнано от вас! Не предпочтите, о чада и братие, временного вечному, страсти – добродетели! Из преданного вам ничто не превышает сил ваших. Только хотя немного употребим усилия – и помощь Божия близка. Мы оставили мир и пришли сюда не для покоя, но для подвига и труда по силам нашим, имея ввиду обетованные блага. Ибо Царствие Божие нудится: преданный лености и сну не победит врага; в Царствие Божие войдет только тот, кто трезвится, бдит, терпит скорби и болезни подвигов с благодарностью. Посему молю вас всех – живите достойно звания вашего. Представьте тела ваши чистыми от всякой страсти плотской, а душу – от всех скверных помышлений и воспоминаний, и злых намерений. Помышляйте и творите то, что угодно Богу. Сохраните неизменно все, что слышали и чему научились от меня, в пользу вам и спасение душевное, в утверждение и, да скажу, всем в успокоение и в похвалу, и украшение отцу моему пред лицом Господним. В сем типике я показал и вред всех соблазнов, изложил ясно наставления, дабы по отшествии моем не нашел в вас места враг душ наших и не сокрушил того, что со многим потом и трудом во спасение душ ваших, с помощью Божией, добро вознаграждено и украшено. Знаю, что у начальника злобы никогда не оскудеют поводы влагать в вас развращенные и злые помыслы. Но вы все, будучи просвещены Божией благодатью и наставлением Божественного Писания, знаете его козни и научились, как им противиться и их отгонять; станьте твердо против его злобы; игумен да поучает вас братски; и вы вразумляйте друг друга. Неразумный да вразумляется от хорошо знающего; ненаученный и невежда да научается от разумевающего, и таким образом, о Святом Духе, сочетаваясь друг с другом любовью и один от другого утверждаясь на ополчение духовное и спасительное, соблюдетесь всегда невредимыми; враг посрамится и обличится; вы же спасайтесь и смиряйтесь, и пребывайте в чистоте все дни живота вашего».

Написав устав для Хиландаря по началам общежития, св. Савва написал и для своей кельи устав по началам отшельнической жизни. Хотя келья св. Саввы в Карее причислялась к монастырю, но по управлению должна была быть независима от игумена. Брат, поселенный в сей келье по общему избранию иноков, должен был уже оставаться в ней до кончины своей. Сверх обычного богослужения каждый день должна быть прочитываема вся псалтирь и совершаемы особые поклоны в конце каждой службы. В субботы и недели полагалось совершать Литургию и на утрени полагалось прочитать евангелиста. В пять дней недели дозволялось по одному разу в день вкушать пищу, и притом в понедельник, среду и пяток без масла и вина. Собственность кельи должна была оставаться неприкосновенной.

В Карее доныне цела и келья св. Саввы, и собственноручный устав его на пергаменте, 1199 г., с собственноручной подписью святителя и привешенной на шнурах мастичной печатью его. Этот устав слово в слово (кроме подписи св. Саввы) вырезан на мраморной доске большими буквами и помещен над входными дверями внутри церкви кельи Типикарницы[42]. Обитель Хиландарская со времен основателя кельи всегда содержит в ней двух старцев, строго исполняющих там типик св. Саввы; оттого и самая келья прозвалась Типикарницей[43].

11. *Заключение*

До 1595 года мощи св. Саввы лежали в монастыре Милешеве[44]. Область, где лежали они, называлась воеводством св. Саввы, и начальники сей области называли себя стражами гроба св. Саввы.

В 1595 г. Синан, верховный визирь Оттоманской империи, взяв сей монастырь, велел принести мощи св. Саввы в Белград и там предал огню. Пишут, что, как скоро пламя

коснулось св. тела, от самого костра даже до неба простерся столп, подобно радуге, сияющий разными цветами. Казнь Божия не замедлила постигнуть поругателя святыни. Победоносный доселе, вождь турецкий малым числом болгар и сербов был разбит и обращен в бегство. И когда он вздумал испытать свое воинское счастье в войне с Сигизмундом Трансильванским, то, вторично разбитый, постыдно кончил свою жизнь[45]. Жители Белграда из благоговения к св. Савве оградили то место, на котором были сожжены мощи его, но в 1716 году ограда была сломана и место истоптано войсками турецкими и немецкими[46].

Заключим обозрение жизни первого архиепископа Церкви сербской древними песнопениями, ею посвященными святому архипастырю:

«Пути, вводящего в жизнь, наставник, и первопрестольник и учитель бысть. Первее бо пришед, святителю Савво, отечество си просвети, породив Духом Святым, яко древа маслична, всеосвященная ти чада. Тем, яко и Апостолом и Святителем сопрестольна чтуще тя, молим, даровати нам велию милость». (Тропарь).

«Избраннаго от пелен Христовою благодатию и возлюбленного от юности Божиим Духом девственное процветение Саввы блаженного, похвальные венцы вернии ныне исплетше и божественную главу ими венчавше зовем: радуйся, отче, Божие обиталище» (Кондак)[47].

(Память святителя совершается вторично в общей службе святителям и учителям сербским – 30 августа).

16 ЯНВАРЯ

Память преподобного Ромила, ученика святого Григория Синаита[48]

Местом родины преподобного Ромила[49] был Бдин (Виддин); мать его была болгарка. Достаточное состояние родителей доставило ему способы получить хорошее образование. В Терновском монастыре Устье, расположенном за городом на Святой Горе, полагал он начало монашеской жизни, тут было тогда много иноков; тут произнесены им обеты иноческие. Когда в Скрытной (парорийской) пустыне стал жить преподобный Григорий Синаит, Ромил поступил под его руководство. Но нападения разбойников вынудили его удалиться опять в Загорье, и он жил с другом своим Иларионом в уединенном месте, называемом Мокрое, в расстоянии от Тернова на день пути. Когда же царь болгарский Александр усмирил разбойников и в Скрытном стало покойно, Ромил опять жил в Скрытной пустыни. Сюда пришел к нему из Константинополя Григорий Цамблак[50], описатель жития его. Спустя некоторое время скопельский начальник известил, что магометане хотят напасть на их места, потому пусть удалятся в другое место. Ромил удалился в прежнюю келью свою, что была в Мокром, а отсюда перешел на Афон, в лавру св. Афанасия, и жил уединенно в скиту Мелана. И Григорий Цамблак жил с ним в этом же уединении. Когда убит был на войне деспот романский Углеш в 1370 г., «...тогда на Афоне все иноки исполнились смятением и ужасом, и многие убежали с Афона. Так и Ромил удалился в другое место, называемое Авлонь (это вблизи Драча), а отсюда перешел со своими учениками в сербскую землю, в место, называемое Раваница, где обитель Вознесения Господа нашего Иисуса Христа. Прожив здесь недолгое время, переселился с земли на небо». Так говорит Цамблак. Краткое житие отмечает последнее время в особенности. «Вышед с Святой Горы, – говорится здесь, – и достигнув Иллирики, нашел он тут раздоры страстей и жалкие разделения, но в короткое время успел своими

наставлениями внести согласие. Отсюда перешел в далматское место Раваницу». В каком году почил преподобный Ромил, не показано ни в кратком, ни в пространном сказании о нем. Но по всему, что известно, можно полагать, что почил он не ранее 1375 г. Св. мощи его почивают в Раваницкой обители, где подают зрение слепым, хождение хромым и исцеляют всякие недуги[51]

Страдание святого священномученика Дамаскина[52]

Святой священномученик Дамаскин родился в селении Габрово, Терновской епархии, в Болгарии. Удалившись из своего отечества, прибыл он на Святую Гору и, приняв иночество в монастыре Хиландаре, был впоследствии рукоположен в диакона, потом в иеромонаха, а, наконец, возведен и в степень игумена той же обители. По некоторым нуждам монастыря должен был он отправиться в Болгарию, в селение Систово, откуда, по исполнении поручений и нужд обители, намеревался возвратиться на Святую Гору, и собирался уже в путь. Но как некоторые из турок оставались должны ему, то он потребовал с них долг. Турки не только не хотели отдать по обязанности, но, посоветовавшись между собой, отняли у него и то, что он имел собственного на подворье. Мало было оскорбить таким образом смиренного инока – турки одну из турчанок подозрительного поведения тайно провели на подворье, оставили ее внутри иноческого жилища и потом напали на метох, разбили дверь с шумом и криком и, нашедши турчанку в иноческом подворье, тотчас же связали невинного Дамаскина; все, что могли, расхитили у него и наконец, как виновного в похищении магометанки, представили в турецкое судилище, неистовствуя и клевеща на преподобного старца, что он осквернил закон их. Правитель местечка ясно видел и понимал, что это клевета, а потому всячески старался оправдать невинного, но вопль разъяренной толпы турок превозмог, так что вопреки суду и законам, не внимая ни угрозам, ни требованию главного старшины, они схватили божественного Дамаскина и повели на виселицу. Одно средство избавиться от незаслуженной смерти оставалось: в отречении от Христа и в признании Магомета пророком, но страдалец, несмотря на ласки и обещания турок, троекратно предлагавших ему всевозможные блага и наслаждения жизни, если только отречется от своей веры и примет закон их, невзирая и на самую смерть, спокойно отвечал:

– Я христианином родился, христианином и умру. Отречься от Христа – то же, что отказаться от вечной жизни: без Него нет спасения грешникам, каковы все мы, я и вы. Он примиритель правды Божией с грешным человечеством; Он – податель благодати Божией, необходимой для выполнения воли Божией. Жалею о вас, если вы не понимаете того. Но было бы безумием, если бы я согласился купить за временную жизнь погибель вечную. Ведите меня, куда хотите.

Тогда привели его на место казни, со связанными назад руками. Между тем как турки готовились повесить святого Дамаскина, он попросил у них позволения помолиться Господу. Турки не отказали ему в этом – и святой мученик, обратившись на Восток, помолился, оградил себя знамением креста и сказал убийцам, что он готов на смерть. Его повесили. Так получил святой Дамаскин страдальческий венец. Впрочем, Божественный гнев скоро постиг неистовых его убийц. Вслед за его кончиной, переправляясь чрез Дунай, они потонули и таким образом еще здесь на земле получили должное наказание за невинную кровь священномученика Дамаскина. Молитвами его да спасет нас Господь. Аминь.

Святой священномученик Дамаскин пострадал в 1771 году, 16 января.

21 ЯНВАРЯ

Память преподобного Неофита, Просмонария Ватопедского[53]

Преподобный отец наш Неофит просиял в обители Ватопедской. Некогда, будучи на одном метохе по делам монастырским, он тяжко заболел и близок уже был к смерти: тогда с теплой молитвой обратился к Богоматери, чтобы Она даровала ему здравие, и – о чудо! – вдруг слышит он от иконы Богородицы глас, что ему дается еще год, чтобы в продолжение сего времени надлежащим образом приготовиться к исходу из настоящей жизни. Получив таким образом здравие, он возвратился в монастырь. По окончании года, в один из дней недели, приготовляясь к приобщению святых Христовых Таин, он снова услышал от иконы Богоматери глас, что приспело уже время исхода его из этой жизни, что и исполнилось, ибо за приобщением Христовых Таин последовал мирный исход его ко Господу.

Житие преподобного отца нашего Максима Грека[54]

Ревнитель истины и благочестия преподобный Максим[55], инок афонского Ватопедского монастыря, был родом грек, но по своим великим подвигам вполне принадлежит св. Русской Церкви, для которой он был светильником при жизни и остался светильником по смерти в своих сочинениях.

Отечеством преподобного Максима был город Арто в Албании, близ Эпира. Он родился около 1480 года от благочестивых и богатых родителей Мануила и Ирины, греческого происхождения, почему и сам везде значится Грек.

Отец его был важным сановником и отличался чистотой православной веры. А потому и Максима воспитывал в глубоком благочестии и научении страху Божию. Первоначальное образование в науках Максим получил от своего же родителя, ибо в то время, с падением Константинополя и порабощением всех греческих областей под иго магометан, были уничтожены и все училища. Так с ранних лет Промысл Божий судил Максиму встретить в отечестве своем испытания и этим как бы приготовлял его к тем горьким страданиями, которым он должен был подвергнуться в позднейшие годы своей жизни.

В горестное то время невозможно было любознательному уму получить в порабощенной Греции высшее научное образование, почему многие юноши из греческих областей отправлялись в европейские государства для образования себя в науках. При этом и ученые греки рассеялись по всем западным государствам, которые с любовью их принимали и покровительствовали наукам. Для них открыты были дворы государей, кафедры университетов и дружба богатых и знатных. Италия преимущественно отличалась тогда особенным покровительством науки, повсюду в знатнейших ее городах учреждались библиотеки. Папы, государи и богатые граждане спешили спасать греческие рукописи от истребления невежественными завоевателями.

Естественно было и юному Максиму, по любви к науке, искать образования вне отечества. Поэтому он отправился в Галлию, где слушал уроки знаменитого соотечественника своего Иоанна Ласкариса, бывшего профессором в парижском университете.

Окончив образование у Ласкариса, Максим, желая короче ознакомиться с древними языками, отправился в Венецию[56] и сблизился там со знаменитым типографом, издателем Альдосо Мануччи, который обладал глубоким познанием древних языков; при нем всегда было общество ученых, помогавших ему при печатании книг с древних рукописей. При помощи таких руководителей Максим ознакомился со словесными произведениями древней Эллады, так что и сам впоследствии нередко приводил в своих сочинениях древних поэтов.

Из Венеции Максим отправился во Флоренцию, где долгое время прожил, тоже среди ученых, но к несчастью зараженных языческими убеждениями, но он, как мудрая пчела, извлекал из проповедуемой философии только то, что не чуждо было христианской религии. В то время Италия жестоко страдала недугом неверия и, как обыкновенно бывает по закону правосудия Божия, за отвержение чистой веры предана была жалкому суеверию. О чем современник Максима итальянец Доминик Бенивени говорит так: «Грехи и злодеяния в Италии умножались потому, что эта страна потеряла веру во Христа». Тогда верили, что все в мире, и в особенности судьба человеческая, есть только дело случая. Некоторые думали, что все управляется движением и влиянием звезд, отвергали будущую жизнь и смеялись над религией. Философы находили ее слишком простой, годной только разве для старых женщин и невежд. Некоторые видели в ней обман и выдумку человеческую. Так было во всей Италии, и в особенности во Флоренции. В самых даже предстоятелях Западной Церкви потрясена была вера.

Общее заражение безверием частью колебало и Максима, который в юношеском своем возрасте, вращаясь среди заразы, не всегда мог правильно понимать отношение философии к евангельской истине, «...если бы, – как пишет об этом Максим, – Господь, пекущийся о спасении всех, не помиловал меня и не посетил вскоре Своей благодатью, и не озарил светом Своим мысль мою, то давно бы и я погиб с находящимися там проповедниками нечестия».

И действительно, при повсеместном заражении безверием без особой помощи Божией невозможно было устоять юноше, видя наставников своих, следовавших туда, куда влекла волна языческих нравов. Поэтому Максим даже удивлялся, как только он мог избегнуть поглощающей волны, остаться невредимым от увлечения среди безбожников и сохранить чистую веру в Бога!

Таким образом Максим окончил на Западе свое образование, там почерпнул он глубокие сведения в богословии и философии, в истории и словесности и основательно изучил древнегреческий, латинский, французский и итальянский языки. Но не парижский университет довершил образование Максима, а Гора Афонская. В Италии, в Галлии он мог получить образование светское, но просвещение богословское, утверждение в догматах веры православной он мог почерпнуть только на Востоке. Благодать Божия расположила Максима посвятить себя иноческой жизни. По своему образованию он мог бы занять видное положение в обществе, но юного ученого занимали не почести и слава, не чины и богатство, а мирная жизнь вдали от шума городского, в тихой обители, среди людей, посвятивших себя служению Богу. Тем более Максим мог решиться на уединение монастырское, что здесь по преимуществу он мог с полной свободной предаться занятиям столь любимой им наукой.

И вот Максим по возвращении из путешествия снова оставляет свой родной очаг и отправляется на Афон, и тогда, как и ныне, служивший приютом для душ, всецело преданных Богу, где притом можно было найти все удобства не для одних подвигов иноческих, но и для умственного усовершенствования и богословского образования.

Максим неоднократно слышал от своего наставника Иоанна Ласкариса[57] о тех драгоценных сокровищах, какие хранились в библиотеках афонских монастырей, а также и о великих старцах-философах, живших в то время на Афонской Горе, которые были зерцалом духовной учености в высшем смысле любомудрия духовного, основанном не на одном только созерцании, но и на деянии подвижнической жизни. В то время на Афоне в его обителях сосредоточились все богатейшие греческие книгохранилища, а особенно в Ватопедской, которая владела редкими сокровищами церковной науки, оставшимися после смерти двух иночествовавших в ней императоров: Андроника Палеолога и Кантакузена.

Около 1507 года Максим прибыл на Афон и поступил в братство Благовещенской Ватопедской обители, где принял и пострижение в монашество. И здесь-то, в уединении и вдали от шума житейских волн, разных превратностей и разномыслий Максим, в кругу опытных, великих и единонравных старцев начал, как трудолюбивая пчела, собирать мед со всех благовонных цветов афонских и проводить жизнь в обучении иноческим подвигам.

Так прошло около десяти лет. Притом неоднократно в виде послушания возлагалось на него поручение от обители отправляться для сбора милостыни, так как в то время Ватопедская обитель не могла более содержаться собственными средствами. Хотя и прискорбно было юному иноку Максиму разлучиться с обителью, но, как истинный послушник, для блага и пользы ближних он отправлялся в странствования и, проходя из города в город, собирал от доброхотных жертвователей изобильную милостыню, а сам, как бы в замен оной, проповедовал им из неоскудного источника своего любомудрия слово назидания и чистоту православной веры.

Вместе с тем эти поручения показывают, что Максима уже успели понять и оценить как опытного инока, который с честью мог выполнить нелегкую обязанность просителя. Здесь-то, в обители Ватопедской, думал Максим мирно окончить дни свои в безвестной тишине, в подвигах иноческого послушания, но Господь судил иначе: иной предлежал ему ученый и вместе страдальческий подвиг в земле ему чуждой, где должен был он сложить свои кости после многих невинных страданий за любовь не только к науке, но и к истине, в исправлении церковных книг, за что сподобился если не венца мученического, то, по крайней мере, славы исповедника – долготерпением в многолетних скорбях, в узах и темнице и даже в неправедном отлучении от Церкви, которой он был предан со всей ревностью православного ее сына и защитника догматов.

Великий князь московский Василий Иоаннович, пользуясь миром своей державы, обратил внимание на хранившееся в палатах его драгоценное сокровище, которое, однако ж, не было доступно решительно никому из русских. Это сокровище состояло в редком и громадном собрании древних греческих рукописей, поступавших из Византии с самых первых времен просвещения Руси Христовой верой и особенно умножившихся при отце Василия Иоанновича (великом собирателе земли русской, Иоанне III), за которым была в замужестве последняя отрасль константинопольских Палеологов – София. Желая узнать содержание этих рукописей и в то же время не находя в России человека, который бы мог удовлетворить этому желанию, Василий Иоаннович по совету и с благословения духовного отца своего митрополита Варлаама решился обратиться на Афон с просьбой прислать в Москву умного мужа[58], который бы в состоянии был пересмотреть греческие книги, находившиеся в княжеской библиотеке, и, если нужно будет, перевести их; Великий князь писал об этом патриарху Константинопольскому Феолипту и проту Святой Горы Симеону, прося прислать в Москву ватопедского старца Савву, которого, как видно, указал ватопедский иеромонах Неофит, бывший в Москве по сбору и теперь

возвращавшийся из России. С этой просьбой и богатой милостыней в марте месяце 1515 года посланы были на Афон от Великого князя торговые люди Василий Копыл и Иван Вараввин.

Посланные по прибытии на Святую Гору предложили старцу Савве приглашение Великого князя московского, но Савва, ссылаясь на старость и болезненное состояние ног, отказался. После этого прот Святой Горы Симеон по совету ватопедской братии решился заменить престарелого Савву иноком Максимом, но Максим, как бы предвидя, что в России ожидают его многолетние страдания, отказывался от этого тяжкого поручения и удаления с любимой им Святой Горы. Игумен ватопедский, видя непреклонность его, сказал, что доставить духовную пищу алчущим есть святое дело величайшей любви; убеждения эти смягчили Максима, и он, предавши себя в волю Божию, решился ехать в Россию.

При отправлении Максима в Москву ватопедский игумен Анфим писал митрополиту Варлааму, что избрали и посылают инока Максима «яко сведуща в Божественном Писании и способного к изъяснению и переводу всяких книг, и церковных, и глаголемых еллинских. Правда, – писал он, – Максим не знает русского языка, а только греческий и латинский, но мы надеемся, что он скоро научится и русскому языку». И таким образом, с молитвой и напутственным благословением, инок Максим отправился с послами в Россию, взяв с собою и вышепомянутого иеромонаха Неофита и инока Лаврентия для приготовления себя к изучению русского языка, так как они были несколько ознакомлены с оным.

Путешествие их продолжалось два года, ибо посланные великого князя несколько времени должны были провести в Константинополе и потом в Крыму. Максим же в это время занимался изучением русского языка и в начале 1518 года прибыл в Москву.

По прибытии Максима в Москву Великий князь принял его с радушием и, обласкавши своим вниманием и покровительством, назначил ему пребывание в Чудовом монастыре, а содержание получать от его великокняжеского двора. Кроме Великого князя, Максиму оказал особое внимание и первосвятитель московский Варлаам, муж святой жизни, который рад был приезду ученого мужа и впоследствии охотно следовал его мудрым советам к улучшению состояния церковного.

Осмотр великокняжеского книгохранилища привел в восторг любознательного Максима, которому такого множества редких книг не приходилось видеть и на Востоке. Осмотревши всю библиотеку, Максим представил Великому князю список непереведенных книг. Великий князь, посоветовавшись с митрополитом и боярами, просил Максима заняться переводом толковой Псалтири, так как эта книга наиболее других обращалась в руках: с нее начинали знакомиться с грамотой; к ней всего чаще обращались в церковном богослужении; она служила и для домашнего благочестивого упражнения – как уединенному подвижнику, так равно и простому мирянину. А так как Максим еще не был силен в церковнославянском языке и не ознакомлен с его особенностями, то в помощь дали ему двух переводчиков: Димитрия Герасимова и Власия, владеющих латинским языком, которые должны были передавать с латинского на церковнославянский язык то, что будет переводить Максим с греческого на латынь. В пособие же переводчикам назначены были два писца: Михайло Медоварцев и инок Троицкого Сергиева монастыря Силуан.

Год и пять месяцев трудился Максим над переводом Псалтири, который и был наконец представлен Великому князю. Василий Иоаннович передал книгу митрополиту Варлааму.

Святитель с восторгом одобрил на соборе первый труд Максима. Князь в награду осыпал инока новыми милостями. Все это, однако ж, не обольщало Максима, как бы предчувствовавшего предстоящие ему бедствия. Он предвидел, что труды его могут быть не поняты или худо истолкованы людьми, не отличавшимися образованием и особенно – не знавшими греческого языка. Поэтому в письме к Великому князю труженик, не считая свой труд совершенством, из скромности и по глубокому смирению писал: «Надлежало бы книге, исполненной таких достоинств, иметь и переводчика более опытного в словесном искусстве, который бы мог не только глубокомысленные речения богомудрых мужей достойно передать, но и временем похищенное вознаградить, и невежеством переписчиков поврежденное исправить. Ибо хотя мы и сами греки, и учились у знаменитых учителей, но еще стоим негде долу, при подошве горы Фаворской, с девятью учениками, как еще не способные, по грубости разума, быть участниками боголепных видений Просветителя Иисуса, которых удостаиваются только просиявшие высокими добродетелями. Говорю это потому, что греческий язык по изобилию в значении слов и в разных способах выражения, придуманных древними риторами, довольно представляет трудностей в переводах, для побеждения которых нужно бы нам было еще много времени и усилий. Однако же, сколько Бог нам свыше даровал и сколько мы сами могли уразуметь, не оставили потрудиться, чтобы сказанное нами было переведено ясно, правильно и вразумительно, а поврежденное писцом или временем, где возможно было при пособии книг или по собственной догадке, старались восполнить или исправить; где же не могли мы ничего сделать, оставили так, как было». Притом Максим не отрицал, что могут вкрасться в его перевод и ошибки, происшедшие от недосмотра и недоразумения, – и просил по возможности исправлять их, но с тем, чтобы исправитель сам был силен в знании греческого языка, хорошо был знаком с грамматикой, риторикой и со значением греческих слов.

Указав затем на труды помощников своих и испросив им у государя достойного награждения, Максим себе, как единственной милости, просил позволения возвратиться в Святую Гору вместе с возвращающимися спутниками своими Неофитом и Лаврентием. «Избавь нас, – писал он государю, – от печали долгой разлуки, возврати безбедно честному монастырю Ватопедскому, давно уже нас ждущему. Дай нам совершить обеты иноческие там, где мы их произнесли, пред Христом и страшными Его ангелами, в день пострижения. Отпусти нас скорее в мире, чтобы нам возвестить и там находящимся православным о твоих царских добродетелях, да ведают бедствующие христиане тех стран, что есть еще на свете царь, не только владеющий многими народами, но и цветущий правдой и православием, подобно Константину и Феодосию Великим. Да дарует нам Господь еще некогда царствовать, освобожденным тобою от рабства нечестивым»[59].

Усиленные просьбы Максима о возвращении на Афон уже показывают, что он имел причины опасаться несогласия на то правительства, – с другой стороны дают разуметь, что не так он был очарован благоприятностью обстоятельств в России, чтобы забыть свой убогий Афон. Но не суждено было Максиму когда-либо возвратиться на родину, сперва по той необходимости, которую почувствовали в ученых трудах его, а потом по тяжким гонениям.

Великий князь, видя по первому опыту перевода Псалтири даровитость глубокого познания ученого грека, никоим образом не соглашался отпустить его на Святую Гору и упросил Максима остаться еще на некоторое время в Москве. И когда Максим, переводя другие книги (толкование древних Отцов на Деяния апостольские и толкование Иоанна Златоуста на Евангелие Матфея и Иоанна), довольно изучил русский язык, Василий Иоаннович, по совету с митрополитом, поучил ему заняться пересмотром и исправлением

тогдашних церковно-богослужебных книг. Труд не легкий и крайне щекотливый; тем не менее Максим не мог отказаться от него. Немало времени провел Максим в трудах книжного исправления и все время он пользовался милостями князя. «Жегомый Божественной ревностью, очищал плевелы обеими руками», – как об этом сам он выражался; и дерзая о Господе, преподобный иногда высказывал резкие отзывы о том, что видел. Но то, что видел он, видели немногие. Поэтому слепая страсть к старине все те отзывы Максима считала оскорблением святыни. Начался втайне ропот на «пришельца греческого» – так выражались о Максиме ропотники; стали говорить втихомолку, что Максим не исправляет, а портит церковные книги! Максим еретик! Однако явно никто не дерзал возводить клеветы на честного и безкорыстного труженика, боясь Великого князя, который, кроме оказываемой ему любви и уважения, часто приглашал его к себе и пользовался его советами в делах церковных и государственных, так как видел в нем мудрого мужа и ревностного поборника православной веры. Между тем, и Максим, видя расположение к себе государя, не скрывал для одного себя эту царскую милость: он чрез это внимание приносил пользу и ближним, часто ходатайствуя пред Великим князем за бояр, подпавших его гневу. Ревнуя о чистоте православной веры, преподобный и собору духовному подавал совет ревностно действовать против упорных прекрекателей веры, наипаче же против ереси жидовской, возмущавшей Церковь, и предлагал митрополиту Варлааму перевести собрание правил церковных, но в исправлении богослужебных книг действовал осторожно, представляя свои недоумения на разрешение святителя, если находил что излишним против греческих книг. Хотя дело и производилось келейно, однако возбудил он неудовольствие духовенства: все заговорили, будто Максим отвергает русские церковные книги и утверждает, что на Руси нет ни Евангелия, ни Апостола, ни псалтири, ни устава. Клеветы сии не могли бы иметь никаких последствий для ученого пришельца греческого, если бы на кафедре московской оставался благоразумный пастырь, ему покровительствовавший, но в 1521 году вынужден был Варлаам оставить свою кафедру, по недовольству Великого князя, – и его место заступил Даниил из иноков Волоколамского монастыря, невзлюбивший Максима; и с тех пор начались все его бедствия.

Преподобный Максим и прежде замечал, что несправедливо включено в присягу архиерейскую обязательство никого не принимать от Константинопольского патриарха. Оно могло быть нужным тогда, как дела православия в последние годы греческой империи в Константинополе поколебались; но впоследствии, когда патриарх строго держался православия, оно оказалось оскорбительным для престола патриаршего, ибо порабощение империи не могло иметь никакого влияния на дела веры. Максим не оставил этого без замечания и написал об этом слово. Перемена митрополита подала повод и к другому вопросу: почему новый митрополит поставлен без сношения с греческим патриархом? Любопытствующему иноку отвечали, что есть в Москве благословенная грамота от патриарха Константинопольского, которой дозволяется русским митрополитам ставиться своими епископами. Но сколько ни доискивался Максим, не мог он увидеть этой грамоты. – Такие вопросы и сомнения, конечно, не были приятны Даниилу.

Новым митрополитом не были довольны, потому что находили его слишком угодливым пред светской властью: у Максима были знакомые между этими недовольными, которые приходили к нему за советами. В одно время Даниил просил ученого инока заняться переводом Церковной истории блаженного Феодорита – неизвестно, для какой цели. Преподобный Максим отказался от сего поручения, потому что в этой книге много помещено актов еретических, которые могли быть соблазнительны для простого народа. Это очень огорчило митрополита.

Недовольство преподобным Максимом возрастало и с других сторон. В разных писаниях своих он обличал притязательность иноков, заботившихся только о преумножении своих имений, напоминал об обетах, данных каждым при пострижении, восхвалял виденные им на Западе монастыри братьев нищенствующих. Враги Максима всем этим пользовались и рассевали против него клеветы, будто он порицает св. иноков русских, которые не отказывались от богатых приношений, делаемых их монастырям, принимали и приобретали села и деревни. Кроме того, общественные пороки, насилия слабым от сильных, бедным от богатых – все вызывало его обличения. Его положение было довольно особенное. Как безпристрастного инока, как ученого мужа, много видевшего на свете, его спрашивали о многом, что делалось высшей властью, и потом передавали его речи со своими толкованиями.

Но Максим, как адамант, твердо ратовал о благочестии, он не падал духом и на все распространяемые на него клеветы смотрел безбоязненно, ибо чистая его душа только одного и желала: неутомимо и ревностно действовать о истине Христовой, для пользы ближних.

В то время Римская церковь, обезсиливаемая на Западе Лютером, много заботилась, чтобы распространить свою власть на Россию и склонить русских к соединению с ней. Для этой цели со стороны папы послан был легат Николай Шонберг, который по прибытии своем в Москву начал распространять в народе «слово о соединении руссов и латинян». Он успел обольстить боярина Феодора Карпова, колебал и других; особенно мысли его о фортуне производили волнение в суеверном народе.

Преподобный Максим зорко следил за ходом дела и, вооружившись оружием правды, восстал против лукавства римского, разбил и опроверг все доводы и козни Шонберга, написав по этому поводу до 15-ти сочинений, преследуя на каждом шагу вероломство папистов; в то же время его мудрые писания были направлены против иудеев, язычников и магометан. Труды сии на время оберегали Максима от злобы распространившегося невежества, ибо не были противны духу времени.

Не страшился Максим страстей человеческих, ибо еще не испытал всей их силы. «Заповедь Божия повелевает нам, – говорил он, – проповедовать всем, вопрошающим нас о Евангельской истине, несмотря на злобу невежества». И он не щадил самолюбия, обличая пороки духовенства и вельмож. Столь яркий свет его учения был слишком тяжел для больных очей; ожидали только случая, чтобы раздраженное самолюбие могло пасть на ревнителя истины и благочестия, и этот случай представился в 1524 году. Великий князь Василий Иоаннович, скучая 20-летним неплодством супруги своей, добродетельной Соломонии, задумал расторгнуть брак с нею и вступить в новый с Еленой Глинской, чтобы иметь наследника престола. Так как закон евангельский и правила церковные не дозволяли расторжения брака по такой причине, то окружающие государя нашли полезным для достижения своей цели устранить людей, которые могли противодействовать сему намерению. Митрополит Даниил был на стороне Великого князя; старец Максим, как надлежало ожидать, на стороне правил церковных, и с ним вместе прямодушный друг его, старец Вассиан, потомок князей литовских, которого до того времени очень уважал Великий князь. Движимый ревностью, преподобный написал наставления Великому князю, в котором убеждал его не покоряться плотским страстям. «Того почитай истинным самодержцем, о благовернейший царь, – писал он, – который правдой и благозаконием ищет устроить житие своих подручников и старается всегда преодолеть похоти и безсловесные страсти своей души, ибо тот, кто ими одолеваем бывает, не есть одушевленный образ небесного Владыки, но только человекообразное подобие безсловесного естества». Тогда предстал недоброжелателям давно желанный

случай отмстить иноземцу, который осмеливался осуждать русское. Донесли Великому князю, что Вассиан и Максим с друзьями своими творят укоризну царству русскому и по своему произволению искажают словеса церковных книг, обвинили и в подозрительных сношениях с двумя опальными боярами, Берсенем и Жареным, и даже в мнимых сношениях с послом турецким Искендером, бывшим в Москве, чрез которого будто бы Максим писал султану, чтобы шел войной на Россию, и невыгодно отзывался о военных силах Великого князя и его жестокостях. После девятилетних постоянных почестей внезапно схватили Максима в феврале 1524 года и без всякого расспроса бросили в кандалах в темницу Симонова монастыря, где он томился несколько дней. Затем Максима потребовали к суду и допрашивали, какие имел он сношения с опальными боярами, но добродетельному старцу нечего было таить из своих бесед, потому что многие приходили к нему за душеполезными советами. Он рассказал, что говорили ему умные, хотя и не приучившиеся к терпению бояре, открыл и то, что сам говорил им, когда жаловались, что недолго стоит земля, которая переменяет свои обычаи: «Нет, бояре, обычаи царские и земские государи переменяют, как лучше государству, но та земля, которая преступает заповеди Божии, та должна ожидать казни от Бога». Искренний во всех делах своих, не скрыл даже тайных мыслей души и о Великом князе, о задушевной жалобе своей на невнимание державного к слезам вдовиц, что могло быть отнесено и к Великой княгине Соломонии, ибо это было главным источником неудовольствия. Но не подействовали обличения Максимовы: в феврале был он посажен в темницу, в ноябре уже пострижена Соломония, а в январе вступил Великий князь в брак с Еленой Глинской: все сие совершилось в течение одного года.

Вынуждены были, однако, отпустить на свободу преподобного, так как нельзя было обличить его ни в какой вине государственной, но враги не оставались в покое; они обратились к такому предмету, по которому легче было обвинить его: к делу об исправлении церковных книг. По воле митрополита Даниила созван был Собор в палатах великокняжеских и явились обвинители пришельца греческого, будто бы он искажал смысл Священного Писания и давал значение минувшего времени действию непреходящему, как, например, выражение о Сыне Божием: «седе одесную Бога» заменил прошедшим временем того же глагола «сидел еси», а воскресшую плоть Христову наименовал описуемой. Максим в оправдание себе указывал на грамматическое значение приводимых слов, которые выражали время прошедшее, но и это вменили ему в вину, как будто признает он седение Сына одесную Отца уже окончившимся, и приводили против него, как бы еретика, свидетельства святых отцов. Тогда Максим смиренно признал первую свою поправку за погрешность, говоря, что он не знал тогда довольно русского языка и различия сих изречений, ибо передавал мысль свою на латинском языке толмачам русским, которых спрашивал по совести, приличны ли такие выражения? Касательно же слова «описуемого», старался защитить оное выводами Священного Писания, но никто не хотел его слушать.

Три раза повергался он на землю пред Собором, умоляя о помиловании ради милости Божией к немощам человеческим и со слезами просил простить ему погрешности, если какие допущены были им в книгах; все было напрасно: его осудили, как еретика, испортившего Писание Божие, схватили опять и вывезли из города так тайно, что в Москве не знали даже, жив ли он и где заключен. Но страдалец томился в душной темнице Иосифо-Волоколамского монастыря, где отлучен был, как нераскаянный грешник, от приобщения св. Таин, под строгим присмотром духовных старцев; не только запрещено было ему видеться с кем-либо из посторонних, но даже ходить в церковь: такова была горькая участь пришельца греческого, вызванного с такой честью со Святой Горы. От дыма и смрада, от уз и побоев впадал он по временам как бы в омертвение, но здесь же явившийся ему Ангел сказал: «Терпи, старец, сими муками избавишься вечных

мук», и здесь, на стенах своей волоколамской темницы, написал он углем канон Утешителю Духу Святому, который и ныне воспевается в церкви.

«Иже манною препитавый Израиля в пустыни древле, и душу мою, Владыко, Духа наполни Всесвятаго; яко да о нем богоугодно служу Ти выну».

«Всегда бурями губительных страстей и духов возмущаем душою, Тебе всеблаженному Параклиту, яже о моем спасении, яко Богу, возлагаю».

Игуменом Волоколамского монастыря был тогда суровый Нифонт из учеников Даниила и, по свидетельству князя Курбского, много потерпел преподобный от глаголемых иосифлян, ибо до четырех лет продлилось тяжкое его заключение в их обители. Ученики и друзья Максима разделили его участь: Силуан отвезен в Соловецкий монастырь и там уморен в дыму; Михаил Медоварцев сослан в Коломну, а Савва святогорец, архимандрит Спасский, заточен в Возмицкий монастырь города Волоколамска; немного позже Максима сослан в тот же Иосифов монастырь и друг его, Вассиан, несмотря на княжеский род свой, а между тем, враги Максима, искажая его оправдания, доносили на него в Москву, что Максим не кается и только повторяет одно и то же: «Чист есмь от чрева матере моея и доныне от всякого греха».

Но тем не кончились страдания преподобного; через пять лет снова потребовали к суду Максима в престольный город; это было уже в 1531 году. Архиепископ новгородский Макарий, собиравший свои Четьи Минеи, обратил внимание митрополита на перевод жития Пресвятой Богородицы, сделанный Максимом за десять лет перед тем. В списках сего перевода найдено было много погрешностей. Митрополит открыл новый Собор и припомнил прежние обвинения страдальца. С ужасом отвергнул Максим хульные изречения, внесенные в его перевод: «Я так не переводил! – восклицал он. – Так не писал и не велел писать, это ложь на меня, я так не мудрствую; если же кто произносит такие хулы, тот пусть будет проклят», – но его отрицания не приняли и поверили двум лжесвидетелям, которые утверждали, будто слышали неоднократно от самого Максима, когда изъявляли сомнение против его перевода: «Так это надобно». Спрашивали еще Максима, почему исключил из службы Троицкой вечерни великий отпуст и из осьмого члена Символа Веры слово «истинного»? Преподобный Максим защищался сколько мог, отвечая, что ничего не приказывал исключать. Касательно же исключения в Символе ссылался на древние рукописи греческие, где вместо «истинного» стояло другое слово «Господа животворящего».

Несмотря на то, не освободили узника и даже не разрешили ему приобщения св. Таин; изменили только место заключения, назначив ему пребывание тверской Отрочь монастырь, под строгим надзором тверского епископа Акакия. Это заключение было легче; епископ, не стесняясь определением соборным, часто приглашал невинного узника за свою трапезу; большим утешением для него служило то, что мог читать книги, и он написал себе в утешение словеса инока, затворенного в темнице и скорбящего, которыми утверждал себя в терпении: «Не тужи, не скорби, ниже тоскуй, любезная душа, о том, что страждешь без правды, от руки тех, от коих подобало бы тебе приять все благое, ибо ты пользовала их духовно, предложив им трапезу, исполненную Святаго Духа, т.е. сказания боговдохновенных песнопений Давидовых, которые перевел я от беседы эллинской на беседу шумящего вещания русского, но паче благодарствуй твоему Владыке и прославляй Его, что сподобил тебя в нынешнем житии привременными скорбями заплатить с лихвой весь долг многих талантов, коими был одержим. Внимай себе, да не помыслишь, что время сие есть время сетования, но паче Божественной радости, да не постраждешь, окаянная, сугубой нищетой, мучимая за свою неблагодарность в настоящем и будущем

веке; если так вооружаешь себя всегда, радуйся и веселися, как повелевает тебе Господь, ибо мзда твоя многа на небесах!»

В 1534 году скончался Великий князь, и преподобный Максим думал воспользоваться благоприятным временем, чтобы оправдать себя письменно в возведенных на него клеветах. В письменном исповедании он предложил свое верование, вполне православное, и свидетельствовал, что еретическими словами наполнены не те книги, которые им исправлены, но те, которые противники его считали за святыню.

«Поелику некоторые, не знаю почему, не страшатся называть еретиком меня, невинного человека, врагом и изменником богохранимой Российской державы, то праведным и необходимым нахожу отвечать моим клеветникам. Благодатью истинного Бога нашего Иисуса Христа я, по всему правоверный христианин и прилежный богомолец Русской державы, если же и не велик в разуме и познании Божественных Писаний, однако послан сюда от всей Святой Горы по прошению и грамоте благоверного Великого князя, от которого в течение девяти лет произобильные получал почести. Повинуясь его повелению, не только перевел я толкование Псалтири с греческого, но и иные боговдохновенные книги, различно испорченные от переписчиков, хорошо я исправил благодатью Христовой и содействием Утешителя Духа, как всем известно. Не знаю, что случилось с некоторыми, враждебно ко мне расположенными, которые утверждают, будто я не исправляю, а только порчу боговдохновенные книги; воздадут они слово Господу за то, что не только препятствуют богоугодному делу, но и на меня бедного и невинного клевещут и ненавидят, как еретика; я же не порчу священные книги, но прилежно и со всяким вниманием, со страхом Божиим и правым разумом исправляю в них то, что испорчено или переписчиками ненаученными и неопытными, или даже вначале, при их переводе, мужами приснопамятными, но не довольно разумевшими силу эллинских речей. Исправляю не Святые Писания, но то, что в них вкралось от непохвальных описей, от недоумения или забвения древних переводчиков или от многого невежества и небрежения новых переписчиков. Но, быть может, некоторые противники скажут: великое ты наносишь тем оскорбление воссиявшим в земле нашей чудотворцам. С сими священными книгами благоугодили они Богу в жизни и по преставлении прославлены от Него силой чудодейственной. Не я буду отвечать им, но сам блаженный апостол Павел да научит их Духом Святым, глаголя: *Одному дается Духом слово премудрости, другому слово разума тем же Духом, иному же дарование исцелений в том же Духе, другому же действия сил; иному пророчества, иному различие духов, иному же разные языки, а иному истолкование языков: все же сие действует один и тот же Дух, разделяя властью каждому, как Ему угодно* (1 Кор. 12, 7–11). Ясно из сего, что не всякому даются вместе все дарования духовные. Исповедую и я, что святые русские чудотворцы по дарованию, им данному свыше, воссияли в земле Русской, и покланяюся им, как верным Божиим угодникам, но ни различные языки, ни толкование оных не приняли они свыше. Посему не должно удивляться, если от столь святых мужей утаилось исправление многих исправленных мною описок: им, ради апостольского их смиренномудрия, кротости и святого жития, дано было дарование исцелений и чудес предивных; другому же, хотя и грешен он паче всех земнородных, дарованы разумение и толкование языков, и не должно тому дивиться».

«Будь мне свидетелем Господь Иисус Христос, истинный Бог наш, что кроме множества моих согрешений ничего хульного в себе не ведаю о святой христианской нашей вере; называвшим же меня врагом Русской державы да не вменит Господь Бог такое их согрешение». – В заключение умолял отпустить его на святую Гору Афонскую, представляя и то, что суд о нем принадлежит не русским епископам, а вселенскому патриарху. Но участь страдальца Максима не изменилась; крамольные бояре,

управлявшие государством во дни малолетства Иоанна, заняты были только своими кознями и губили один другого. Недолго пользовался преподобный и снисхождением епископа Тверского Акакия. Пожар, истребивший в 1555 году великолепный храм, созданный в Твери Акакием, подал повод Максиму высказать, по обыкновению своему, правду о жителях Твери и их пастыре, и это возбудило сильное негодование Акакия, который даже огласил такое обличение неправославным.

Между тем, умерла правительница Елена, и сам митрополит Даниил, после десятилетнего управления Церковью, сослан был в заточение в Иосифов монастырь. Страдалец Максим почел долгом примириться с изгнанным святителем. Узнав чрез близкого к себе человека, что Даниил продолжает питать к нему прежнее нерасположение, заклинал его именем Отца Небесного, оставить вражду с глубоким смирением говорил о своей невинности и в заключение сказал, что обвинение в ереси, которое не престают против него повторять, есть только действие оскорбленного самолюбия, всегда жестокосердого к другим. Преподобный решился написать еще о своей вере отчет новому митрополиту Иоасафу и на имя бояр слово ответное на исправление книг русских, с тою же свободою духа свидетельствуя пред ними, что не по лицемерию пишет к ним и не с ласкательством, чтобы получить временную славу и некую отраду в своих бедах.

Новый митрополит старался утешить страдальца милостивым словом, но, будучи сам донимаем крамольными боярами, не мог облегчить участи невинного узника: «Целуем узы твои, как единого от святых, – писал он преподобному, – но ничего не можем более сделать в твою пользу». Он желал допустить осужденного до приобщения св. Таин, но противники соглашались не иначе, как под предлогом смертной болезни. Гнушаясь примесью обмана к святому делу, Максим не согласился на такое условие и, наконец, к своему утешению, после тринадцатилетнего несправедливого запрещения, получил разрешение приступать к святым Таинам, когда пожелает. Новый опыт крамолы боярской, низвержение святителя Иоасафа, возбудил в преподобном ревность; пренебрегая собственной опасностью, он изобразил опытной рукой бедственное состояние Русского царства в образе жены, окруженной лютыми зверями, одетой в рубище и сидящей на распутье, ибо бедствия его отечества поражали глубоко душу Максима, так как радости его были радостями для его сердца.

В 1545 году, по предстательству Небесной Владычицы, спасена была Москва от несметных полчищ крымского хана, нечаянным их бегством, и Максим воспел благодарственную песнь Господу Иисусу за спасение России, а между тем, в уединении своем, изливал скорбь об участи грешной души за пределами гроба, переводя слово св. Кирилла об исходе души.

Святители восточные не оставались равнодушными к участи долго томившегося на Руси страдальца, и патриарх вселенский Дионисий, и столетний старец Иоаким, патриарх Александрийский, писали в 1545 году к юному царю Иоанну об освобождении страдальца Максима. Особенно умилительно было послание последнего. «Имеем слово и малое прошение изглаголать царствию твоему и молим, да услышишь внятно: тут в земле царства твоего обретается некий человек, инок от Святой Горы Афонской, учитель православной веры, имя ему Максим; на него по действу диавольскому и козням злых людей крепко разгневалось величайшее твое царство и ввергло его в темницы и узы нерешимые, и не может ни туда ни сюда ходить и учить слову Божию, как даровал ему Бог. Мы слышали о нем и получили писание от многих великих людей, там сущих, и от св. Горы Афонской, что тот Максим, связанный, неправедно связан и пойман от царства и власти твоей. Не творят так православные христиане над нищим, паче же над иноком, и наипаче цари, удостоенные великого смысла и учиненные от Бога праведными судьями,

чтобы иметь дверь свою отверстой ко всем приходящим. Праведно заключать в узы не боящихся тебя, озлобляющих и вязать хотящих вам зла, но убогих, наипаче же учителя, каков тот убогий Максим, который наставлял, поучал и пользовал многих христиан в царствии твоем и инде, не подобает неправедно держать и силой оскорблять, ибо воздыхания убогих не погибнут до конца, а наипаче иноков; неприлично царству твоему давать веру всякому слову и всякому писанию, к тебе приходящему, без рассмотрения и испытания; сего ради молим, когда увидишь послание наше, да освободишь вышеписанного инока Максима святогорца и дашь ему всякую свободу идти, куда пожелает, наипаче же на свое пострижение. Помоги и поспеши ему, сколько Бог положит на сердце твоем, по обычаю похвального твоего царствия и не хоти посрамить нас в этом. Если послушаешь словес моих, будешь иметь похвалу от Бога, а от нас молитву и благословение. Никогда я не писал к тебе доселе, ни просил какого-либо утешения от тебя, не оскорби же меня и в этом и не заставь написать иное послание к царствию твоему, вторичное моление, ибо не престану от таких прошений, доколе не услышит меня великое твое царствие и не даруешь мне сего человека».

Но и это прошение осталось безуспешным; преподобный, со своей стороны, посылая царю кроткое увещание жить по-христиански, просил преклониться к умиленным его молениям и исполнить праведное прошение о нем святителей, но подозрительный дух того времени не позволил исполнить подобное прошение: слишком много видел на Руси преподобный, чтоб быть ему отпущенным из России; наконец, только в 1551 году, после 20-летнего заключения в Твери, троицкий игумен Артемий, друг Максима, с некоторыми добродетельными боярами, упросил державного освободить невинного пришельца, и старец, мирно принятый в Москве, с честью вступил в лавру преподобного Сергия, но уже он был изможден тяжестью оков и темницы, внутренними скорбями и внешними страданиями, и был слаб не только ногами, но и всем телом; однако дух его еще был бодр и способен к высоким созерцаниям.

По просьбе ученика своего Нила, из рода князей Курлятевых, преподобный Максим после стольких бурь занялся в уединении лавры Сергиевой переводом Псалтири с греческого на русский язык, несмотря на свои преклонные годы, ибо ему было уже около 70 лет. Чрез 2 года после водворения его под сенью преподобного Сергия царь Иоанн Васильевич посетил святого старца в его мирной келье и открыл ему свое намерение совершить богомолье в обитель Кириллову, по данному обету за свое исцеление. Опытный старец сказал государю искреннее слово, которое всегда привык говорить державным: «Обет царствия твоего не согласует времени ради того, что вдовы, сироты и матери избиенных под Казанью еще проливают слезы, ожидая скорой твоей помощи: собери их под царственный кров твой, и тогда все святые Божии возрадуются о тебе и вознесут теплое моление о твоей державе, понеже Бог и святые Его не по месту внемлют молитвам нашим, но по доброму произволению нашего сердца». Смиренно выслушал царь искреннее слово многострадального Максима, но не хотел отменить своего намерения, почитая оное благочестивым; тогда святой старец сказал князю Курбскому, одному из четырех бояр, сопутствовавших царю, слово пророческое, которое просил передать державному: «Если не послушаешь меня, советующего тебе по Боге и презришь кровь избиенных от поганых, ведай, что умрет сын твой новорожденный Димитрий!» Но Иоанн упорствовал, и сбылось пророчество святого.

Это еще более исполнило уважением к нему грозного царя, не только как к исповеднику истины, но и как к пророку. На следующий год пригласил он преподобного на Собор в Москву, для обличения новой возникшей там ереси Матвея Башкина, которая имела сходство с кальвинистской, ибо Башкин заразился сим новым учением Запада; когда же Максим, по дряхлости, уклонился от присутствования на Соборе, царь написал ему

послание, которым просил преподобного, чтобы прислал к нему свой отзыв о странном учении. «Да будет тебе ведомо, ради какой вины поднялись мы писать к тебе сие послание, ибо дошло до нашего слуха, что некоторые еретики не исповедуют Сына Божия, равного Отцу, и Святое тело Господа нашего Иисуса Христа и честную кровь Его ни во что вменяют, но как простой хлеб и вино приемлют, и Церковь отрицают и называют идолами изображения Господа, Пречистой Его Матери и всех святых, и не приемлют покаяния, ни отеческих преданий, возлагая гордость свою на седмь вселенских Соборов, и иных поучают сему злочестию: сего ради содрогнулся я душою и вздохнул из глубины сердца, и не мало о том поболезновал, что такое злочестие вошло в землю нашу, в нынешнее слабое время в последние роды, и помыслил возложить печаль свою на Господа, да соберутся все обретающиеся под областью моей епископы, игумены и черноризцы, да исторгнут терние из чистой пшеницы и будут споспешники святым седми вселенским Соборам. Изволилось мне и по тебя послать, да будешь и ты поборником православия, как первые богоносные отцы, да приимут и тебя небесные обители, как и прежде подвизавшихся ревнителей благочестия, имена коих тебе известны. Итак, явись им споспешником и данный тебе от Бога талант умножь, и ко мне пришли отповедь на нынешнее злодейство; слышали мы, что ты оскорбляешься и думаешь, что мы для того за тобою послали, что счисляем тебя с Матвеем. Но не буди того, чтобы верного вчинять с неверными; ты же отложи всякое сомнение и, по данному тебе таланту, нас писанием не оставь в ответ на сие послание; прочее же мир тебе о Христе. Аминь».

Итак, на самом закате дней отдана была наконец полная справедливость исповеднику истины, и это было последним церковным деянием великого страдальца. Через год он скончался, в 1556 году, после сорокалетних трудов и страданий, в старости глубокой, испытанной всеми бедствиями жизни. Древний сказатель о пришествии Максима в престольный град свидетельствует, что по смерти преподобного пробудилось к нему общее уважение и многие стремились в Лавру к его священным останкам, как к мощам, называя его то пророком, то великим учителем. Действительно, незабвенен должен быть для русского народа невинный страдалец преподобный Максим Грек, ярче других осветивший мрак тогдашнего состояния, с болезненным воплем своими словами вызывая из оного несчастных на путь спасения. Хотя он и дорого поплатился за свою пламенную любовь к истине и за ревность к славе Божией, но, несмотря на все это, посеянное им семя впоследствии принесло изобильные плоды от трудов праведного мужа.

Спустя три года (1559) после кончины преподобного Максима, во время пребывания в Москве Константинопольского патриарха Иеремии, который приехал для посвящения первого Всероссийского патриарха Иова, архимандрит Сергиевской обители и многие благочестивые люди за долг совести сочли просить его, чтобы торжественно произнесено было разрешение почившему труженику. Патриарх похвалил благое желание почитателей страдальца и с любовью дал от себя разрешительную грамоту сему исповеднику.

К числу почитателей преподобного Максима принадлежал князь Курбский, ревностный защитник православия и знавший жизнь его. Он с уважением относился к нему и не иначе называл его, как святым и преподобным, а также и преподобный Дионисий архимандрит Сергиевой обители, который, питая особую любовь к святому, много заботился, чтобы труды ученого и праведного мужа были известны Церкви. Все сочинения преподобного Максима, которые он написал на разные предметы, изданы в «Православном Собеседнике» (1859, 60, 61 и 62 гг.) и заключают в себе поучения: нравственные, обличительные и исторические. Митрополит же московский Платон устроил над незабвенным прахом преподобного Максима раку и палатку. А в 1840 году усердный почитатель великих людей, наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандрит Антоний, по своей пламенной любви ко всему историческому, с благословения святителя

московского Филарета устроил над его могилой часовню, где во всякое время, по усердию желающих, служатся панихиды по преподобном Максиме.

После себя преподобный Максим оставил много ревностных и умных учеников. Таковые были, кроме вышепомянутых страдальцев Силуана, Саввы, архимандрита новоспасского, и Михаила Медоварцева, инок Нил Курлятев, Димитрий Толмач, Зиновий, инок отенский – муж с просвещением, далеко превосходившим понятия его времени, святой Герман, архиепископ казанский, князь Андрей Курбский, который устные наставления многострадального Максима употреблял в защиту против проповедников лютеранства.

Сказав о жизни преподобного Максима, не умолчим и о чудесах, бывших над его гробом, которые записаны в преданиях Сергиевой лавры. Так, в 1651 году во дни Всероссийского патриарха Никона пришел некий человек из Москвы, слободы Кошельной, по обещанию в обитель преподобного Сергия и после Литургии, отслушав молебен, сел близ храма Сошествия Св. Духа на гробовой доске, но вдруг силой Божией сбросило его с гробницы, и несчастный вследствие падения разбился, и долго не мог встать, но когда, собравшись с силами, он приполз к могиле и стал спрашивать стоявших здесь людей, кто под доской сей почивает, они отвечали: «Монах Максим Грек»; тогда расслабленный воскликнул: «Отче Максиме, прости меня!» Когда по просьбе его была отслужена по преподобном Максиме панихида, то вслед за тем оный расслабленный получил совершенное исцеление. В то время случился тут келейник соборного старца Вассиана, Иоанн, который, будучи одержим гордостью, не поверил чуду и по самонадеянности сел на гробницу преподобного Максима, думая про себя: тогда я поверю бывшему чуду, когда и со мною то же самое случится, но несчастного постиг гнев Божий и он был три раза сбрасываем с гробницы, так что лицо его разбилось до крови и раздробились зубы с повреждением языка. Когда он встал и вспомнил свое неверие, горько раскаивался в своей дерзости и, склонив колена пред иконой Господа нашего Иисуса Христа, стал просить прощения. В это время впал он в глубокий сон и увидел пред образом Всемилостивого Спаса молящегося инока, которого Иоанн спросил: кто ты? Когда же молящийся инок отвечал, что он Максим Грек, Иоанн стал просить у него прощения, но преподобный с гневом сказал ему: «За что безчестишь меня? Ты слышал, что в сей день был сброшен человек, сидевший на моей могиле? А потому за твое неверие ты получил должное», – прощения же искалеченному Иоанну не подал явившийся старец и скрылся от него. Так рассказывал сам Иоанн о бывшем ему явлении. А в 1851 году, по сказанию «Монастырских писем», сам преподобный Сергий Радонежский, чудотворец, засвидетельствовал своим явлением одному московскому купцу святость преподобного Максима. Чудо это произошло следующим образом: некто московский купец З. был болен и во время молитвы, у себя в доме, призывал в помощь преподобного Сергия. Затем в следующую ночь видит он во сне преподобного Сергия, как бы вставшего из гробницы. Больной подошел к нему и, упав к ногам, стал просить его святых молитв и ходатайства пред Богом, но преподобный Сергий говорит ему: «Грехи твои оскорбляют Господа, а потому постарайся исправиться и принести покаяние». Но больной, не теряя надежды на его помощь, снова стал умолять его. Тогда преподобный Сергий обещал принести о нем молитву и помочь в болезни. Видя милостивое обещание преподобного, больной в восторге говорит ему: «Преподобне отче Сергие, чем же я могу достойно принести тебе мою благодарность?!» – «Ничего мне не надобно, – отвечал ему преподобный, – а принеси что можешь преподобному Максиму Греку». После этого больной получил облегчение в болезни и, по наказу преподобного Сергия, 4 декабря 1851 года привез от своего усердия два покрова: один покров на гробницу преподобного Сергия, а другой – на гробницу преподобного Максима Грека[60].

Над гробницей преподобного Максима на медной доске вырезаны стихи:

Блаженный здесь Максим телом почивает,
Но с Богом в небеси душою пребывает.
И что божественно он в книгах написал,
То жизнью своей и делом показал.
Оставил образ нам и святости примеры,
Смирения, любви, терпения и веры!

24 ЯНВАРЯ

Житие преподобного Дионисия, подвизавшегося долгое время на святой горе Афонской и скончавшегося на Олимпе[61]

Благословен Бог, укрепляющий и ныне рабов Своих, мужественно ратующих на невидимых супостатов-демонов: эти избранные при содействии благодати Божией низлагая полчища сатаны, венчаются и прославляются Богом в обличение маловерных, которые, уклоняясь на путь разврата и суеты, оправдывают собственную свою погибель и действие своих страстей тем, что будто ныне не те времена, чтоб угождать Богу так, как люди угождали Ему прежде. Очевидная ложь: появление и в наши времена мучеников и преподобных, по всему подобных древним святым, доказывает, что время не может иметь никакого влияния на спасение истинно желающих спасения и что оно зависит от нашего собственного изволения и решимости неуклонно шествовать по крестным стезям евангельского самоотвержения при помощи Божией, которая как прежде, так и ныне неистощима для людей и неизменима, как неизменим в существе Своем Бог. Из числа многих, подтверждающих собой эту истину, мы укажем на богоносного Дионисия, который превзошел и древних, потому что тогда было много добродетельных, и один из них подражал и соревновал другому, а ныне, при малом числе опытных, не дивно, если некоторые, не имея в виду образцов подражания, ослабевают в строгих подвигах христианского благочестия. Цель, с которой я предлагаю повествование о богоугодной жизни преподобного Дионисия, есть та, чтобы сколько, с одной стороны, пресечь ложные мнения людей нынешнего света о невозможности в наше время угождать Богу, столько, с другой – доставить спасающимся утешение и пример к поддержанию сил подвижнического их духа. А что буду я говорить совершенную правду и не напишу от себя ничего, кроме того, что рассказали мне богоносные и достоверные отцы, в том свидетель Бог. Я твердо помню, что долг и справедливость требуют не скрывать душеполезных повестей, но передавать их всем и каждому с тем, чтобы, зная их, всякий подражал деяниям и подвигам святых. Итак, остановите внимание на этом моем повествовании.

В фанарийской епархии есть селение, называемое Платиной: в нем родился преподобный Дионисий. Родители его были люди бедные, но благочестивые – Николай и Феодора, которые, с трудом доставляя себе пропитание, воспитывали своего младенца с особенной попечительностью. По ночам, когда лежал он в колыбели, видели они чудное явление: над ним, как солнце, сиял крест, проявлявший, как думали они, будущее его назначение, то есть что он отречется мира и всех плотских мудрований, по словам святого Апостола, *и распнется Христу* (Гал. 2, 19). Видя такое чудное дитя, родители его прославляли Бога и радовались о нем. Когда исполнилось отроку 6 лет, отдали его учиться начаткам как внешнего образования, так и Священному Писанию. Прилежание и природные дарования, существенно же благодать Святаго Духа до такой степени открылись в юном Дионисии, что он в короткой время, изучив все необходимое для ума, образовал и свое сердце в строгих правилах христианской нравственности, так что был дивом для многих,

видевших, как он хранил себя от дурного сотоварищества и свойственных юному возрасту игр, как постоянно упражнялся в чтении Божественных книг и во всенощных молитвах и как, наконец, подавлял в себе всякое неприязненное чувство плотского мудрования и томил свое тело, возвышаясь таким образом над всем чувственным и окрыляясь Божественным желанием духа молитвенного. В то время родители его умерли. Вследствие сего, по своей нестяжательности и по бедности родителей не имея даже необходимого, юноша брал детей и обучал их грамоте и чистописанию, и это было источником жизненного его продовольствия. Между тем, видя, как все временное суетно, как все в мире отвлекает человека от существенных его занятий своим спасением, юный Дионисий решился оставить все и посвятить себя иноческой жизни. Тогда как занимала его эта спасительная мысль и не давала ему покоя, прибыл в селение то, где пребывал Дионисий, один священноинок из метеорских монастырей, именем Анфим. Дионисий познакомился с ним, подробно выведал от него о правилах подвижнической их жизни и наконец решился отправиться с ним, не взяв из родительского стяжания ничего, кроме одного серебряного стакана, который подарил сему самому Анфиму. По прибытии в Метеоры он подчинил себя известному тогда по добродетельной жизни старцу, именем Савва, и повиновался ему с великим смирением, видя в нем для себя образец подражания в исполнении иноческих обязанностей. Впрочем, не долго пребыл там Дионисий. Зная по слухам о чрезвычайных удобствах святой Афонской Горы для безмолвия и пустынного подвижничества, он просил позволения у старца удалиться на Афон. Искренно любивший скромного и смиренного своего послушника, старец ни под каким видом не соглашался на то, тем более, что в Дионисии видел он и сподвижника в духовной жизни, и опору старческих своих дней. Боясь же, чтобы он не убежал тайно, старец запер ворота обители и спрятал лестницы. Но напрасно. Юноша знал, что побуждения его к странствованию на Святую Гору чисты и приятны Господу, а потому, не давши еще в Метеорах обетов иноческих, решился тайно скрыться оттуда без соизволения и ведома старческого. Итак, в одну ночь, возлагая твердое упование на Владыку Христа, он спустился с монастырской ограды и, при помощи Божией, не потерпев ничего, несмотря на высоту стен, потек на Афон, как лань на источники водные. По прибытии туда он прежде всего расспросил: где бы ему найти старца, чтобы под его руководством мог он положить начало подвижнической жизни, – и ему указали на чудного Серафима. Дионисий явился к старцу и принят был им с радостью, сначала как странник, а потом мудрый Серафим стал считать его учеником, и изложив ему правила совершенной отшельнической жизни, оставил его у себя. Под строгим водительством его юный Дионисий день ото дня так преуспевал в подвижничестве, что чрез некоторое время был удостоен ангельского образа, а потом рукоположен в диакона. Чрезвычайное благоговение в священнослужении, трогательное смирение Дионисия и преуспеяние его в опытах подвижнической жизни восхищали, удивляли и радовали старца. Так, например, однажды в Вербное воскресенье, отслуживши Литургию, преподобный удалился из кельи в пустынный лес и пробыл там до Великой субботы. Впоследствии на вопрос старца, чем он питался в течение стольких дней и где находился, преподобный отвечал ему, что был в скиту Каракалле, питался каштанами и укропом. Старец удивился.

Между тем, дивный Серафим был избран протом Горы, а вследствие сего по правилам тогдашнего времени послали его в Валахию в сопутствии игуменов. Чтоб и Дионисий имел своего рода послушание, общим советом старческим положено рукоположить его в пресвитера для служения в протатском соборе, вместо отправлявшегося Серафима. По возвращении же последнего, оставаясь по-прежнему с ним в продолжение некоторого времени, преподобный стал наконец проситься на безмолвие для более возвышенных подвигов и постоянного молитвословия, что было с давнего времени предметом пламенного его желания. Серафим, хотя и весьма желал удержать его при себе для успокоения своей старости, однако ж не хотел стеснять свободу его и подавлять в нем

стремление к безмолвию и потому предоставил ему на волю идти куда хочет, с тем, впрочем, чтобы он по временам приходил к нему для взаимных бесед о пользах души и о случающихся демонских искушениях, особенно ратующих на мысль и сердце. Таким образом, получив старческое благословение на подвиги пустынной жизни, он начал искать места, которое бы имело все условия для безмолвия. И Бог указал ему желанное место. Близ скита Каракаллы нашел он глубокую и неудобопроходимую пустыню. Погрузившись в нее, он устроил себе там тесную каливу, или шалаш, и как труженически жил, один только Бог видел и ведал. Пищу его составляли каштаны, которыми Святая Гора изобилует, и редко когда вкушал обыкновенный хлеб в соседственных кельях, куда был иногда приглашаем для священнодействия. Нестяжательность его была такова, что куда бы ни отправлялся он из своей пустыни, всегда оставлял дверь кельи незатворенной, потому что в ней не было ничего, на что бы могла покуситься неприязненная рука татя. Впоследствии устроил он при своей каливе небольшой храм в честь Пресвятой Троицы, при котором и оставался три года, ангельски славословя Бога день и ночь и проходя безстрастно жизненный свой путь, вследствие чего и удостаивался Божественных откровений. Наконец пожелал он видеть и святые места, где Спаситель наш был распят, чтоб там созерцать события жизни Христовой и усладить свое сердце видением самых мест, где они совершились во спасение Адама, всеродно падшего. Такое желание, конечно, свойственно всем, кто пламенеет серафимской любовью ко Христу, – свойственно так же, как взаимно любящие за отсутствием любимого лица желают по крайней мере иметь пред очами или одежду любимого, или то, что входит в состав принадлежащих ему вещей. Итак, преподобный, оставив Святую Гору, отправился в Иерусалим, где и поклонился всем святым местам с невыразимой радостью и весельем духа. Иерусалимский патриарх тогдашнего времени, зная жизнь и чистоту преподобного, усиливался оставить его при себе с целью избрать его преемником своей кафедры, как достойного принять жезл иерархического служения, но преподобный ни под каким видом не согласился на такое предложение, извиняясь своими немощами и, смиренно отклонив от себя честь, которой удостаивал его святейший, опять удалился на Святую Гору для обычных подвигов в невозмутимой тишине пустынного своего безмолвия. Здесь Господь за великие подвиги уже осязаемо явил ему особенное Свое о нем промышление и отеческую попечительность, что ясно заметил преподобный при обновлении и расширении своего храма. В то самое время, как он занимался перестройкой его, один из знакомых ему братий посетил его и видит, что два незнакомца содействуют ему во всех его занятиях. На вопрос, кто они, преподобный отвечал посетителю, что он не видел и не в идит при свои работах никого стороннего. Между тем, как таким образом они разговаривали, незнакомцы стали невидимы. Из этого преподобный заключил, что Богу приятен труд его. Подобным образом в субботу сырной недели Бог чудесно послал ему и брашна в подкрепление телесных сил для достойного совершения четыредесятидневного поста.

Не менее трогательно попечение Промысла и о сохранении жизни преподобного от разбойнического на нее посягательства. Когда преподобный безмолвствовал в пустыни, многие из иноков Святой Горы обращались к нему для советов и назидания; видя это, один разбойник, в той мысли, что приходящие к святому дают ему деньги, вознамерился убить его и похитить имущество. Однажды он тайно подкрался к келье преподобного и скрылся в соседственном потоке с целью, когда будет можно, исполнить гибельное свое намерение, однако же, прождав весь день, не видел он Дионисия, тогда как наверное знал, что его не было дома и что, возвращаясь, он непременно должен был проходить мимо него потоком. Чтоб убедиться, точно ли преподобный возвратился, разбойник приходит к келье и видит там преподобного. Это удивило его. На вопрос, как, когда и каким путем возвращался он в свою келью, преподобный отвечал, что возвратился он обыкновенным путем чрез поток. Пораженный страхом, разбойник пал к ногам святого и, чистосердечно

исповедав грех свой и посягательство на жизнь его, просил у него прощения и ходатайства пред Богом. Незлобивый старец простил разбойника, много говорил ему о покаянии и при содействии благодати Божией довел его до того, что он тогда же дал слово исправиться и, удалившись в один из монастырей, при Божией помощи сделался добрым и искусным монахом. А преподобный между тем, тронутый особенным о нем Промыслом Божиим, в течение семи лет неослабно подвизался в своем безмолвии, так что наконец слава добродетельной его жизни, по воле Божией, вызвала его из пустыни, ибо братия Филофеевской обители, лишившись игумена, убедительно просили преподобного заступить его место и быть для них отцом и настоятелем. Смиренный Дионисий сначала отказывался от предлагаемого достоинства, признавая себя слабым понести столь тяжкое бремя правления, но впоследствии, узнав, что на то есть воля Господня, оставил свое безмолвие ради спасения братий и вступил в должность настоятеля Филофеевской обители, которая тогда была в ведении болгар. По принятии правления обителью он прежде всего озаботился приведением ее в порядок. А чтобы поддержать источник продовольствия, сам лично отправился в Константинополь для испрошения милостыни, в чем и помог ему Господь в весьма удовлетворительной степени. Но так как среди пшеницы всегда бывают плевелы, то и в числе братства Филофеевской обители нашлись иноки, которые, теряя из виду собственное благо и пренебрегая обетами ангельского образа, начали роптать и жаловаться на преподобного Дионисия, поставляя ему в вину изменение некоторых обычаев прежней их жизни и строгость правил в отношении к церковной службе. Видя, что ропот этот не перестает, преподобный, свыкшийся с безмолвием и тишиной, а не смутами жизни, сложил с себя звание игумена и в сопутствии нескольких искренно преданных ему братий удалился в Веррию, где и поселился в скиге преподобного Антония, состоявшего в то время только из двадцати иноков. Здесь по-прежнему проводил он жизнь в неусыпных трудах братского послушания и подавал собой пример подвижнического безстрастия и ангельской чистоты. Там обновил он храм Предтечи и для иноческого своего общества составил правила, сам исполняя в виду всех то, чему учил других. Вследствие сего многие из Веррии притекали к нему и, внимая сладким его беседам, оставляли мир и вручали себя мудрому его водительству на крестных стезях иноческого труда.

Тогда как преподобный заботился не только о пользах собственного своего скита, но и о спасении мирян, нарочно для сего посещая селения их и увещевая христиан к добродетельной жизни, – епископ Веррии отошел ко Господу. Сиротствующая паства, желая иметь у себя пастырем преподобного, обратилась к нему с убедительной и настоятельной просьбой принять жезл иерархического правления. Смиренный Дионисий сколько с своей стороны ни отказывался от этого высокого звания, считая себя недостойным, – просьбы не умолкали. Чтоб избавиться от докучливости людей, он просил их дать ему время на размышление и на узнание воли Божией. Народ успокоился, а между тем, при наступлении ночи, преподобный скрылся. Таким образом, кафедру Веррийской Церкви занял некто афинянин, именем Неофит, которого, впрочем, через год лишили оной, как не оправдавшего высокое свое достоинство жизнью. Чтобы снова не пал жребий свидетельства на преподобного и чтоб избавиться от молвы народной, преподобный удалился на Олимпийскую гору. Там в местечке, лежащем при подошве горы, разведал он через одного из поселян о положении Олимпа и, узнав, что на Олимпе есть места, чрезвычайно удобные для иноческого безмолвия, при помощи того человека достиг горнего места, где и поныне существует монастырь Святой Троицы, и, видя живописное положение и красоты тамошней пустынной природы, исполнился радости и веселья и сказал: остаюсь жить здесь, на горе, потому что она имеет все удобства для уединенной жизни! Таким образом, питаясь подаянием означенного селянина, преподобный погрузился в пустыню и провел в ней довольное время. Между тем, молва скоро разнеслась по окрестностям Олимпийских гор о сокровенном подвижнике. Вследствие

сего один из иночествующих явился к преподобному и просил позволения остаться при нем, а потом нашлись и другие подражатели их жизни, и таким образом общество избранных умножилось до того, что преподобный поставлен был перед необходимостью выстроить кельи и церковь. Но там не дремал и враг, где возникал иноческий лик для славословия Божия: нашлись люди, которые дали знать владетелю того места, где поселился преподобный, по имени Сакку – агарянину, что в пределах его владения какой-то инок строит монастырь. Агарянин взбесился. Он тотчас явился в Лариссу к турецкому аге, в ведении коего состоял Олимп с его окрестностями, и, жалуясь на своеволие иноков, требовал, чтоб их предали суду, а между тем возникающий монастырь, как начатый без его позволения, уничтожили. Горько было преподобному, когда один из преданных ему, священник литохорийской деревни, известил его о начавшихся против него кознях. Чтобы дать место гневу, он со слезами удалился оттуда в место, называемое Загораора, почти +

Олимпу. Хотя и здесь нашел он не менее удобств для безмолвной жизни, как и на Олимпе, хотя и в этом месте слава подвижнической жизни окружила его множеством собравшихся иноков, но Бог призывал его на первое место к Олимпу и Своими судьбами устроил славное и торжественное туда возвращение следующим образом. – С того самого времени, как удалился преподобный с Олимпа вследствие неприязненных против него действий агарянина в окрестностях той горы случились чрезвычайная засуха и бездождие, так что жителям грозили голод и пагуба. К большей печали их налетела необычайная гроза и градом выбило фруктовые деревья, виноградники и нивы и даже повредило самые жилища. Громы разражались с необыкновенной силой; молнии сверкали ослепительно, поражая всех страхом и ужасом. Напрасно совершали молебствия и плакали: гнев Божий не утихал. Тогда все поняли причину своих бедствий. Сам агарянин, виновник изгнания преподобного Дионисия и братства его, ужаснулся и затрепетал, когда объяснили ему христиане, что Бог карает из-за святого отшельника. Наконец он решился послать от себя нарочных в сопутствии нескольких христиан с просьбой к преподобному, чтобы, не помня обид с его стороны, он возвратился на Олимп и продолжал там уединенную свою жизнь. Незлобивый старец был тронут смирением своего врага и снова погрузился в невозмутимую тишину олимпийский своих пустынь. С того времени подвижническая жизнь преподобного Дионисия текла спокойно. Чтоб чаще иметь в своей памяти святые иерусалимские места, он и на Олимпе один из возвышенных холмов назвал Елеонской горой; одно место – Голгофой, а другое – Вифанией, куда и удалялся для совершенного безмолвия и тайных молитв. Между тем, преподобный положил себе за правило подниматься на вершину Олимпа два раза в год для совершения Литургии, а именно 20 июля и 6 августа, когда мы празднуем Преображение Христа Спасителя. Там построил он и храм во имя пророка Илии, куда монахи каждогодно в день его памяти, т.е. 20 июля, ходят и доныне. За таким образом ангелоподобной его жизни слава следовала, как тень за телом, а потому братство его до того умножилось, что он должен был устроить для него обитель, что и исполнил, сам трудясь наравне с рабочими и питаясь только овощами. Теперь время сказать и о некоторых из чудес его.

По удалении Дионисия из обители принадлежащее ей место, весьма полезное и в том отношении, что там находилась пещера с живительным источником воды, занял пастух, устроил свой шалаш и скотный двор. Ученики преподобного напрасно просили его удалиться: пастух и слышать не хотел. Наконец преподобный возвратился и, узнав об этом насилии, кротко убеждал пастуха оставить обитель в покое и не отнимать достояния иноческого, но тот вместо повиновения досаждал старцу и знать его не желал. Тогда преподобный присовокупил: если есть воля Божия жить здесь инокам, то ты увидишь это… И несчастный пастух увидел следствия своего безрассудства. В тот же день, когда стада его рассыпались в пустынных пажитях вокруг монастыря, от скалы отторгся огромный камень и передавил значительную часть овец. Мало того: в стадах пастуха день

от дня умножался падеж, так что в короткое время он лишился всех стад и сам впал в тяжкий недуг, от которого никакие обыкновенные средства не могли восставить его. Когда о его несчастье узнали соседи и выведали о причинах недуга – посоветовали ему обратиться к преподобному и просить у него прощения и исцеления. Больной так и сделал. Преподобный, тронутый страдальческим его положением, благословил его и, в течение седмицы питая братской трапезой, совершенно возвратил ему здравие.

В другой раз преподобному случилось быть в местечке, называемом Турия, для исповеди тамошних христиан, так как они питали чувство особенного благоговения и преданности к нему. В числе их был один отъявленный и давний враг сего Божественного Таинства, не только не исполнявший никогда этого христианского долга, но и насмехавшийся над всеми, кто исполнение его считал необходимым условием к очищению себя от скверн греховных. Узнав об этом несчастном, преподобный просил, чтоб убедили его придти к нему для беседы. Несчастный послушался. Но вместо того, чтоб принять с убеждением наставление святого старца в рассуждении Таинства исповеди, он начал отвергать пред ним силу исповеди, так что преподобный, сильно огорченный демонским его вольномыслием, строго изрек слова святого апостола Павла: «Так как ты развращаешь правые пути Господни и издеваешься над словами моими и над заповедями Христовыми, несчастный, то вот рука Господня на тебе и гнев без милости на доме твоем. Пусть чрез тебя уцеломудрятся и другие!» С этими словами преподобный оставил несчастного и удалился в свою пустыню. Суд Божий не замедлил. Едва только удалился преподобный, беззаконник впал со всем домом своим в недуг, от которого умерло его семейство, а сам он остался в жалком и страдальческом положении. Тогда некоторые из сродников его возвестили о нем святому и убедительно просили его придти и оказать помощь несчастному. Сострадательный старец не отрекся: он отправился в селение, но прежде, нежели прибыл к больному, этот несчастный испустил дух без христианского напутствия. Преподобный горько жалел о таком событии. Подобное сему случилось и в селении святой Екатерины. Входя однажды туда, преподобный видит безчинные игры и хороводы девиц с юношами. Сильно огорченный столь явными соблазнами и сатанинским торжеством разврата, блаженный приближается к толпе девиц и кротко говорит им: для чего вы, будучи девицами, так безстыдно играете с юношами, поете соблазительные песни, возбуждающие сладострастие и в вас, и в них, и забываете, что смерть и суд Божий близок к вам? Девицы смутились и молчали, кроме одной, которая, отличаясь от других особенным безстыдством, отвечала насмешливо: «Ах, вы, лжемонахи! Что тебе за нужда до нас? Знай себя. Сами-то живете вы дурно, а других учите целомудрию». – «Благословен Бог, устрояющий все на пользу! – строго произнес тогда старец, – чтоб и другие научились скромности, ты будешь примером того, как грозно карает Господь девическое безстыдство. Сказав это, он удалился. Вслед за этим на несчастную девицу, прежде чем она дошла до дома отца своего, вдруг напал бес: испуская пену, она билась о землю и была в самом жалком положении. Пораженные такой нечаянностью родители ее не знали, что с ней происходит. Тогда одна из подруг несчастной, бывшая свидетельницей ее безстыдства пред святым старцем, рассказала им о случившемся. Вследствие сего они отыскали преподобного и, припадая к стопам его, смиренно просили за свою несчастную дочь. Незлобивый старец был тронут слезами их и, помолившись, исцелил бесноватую, а она в благодарность Господу Богу за такое милосердие посвятила Ему свое девство и кончила жизнь в покаянии.

Монах в Веррии, знавший несколько грамоту, случайно увидел гадательную книгу и, с любопытством разбирая тайны сатанинского гадания, невольно проникся доверием к ним. Это не прошло ему даром: в следующую ночь он увидел пред собой эфиопа исполинского роста, который говорил:

– Ты меня призывал, и вот я. Что тебе угодно – все исполню, только поклонись мне.

– Господу Богу моему покланяюсь и Тому единому служу, – отвечал инок, угадывая, кто этот эфиоп.

– Так ты не кланяешься мне? Для чего же и призывал меня, позволяя себе чтение гадательных моих тайн?

С этим словом сатана дал сильную пощечину иноку и исчез. Чувство боли и страха пробудило инока: щека его распухла и почернела так, что страшно было посмотреть на нее. С каждым днем боль усиливалась и безобразила инока – от опухоли наконец не видно стало и глаз. Осведомившись о причине столь странной болезни, знакомые инока дали знать об этом преподобному Дионисию, который тотчас явился и, по совершении молитвы к Богу и Божией Матери, помазал елеем больное место. Инок тотчас исцелел и прославил Бога.

Одна старушка-вдова впала в болезнь и изъявила преподобному желание облечься пред смертью, которой чаяла, в ангельский образ. «Не бойся, старица, – отвечал ей божественный Дионисий, – по принятии образа иноческого ты будешь жить еще 12 лет». Так и было, как предсказал боговдохновенный старец. Другая женщина имела единственного сына, который по чувству особенного сердечного влечения удалился на Олимп и там от преподобного принял пострижение, а потом, желая видеть свою мать, с благословения старческого явился к ней. Образ иноческий, который принял юноша от руки преподобного, сильно смутил несчастную. В порыве сердечного негодования на поступок сына она сорвала с него камилавку и, попирая ее ногами, требовала, чтоб сын ее по-прежнему одевался в мирские одежды. Бедный сын повиновался. Чрез несколько дней после сего пришел в то селение святой; в числе прочих подошла к нему и та жена; приблизилась поцеловать руку его.

– Не приближайся ко мне, несчастная, дерзновенно поправшая ангельский образ, надеясь иметь сына помощником в старости своей, – строго сказал ей старец, – ты увидишь, что завтра умрет он злой смертью; наслаждайся же следствиями твоего безрассудства и дерзости! И действительно, на другой день сын ее сорвался с высокого дерева и, по предсказанию преподобного, испустил дух. Другая старица, из деревни Платарийской, по имени Эгина, увидевши святого, сказала ему:

– Не могу более работать по старости моей и пропитывать себя; попроси Господа, чтобы Он упокоил меня.

– Не скорби, – отвечал преподобный, – ты сегодня умрешь. Вот тебе три сребреника на погребение.

Так и случилось. Старица внезапно занемогла и, передавши слова преподобного собравшимся к ней соседям, мирно вздохнула в последний раз.

Но наконец так много чудодействовавший и имевший дар предведения, много пострадавший от злых людей, особенно от агарян, божественный Дионисий и сам приблизился к исходу своему от времени в вечность, от земли – в обители Отца Небесного. Находясь в монастыре Димитриадском, когда братия читали полунощницу, преподобный, совершенно уже изнемогший силами, присел немного отдохнуть (это было в январе). По окончании полунощницы служащий иеромонах подошел к преподобному и, полагая, что он погрузился в сон, тихонько тронул его. Болезненный старец не дал ответа,

а тот снова прикоснулся к нему и почувствовал, что тело его безжизненно, и только слабое дыхание проявляло еще не отлетевшую душу его. Пока окружавшие заботились о предсмертном положении старца, он вдруг произнес:

– Слава Тебе, Боже, слава Тебе! Благодарю Тебя, Владычица, за Твою милость.

На вопрос братии, как он чувствует себя, святой Дионисий слабым голосом сказал, что душа его была уже вне тела и он готов был явиться к Богу, но, чувствуя еще необходимость в покаянии, просил Владычицу дать на то время, и вот молитва его услышана.

– Ведите же меня на Олимп, – сказал он, – потому что там должен я умереть.

Желание его было исполнено. Впрочем, он не хотел окончить последние дни свои в устроенной им киновии, а просил проводить его на Голгофскую скалу, устроенную им в память палестинской Голгофы, и там собравшимся братьям объявил, что время его отшествия к Богу уже наступило. Плач и слезы иноков о разлуке с ним сильно потрясли старческое сердце. Передав им в прощальной беседе необходимые условия к достижению Царствия Божия, святой Дионисий распустил братию и оставил при себе только двух учеников. Через три дня после сего он удалился в свой олимпийский Елеон, чрезвычайно безмолвный и пустынный, но скончался в низинной своей пещере, близ киновии, где первоначально жил по прибытии на Олимп. Чрезвычайно трогателен последний предсмертный завет преподобного к братии: «Живите по уставу Святой Горы, – говорил умирающий старец, – и подвизайтесь по возможности и силам, и Господь не оставит вас. Питайте друг к другу любовь, лобызайте странническую жизнь, смирение, молчание, молитву; посты, преданные нам святыми отцами, храните строго; всего же более берегитесь демонского самочиния и непокорности: самочиние горше всего! Кто в киновии будет иметь какую-нибудь собственность – деньги или одежды, такового изгоняйте, как нечистую овцу, могущую заразить и прочих. Как можно чаще исповедуйте свои помыслы, зная, что кто скрывает их от духовника, тот позволяет гнездиться в душе своей демонам. Если случится между кем неприязнь – примиряйтесь прежде захождения солнца, как повелевает Господь. Берегитесь праздности. Кто может и не работает, того по заповеди Апостола (2 Сол. 3, 10) *не следует допускать к трапезе* , а кто имеет надобность идти из монастыря, тот пусть сказывает о том игумену. Если позволит он, хорошо, а кто уйдет тайно, на его душе грех и он сам виновен в своей погибели. Изнемогающего терпите и исправляйте, как свой собственный член; сходок по кельям да избавит Бог, а особенно да не входит никто в связь с молодыми. Венец же всего – любовь к Богу. Если исполните завет мой – милостив Бог – наградой за то будет Царствие Его. Если удостоюсь дерзновения пред Богом, и я с своей стороны не оставлю вас. А это узнаете из того, если со многими трудами и потом устроенные мной монастыри придут в совершенство. Видя сие, знайте, что я получил дерзновение пред Богом ходатайствовать о вас». В заключение он помолился о своих духовных чадах, благословил их и вслед за тем чрез несколько дней, а именно 24 января, мирно отошел ко Господу. Святое тело его было погребено в церковном притворе, устроенном собственными его руками, а впоследствии, чрез несколько лет, оно было открыто. Неизъяснимое благоухание поныне остается явным свидетельством благодатного проявления славы, венец которой в светлости святых преподобный Дионисий приял от десницы Бога, прославляющего славящих Его. Аминь.

30 ЯНВАРЯ

Страдание святого мученика Феодора[62]

Блаженный Феодор был родом из Митилина, имел жену и детей. Однажды, чем-то разгневанный, отрекся он Христа и принял магометанство, но потом, когда рассеялось омрачение и он пришел в себя, раскаялся в своем безумном деле и, оставив свою родину, прибыл на Святую Гору. Здесь исповедал он одному духовнику свой грех и исполнил назначенную ему епитимию; затем был помазан священным миром и таким образом, причислившись к словесному стаду Христову, стал подвизаться в духовных подвигах, и подвизался уже довольно времени. Но душа его, не имея полного покоя, не была довольна этими подвигами: она всегда стремилась к другому, высшему подвигу, как бы требуя, чтобы омыто было кровью преступное отречение его от Христа. Итак, блаженный, быв укреплен молитвой духовного своего отца, возвратился в свое отечество, предстал пред судьей того места и спросил его, может ли иметь право искать удовлетворения тот, кто обижен или осмеян.

– Разумеется, может, – отвечал судья.

Мученик сказал:

– Я имел веру христианскую, но, быв омрачен диаволом, оставил ее и принял вашу. Теперь я пришел в себя и вижу, что моя вера есть неподдельное и доброе золото, а ваша – ничтожный металл, – и с этими словами, сняв с головы своей повязку, бросает ее пред судьей, а сам надевает черную скуфью, которую имел за пазухой.

– Что ты делаешь, глупый? Ты с ума сошел? – гневно вскричал нечестивый судья.

– Нет, – отвечал мученик, – я нахожусь в сознании и полном разуме.

Судья еще несколько раз повторил ему то же, но мученик опять отвечал, что он сознает себя и весьма хорошо понимает дело. Тогда судья велел заключить его в темницу. Из темницы мученик двукратно выводим был на испытание, но тщетно. Таким образом, видя страстотерпца твердым и непоколебимым в исповедании Христовой веры, судья приговорил его к смерти, а для исполнения над ним своего приговора отослал его к назиру Омер-аге, который, со своей стороны, тоже употребил все средства, чтобы склонить святого к нечестию, но все было напрасно, поэтому блаженный предан был палачам для совершения над ним смертной казни. Эти лютые звери без всякой милости били страстотерпца, нанесли ножом рану в бок, сбросили с крыльца и наконец повели его на место казни. Впереди всех шел глашатай и вопил, что всякий, отвергающийся правой веры, пострадает таким же образом. Достигнув места казни, мученик сотворил молитву и, испросив прощения у всех там случившихся христиан, сам взошел на высокий камень, с любовью облобызал веревку виселицы, и чрез несколько минут блаженная душа его предстала престолу Вечной Правды. Честные мученические мощи были брошены в море, но чрез несколько дней море выбросило их на берег, почему христиане, взявши у судьи позволение, честно погребли их при храме святого Иоанна Предтечи. Потом, однако ж, не оказалось их на своем месте: искали их, но напрасно, не найдены они и доныне, и никто не знает, что с ними сделалось. Дивному же во святых Своих Богу слава и держава во веки. Аминь.

Св. мученик Феодор пострадал в 1784 году.

31 ЯНВАРЯ

Страдание святого преподобномученика Илии Ардуниса[63]

Отечеством святого преподобномученика Илии было лежащее в Морее селение Каламата. По занятию он был цирюльник, но так как от природы обладал благоразумием, был искусен в обхождении с людьми и опытен в делах житейских, то все представители того селения имели к нему уважение, всегда дружески обращались с ним и нередко пользовались его советами. Однажды между представителями народа был разговор о различных и весьма тяжких повинностях и безчисленных притеснениях, какие испытывали тогда покоренные турками морейские христиане. Сострадательный Илия, скорбя сердцем об участи этих бедных своих сожителей, пламенно желал убедить представителей народа в том, что нужно всячески позаботиться об облегчении христиан от тяжких податей, ибо можно опасаться, что многие из бедных во избежание притеснений отрекутся своей веры и примут магометанство. Представители не согласны были с мнением Илии и возражали ему, что не видится из этого никакой опасности для христиан. Тогда Илия, полный ревности о благе ближних, желая показать, что и другие могут поступить так же, в простоте сердца говорит им: пусть даст мне кто-нибудь фес (красная скуфья), я и за это переменю веру. Один из представителей, желая пошутить над ним, послал ему фес, и Илия, забыв о ловительстве диавола и безсознательно поддавшись его коварной прелести, тотчас пошел к местному судье и отрекся христианской веры. Такой неожиданный поступок Илии причинил великую скорбь и печаль всем тамошним христианам. Спустя, впрочем, немного времени, он опомнился, горько плакал и весьма сокрушался о своем безумии и, желая загладить свое преступление и принести плоды достойные покаяния, удалился оттуда на святую Афонскую Гору – как спасительное пристанище всех, обуреваемых волнами житейских напастей: с великим сердечным сокрушением исповедал он здесь некоему духовнику грех свой и с любовью и усердием исполнил назначенную ему епитимью, по исполнении которой был помазан священным миром и таким образом сопричислен к словесному стаду Христову. Сделавшись снова овцой стада Христова, он уже не хотел отдавать жизни своей суетному миру, но решился посвятить ее исключительно Богу и потому принял на себя иноческий образ. По принятии ангельского образа восемь лет провел он в дивных аскетических подвигах, но, помня слова Господа и Спасителя нашего: *иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех* (Мф. 10, 33), никогда не имел полного мира в душе и покоя в совести, почему открыл духовнику своему, что имеет намерение и желание смыть свое преступление не слезами только, но и кровью своей. Духовник, похвалив его намерение, советовал ему отправиться в Каламату и с дерзновением исповедать Христа там, где он Его отвергся. Итак, взяв благословение духовного отца своего и напутствуемый его молитвами, он оставил Святую Гору и скоро прибыл в Каламату. Прибыв сюда, от объявил о своем намерении местным духовникам, но они, боясь за него, удерживали его от такого предприятия. Несмотря на то, Илия, твердо уже решившийся на мученический подвиг, презрел всякий страх, начал ходить по улицам и базарной площади с намерением, чтобы там заметили его турки. Сначала они не узнали его; когда же он прошел по улице дважды и трижды, признали в нем прежнего своего собрата и стали кричать вслед ему: «Не ты ли это, Мустафа Ардунис?» – «Да, – говорит им тогда святой с дерзновением, – это я, но только не Мустафа, а Илия и христианин православный», – и без всякой боязни начал поносить их веру и проповедовать Христа Богом истинным. Услышав это, нечестивцы схватили его и после многих побоев представили судье, свидетельствуя, что, мол, это человек сам добровольно принял нашу веру, даже просил нас о ней, а теперь безчестит ее. Так как мученик и на вопрос судьи о

его вере отвечал ему то же, что и приведшим его, то по повелению судьи ввергнут был в темницу и узы, чтобы там мог лучше размыслить о себе. Когда в тяжком том заключении провел он несколько дней, его опять поставили перед судьей для вторичного испытания. Но, видя безплодность всех усиленных стараний, нечестивый судья решил мученика сжечь, почему палачи тотчас же схватили его и повели на место казни, где все было уже готово. Исполнители казни бросили его в пламя, но, о чудо! Огонь не коснулся ни рясы страстотерпца, ни даже волос его: дрова и все прочее горючее вещество испепелилось, а мученическое тело осталось цело и без всякого повреждения; душа же Илии между тем ликовала уже в горних селениях, предстоя престолу Всевышнего. Таким образом ратоборец Христов, Илия, принял от Него венец мученичества. Вечером стерегущие мученическое тело ясно видели снисшедший с небес и окруживший его свет. Видя это, агаряне говорили: так как огонь наш не сжег его, то вот, Сам Бог послал огонь с неба для сожжения. Христиане выкупили у мучителей святые мощи, издававшие неизреченное благоухание, и погребли их честно и благоговейно в церкви, а святую главу, отделив от них, с благоговением положили в одном монастыре того места, называемом Вурканон, где от нее и доныне совершаются дивные и преславные чудеса. Тогда же благочестивый дидаскал каламатский Дионисий получил себе в освящение от мученического тела ребро, от коего тоже совершилось много чудес, в прославление святого мученика и во славу Господа нашего Иисуса Христа, Коему подобает всякая честь и поклонение, со безначальным Его Отцем и Пресвятым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Святой преподобномученик Илия пострадал в 1686 г.

1 ФЕВРАЛЯ

Память преподобного отца нашего Василия, архиепископа Солунского

Святой Василий, ученик и постриженец преподобного Евфимия Фессалоникийского, был родом из Афин, подвизался на святой Афонской Горе и в других местах с преподобным Евфимием, который на третий день по пострижении, по особенному откровению, предсказал ему, что он будет епископом; скончался мирно в IX веке. В греческом синаксаре он называется исповедником. (Смотри подробно в житии преп. Евфимия, 14 октября).

8 ФЕВРАЛЯ

Память преподобного отца нашего Саввы II-го, архиепископа сербского[64]

Преемник св. Арсения, архиепископа сербского, Савва II был младший брат первовенчанного краля сербского Стефана и племянник великого Саввы, первого архиепископа сербского.

Предслав, так назывался он в миру у сербов, возревновал идти по следам святого дяди своего и еще в молодости принял иночество. Он ходил в Иерусалим и там прожил немалое время, потом подвизался на Афоне вместе с учеником своим, преподобным Иоанникием, который наследовал по нем и архиепископский престол его[65]. На святой Афонской Горе им пришлось много потерпеть бед и притеснений от разорявших тогда оную латинян, изгнанных из Царьграда греками и поселившихся в Македонии в пределах

Святой Горы[66]. По возвращении его в отчизну блаженный Арсений, чувствуя свою старость и тяжкую болезнь, посвятил его в преемники себе. В сане первосвятителя подражал он жизни предшественников своих. Любимой добродетелью его была кротость. По известию о первосвятителях (Гласник VI, 28) «еще жив сый святый сей (Арсений) постави Сереблем архиепископа вместо себе Савву второго». Так как блаженный Арсений († 28 октября, 1266 г.) три года пред смертью был болен, то, конечно, не позже 1263 г. Савва посвящен был в архиепископа Арсением. Блаженный Савва почил в начале 1267 года[67]. Св. Савва покоится в Пекской обители, вблизи св. Арсения. Сербская церковь поет ему: «Из корене благаго благая отрасль прозябл еси, Божия разума водами напаяем, тем и плод благоуханен явился еси житием от юности, веселя сердца и души поющие тя»[68].

(Память святителя совершается вторично в общей службе свв. сербским святителям и учителям 30 августа).

13 ФЕВРАЛЯ

Память преподобного Симеона мироточивого, ктитора Хиландаря

Преподобный отец наш Симеон был царем Сербии, но, презрев всю суетную славу мира сего, удалился во святую Афонскую Гору, где сначала вступил в братство обители Ватопедской, а потом вместе с сыном своим преподобным Саввою они устроили для своего рода славную обитель Хиландарскую. (Смотри о нем в житии святого Саввы, архиепископа Сербского, 14 января).

Прилагаем здесь и слово св. Саввы о жизни преподобного Симеона, отца его[69], сказанное братии Студеницкого монастыря, ктитором которого был преп. Симеон.

Слово св. Саввы Сербского, архиепископа, о наследовании сего святого монастыря Студеницы преподобным нашим отцом и ктитором господарем Симеоном и о его жизни.

«Да будет вам известно, братие, что на пустынном месте, где находится этот наш монастырь, прежде производилась охота на зверей. Когда однажды пришел сюда на охоту наш господин Стефан Неманя, самодержец, владетель всей Сербской земли, заблагорассудилось ему в этом пустынном месте создать этот монастырь для успокоения и умножения иноков. Сего треблаженного поистине нашего господина и отца Стефана Неманю – да будет известно всем нам и другим – Сам Бог, творящий все к добру для людей, не хотя погибели человеческой, поставил владетелем всей Сербской земли. Он возобновил прародительское наследие и его еще более утвердил, благодаря Божией помощи и своей, данной ему от Бога, мудрости; он восстановил падшую свою дедину и занял от Поморской земли область Зету с городами: от Рабна – обе половины местности Пилота, и от греческой земли – Патьково, все Хвостенское поле; местности по реке – Дриму, Кострец, Держковину, Ситницу, Лаб, Липлан, Глубочицу, Реке, Ушну; местности по реке Мораве – Загрелату, Левче, Белицу. Все эти местности – часть его дедины, утерянной в старину вследствие насилий, он своей мудростью и своими трудами приобрел и сделал достоянием Сербской земли. Когда во время его владычества, Божиим поспешением, повсюду царили мир и тишина, он, поистине дивный, был грозой для всех, живущих вокруг него: его обладание Сербской землей, продолжавшееся 37 лет, было безопасно и никем невреждено.

Как мы назовем его? Властителем ли или лучше наставником? Ибо он утвердил и вразумил сердца всех и научил, как подобает православным христианам содержать правую веру в Бога; он прежде всего собой представлял пример благочестия, а потом и других наставлял; он освятил церкви, построил монастыри – с наслаждением слушал епископов, почитал священников и к монахам имел великое почтение и любовь; он был надеждой для безнадежных, заступником бедных, кормильцем нищих; он одевал нагих и вводил в свой дом, воспитывал сирот, защищал вдовиц, был поистине матерью для слепых, хромых, немощных, глухих и немых – просто сказать: он рождал все свое имение; это был второй Авраам-страннприимец, земной ангел, небесный человек. Потому-то и Бог возвеличил его и даровал ему имя паче всякого имени: ему все народы поклонились. Мало того, он сам построил монастыри: 1) св. Николая в местности Теплице; 2) Пресвятой Богородицы там же; потом 3) св. Георгия в местности Расе – во всех этих монастырях он устроил подобающий порядок. Наконец, он же построил и сей наш святой монастырь в честь Пресвятой Владычицы нашей Благодетельницы Богородицы со всеми малыми и великими принадлежностями; дал ему села со всеми правами на них, с иконами, дорогими сосудами, книгами, ризами, занавесями, что все записано в его грамоты с золотой печатью и на стене в церкви. При этом он клятвой запретил, чтобы никто не нарушил его завещания, как услышите впереди.

2) С Божией помощью и своими трудами приобретши все это, пользуясь, по Божиему поспешению, отовсюду миром и тишиной, св. Симеон (в миру Стефан) пожелал породниться с великим греческим царем Алексеем Комнином и взял его дочь в жены для своего благородного возлюбленного сына Стефана, которого признал своим преемником. Сей благоверный и христолюбивый пречестный старец (Симеон) подвизался, чтобы в день Страшного Суда быть причислену к лику угодивших Богу и получить райское оное и неизреченное жилище. При таком настроении он в особенности желал принять ангельский и апостольский образ и ревностно старался последовать Господним словам: *возьмите иго Мое на себе и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 29–30). В Писании же говорится, что любовь Божия связана с верой верных; вере блаженного сего старца особенно соответствовало изречение: *любяй отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин; и иже не приимет креста своего и по Мне грядет, несть Мене достоин: всяк бо, иже оставит дом, или села, или имение, или жену, или детей, или братьев, или отца, или матерь имени Моего ради, сторицей приимет и живот вечный наследит.* Это желая восприять, боголюбивый отец наш и ктитор постоянно молился Премилостивому Владыке не лишить его желаемого.

В течение своего тридцатисемилетнего владычества он непобедимо и невредимо сохранил свою державу и свое могущество; своих благородных детей воспитал в благоверии и чистоте. Но мы не описали по порядку всего, что видели и слышали, избегая многословия; впрочем, один Бог знает, да и от людей не скрыто, сколь велик был труд сего блаженного мужа ради нас и людского невежества: этот наш учитель имел мудрость Соломона, кротость Давида и целомудрие Иосифово; он был дивен и страшен, владыка владеющих и господин господствующих – просто сказать: подобного ему нет. Итак, изложу о сем вкратце, чтобы слово не вышло пространным.

3) Когда исполнился 37-й год его управления государством, премилостивый Владыка не презрел его искреннего моления, но как щедрый, милостивый и мздовоздаятель хочет, чтобы все спаслись. Когда наступил этот год, прозорливый сей муж (Симеон) счел за ничто всю славу и почести сего мира и вся красота сей временной жизни показалась ему дымом; любовь же его ко Христу возрастала и его сердце воспламенялось; что уже уготовано ему жилище и пречистое вместилище святой его душе, Христос внушил ему это

и наставил. И вот созывает он к себе благородных детей и всех избранных бояр малых и великих; когда они собрались, он стал говорить следующее наставление: «Возлюбленные мои дети, мной воспитанные! Всем вам известно, как Бог по Своему Промыслу поставил меня властвовать над вами; известно и то, каковой униженной нашел я вначале землю нашу, но помощью Бога и Пресвятой Владычицы нашей Богородицы я сколько мог трудился и не успокоился до тех пор, пока не привел все в порядок; и при Божием содействии я увеличил вашу землю в длину и ширину, что всем известно. До сего времени я всех, как и своих детей, воспитал и научил, как надлежит содержать православную веру; многие иноплеменники восставали на меня и обступали меня, как пчелы сот, но именем Господним я оказывал им сопротивление и одолевал их. Посему и вы, мои возлюбленные дети, не забывайте учения и правоверного закона, мной установленного, ибо, сохраняя сие, вы будете иметь себе помощником Бога и Пресвятую Госпожу Богородицу, а я буду возносить Им свою грешную молитву о вас; теперь же меня – своего владыку – вы отпустите с миром, да узрят очи мои спасение Господне, которое Он уготовал пред лицом всех людей, свет в откровение народам и в славу вам – моей пастве, ибо я вижу, как все человеческое суетно и по смерти не остается; не вечны ни богатство, ни слава: приходит смерть и все уничтожает. Итак, всуе хлопочем. Путь, по которому идем, краток; жизнь наша – дым и пар, земля и прах: только что явится и сейчас исчезает. Посему всё поистине суета. Жизнь сия тень и сон, и человек хлопочет из-за пустяков, как сказано в Писании: *егда и весь мир приобрящем, во гробе вселимся, идеже купно царие и убози.* Итак, дети мои возлюбленные, скоро отпустите меня пойти увидеть утешение Израилево». Так увещевал их добрый господин и благой пастырь, а те все навзрыд рыдали и говорили: «Не оставляй нас сиротами, господине! Мы тобою были просвещены, тобою научены; ты просветил нас, пастырь добрый, полагавший свою душу за овцы, ибо никогда не была похищена волком овца из преданного тебе Богом стада паствы твоей; в течение твоего тридцатисемилетнего владычества мы были тобою соблюдены и воспитаны; другого господина и отца, кроме тебя, наш владыка, мы не знаем».

4) Блаженный же сей старец увещевал их своими мудрыми речами, как отец, чтобы они перестали плакать и проливать слезы. По Божиему изволению, он избрал благородного своего и любезного сына Стефана Неманю, Богом венчанного зятя греческого царя Алексея, своим преемником и сего им дал, говоря: «Имейте его вместо меня; это добрая отрасль, происшедшая от меня; его я и возвожу на престол данной мне Христом области». Он сам венчал своего преемника и, благословив его, подобно тому, как Исаак благословил своего сына Иакова всяким благословением, он начал наставлять его, чтобы он содействовал всем доброму в своем государстве, чтобы был благосердным к народу христианскому – этой Богом упасенной его пастве, которую он ему вручил со следующими словами: «Чадо мое любезное! Паси сего моего Израиля: прилежно заботься о нем и руководи его, как Иосиф овча». Заповедал он ему заботиться о церквах и о служащих в них, с наслаждением внимать слову святителей и священнослужителей Церкви, почитать иереев и благодетельствовать инокам, чтобы они молились за него. «Да не будет тебе упрека ни в чем ни пред Богом, ни пред людьми».

Точно так же и другого своего благородного и любезного сына, князя Волкана, он благословил и поставил его Великим князем, дав ему в управление достаточную область; он преподал ему наставление, и затем, поставив обоих сынов пред собой, добрый отец говорил им: «Сыновья мои! Не забывайте моих законов, но да сохраняет ваше сердце мои слова, и приложатся вам мирная лета живота; не оставляйте дел милости и благочестия: привяжите это к вашей вые и напишите на скрижалях ваших сердец, и обрящете благодать; думайте о добре перед Богом и людьми; уповайте всем сердцем на Бога, а своей мудростью не возноситесь; смотрите, чтобы все ваши пути, по которым вы ходите, были правы, и ноги ваши не будут претыкаться; не будьте высокого мнения о себе, но

бойтесь Господа и уклоняйтесь от всякого зла: тогда будет исцеление вашего тела; чтите Господа своими праведными трудами и давайте Ему начатки своих праведных плодов, и обильно наполнятся ваши житницы пшеницей и ваши точила будут источать вино. Сыновья мои! Не изнемогайте, будучи наказуемы Господом, и не ослабевайте, будучи Им обличаемы: *егоже бо любит Господь, наказует и биет всякого сына, егоже приемлет* ; блажен человек, который найдет премудрость, и смертный, который увидел разум: ибо лучше приобретать первую, нежели сокровища золота и серебра; она драгоценнее многоценного камня; ей ничто лукавое не противостоит; она сладка для всех, приближающихся к ней; все же дорогое ничего не стоит, потому что долгота жизни и лета живота в ее деснице, а богатство и слава в шуйце ее; из ее уст исходит правда, несущая в народе закон и милость; ее пути добры и все стези безопасны. Это дерево жизни для всех, держащихся ее, опирающихся на нее, как на нерушимую стену – Господа. Даю же вам сию заповедь: любите брат брата и не имейте между собой никакой злобы. Ты, Волкан, повинуйся и будь послушен сему твоему брату, мной и Богом поставленному на мой престол. А ты, Стефан, властвуя, не уничижай своего брата, но относись к нему с почетом; кто не любит своего брата, не любит Бога; Бог любы есть: посему любящий Бога и брата своего любит; в этом весь закон; он преподан апостолами; ради него были венчаны мученики, в нем и пророки висят[70]. Итак, если хотите и послушаете меня, блага земли получите; если же не захотите и не послушаете меня, оружие истребит вас. Да будет же вам, мои любезные сыновья, мир от Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Дух Божий да почиет на вас, укрепляя и защищая вас от всех врагов, видимых и невидимых, и наставляя на путь мира. – И вам, начальники и бояре мои, мир да будет. – И вам, молодым, которых я воспитал со дня вашего рождения, да будет мир. Мир да будет всем вам – словесное стадо Христово, которые было предано мне Богом; я упас вас, сохранил невредимыми, как пастырь добрый, полагающий свою душу за вас. Итак, умоляю вас, мои любезные дети – богатые и бедные, старые и молодые – храните наставление мое – вашего отца: Бога бойтесь, Царя чтите, церкви украшайте, чтобы и они вас украсили, епископов слушайте, иереев уважайте и к монашескому чину имейте почтение, чтобы они молились за вас. Пребывая в правде и любви между собой, не забывайте о милостыне. Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любы Бога и Отца и причастие Святаго Духа буди со всеми вами. Аминь».

5) После этого он, как мы уже выше сказали, передал им своего любезного сына Стефана Неманю, чтобы он управлял ими, и сам стал удаляться от народа; народ плакал и рыдал, видя удаление такого владыки и пастыря, плакал и рыдал так, словно *глас в Раме был слышан, Рахиль плачущися о чадех своих и немогущи утешитися.* Поистине, я недоумеваю, как назвать его: добрым ли господином, учителем ли правоверия, добрым ли отцом или пастырем, который упас верой преданное ему стадо, просветителем ли церквей и учителем благонравия, постоянно пребывающим в молитве, нищелюбцем ли и их преизобильным служителем, наставником ли правоверия, учителем благоверия и светилом чистоты вселенной, исполненным ли веры и образцом кротости и наставником поста? Наставником ли премудрости, подателем разума и карателем безумных? Соблюдшим ли свое стадо или премудрым ответчиком для всех, вокруг него живущих? Воистину, все это было в нем: он был исполнен премудрости и разума, и Божия благодать почивала на нем.

После всего этого да будет всем ведомо дело сего премудрого и дивного мужа.

Благословив свой народ, он оставил данное ему Богом владычество и все многое другое прекрасное, так как было угодно Христу Богу и Пресвятой Владычице и Госпоже Богородице удовлетворить неисповедимое его святое желание. Раздав все свое имение нищим, он оставил свое владычество, своих детей и свою супругу первобрачную (во

второй брак он не вступал) и приобщился к неизреченному честному ангельскому и апостольскому образу – монашескому малому и великому; имя ему было дано Симеон. Это было 25 марта в праздник Благовещения в 6703 г. (т.е. 1195 году). В тот же самый день и жена его Анна, владетельница всей Сербской земли, приняла святой монашеский образ, и дано было ей имя Анастасия. Когда все это было совершено, отец наш (Симеон) пришел в наш монастырь Пресвятой Богородицы, который им и построен, а госпожа Анастасия отправилась в монастырь Пресвятой Богородицы в местности Расе. Предивный и блаженный отец наш и ктитор, Симеон пребывал у нас во всяком благоверии и чистоте, преуспевая и уча всех бывших около него духовным подвигам такими словами: *возмите иго Мое на себе, и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим. – Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 29–30). Поистине отец наш Симеон исполнил написанное в Евангелии: продал все, что имел, и купил один бисер – безценного Христа, ради которого все это совершив, тем самым уподобился тому юноше, которому Спас Христос дал сию заповедь *аще хощеши спасен быти, иди раздай все имение свое нищим, возми крест свой и по Мне гряди.*

Все это исполнив, блаженный старец в течение своего двухлетнего пребывания в сем нашем монастыре умножил стадо Христово иноческого чина и возжелал взойти на высшую духовную степень, так как в Писании сказано: удалитесь из мест своей родины, потому что никакой пророк не бывает принят в своем отечестве. Поэтому-то боголюбивый Симеон пожелал выйти отсюда и отправиться в странствование, чтобы выполнить собою все сказанное в Писании: надеющиеся на Господа уподобились святой горе, которая не подвергается вражеским нападениям. Собственно, ради сей причины, он пожелал выйти. Сообщу вкратце и о другом.

6) Сей блаженный господин наш Симеон имел трех сыновей; самый меньшой (не могу назвать себя сыном, но рабом), которого он всего больше любил, был неотступно при нем и ему работал. Будучи самым меньшим и, просто сказать, видя немощь своего естества и умножение грехов, я, подобно блудному сыну, оставил доброго отца и добрую мать и благородных своих братьев и господ и как безумный ушел далеко в чужую сторону; питаясь вместе со свиньями и не насыщаясь их пищей, я был мертв и не оживал, был погибшим и не обретался. Поэтому блаженный отец Симеон, яко добрый пастырь, пожелал отправиться в Святую Гору, чтобы поискать заблудшую овцу и, взявши ее на рамена, принести к своему хотению и затем принять награду от Бога за удаление от родных и тем удовлетворить желание своего сердца. Возгорев духом, он так молился Богу: «Царю славы, Единый, безсмертный Отец неба и крепости, хотящий, по Промыслу Своей благости, чтобы ни один человек не погиб, но чтобы все спаслись, не допусти погибнуть мне; вем бо, яко милость Твоя велика есть на мне. И ныне молю Тебя, Владыко, дай мне сие течение жизни окончить». И, сказав это, он послал (людей) за Богом данными ему двумя сыновьями. Когда они вместе с властителями и боярами собрались, он (Симеон) дал им второе благословение и отправился оттуда на Святую Гору в месяце октябре, в 8?й день, в 6706 (т.е. 1197) году, а оставшемуся в Богом данной ему державе своему сыну и государю повелел, кроме других заповедей, заботиться о сем нашем монастыре и приняться за его пристройку. Уходя, блаженный наш отец и ктитор Симеон поставил игуменом сего святого места преподобного мужа иеромонаха Дионисия и заповедал ему заботиться о нуждах Христова стада, что в сем святом месте.

7) Блаженный Симеон 2 числа месяца ноября прибыл в Святую Гору. Богоносные и преподобные отцы, живущие в Святой Горе, приняли его с радостью и великими почестями. Прежде всего он поселился в монастыре Ватопеде, где и нашел желаемое – свою заблудшую овцу[71] ; облобызав его, взял его на свое рамо, как подобало, и взял на службу себе. Пробыл здесь блаженный недолго и пожелал найти место спасения всем

приходящим отовсюду, подобно тому, как здесь оправдал свое царство (земное), выпросил у греческого царя Алексея, своего свата, пустынное место в Святой Горе на устройство монастыря. И взял он меня грешного из монастыря Ватопеда в то место, где мы оба и поселились. Пробыл со мною преподобный отец наш в Святой Горе один год и пять месяцев. Кто может исповедать подвиги и труды сего блаженного? Действительно, все живущие в окрестных местностях удивлялись ему, видя на нем неизреченное Божие снисхождение, и приходили к нему за благословением; священные, богобоязненные и христолюбивые монахи Святой Горы и весь освященный церковный причт неразлучно при нем были, дивясь великому смирению и образу кротости, наставнику поста и последователю слова святого Евангельского учения: *хотяй болий быти, да будет всех меньший и всем слуга; аще не будете, яко дети незлобивы, не внидете в царствие небесное* , и опять: *блаженны нищие духом, ибо тех есть царствие небесное; блаженны плачущие здесь, ибо там наследуют царство небесное; блаженны алчущие и жаждущие здесь, ибо там насытятся; блаженны милостивые здесь, ибо там помилованы будут; блаженны чистые сердцем, ибо всегда Бога узрят* и проч. Все это исполнил блаженный отец наш и ктитор Симеон и ни в каком отношении не был зазорен, но получил спасение с живущими Христа ради. Прибыв к чудным деревьям нивы спокойствия, он там нашел плоды, и птицы сладко пели там; здесь он провел мирную, безмятежную и богоугодную жизнь. Святая Гора – доброе пристанище, укоренилась в правоверии и светло сияла, как чудное дерево, и в себя приняла, как сладкопесненную птицу и любящих пустыню горлиц, некоего желанного монаха, милое утешение христолюбивому старцу, им воспитанную овцу, ветвь от его плода и цветок от его корня; здесь и благовоние; он пожелал и воистину почил на чудной пажити, на которой птица пела разными голосами, где насыщался пятью чувствами мудрецов: зрением, слухом, обонянием, вкусом и осязанием. Пришел он в ту святую пажить (Святую Гору) из своего отечества и нашел некогда бывший монастырь, по имени «Милея», во имя Введения во храм Пресвятой и Преславной Владычицы Богородицы, совершенно разоренный безбожными воинами, и потому принял на себя новый лучший подвиг, потрудил свою старость и меня недостойного, которого имел своим работником; и как здесь (Студеницу) возобновил и устроил все, так и то святое место (Хиландарь) воздвиг, чтобы и там, в будущей жизни, Бог не лишил обновления, памяти и прибежища; собрав достаточное количество монахов, поставил начальником над ними некоего преподобного мужа монаха Мефодия; он все здесь привел в порядок, что необходимо для монастыря и живущих в нем; пробыл там восемь месяцев, совершая подвиги и неизглаголанные духовные усовершенствования, которых ум человеческий не может высказать. И не только тому монастырю, но и всей Святой Горе и всем ее монастырям он дал преизобильную милостыню на поминовение себя и всех его потомков.

8) Седьмого числа февраля месяца его честная старость стала несколько ослабевать. И вот тотчас блаженный старец Симеон тихо подозвал меня недостойного и уничиженного и начал говорить мне святые, честные и сладкие слова: «Чадо мое, сладкое утешение моей старости! Тщательно внимай моим словам и не оскудеют источники твоей жизни; сохрани их в своем сердце, потому что они суть жизнь для всех, их обретающих; особенно храни свое сердце, ибо здесь источники жизни; да не будут твои уста строптивы и готовы на обиду; глаза твои пусть прямо смотрят и веки твои да поднимаются праведно; ходи право своими ногами, исправляй свои пути, не уклоняйся ни направо, ни налево: правые пути знает Бог, а пути неправые развращенны; право делай свое учение и твое хождение да будет в мире. Сын! Внимай моей мудрости, услышь мои слова и сохрани мою добрую мысль; я говорю тебе, что чувствую: храни, сын мой, закон твоего отца, не оставь наставления твоей матери; послушай теперь меня, сын мой, и будешь счастливым, ибо блажен муж, который послушает меня, и счастлив человек, который сохранит мои пути; не присоединяйся к безумным, а поищи премудрость и поживешь; разумно исправь сведения, ибо укоряющий злых себе самому досаждает и обличающий нечестивого себя

самого унижает; не обличай злых, чтобы они не возненавидели тебя, но обличай разумного, и он полюбит тебя; укажи умному вину, и он станет более разумным – это слово к праведному, которое он усердно приимет; начало премудрости – страх Господень, и совет святых разумен, а уразумение закона – благое помышление. Таким образом долго проживешь, и приложатся тебе лета живота». И подняв свои руки, блаженный (Симеон) положил их на моей грешной вые, жалобно начал плакать и сладко лобызать меня; потом стал говорить: «Чадо мое возлюбленное, свет моих очей, утешение и хранитель моей старости! Вот уже приспело время нашего разлучения; вот уже Владыко отпускает меня с миром, по глаголу Его, да сбудется реченное: *земля еси и в землю отъидеши* , но ты, чадо, не скорби, видя мое разлучение: это чаша общая для всех; здесь мы разлучаемся, там соединимся, где уже нет разлучения». Подняв свои пречестные руки, блаженный отец положил их на мою голову и сказал: «Благословляю тебя; Господь Бог благословен, да поспешит на спасение твое и да подаст тебе вместо земных благ благодать, милость и Царствие Небесное, да исправит путь твоего течения, по которому ты изначала пошел от меня, имея с собою здесь и там мою неразлучную, хотя и грешную молитву». Я же, падши ниц к ногам его, со слезами говорил: «Я насладился многими и великими дарами твоими, о блаженный мой господин, отче Симеоне, но не памятуя всего, я оказался окаянным и неблагодарным: я пристал к безсмысленным скотам и им уподобился; будучи нищим добрыми делами и богатым страстьми, будучи исполнен срама и лишен дерзновения к Богу, осужден Богом и оплакан ангелами, будучи посмешищем для бесов, укоряем своей совестью и пристыжен моими злыми делами, я прежде смерти мертвец и прежде суда сам себя осуждаю, прежде безконечного мучения я сам мучусь, вследствие безнадежности. Поэтому припадаю к твоим пречестным ногам с поклоном, дабы получил я, неисправленный, ради твоих пречестных молитв некую малую отраду в страшное оное пришествие Господа нашего Иисуса Христа». Когда наступило восьмое число того месяца, блаженный отец сказал мне: «Чадо мое! Пошли за духовником и за честными старцами Святой Горы; пусть придут ко мне, так как день моей кончины приближается». Я исполнил его повеление, и пришло множество монахов, подобно благовонным цветкам, цветущим в той святой пустыни. По приходе к нему они друг от друга приняли мир и благословение, и блаженный не дал им отойти от него, говоря им: «Останьтесь при мне, пока вы, после отпевания моего тела вашими святыми и честными песнями, погребете меня». Блаженный старец, начиная с седьмого часа и до своей смерти не принял ни хлеба, ни воды, а только ежедневно причащался святых и пречистых Таин Тела и Крови Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

9) 12-го числа того же месяца я заметил, что блаженный старец близок к смерти, и сказал ему: «О блаженный отче Симеоне! Вот уже близок твой благой переход в вечный покой, хотя я уже слышал твое благословение твоему наследию, но теперь дай им свое последнее благословение». Блаженный, подняв руки, со слезами начал говорить: «Троице святая, Боже наш! Славлю Тебя и благословляю Тебя; молю Тебя и представляю себя Тебе. Даю моему наследию третье благословение. Господи Вседержителю, Боже отец наших: Авраама, Исаака, Иакова и праведного семени! Сохрани и укрепи державу бывшего моего владычества; на помощь им отныне и до века да будет Пресвятая Богородица и моя, хотя и грешная, молитва. Даю же им прежнюю заповедь: да будет между вами любовь; кто ее нарушит, да уничтожит его и семя его Божий гнев». Я же на это сказал «Аминь». – После этого блаженный старец сказал: «Чадо мое! Принеси мне образ Пресвятой Богородицы, ибо я дал обет пред ним испустить свой дух». Я исполнил его повеление. Был вечер. Блаженный старец сказал: «Чадо мое! Будь добр, возложи на меня погребальную рясу и наряди меня точно тем святым образом, как мне лежать во гробе; распростри на земле рогожу и положи меня на ней; под мою голову положи камень, пусть я здесь лежу до тех пор, пока Господь посетит взять меня отсюда». Я исполнил все, им заповеданное.

Все мы смотрели и горько плакали, видя таковое неизреченное Божие смотрение на сем блаженном старце, ибо как и здесь он просил у Бога, и Бог дал ему в державе, так и до сей минуты не лишил его ни единой духовной пищи, но все ему исполнил. Поистине, возлюбленные мои братия и отцы, чудно было видеть того, коего боялись и трепетали все страны, подобным одному из странных, нищим, обвитым мантией, лежащим на рогоже на земле, с камнем под головой; ему все кланялись, а он умиленно у всех просил прощения и благословения. Была ночь, когда все, простившись и благословивши друг друга, разошлись по кельям читать правило и затем несколько отдохнуть. Я же с одним иереем, мной оставленным, всю эту ночь остались при блаженном старце. В полночь умолк блаженный старец и больше не говорил ко мне. Когда настало время утрени и началось пение в церкви, опять просветилось лицо блаженного старца и, обратившись к небу, он сказал: «Хвалите Бога во святых Его, хвалите Его во утверждение силы Его». Я же сказал ему: «Отче! Кого ты видишь и кому говоришь?» Он же, посмотрев на меня, сказал: «Хвалите Его в силах Его, хвалите Его по множеству величествия Его». И сказав эти слова, он тотчас испустил свой пребожественный дух и умер о Господе. Я же припал к его лицу и долгое время горько плакал; поднявшись же, я благодарил Бога, что Он сподобил меня видеть таковую кончину сего преподобного мужа[72].

10) Когда вся братия узнала о его смерти, стали навещать его, дивились светлости его лица и говорили: «О блаженный Симеоне, удостоившийся при кончине видеть таковое видение, что Владыка Господь благоизволил воздать тебе за подвиги твоих трудов, и потому при исходе своей души ты с веселостью произнес сладостные слова: *хвалите Бога во святых Его, хвалите Его во утверждение силы Его; хвалите Его по множеству величествия Его* . Блажен ты будешь везде, и потому произнес ты сей блаженный глас». После этого, взяв с честью его преподобное тело, мы, по обычаю, поставили его на средине церкви. По окончании утрени при безчисленном собрании монахов начали петь обычные песни над телом преподобного и тем исполнили сказанное: *боящиеся Господа славят.* Точно так же тогда монахи других народностей пришли поклониться ему и отпеть с великой честью панихиду: прежде всего пели греки, затем иверы, русские и болгары, и потом опять мы (т.е. сербы) – его собранное стадо. По окончании Литургии и всей обычной службы все целовали преподобное тело, и я грешный, во исполнение его завещания, обвил его и положил его в новом гробе. Собравшееся множество монахов я не отпустил до девятого дня, но всякий день творили о нем святую службу.

11) Сей блаженный наш отец своим завещанием поручил, по преставлении в вечный покой, монастырь (Хиландарь) мне, грешному; незадолго перед тем по какому-то случаю преподобный муж, монах, по имени Мефодий, с пятнадцатью другими иноками ушел из монастыря; я же сильно безпокоился и боялся, с одной стороны, вследствие пустынности места, а с другой, – вследствие страха от безбожных разбойников[73]; но, святыми молитвами Богоматери и нашей наставницы и отца Симеона, храм из невзрачного и маленького сделался великолепным; после некоторого времени я собрал 90 человек братии и устроил все необходимое для монастыря. После восьмилетнего моего пребывания там поднялись в той стране смуты: пришли латины, взяли Царьград, всю греческую землю до нашей границы и ворвались и в то святое место; было великое замешательство. По прекращении этой суматохи я получил послание от христолюбивого, благочестивого и Богом изволенного и благословенного блаженным отцом Симеоном, управляющего владением сего Стефана Немани и брата его великого князя Волкана со следующей просьбой: «Вот, в стране той возмутились народы, а блаженный наш отец Симеон, наш владыка и учитель, покоится там; поэтому молим твое преподобие, ради Господа, не презри нас, возьми честные мощи нашего господина Симеона и принеси их нам сюда, чтобы его полное благословение явилось на нас». Видя, что искреннее прошение подобает исполнить, я, немощный, принялся за его исполнение. Улучив

удобную минуту, я пришел, открыл гроб блаженного старца и нашел его честное тело целым и невредимым, хотя оно в гробе пролежало восемь лет, ибо так подобает угодившим Богу, что и по их смерти Он услышит их, сохранит все их кости, и ни одна из них не сокрушится. Взяв честные мощи его, я отправился в путь и, несмотря на страшный мятеж в тех странах, с помощью Бога и Пресвятой Владычицы Богородицы и молитвами блаженного преподобного и честного нашего господина и отца Симеона прошел, по глаголу, через огонь и воду целым, сохранным и ничем невредимым. Когда властвующий Стефан Неманя и брат его князь Волкан узнали о моем прибытии с честными мощами в местность Хвостно[74], собрали епископов, иереев, игуменов со множеством монахов, со всеми боярами, с великой радостью и весельем пришли и с великой честью взяли мощи господаря Симеона, воссылая Богу благодарственные духовные песни, ибо как прекрасный Иосиф, взяв тело своего отца Иакова из Египта, принес в землю обетованную, так и эти боголюбивые и благообразные сыновья его со всей державой, приняв с великой радостью и весельем пречистое тело своего отца, сами несли его и положили с великой почестью в святой сей церкви, в обетованном ему гробе, который сначала был устроен самим блаженным для себя. Это было 19 февраля.

Мы же, возлюбленные мои братья, взирая на подвиги и жизнь сего преблаженного отца нашего, в которых есть радость и веселье, находясь в этой жизни как бы вне мира и живя как бы уже на небесах, озаботимся последовать ему в делании всего угодного Богу, дабы быть в надежде на получение будущих вечных благ о Христе Иисусе Господе нашем, ходатайством Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Благодетельницы и молитвами преподобного и блаженного отца нашего Симеона. Аминь.

16 ФЕВРАЛЯ

Страдание святого преподобномученика Романа[75]

Святой преподобномученик Роман был родом из Карпениси: он происходил от родителей простых и безграмотных, но благочестивых. По причине их безграмотности и Роман оставался безграмотным и потому мало имел понятия о догматах веры. Однажды, услышав рассказ некоторых о св. Гробе Господа нашего Иисуса Христа, он возымел ревность сам посетить св. град Иерусалим, куда немедленно и отправился. С благоговением поклонившись живоносному Гробу Господню и всем там св. местам, он пришел в лавру святого Саввы Освященного. Слыша там чтения о мучениях, каким подвергались святые мученики за имя Христово для получения будущих вечных благ, он спрашивал: что такое будущие блага? Получив же о них понятие, возжелал сам достигнуть сих благ подвигом мученичества. Возвратившись из лавры в Иерусалим, он объявил о таком своем намерении тогдашнему патриарху, но святитель Божий удержал его от страдальчества, как по причине неизвестности конца сего великого и страшного дела, так и потому, чтобы не навлечь чрез то гонение от турок на братство Св. Гроба и прочих христиан. Роман, однако ж, непременно желал мученичества и не мог более подавлять в себе это желание, или, так сказать, не мог утушить пламени, возгоревшегося в сердце его: почему, удалившись оттуда, явился в Солунь, и здесь представ пред судьей, дерзновенно исповедал пред ним Христа Богом истинным, Творцом всего видимого и невидимого и Спасителем человеков, пророка же агарянского назвал баснословом, обманщиком и врагом всякого добра и счастья человеческого, а веру их признавал обманом и прелестью, как исполненную басен и достойную смеха. Не терпя такого дерзновения, судья велел бить его без пощады: варвары, принуждая его отречься от Христа, из спины его вынули несколько ремней и изрезали ему щеки. Кроме сего, вынес

тогда мученик за имя Христово и другие разные мучения. Но так как он оставался тверд в своем исповедании, то судья приговорил его к посечению.

Случилось тогда быть там капитану солунских галер, который стал просить себе у судьи мученика для корабельной службы, говоря, что это наказание для него будет жесточе мечного посечения: на галере будет он мучиться во всю свою жизнь. Это рассуждение капитана понравилось всем нечестивцам, и они с удовольствием подарили ему мученика. Итак, капитан, взявши его, обрил ему бороду и волосы, приковал на галере и заставил грести веслом. Спустя немного времени некоторые из христиан, друзья капитана, дав ему выкуп, освободили страдальца от тяжкой работы и препроводили его на святую Афонскую Гору. Явившись туда, он избрал себе в наставники в духовной жизни дивного в то время подвижника, преподобного Акакия, безмолвствовавшего в ските Кавсокаливском, и стал ангельски подвизаться под его руководством. Впрочем, душа Романа не была спокойна: он был как бы чужд всего земного, не заботился ни о пище, ни о питии, ибо мысль его постоянно была устремлена к желанному для него подвигу мученичества. Для лучшего решения этого вопроса, с общего согласия, оба – старец и ученик – наложили на себя на несколько дней пост и предались теплой и усердной молитве к Господу Богу, чтобы Он открыл им о том волю Свою; скоро преподобный Акакий получил откровение, что есть на то воля Божия и что Роман славно совершит за Христа мученический свой подвиг. Итак, Роман, в день Пятидесятницы, облекшись в ангельский образ и утвердившись молитвами старца своего и тамошних отцов, отправился в Константинополь. Прибыв сюда, святой употребил следующее средство, чтобы заявить себя агарянам: поймав одну из бегавших там собак, привязал к своему поясу и стал таскать ее посреди базара. Турки, видя такое нечестивое, по их понятию, действие, спросили его: зачем таскает он собаку; мученик отвечал им: чтобы кормить ее, как христиане кормят вас, агарян. Разгневанные таким его ответом, мусульмане устремились на него, как неукротимые звери, и начали бить его без милости, а потом представили его к самому визирю, который, слыша из уст мученика те же слова, предал его нечестивцам на мучение до тех пор, пока не отречется своей веры. Нечестивые слуги взяли его, бросили в сухой колодезь, куда обыкновенно бросают убийц, и продержали его там 40 дней, не давая ему ни пищи, ни пития, потом, вынув, опять безжалостно мучили его, но не могши склонить к своему нечестию, донесли о том визирю, который и повелел лишить его жизни мечом. Тотчас же палачи взяли его и, приведя на место казни, чрез отнятие там честной главы его препроводили святую душу его к праведному Судии всех – Богу. Святые мощи мученика по отсечении главы обратились и упали сами на восток; чему позавидовав, агаряне начали бить и гнать оттуда христиан, стекшихся во множестве. Святость страстотерпческих этих мощей Божественная благодать благоволила явить людям осиянием их небесным светом, который освещал их целых три ночи, пока нечестивцы стерегли их: свет сей видели все и дивились. Христиане, славя Бога, радовались этому; агаряне же посрамлялись. Тогда случился там английский корабль: он купил святые мощи и увез их в Англию. Но одному из христиан удалось омочить в крови святого мученика плат, который и находится на Афоне в Дохиарском монастыре, где христианин тот кончил жизнь свою иноком с именем Агапия. Так блаженный Роман получил венец мученичества во славу Христа Бога нашего. Аминь.

Св. преподобномученик Роман пострадал в 1694 г.

23 ФЕВРАЛЯ

Память преподобного Дамиана Есфигменского[76]

Преподобный отец наш Дамиан безмолвствовал близ монастыря Есфигменского, на горе, называемой Самария, и пользовался особенной дружбой св. Космы Зографского, как видно из жития его. Блаженный Дамиан был истинным послушником и твердым хранителем отеческих повелений: это видно особенно из следующего. Он имел от старца своего заповедь – никогда не спать вне своей каливы. Однажды пошел он к одному духовнику, жившему близ обители Хиландарской, но, не застав его дома, ожидал до тех пор, пока день не склонился уже к вечеру. Исполнив свое поручение, святой пошел в свою каливу. А так как был уже вечер и время случилось туманное и дождливое, то братия той кельи просили его переночевать у них, но Дамиан, помня заповедь своего старца, не согласился на их просьбу и пошел в свою каливу, по причине же великого дождя и тьмы сбился скоро с дороги. Не зная ни того, куда ему идти, ни где он находится, преподобный воззвал из глубины души: «Господи Иисусе Христе, спаси меня, погибаю!», – и – о чудо! – в то же время очутился каким-то образом пред своей каливой. По успении же треблаженного, до 40 дней, из гроба его исходило неизреченное и столь великое благоухание, что даже внизу, в монастыре Есфигменском, на расстоянии получаса почти ходу, отцы чувствовали оное. Так Бог прославил Своего угодника за богоугодную чистоту и истинную высоту его жизни! Молитвами его да сподобимся и мы наследовать вечную славу. Аминь.

Страдание святого преподобномученика Дамиана[77]

Подвижник Христов Дамиан имел своим отечеством селение Рихво, в епархии Аграфской. Родившись от родителей благочестивых, он от юности возжелал иноческой жизни; поэтому, оставив мир и яже в мире, удалился на святую Афонскую Гору, и здесь, в священной обители Филофея, приняв на себя ангельский образ, стал подвизаться достойно своего звания. Но желая еще больших подвигов, он чрез некоторое время оставил монастырь и удалился на безмолвие к одному знаменитому тогда безмолвному подвижнику, владевшему даже даром чудес, именем Дометию. Водительством и душеполезными наставлениями безмолвника сего он пользовался три года, восходя от силы в силу и преуспевая во всех добродетелях, так что за неослабную ревность и усердие, тщательность и точность в исполнении всех заповедей Божиих сподобился слышать Божественный глас, призывающий его к служению ближним: «Дамиан, – таково было Божественное ему вещание, – не своей только пользы должно тебе искать, но и пользы других». Посему он тотчас же оставил Святую Гору, удалился в пределы Олимпийские и стал там везде с дерзновением и велегласно проповедовать слово Божие, возбуждая христиан к покаянию и удалению от неправд и пороков и призывая всех к хранению заповедей Божиих и творению добрых и богоугодных дел. Расседался от злобы доброненавистник диавол, смотря на братолюбивые его труды и, не терпя их, возбудил против него много лжеименных христиан, которые начали наветовать на жизнь его и, называя его прельщенным и обманщиком, стали жестоко преследовать. Подражая подвигоположнику Христу, святой дал место гневу и удалился оттуда в пределы Киссовские и Ларисские, где также проповедь слова Божия составляла существенный предмет его занятий. Подвергнувшись и там нареканиям, зависти и преследованиям злобы, он удалился в верхние пределы Аграфской епархии, и всюду наставлял христиан пребывать твердыми в вере и хранить заповеди Господни. Но диавол не дремал: он и там воздвиг против святого некоторых не боящихся Бога и забывших свои обязанности христиан, и они, движимые человеконенавистником, преследовали его, называя его прельщенным и лжемонахом; почему святой оставил и эти пределы и возвратился в Киссово. Возжелав безмятежия, он построил там монастырь[78] и, собрав братию, стал вместе с ней денно и нощно воссылать молитвы и благодарение Господу Богу: впрочем, многие и туда приходили к нему для душевной пользы; ибо, будучи облечен свыше, он творил великие знамения и чудеса, а из уст его текли реки душеполезных поучений.

Однажды, по некоторым монастырским нуждам, а более для пользы христиан, шел он в селение Вулгарини. На пути туда, схваченный агарянами, был он представлен властителю ларисскому, с безстыдными клеветами, будто он возмущает христиан. Поэтому властитель велел сначала бить святого жестоко, потом, наложив на шею и ноги его тяжелые цепи, ввергнуть его в темницу; затем варвар-нечестивец безпрерывно 15 дней продолжал истязать его, то нанося ему жестокие раны, то устрашая, то лаская его и обольщая всевозможными способами, в намерении заставить мужественного воина Христова отречься от Христа. Но мучитель не в состоянии был склонить к этому мученика и притом видел, что он, несмотря на все его муки, с мужеством обличает веру их в лжепророка, со многим дерзновением проповедует Христа Богом истинным и готов ради любви Его претерпеть безчисленные мучения; поэтому, весь исполнившись гнева, повелел мучитель тотчас же умертвить мученика и сожечь труп его. Палачи немедленно взяли его и повесили, но в минуту вздергивания его кверху один из них ударил его по голове железом; в ту же минуту случилось, что веревка оборвалась, и мученик упал с высоты на землю полумертвым. Тогда эти окаянные еще живого его бросили в огонь и сожгли, а пепел высыпали в реку Пинион. Так блаженный преподобномученик Дамиан принял мученический венец! Молитвами его да избавимся все мы сетей вражеских и да сподобимся Царствия Небесного. Аминь.

Св. преподобномученик Дамиан пострадал в 1568 году, 23 февраля[79].

1 МАРТА

Память преподобного отца нашего Агапия[80]

Преподобный Агапий был послушником одного добродетельного старца, безмолвствовавшего в келье Св. Троицы в местности, называемой Колицу, в пределах Ватопедского монастыря. В одно время вышел он на море помыть свои одежды, а там случились агаряне: они тотчас взяли его и, увезши с собой, продали в Магнисии одному тоже агарянину, у которого святой находился 12 лет в оковах и ежедневно работал с усердием. С полной верой и горячими слезами день и ночь молился Агапий Госпоже Богородице, скорой всем, с верой прибегающим к Ней, помощнице, дабы Она, как Сама знает, освободила его от горького этого плена и тяжкой работы. Вняла наконец Всемилостивая молениям раба Своего. В одну ночь, явившись ему во сне, Она велит ему идти без всякого страха к своему старцу. О чудо! – Пробудившись, Агапий видит, что цепи с него спали и двери отверзты. Тогда святой понял, что это сделано чудодействием Богородицы, и потому тотчас же без всякого препятствия, вышедши из дома агарянина, прибыл на Святую Гору к своему старцу. Но старец этот, увидев его, опечалился, ибо думал, что он тайно убежал от своего господина, и сказал ему: «Чадо! Агарянина ты обманул, но Бога никто и никогда не обманет; в час всеобщего суда ты должен будешь отдать ответ за те сребреники, которые истратил твой господин на покупку тебя, чтобы иметь тебя помощником в своих нуждах: поэтому, если ты истинно желаешь себе спасения, иди назад к своему господину и служи ему. Поступив так, ты будешь истинным рабом Божиим и верным Его служителем; когда же Бог просветит господина твоего, он сам даст тебе отпуск». Любящий Бога и Богом возлюбленный Агапий, приняв эти слова старца своего, как от Бога, возвратился к купившему его. Агарянин, неожиданно увидев его, удивился. «Как ты ушел от меня и почему возвратился», – спрашивал его варвар. Тогда святой подробно объяснил ему все дело. Удивился и даже изумился варвар добродетели Агапиева старца и высоте святой христианской веры, а с тем вместе смягчилась от умиления и зачерствелая душа его. Скоро, взяв с собой Агапия и двух

сыновей своих, пришел он на Святую Гору к старцу Агапиеву и просил от него себе и детям своим крещения. Будучи надлежащим образом утверждены в вере Христовой, варвары эти были крещены, а после того приняли на себя и ангельский образ и, богоугодно пожив в добродетельном подчинении сначала старцу Агапиву, а по смерти его Агапию, отошли в Царство Небесное радоваться с прочими преподобными отцами во Христе Иисусе, Которому подобает честь и поклонение во веки. Аминь.

5 МАРТА

Страдание святого мученика Иоанна Болгарина[81]

Блаженный Иоанн был родом из Болгарии. Однажды случилось, что, забыв предосторожность против козней диавола, он отрекся Христа, но чрез несколько времени, придя в чувство, раскаялся в своем преступлении. В раскаянии он оставил свое отечество, прибыл он на Святую Гору и избрал себе жилищем лавру святого Афанасия: здесь находился три года в услужении у одного духовного старца, но так как совесть никогда не давала ему покоя, то он был уныл, печален и молчалив; самый этот наружный вид его показывал всем, что он потерпел какое-то величайшее зло. Не в силах более сносить угрызений совести, он оставил Святую Гору, прибыл в Константинополь, оделся там в турецкие одежды и в таком виде вошел в мечеть святой Софии. Явившись здесь, он стал творить на себе знамение честнаго креста и молиться по обычаю христианскому, что чрезвычайно поразило находившихся там агарян. Смущенные, они подбегают к нему и с суровостью спрашивают, для чего он так делает. Тогда блаженный небоязненно исповедал, что он христианин и как христианин творит на себе знамение крестное и покланяется Христу, Который есть истинный Сын Божий и Бог. Нечестивцы хотели было отвлечь его от этого святого исповедания, но, видя непреклонность его мысли, тотчас же обезглавили его вне двора святой Софии. Таким образом блаженный Иоанн приял светлый венец мученический от Христа Бога нашего, Которому слава и держава во веки. Аминь.

Святой Иоанн пострадал на 19-м году своей жизни, в 1784 году.

19 МАРТА

Память преподобного Иннокентия Вологодского

Преподобный Иннокентий, сын боярина Охлебинина, принял иночество в обители преподобного Кирилла Белозерского; потом вместе с другом и наставником своим преподобным Нилом Сорским[82] долго странствовал на Восток и жил на св. Афонской Горе. Возвратясь с Востока в Белозерский монастырь, он недолго пробыл там и последовал за преподобным Нилом в пустыню.

Скит преподобного Нила, где, как и на св. Горе Афонской, подвизался с ним Иннокентий, находился за пятнадцать верст от большого монастыря Кириллова на берегу безвестной речки Сорки. Там поставил Нил убогую свою хижину, и невдалеке от него, так чтобы можно было подавать друг другу голос, по обычаю палестинскому поставил себе другую келью собеседник его Иннокентий; и другие отшельники мало-помалу начали к нему собираться; таким образом составился первый русский скит, образцы которого видим мы

на святой Горе Афонской. Незадолго до блаженной своей кончины преподобный Нил, предчувствуя свое отшествие к Богу, послал собеседника своего Иннокентия в пределы вологодские, на реку Нурму, и предсказал будущую славу его обители, которая должна была процвести общежитием. «Здесь же, – говорил преподобный, – как было при жизни моей, так пусть будет и по смерти: братия пусть живут поодиночке каждый в своей келье». Исполняя предсмертное завещание учителя, погрузился он в глубину Комельского дремучего леса, с южной стороны которого еще в начале XV века поселились преподобные Сергий Нуромский и Павел Обнорский. С 1491 года преподобный Иннокентий подвизался в одиночестве, но мало-помалу собралось вокруг него пустынное стадо, которое подчинил он строгому уставу преподобного Нила; тогда соорудил для братии церковь во имя Ангела пустыни Предтечи Господня – и процветала его обитель. Иннокентий преставился в 1521 году 19 марта, а в последних годах XV столетия со всех сторон начали уже проникать иноки в глубину недоступной дотоле дебри Комельской. Это были духовные дети Кирилла Белозерского и Дионисия Глушицкого, которые оживили иноческими подвигами мертвую пустыню. Меч татарский опустошил в 1536 году обитель преподобного Иннокентия. Впоследствии была поставлена каменная церковь, во имя Благовещения, над его гробницей; она пережила вновь собранную и опять упраздненную в 1764 году обитель (Жития святых Российской Церкви, март).

22 МАРТА

Житие и страдание святого нового преподобномученика Евфимия[83]

Отечество этого нового подвижника Христова, св. преподобномученика Евфимия, было селение Димитцани в Пелопонессе. Он происходил от благочестивых родителей Панагиота и Марии. Кроме Евфимия у Панагиота было еще три сына: Георгий, Христ и Иоанн, и одна дочь – Екатерина; из них Евфимий был младший и во св. крещении назван был Елевферием по следующему замечательному случаю: когда настало время матери его разрешиться им от бремени, тогда она терпела невыносимые боли, так что младенец не только не подавал никакой надежды на явление свое в мир, но, как другой Вениамин (Быт. 35, 18), подвергал опасности жизнь и самой своей матери. Страдавшая таким образом мать его, потерявши надежду на помощь и искусство человеческое, со слезами и с теплой сердечной молитвой обратилась к Небесному Врачу и Его угоднику св. мученику Елевферию, прося, дабы Творец Небесный чрез ходатайство св. мученика освободил ее от тяжкого бремени, обещаясь наименовать рожденное отроча Елевферием, если оно будет мужеского пола. Небесный Врач, всегда скорый подать помощь призывающим Его с верой и сокрушенным сердцем, услышал молитву Своей рабы, облегчил ее страдания, и родился на свет этот чудный младенец, который по обету матери был наименован Елевферием.

Когда Елевферий достиг возраста, способного понимать книжную грамоту, тогда родители отдали его учиться в начальное сельское училище. Обладая от природы прекрасными дарованиями и при неослабном прилежании он в короткое время выучился начальной грамоте, потом оттуда перешел в высшее эллинское училище, где уже учился вместе с родным своим братом Иоанном грамматике и другим преподаваемым здесь предметам. Пробыв в этом учебном заведении определенное время, они оба перешли в Константинополь, в училище Куручешме[84]. Окончив курс здесь, они оставили Константинополь и отправились в Яссы к своему отцу, находившемуся там по торговым делам со старшими двумя их братьями.

После двухлетнего пребывания в Яссах в душе Елевферия родилась благая мысль – отправиться на св. Афонскую Гору и сделаться монахом; вследствие этого, скрывшись от отца и братьев, он как птица быстро полетел из суетного мира в тихое пристанище подвижников Христовых, пребывающих на Святой Горе. Но прежде чем он достиг желанной цели, Богу угодно было испытать его терпение большими затруднениями.

Так, желая пройти на Святую Гору через Константинополь, он встретил на этом пути непредвиденные препятствия по случаю войны между Россией и Турцией, а потому отправился в Одессу в надежде пробраться оттуда как-нибудь на Афон. Но и тут он встретил препятствие и со скорбью возвратился обратно в Бухарест. Здесь он сделался известным французскому консулу и некоему русскому чиновнику, при которых оставался полтора года, пользуясь их покровительством.

В это время ненавистник добра и спасения человеческого, диавол, начал обольщать его мирскими прелестями и разжигать его юное сердце сладострастием, в чем и успел. Елевферий увлечен был в бездну порока и, погасив в себе святую искру благочестия, предался всякого рода греховным удовольствиям со всем пылом юношеской страсти.

Но так как для провождения греховной жизни нужны были и денежные средства, то он часто входил в большие долги.

Порочная жизнь, однако, не ограничилась одним только угождением плоти, но потребовала от него большей жертвы. Это было так.

Были в то время в Бухаресте со стороны Турции посланники для переговоров о мире с Россией; явившись к ним, Елевферий пристал к одному из этих турок. Это сделал он отчасти потому, что под покровительством их мог безнаказаннее пользоваться всякого рода удовольствиями, а отчасти потому, что надеялся с турком достигнуть Константинополя, так как, пресытившись греховной жизнью, он уже стал скучать[85], что всегда бывает с душой грешника, как утверждает св. Иоанн Лествичник.

Спустя немного времени посланники Порты отправились в Шумлу; здесь они замедлили по разным обстоятельствам. Пребывание Елевферия в Шумле было для него роковым обстоятельством в его безпорядочной жизни. Тяготясь медленностью путешествия, а также грубым обращением своего господина, он приходил в отчаяние, из которого виделся ему один исход: принять магометанскую веру. Скоро для осуществления этого намерения представился и случай. Один из спутников Елевферия, адрианополец Константин, бывший христианин, но незадолго пред тем сделавшийся магометанином, начал подговаривать Елевферия принять магометанство и склонил его идти вместе с ним к находившемуся там рейс-эффенди[86] Галина и пред ним отречься Христа; несчастный Елевферий последовал пагубному совету товарища и променял веру в сладчайшего Иисуса на веру лжепророка Магомета, а чрез три дня принял и обрезание. Но благодать Всесвятаго Духа, как видно, не совсем оставила его: страдая от несносной болезни обрезания, он вспомнил отеческое благочестие, чистоту христианской веры и, окаявая себя, с трепетом начал призывать имя сладчайшего Иисуса. Вспомнил он и милосердие Отца Небесного, готового опять принять обращающегося распутного сына, и всеми силами души своей желал призвать Божественную Его помощь. Но представляя себе всю глубину своего богоотступничества, он не в состоянии был ни рук своих воздеть к Богу, ни ума направить ко свету безначального Его Божества; поэтому он прибег к единственному средству – слезам и, как второй Петр, горько плакал о своем падении. Милосердый Господь наш Иисус Христос, видя истинные слезы раскаяния, милостиво призрел на кающегося, как некогда призрел Он и на первоверховного из апостолов.

Сокрушаясь о своем отречении и чувствуя в сердце своем всю тяжесть своего падения, он казался в кругу товарищей совсем уже не тем, каким прилично было ему казаться. Посему люди рейс-эффенди, подозревая его в намерении бежать, тщательно стерегли его, не позволяя ему отлучаться из дому; притом прилежно наблюдали за всеми его словами и движениями.

В один день товарищи Елевферия увидели на нем небольшой крест[87] и с бранью тотчас сняли с него и показали рейс-эффенди, обвиняя Елевферия, что он и по принятии магометанского закона не оставляет носить на себе крест – символ христианства. Рейс-эффенди, выслушав их обвинение, сказал: Решид (мусульманское имя Елевферия) вовсе не заслуживает осуждения за то, что носит на себе крест, так как он в продолжение этих немногих дней не мог познать всей сладости нашей веры. Оставьте его, он сам со временем придет к богопознанию.

Слыша такие успокоительные слова господина, слуги на время замолчали. После четырехмесячного пребывания в Шумле эффенди со всей своей свитой отправился в Адрианополь, куда последовал за ним и Елевферий, к которому в это время многие из людей рейс-эффенди уже относились враждебно, так как им не нравилось ласковое обращение эффенди с Елевферием, вследствие этого он боялся, как бы они по злобе своей не умертвили его на пути, и тогда он умер бы в мусульманской вере. Посему, как только прибыли они в Адрианополь, Елевферий тотчас от них скрылся и бежал в митрополию и, узнав, что митрополит Кирилл[88] в церкви совершает вечернее богослужение, так как день был субботний, пошел туда. Глубоко потрясен был несчастный, когда увидел здесь диакона, кадящего народ вне храма; отступник вполне сознавал, что только он один лишается благодати священного фимиама. Он готов был рыдать о своем окаянстве, но дабы не выдать себя пред предстоящими христианами, он удержался от слез и объяснил, что пришел из Константинополя к митрополиту с нужными письмами, которые поручено ему лично передать владыке. Митрополит, узнав об этом от диакона и не желая оставлять вечернего богослужения, послал епитропа церкви узнать о письмоносце, о его желании видеть владыку и взять от него письма. Елевферий, видя такой оборот дела, сказал сам себе: несчастная надежда обманула меня, и, отведя в сторону епитропа, рассказал ему о своем отречении и просил его дать ему греческое одеяние. Слыша о предметах такой важности и притом в то время, когда в Адрианополь входили турецкие войска, епитроп от страха ли, чтобы не потерпеть тамошним христианам какой-нибудь неприятности, или по немилосердию, отклонил его просьбу и прогнал несчастного отверженника. Однако такая неудача не ослабила в нем любви и ревности к христианской вере, и он не терял надежды на свое спасение. Раз он встретился с одним благонамеренным христианином, описал ему кратко свое безвыходное положение и убедительно просил принести ему греческие одежды в определенное место и время.

Добрый христианин исполнил желание Елевферия, но действием лукавого и сия мысль его осталась без исполнения, так как он не мог укрыться от слуг рейс-эффенди, почему и казался мрачным и печальным, а нередко и проливал слезы, ибо *сердцу веселящуся* , – говорит Мудрый, – *лицо цветет; в печалех же сущу, сетует* (Притч. 15, 13). Глядя на него, одни из слуг насмехались над ним, другие же старались всячески ободрить его; особенно господин, видя своего новообращенного в таком состоянии, ласкал его, чтоб только утешить; даже объявил его своим сыном, но эти душепагубные утешения далеки были от души Елевферия, тоскующей по небесном отечестве. Несчастный отступник, слушая суетные обещания эффенди, сказал ему, что он так печалится о своей матери, а между тем мысленно вопиял словами Пророка: *разжеся сердце мое, и утроба моя изменишася от окаянного моего отречения от Тебя, Христе!*

Пробывши в Адрианаполе более трех месяцев, турки возвратились наконец в Константинополь. Но и здесь несчастный Елевферий не имел позволения свободно выходить из дома, и здесь усилен был над ним надзор, как и в Шумле. Потеряв всю надежду на человеческие средства к своему освобождению, он прибег с теплыми мольбами и горькими слезами к готовой Заступнице кающихся грешников – Пресвятой Богородице и от всей души просил Ее извести его из этой глубины погибельной и быть ему, подобно Марии Египетской, ходатаицей и споручницей к Сыну Ее и Богу, Которого он безумно отрекся. Моления кающегося отступника не остались тщетными, всемилосердая Владычица не презрела горьких его слез и тяжких воздыханий, так как вскоре, при небесной помощи и Божественном покрове, ему представился случай бежать из этого дома. Но, как видно, враг человеческого спасения не желал выпустить жертвы из своих когтей, а потому ухищрялся ослабить и переменить святую решимость и благочестивое настроение души Елевферия: поставил ему новую сеть на пути его обращения к истинной вере. Вдруг ему приносят в дар драгоценнейшие одежды от жен рейс-эффенди, с обещанием еще больших благ. Мужественный Елевферий, видя явное коварство диавола, в душе посмеялся его козням; впрочем, с притворной радостью и удовольствием принял он все посланное и чрез принесшего раба изъявил пославшим великую свою благодарность. Всю ночь после этого обольстительного поступка раскаивающийся Елевферий провел в теплых молениях и слезах, прося Царицу Небесную указать ему способ и удобство скрыться от рейс-эффенди. Поутру, лишь только солнце начало разливать живительные лучи и золотить ими верхи гор, Елевферий, возведши очи и ум свой к мысленному солнцу правды Христу, молил Его быть ему светом и путеводителем, врагов же его поразить тьмой, дабы они не воспрепятствовали ему бежать из ненавистного ему дома, для взыскания небесного Жениха, как невесте, изображенной в книге Песнь Песней (Песн. Песн. 3, 1), и с этой молитвой, покрываемый Богом, вышел оттуда, никем не замеченный.

Освободившись из погибельного общества, он почти с быстротой птицы прибежал прямо в патриарший дом, отыскал там одного знакомого ему духовника, родом из Пелопонесса, исповедал ему о себе все подробно и после этого стал просить у него христианской одежды. Духовник, быть может по невозможности скоро найти эти одежды или же страха ради, не исполнил просьбы Елевферия и, сказав ему лишь несколько душеполезных слов, отпустил его от себя с миром.

Оставив духовника, Елевферий поспешил в дом российского посольства, и здесь только он мог вздохнуть свободно и из глубины наболевшего сердца громко возопил: «Слава Тебе, изведшему меня из ада и тьмы смертныя, Христе Боже!»

Все, бывшие в посольстве, изумились, видя Елевферия в турецких одеждах, тогда как прежде знали его христианином[89]. Узнав от него обо всем случившемся, русские поболели душой, сняли турецкую одежду, одели его в христианскую и прославили Бога за освобождение раба Своего из уст пагубного змия. Чрез четыре дня нашлось судно, плывшее в Стримонский залив, но имевшее необходимость быть и на Святой Горе, на котором Елевферий и отправился. Спутником его был один боголюбивый христианин из Пелопонесса, именем Иоанн. Христолюбивый этот Иоанн собрался было уже отправляться на другом судне в Россию, но, узнав от Елевферия все бывшие с ним приключения, решился сопутствовать ему на св. Афонскую Гору. Достигнув Святой Горы, они пристали к лавре св. Афанасия. Здесь встретили они прежнего святейшего патриарха Константинопольского Григория, пребывавшего теперь там на покое. С глубокой скорбью Елевферий рассказал сему святителю все подробности своей жизни. Соболезновала и сострадала и великая душа патриарха по Бозе отступнику. Слушая его рассказ, патриарх воссылал благодарение Богу, не хотящему смерти грешника, за

преславное освобождение Елевферия из сетей диавольских; боголюбивого же спутника Елевфериева благословил и, обещая ему великие награды от Христа Бога за любовь его к брату, отпустил с миром, заповедав никому другому не рассказывать о сем деле.
А Елевферия удержал при себе и повелел ему ходить каждый день к благоговейному и добродетельному лаврскому духовнику Мелетию, родом из Крита, для слушания умилостивительных молитв – по установлению Церкви.

Чрез 40 дней Елевферий был помазан св. миром, и таким образом избавившись от плена всегубителя, восприял опять наименование христианина и, снова вписанный в книгу жизни, сделался рабом Христовым. Получив печать Св. Духа, он опять сделался согражданином ангелов, чадом Божиим и сонаследником Христовым.

Укрепившись духовно и исполнившись безмерной святой радости, Елевферий, оставив лавру, приходит в скит св. Анны, является к священному и великому мужу иерею Василию, который уже нескольких отступников от православной веры представил Христу мучениками, быв для них руководителем и спутником на страдальческие подвиги, иногда даже с опасностью для своей жизни и с большими расходами из своих собственных скудных средств. Пред сим духовным мужем Елевферий с сокрушенным сердцем и смиренным духом исповедал всю прошедшую свою жизнь.

Сострадая и милосердуя о Елевферии, блаженная та душа удержала его при себе, много утешала и успокаивала духовно и телесно. Пробыв там дней двадцать, подвизаясь по силе своей в трудах отшельнических, Елевферий стал просить своего наставника, чтоб он благословил его отправиться в Константинополь и там предать себя на мучения. Долго духовник не соглашался на это, но впоследствии, хотя и против своей воли, изъявил согласие на его желание и дал ему такую заповедь: если он узнан будет самими турками, тогда пусть вступает в подвиг мученичества; в противном же случае да не дерзает подвергать себя опасности. Тронутый милосердием к себе Божиим, Елевферий с радостью принял эту старческую заповедь и, взяв благословение и напутственную молитву от благочестивого старца, отправился в Константинополь. Здесь он в продолжение 8 дней неоднократно виделся со знакомыми ему шестью рабами рейс-эффенди, но по судьбам, ведомым одному Богу, не был узнан ни ими, ни другим кем-либо из мусульман. От этой неудачи он сделался печальным и со скорбью сердечной отправился к преждеупомянутому духовнику патриаршего дома, рассказал ему о себе, а также объявил и заповедь своего старца, которую решился нарушить и отдать себя произвольно в руки мусульман, так как долее не может переносить внутри палящего его пламени любви Христовой. Но духовник не советовал ему преступать заповедь старца и всячески старался убедить его оставить свое намерение, но после долгого сопротивления со стороны Елевферия, желавшего пролить свою кровь за Христа, благословил его и пожелал благополучного совершения высокого и священного подвига. Итак, в следующий день – это было Преображение Господа нашего Иисуса Христа – Елевферий, приобщившись св. Христовых Таин и вооружившись сим страшным для демонов оружием, пошел с дерзновением предать себя в руки турок, но по неисповедимым судьбам Промысла Божия, устрояющего все на нашу пользу, он на пути встретился со святогорским лаврским монахом Панкратием, родом из Пелопонесса. На вопрос его Елевферий чистосердечно рассказал ему, как своему знакомому, о своем намерении, но благоразумный Панкратий посоветовал ему лучше возвратиться на Святую Гору, посвятить себя аскетическим подвигам, испытать себя лучше и совершеннее, и таким образом более укрепившись душою и телом и сделавшись более твердым в своем намерении и желании, потом уже вступить на высокий и страшный подвиг мученичества. Панкратий ослабил рвение Елевферия, который решился отложить до времени исполнение своего намерения и по здравому совету своего доброжелателя решился возвратиться на Святую Гору. Но

ненавистник добра, исконный враг рода человеческого, диавол, зная, что Елевферий по своей ревности и притом живя в кругу добродетельных старцев на Афоне, может и сам взойти на высоту добродетелей, начал смущать его различными помыслами и убеждать сперва отправиться в Иерусалим, на Синай, а после еще в какую-нибудь страну. Познав в этом внушении хитрость диавола, желающего отклонить его от настоящего пути, блаженный, при Божественной помощи, не соизволил лукавым внушениям и отплыл на Святую Гору с проигуменом Дохиарской обители Евгением Митиленцем. Прибыв на Святую Гору, Елевферий пробыл у этого проигумена два месяца, а потом от него перешел в обитель Есфигменскую. Отсюда спустя немного времени он возвратился опять в Дохиар. Здесь узнал он от одного иеромонаха, по имени Досифей, что в Иверской обители находится двоюродный брат его Онуфрий, и от радости заплакал, полагая, что при его воздействии приведет в исполнение свое намерение. Но, с другой стороны, стыдясь своего отречения, не пошел он тогда к Онуфрию, хотя и был к тому побуждаем Досифеем, а напротив, чрез несколько времени удалился в пирг, принадлежащий Ставроникитской обители, к духовнику Кириллу Митиленцу. Тот, приняв от него исповедь, послал его в священный скит честного и славного Пророка и Предтечи Господня Иоанна, к духовнику Харлампию.

На пути в этот скит Елевферий зашел в обитель Иверскую, чтобы видеться там с братом своим Онуфрием. Глубоко трогательна была встреча их. Онуфрий, потрясенный до глубины души, неутешно рыдал о великом несчастье Елевферия: каких горьких слов не произнес он тогда! «Зверь лют, – говорил он, как другой Иаков, – пожрал тебя (Быт. 37, 33), брате; кровопийца лютый растерзал тебя, Елевферие», – и многое тому подобное высказал он брату своему. И Елевферий пролил потоки слез из очей своих; и таким образом получив от брата своего великую пользу, он удалился к упомянутому духовнику Харлампию. Спустя 29 дней, по усиленной просьбе Онуфриевой, принял к себе Елевферия находящийся в том же скиту Предтечи славившийся духовным рассуждением духовник иеромонах Никифор. Искренно исповедавшись новому духовнику своему, Елевферий с радостью исполнил назначенную ему епитимью. Первой победой его над диаволом под новым сим руководством была победа над страстью чревонеистовства. Однажды, томясь от долгого поста и воздержания, он увидел несколько луковиц: тотчас пришел ему помысл тайно съесть одну из них (а между тем, ему не велено было употреблять ничего другого, кроме сухого хлеба и воды). Когда в 9 часу подан был ему хлеб и вода и принесший оные удалился, тогда Елевферий взял луковицу, чтобы съесть ее, но, вспомнив о грехе преслушания и тайноядения, блаженный пришел в ужас, ибо в ту минуту налегли на него непомерной тяжестью различные противоречащие один другому помыслы, с которыми боролся он целых три часа, пока наконец с гневом бросил луковицу на землю, растоптал ее и вкусил только хлеба с водой[90].

Но кто же может достойно рассказать о его подвигах, безмерном посте, бдении, слезах, сердечном сокрушении, кротости, постоянном внимании к себе, ласковости ко всем, безмолвии, молчании и сострадании к ближним? Таким образом, Елевферий в короткое время достиг совершенства добродетелей и покорил плоть духу; душа его, объятая Божественным рачением, уже не прилеплялась ни к чему временному и тленному. Между тем, в душе его все более и более возжигалось пламенное желание мученичества, так что наконец он объявил духовному своему отцу о непременном своем намерении вступить в подвиг мученический и просил у него на то согласия. Но опытный старец не соизволил пока его желанию, а повелел ему увеличить подвиги и усерднее просить у Бога милости. Блаженный послушался и, принявши старческое повеление, умножил свои посты, бдения, молитвы и слезы; и, что было особенно достойно удивления, – находясь в таком злострадании, он всегда был светел лицом и постоянно весел. Кроме чрезвычайных своих подвигов подвижник Христов занимался чтением Божественного Евангелия и других

душеполезных книг. Читая в новом мартирологе о подвижниках и победах св. новомучеников, он более и более распалялся сердечным желанием мученичества; когда же ему выставляли на вид трудность этого подвига, нестерпимость мук, лютость мучителей и проч., тогда он всегда давал на это один ответ: я никогда не размышляю о таковых бедах и трудностях и не измеряю их, но чувствую только великую печаль и неизреченную болезнь в сердце моем, что не имею тысячи тел, чтобы предать все их на мученические страдания, и тысячи голов для заклания за любовь Христову.

Некогда Елевферий просил имевшего о нем попечение старца Акакия (ученика Никифорова), да сотворит молитву к Богу и узнает достоверно, есть ли воля Божия принять ему мучение и как предстать пред мучителями, самому ли собой или ждать, пока они узнают и возьмут его. Акакий, такое дело считая выше своего достоинства, отказался исполнить его просьбу, но Елевферий не переставал усиленно просить и умолять его о том. «Чадо, – сказал ему однажды Акакий, – хотя я и не достоин, но по любви христианской и заповеди Господней сотворил о тебе молитву к Богу и получил извещение, что есть воля Творца Небесного вступить тебе на подвиг мучения, притом ты должен идти для исповедания имени Христова к мучителям сам, как сам же отрекся от Господа: противное обыкновенно врачуется противным». Услышав это, блаженный исполнился радости и духовного веселья и с того времени еще более увеличил свои подвиги, прося у Бога ускорения времени к совершению мученичества.

В ту пору такое умиление и плач дарованы ему были от Бога, что никто не видал его без слез и воздыханий; без них он не вкушал даже пищи. Помня о своем падении, он подобно пророку Давиду говорил: *забых снести хлеб мой от гласа воздыхания моего* (Пс. 101, 5. 6).

Идя неуклонно путем подвижничества и всегда думая только о мученичестве, Елевферий в одну ночь видит во сне, будто он, находясь вне своей каливы, весь был залит светом, исходящим от креста, который состоял из светлых звезд и видим был на восточной стороне неба. Изумление и удивление овладели Елевферием, но вместе с тем в сердце его ощущалась неизреченная радость. Близ креста сего заметил он прекрасного юношу, который сказал ему:

– Елевферий! Вот орудие, силой которого первый царь христианский, великий Константин, победил врагов своих: возьми оное, теки и ты в путь свой». Проснувшись после сего видения, он пал на землю и с обильными слезами славил и благодарил Бога. Знамение это служило ему уверением в воле Божией и сильнейшим побуждением к подвигу мученичества. Это видение он по своему смиренномудрию сохранил как тайну до самого часа отправления на мученичество.

Отправляясь на страдания, он рассказал еще и о другом утешительном видении.

– В одно время, – говорил он, – видел я высокий и прекрасный трон, на нем с великой славой и благолепием сидела Пресвятая Богородица; вокруг трона стояло безчисленное множество воинов и слуг, из которых каждый совершал Богоматери поклонение и потом удалялся. Тогда подобно другим и я с великим страхом и сознанием своего недостоинства приблизился к Ней и поклонился. Богородица положила мне на голову Свою руку и несколько минут держала ее; в это время я проснулся и почувствовал в сердце своем неизъяснимую радость, а вскоре за тем из очей моих невольно потекли слезы обильной струей и особенно усладили мою душу.

Не явные ли это доказательства великого попечения Богоматери о Елевферии?! После сего еще более усилился пламень в душе его, и он снова просил благословения и молитвы на отправление в избранный им путь, но, видя всех не соизволяющими его намерению, стал скорбеть и печалиться, пока, наконец, стал настойчиво требовать согласия, – которое, хотя и с неохотой, но вынуждены были дать ему благочестивые старцы. А так как Елевферий приготовлялся к закланию за Христа, то, чтобы всецело посвятить себя Христу, он принял пострижение в ангельский образ с именем Евфимия.

В один день старец его Акакий, рассказывая ему о славе мучеников на небесах и об их дерзновении пред престолом Божиим в ходатайстве за всех просящих их помощи, просил его, чтобы он в час мученической своей кончины умолил Всевышнего о скорейшем его разрешении от тела и о сожительстве на небесах вместе с ним. Евфимий по своему смиренномудрию сначала отказывался, называя себя чуждым такого дерзновения, но когда Акакий еще настоятельнее стал убеждать его к тому, сказал: нет еще воли Божией, отче, отойти тебе из сей жизни: после меня придет к вам другой брат, которого прошу полюбить и позаботиться о нем, как обо мне, – ему суждено шествовать в горняя тоже путем мученичества. Предсказание блаженного вполне оправдалось, так как вскоре после святой его кончины на его место пришел св. Игнатий[91].

Однажды Акакий в келье Евфимия нашел записку, в которой были написаны числа: пять тысяч, две тысячи, три тысячи и т.д.

– Что это? – спросил старец. – Отче! Так как мы намереваемся отправиться в путь, а на море я не могу исполнить положенного мне правила, то удваиваю его теперь, да не осужден буду, как ленивый раб.

Акакий одобрил такую его точность относительно монашеского правила, похвалил внимательность его к своей обязанности и такое приготовление к закланию за любовь Христову.

Между тем, не дремал и враг всякого добра – диавол: дабы отклонить Евфимия от мученичества, он старался всеять в его душу робость. Так, в одну ночь видит он во сне, будто собралось к нему множество безобразных эфиопов, которые сначала произвели страшный шум, потом развели большой огонь и, обратившись к Евфимию, сказали: «Вот, человек идет на мучения, а не рассуждает о том, что мы победим его. Бросим-ка его в этот огонь и посмотрим, сможет ли он перенести мученичество», – и тотчас как будто бы на самом деле схватили его и намеревались бросить в средину огня. Пробудившись, Евфимий призвал Божественную помощь и таким образом избавился от диавольского наваждения.

Наконец настало давно желанное время отшествия Евфимия в святой и богоприятный путь. По пути он зашел в Иверскую обитель проститься с Онуфрием. Умилительно было их прощание, после которого Онуфрий ввел Евфимия в храм Богородицы Портаитиссы и, приблизив его к чудотворному Ее образу, сказал со слезами: «В руки Твои предаю, Госпоже, сего вольного мученика; будь ему, Всенепорочная, дверью в Царство Небесное, укрепи его на брань противу видимых и невидимых врагов и представь его Сыну Твоему и Богу жертвой совершенной и благоугодной».

Итак, 21 февраля, провожаемый многими отцами, Евфимий удалился со Святой Горы в сопровождении одного из послушников духовного отца его Григория, который послан с ним по просьбе Онуфрия. После великих бурь и бед, перенесенных ими по действу диавола на море, 2 марта прибыли они в Каллиполь. Евфимий, узнав, что здесь живут три

паши со множеством турецких войск и что там же есть и некоторые из людей рейс-эффенди, от великого усердия к мученичеству говорил Григорию: «Отче! Вот и здесь есть турки, что препятствует мне свидетельствовать пред ними правую мою веру? Совершу подвиг мой и тут». О мысль боголюбивая! О любовь ко Христу огненная! Вот турки, говорит блаженный, что препятствует мне принять желаемую смерть? Этими восторженными словами он уподобляется евнуху Кандакии, который в порыве сердечной ревности говорит апостолу Филиппу: *се вода, что возбраняет мне креститься* ? (Деян. 8, 36) Какое имел тот усердие креститься в воде, такое же имел и Евфимий креститься своей кровью – крещением из всех крещений труднейшим. Но этому пламенному его желанию Григорий не соизволил, а только совершено было здесь над ним св. елеосвящение; потом они оба приобщились св. Христовых Таин и 9-го числа того же месяца отправились отсюда и прибыли в Артаки, где выслушали они акафистную песнь Богоматери и снова приобщились св. Таин. Из Артаки 19 марта, в четверток 6-й недели Великого поста, прибыли в Галату Константинопольскую и остановились у одного благочестивого христианина Григория, который принял их как людей Божиих и оказал им большое внимание.

Накануне Цветоносной недели над Евфимием снова совершено было св елеосвящение, и опять оба они приобщились Пречистых Таин. В неделю же Ваий в храме св. Предтечи за Божественной литургией еще сподобились пренебесного сего дара, и после Литургии отправились прямо на один кефалонийский корабль, капитан которого принял их с радостью и любовью. Здесь Евфимий снял с себя монашеское одеяние и оделся в заранее приготовленные турецкие одежды. Тогда, поклонившись спутнику своему Григорию, Евфимий сказал: «Благослови, отче, твоего слугу и брата! Бог заплатит вам за все благодеяния, какие оказали вы мне недостойному, и наградит тебя небесными дарами за труды твои». Сокрушился сердцем Григорий и начал проливать слезы о разлуке с Евфимием. «Не возбуждай, отче, своими слезами скорби в моем сердце, а лучше проси Бога, чтоб Он помог мне победить врага-диавола и мужественно окончить великий подвиг». Потом, дав последнее о Христе целование Григорию и всем находившимся там христианам, стоявшим с непокровенными главами и удивляющимся его мужеству, приснопамятный взял в руки свои крест и ваии, взятые им в церкви св. Предтечи и, вооружившись сими оружиями, переходит с корабля на сушу и мужественно идет, как песненная невеста, обрести сладкого и таинственного Жениха. Казалось, сего сладчайшего Обручника, Пастыря и Посетителя душ наших нигде нельзя было обрести ему так скоро, как во дворце тиранов и игемонов; посему, имея намерение проникнуть к ним, он на пути взывал к Нему: «Владыко Иисусе Христе! Ты, пребывая Своей плотью на грешной нашей земле, не отверг того мира, которое кающаяся грешница излияла на Пречистую главу Твою: не возгнушайся же и мной грешным, приими и от меня не миро, а самую мою кровь, которую спешу излить ради Твоей любви; и как той грешнице не возбранил входа в дом Симона прокаженного, так, Владыко, сотвори и для меня свободным вход во дворцы безбожных мучителей, да проповедую там имя Твое святое и постыжу прельстившего меня диавола и посрамлю их мусульманскую веру». Так молился он со многими слезами и болезнью сердца, и о том же умолял Пресвятую Богородицу, как споручницу и непостыдную нашу помощницу. После этой молитвы произвольный страдалец, сотворив на себе крестное знамение, вошел в высокую Порту и, никем не остановленный, предстал пред самим турецким визирем Рушут-пашой и без всякого смущения и страха сказал ему:

– Господин! Я христианин еще от предков: отец мой называется Панагиотом, а мать – Марией; кроме того, имею и других трех братьев и одну сестру, и все мы христиане. А эти одежды, которые на мне, я получил от тебя, и чтобы удостовериться тебе, что я христианин, вот крест, который неложная наша христианская вера дала нам, как оружие

противу всех врагов; а вот и ваии, которые тоже знамение христианское, но чтобы ты еще более уверился в сказанном мной, вот я пред тобой попираю знамение лживой вашей веры!

Говоря это, он снял с головы своей зеленую повязку, бросил ее на землю и начал попирать и проклинать обманщика Магомета. Визирь изумился, видя двадцатилетнего юношу, представшего пред ним с таким дерзновением и мужеством и называвшего веру их лживой, а пророка – обманщиком. Как будто не обращая внимания на Евфимия, визирь с негодованием обратился к предстоящим слугам и гневно сказал им:

– Зачем допустили ко мне такого человека?

Потом приказал особому своему чиновнику испытать, не пьян ли этот дерзкий или не безумный ли он.

– Нет, – отвечал Евфимий, – ум мой здрав, потому-то и исповедую Иисуса Христа Богом истинным и Творцом неба и земли, а себя христианином и желаю умереть по любви ко Христу моему.

– Так, значит, ты пьян, – сказал визирь.

– Я не пьян, – отвечал мученик, – вот уже три дня, как я ничего не ел.

Тогда визирь приказал своим слугам ввергнуть его в темницу, что тотчас же усердными служителями было исполнено. В смрадной тюрьме забили ноги его в колоды и заковали в тяжелые цепи. Через час Евфимий приведен был к визирю для вторичного допроса.

– Пришел ли ты в себя или остаешься еще в прежней твоей прелести? – спросил его нечестивый судья.

– Я сказал тебе, – отвечал мученик, – что я христианин и сын христианских родителей и что я от всей души верую во Иисуса Христа Бога истинного, Который соделался человеком ради спасения нас, человеков, и Который опять придет и будет судить людей, дабы воздать каждому по делам его (см. Римл. 2, 6).

– Оставь безполезное суесловие, обратись в нашу веру, в которой ты уже был, и получишь от меня великие почести и богатства.

– Напрасно прельщаешь меня, господин, и напрасно предлагаешь отречься истинного Бога, сладчайшего моего Иисуса, и принять вашу веру, которая исполнена только басен и разврата. Ведь и жизнь самого вашего учителя была до крайности гнусна, и притом он имел в себе беса, и этот беснуемый ваш наставник и вас научил творить всякого рода нечистоту, а вы веруете в него, как в пророка. Не срам ли это человеку, существу, одаренному от Бога разумом?

– Если ты не отречешься своего Христа и не примешь нашу веру, я предам тебя жестоким мукам.

– О, Христе Царю! – велегласно воскликнул мученик, – не попусти, чтобы я отрекся Тебя, Создателя моего, ни словом, ни делом, хотя бы изрезали это снедное для червей тело мое на куски.

После сего визирь велел наложить на голову мученика зеленую повязку, которую Евфимий снова снял, разорвал надвое и бросил в визиря, говоря: возьми себе свое, а мне оставь мое.

Разгневавшись, визирь приказал тотчас же снова бросить его в темницу и бить прежестоко. Слуги его, как разъяренные звери, схватили страдальца и безжалостно избив его, ввергли в темницу. Там собравшись, как вороны на труп, безчеловечные мучители то устрашали страстотерпца, то обольщали обещанием всех благ мира сего; мужественный же Христов подвижник каждому из них давал достойные ответы, во всем осмеивал их и уничижал преступную их веру. Через три часа с начала истязаний мученика по приказанию визиря повели на третье испытание.

– Пришел ли ты в раскаяние или еще упорствуешь? – спросил визирь мученика.

– Одна есть истинная вера христианская, судья, – отвечал тот, – и один Бог триипостасный, тварью славимый, Отец, Сын и Святый Дух, – единое нераздельное естество Божества. В сие имя я и крестился, и соделался сыном Божиим по благодати; как же мне после сего уверовать в обманщика, лжепророка вашего Магомета? Быв здесь на земле жилищем сатаны, он и теперь находится в объятиях отца своего диавола, и вас ослепленных, которые уверовали в него, как в пророка, ожидает одинаковая с ним мука. Знайте, что никто так не прогневал Бога, как ваш лжепророк, который столько душ увлек с собой в погибель, куда и вы, жалкие, самопроизвольно стремитесь. Истинно говорю вам: если не оставите веру в прельстившего вас лжепророка и не сделаетесь христианами, то навеки погибнете и преданы будете горьким вечным адским мукам.

Хвала свободе уст твоих, мужественный подвижниче Господень! Слава величию души твоей, небесных похвал достойному!

Когда визирь услышал эти дерзновенные и обличительные речи, то весь изменился от гнева, будучи не в состоянии более переносить их, и, отчаявшись поколебать решимость и твердость мыслей исповедника Христова, осудил его на усечение мечом. Тогда палач взял Евфимия и хотел было связать ему назад руки, но мученик не позволил и сказал ему: «Для чего тебе вязать меня, когда я пришел сюда незванным? Ведь ты не привел меня, как преступника?» – После некоторого раздумья палач оставил его.

Итак, славный подвижник Христов вышел из беззаконного того судилища с лицом веселым и радостным, не как на смерть, а как бы на брачный пир, держа в правой руке крест, а в левой ваии, чему удивлялись не только христиане, но даже и самые враги св. нашей веры.

Достигнув определенного места, палачи остановились. В это время мученик, став лицом на восток и простерши руки к небу, произнес о себе и о всем мире пламенную ко Господу Богу молитву. По окончании молитвы он сотворил на себе крестное знамение, облобызал честной крест, который держал в руках, и, весь полный радости и благодати Божией, преклонил колена и главу свою со словами: «Господи! В руце Твои предаю дух мой». Тогда палач ударил мечом его во главу, но не отсек ее сразу. «Секи вернее», – сказал палачу мученик при этой неудаче. – О, чудного мужества светлейший подвижник! – Потом палач ударил во второй раз, но опять неудача – он отсек у страдальца только часть его плоти. После сего он заклал уже мученика, как овцу, в гортань, и таким образом исполнилось пророчество мученика, который еще прежде говорил, что заколют его как овцу.

Итак, мужественный, непобедимый и преславный Евфимий получил наконец столь пламенно желаемую им блаженную кончину 1814 года 22 марта, в Вербное воскресенье, в 6 часу дня. К изумлению всех зрителей страдальческое тело его и по заклании оставалось стоящим на коленях, но чтоб не посрамиться более, нечестивцы намеренно толкнули тело, и оно упало.

Надобно сказать, что, расставшись с мучеником, спутник св. Евфимия Григорий отправился туда, где они остановились, потому что мученик заповедал ему, возвратившись в свое место, молиться о нем Богу целых три часа и потом осведомиться о нем. Григорий так и поступил. Через три часа, когда мученик после истязаний веден был уже на смертную казнь, он послал упомянутого христианина узнать о страстотерпце. Христолюбец этот, сподобившись видеть кончину мученика, известил о ней Григория, который и поспешил увидеть подвижника Христова, так славно восторжествовавшего над диаволом.

А потом палачи подняли страдальческое тело и, по желанию Григория, отнесли оное на остров Проти; такое доставление с великим трудом и за большие деньги Григорий купил у палачей. При перенесении св. мощей мученика, несмотря на то, что они три дня оставались на открытом воздухе, текла еще теплая кровь, но славнее всего было то, что когда Григорий взял честную главу св. мученика и, лобызая ее со слезами, беседовал с мучеником как бы с живым, тогда священная сия глава открыла очи и, как бы живая, веселым и приятным взором смотрела на Григория и на всех предстоящих, и это чудо совершилось дважды в присутствии многих.

После этого Григорий, одев тело мученика в иноческую одежду, положил его внутри храма Преображения Господня.

Между тем, Григорию желательно было перенести св. мощи мученика на Афон, но он недоумевал, какими путями достигнуть этой цели, почему и оставался пока в Константинополе. Но преподобномученик Евфимий однажды является ему во сне, успокаивает его и обещает, что он сам в свое время возьмет свои мощи и перенесет на Святую Гору[92].

Другое чудо совершено было новомучеником еще во время пребывания Григория в Константинополе. У одного христианина, имевшего жительство в Галате, Эммануила Маргаритова сын, именем Янк, шести лет, болел горячкой: четыре уже дня лежал он без чувств, и на выздоровление его потеряли надежду не только родные, но и врачи. Позван был в дом Эммануила с мученическими одеждами Григорий. Лишь только больного обложили окровавленными одеждами мученика и напоили водой от орошения их, тотчас больной открыл глаза, потом попросил еще той воды, с благоговением облобызал мученические одежды и с той минуты стал здоров.

Наконец Григорий, обретши попутный корабль, прибыл на нем на Святую Гору, как ангел – вестник исповедания и страдальческой кончины нового преподобномученика Евфимия. Привез он туда власы от честной его главы и окровавленные одежды, от которых исходило благоухание.

Ради славы Божией не умолчим и о том чуде, которое совершил мученик во время пути Григория на Святую Гору. «21 апреля прибыли мы из Константинополя в Дарданеллы, – так рассказывает о себе один христианин из Месимврии, именем Христодул, сподобившийся испытать на себе чудо, совершенное св. мучеником. – Там я тяжко заболел сильным ознобом и головной болью и полагал, что уже стою близ смерти, но

лишь только напоили меня водой с окровавленной одежды и волос новомученика Евфимия – велик Ты, Христе Царю – тотчас я сделался здоров, прибыл со старцем Григорием на Святую гору и поклонился там священным обителям в вожделенном здоровье».

Один житель кидонисский, именем Антоний, заболел горячкой. Пришли друзья посетить его, между ними был некто, по имени Кириак. Он стал рассказывать о совершившемся недавно мученичестве святого; больной со вниманием, благоговением и верой слушал рассказ и вдруг начал чувствовать облегчение от болезни, а когда окончился рассказ о мученике, тогда и болезнь совершенно прекратилась. Чувствуя себя здоровым, он встал с постели и благодарил святого, к изумлению всех присутствующих, с которыми тотчас же пошел на прогулку. Да и у самого Кириака получил исцеление от одежды святого его больной сын, за что в благодарность послал святому прекрасную лампаду. Корабль, везший сию лампаду, подвергся великой морской буре, но как только повесили на паруса находившиеся на нем одежды святого, – море укротилось.

Надобно заметить, что Григорий, пребывая в Константинополе, раздал многим христианам части от одежд мученика, и от них многие исцелились от различных болезней. Так, у одного врача, по имени Марин, девятилетняя дочь исцелилась от бельма на глазу. Один житель острова Проти избавился от блудных помыслов, которые часто безпокоили его, – призыванием у гроба имени преподобномученика Евфимия.

Молитвами святого новопреподобномученика Евфимия да избавит и нас Бог от недугов душевных и телесных, и сподобимся получить Царство Небесное от Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава и держава в нескончаемые веки веков. Аминь.

Честная глава св. преподобномученика Евфимия находится ныне в Русской на Афоне обители св. великомученика Пантелеймона.

(Память его совершается и 1 мая вместе с свв. преподобномучениками Игнатием и Акакием).

23 МАРТА

Страдание святого преподобномученика Луки[93]

Святой преподобномученик Лука был родом из Адрианополя. Родители его были христиане – отец Афанасий, а мать Домница. Оставшись после смерти отца сиротой 6 лет, Лука воспитывался в крайней бедности со всеми лишениями. Теснимая со всех сторон бедностью, мать отдала его одному загорийскому купцу в мальчики по торговой части. Благонамеренный купец, взяв отрока к себе в дом, обходился с ним не как с подчиненным, но как с родным сыном, заменив ему в этом отношении отца.

Однажды хозяин Луки отправился в Россию по коммерческим делам, куда взял с собой и Луку, которому в это время было 13 лет; возвращаясь оттуда, он остановился в Константинополе, не подозревая, что здесь ожидает несчастного сироту глубокая скорбь. Так, в один день он вышел из дому, в котором они остановились, и, поссорившись с одним турчонком, начал бить его; увидя это, тут же находившиеся турки бросились на Луку, как разъяренные звери и, схватив его, хотели убить. Лука, чрезвычайно испугавшись их свирепости и не находя никакого исхода избегнуть рук ожесточенных

защитников турчонка, закричал: «Пустите меня, я потурчусь». Слово «потурчусь» моментально переменило свирепость турок, а один из них, ага, сейчас же взял его и, приведя в свой дом, заставил Луку отречься от Христа и принять магометанскую веру. Несчастный отрок, будучи застращен свирепостью и боясь, дабы его не стали бить и мучить, по своему детскому легкомыслию отрекся от Христа – источника жизни, Творца неба и земли, не думая о последствиях отречения. Но когда Лука успокоился и пришел в себя, тогда увидел, в какую он вринул себя пропасть, променяв свет на тьму; при этом душа его страдала, а сердце обливалось горькими слезами; вместо обычной радости и веселости настали скука и тоска, и он горько раскаивался в своем поступке.

Ага, видя Луку печальным, начал утешать его, ласкать и обещать доставить ему всевозможные блага. Но Лука, несмотря на свою юность, в этом случае показал себя совершенным мужем и на все обещания и ласки служителя Магомета смотрел с презрением, гнушаясь даже и слышать о них. К довершению скорби и свобода несчастного отрока была стеснена, так что ему не позволяли выходить из дому, боясь, чтобы Лука не вырвался из их когтей. Но, однако, Промысл Божий, видя, что отрок, по детскому своему неразумию и страха ради, хотя и отрекся от христианской веры, но горько в этом раскаивается, дал ему способ уйти из дома, который стал для него ненавистным и мерзким. Улучив удобное время, он известил своего хозяина купца и просил, чтобы он освободил его из той неволи, которой сам был виновником, притом как можно скорее, пока над ним не совершилось гнусное обрезание.

Получив эту нерадостную весть, купец тотчас же пошел к русскому посланнику, которому объяснил все подробно, прося его защиты и покровительства и чтобы скорее избавить от погибели бедствующего отрока. Посланник, выслушав заявление, немедленно послал к аге, требуя отдать Луку его хозяину. Но ага чрез посланного отвечал: так как Луку никто насильно не принуждал отречься от христианской веры и принять мусульманскую, а он сам добровольно пришел в его дом без всякого насилия, то поэтому никто не имеет права требовать его обратно.

Когда посланный ушел, ага из опасения, чтобы вторично не стали требовать Луку, связал ему руки и насильственным образом совершил над ним обрезание. Узнав об этом гнусном обряде, совершившемся над несчастным отроком, посланник, видя, что уже все дело потеряно и что требования будут безполезны, посоветовал купцу известить Луку, чтобы он, избрав удобное время, бежал от аги и приходил бы прямо в русское посольство.

В тот же день купец известил Луку, чтобы он бежал из того дома, что чрез несколько дней отрок и сделал: оставил навсегда злополучный тот дом, в которой произнесли его детские уста страшные слова отречения от Жизнодавца Христа, и, прибежавши в Галату, явился к русскому посланнику, который приказал снять с него турецкую одежду и одеть в христианскую; и в тот же день отправил его в Смирну, а из Смирны в Тир. Здесь он заболел; болезнь день ото дня становилась опасней и близила его к смерти. В это время он горько раскаивался, боясь, как бы грозная смерть не похитила его без покаяния, а потому попросил призвать к себе духовника, которому на исповеди рассказал все с ним случившееся. Духовник, утешив его, советовал не предаваться отчаянию, а возложить всю надежду на промыслителя Бога, пекущегося о нашем спасении, Который устроит и его спасение, имиже весть Сам судьбами; притом ради осторожности того положения, в каком он находится, страшась, чтобы турки какими-либо путями не узнали скрываемой им тайны, посоветовал ему удалиться на святую Афонскую Гору и там в тихом и безмятежном пристанище, среди опытных и процветших в добродетелях мужей, устроить и свое спасение.

Добрый совет духовника Лука принял с радостью и, как только болезнь облегчилась и он почувствовал в себе настолько сил, что возможно было предпринять путешествие, отправился на Афон.

По прибытии на Святую Гору Лука поступил в лавру преподобного Афанасия. Поживши здесь несколько времени, он перешел в Иверский монастырь, здесь он заявил иверским старцам, что по неразумию и страха ради отрекся Христа и что насильственным образом сделано над ним обрезание. Старцы, выслушав Луку, послали его в Предтеченский скит к духовнику, который, прочитав над ним огласительные молитвы, помазал его святым миром, и Лука, получив печать Святаго Духа, опять возвращен был в лоно Православной Церкви.

В Иверском монастыре Лука немного прожил и вскоре отсюда переместился в Ставроникитскую обитель и облечен был в иноческое одеяние. Но, однако, и здесь он не мог ужиться и вскоре перешел в Зографский монастырь. Враг рода человеческого не давал ему покоя, наводил разные искушения, смущал его душу и не допускал долго уживаться на одном месте.

Наконец, по попущению Божию, искушение его дошло до того, что, не терпя вражеских нападений, он оставил святую Афонскую Гору и возвратился опять в мир. Приехав в Кидонию, он начал искать себе при тамошних церквах места пономаря, но здесь такового не оказалось. Отсюда поехал он в Мосхонисию, а потом в Митилин и в Смирну, но нигде не получил места.

Таким образом, встречая везде неудачу и притом боясь свирепствовавшей тогда в Смирне чумы, возвратился опять на Святую Гору и поступил в Ксиропотамский монастырь. Здесь он пробыл недолго и из оного перешел в обитель Котломуш, а отсюда, спустя некоторое время, переместился в Предтеченский скит, где на исповеди рассказал духовнику о своих искушениях. Духовник, выслушав Луку, посоветовал ему поступить в какой-либо скит и обещался оказать ему свое содействие, но так как Лука был молод и еще не имел бороды, то, по тамошним скитским порядкам, нигде его не принимали. Наконец по ходатайству духовника он был принят в Григориатский монастырь, но и отсюда по козням всезлобного врага, не дававшего ему покоя, его прогнали. Все эти искушения были ему нанесены чрез попущение Божие, для его душевной пользы. Это видно из следующего.

Будучи изгнан из Григориатской обители, Лука начал смущаться: «Что бы это значило, думал он, что меня везде гонят?» – и, перебирая в уме всю свою жизнь, остановился на том: «Святая Афонская Гора есть необуреваемое пристанище всех ищущих своего спасения, здесь проводят безмолвную и добродетельную жизнь множество иноков, и все они наслаждаются мирной спокойной жизнью; почему же я не могу ужиться ни в одном месте и, переходя из обители в обитель, нигде не нахожу себе покоя? Разумеется, что ко всему этому нет другой причины, кроме той, что я ношу на себе положенную на меня насильственым образом скверную печать диавола – обрезание. А потому для умиротворения себя необходимо исповедать Христа пред Его врагами, пострадать за Него от тех, пред которыми я, несчастный, страха ради отвергся Его и, пролив за искупителя моего Иисуса кровь, примириться с Ним».

После этого Лука пошел к своему старцу и объявил о намерении пострадать за Христа. Но старец не одобрил его стремления страдать за Христа, так как видел его слишком юным, чтобы позволить ему идти на великий подвиг мучения; при всем этом страшил его и неизвестный конец. А потому сказал ему: «Если никто не хочет тебя держать в своем монастыре, то я соглашаюсь удалиться с тобой куда-нибудь, и мы будем неразлучны во

всю жизнь». Но, однако, ничто не могло отклонить Луку от мысли пострадать за Христа. Поэтому он оставил Григориатскую обитель и пришел в скит святой Анны к знакомому ему иеромонаху Виссариону, который принял его с отеческой любовью и, видя его печальным, желал узнать причину его скорби. Лука, ничего не скрывая, открыл ему о себе все подробно, а также и желание принять муки за Христа. Виссарион, выслушав его, сказал: «Намерение твое пострадать за имя Иисуса Христа прекрасно, но ты посмотри на себя: ведь ты еще так юн и неопытен, что я страшусь за тебя при одной лишь мысли, что ты попадешь в руки врагов Господа нашего Иисуса Христа, турок, которые столь немилосердно будут тебя мучить и терзать, поэтому опасаюсь, чтобы вместо подъятия мук за Христа не случилось бы тебе из боязни опять отречься от Него. А мой совет тебе такой: оставайся здесь, в нашем скиту, и безмолвствуй, и Господь, видя твое покаяние, простит и без мучения твое отречение от Него, которое сделано было по детскому неразумию». Но Лука оставался твердым в своем намерении пострадать за Христа и нисколько не склонялся на совет Виссариона. Видя непреклонную мысль Луки, Виссарион послал его для большего вразумления к духовнику Анании. Но и Анания, при объяснении Луке всех ужасов и мук, не мог убедить его не предавать себя на такой великий подвиг, а потому советовал ему испытать себя и как следует приготовиться к мученическому подвигу, на что Лука согласился с охотой.

Приняв от духовника келейное правило, Лука начал подвизаться в посте, бдении, молитве и коленопреклонении, имея постоянно в своем уме крестную смерть Господа нашего Иисуса Христа. Но коварный диавол, ненавидящий подвижников Христовых, и теперь не оставил его в покое. Так, он вооружил против него учеников Виссариона, которые стали просить своего старца, чтобы Лука удалился от них.

В это время, по Божиему смотрению, пристала к берегам Афона лодка, идущая чрез Митилин в Смирну, а потому Виссарион с духовником решили отправить Луку в этой лодке в Митилин, на что согласился и блаженный, желавший в этом городе совершить свой мученический подвиг. После этого Лука стал убедительно просить Виссариона постричь его в великий ангельский образ и сопутствовать ему на мучение. Виссарион склонился на просьбу Луки, постриг его в монашество, и, изготовив все нужное для путешествия, 10 марта они оставили Святую Гору, а 13-го приплыли в Тенедос. Здесь блаженный Лука, увидя турок, сказал Виссариону:

– Отче! Вот и здесь есть турки, не выдать ли себя им и пострадать за Христа, и совершить в этом месте мой подвиг?

О благочестивая ревность и любовь ко Христу! Божественная любовь, согревшая юное сердце, заставляет забыть все и самую жизнь. Она желает лишь только одного: как можно скорей разрешиться от тела и вечно жить со сладчайшим Иисусом. Но Виссарион, не желая поступить вопреки благословению старцев скита, возбранил ему предать себя в этом месте на мучение, а потому они отправились далее и вскоре благополучно прибыли в Милитин, и, высадившись на берег, остановились в доме священника Парфения. В это время диавол, желая отклонить блаженного Луку от мученического за Христа страдания, начал всевать в его сердце хульные помыслы, притом с такой адской силой вооружился на Луку, что Виссарион вынужден был читать над ним заклинательные молитвы. Как только Лука умиротворился и сердце его стало покойно, тотчас пошли они в церковь святой великомученицы Варвары, где для укрепления себя приобщились святых Христовых Таин. Придя из церкви, Лука оделся в турецкую одежду и получил благословение от старца Виссариона и священника, и, дав им о Христе целование, отправился к дому, где было низшее судебное место. Но здесь почему-то не допустили его к судье.

Не достигнув цели, Лука пошел в мехкеме, где, без затруднения вошедши в присутствие, дерзновенно предстал пред кади и спросил его:

– Скажи мне, судья, допускает ли закон оскорблять и смеяться над отроком, хотя, положим, надо мною?

– Кто же это осмеял тебя? – спросил его кади.

– Осмеял и смертельно оскорбил меня один мусульманин, давший мне ложную печать, – дерзновенно отвечал святой мученик.

Судья, не понимая, о какой печати идет речь, приказал Луке показать ему оную. Тогда мученик, вменяя стыд за Христа Бога в славу, а безчестие в честь, начал поднимать нижнюю часть своей одежды. Судьи, поняв, в чем дело, закричали:

– Остановись и не смей обнажать тела! – Тогда мученик обратился к ним и сказал:

– Будучи еще 13-тилетним отроком, я из страха лишиться жизни принял вашу веру, не понимая, несчастный, того, что меняю истину на ложь, а свет – на тьму, – все это я сделал, говорю вам, страха ради, так как в то время жизнь моя находилась в опасности. Но когда я пришел в совершенный возраст, то узнал, что вера ваша ложная и богопротивная и тот, кого вы называете пророком, не пророк, а обманщик. Итак, теперь пред вами безбоязненно отрекаюсь от вашей веры, а исповедую прежнюю мою христианскую, которая есть свет, путь истинный и жизнь вечная. А также верую и покланяюсь, как истинному Богу, Господу нашему Иисусу Христу, в Которого если и вы не уверуете, как я, то погибнете для жизни вечной и будете мучиться в пламени вечном, вместе с вашим Магометом.

– Откуда ты? – спросил его судья.

– Здешний, – отвечал святой мученик.

– Где же пребывал до сих пор?

– В России.

– Отчего же ты не остался там, а пришел сюда оскорблять судей и говорить разные дерзости?

– Оттого, – благодушно отвечал Христов мученик, – что наши святые книги повелевают нам, что, где отрекся своей веры, там должен и исповедовать ее.

– Каким же путем прибыл сюда?

– На русском корабле.

– Где же ты остановился?

– Нигде, а прямо пришел сюда.

Судья, подозревая мученика не в своем уме, обратившись к другим тут бывшим чиновникам, сказал: «Этот юноша помешанный, испытайте его, узнает ли он свои башмаки или нет?»

Слыша сии слова, святой мученик тотчас вышел и, взяв свои башмаки, принес к судье и сказал:

– Напрасно ты думаешь, что я сумасшедший, смотри: башмаки мои, а купил я их здесь, в этом городе.

– Жаль мне тебя, дитя мое! – сказал судья как бы с сожалением. – Послушай меня и оставь глупые твои слова, иначе я вынужден предать тебя таким мукам, о которых ты никогда и не слыхал; подумай об этом хорошенько и размысли: на что решился ты?

– Я уже давно размыслил о всех этих муках, – со спокойным духом отвечал святой мученик, – за этим-то, собственно, я и пришел сюда; делайте со мной что хотите, но я ни за что в мире не отрекусь чистой и непорочной моей веры и покланяюсь Господу моему Иисусу Христу, Которого я здесь же отрекся по неведению моему.

Мусульмане, видя твердость святого мученика и чтобы отвратить его от Христа, употребили в дело разные обещания и ласки, а потом и угрозы, но мученик, как твердый адамант, остался непреодолимым соблазнам.

Судья, видя непреклонность мученика, приказал отвести его в низший суд и отдать под надзор назиру. Здесь святой мученик подвергнут был страшным побоям от немилосердных слуг назира за то, что попросил благословения и молитв у митрополита Митилинского, пришедшего к назиру по своему делу. Митрополит, узнав о добровольном мученике, тотчас разослал по церквам грамоты, приглашая всех христиан молиться за страдальца Христу Богу. Между тем, назир то разными обещаниями, то ласками, наконец даже изъявив желание усыновить его, старался отклонить Луку от христианской веры, но все было напрасно: воин Христов крепко стоял против соблазна. В это время назира отозвали в мечеть для прочтения какого-то царского указа, куда повлекли и мученика. В мечети было многолюдное собрание мусульман, которые после прочтения указа приступили к мученику, начали его ласкать и обещать разные почести с тем, чтобы он оставался в мусульманской вере, но святой страдалец Христов твердо и мужественно отражал хитрость диавола, покушавшегося совратить его с пути, который уже был близок к концу. В этом случае злобный враг стал употреблять все усилия, дабы не допустить Луку до конца совершить подвиг. Но сила молитвы, приносимой в церквах по всему острову за святого мученика, привлекла к нему благодать Божию, которая укрепила его против соблазна и умудрила его уста отражать все нападения служителей Магомета, обличая их заблуждение, так что сами враги удивлялись мудрости и мужеству слабого отрока. Как видим, непреложно исполнились на нем слова, сказанные в Евангелии Иисусом Христом: *Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как и что сказать; ибо в тот час дано будет вам что сказать. Ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас* (Мф. 10, 19. 20). *Ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить, ни противустоять все противящиеся вам* (Лк. 21, 15). Магометане от стыда и злобы скрежетали зубами, досадуя, что не могли победить юношу, так дерзновенно обличавшего их заблуждение. И только сказали ему: «Даем тебе три дня сроку, размысли о себе хорошенько, исповедание нашей веры будет для тебя причиной радостей и всякого благополучия, а упорство твое навлечет горькие муки и безчестную смерть»; потом приказали забить ноги мученика в колоды и бросить в тюрьму.

Во все это время шла по церквам усердная о мученике молитва, а когда узнали, что его заключили в тюрьму на три дня, то митрополит и Виссарион, старец блаженного Луки, начали изыскивать средства, каким бы образом подать страдальцу Христову утешение в приобщении его святыми Тайнами. Для исполнения этого святого дела нашелся один благочестивый христианин, добровольно давший себя заключить в тюрьму, как будто бы за неплатеж подати. Его поместили в тюрьме вместе со святым мучеником. От этого благочестивого христианина блаженный Лука сподобился принять пречистые Таины Господа нашего Иисуса Христа и причаститься ими.

Через три дня назир, призвав к себе мученика, объявил ему, что если он не отречется от Христа, то будет повешен. Но святой отвечал, что остается непоколебим в своем веровании. И таким образом назир, потеряв всякую надежду на обольщение блаженного Луки, приказал его повесить. Когда привели святого мученика на место казни и надета была на шею петля, тогда палач, издеваясь, сказал страдальцу:

– Исповедуй Магомета, великого нашего пророка, и мы отпустим тебя.

Но святой мученик отвечал:

– Верую в Господа моего Иисуса Христа и Тому Единому покланяюсь.

Тогда другой служитель с насмешкой сказал:

– Так пусть же придет твой Христос и освободит тебя из наших рук. – Говоря это, варвар вздернул кверху веревку, и святой страстотерпец Христов, повиснув в воздухе, предал свою чистую душу в руки Бога, 1802 года, 23 марта, в воскресенье, во втором часу утра по восточному счету времени (по русскому же – в восемь часов утра). Святое тело преподобномученика Луки оставалось висящим на месте казни три дня и три ночи. Будучи хранимо Всевышним Творцом, оно нисколько не пострадало от воздушных перемен, а, напротив, было бело, глаза и уста закрыты спокойно, так что мученик казался спящим самым мирным и спокойным сном; при этом от страдальческого тела исходило необыкновенное благоухание на далекое пространство, что видя, христиане прославляли Бога, укрепившего молодого юношу (всего лишь шестнадцати лет) мужественно подвизаться и получить мученический венец.

После трех дней тело святого сняли с виселицы, привязали на шею большой камень и потом, положив в лодку, вывезли на средину моря и бросили в пучину. Но вместо того, чтобы святое тело утонуло в волнах морских, оно вместе с камнем осталось на поверхности моря, а на месте, где была лодка, поднялась страшная буря, готовая поглотить ее вместе с палачами. Видя неминуемую себе гибель, палачи со страхом возвратились на берег. С наступлением ночи мощи святого мученика были обретены христианами на берегу моря, будучи, как видно, изнесены из оного невидимой силой Божией, – и с подобающей честью преданы земле. Оставшиеся же после преподобномученика одежды обрели целебную силу. Так что от прикосновения к ним получили исцеления несколько больных. Молитвами святого славного преподобномученика Луки, Спасителю мира, удостой и нас попрать помощью Твоей все козни, наносимые нам ненавистником добра диаволом, и сподоби в день Страшного Суда стать одесную со всеми угодившими Тебе. Аминь.

4 АПРЕЛЯ

Страдание святого священномученика Никиты

Отечество святого священномученика Никиты было Албания. История не оставила нам никаких фактов о его происхождении и родителях и чем занимался в миру сей блаженный отец. Известно только то, что он подвизался на святой Афонской Горе, сначала в русском монастыре св. великомученика Пантелеймона, проходя там чередное священнослужение, а спустя некоторое время удалился на безмолвие в скит святой Анны. Здесь, проводя безмолвную и постническую жизнь, он усовершенствовал себя настолько, что сердце его переполнено было любовью к Искупителю нашему Иисусу Христу и что он по любви к Нему и за ту драгоценную кровь, которую Он излил на кресте за грехи рода человеческого, и сам желал излить свою кровь, приняв мученическую кончину.

Запавшая и издавна тлевшая в его сердце искра наконец разгорелась в пламень так, что он уже не в состоянии долее был переносить Божественный огонь, пылающий в его сердце, оставил Святую Гору и, придя в город Серры (Серес), остановился в Серронском монастыре, где некоторое время приготовлял себя к мученическому подвигу, потом отсюда пошел к правителю города, мужественно исповедал пред ним Христа истинным Богом, а Магомета, как прелестника и обманщика, обличил и проклял, за что восприял мученическую кончину.

Настоятель этой обители иеромонах Константий счел долгом записать день кончины святого мученика и известить о ней Русик, как первоначальное место его иноческих подвигов. Приводим здесь в дословном переводе с греческого письмо достопочтенного настоятеля, в котором он подробно изложил как обстоятельства предшествовавшие, так и самую доблестную кончину священномученика.

Письмо проигумена Константия из г. Сереса (в Румилии) в Русский на Афоне монастырь св. Пантелеймона о мученической кончине преп. Никиты, иеромонаха сей обители[94]

Священноинок Никита, по прибытии в Серес, в Великий понедельник 30 марта 1808 г., в час ночи (т.е. от заката солнца) пришел на тамошнее подворье нашего монастыря Илиокалеос и стал на паперти церковной. Встретившись там с иеродиаконом, он спросил его: где настоятель подворья? Тот отвечал: в келье своей.

– Имеешь дело до него? – спросил иеродиакон.

– Имею нужду нечто сказать ему, – отвечал Никита.

Иеродиакон дал знать проигумену, который при входе в церковь взял за руку новоприбывшего и указал ему место возле себя. Тогда же начали и утреню, начинаемую у нас с вечера ради стечения народа.

Во время чтения кафизм настоятель подворья ввел приснопамятного в алтарь и спросил, откуда он.

– Странник из Албании.

– Ради чего пришел сюда?

– Выслушать священную службу.

– Иерей ты или иеромонах?

– Иеромонах, отче; имя мое Никита, – отвечал он смиренно.

Затем слушали службу до конца, а по окончании ее настоятель велел служащим дать пришедшему келью для отдыха и предложил трапезу, если не кушал; по отказе блаженного от ужина отправились все на отдых.

В полунощное время проигумен обходил, по обычаю своему, метох и увидел при лунном свете на паперти стоящего человека; подумав, не чужой ли, подошел к нему и увидел священноинока Никиту молящимся. Удивляясь этому, он сказал ему: заклинаю тебя, брат, именем великого Бога, скажи мне откровенно, что за человек ты?

– Имею твердую решимость, – отвечал преподобный, – пролить кровь мою по любви к сладчайшему Иисусу Христу, за тем и прибыл в этот город ваш.

– Откуда ты прибыл?

– Со Святой Горы Афонской, – был ответ.

Когда оба присели, Никита исповедал проигумену помыслы свои и открыл сокровенное. По окончании исповеди обходивший возвратился в свою келью, оставив блаженного на паперти. Утром, на часах пред Литургией преждеосвященных даров, преподобный попросил служащего дозволить ему вперед приобщиться Пречистых Таин, объясняя, что нужно ему поспешить. Настоятель дал дозволение. После причастия он просил отслужить о нем молебен и хотел дать денег, но проигумен, отказываясь от вознаграждения, сказал: долг наш – сотворить прилежное моление о спасении твоем, и затем, простившись, Никита вышел из подворья. Настоятель послал человека наблюдать издали, куда пойдет преподобный, и тот видел его, что он сначала близ платана немало времени размышлял о чем-то, потом пошел к церкви св. Георгия, и с таким известием наблюдавший возвратился.

После этого Никита, как всем почти сделалось известным, пришел к мечети, находящейся вне города, которая называется по-гречески Святая София, а по-турецки мечеть Ахмат-паши; при ней живет духовный магометанский учитель, имеющий при себе учеников. К одному из них, хромому, подошел преподобный и, сделав обычное приветствие, сел возле него и спросил: отчего он хромает и почему не старается быть уврачеванным.

– Невозможно уврачевать меня, – отвечал тот, – ибо таким родился я.

Преподобный говорит: очень удобно исцеление твое, если только захочешь послушаться меня.

Тот, с удивлением смотря на странного, спросил: в чем тебя послушаться?

– Веруй в Иисуса Христа – единого истинного Бога, и тотчас, как крещен будешь в веру христианскую, обещаю тебе со всей верностью, что получишь во всем здоровье и хромоты твоей следа не останется.

Когда выслушал это хромой, ничего не отвечая поспешно удалился к учителю своему с извещением, что пришел такой-то монах и сказал ему то и то. Господин позвал его к себе и расспрашивал, откуда он и зачем говорил так ученику его? Блаженный объяснил, что он из Албании и ходит для проповедания веры христианской, которая одна есть истинная, и кто примет ее, тот не только спасется и пойдет по смерти в Царство Небесное, но и здесь получит всякую благодать от Христа, единственного истинного Бога. «Поэтому-то я, видя ученика твоего в таком жалком положении, посоветовал ему веровать во Христа для получения и телесного здоровья, и по смерти – Царства Небесного». После такого объяснения господин немедленно послал за человеком от начальника города и, передавая преподобного в руки его, сообщил, что он говорил против веры их, и велел доставить его господину своему. Градоначальник спросил, зачем он так открыто осуждает исповедание их и учит магометан веровать во Христа. Священноинок Никита так же уверенно отвечал, как и учителю. Тот дивился дерзновенному ответу его; не в силах же будучи возражать ему, велел тотчас отвести на конак княжеский с извещением Исух-бея, сына Измаил-бея, господина места, который и присудил приведенного заключить в темницу. На другой день позвал его к себе и допрашивал подобно учителю и правителю города; после таковового же ответа, какой дан был двум первым, его снова отвели в темницу, а Исух-бей пригласил первого законоучителя магометан, к которому питали великое уважение не только простые турки в городе, но и начальники, и сообщил ему, чему учит Никита.

Законоучитель, выслушав Исух-бея, на следующий день, 2 апреля (в Великий четверток) пригласил всех знатных и образованных ревнителей веры своей; по приведении исповедника Христова, велели ему садиться; подали по восточному обычаю кофе. Потом судья сказал:

– Калогер (монах)! Зачем ты ходишь и учишь магометан оставлять веру их и веровать во Христа? При таком поведении ты кажешься вышедшим из ума».

– Нет, – отвечал блаженный, – благодатью Христовой я не выходил из ума, но ревность по истинной вере, которую я исповедую, побудила меня идти на проповедание ее и вам, чтоб вы оставили прелесть свою и уверовали во Христа, Иже един есть истинный Бог, Создатель неба и земли и всего, что на них, Который сошел с небес на землю и сделался человеком, родившись от Приснодевы Марии для спасения нашего, и научил нас чрез священное Евангелие всем истинным догматам о Боге, как веровать в Него. Он даровал людям откровение о Божественных Его действиях и свойствах и какую славу мы будем иметь в будущей жизни и блаженство; потом Он пострадал, был распят и умер за нас, чтоб освободить от прелести и власти диавольской, которой мы подлежали чрез грех праотца Адама; и в третий день воскрес и собрал снова Божественных Своих учеников и апостолов, рассеявшихся во время страдания Его, утешал их и, уверив в Божественном воскресении Своем, повелел им идти во весь мир проповедать Бога истинного, говоря, что кто уверует в учение их и крестится, спасен будет, а кто не уверует, осужден будет на вечное мучение по смерти за свое неверие. Когда прошло сорок дней от воскресения Его, Он вознесся опять на небеса в виду всех учеников и апостолов, и на десятый день по вознесении Своем послал Пресвятого Духа на апостолов, и просветил их так, что они узнали все языки человеческие, почему вышли и проповедали во всем мире. Итак, истину эту я и пришел проповедать вам, чтобы вы уверовали и не мучились вечно по смерти.

Судья спросил:

– Эта вера ваша как проповедана и утверждена?

Исповедник отвечал:

– Проповедана одним изложением правых догматов двенадцатью безоружными бедными людьми, какими были апостолы Христовы, и утверждена чудесами. И несмотря на то, что гонима была столькими мучителями, которые старались уничтожить ее в мире, она победила наконец всех силой Христовой, всех противившихся ей, распространилась во все мире, сохранилась непобедимой и непотребимой доныне и будет храниться до конца мира, по определению Христа, Который основал и утвердил ее.

– Но ты, который вышел на проповедь о Христе, имеешь богатство и силу приневоливать и побуждать людей к уверованию в Него?

– Вера христианская не нуждается в богатстве и насилии, но более в бедности и безоружии, как я уже сказал; как она была проповедана, так и теперь проповедуется.

– Можешь ли и ты сотворить чудо, как Христос и апостолы?

– Нет, я грешен и недостоин.

– Как же ты вышел проповедовать о Христе, когда нет у тебя силы и чудес не можешь творить?

– Вера наша теперь утверждена во всем мире, и чудеса и истина догматов ее сияют явно для всех, кто не закрывает самовольно глаз своих для познания оной.

Тогда некоторые из находившихся там турок сказали исповеднику:

– Может быть, тебя, калогер, говорить то, что говоришь, кто-нибудь из здешних горожан заставил – или епископ, или монахи, священники или купцы?

– Нет, – отвечал им священноинок Никита, – я никого не видал из них и вовсе не знаком с ними; от себя я подвигнулся на это, как сказал прежде, для проповедования вам веры Христовой.

– Так как ты признаешь правой веру свою и исповедуешь Иисуса Богом, то о нашем пророке как думаешь? – сказал судья.

– Мы, христиане, не почитаем его за пророка; знаем только, что он был вначале купец, богатый человек, а потом провозгласил себя пророком пред своими, и когда поверили некоторые, открыл войну вместе с последователями своими, и этим способом принудил и прочих принять его за пророка и веровать учению его, и таким образом мало-помалу утвердил веру свою насилием, войной.

– Итак, поелику ты не принимаешь его за пророка, то иначе как мыслишь о нем?

– Чистосердечно говорю вам: я считаю его за обманщика и чувственного диавола.

– Калогер! Видится, что ты невежа. Я стараюсь освободить тебя, а ты своими жестокими словами навлекаешь на себя смерть.

– Я желаю этого и на это самовольно пришел, чтобы принесть себя в жертву за любовь Владыки и Бога моего Иисуса Христа; только жалею о вас, что находитесь в неверии, и особенно тебя, господин; будучи столь стар и опытен, так что все почитают тебя за

рассудительного, умного человека, не познал ты столько времени истины, но находишься в прелести сам и другим сообщаешь оное прелестное учение верования вашего.

Когда высказал это преподобный, все были посрамлены и полные гнева и мщения удалились молча. Судья сообщил обо всем Исух-бею, который тогда же приказал посадить блаженного в темницу; там он оставался до Великой субботы: в этот день около полудня просил мученик быть приведенным к Исух-бею на несколько слов; тот согласился. Явившись к нему, Никита сказал: «Что держишь меня всуе в темнице и теряешь время? Ты понял меня, поэтому делай одно из двух: или умертви меня, или освободи, чтоб я пошел и отпраздновал завтра с прочими братьями моими христианами великий праздник Воскресения Господа нашего Иисуса Христа». Исух-бей, выслушав это, приказал возвратить исповедника в темницу. Когда мученик входил в дверь, ведший толкнул его так сильно, что преподобный упал коленопреклонно внутрь, причем страж всячески ругал его по своему варварскому обычаю. Таким образом, священноинок Никита пробыл в темнице до ночи Великой субботы.

От начала и до конца заключения он вытерпел жестокие мучения; в один вечер темничный страж принес зажженную сальную свечу и долго держал у ноздрей Никиты; знаки опаления видны были и по кончине на лице его. Еще верно узнали мы от знатного христианина, имевшего свободный вход к князю[95], а тот христианин узнал от искреннего своего друга из албанцев, что тиранили мученика следующими пытками: на голову надевали железный венец[96], вонзали иглы под ногти пальцев, вешали за ноги вниз головой, опаляли тело; все это великодушно претерпел мученик.

В вечер Великой субботы, около двух часов от заката солнца, Исух-бей приговорил страдальца к смерти чрез повешение. Итак, вывели его из темницы и с биением и заушениями привели в часть города, называемую Черях-базар, и там надели ему петлю на шею; между исполнителями казни был цыган, которому велели нагнуться, чтобы ступил мученик на плечи для поднятия, но он счел себя недостойным ступать на человека, почему поставили на стремя, затянули петлю и подняли просящего у всех прощения и прощающего всех. Такова была мученическая кончина священноинока Никиты!

Близ места казни находится церковь Архангела Михаила; иеродиакон ее, вышед из кельи своей, увидел большой свет, который освещал всю окрестность; также одна знатная старушка видела в ту ночь весь город освещенным. Тело священномученика оставалось на виселице три дня до вторника Св. Пасхи, без изменения лица его и других членов; по кончине тело было желтое, таким было и в следующие дни, и обращено было лицом к востоку. Вешавшие взяли всю его одежду, оставив его совсем нагим, но на другой день прикрыли рогожей, быть может по просьбе некоторых христиан. На третий день Пасхи утром из язвы на большом пальце правой ноги начала течь кровь и текла весь день, заняв немалое пространство земли; многие из христиан, по благоговению, собирали мученическую кровь вместе с землей. В тот же день к вечеру дано было христианам позволение от Исух-бея снять Никиту и предать погребению, что и сделано ими; погребли страдальца позади церкви св. Николая, возле городского страннoприимного дома, на особом месте. Скончался священномученик 4 апреля 1808 г.

Еще узнали мы о святом следующее, что, думаем, было в обнаружение приятого Богом страдальческого его подвига.

Купец, родом из Сереса, живущий в Солуни, зять тамошнего именитого архонта, прибыв на свою родину во время заключения св. Никиты в темнице и услышав о дерзновении его и страдании, не хотел почитать его мучеником.

– Нет необходимости, – говорил он, – выходить ныне на мученичество, когда нет никакого преследования христианской веры.

Раз он в таком помысле сомнения заснул и стал кричать как испуганный, так что бывшие в доме проснулись от крика. Утром он рассказал, что во сне видел, будто он находится в церкви пред иконой Владыки Христа, от Которого услышал громко произнесенные ему три раза слова:

– Веруй несомненно о Никите, что он – истинный мученик Мой.

Услышав это, купец пал наземь и возглашал с трепетом:

– Верую этому, верую, – и тотчас проснулся. Помещаю и это, как слышал.

В лето от спасительного воплощения Христова 1809, 19 февраля.
Иеромонах Константий, проигумен обители Илиокалеос, удостоверяю в истине вышерассказанного своей подписью.
Николай Сеианос, врач и чадо искреннее Восточной Церкви, свидетельствую.

Из службы священномученику Никите

Тропарь, глас 1: Плотская увядив движания вся, молитвою и стоянием всенощным, воздержанием же и слезами, безстрастия достигл еси, славный Никито, и Христа с дерзновением проповедав, твердо за Него пострадал еси, священномучениче. Слава Давшему тебе крепость, слава Венчавшему тя, слава Действующему тобою всем исцеления.

Кондак, глас 4. Подобен: Вознесыйся на крест:

Всеоружием креста огражден, к подвигом вольне изшел еси, не убоявся, богогласе, вражиих прещений, с ревностью же веру исповедуя, не престал еси, дондеже мучения искус прошел еси весь, и почести победы, Никито, получил еси.

Икос: Добляго оружника и таинника Спасова, Никиту по достоянию священными песньми воспоим, братие. Сей бо непобедимый силою Божиею укреплен, мужески безстудных агарян посрами нечестие, и благодерзновенно Христа, превечнаго Бога, проповедуя не преста, дондеже мук вся виды прейде твердо, и почести победы получи.

Молитвами святого священномученика Никиты, Христе Боже, управи и нашу жизнь во славу имени Твоего святого, ныне и присно, и во веки веков. Аминь[97].

Память преподобного Феоны, митрополита Солунского[98]

Богоносный отец наш Феона сначала подвизался в обители Пантократора, проходя в ней должность чередного священника, что видно и из жития св. преподобномученика Иакова Иверского. Потом, облобызав безмолвие, он соединился на подвижническом поприще с этим преподобномучеником, подвизавшимся в то время в Иверском скиту честного Предтечи. Когда же божественный Иаков пошел в мир проповедовать слово Божие,

последовал за ним и Феона вместе с другими и был с ним неразлучен почти до самой мученической его кончины. После страстотерпческой кончины своего старца он был предстоятелем и пастырем в монастыре святой Анастасии Узорешительницы, находящемся близ Солуни, а потом, наконец, был возведен и на кафедру митрополитскую в Солуни. Святые мощи его и доныне находятся целыми в вышеназванном монастыре святой Анастасии. (Смотри о нем в житии св. преподобномученика Иакова и учеников его диакона Иакова и Дионисия, 1 ноября).

6 АПРЕЛЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Григория Синаита[99]

Божественный Григорий родился в Азии, в местечке Кукулы. Оно лежало близ Клазомен[100]. Родители его были богаты, а что всего выше и необходимее – добродетельны. В приличное время возраста он был хорошо образован – как во внешнем любомудрии, так, особенно, в истинах Священного Писания. Это было в царствование старшего Андроника Палеолога. Турки тогда уже теснили Азию, грабили селения, и, между прочим, – родину святого Григория, которого в числе других христиан и вместе с родителями и родными его увлекли в плен, в Лаодикию, где, по милости Божией, дано им было позволение от варваров посещать церковь лаодикийских христиан. Лаодикийцы тронулись несчастным положением своих братий. Чтобы облегчить тяжкое их иго, они умолили турок даровать пленным свободу, предложив взамен того денежный выкуп. Неверные обольстились сребренниками – и пленные христиане получили свободу и право располагать собой по собственному желанию. Тогда божественный Григорий удалился на Кипр, в короткое время обратил на себя внимание киприян и своими естественными внешними и внутренними совершенствами заставил почти всех любить себя и уважать, ибо он был от природы благообразен, а внутренняя его лепота еще превосходила внешнюю.

Бог, *знающий сущия Своя* (2 Тим. 2, 19) и поспешествующий им во всем благом, устроил божественному Григорию сойтись на острове Кипре с одним добродетельным иноком, пребывающим в безмолвии. Святой Григорий тотчас же с великой радостью явился к нему в уединение и скоро облечен был им в иноческий ангельский образ. Безмолвствуя с этим иноком и питаясь духовными его беседами, он скоро сделался искусным в иноческой жизни. Отсюда, ища больших подвигов, удалился он на Синайскую гору и там принял на себя великий ангельский образ. В непродолжительное время он удивил и изумил тамошних подвижников своей безплотной ангельской жизнью: пост его, бдение, всенощные стояния, непрестанные псалмопения и молитвы превосходили всякое описание. Казалось, он спорил с природой, желая вещественное тело свое сделать невещественным, – так что самые тамошние подвижники, удивляясь его подвигам, обыкновенно называли его безплотным. «А о корне всех добродетелей – послушании его и глубоком смирении – я затрудняюсь и писать, чтоб нерадивым не показалось, будто говорю ложь», – пишет составитель жизнеописания божественного Григория[101]. Но так как молчать об истине – значит грешить против нее, то я должен рассказать, что слышал от преданного ученика его, Герасима. По словам этого блаженного, божественный Григорий всякое служение, назначаемое ему предстоятелем, исполнял без всякого отлагательства и со всем усердием, всегда представляя себе, что на дело его взирает Сам Бог. Между тем, при всех своих послушаниях, он никогда не оставлял и обычных своих молитвословий. Обыкновенно делал он так: ввечеру, получив благословение от настоятеля, входил в свою келью и запирал за собой дверь – здесь коленопреклонения,

псалмопения, воздеяния рук к Богу с устремлением всего ума к Нему продолжались до удара к утрени; с первым ударом к утренней службе он первый стоял уже у двери церковной, пришедши же в церковь, никогда не выходил из нее прежде окончания службы, и притом, вошедши в храм первым, выходил из него всегда последним. Пища его состояла из небольшого количества хлеба и воды – и только для того, чтоб можно было жить. Назначено ему было служение в поварне. Более трех лет трудился он в этом тяжелом послушании: кто может достойно восхвалить чрезвычайное его здесь смирение? Но всегда думал, что служит не человекам, а ангелам и место службы своей почитал Божиим святилищем и алтарем. Надобно сказать, что преподобный был весьма искусен и в каллиграфии. Но при всех своих занятиях телесных он не оставлял и занятий умственных. Чтением Священного Писания и других благочестивых книг занимался он едва ли не более всех тамошних отцов, а познаниями превосходил почти всех их. При занятиях своих он имел еще благочестивое обыкновение восходить на святую вершину Синая для совершения там благоговейного поклонения, на месте тех древних славных и великих чудес.

Мог ли доброненавистник равнодушно смотреть на святого Григория, видя таковые его подвиги? Чтоб воспрепятствовать святому на пути его к совершенству, он успел посеять плевелы смущения между сподвижниками Григория и возбудить в них страсть зависти. Григорий, как ученик кроткого и смиренного Иисуса, заметив в них эту преступную страсть, тайно удалился из монастыря и взял с собой сего, достойного всякой чести, Герасима. Герасим был родом с острова Эврипа и находился в родстве с владетельным его князем, но, презрев мир со всем суетным его блеском и славой, удалился на гору Синай. Здесь он узнал божественного Григория и, удивляясь чрезвычайным его подвигам, прилепился к нему и сделался одним из учеников его. При помощи Божией и он восшел на высочайшую степень делания и созерцания, так что после великого Григория сделался для многих примером жизни подвижнической.

Итак, удалившись с Синая, они пришли в Иерусалим, на поклонение животворящему гробу. Потом, обошедши все тамошние святые места и благоговейно поклонившись им, отправились судном в Крит и пристали в месте, называемом «Хорошие пристани». Преподобный, не желая тратить напрасно время, стал отыскивать со всем тщанием какое-нибудь безмолвное место, вполне пригодное для уединенной жизни. После немалых трудов нашли они по желанию своему пещеры и там с радостью поселились; и стали продолжаться подвиги святого Григория, в сугубой против прежнего мере, так что на Григории, в собственном смысле, оправдались слова царепророка: *аз яко сено изхох, колена моя изнемогоста от поста; и плоть моя изменися елеа ради* (Пс. 101, 12; 108, 24). Действительно, лицо его от безмерного воздержания сделалось желто, члены иссохли и едва были способны двигаться. При всем том блаженный этот о Боге труженик имел пламенное желание обрести какого-либо духовного старца, который бы мог наставить его в том, чего на пути к совершенству духовному не успел он еще достигнуть. Скоро Господь призрел на святое желание верного Своего раба и устроил дело Своим премудрым образом. Чрез особое откровение извещается божественный Григорий об одном отшельнике, безмолвствовавшем в той стране, – старце опытном в делании и созерцании, по имени Арсений. Будучи движим Духом Божиим, Арсений сам приходит в келью святого Григория. С радостью принимает гостя святой Григорий. После обычной молитвы и приветствия умозрительный этот старец повел разговор, как бы из некоей Божественной книги, о хранении ума, о трезвении и внимании, об умной молитве, об очищении ума посредством творения заповедей, о возможности сделать его световидным и о многом другом. После такой беседы он спросил святого Григория:

– А ты, чадо, какого рода употребляешь делание?

Тогда божественный Григорий рассказал ему о себе все со дня почти своего рождения. Божественный Арсений, знавший уже очень хорошо путь, ведущий человека на высоту добродетели, сказал ему:

– Все, чадо, о чем ты рассказал мне, богоносные отцы называют деланием, а не видением (qewria – видение, созерцание).

Услышав это, блаженный Григорий тотчас падает к ногам его и усердно просит, заклиная даже именем Божиим, научить его умному деланию и объяснить ему созерцание. Божественный Арсений, не желая скрывать талант, данный ему от Бога, со всей охотой согласился исполнить просьбу преподобного и в непродолжительное время научил его всему, что сам богато принял от Божественной благодати. При этом открыл он Григорию, сколь многообразны и неисчислимы козни врага нашего спасения, – т.е. рассказал ему о том, что случается с упражняющимися в подвигах добродетели от человеконенавистников-демонов и от завистливых людей, которых употребляет лукавый в качестве орудий своей злобы.

Получив такие безценные уроки от божественного Арсения, святой Григорий прибыл на святую Афонскую Гору. Желая видеться со всеми святогорскими отцами, воздать им подобающее поклонение и сподобиться святых молитв их и благословения, он обошел все тамошние монастыри, скиты, кельи, – также пустыни и места непроходимые. Общаясь с святогорскими отцами, он видел между ними подвижников, весьма украшенных деятельными только добродетелями; когда же вопрошал их, упражняются ли они в умной молитве, трезвении и блюдении ума, – они ему говорили, что и не знают, что называется умной молитвой, или хранением ума и трезвением. Обозревши всю Святую Гору, пришел он в скит Магула, лежащий близ обители Филофеевской[102], и нашел там трех монахов – Исаию, Корнилия и Макария, которые упражнялись не только в делании, но и в созерцании. Здесь построил он кельи для себя и для учеников своих – и келью для себя поставил в некотором расстоянии от келий учеников, чтобы ему всецело погружаться в одном Боге, чрез умную молитву и быть Им постоянно занятым, – т.е. чтобы по урокам Божественного своего наставника Арсения безпрепятственно предаваться созерцанию. Итак, собирая внутрь себя все чувства, соединив ум с духом и пригвоздив его ко кресту Христову, он часто повторял: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!», – молился с умилением и сокрушением сердца, с воздыханиями из глубины души, и орошал землю теплыми слезами, текшими, как река, из очей его. И Господь не презрел такого его моления: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19), – но весьма скоро услышал его, ибо *воззваша праведнии, и Господь услыша их* (Пс. 33, 18). Посему разгоревшись душой и сердцем и по действию Святаго Духа изменившись благим и преславным изменением, увидел он, осияваемый Божественной благодатью, что дом его был полон света. Исполнившись радости и неизреченного веселья и изливая опять потоки слез, он снедался Божественной любовью. Поистине на нем исполнилось самым делом отеческое то изречение: «Дело видения – восхождение (praxiz qewriaz epibasiz)». И так как преподобный был превыше плоти и мира, то проникся весь Божественной любовью – и с того времени этот свет не преставал освещать его: *свет праведным всегда* (Притч. 13, 9). «Славный этот отец на вопрос мой и соучеников моих о созерцании отвечал, – говорит составитель жизнеописания святого Григория.

– Тот, кто возвышается к Богу благодатью Святаго Духа, видит, как бы в зеркале, всю тварь световидной – *аще в теле, аще кроме тела, не вем* (2 Кор. 12, 2), по словам Божественного Павла, – видит до тех пор, пока не встретится с каким-нибудь препятствием во время созерцания, заставляющим его прийти в самого себя.

Однажды, видя его выходящим из своей кельи с радостным лицом, я в простоте сердца спросил его о причине такого явления. Приснопамятный этот муж, как чадолюбивый отец, отвечал мне так:

– Душа, прилепившаяся к Богу и снедаемая любовью к Нему, восходит выше творения, живет выше видимых вещей и, наполнившись вся желанием Божиим, никак не может укрыться. Ведь и Господь обещал ей, говоря: *Отец твой, видяй втайне, воздаст тебе яве* (Мф. 6, 6), и опять: *да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5, 16), ибо тогда сердце прыгает и веселится, ум бывает весь в приятном волнении, лицо весело и радостно, – по словам мудрого: *сердцу веселящуся, лице цветет* (Притч. 15, 13).

Потом я снова спросил его:

– Божественный отче! Объясни мне, по любви к истине, что такое душа и как она созерцается святыми?

Выслушав мой вопрос, он ласково и, по обыкновению его, с некоторым понижением голоса отвечал мне так:

– Возлюбленное чадо мое духовное! *Высших себе не ищи, и крепльших себе не испытуй* (Сир. 3, 21), – потому что ты, будучи еще младенцем, т.е. несовершенным, не можешь переварить твердейшую пищу, т.е. понять предметы, превышающие силы твои, – как и пища совершенных мужей не полезна нежным младенцам, нуждающимся в молоке.

А я, припавши к ногам его и крепко ухватившись за них, еще настойчивее просил объяснить мне столь важный предмет. Согласившись на усиленную мою просьбу, он сказал мне кратко:

– Кто не увидит воскресения души своей, тот не может узнать в точности, что такое умная душа.

Но я, обращаясь к нему с должным благоговением, снова предложил вопрос:

– Открой мне, отче, достиг ли ты в меру сего восхождения, – т.е. узнал ли, что такое умная душа?

– Да, – отвечал он мне с великим смирением.

– Ради любви Господней, научи же и меня этому, – стал я после сего смиренно просить его, – это может принести душе моей великую пользу.

Тогда Божественный сей и по всему досточтимый муж, похвалив мое усердие, преподал мне следующее:

– Когда душа употребляет все свое усердие и подвизается посредством деятельных добродетелей, при должном рассуждении, – тогда она низлагает все страсти и подчиняет их себе. А если страсти покорены, – ее окружают естественные добродетели и следуют за ней, как тень за телом, – и не только следуют, но и учат ее, и наставляют тому, что выше естества, – учат как бы восхождению по духовной лествице. Когда же ум благодатью Христовой взойдет к тому, что выше естества, тогда, просвещаемый сиянием Святаго Духа, он простирается к ясному видению – тогда, сделавшись выше самого себя, по мере

данной ему от Бога благодати, весьма ясно и чисто видит сущность вещей, и уже совсем не так, как умствуют о том внешние мудрецы, кидающиеся только за тенью вещей, а не старающиеся, как должно, следовать существенному действию природы. Ведь и Божественное Писание говорит: *осуетилось несмысленное их сердце, и глаголющеся быти мудри, объюродеша* (Рим. 1, 21. 22). Потом душа, принявшая обручение и благодать Святаго Духа, по причине множества видений, какие она видит, мало-помалу оставляет прежние и переходит к высшим и Божественнейшим, – как говорит апостол Павел: *задняя забывая, в предняя же простираяся* (Флп. 3, 13), – и таким образом поистине отбрасывает всякую боязнь и страх и, прилепившись любовью к Жениху Христу, видит, что природные ее помыслы совершенно умолкают и, по описанию святых отцов, остаются позади. Достигнув безвидной и неизглаголанной красоты, она теперь, осияваемая светлым сиянием и благодатью Святаго Духа, беседует только с Богом, а просветившись этим беспредельным светом и имея стремление к одному Богу, она, по причине чудного и нового своего изменения, совсем уже не чувствует смиренного, земного и вещественного своего тела, ибо является чистой и светлой, без всякой примеси вещественного пристрастия, – является существом (jusiz) собственно умным, как был, до грехопадения, родоначальник наш Адам. Он сперва был покрыт благодатью беспредельного света, а потом, по причине горького преступления, обнажился от светоносной этой славы.

Ко этому божественная сия глава присовокупила:

– Человек, чрез трудолюбивое упражнение в умной молитве достигший столь дивной высоты и увидевший чисто собственное свое усмотрение, в какое он пришел благодатью Христовой, уже видел и воскресение души своей прежде чаемого общего воскресения – так что душа, таким образом очистившаяся, может говорить с божественным Павлом: *аще в теле, аще кроме тела, не вем* (2 Кор. 12, 2). Но вместе с тем она и недоумевает, и изумляется тому, и взывает с удивлением: *о глубина богатства, и премудрости и разума Божия! яко неиспытани судове Его, и неизследовани путие Его* (Римл. 11, 33).

О таких-то предметах сподобился я слышать от пребожественного этого отца!

Что сказать теперь об учениках сего преподобного отца? Достойно возвестить о всех их подвигах и ангельской их жизни я не нахожу в себе довольно силы; скажу лишь кратко – что по наставнику можно отчасти судить и об учениках его.

Первым его учеником был святой Герасим. Он, как мы выше сказали, происходил из Эврипа и после пользовался еще наставлениями святейшего патриарха Исидора. Этот новый Герасим был, можно сказать, отсветом древнего, Иорданского. Как тот шел путем апостольским и дикую пустыню Иорданскую превратил в многолюднейшую страну, населив ее земными ангелами, так и этот, исполнившись Божественной благодати и быв просвещен от Бога, является в Элладу и обходит апостольски всю ту страну, насыщая сладчайшим учением о добродетели всех алкавших и жаждавших там слова Божия. Не упустил он здесь, подобно иорданскому Герасиму, в многолюдной сей пустыне, основать и много убежищ благочестия и чистоты и преподать насельникам их подобающие правила высокой нравственности для достижения первозданной чистоты человека. Подвизаясь таким образом и сподобившись здесь уже зреть славу, преуготованную избранным Божиим, он отошел ко Господу наслаждаться сей славой – уже не на краткие мгновения, а навсегда.

Второй ученик преподобного был Иосиф, соотечественник Герасима. Иосиф не имел высокого внешнего образования, но, будучи богат внутренней, истинной мудростью, даруемой от Святаго Духа, подобно оным славным рыбарям, победившим царей и

царства, посрамившим мудрецов мира, громил латинских умников. Праведная его ревность по православию послужила крепким оплотом для православных христиан против злословия латинян и утвердила многих из них на пути святой истины. Но о всех его трудах и подвигах в пользу Церкви, о великодушии в несении своего креста и о прочих сокровенных и явных его добродетелях составитель этой биографии не нашел себя в состоянии рассказать надлежащим образом. Потому и нам остается только с благоговением дивиться чудному во святых Своих Богу и величать Его угодников.

Далее блаженный биограф святого Григория просит нас выслушать о третьем ученике сего святого – о некоем чудном авве Николае. Николай был родом из Афин и достиг уже старости, когда державший в то время скипетр Греции царь Михаил Палеолог по политическим расчетам увлекся к суемудрию римской церкви. Отступив сам от чистоты православия, царь старался и всех своих подданных увлечь за собой в ту же бездну погибели. Но когда божественный Николай стал безбоязненно проповедовать в отечестве своем слово Божие и учил народ хранить православие – не принимать гнилых догматов латинских, – Палеолог послал к нему латинских мудрецов для убеждения принять западное зловерие – и послал с обыкновенными латинскими доказательствами – лестью, бичом и мечом. Жестокосердные безчеловечные слуги, встретив со стороны его сопротивление, связали его, наложили на него цепи, обрили честную его браду, били его без милосердия палками, попирали ногами и безжалостно влачили по улицам. Но страдалец Христов и эти, и другие скорби, как то: ссылки, расхищения его имения, заключения в темницы, переносил, славя и благодаря Бога. Но скоро эта гроза прошла. Когда, по смерти царя Палеолога, невеста Христова – Церковь Божией милостью стала опять наслаждаться глубоким миром, бывший в то время святейший патриарх Иосиф употреблял всевозможные способы рукоположить божественного Николая в архиерея, но тот по своей скромности и глубокому смирению уклонился от этой высокой иерархической чести и, любя безмолвие, удалился на святую Афонскую Гору. Тогдашний прот Святой Горы, видя его украшенным всеми видами добродетели, сделал его против воли экклесиархом в честном Карейском храме. Но спустя немного времени он встретился с чудным Григорием – и, лишь только услышал сладчайшую его беседу, со всем усердием души тотчас же сделался учеником его, ибо как магнит с неизреченной от природы силой влечет к себе железо, так и божественный учитель наш Григорий душеполезными своими словами (которые всякий мудрый не погрешит, если назовет словами жизни вечной), привлекал к себе видевших его и беседовавших с ним. И как было во время земной жизни нашего Искупителя – лишь только увидел Его Андрей, тотчас оставил Предтечу Иоанна и следовал за сладчайшим Иисусом – так часто случалось и во время божественного Григория. Стремившиеся к высоте добродетелей, усматривая, что он достиг крайнего благоговения, невозмутимого спокойствия и тишины и полного просветления души, немедленно оставляли прежних свои старцев и, притекая к нему, подчинялись ему совершенно. Так поступил и досточтимый этот Николай, несмотря даже на преклонность своих лет. Под мудрым и Божественным водительством святого Григория он скоро сделался искусным во всякой добродетели, а смирением даже и превзошел всех своих собратий и соучеников.

Потом жизнеописатель святого Григория повествует еще о некоем досточудном ученике его Марке. Марк отечеством своим имел Клазомены; пришедши в возраст, принял иноческий образ в монастыре Исаака, который был в Солуни, а чрез некоторое время прибыл на святую Афонскую Гору и здесь подчинил себя святому Григорию. Стяжав умную молитву и трезвение, он был, так сказать, сокровищницей и хранилищем всех добродетелей и деятельных, в особенности же отличался смирением и послушанием, которое оказывал не только предстоятелю, но и всему братству, и даже служил странным как раб. Посему, удивляясь ему, все хвалили его и питали к нему любовь и расположение.

Священнолепный вид его дышал каким-то духовным благоуханием и имел чудное на других влияние, так что увидевший его один раз чувствовал в своей душе некое освящение и влечение к смиренномудрию Маркову и этого чудного Марка брал себе в образец добродетели. Пришедши даже в глубокую старость, божественный Марк возлагаемые на него послушания исполнял с великой радостью и усердием. Проходя, например, службу повара, он никогда не показывал отягощения или нерадения. Посему и Бог, призирающий на кротких и смиренных сердцем, наградил его глубоким душевным миром, невозмутимой тишиной сердца, исполнил неизреченной радостью и весельем – или, иначе сказать, Марк сделался светлейшим органом Святаго Духа, обителью Триединого. Пример сего божественного Марка служил назиданием для многих. Многие, видя его подвиги и слушая благодатную его беседу, получали себе обильную душевную пользу. В числе назидающихся ангельской его жизнью был и я, и притом преимущественно пред другими, ибо, будучи сожителем ему почти до самой его смерти, я пользовался самой искренней его дружбой. У нас была как бы одна душа в двух телах и мы не знали, что мое, что его. Отсюда выходило то, что кто называл Каллиста, тот вдруг прибавлял к нему и Марка, и опять, кто говорил о Марке, тот видел в нем и Каллиста. Все отцы, обитавшие там в скиту, смотрели на наше единомыслие, какое мы имели между собой благодатью Христовой, как на похвальный пример, – и если когда, по зависти диавольской, случалось некоторым из них вступать в разногласие между собой, тотчас приводили они себе на память нас – и разногласие исчезало.

Божественный отец наш Григорий благословил быть такому между нами единомыслию до кончины нашей и, движимый благодатью Святаго Духа, присовокупил, что если мы будем находиться в этом единении духа, то удостоимся Царства Небесного. Такое наше дружество продолжалось целых 28 лет. Пред смертью своей Марк вынужден был по болезни перейти из скита в лавру и оставаться там до своей кончины, но телесное разлучение наше никогда не нарушало духовного нашего единения. Блаженный Марк, ежедневно восходя от силы в силу, стал на высшей степени совершенства, так что должным образом и рассказать о всех его добродетелях невозможно. И то, что я о нем повествую, делается мной против его воли, ибо он по смирению своему заповедал мне не говорить о его добродетелях. Но так как похвала святых относится к Богу, то я, для душевной пользы и назидания других, и счел справедливым не молчать о подвигах его.

– Скажу, – говорит блаженный патриарх, – еще об одном достойном похвалы ученике святого Григория – Иакове. Он наставлениями и водительством божественного Григория достиг такой высоты добродетелей, что удостоился принять и сан архиерейства, – сделался епископом епархии Сервион. Не умолчу и о чудном Аароне. Он был лишен телесного зрения, поэтому святой Григорий весьма много сострадал ему. Божественный Григорий объяснял Аарону, что слепота телесных очей не только очищает душевные, но и дарует вечный свет тем, которые переносят ее с благодарностью, надеясь во всем несомненно на Бога, и что когда мы помощью и благодатью Божией очистим сердца наши посредством горячей и постоянной молитвы, тогда просвещается наш ум и разум, которые в душе как бы два ока. А если просветятся и отверзятся очи души нашей, то человек, сделавшись в Боге духовным, видит естественно, как видел и Адам прежде своего преступления. Объяснял ему святой Григорий и падение нашего праотца, и восстановление его в первобытное совершенство. Слушая эти и подобные этим наставления и слагая их в сердце своем, Аарон с глубоким сокрушением сердца просил Бога так: «Господи Боже мой! Низу склонившегося воздвигнувший, словом единым расслабленного стягнувший и очи слепого разверзший, воздвигни и меня неизреченным Твоим благоутробием и погрязшую в тине греха окаянную мою душу не презри и не дай ей погрязнуть во рве отчаяния, но, как щедрый, отверзи очи сердца моего, всели в него страх Твой, дай мне разуметь заповеди Твои и творить волю Твою!» И не вотще была

такая смиренная и из глубины души молитва слепца: он был услышан Богом, и очи души его просветились так, что он не нуждался более и в зрении телесном. Теперь не нужен уже стал ему и вожатый в пути. Мало того – он видел действия других даже на далеком от себя расстоянии. Раз они ходили с вышесказанным Иаковом к одному монаху. Будучи еще далеко от кельи этого монаха, Аарон, просвещенный свыше, сказал Иакову: «Монах, к которому мы идем, держит в руках своих священное Четвероевангелие и читает какое-то зачало Евангелия». Пришедши в келью монаха и испытав с точностью, нашли, что предсказанное Аароном было истинно. Но это только малое из многого.

Нельзя не упомянуть и о других учениках преподобного – Моисее, Логгине, Корнилии, Исаие и Клименте. Все они, под мудрым отеческим водительством святого Григория украсившись и деланием, и видением, потом сами приобрели себе много учеников и мирно почили, предав души свои в руце Божии.

Так как я вспомянул уже о чудном Клименте, то полезно будет рассказать немногое из того, что даровал ему Бог. Климент был родом из Болгарии и на родине имел должность пастуха овец. В одну ночь, находясь на страже своей, он, подобно тем древним пастырям, сподобился особенного посещения свыше – увидел некий чудный свет, сиявший над его безсловесными и над всем пастбищем. Климент в это время был полон и радости, и вместе недоумевал о видении. Он почел было этот свет за естественное рассветание, так как незадолго пред сим освещением засыпал на жезле своем. Но во время такого его размышления свет этот, на глазах у него, мало-помалу восшел на небеса и оставил после себя тьму и ночь. Вскоре после сего Климент удалился на святую Афонскую Гору и в скиту Морфину[103] подчинил себя одному монаху, простому, но благоговейному и добродетельному. Все обучение Климента у этого инока состояло только в молитве «Господи помилуй!» По прошествии немногого времени Климент был снова удостоен Божественного света и, рассказав своему старцу об этом видении, просил от него объяснения. Но старец его, не имея сам опытности в духовных предметах, пошел с ним для рассуждения об этом к божественному Григорию. Климент рассказал святому Григорию о себе все подробно и после того горячо просил Григория причислить его к благой его дружине. Преподобный, как подражатель Христу жаждая спасения всех, принял его с радостью и научил его всему, что может служить к вечному нашему спасению. Для души Климента, с течением времени сделавшейся боговидной, духовные видения уже не были непонятны. Сказывал он о себе, что сколько раз ни посылал его божественный Григорий в священную лавру, во время пения тамошними отцами – «Честнейшую…» он всегда видел светлое облако, нисходившее с неба на лавру и покрывавшее оную. Когда же кончалась песнь «Честнейшей», это облако на его глазах снова восходило со светом на небо.

Душеспасительными наставлениями божественного Григория пользовались не только его ученики, но и всякий, кто приходил к нему. Поэтому почти всякий считал великим для себя несчастьем не быть у святого Григория и не сподобиться слушать его учение. И так как слово его имело помазание, то всегда производило благотворные плоды в сердцах слушателей. Как в самое время учения великого Петра в доме Корнилия сошел на слушателей его Дух Святый, так было и с теми, которых учил божественный Григорий; это сказывали мне сами испытавшие силу его учения. «В то самое время, – говорили они, – когда святой Григорий рассуждал о чистоте души и о том, каким образом человек делается, по благодати, богом, в душах наших пробуждалось некое Божественное, неудержимое стремление к добродетели и неизъяснимая любовь к Богу». Святой Григорий побуждал упражняться в умной молитве и хранении ума как пустынников, так и киновиатов, – решительно всех.

Но доброненавистник диавол не мог быть равнодушным к таким подвигам святого Григория. Он возбудил против преподобного мнимоученых монахов – так что, движимые завистью к нему, они предприняли решительное намерение прогнать его со Святой Горы. С ними по неведению согласились и некоторые простецы и неопытные в тайнах духовных. Завистники и духовные невежды кричали божественному Григорию: «Не учи нас пути, которого мы не знаем», – разумея под ним умную молитву и блюдение ума.

Преподобный, видя разгар зависти, уступил злобе и умолчал на время. Потом, взяв с собой одного своего ученика и некоего подвижника Исаию, много пострадавшего от царя Михаила Палеолога за несогласие свое с суемудрием лжепатриарха Иоанна Векка, явился для рассуждения о своем учении в протат. Прот ласково принял их и начал дружески и косвенно замечать божественному Григорию – только не о том, зачем он учил о трезвении и умной молитве, ибо прот был не из числа завистников и духовных невежд, а о том, зачем он учил без его позволения. Но, зная чрезвычайные подвиги святого Григория и истинную высоту Божественного его учения, он оставил все и искренно подружился с ним. Беседуя с Григорием и Исаией, он говорил: «Сегодня я беседую с главами апостолов, Петром и Павлом». Недоброжелательствующие святому Григорию отцы, видя ласковый прием, сделанный ему протом Святой Горы и слыша похвалы главы иноческой своей семьи божественному учителю, убедились в истине его учения, и с того времени все вообще – и пустынники, и непустынники – с великой радостью признали и имели общим учителем божественного Григория. Но так как число приходящих к нему для душевной пользы весьма умножилось, что отнимало у него любимое им безмолвие, то он, чтоб избавиться от посетителей, решился употребить хитрость – стал переменять места своего обитания и, многократно переменяя их, удалялся иногда в самые отдаленные и непроходимые пустыни. Но горящий светильник нигде не мог укрыться: град, стоящий верху горы добродетелей, не мог утаиться от взоров, ищущих его. Желающие слышать из медоточивых его уст Божественное его учение являлись к нему везде. Поэтому, снисходя к трудам и усердию приходящих, он в самых пустынных местах, в которых оставался жить, строил кельи, в стороне от своей, чтобы поместить их.

Агаряне, громившие уже тогда Грецию, грозили истреблением и порабощением и Святой Горе. Святой Григорий, с одной стороны потому, что испытал уже железное ярмо этих варваров, как мы сказали вначале, а с другой – не желая лишиться безценного для него безмолвия, решился отправиться опять на Синай – безмолвствовать на святой вершине его. Узнав же, что не найти ему искомого спокойствия и там – ибо нечестивые сарацины огненной лавой распространились тогда по всему Востоку, – отложил путешествие и переход на Синай и, желая найти себе где-нибудь другое место, удобное для созерцательной своей жизни, посетил тогда многие места. Пробыв несколько времени в Солуни, он отправился в Митилин, а оттуда чрез Константинополь прибыл в Созополь. В окрестностях Созополя нашел было он в одной пустыне удобное для себя убежище и уже основался там, но подвергся преследованиям зависти от тамошних пустынников, и даже с опасностью лишения жизни. Не будучи в силах победить этой злой страсти ни своим великодушием, ни кротостью, он снова возвратился, чрез Созополь, в Царьград. А так как нечестивые сыны рабыни тогда немного успокоились и не тревожили Святой Горы, то он из Константинополя прибыл опять на Афон. В этом странствовании я, с другим учеником святого, был неотступным его спутником. Во время пребывания в пустыне созопольской сочинены им 150 трезвенных глав, исполненных делания и созерцания.

С неподдельным расположением и великой радостью приняли святого в лавре, куда он теперь прибыл, и прибытие его почитали духовным свои торжеством. С благословения старшей братии лавры святой вблизи выстроил несколько келий, в разных местах, для себя и своих учеников, и беседовал там с одним Богом. Когда же, по Божию попущению,

агаряне снова начали утеснять Святую Гору, преподобный, не могши безмолвствовать вне лавры, вошел внутрь нее. Но многолюдная, совокупная жизнь была не по нем. Для своего созерцания он жаждал уединения, а потому, взяв с собой одного ученика, тайно вышел из лавры и отправился в Адрианополь, отсюда же удалился в одну гору, называемую «Скрытная». Здесь нашел он место, действительно удобное для своей жизни, но гора вся почти наполнена была разбойниками. Возбуждаемые завистливым диаволом, боявшимся, чтоб святой не обратил пустыню в жилище земных ангелов, они много безпокоили его. Святой Григорий не отчаивался, ибо знал, что для нагого хищники тленных вещей не опасны. Здесь услышал он о благочестии болгарского царя Александра – вследствие сего, возложив упование на Бога, всегда споспешествующего благим намерениям Своих служителей, посылает к царю своих учеников и чрез них, извещая его о себе и о своих бедствиях, просит себе, во имя Божие, помощи его и защиты от разбойников. Слух о благочестии этого царя не обманул святого Григория: чтя добродетель и добродетельных, принял он с радостью предложение святого – и сделал более, чем просил преподобный. Этот державный любитель благочестия на той горе воздвиг целую обитель со всеми к ней хозяйственными принадлежностями и все устроил в ней по-царски; послал даже святому и довольное количество денег на содержание его дружины; пожертвовал для будущего пропитания братии обители несколько деревень и одно озеро для рыбной ловли, прислал множество волов и овец и большое количество рабочего скота (Впоследствии на этой горе воссияли еще три лавры). Здесь святой мирно оканчивал остаток земного своего странствования, продолжая заботиться о благе души всех и каждого. Он горел желанием всю вселенную обогатить знанием восхождения на высоту делания и созерцания и стремился возжечь во всех пламенную любовь к этому восхождению. Поистине и о нем в некотором отношении можно сказать сии Божественные слова: *во всю землю изыде вещание его и в концы вселенныя сила глаголов его* (Пс. 18, 5), ибо он не только у греков и болгар, но и у сербов и дальше, если не сам, своим лицом, то, по крайней мере, чрез своих учеников, рассеивал Божественное свое учение. И силе слова его редко не уступала всякая лютость. Даже свирепых тех словесных волков – диких тех разбойников и убийц – он претворял в кротких и разумных овец и вводил их непорочными агнцами в ограду превечного Пастыря и Просветителя душ наших.

Таковы из многих некоторые подвиги святого Григория! Такова жизнь этой чудной и блаженной души! – Но настало наконец и для него время отдать общий долг смерти. Итак, труженик сей о Бозе, немного и недолго поболев, предал блаженную свою душу в руце Божии и восшел на небеса, дабы наслаждаться там всегда желаемым им в земной юдоли Христом[104], Которому слава, честь и поклонение, со Отцем и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

Память преподобного Григория Византийского[105]

Преподобный отец наш Григорий родом был из Византии, а равноангельским свои житием просиял в пределах лавры св. Афанасия. Об этом отце известно только то, что он был наставником Божественного Григория Паламы в трезвенном любомудрии и что за равноангельскую высоту своей жизни удостоился принимать пищу из рук ангельских.

7 АПРЕЛЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Нила Сорского

Великий отец Русской Церкви, по своему подвижничеству и наставлениям учитель скитской простоты и созерцательной жизни, преподобный Нил, по прозванию Майков, родился в 1433 году. О происхождении и месте рождения преп. Нила ничего не известно; однако, судя по его обширным связям с важными лицами его времени и по высокому его образованию, надо полагать, что и сам он принадлежал к роду боярскому. Правда, св. Нил называет себя *невеждой* и *поселянином* , но *невеждой* он мог назвать себя по глубокому смирению, а *поселянином* – потому, что и родился, и жил в отчине своих предков между сельскими обитателями.

Пострижение в монашество св. Нил получил и начало иноческой жизни полагал в обители преподобного Кирилла Белозерского. Здесь он пользовался советами умного и строгого старца Паисия Ярославова, который потом был игуменом Сергиевой Свято-Троицкой лавры. Из кратких сведений о жизни преподобного Нила известно только, что он, прожив в Кирилло-Белозерском монастыре некоторое время, вместе с учеником своим и сотрудником монахом Иннокентием, из рода бояр Охлебининых, путешествовал по св. местам Востока и долго обитал на Афоне. На Святой Горе, как райская пчела, носился он по заоблачным высотам, среди афонских отцов, и подарил наше русское иночество дивным своим произведением, содержащим не вычитанные только истины скитского безмолвия, но и дознанные опытом, пройденные искусом и запечатленные опытами собственной его жизни, безстрастно-ангельской. Плодом его странствования на Святой Горе было изучение правил пустынного уединения, безмолвной молитвы и духовного трезвения. Почему, если преподобного Антония Печерского мы называем первоначальником иночества в России, то преподобного Нила Сорского по всей справедливости можно назвать первенцем скитского подвижничества. Любимым занятием его было, по собственному признанию, испытывать Божественные Писания, жития и учение святых отцов. Таким образом, преподобный Нил не только изучил умом и сердцем, но и в жизнь и постоянное упражнение обратил душеспасительные уроки богомудрых отцов – Антония Великого, Василия Великого, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Макария Великого, Варсонофия, Иоанна Лествичника, Аввы Дорофея, Максима Исповедника, Исихия, Симеона Нового Богослова, Петра Дамаскина, Григория, Нила и Филофея Синайских. На Святой Горе преподобный Нил полюбил особенно скитский образ жизни; глубоко запала в душу его любовь к уединению, поэтому, возвратясь в Белозерский монастырь, он уже не хотел жить в нем, но отошел на 15 верст от сего монастыря на реку Сорку, водрузил здесь крест, поставил сперва часовню и уединенную келью, и при ней выкопал колодезь, а когда собралось к нему для сожития несколько братий, то построил и церковь. Обитель свою учредил он на особенных отшельнических правилах, по образцу существующих доныне скитов на святой Горе Афонской. Таким образом составил первый русский скит. В новом своем скиту преподобный продолжал изучать Божественное Писание и творения св. отцов, устрояя по ним жизнь свою и учеников своих.

Историю внутренней своей жизни отчасти открыл сам преподобный в послании к одному из своих близких сподвижников, по настоятельной его просьбе. – «Пишу к тебе, – говорит он, – показывая себя: любовь твоя по Боге вынуждает к тому и делает меня безумным, чтобы писать тебе о себе. Не просто и не по случаям надобно нам поступать, а по Св. Писанию и по преданию св. отцов. Удаление мое из монастыря (Кириллова) не было ли ради душевной пользы? Ей, ради нее. Я видел, что там живут не по закону Божию и преданию отеческому, а по своей воле и человеческому рассуждению. Много еще и таких,

которые, поступая так неправильно, мечтают, будто проходят житие добродетельное… Когда мы жили вместе с тобой в монастыре, ты знаешь, как удалялся я мирских связей и старался жить по Св. Писанию, хотя – по лености моей – и не успевал. По окончании странствования моего пришел я в монастырь и вне монастыря, вблизи его, устроив себе келью, жил, сколько мог. Теперь переселился я вдаль от монастыря, нашел благодатью Божией место, по мыслям моим, мало доступное для мирских людей, как сам ты видел. Живя наедине, занимаюсь испытанием духовных писаний: прежде всего испытываю заповеди Господни и их толкование – предания апостолов, потом жития и наставления св. отцов. О всем том размышляю и что по рассуждению моему нахожу богоугодного и полезного для души моей, переписываю для себя. В этом жизнь моя и дыхание. О немощи моей и лени возложил я упование на Бога и Пречистую Богородицу. Если что случается мне предпринимать и если не нахожу того в Писании, на время отлагаю в сторону, пока не найду. По своей воле и по своему рассуждению не смею предпринимать что-нибудь. Живешь ли отшельнически или в общежитии, внимай Святому Писанию и следуй по стопам отцов или повинуйся тому, кто известен как муж духовный в слове, жизни и рассуждении… Святое Писание жестоко лишь для того, кто не хочет смириться страхом Божиим и отступить от земных помышлений, а желает жить по своей страстной воле. Иные не хотят смиренно испытывать Св. Писание, не хотят даже слышать о том, как следует жить, как будто Писание не для нас писано, не должно быть исполняемо в наше время. Но истинным подвижникам – и в древние времена, и в нынешние, и во все века – слова Господни всегда будут словами чистыми, как очищенное серебро: заповеди Господни для них дороги более, чем золото и каменья дорогие, сладки более, чем мед и сот».

Новый путь жизни, избранный преп. Нилом, изумлял собой современников его. Да и, действительно, было чему изумляться, особенно для слабых. Место, которое избрал для своего скита преп. Нил, по свидетельству очевидцев его, было дико, мрачно, пустынно. Вся местность скита – низменная и болотистая. Самая речка Сорка, давшая имя угоднику Божию, едва тянется вниз по течению и похожа больше на болото, чем на текущую реку. И здесь-то подвизался русский отшельник!

Новая, дотоле невиданная на Руси, жизнь скитская, часто высказываемая душевная скорбь о порче церковных книг и старание, по возможности, исправлять их, конечно возбуждали против преподобного неудовольствие, но он терпеливо шел своим путем и был в уважении добрых святителей и Великих князей.

Преподобный Нил был на Соборе о жидовствующих еретиках в 1491 году. Сам ревнитель православия, архиепископ Новгородский Геннадий желал лично видеть и слышать суждения преп. Нила о предметах недоумений, по делу о них.

Преподобный Нил на Соборе 1508 года, рассуждавшем о монастырских имуществах, показал, до какой степени отложил он все мирские пристрастия и как стремилась душа его к одному лишь горнему. Соглашаясь с нестяжательным духом Максима Грека и других святогорцев, прежде всех предложил на соборе Нил, чтобы не было сел у монастырей и чернецы жили в пустыни и кормились рукоделием. Все пустынники Белозерские, следуя в этом заповеди отца своего св. Кирилла, поддерживали мнение великого скитоначальника, а Максим Грек даже пострадал за это впоследствии от митрополита Даниила, хотя виной гонения была вымышленная на него ересь[106]. Преподобный Иосиф Волоколамский, будучи сам строгим подвижником, держался, однако, противного мнения и приводил свидетельства Феодосия, общего жития начальника, Афанасия Афонского и настоятелей других обителей, которые имели села, и его мнение превозмогло. После преп. Нила

ученик его князь Вассиан Косой также сильно поддерживал своего блаженного учителя, и с ним все святогорцы – чтобы не иметь монастырям сел, но их мнение не было принято.

В своем предсмертном завещании преподобный Нил, заповедуя ученикам бросить тело его в пустыне – в пищу зверям – или закопать его в яму с презрением, написал: «Оно тяжко согрешило пред Богом и недостойно погребения», а затем прибавил: «Сколько в моей силе было, старался я не пользоваться никакой честью на земле, в этой жизни; так пусть будет и по смерти».

Преподобный Нил скончался 7 апреля 1508 г. Св. мощи преподобного почивают под спудом, в его пустыни.

От преподобного Нила Сорского дошли до нас его послания и Устав скитского жития.

Послания преп. Нила имеют предметом своим внутреннюю подвижническую жизнь, о которой с подробностью он изложил свои мысли в Уставе скитского жития. *Два послания* св. Нил писал к постриженнику своему *Кассиану* , бывшему князю Мавнукскому, который пришел в Россию с греческой царевной Софией, служил некоторое время боярином у ростовского архиепископа Иоасафа и в 1504 году скончался иноком в Угличской обители. В одном из своих посланий св. старец учит Кассиана, как бороться с помыслами, советуя для того – молитву Иисусову, занятие рукоделием, изучение Св. Писания, охранение себя от внешних соблазнов, и излагает некоторые общие наставления о послушании наставнику и прочим о Христе братиям о смирении, терпении в скорбях, о молитве за самых врагов и подобное. Во втором послании, воспоминая кратко о бедствиях и скорбях, перенесенных Кассианом от юности, о его знатных родителях, его пленении, переселении в чужую землю, и желая его утешить, преподобный раскрывает ему из Св. Писания, что скорби часто наводит Господь на любящих Его, что все святые – пророки, мученики – достигли спасения путем страданий, указывает в частности на Иова, Иеремию, Моисея, Исаию, Иоанна Крестителя и других и выводит заключение, что если святые столько терпели, то тем более должны терпеть на земле мы, грешные, – что мы должны воспользоваться этими бедствиями и скорбями для очищения себя от грехов и своего спасения. В *послании* (приведенном нами выше) *к* другому ученику своему и сподвижнику – *Иннокентию* , основавшему уже тогда особую обитель, преп. Нил кратко говорит о самом себе, о своей жизни вместе с ним в Белозерском монастыре, о своем поселении по окончании путешествия на восток вне монастыря, об основании своего скита, о своих постоянных занятиях Св. Писанием, житиями св. отец и их преданиями, а потом наставляет Иннокентия – исполнять заповеди Господни, подражать житию святых, хранить их предания и учить тому же свою братию. Еще *два послания* писаны св. Нилом *к неизвестным инокам.* В одном из них, весьма кратком, он заповедует инокам – памятование смерти, скорбь о грехах, неисходное пребывание в келье, смирение, молитву. В другом, довольно обширном, дает ответы на следующие четыре вопроса, предложенные каким-то старцем: как противиться блудным помыслам, как побеждать помысл хульный, как отступить от мира и как не покинуть пути истинного и не заблудиться. Ответы эти, особенно на первые два вопроса, почти буквально приводятся в Уставе скитского жития. Из содержания посланий св. Нила видно, что его долго занимали и многим потребны были те самые мысли, которые собраны и систематически изложены в его Уставе скитского жития.

Самое драгоценное, что нам осталось после Нила и что, конечно, пройдет еще сквозь ряд столетий безсмертным зерцалом жития иноческого, – это его созерцательные главизны, или скитский Устав, достойный первых времен пустынножительства Египта и Палестины, ибо он проникнут духом Антония и Макария.

«Устав скитского жития» , или *«Предание о жительстве скитском»* , есть главное и самое важное сочинение преп. Нила. В предисловии к Уставу св. старец касается внешнего поведения иноков; говорит кратко о их повиновении настоятелю, о трудах телесных, о пище и питии, о принятии странников, заповедует соблюдать бедность и нищету не только в кельях, но и в украшении храма, так чтобы в нем ничего не было ни из серебра, ни из золота, запрещает выходить из скита без воли настоятеля, впускать в скит женщин, держать в нем отроков. Но в самом Уставе св. отец рассуждает уже исключительно об умном, или мысленном, делании, под именем которого разумеет внутреннее, духовное подвижничество. Сказав предварительно словами Св. Писания и св. отцов о превосходстве этого внутреннего делания пред внешним, о недостаточности одного внешнего делания без внутреннего, о необходимости последнего не только для отшельников, но и для живущих в общежительных монастырях, преподобный Нил разделяет свой Устав на 11 глав: в главе 1-й говорит о различии мысленной брани; во 2-й – о борьбе с помыслами; в 3-й – о том, как укрепляться в подвиге против помыслов; в 4-й излагает содержание всего подвига; в 5-й говорит об осьми помыслах; в 6-й о борьбе с каждым из них; в 7-й – о значении памятования смерти и суда; в 8-й – о слезах; в 9-й – о хранении сокрушения; в 10-й – о смерти для мира; в 11-й – о том, чтобы все делаемо было в свое время[107].

Тропарь: Мирскаго жития отвергся, и мятежа житейскаго бегая, Преподобне и Богоносне Отче наш Ниле, не обленился еси собрати цветы райския от писаний отеческих, и в пустыню вселився, процвел еси яко крин сельный: отонюду же прешел еси и в небесныя обители. Научи и нас, честно почитающих тя, твоим царским путем шествовати, и молися о душах наших.

Кондак: Терпя потерпел еси суетныя обычаи и мирския нравы братий твоих, обрел еси пустынное безмолвие, Преподобне Отче, идеже постом, бдением и непрестанной молитвою в трудах подвизався, ученьми твоими правыя стези указал еси нам шествовати ко Господу. Темже и почитаем тя, всеблаженне Ниле!

12 АПРЕЛЯ

Житие преподобного отца нашего Акакия Нового[108]

Преподобный Акакий родился в селении Голица, в Эпире. Он происходил от простых, но благочестивых родителей и во святом крещении назван был Анастасием[109]. Едва только Анастасий достиг юношеского возраста, как должен был заняться домашним хозяйством, по случаю смерти его отца, который оставил его с малолетним братом и матерью сиротами. Прискорбно было добронравному юноше Анастасию в тот период жизни, когда ему желательно было заняться учением грамоте, лишиться родителя и вместо него заправлять домашним хозяйством, вследствие чего он остался неграмотным. Но Творец Небесный за лишение грамотности умудрил его премудростью свыше и оградил его страхом Своим.

Анастасий с особенной ревностью любил ходить в церковь Божию, где, со вниманием слушая чтение Священного Евангелия и также поучительные беседы о совершенной евангельской жизни и о последователях оной, которые доблественно кончили свои подвиги и после многотрудной постнической жизни отошли в вечный покой. Все это воссеменяло юное его сердце: он хотя млад был телом, а ум имел взрослого и вместо

обычных детских игр старался ревновать о той высокой жизни, которую указал Господь наш Иисус Христос в священном Своем Евангелии.

Когда Анастасий пришел в совершенный возраст, тогда его мать предложила ему сочетаться законным браком, но целомудренный юноша и слышать не хотел о женитьбе, ибо сердце его, горевшее любовью к Иисусу Христу, влекло его подобно жаждущему еленю на источники водныя (Пс. 41, 2), т.е. не к семейной, а уединенной жизни, вследствие чего он в свободное от хозяйственных трудов время уединялся от всех и где-либо в тишине воссылал молитвы к Богу.

Начало такой жизни юному подвижнику весьма нравилось, и он со всей ревностью начал усердно проходить добродетельную жизнь, которая со временем сделалась для него как бы необходимой потребностью, так что иногда случалось, что он из своего уединения от сладости молитвы и Божественного утешения забывал возвращаться домой. Подобный образ жизни смущал его мать, у которой было одно лишь желание – видеть Анастасия поддержкой ее в старости, а потому неоднократно увещевала его жениться. Но ни просьбы, ни угрозы матери не могли поколебать его, ибо он положил твердое намерение сохранить себя целомудренным. Его душа желала иноческой жизни и работать Господу в удалении от мира. Вследствие этого он на 23-м году своего возраста удалился в пределы Загоры и там поступил в монастырь, называемый Суровия, основанный святым Дионисием Олимпийским во имя Св. Троицы, близ селения Макриницы, где, после обычного искуса в монастырских послушаниях, был пострижен в монашество с именем Акакия.

В первую ночь после пострижения Акакий удостоился Божественного видения. Так, ему казалось, будто он держал горящий светильник, который разливал свет на далекое пространство; это видение означало его будущую добродетельную жизнь, которая будет светом и примером для ревнителей, ищущих спасительного пути.

Прожив некоторое время в монастырских послушаниях и в покорении себя воле настоятеля и братии, он по стремлению своему к более уединенной жизни начал часто уединяться в пустынные леса и горы, где проводил время в посте и молитве, питаясь лишь одной только травой, чрез два, а иногда и через три дня. Подобный образ жизни смущал братию, а некоторые даже думали, что он находится в прелести, почему и посоветовали ему оставить свое удаление от братства, а идти наравне с братией, ибо Бог, по Своей великой милости, и малые подвиги примет за великие; между тем как – говорили они – безвременное уединение и отшельническая жизнь многим послужила глубоким падением и погубила их навсегда.

Выслушав совет благоразумных мужей, Акакий хотя и соглашался с их мнением, но любовь к отшельнической жизни влекла его к безмолвию. А потому, не желая более смущать братию, он навсегда удалился из обители и прибыл на Святую Гору. Проведя несколько дней в малой пещере близ скита св. Анны, он пожелал видеть другие скиты и старцев, проводящих высокую подвижническую жизнь, от которых желал почерпнуть образ духовного любомудрия. И таким образом проходя по всему Афону, посещая скиты и великих старцев, он, подобно пчеле, везде собирал сладкий мед от их медоточных назиданий и образа добродетельной жизни. Вблизи Григориатской обители он обрел в одной келье двух великих старцев, у которых пожелал остаться на время, чтобы научиться деланию ложек, более же, чтобы научиться от них духовному художеству. По истечении года оставив старцев, долго искал преподобный Акакий места по сердцу со всеми условиями безмолвия и пустынной тишины, но поиски эти были неудачны, и он начал уже падать духом и смущаться. В это время помыслы подобно густой туче нависли в его

сердце и начали его смущать: одни как бы советовали ему возвратиться опять в Загоры, а другие советовали удалиться на какой-нибудь необитаемый остров и там предаться совершенному безмолвию. Не имея сил долее бороться с помыслами, он в изнеможении сел на камень и погрузился в тонкий сон. Во время сна он увидел стоящего пред ним черного и безобразного исполина, который злобно смотрел на него и скрежетал зубами; между тем, какой-то тихий и ласковый голос говорил ему: «Смотри остерегайся! Этот исполин есть диавол, который хочет воспрепятствовать доброму твоему намерению и погубить тебя». От страха Акакий пробудился от сна и тотчас же пошел к духовнику Галактиону, жившему в уединении, на Катунаки[110], которому открыл смущавшие его помыслы и просил его совета, как ему поступить в отношении жизни. Духовник, выслушав Акакия, посоветовал ему поселиться в местности Кавсокалива[111], что и исполнил преподобный, поселившись там в келье с церковью в честь Преображения Господа нашего Иисуса Христа, где начал проводить жизнь в бдении и молитве, изнуряя плоть свою употреблением в пищу хлеба и воды, но и то через два, а иногда и три дня, большей же частью для порабощения плоти духу питался дикими травами и каштанами. И таким образом в постоянной борьбе со страстьми, диавольскими прилогами и мечтаниями он побыл в этой келье двадцать лет, занимаясь для пропитания своего деланием деревянных ложек. Но желая совершенно умертвить ветхого человека, он поселился в пещере, в которой некогда подвизался преподобный Максим Кавсокаливит. Здесь Акакий еще более усугубил труды подвижнической своей жизни: кроме постоянных трудов в бдении и молитве, холоде и наготе, он лишил себя вовсе употребления в пищу хлеба, вместо же оного сушил дикие травы и, превращая толченый мрамор в порошок, смешивал его с травами и употреблял в пищу. Впоследствии, как рассказывал об этом сам преподобный Акакий на пользу других, от употребления такой пищи у него открывалось кровохаркание. Демоны, видя усиленно вооружившегося на них подвижника Христова, и сами стали вести с ним ожесточенную войну, пугая его различными страхованиями, а иногда касались его тела, приводя оное в расслабление и изнеможение, но мужественный воин Христов все нападения вражии отражал молитвой. Случалось иногда, что демоны, желая устрашить преподобного Акакия, преображались в разных зверей и гадов и с ревом и свистом подступали к нему. А однажды, когда преподобный вышел из пещеры по надобности и потом обратно возвращался в нее, тогда он увидел пред пещерой целый табор цыган с их женами и детьми, которые по обычаю своему упражнялись в семейных занятиях и громко между собой разговаривали. Преподобный, видя коварство лукавых демонов, улыбнулся и, устремивши свой взор в небо, сказал: «Господи, Иисусе Христе! Молю Тебя, отжени от меня все вражеские нападения, дабы впредь я мог в тишине и безмятежно поработать Тебе, Господу моему». Вслед за этим он оградил себя крестным знамением, и привидение исчезло. Наконец Господь Бог, видя подвиги и труды угодника Своего, удостоил его дара умной молитвы и Божественных откровений, сердце его сделалось жилищем Святаго Духа, и радость оного отражалась на его лице, так что вид его был подобен ангельскому и все, видевшие его, услаждались от его медоточивых бесед и ангельского лицезрения.

В то время пришел к преподобному и Роман Карпонисиот, который позже пострадал за Христа, и остался при Акакии на долгое время, разделяя с ним труды подвижничества. Но так как Роман вел себя как бы совершенно не причастным настоящей жизни и непрестанно томился желанием мученического венца, то оба они, по общему совету, усугубили свой пост и молитву и стали просить от Господа откровения: угодно ли Его святой воле, дабы Роман предал себя на мученический подвиг. Господь услышал молитву рабов Своих и скоро открыл им, что Богу угодно произволение Романа и что он окончит страдальческий подвиг доблественно в посрамление врагов христианской веры[112].

После этого откровения Роман, приняв пострижение в ангельский образ и простившись с преподобным Акакием, отправился в Константинополь, избрав оный пунктом своего страдания, а Акакий, для большего уединения и подвигов, переселился в пещеру преподобного Афанасия.

Однажды, стоя на молитве, он пришел в восторженное состояние и увидел стоящего возле него преподобномученика Романа в белой одежде, у которого лицо сияло, как солнце. Старец было обрадовался, что видит страдальца Христова в такой славе, но Роман стал отворачиваться от него и показывать вид неудовольствия. Старец понял, за что негодует на него святой мученик, т.е. за то, что он оставил прежнюю пещеру, в которой они долгое время провели вместе в постнических трудах и где он приготовлялся к мученическому подвигу. А потому преподобный Акакий, сознавая свою вину, пал к ногам св. преподобномученика Романа и стал просить у него прощения. Когда же старец встал на ноги, то преподобномученик стал невидим. Вследствие этого видения Акакий возвратился обратно в прежнюю свою пещеру, где удостаивался несколько раз видеть преподобномученика Романа, который, как видно и после страдальческой своей кончины, духом не разлучался от старца. Впоследствии преподобный Акакий возле этой пещеры устроил собственными трудами небольшую келью, в которой неисходно пребывал до самой своей кончины, а если когда и выходил, то ради таких посетителей, которые близки были к нему в отношении духовной жизни.

Между тем, слава о его созерцательной жизни разнеслась на далекое пространство, и несмотря на его совершенное удаление, все-таки к нему приходили многие за советами, а другие, получив от него наставление, не желали возвращаться обратно, но строили при его пещере для себя кельи и оставались его учениками, предав себя его руководству.

Однажды преподобный Акакий, совершая свое правило, пришел в исступление: он увидел светоносного мужа, который, взяв его за руку, привел на обширное поле, на котором было множество прекрасных зданий, но без обитателей в них. Удивляясь этому, преподобный спросил оного мужа: «Почему все те столь прекрасные здания пусты и для кого они приготовлены? – Эти чудные здания, отвечал светоносный муж, приготовлены для тех христиан, которые платят туркам подати и другие повинности, при том терпят свое рабство с благодарностью Христу Богу, устрояющему все во благое». Когда кончилось видение, преподобный призвал своих учеников и сказал им: «Если есть у вас деньги, то идите и заплатите туркам дань, дабы и нам иметь участие с теми рабами Божиими, которые платят им повинности», – при сем рассказал им свое видение.

Преподобный Акакий имел благоговение ко всем святым, а наипаче к преподобному Максиму Кавсокаливиту, который, говорил он, многократно удостаивал его своего явления. А когда враг наводил на него уныние, он призывал сего святого в помощь и чувствовал благодатное его предстательство. Преподобный Максим являлся ему обыкновенно в священническом облачении, осияваемый небесной славой и сопутствуемый безмерным множеством монахов, озаренных райским светом.

Кроме тех Божественных утешений, которые Господь посылал чрез откровения Своему угоднику, он удостоился получить от сладчайшего Иисуса Христа дар прозорливости: многим предсказывал то, что должно было с ними случиться, и открывал сердечные их тайны. Самый вид преподобного производил дивное действие на страдавших от помыслов. Стоило только посмотреть на его лицо, чтобы умиротворить сердце и чувства! Имя Иисусово он постоянно носил в своем сердце; когда же случалось ему произносить оное устами, то всегда из уст его исходил пламень, что неоднократно удостоился видеть один благочестивый духовник иеромонах Сильвестр.

Сияя такой святой жизнью, преподобный Акакий сподобился приготовить к мученическому подвигу за исповедание имени Иисуса Христа кроме преподобномученика Романа и другого мученика – Никодима, благословляя которого на страдальческий подвиг, вручил ему свой жезл, говоря: «Иди с Богом, чадо, в избранный тобою путь, вот тебе мой жезл в помощь»[113].

С течением времени число учеников у преподобного Акакия увеличивалось все более и более, которые строили себе кельи, и таким образом образовался скит (Кавсокаливский), который молитвами и предстательством преподобного умножился и процветает до нашего времени. А так как на том месте не было воды, то преподобный, желая, чтобы братия не скорбели и не роптали от недостатка оной, однажды вышел на средину скита и после усердной молитвы велел одному брату, по имени Тимофей, копать на указанном ему месте. Когда Тимофей начал копать землю, то вдруг к удивлению всех из того места показалась вода, весьма приятная и здоровая, притом в таком изобилии, что ее достаточно было не только для потребностей братии, на даже и для устройства мельницы.

Желая Богом собранное братство в своем ските приучить к евангельскому нестяжанию, он положил такой устав, чтобы братия, желающие жить в оном, не имели в кельях своих постели и ограничивались бы одной одеждой. Для искоренения же страстей он поучал их удаляться от излишнего сна, ибо ничто так не умножает страсти, говорил он, как излишний сон, и что для побеждения страстей необходимо монаху иметь пост и бдение.

Однажды преподобный Акакий был спрошен, сколько должен спать монах. Он отвечал:

– Для истинного монаха, который возлюбил Господа всей душой своей и всем помышлением своим, достаточно полчаса.

Он говорил это из собственного опыта, так как сам довольствовался только получасовым сном, несмотря на то, что был болен и уже в преклонных летах.

Преподобный Акакий был неграмотен, но, имея чистый и просвещенный Святым Духом ум, знал Св. Писание основательно и иногда решал весьма трудные вопросы и ведал глубокие тайны.

Иерусалимский патриарх Хрисанф во время посещения Святой Горы, слыша о высокой жизни преподобного Акакия, а равно и о том, что, будучи неграмотен, он разумел высокие понятия и таинства Св. Писания, пожелал видеть сего великого и Святым Духом просвещенного мужа, и услышавши из уст преподобного то, о чем он был наслышан, патриарх прославил Бога, умудряющего буии Своя на посрамление премудрых мира сего. А когда он от него возвратился, то везде и всем говорил, что удостоился видеть светильника веры и слышать глубокие тайны Св. Писания от нового Ильи и Иоанна Предтечи.

О созерцательной жизни преподобного Акакия ученик его, иеромонах Иона, говорит так: «Однажды, читая слова св. Симеона Нового Богослова, я встретил такое выражение: «Ежели христианин не увидит Христа здесь, в настоящей жизни, то не увидит Его и в будущей» (Слово 3-е)».

Иона, будучи в недоумении об этом выражении, спросил у старца Акакия, о каком это видении Христа пишет св. Симеон.

– Да, чадо, – отвечал преподобный, – не сомневайся в этом: св. Симеон говорит истину, ибо каждый христианин должен еще здесь сердечными очами зреть Христа и вообразить его в сердце своем, как об этом сказал учитель языков апостол Павел (Гал. 4, 19).

– А ты, отче, видел ли Христа? – простодушно спросил его Иона.

– Видел, – с ангельской кротостью отвечал старец.

– Что же Он тебе говорил и говорит? – опять спросил Иона.

– Он постоянно мне говорит одно и то же: *гряди по Мне* (Мф. 4, 19), т.е. исполняй Мои заповеди, но однако я, по своему нерадению, не последую Его Божественному гласу. – Сказав это, Акакий горько заплакал.

– Бога ради, святый отче, не лиши меня еще одного вопроса: ты говоришь, что можно видеть в сердце Христа, как это возможно Его видеть, объясни мое недоумение?

– Знай, чадо, что этого дара редкие сподобляются, для этого необходимо очистить себя от страстей, и уже после этого, когда Господь Бог увидит, что плоть покорена духу и сердце очищено от всех страстных вожделений, тогда в оное вселяется Иисус Христос со Отцем и Св. Духом и тогда таковый избранник Божий видит в сердце своем Христа умными очами как бы чувственными.

Некоторые ученики преподобного Акакия, соблазняясь воззрением на красивые лица, спрашивали его, как им сохранить себя от такого соблазна.

– Я не знаю, что сказать вам на это, – отвечал он, – потому что никогда при воззрении на красивые лица я не ощущаю в себе никакого страстного движения, а напротив, когда мне случается видеть прекрасные черты лица, тогда я невольно возношусь мыслью к Творцу Небесному и славословлю Создателя моего за Его великие и дивные дела, что Он из ничтожной персти сотворил такое прекрасное создание, и верьте мне, чада мои любезные, что я после этого в сердце ощущаю такую радость, что даже забываю и о пище.

Наконец, преподобному Акакию уже на закате дней своих еще пришлось предпослать к Богу мученика св. Пахомия Россиянина, который за молитвы великого своего наставника мужественно совершил свой страдальческий подвиг. И потом вслед за ним и его чистая и блаженная душа отошла от бренного тела ко Господу Богу, 12 апреля 1730 года, на 98 году от рождения. О блаженной своей кончине преп. Акакий был извещен от Бога за несколько дней, что он и открыл одному иноку, Афанасию, пришедшему из скита св. Анны, посетить его. «Афанасий! – сказал св. Акакий, – прощай! Я иду в далекий путь, и более уже здесь не увидим друг друга!»

Молитвами преподобного Акакия да сподобимся и мы предстояния во славе святых, славяще Отца и Сына и Св. Духа во веки. Аминь.

19 АПРЕЛЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Симеона Босого, Нового Чудотворца[114]

Преподобный Симеон происходил из духовного звания. Отец его Андрей был священник. Когда Симеон достиг отроческих лет, тогда он был отдан в научение грамоте, в которой оказывал быстрые успехи, так что все знавшие его дивились быстроте ума и прекрасным способностям юного отрока.

На 15-м году от рождения Димитриадский епископ Пахомий взял его к себе в епископию и впоследствии постриг в монашество и рукоположил в сан иеродиакона. Впрочем, Симеон долго не оставался при епископе Пахомии, так как мысль влекла его в уединение. А потому, открыв свои мысли, так же, и желание, епископу, он просил его отеческого совета. Епископ, видя сердечное его стремление, не препятствовал его намерению и, давши ему напутственное благословение, отпустил с миром.

Первоначально юный подвижник поселился на Олимпийской горе, в монастыре Икономион, близ Киссары. Здесь он начал проводить самую строгую и суровую жизнь, подвизаясь в посте, бдении и молитве, а для смирения плоти и лишения себя сладкого сна клал на ложе свое камни и таким образом вскоре возвысился на высоту добродетелей.

Проживши несколько времени в этой обители, он пожелал видеть великих подвижников, а потому, оставив Олимпийскую гору, отправился на Афон, где поступил в братство лавры преподобного Афанасия. Высокая жизнь Симеона скоро обратила на себя внимание лаврского начальства, которое сочло нужным произвести его в сан иеромонаха. Здесь, в лавре, будучи еще в сане иеродиакона, преподобный Симеон выказал особенную черту смирения, каким наполнена была блаженная его душа. Так, однажды некто из братии, желая испытать его, точно ли он смиряется ради Бога, сказал ему:

– Отец Симеон! Ах как красивы твои волосы и как они прекрасно у тебя лежат на голове!

Преподобный Симеон, не сказав ему ни слова, удалился в свою келью, остриг оные и при встрече с оным братом отдал ему их, говоря:

– Брат, возьми мои волосы, если они тебе очень понравились.

Из лавры преподобный Симеон перешел в Филофеевскую обитель. Здесь он еще строже начал проводить подвижническую жизнь; притом и братия, видя в своей обители такого светильника, начали питать к нему глубокое уважение, а впоследствии стали убедительно его просить быть их руководителем в духовной жизни и настоятелем. Преподобный Симеон, по глубокому своему смирению, отказывался от этого великого дела, но, видя усиленное их прошение и любовь, согласился быть их пастырем и наставником. Ненавидящий же добро злобный диавол, не желая, чтобы все братство имело единодушие и мирное душевное устроение, возмутил более слабых против преподобного, посеяв в них к нему ненависть, которые с этого времени начали на преподобного клеветать и распространять о нем худую молву. Святой, видя, от кого все это зло исходит, стал вразумлять ропотников не подчиняться помыслам, всеваемым им от лукавого врага, но подражать более благоразумным; между тем, они не только не вразумились, но еще сильнее стали укорять его. Итак, преподобный, видя ожесточение их сердец и давая место гневу, оставил Св. Гору и отправился на гору Фламурия, смежную с Загорой. Здесь он начал проводить жизнь подобно безплотным ангелам, ни о чем не заботясь: жилищем себе

избрал яблоню, под которой без покрова, одежды и босой жил зиму и лето. Спустя три года его нашли здесь некие боголюбцы, которые, удивляясь его отшельнической жизни и во всем лишению, возгорелись духом и сами пожелали ревновать ему в духовной жизни, а потому стали просить святого принять их к себе в сожительство. Долго преподобный Симеон не соглашался принять их, устрашая их теми трудами и лишениями, которые сопряжены с отшельнической жизнью, но они не страшились этого и со слезами просили его благословить их поселиться возле него.

Мольбы усердных боголюбцев смягчили преподобного, и он согласился. В тот же день сии боголюбцы начали строить себе соломенные каливы, а чрез некоторое время еще пришли двое усердствующих и ищущих уединенной жизни, они тоже поселились возле преподобного. И таким образом в этом маленьком ските собралось братии семь человек, которые для своего пропитания начали заниматься хлебопашеством и делать небольшие посевы.

С поселением возле преподобного Симеона братии молва о его богоугодной жизни начала распространяться во всей окрестности, вследствие этого к нему начали приходить благочестивые христиане: некоторые за советами, а иные только за тем, чтобы увидеть лицо его и принять от преподобного благословение.

Спустя семь лет преподобный Симеон построил в своем ските небольшую церковь во имя св. Живоначальной Троицы, в которой каждодневно сам совершал Божественную литургию. Вскоре после построения церкви начали приходить к нему священники и диаконы и, видя равноангельскую его жизнь, оставались на жительстве возле него, и таким образом мало-помалу составилась киновия.

Устроив в своей киновии порядок и чиноположение и вместо себя поставив братии другого начальника и руководителя, он отправился в Эпир и потом в Фессалию, где проповедовал слово Божие: колебающихся в вере утверждая, сомневающихся уверяя, твердых в вере подкрепляя, убеждал любить друг друга, чтить воскресные и праздничные дни и посещать для молитвы церковь Божию. Отсюда преподобный отправился в Афины, где по данной ему от Господа благодати исцелял различные болезни и изгонял нечистых духов. Здесь он с благословения афинского епископа Лаврентия каждый воскресный и праздничный день поучал людей благочестивой и целомудренной жизни. Из Афин он пошел в Эврип, где также, как и в Афинах, проповедь святого утверждалась чудесами, вследствие чего все эврипские христиане начали питать к нему глубокое уважение и почитали его как великого угодника Божия.

Турки, проживающие в Эврипе, видя благоговение, оказываемое христианами преподобному Симеону, будучи подстрекаемы диаволом, оклеветали его пред градоначальником Эврипа в том, будто бы он порицает всех мусульман, называя веру их ложной, а пророка Магомета проклинает, и что угрожает опасность, как бы на самом деле этот человек не обратил эврипских турок в христианскую веру. Выслушав донос, градоначальник немедленно послал кавасов схватить преподобного Симеона, заковать его в цепи и потом отвести на площадь для публичного сожжения.

Когда привели преподобного Симеона на площадь и начали собирать в костер дрова, тогда и он в оковах начал помогать туркам и класть дрова. Видя это, державший его за цепь сказал ему:

– Отец! Ведь этот костер готовится для тебя, так как градоначальник приказал сжечь тебя.

– Ну что же, – отвечал святой, – если есть на это воля Божия, то я от души желаю пострадать за исповедание имени Его Святого!

Этот разговор подслушал один христианин-араб, который пригласил с собой несколько благочестивых женщин, с которыми немедленно пошел к матери градоначальника и убедительно просил ее, чтобы она умолила сына не предавать преподобного смерти. Мать градоначальника, движимая чувством сострадания к невинности святого, тотчас пошла к своему сыну и стала просить его не делать никакого зла оклеветанному невинно иноку и не брать на свою душу греха в его смерти.

– Что за грех, – отвечал градоначальник, – если я приказал сжечь порицателя нашей веры и совратителя наших правоверных в христианскую веру!

– Все это ложь, сын мой, – отвечала ему мать. – В таком случае, если ты сделаешь ему какое-либо зло, то знай, что я сама предам себя смерти. А ты лучше призови того несчастного человека и подробно расспроси его обо всем, и тогда, уверяю тебя, ты сам увидишь, что напрасно осудил на смерть невинного человека!

По уходе матери градоначальник с другими сановниками рассудили, что, действительно, он поступил несправедливо, и решили призвать преподобного Симеона и спросить о доносе его самого. Тогда послан был нарочный на место казни и преподобного Симеона в оковах привели к градоначальнику, который, увидя кроткое лицо его, босого и почти нагого, в одной только ветхой рясе, невольно почувствовал к нему расположение, а потому ласково и тихо спросил его:

– Мне донесли, что ты совращаешь турок от верования в Магомета и предлагаешь им принять христианскую веру, правда ли это?

– Я пришел сюда не турок обращать в христианство, а напротив, утверждать христиан в вере в Иисуса Христа, и учу их тому, что повелевает Евангелие, – отвечал препод. Симеон.

– А чему учит Евангелие? – опять спросил его градоначальник.

– Оно повелевает не красть, жить в чистоте, не желать ничего чужого, любить друг друга, платить царские подати, твердо хранить свою веру, почитать воскресные и праздничные дни.

Градоначальник, выслушав его с любопытством и не видя в нем той виновности, в которой его оклеветали, повелел освободить его.

После этого преподобного Симеон еще с большим дерзновением стал проповедовать слово Божие. И таким образом обошедши многие города и селения, он возвратился в основанную им во Фламурии киновию. Но, однако, к прискорбию своих учеников, он недолго пробыл с ними: душа его по великой любви к ближним желала питать словом Божиим тех, которые оного требовали, между тем как ученики его, уже преуспевшие в добродетельной жизни, сами могли утверждать словом Божиим не только себя, но и других, а потому он, простившись с ними, отправился в Константинополь, где был ласково принят Константинопольским патриархом, который с любовью позволил ему беседовать с народом и утверждать оный непоколебимо и твердо хранить веру в Господа нашего Иисуса Христа. И таким образом ревнитель заповедей Господних неутомимо начал беседовать с народом, не только в церкви, но и на площадях. Народ с благоговением

внимал учению преподобного, так что многие спешили исповедать ему свои грехи и получить чрез него разрешение; другие же везде следовали за ним, слушая его душеспасительные беседы и, сделавшись его учениками, приняли от руки его пострижение в ангельский образ.

Наконец, после многолетней и неутомимой проповеди, он мирно отошел в небесные обители; святое тело его патриарх с честью похоронил в Халках, в храме Пресвятой Богородицы.

Спустя два года после блаженной кончины преподобного Симеона иноки Фламурийской киновии, в одно время бывшие в Константинополе по монастырским делам, пожелали перенести мощи своего отца и наставника из Халок в созданную им киновию. Для этого они испросили у патриарха разрешение. Патриарх, видя любовь учеников к своему учителю, порадовался и приказал им невозбранно взять их и перенести в свою обитель.

Изготовив новый ковчег, киновийцы пред отбытием своим пришли в Халки и когда открыли гроб преподобного Симеона, то от мощей его разлилось ароматное благоухание; и все больные, которые прикасались к ним и лобызали, получали исцеление. Из числа многих приведем здесь следующий случай.

В то самое время, когда открыли гроб святого, один ремесленник, издавна страдая чахоткой, которая уже приходила к окончанию и готова была похитить свою жертву, лишь только облобызал главу преподобного, как тотчас кашель прекратился и мокрота остановилась, и он сделался совершенно здоровым. Впоследствии он за свое исцеление в благодарность сделал раку для св. мощей своего целителя.

По принесении мощей преподобного Симеона в его обитель оные были с честью положены и чтимы не только иноками его обители, но и теми благочестивыми христианами, которым он проповедовал слово Божие.

Нельзя умолчать еще об одном чуде, бывшем от мощей преподобного. Однажды иноки его обители, отправляясь для сбора милостыни по обыкновению тамошних монастырей, взяли с собою в ковчеге палец преподобного Симеона. Дойдя до крепости Орейской, здесь они встретили одного больного, страдавшего опухлостью тела, который, узнав, что при них есть часть мощей преподобного Симеона, просил их прийти в его дом и отслужить молебен. Иноки пришли в его дом и, освятив воду, повелели больному облобызать св. мощи и напиться освященной воды. Лишь только больной все это исполнил, как вдруг из всего его тела истекла зловонная материя, и он вскоре совершенно выздоровел. Видя себя исцеленным, бывший больной в благодарность своему целителю отписал в полное владение его обители все свое имение, а сам, принявши иноческий образ, остальное время жизни провел в оном в добродетельной жизни.

Молитвами преподобного Симеона, Христе Боже, исцели и наши душевные и телесные болезни и удостой нас части преподобных Твоих. Аминь.

Житие и страдание святого преподобномученика Агафангела Есфигменского [115]

Сей ангелоименитый святой мученик Агафангел был родом из города Эноса, Фракийской области. Родители его были православные христиане – отец Константин, а мать – Кристаллия. Во святом крещении Агафангел назван был Афанасием. Кроме Афанасия, у Константина было еще трое детей. Оставшись после смерти отца сиротой, Афанасий для прокормления себя с семейством поступил в службу к одному моряку, по имени Анастасию, и вскоре сошелся с ним настолько, что даже сделались неразрывными друзьями, и неразлучно был с ним во всех плаваниях. Однажды случилось Анастасию с Афанасием служить по найму на турецком корабле. Когда кончился срок, Анастасий, получивши расчет, оставил корабль, но Афанасия капитан корабля турок Мехмет удержал и разными угрозами заставил остаться на корабле. Конечно, Афанасий, бывши застращен капитаном и боясь, чтобы он не сделал с ним чего-либо худшего, так как в то время самоправность турок над христианами не имела никаких границ, безпрекословно остался жить у него. Прошло несколько времени, Афанасий оказался честным и хорошим работником; вследствие этого хозяин его возымел намерение обратить его в мусульманскую веру и потом, усыновив, сделать своим наследником. Но почему-то не вдруг приводил свое желание в исполнение, а отлагал год за годом, и таким образом прошло несколько лет. В одно время плыли они на корабле из Константинополя в Смирну, в числе пассажиров был смирнский судья, который, видя расторопность и услужливость Афанасия, советовал Мехмету склонить его принять мусульманскую веру. Этот вражеский совет еще более усилил давнишнее его желание обратить Афанасия в мусульманство, хотя бы даже насильственным образом. Когда они приплыли в Смирну, то, вероятно, сердце Афанасиево предчувствовало, что Мехмет замышляет против него что-то недоброе, а потому потребовал он от него расчет. Злобный турок, не желая выпустить из своих когтей намеченной им жертвы, однажды вечером решил привести в действительность свое намерение, для чего избрал самую полночь. Он взял с собой Афанасия с зажженным фонарем проводить его в другую часть города, и таким образом они, пройдя городские улицы, вышли за город; здесь Мехмет вдруг выхватил из-за пояса кинжал и им легко ранил Афанасия; потом, приставивши его к горлу несчастного юноши, угрожал его зарезать. Изумленный Афанасий не знал, чему приписать подобную выходку своего хозяина, начал его умолять и просить пощады, выставляя на вид все свои труды и услуги. Но варвар грозно отвечал ему: не оставлю тебя в живых, если ты не согласишься принять мусульманскую веру.

Убоявшись угрожаемой смерти, Афанасий решился принять мусульманскую веру; при этом он в успокоение своей совести думал: я на словах изъявлю согласие, чтоб только не убил меня злодей, а завтра отрекусь от своего слова и убегу от него. Но диавол, ищущий погибели человеческой души, разрушил мечты Афанасия, так как Мехмет, видя его согласие, тотчас пошел в судилище и просил немедленно разбудить судью, того самого, который плыл на корабле, и посоветовал ему обратить Афанасия в мусульманскую веру. Судья не заставил себя долго ждать и, узнав, в чем дело, обрадовался и потребовал от Афанасия отречения от христианской веры. Но и здесь отверженник, думая обмануть самого себя, сказал своему помыслу: «Что же? Теперь я на словах отрекусь от Иисуса Христа, а потом в сию же ночь убегу и где-нибудь скроюсь». И таким образом он сознательно отрекся от истинной веры, променяв оную на ложную.

Но, однако, Афанасий ошибся в своих расчетах, ибо с произнесением исповедания мусульманской веры свобода его была стеснена и его никуда не отпускали до тех пор, пока не совершили над ним обрезания.

Спустя несколько времени несчастный отступник заболел. В это время он пришел в раскаяние, начал скорбеть о потере христианской веры и страшился, чтобы смерть не захватила его отверженником. Но Всемогущий Бог не хотел смерти грешника и как чадолюбивый Отец, долготерпя и ожидая обращения грешника, подал ему руку помощи и воздвиг его от одра болезни. Афанасий, с дозволения своего господина, отправился на родину. При свидании с родными он накопленные им деньги разделил между ними но, однако, это доброе его дело не обошлось без ссоры, так как диавол, противник мира и согласия, боялся, чтобы попавшаяся в его когти добыча почему-либо не ускользнула; для этого он смутил его родных и произвел из-за разделенных между ними денег ссору. Эта ссора ожесточила отверженника настолько, что он, однажды придя в суд, выправил себе там свидетельство такого рода, что он навсегда разрывает родственные связи со своими родными и чтобы они в случае его смерти не имели права владеть движимым и недвижимым его имуществом.

Чрез эту ссору диавол достиг того, что отверженник при ожесточенном сердце не имел возможности подумать о погибели своей души. Гнев, кипевший в его сердце, затушил все доброе и не давал ему опомниться. После этого он возвратился в Смирну к своему господину, но за что-то поссорившись с ним и будучи им обижен, бежал он него и с этих пор мало-помалу он начал приходить в себя и сознавать глубокое свое падение.

Скитаясь по разным городам и селениям, он претерпевал всякого рода лишения, боясь притом попасть в руки правосудия, так как господин его во время его бегства оклеветал его в краже у него значительной суммы денег и, взяв от начальства позволение, начал везде искать его. Афанасий же, боясь быть узнанным и чтобы обезопасить себя от преследования, не стал называть себя мусульманским именем и, переодевшись в нищенскую одежду, благополучно пришел на св. Афонскую Гору, где несчастный отверженник думал найти истерзанной и измученной своей душе покой. Обошедши обители на Святой Горе и исповедавшись многим духовникам в своем падении, он наконец поселился в Есфигменской обители, где, по присоединении его к православной Церкви, игумен, по имени Евфимий, отдал его под руководство опытному старцу иеромонаху Герману[116] и повелел ему прислуживать братии в трапезе, что Афанасий исполнял с великим усердием. С течением времени сердце его, до этого холодное, согрелось, вследствие чего явилось у него раскаяние, и он отречение свое от Христа начал заглаживать покаянием, проводя время во бдении, молитве и коленопреклонениях, и, таким образом, спасительным покаянием залечивал свои душевные раны, нанесенные ему диаволом. При этом родилось у него желание исповедать пред мусульманами христианскую веру и очистить свое падение мучением. Диавол, видя душевное его устроение и желая поколебать твердость подвижника Христова, начал смущать его разными помыслами и мечтаниями. Так, однажды, Афанасий видит во сне, будто он находится в одной известной ему кофейне. Содержатель кофейной, бывший ему хорошим знакомым, стал с презрением от него отворачиваться. Между посетителями были тоже знакомые Афанасия, которые, видя холодность содержателя к старому другу, сказали ему:

– Что это такое значит, что ты не хочешь взглянуть и приветствовать своего друга?

Тогда содержатель обратился к Афанасию и сказал:

– Друг мой! Что это с тобою сделалось? Твое поведение становится для меня непонятным: что именно заставило тебя бежать от твоего доброго господина и поселиться со злыми монахами, где тебя ожидают разные лишения и бедствия? Притом какую горькую скорбь ты нанес, так как мы всеми силами старались оградить тебя всевозможными благами, и

вот вместо благодарности ты с презрением оставил нас и поселился со смертельными нашими врагами?

Говоря это, бывший друг Афанасия, а также и все товарищи зарыдали. Видя слезы друга, Афанасий и сам расстроился и заплакал. В это время удар полуночного колокола возвестил об исполнении келейного правила, и бесовское мечтание исчезло. Как только Афанасий пробудился, то на самом деле увидел свои глаза заплаканными, чему немало удивлялся. Когда же он вышел из кельи, то увидел человека, сидящего на морском берегу и бросавшего в воду камни. Афанасия удивило столь позднее сидение на берегу человека, и он, как бы спрашивая, сказал про себя:

– Зачем бы это нужно было этому человеку ночью сидеть вне монастыря?

Но в это время человек, сидевший на берегу, приблизился к Афанасию и с угрозой сказал:

– А! Тебя-то мне и нужно – ты думаешь, что совсем уже освободился от меня и я тебя оставил? Нет, я не оставлю тебя до тех пор, пока совершенно не сражу.

Говоря это, он швырнул в Афанасия камнем, который пролетел мимо его головы и ударился в стену. Теперь-то Афанасий понял, что значил виденный им сон и что за человек, бросивший в него камнем. Посему он немедленно возвратился в свою келью и, упав на колена пред иконой Спасителя и Богоматери, стал усердно молиться и со слезами просить Бога и Его Пречистую Матерь сохранить его от сетей диавольских. После долгой и усердной молитвы Афанасий ощутил в своем сердце тишину и спокойствие.

Однажды, страдая глазной болезнью, Афанасий был в церкви во время вечернего богослужения, но от сильной боли не мог достоять до конца оного, почему и ушел в свою келью. Здесь он начал укорять себя в нетерпении, говоря: увы мне, несчастному! Когда я не могу терпеливо перенести сей ничтожной боли, то как же буду терпеть мучение, когда будут мое тело резать или жечь огнем? Так размышляя, он пал на колени пред иконой Пресвятой Богородицы и в продолжение двух часов молился Преблагословенной укрепить его слабые силы и сподобить принять за свое отречение от Ее Сына, Господа нашего, Иисуса Христа мученическую кончину. Вскоре после молитвы он немного забылся и сквозь тонкий сон видит подошедшую к нему Жену, сияющую необыкновенным светом, которая ласково сказала ему:

– Чадо, о чем ты скорбишь и печалишься?

Афанасий отвечал:

– Как же мне не скорбеть, Госпожа моя, когда печаль сокрушает мое сердце за отречение от Господа моего, и хотя я желаю загладить оное пролитием моей крови за Его святое имя, но страшусь, как бы не впасть в малодушие.

– Дерзай, чадо, – сказала ему Небесная Попечительница, – ты получишь желаемое тобой мучение. Иди в Смирну для подтверждения того, что было в Адрианополе, ибо многие из слышавших не верят в те страдания, какие там не так давно претерпели св. мученики. Иди же без отлагательства, так как теперь самое удобное время!

Афанасий, пробудившись, ощутил в своем сердце радость и с благоговением лобызал то место, где стояли пречистые ноги Богоматери. По утру Афанасий рассказал старцу своему Герману все виденное им во сне, но старец, выслушав его, повелел ему быть осторожным

и не вдруг верить видениям, так как у диавола сетей много. Это видение Герман передал и игумену, но и игумен счел нужным сообщить оное патриарху Григорию V, жившему в то время в изгнании в Иверском монастыре. Как только Герман пришел к патриарху, то патриарх начал ему рассказывать, как в Адрианополе пострадали некоторые из христиан с таким мужеством и твердостью, что удивили самих мучителей-турок. Выслушав рассказ патриарха, Герман сказал ему:

– Владыко мой! Все то, что ты мне сейчас передал, гораздо ранее сообщено Святой Горе.

Слыша это, патриарх удивился и, между прочим, заметил Герману:

– Этому невозможно быть, так как я сейчас только получил письмо об этом событии.

Тогда Герман начал рассказывать патриарху о том видении, которое удостоился видеть его послушник Афанасий. Патриарх, выслушав рассказ, прославил Бога и Преблагословенную Владычицу Богородицу и сказал Герману:

– Все виденное – истина и есть от Бога, а не от вражьего наваждения: виденная же Жена есть Пречистая Богородица. Итак, иди с миром и благоразумно наставляй юношу, но при этом скажи ему, чтобы он наступающую святую Четыредесятницу провел в обители и чтобы в это время приготовился на мученический подвиг, а потом пусть идет исповедовать пред врагами Церкви имя Иисуса Христа.

Как только наступила св. Четыредесятница, Герман, взяв с собой Афанасия, отправился в Предтеченский скит к духовнику Никифору, которого просил поместить в своей келье и приготовить Афанасия к мученическому подвигу. Никифор с радостью принял Афанасия и отдал его под руководство опытному старцу Григорию, который имел уже счастье приготовить на страдание четырех мучеников: Евфимия, Игнатия, Акакия и Онуфрия[157] , будучи для них спутником и утешителем, и потом принес святые их мощи в эту келью, кроме мощей святого Онуфрия, потопленных турками в море[118] .

Придя в келью духовника Никифора, Афанасий с благоговением лобызал святые мощи преподобномучеников; при этом сердце его разгорелось еще большим желанием пострадать за исповедание имени Иисуса Христа. Но враг, не желая допустить подвижника Христова получить душевную пользу и укрепление в подвигах от старца, который делом показал свою опытность, возбудил в его соседе по келье зависть, и сей сосед разными коварствами старался вытеснить Афанасия из Предтеченского скита.

Видя коварство соседа, Герман начал порицать завистника за его вражеские действия, но Афанасий умолял старца оставить брату его согрешение и смиренно сказал ему: «Если нам неприятны порицания этого человека, то судя по этому, каким должны казаться пред Богом мои великие грехи?» Старец, слыша от своего ученика смиренный образ мыслей, смягчился и, пренебрегая завистью, они возвратились обратно в свою обитель, где, поместив Афанасия в особую и безмолвную келью, Герман назначил ему келейное правило и умеренный пост, а дабы оный подвижник не впал в уныние, Герман часто навещал и укреплял его в подвигах; притом желая испытать его намерение, он говорил ему о тех ужасах и муках, которые он должен претерпеть пред мучителями. Но Афанасий твердо стоял на своем намерении и просил благословить его на мучение за имя Христово. Конечно, старец, не будучи уверен в твердости своего ученика, отказал ему. Этот отказ опечалил Афанасия, и он всю ночь горько проплакал, и уже не решался более беспокоить Германа просьбами, а написал ему записку такого содержания: «Отче святый! Тело мое отдаю в полное твое распоряжение, но только до следующего воскресенья. Делай с ним

что хочешь и испытай как знаешь. Но в следующее за сим воскресенье, если ты меня не отпустишь на мучение, то я оставлю Св. Гору и пойду в город Энос, где испрошу молитв и благословения у своей матери, и потом отправлюсь на мучение». Прочитав записку, старец посоветовался об этом с игуменом и с общего согласия решился испытать Афанасия более строгой жизнью; для этого заключили его в башню и назначили ему самое строгое правило, в пищу же кроме хлеба и воды другого ничего не давали. К испытанию Афанасия присоединились и козни всезлобного врага, ибо в первую же ночь заточения до его слуха доносились разные голоса, шум и вопли, которые не умолкали во всю ночь. Во вторую же ночь он увидел множество эфиопов, которые бегали то вверх, то вниз и суетились всевозможным образом, стараясь устрашить подвижника Христова, но он молитвой и знамением Животворящего Креста разогнал все бесовские мечтания. На третью ночь мечтания вражеские уменьшились, а на четвертую и вовсе прекратились, но зато вместо всех страхований напала на него грусть и тоска, которые подобно тяжелому гнету давили его сердце. Дождавшись утра, Афанасий рассказал старцу о своей скорби. Старец увидел козни диавола, который воздвиг на него брань уже не призраками и страхованиями, а поселил в его сердце скуку и тоску, думая этим ввергнуть Афанасия в отчаяние. Поэтому старец посоветовал ему выйти из затвора и жить вместе с братией, где скуке и тоске не будет места, или же хотел и сам жить вместе с ним в башне. Но Афанасий не пожелал выйти из затвора и сказал ему:

– Не выйду из башни до тех пор, пока помощью Божией не одержу победы над врагом, а также не благоволю и тебе жить вместе со мною: так как я решился один бороться с врагом, то и надеюсь, что Всесильный Бог поможет мне побороть его.

Затем в следующую ночь, а потом в другую за ней он не стал уже более ощущать тоски, и таким образом прошло три недели Великого поста. На четвертую неделю, Средокрестную, игумен призвал его в монастырь и постриг в ангельский образ, с именем Агафангела, а после Божественной литургии он снова возвратился в башню, облеченный во всеоружие и укрепленный Божественными Таинами Тела и Крови Христовых. С этого времени лицо его сияло каким-то Божественным светом, а в сердце царили мир, радость и любовь к Иисусу Христу. Сидя в башне, он нашел там старые цепи, которые надел на тело, а оказавшийся там же волосяной мешок носил вместо рубашки; при этом умножил и число поклонов, назначенных ему старцем, которых в течение суток полагал по три тысячи земных, читал Священное Евангелие, акафист Пресвятой Богородице и проходил умную Иисусову молитву. В свободное же от молитвы время он любил читать книги о подвигах святых мучеников, вследствие чего он еще более укрепился мыслью пролить свою кровь за исповедание христианской веры и просил старца как можно скорее отправить его на мучение. Но старец, совместно с игуменом, не решались отпустить Агафангела на мученический подвиг до тех пор, пока не откроет Сам Бог, есть ли на то Его святая воля. Для этого было заповедано игуменом всей братии, чтобы они каждый в своей келье в назначенную ночь совершили продолжительную молитву и со смирением просили бы у Бога откровения указать, есть ли всесвятая Его воля на то, чтобы отпустить Агафангела на мученический подвиг. Но Господь в ту же ночь открыл игумену Свою благую волю таким образом: после продолжительной молитвы игумен прилег отдохнуть, и когда забылся сном, то ему представилось, будто он с Германом и Агафангелом отправились куда-то в путь. На пути встретились они с боголепным старцем, который похож лицом был на Святителя Николая, как обыкновенно он изображается на св. иконах. Сей боголепный старец, подошедши к игумену, спросил его:

– Кто из них хочет идти на мучение?

– Вот этот юноша, – указав рукой на Агафангела, отвечал игумен.

В это время Агафангел приблизился к святому старцу, поклонился ему до земли и облобызал его руку. Святой старец сказал ему:

– Доброго дела ты пожелал, чадо! Итак, поспеши же исполнить твое желание, в котором поможет и укрепит тебя Бог, скончать течение со славой.

Поутру игумен рассказал братии свое видение, из коего познал волю Божию, и с этого дня стал приготовлять все нужное для путешествия.

Мысль о мучении, запавшая в юное сердце Агафангела, все более и более разгоралась, так что он день и ночь был занят ей, а потому желал как можно скорее совершить подвиг мученичества. Как бы для исполнения его желания, по Божию усмотрению, Агафангелу представилось, будто он вылетел из дверей башни и потом направил путь в Смирну. Из этого он уразумел, что Промыслу Божию угодно, дабы Смирна была избрана им для мученических подвигов. Почему тотчас же пошел к старцу, рассказал ему все с ним случившееся и стал умолять отправить его в Смирну для подъятия мученических подвигов.

В это время старец по совету игумена уже более не стал отклонять Агафангела от мысли пострадать за Христа, а велел ему готовиться в путь, и только ожидали судно, которое бы плыло в Смирну. По Божию смотрению, вскоре к пристани, где находилась Есфигменская обитель, пристало большое судно, шедшее из острова Хиоса в Смирну. От матросов узнали, что они на другой же день отправляются в Смирну, но так как в этот день была Пасха, то игумен со старцем Германом стал просить начальника судна пробыть этот день в пристани, ради великого дня. К общей радости начальник согласился, а на другой день, т.е. в понедельник, Агафангел был пострижен в схиму и с напутственной молитвой и благословением отправлен на судно вместе со старцем Германом.

Когда приближалось судно к Смирне, до которой оставалось уже небольшое расстояние, в это время Агафангел, пробудившись от легкого сна, сделался печальным и тихо плачущим. Заметив столь резкую перемену в своем ученике, Герман смутился и не знал, чему приписать душевное его смущение. На все вопросы старца Агафангел как бы не обращал внимания, отвечал ему кратко и просил оставить его в покое. Убоявшись такой перемены, старец, желая проникнуть в сердце смущенного ученика, с отеческой заботливостью и с ласковыми словами настойчиво спрашивал о его смущенном состоянии. Тогда Агафангел сказал ему:

– Отче! Причина, которая смутила меня и поколебала мое сердце та, что явился мне святой преподобномученик Евфимий[119], обнял меня и, лобызая, сказал: «Пришло время». Итак, явление преподобномученика означает то, что наконец Господь сподобит меня принять мученическую кончину, но при этом меня смущает мысль: безбедно ли пройдет моя душа воздушные мытарства, имея бесчисленные грехи?

– Брат, – сказал ему старец, – видение твое истинно, но помысл твой произошел от ненавистника спасения человеческого, диавола, который, смутив тебя, желает посеять в твоем сердце боязнь, затем ввергнуть в отчаяние, и тогда уже трудно вырваться из его когтей. Но знай, что князи воздушных мытарств не только не могут задержать ту душу, которая разлучилась с телом мученической кончиной, но даже не смеют и приблизиться к ней. После сих утешительных слов Агафангел успокоился и вместо темного облака, нашедшего на него по действу диавола, воссиял радостный луч благодатного утешения, который резко отпечатлевался на его лице. Между тем, они благополучно пристали к

берегам Смирны и, высадившись, остановились в доме у одного знакомого христианина, именем Константина.

Когда настал день, в который произвольный мученик должен был отдать себя на мучение, тогда сняли с него всю иноческую одежду и одели в турецкую, и после напутственной молитвы Агафангел с сияющим радостью лицом пошел в судилище, где безбоязненно предстал пред судьями, и на вопрос их, что ему нужно, Агафангел отвечал:

– Я имею тяжебное дело с капитаном Мехметом (прежним своим хозяином), а потому желаю, чтобы вы его вызвали сюда в суд и решили бы оное.

Когда приведен был Мехмет и стал пред судьями, тогда Агафангел, обратившись к ним, сказал:

– Судьи! В то время, когда я поступил в услужение к этому господину, я был христианином, но он угрозами и покушением на мою жизнь насильственным образом заставил меня отречься от христианской и принять мусульманскую веру. Теперь же, по великой милости Спасителя моего Иисуса Христа, я опять всем сердцем моим верую в Него и исповедую Его истинным Богом, – говоря это, он вынул из-за пазухи Крест и, подняв его вверх, сказал, – а это непреоборимое оружие всех христиан, ибо на нем распят был Господь наш Иисус Христос. Верующие в Него наследуют Царство Небесное, а неверующие будут осуждены в муку вечную!

Вырвавши Крест из рук мученика, судьи начали укорять его и советовали ему, познав свое заблуждение, приобщиться опять к мусульманской вере. Но святой мученик, вынув из-за пазухи малое изображение воскресения Христова, громко воскликнул:

– На таком кресте, который вы отняли у меня, был распят плотью Господь наш Иисус Христос, а вот таким образом Он воскрес из мертвых, а равно и в день всеобщего воскресения Он также воскресит верующих для получения Царства Небесного, которое уготовано от сотворения мира верующим в Него!

Подобно Животворящему Кресту, и это изображение воскресения Христова было отобрано предстоящими слугами, и судьи, сочтя святого Агафангела помешанным в уме, приказали вывести в другую комнату, где усердные служители Магомета разными льстивыми словами и обещаниями чинов и богатства старались отклонить его от веры в Иисуса Христа. Христов же страдалец, как твердый адамант, непоколебимо стоял в своем исповедании и с пренебрежением отринул все их почести и богатство. Но однако и обольстители Магомета, не желая выпустить жертву из своих когтей, принесли груды золота и разных дорогих одежд и уверяли мученика, что это отдадут ему, если он опять уверует в Магомета. Но святой Агафангел, вменяя все в уметы, чтобы только приобрести Христа, кротко отвечал:

– Ничем вы меня не прельстите, все ваше богатство, честь и слава, которые вы мне предлагаете, да будут вам в погибель: я исповедую истинного Бога Иисуса Христа, горю к Нему любовью и готов положить свою душу за имя Его святое.

Видя, что ласки и обещания всех благ не действуют на св. мученика, судьи приказали его опять привести к себе и уже стали угрожать ему разными муками и безчестной смертью и советовали выбирать одно из двух: или честь и богатство, или различные горькие муки.

– Этим вы меня нисколько не устрашите, – отвечал святой исповедник, – напротив, с радостью желаю пострадать за Господа моего Иисуса Христа и, очистившись своей кровью, чистым явиться пред лицом Бога моего, от Которого отвергся страха ради; притом знайте, судьи, что великую мне окажете любовь, если сейчас же прикажете меня мучить.

О, блаженный язык! Прозвучавшее в наше скудное время такое исповедание веры в Господа нашего Иисуса Христа! О, ум пребожественный и твердый! О, руки всечестные, возвысившие честный крест и воскресение Христово с таким мужеством пред лукавым собранием! Какие нестерпимые раны нанесли вы злым демонам! О, душа мужественная, не прельщающаяся земными благами, – за это тебе Христос готовит вечное блаженство!

Судьи, видя твердость мученика и потеряв всякую надежду убедить его лестными словами, приказали его раздеть и связать; в это время один из слуг сильно ударил в ланиту святого. Но верный раб Законоположителя, подражая Его Божественной заповеди, подставил варвару и другую. После этого отвели мученика к правителю города Муселиму, а так как в этот день Муселим делами не занимался, то мученика принял в свое распоряжение его наместник, который сперва начал исповедника Христова увещевать лестными словами и разными обещаниями, но видя, что он твердо и непоколебимо стоит в своем исповедании, приказал своим слугам забить ноги святого мученика в колоды и, наложив на него тяжелую цепь, ввергнуть в темницу, в которой, кроме него, содержались невинно два христианина.

На другой день Муселим, узнав о мученике, был недоволен тем, что его раздели в судилище и прислали к нему в одной сорочке, а потому приказал отвести его в судилище, одеть его в одежду и тогда уже представить к нему. Дорогой слуги Муселима всячески поносили святого и несколько раз ставили его на колени и, желая его устрашить, размахивали над его головой мечом, как бы для усечения, но исповедник Христов безбоязненно и с радостным лицом ожидал смертельного удара. После всего этого подвижник Христов был введен в судилище, где его одели в прежнюю одежду и потом отправили обратно к Муселиму. Но, однако, и Муселим не мог поколебать святого, и все его обещания мученик отринул с пренебрежением. На другой день до исповедника Христова, сидевшего в темнице, дошел слух, что о нем некий хиосский христианин Афанасий хлопочет пред Муселимом об освобождении. На это святой оскорбился и тотчас написал письмо к оному Афанасию, прося его оставить ходатайство, а вместо оного просил, чтобы сотворили за него общую молитву, дабы Бог укрепил его в мученическом подвиге. Вследствие этого письма все смирнские христиане в приблизившуюся ночь совершили в храмах Божиих усердную о святом мученике молитву.

В то же самое время, когда от благочестивых христиан шла о мученике Агафангеле усердная молитва, в темнице, где он содержался, происходило другое действие. Так, в глубокий вечер вошли в темницу несколько чародеев, которые, сняв со святого сорочку, всю ночь производили над ней чары, а поутру приказали мученику надеть ее. Страстотерпец оградил себя крестным знамением и без всякого смущения надел ее. Прошло несколько томительных часов, в которые чародеи ожидали действия своих чар, но не видя никакой перемены со святым мучеником, со стыдом удалились из темницы. Когда святой мученик Агафангел остался один со своими товарищами-узниками, склонился к земле и предался легкому сну, то вскоре вдруг встал и, обратившись к своим товарищам, сказал:

– Братия мои, возрадуйтесь со мной, ибо сегодня в пятом часу меня обезглавят!

Пророчество святого исполнилось в точности, ибо около четырех часов пришли в темницу воины и, связав его, повели в судилище.

Когда предстал святой исповедник Христов пред судьями, тогда они опять начали обольщать его разными обещаниями, чинами и богатством, но, видя твердость святого против всех коварств, повелели отрубить ему голову. Тогда палачи взяли его и повели на место казни, которая должна была совершиться против мечети Асар. Здесь святой мученик Христов Агафангел, преклонив колена и опустив глаза вниз, душой молился Отцу Небесному, ожидая мечного посечения. Потом, обратившись к палачу, сказал: «Что же медлишь и не совершаешь повеленное?» Тогда палач взмахнул мечом, и честная глава страстотерпца Христова отделилась от тела, и таким образом совершилась мученическая кончина святого преподобномученика Агафангела, 19 апреля 1819 г., в субботу, в шестой час дня по восточному, т.е. в полдень, на 19-м году от рождения, и как благоприятная жертва, очищенная своей кровью, предстал он пред престолом Божиим чист, свят и непорочен.

Последователи Магомета, зная, что христиане с благоговением и верой не только чествуют мощи святых мучеников, но даже собирают в платки и полотенца кровь, которая после посечения обагряла землю, а потому, желая лишить собравшихся здесь во множестве христиан сего неоцененного сокровища, приготовили красильщиков для той цели, чтобы они, когда будет у святого мученика отрублена голова, вылили бы из заранее приготовленных сосудов воду на то место, куда брызнет кровь. В числе красильщиков был один христианин, который в тот момент, когда обезглавили святого мученика, с умыслом нагнулся; в это время у него с головы упало на голову мученика покрывало, в которое он успел собрать кровь исповедника Христова, а находившееся на сем позорище христиане вырвали из его рук покрывало и, немедленно разорвав, разделили между собой и с радостными криками возвращались в дома свои, славя Христа Бога, укрепляющего святых Своих. После кончины преподобномученика Агафангела святые его мощи три дня находились на открытом воздухе под охраной воинов, которые, между прочим, не препятствовали христианам приближаться к ним и воздавать ему должную честь. Причина тому была та, что в первую же ночь после усечения честной главы святого мученика воины, которые в это время были на страже, видели, что мощи преподобномученика находились в сидячем положении, потом встали на ноги и в продолжение трех часов три раза становились и падали. Вследствие этого чуда воины не препятствовали христианам подходить к телу святого мученика и лобызать оное, от которого исходило райское благоухание, и оно лежало как живое, что удивило и привело в смущение врагов христианской Церкви, а потому они, боясь могущего произойти еще какого-либо большего чуда, решили бросить тело святого преподобномученика Агафангела в море.

Весть о готовившемся потоплении святых мощей мученика Христова быстро распространилась по всему городу; при этом хозяева кораблей, стоявших в смирнской гавани, услышав о потоплении тела святого, расположились кораблями цепью вдоль берега, чтобы воспрепятствовать потоплению драгоценного сокровища. Мусульмане, видя необыкновенное усердие и веру христиан к святому мученику и притом боясь возмущения, решили продать им святые мощи.

Христиане, купив сие неоцененное сокровище – тело святого преподобномученика Агафангела, – с честью и торжеством перенесли его в церковь святого великомученика Георгия и положили в гробе святого мученика Дима, пострадавшего 408 лет назад тому.

Оставшиеся окровавленные одежды святого мученика, а также и палец, который отрезан был служителем градского правителя, были приобретены за плату вышеупомянутым Афанасием, который одежду святого отдал старцу Герману, а палец оставил у себя как святыню, и, таким образом, с драгоценным сокровищем Афанасий отправился домой на остров Хиос, где к прискорбию своему нашел сына своего больным, который при всех испытанных врачами средствах не подавал никакой надежды на выздоровление. Но лишь только отец больного, Афанасий, положил на него палец святого мученика Агафангела и часть окровавленной его одежды, больной тотчас встал совершенно здоровым. Старец же Герман с одеждой святого отплыл на св. Афонскую Гору, и когда корабль приближался к Афону, на море поднялась сильная буря. В это время к Герману, лежащему в каюте без чувств от сильной качки, явился святой мученик Агафангел, у которого лицо сияло небесным светом. Герман спросил его:

– Брат Агафангел, куда ты идешь?

– В наш монастырь, – с ангельской улыбкой отвечал Агафангел.

– Разве ты не умер? – опять спросил его Герман.

– Нет, не умер, а жив, как видишь.

Когда Герман пришел в себя, тотчас рассказал находящимся на корабле о видении им святого преподобномученика Агафангела. Видение это воодушевило всех плывших, и они благодарили Бога и Его угодника, которого молитвами море вскоре утихло, а чрез три часа корабль благополучно пристал к св. Афонской Горе.

Высадившись из корабля, Герман тотчас дал знать в Есфигменскую обитель о своем прибытии с одеждами святого мученика. Игумен же со всей братией с честью встретил окровавленную одежду, как бы самого мученика, и положил оную в церкви вместе с частями святых мощей разных святых, славяще и благодаряще Бога, укрепившего младого юношу в мученическом подвиге и удостоившего принять нетленный венец. Молитвами святого преподобномученика Агафангела, Христе Боже наш, подаждь и нам помощь победить козни вселукавого врага, воюющего с нами, и сподоби нас получить Царство Небесное. Аминь.

Мощи святого преподобномученика Агафангела недолго оставались во гробе святого мученика Дима. Чрез пять месяцев после мученической его кончины был открыт гроб святого, вынуты из него мощи, положены в особый ковчег и потом поставлены в сосудохранилище при церкви святого великомученика Георгия.

В 1844 году игумен обители Есфигменской, Агафангел, вместе с братией, движимый усердием к святому Агафангелу и желая иметь в своей обители, которая удостоилась воспитать мученика Христова, святые его мощи, послал для сего в Смирну с просительной грамотой к тамошнему епископу Афанасию вместе с гражданами иеромонаха Макария. Епископ и граждане с любовью согласились поделиться святыней и отдали иеромонаху Макарию главу преподобномученика Агафангела с правой рукой и ногой, которые с честью были перенесены на Афонскую Гору в Есфигменский монастырь, остальные же части честных мощей оставили в церкви святого великомученика Георгия, в освящение града.

1 МАЯ

Житие и страдания святого нового преподобномученика Акакия[120]

Святой преподобномученик Акакий, во святом крещении Афанасий, был сыном благочестивых родителей. Место жительства их было селение Неохори, в Македонии, близ Солуни. Вследствие крайней бедности они не в состоянии были приобретать в том селении средств к своему существованию и переселились в город Серес. Между детьми их Афанасий был старший, тогда ему было девять лет. Желая, чтобы он с молодых лет научился какому-нибудь полезному ремеслу, а не скитался праздным, они отдали его одному башмачнику. Но это не только не принесло Афанасию пользы, а напротив, причинило ему ужасный вред и привело к бедствию, ибо башмачник, взявший его на свое попечение для научения своему искусству, вместо благоразумных наставлений и вразумлений употреблял ежедневные, безрассудные и жестокие побои. Не перенося жестокостей своего хозяина, несовершеннолетний Афанасий желал освободиться от злого и безчеловечного этого тирана и неприметно, сверх чаяния, впал в когти мысленного человекоубийцы – диавола. В один день, именно – святой и Великой пятницы, башмачник – хозяин Афанасия, по наущению, может быть, демоном, с большим против прежнего немилосердием избил его. От частых побоев совершенно упавший духом, Афанасий вышел из дома своего хозяина, плакал, рыдал, шел сам не зная куда, а день склонялся уже к вечеру. К своему несчастью встретил он на улице двух оттоманок. Эти женщины, выражая коварное милосердие к сетующему и голодному Афанасию, ввели его в дом свой, у ворот которого они тогда находились, обласкали его и накормили, и с тем вместе предложили, отверженные, отречься истинного Хлеба, сшедшего с небесе, Господа нашего Иисуса Христа. Афанасий, от жестокостей своего хозяина уже совершенно потерявший и силу воли, и терпение, к тому же думавший, что он нашел наконец истинное избавление и покой – увы! – отрекся Иисуса Христа.

Как только турчанки услышали согласие Афанасия на отречение от христианской веры, тотчас отвели его к хазнадарю Юсуф-бею, который оставил Афанасия в своем доме и, не отлагая времени, совершил над ним обрезание с переменою христианского имени на мусульманское, и потом, усыновив его, питал к нему неограниченную любовь, которую одинаково разделяла и его жена.

Прожив девять лет в богатом доме во всяком довольстве и роскоши, он достиг восемнадцатилетнего возраста. В это время жена бея, питавшая к нему доселе материнскую любовь, переменила ее на страстную и, не умея долее скрывать своей страсти, изъявила Афанасию свое желание быть с ним, но целомудренный юноша, подобно прекрасному Иосифу, бежал от нее, не соизволяя быть с ней в греховной связи. Однако злобная турчанка, видя себя пристыженной поступком Афанасия, оболгала его пред своим мужем, будто бы он хотел сделать над ней насилие. Юсуф, выслушав жалобу своей жены, немедленно выгнал Афанасия из своего дома, дав ему полную свободу идти куда хочет.

Получив свободу, Афанасий пошел в Солунь к своим родителям, куда они переселились из Сереса вскоре по отречении Афанасия от христианской веры. Родители, увидев своего сына, которого считали погибшим, обрадовались, особенно когда они узнали от него, что он оставляет мусульманскую веру и всем сердцем своим сопричисляется к словесному стаду Христову.

После нескольких дней пребывания своего в родительском доме они посоветовали ему удалиться на святую Гору Афон, чтобы там, исповедавшись духовным отцам о своем падении, омыл бы оное покаянием и слезами.

– Притом помни и то, – сказала ему мать, – так как ты произвольно отрекся Иисуса Христа, так точно с дерзновением должен и исповедать Его пред турками и за любовь сладчайшего Иисуса принять мученическую кончину, омыв свое глубокое падение своей кровью.

О, благочестивая и чадолюбивая мать! Она не жалеет тела своего сына, чтобы спасти душу его для вечной жизни.

Услыша от матери своей то, чего желал и сам Афанасий, он вскоре удалился на святую Афонскую Гору, где и поступил в Хиландарский монастырь. Прожив здесь несколько времени, он по совету старцев той обители отправился в Ксенофский скит к духовнику Николаю, который, выслушав исповедь Афанасия, прочитал над ним установленные православной Церковью умилостивительные молитвы, потом помазал его св. миром и отпустил обратно в Хиландарь.

После этого, прожив в Хиландарской обители около года, он оттуда переместился в Иверский монастырь. Здесь он узнал о недавно пострадавших новопреподобномучениках Евфимии и Игнатии. Выслушав весь рассказ о святых мучениках, он загорелся желанием отмыть свое отречение от Христа, подобно им, своей кровью, а потому отправился он к бывшему наставнику новопреподобномучеников, иеромонаху Никифору, которому во всем искренно исповедался; при этом не скрыл и своего желания идти по стопам св. мучеников Евфимия и Игнатия. Духовник объяснил ему все трудности, которые необходимо испытать, чтобы получить мученическую кончину, и видя его готовность последовать его совету, согласился принять его под свое руководство.

Подвиги, проходимые Афанасием, как то: пост, бдение и непрестанная молитва, привели в зависть злобного врага – диавола, который, чтобы расслабить Афанасия в добродетельной жизни, начал всевать в юное его сердце разные помыслы, будучи побежден которыми, он в одну глубокую ночь, никому не сказавшись, ушел из этой обители и после семичасового пути достиг обители Симонопетрской, где по просьбе его был принят тамошним игуменом в число братства. Но враг, сбив однажды в самовольную и более свободную жизнь, и здесь не оставил его в покое, ибо вскоре и отсюда Афанасий перешел опять в Хиландарский монастырь, но, однако, он и здесь не мог ужиться: своеволие влекло его к самостоятельности, и однажды, будучи подвержен одним старцем резкому выговору касательно его поведения, он не стерпел этого выговора и решился опять возвратиться к духовному своему отцу, Никифору.

Придя к сему доброму и чадолюбивому отцу, Афанасий горько раскаивался в своем поступке и со слезами просил причислить его опять к лику святого его братства, обещая впредь не удаляться отсюда. Долго Никифор не соглашался принять своевольного сына, но, будучи тронут его смиренным прошением и слезами, сжалился над ним и принял его вторично в свое малое братство; притом поручил старцу Акакию наблюдать за ним, чтобы он не впал опять в своеволие.

Приняв в свое руководство Афанасия, старец Акакий поместил его в отдельной келье и назначил ему подвиги больше первых, каковые Афанасий проходил с любовью, и от сердечного умиления Бог даровал ему слезы, так что глаза его сделались как бы неиссякаемым источником, постоянно точащим слезы. Достигнув такого состояния, он

стал просить духовника удостоить его ангельского образа. Духовник, видя его преуспеяние в добродетели и твердость в мыслях против искушений, постриг его в монашество с именем Акакия, и чрез несколько времени видя, что Акакий уже созрел в добродетелях и достиг совершенства, благословил его отправиться в мученический подвиг, при этом дав ему в спутники старца Григория, который в свое время был спутником преподобномучеников Евфимия и Игнатия. Вскоре после этого был нанят корабль, и они, простившись со св. старцами, 1 апреля оставили Св. Гору и отплыли в Константинополь.

Во время плавания Григорий рассказал начальнику корабля и матросам, кои все были православные христиане, о намерении Акакия, просил их содействовать в этом деле, на что они согласились с полной охотой.

22 апреля прибыли они в Галату Константинопольскую, а на другой день Григорий и Акакий в сопровождении начальника корабля отправились к одному знакомому христианину – Григорию – и остановились у сего доброго мужа.

В тот день, когда Акакий должен был выдать себя турецким властям, они приобщились св. Христовых Таин и прямо из церкви отправились на привезший их корабль. Здесь Акакий переоделся в турецкие одежды, которые заблаговременно приготовил ему начальник корабля, и, сокрушаясь о разлуке со старцем Григорием, со слезами припал он к ногам его и просил благословения. Старец, проливая слезы, облобызал Акакия и благословил идти на священный и великий подвиг. Затем Акакий, простившись со всеми и дав всем о Христе целование, пошел в оттоманскую Порту в сопровождении брата начальника корабля, который добровольно вызвался проводить Акакия, ибо Акакий не знал туда дороги.

Достигнув Порты, Акакий расстался со своим путеводителем и вошел на крыльцо судилища; здесь его остановил преддверник, который спросил его, кто он и зачем пришел сюда.

Акакий рассказал ему о своем отречении от христианской веры, о месте своей родины, исповедал пред ним Христа истинного Бога, а Магомета проклял, назвав его обманщиком и лжепророком. Потом, в доказательство своего отречения от мусульманской веры, снял со своей головы зеленую повязку, бросил ее на землю и, насмехаясь над турецкой верой, стал ее топтать ногами.

Преддверник, видя такую дерзость, начал его бить, а так как время не позволяло представить его верховному визирю, то он, заковав ноги св. мученика в кандалы, запер его в темницу. По окончании присутствия святой приведен был в судилище, где сперва ласками начали уговаривать его отречься от христианской веры, но св. мученик, как адамант, оставался твердым в своем исповедании.

Видя непреклонность мученика, судьи приказали его бить и потом бросить в темницу.

На другой день, в воскресенье, в 4 часа дня, мученика привели к самому визирю, но и визирь не мог отклонить его от исповедания имени Христова. После этого он отослал св. страдальца к градскому судье, но и там мужественный воин Христов остался непоколебимым, и в тот же день последовал приговор обезглавить исповедника Христова. В вечер того же дня Григорий узнал от некоторых христиан о мучениях Акакия, порадовался за него и для духовного утешения святого счел необходимым сподобить его приобщения Христовых Таин, только не знал, каким путем привести в исполнение это

святое дело. В этом столь затруднительном деле он обратился за советом к вожатому Акакия, который согласился исполнить поручение.

После сего Григорий тотчас пошел к священнику, у которого стал просить часть пречистого Тела Господня для узника, страдавшего за Христа. Священник без всякого смущения вложил часть св. Таин в малую дароносицу и передал тому благочестивому христианину для передачи оных Акакию, который немедленно отправился в темницу, благополучно вошел в нее, так как караульные солдаты, оставив свои посты, завтракали. В это счастливое время посланный пробрался в темницу и передал Акакию св. Дары. Потом стал возвращаться обратно к выходу, но – увы! – часовые окончили завтракать и уже стояли на своих местах. Их удивила дерзость этого доброго христианина, а потому, жестоко избив его, выбросили вон. Когда же он пришел в чувство от бывшего обморока, то не помнил, каким образом он очутился вне темницы. Чувствуя сильную боль от побоев, он сравнивал свои страдания с страданиями Акакия и воображал, какой радостный будет конец его страданиям! В это время он услышал шум идущих турецких солдат, которые вели Акакия со связанными назад руками, плевали на него, толкали и били без всякого милосердия. Доведенный до места Пармак-капи, святой встал на колена, преклонил св. свою главу и громко сказал палачу:

– Опускай твой меч, только смело и метко, – и в ту самую минуту сильная рука палача опустила меч, и священная глава отделилась от многострадального тела, а праведная душа отлетела в обитель Небесного Отца, в понедельник, 1 мая 1816 г., в шесть часов пополудни.

Как только Григорий узнал о кончине св. мученика, первой его заботой было купить у караульных солдат мощи Акакия; для этой цели он сделал предложение некоторым христианам, которые охотно согласились пожертвовать кто что мог, и таким образом составилось восемьсот пиастров, которые были заплачены алчным туркам, а тело мученика с подобающей честью взяли и перенесли на тот самый корабль, который привез святого в Константинополь, так как начальник корабля по любви к мученику согласился ожидать его кончины и отвезти Григория вместе с телом преподобномученика обратно на Св. Гору.

В пять часов ночи корабль снялся с якоря и, управляемый рукой Всевышнего, благополучно достиг Афона. Мощи св. мученика были перенесены с корабля в ту самую келью, в которой он подвизался еще при жизни, и с благоговением погребены в новосозданном храме, в честь прежде него пострадавших двух св. преподобномучеников – Евфимия и Игнатия. Благоприятными молитвами преподобномученика Акакия, да сподобимся и мы получить Царство Небесное, о Христе Иисусе Господе нашем, Которому подобает слава, честь и держава, всегда и в безконечные веки. Аминь.

В тот же день вместе с св. Акакием совершается память и св. преподобномучеников: Евфимия (см. житие его 21 марта) и Игнатия (см. житие 20 октября).

Святые главы всех трех сих преподобномучеников находятся ныне в русской на Афоне обители св. великомученика Пантелеймона. Есть им и отдельная служба, изданная Новонямецким монастырем: «Служба святым преподобномученикам Евфимию, Игнатию и Акакию», Спб, 1871 г., 24, 39 стр.

4 МАЯ

Память преподобного отца нашего Никифора[121]

Преподобный отец наш Никифор был, по свидетельству святогорца Никодима, латинянин родом, но принял впоследствии исповедание святой православной Восточной Церкви и проводил подвижническую жизнь в пустыннейших местах святой Афонской Горы. Он процветал в сороковых годах четырнадцатого столетия и вместе с богомудрым и преподобным Феолиптом (впоследствии – святителем Филадельфийским) был наставником и руководителем Григория Фессалоникийского (Паламы) в изучении высочайшего учения подвижнического любомудрия, как тот сам о том свидетельствует в своих писаниях.

В свободном от попечений безмолвии, себе единому внимая и в себе неизреченно соединившись с премирным, высочайшим предметом желаний – Богом, преподобный Никифор восприял блаженный дар всуществленного в сердце света благодати. Сам богато вкусив сего Божественного дара, блаженный отец, чтобы и нам дать руководство к получению того же сокровища, составил *свиток* , в коем, собрав из писаний и житий святых отцов места о трезвении, внимании и молитве, а в конце приложив и от своего опыта советы, – всех приглашает путем умносердечной молитвы восходить к искреннейшему общению с Господом.

Свиток этот, названный «Никифора Уединенника слово о трезвении и хранении сердца многополезное», – как правильное и доброе руководство к молитве, помещено в книге «Добротолюбие» в русском переводе, том 5-й, стр. 259-272. М. 1890 г.

В своем истинно многополезном слове пр. Никифор трезвение и хранение сердца называет способом, без труда и пота вводящим в пристань бесстрастия и избавляющим от падений по козням безовским. Сам пр. Никифор этот способ или путь к духовному совершенству называет *вниманием* , и говорит: «Внимание некоторые из святых называли блюдением ума, иные – хранением сердца, иные – трезвением, иные – осмысленным безмолвием, а иные – еще иначе как. Но все сии наименования одно и тоже значат; как о хлебе говорят – укрух, ломоть, кусок, так и о сем разумей».

Указывая, каким образом достигнуть сего внутреннего делания, пр. Никифор говорит: «Собрав ум свой к себе, понудь его войти в сердце и там остаться. Когда же ум твой утвердится в сердце, то ему там не следует оставаться праздным, но непрестанно творить молитву: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! И никогда не умолкать. Ибо это, содержа ум немечтательным, делает его неуловимым и неприкосновеннным для прилогов вражеских и каждодневно все более и более вводит в любовь и вожделение Бога». «Приидет же к тебе, при многовожделенном и сладостном внимании, и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир и прочее, ради коих потом всякое твое прошение исполняемо будет, о Христе Иисусе, Господе нашем, с Коим Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

11 МАЯ

Память преподобного отца нашего Никодима, архиепископа Сербского[122]

Блаженный Никодим, природный серб, подвизался постнически на св. Афонской Горе и был игуменом Хиландаря. По смерти архиепископа Саввы 3-го Сербия объявила желание видеть Никодима своим первосвятителем; не хотелось ему расстаться с тихой пустынью, но афонские отцы убедили его не отказываться от призвания церкви. Потому посвятили его в день Вознесения Господня, «и возведоша на престол св. Саввы с многих лет приветствием глаголюще: преосвященному архиепископу Никодиму всея сербския и поморския земли многая лета», – так говорит современник[123]. Это было в 1317 г. При гробе блаженного краля Милютина поднято было кровавое волнение приверженцами его жены – гречанки Симониды; энергический архипастырь остановил кровопролитие и грабеж. Потом в январе 1321 года венчал он на кралевство старшего сына Милютинова, невзирая на партию королевы[124]. Ревностный патриот был ревностным попечителем о делах св. веры. В предисловии к переведенному им в 1319 году уставу пишет он, что, быв в Константинополе еще в сане игумена, он расспрашивал у Иерусалимского патриарха об уставе церковном, по заботе о том, «еже единствовати, по словеси Богоносца (ц. Давида), братии вкупе и всей Сербской земли»; потом, будучи архиепископом, «послал, говорит, в царский град в монастырь св. Предтечи и Крестителя Иоанна, и принесен ми быть сей типик Иерусалимский и преложих его в наш язык от писмен греческого языка. Елико есть противу мощи, подвигнемся, еже бдети и трезвитеся в славословии Богу. Мы убо потщимся, братие, с естеством и обычаем плотским: Благий же Дарователь и Подвигодавец, Всемогий Бог, ведый немощь нашу, Той подаст нам мощь духовную; но аще первее труд покажем»[125]. Прекрасный урок о деле спасения нашего! Доныне уцелело еще несколько богослужебных книг, написанных по распоряжению святителя Никодима. Богомилов-бабуков первосвятитель преследовал обличениями и предавал суду как вредных обществу и церкви[126]. Блаженный архипастырь, искренно любивший иноческую жизнь и содействовавший процветанию ее в Сербии, писал грамоту о том, дабы сербские архиепископы и хиландарские игумены не забывали типикарницы св. Саввы, причем красноречиво описал жизнь св. Саввы; это было предсмертное завещание хиландарского подвижника и архиепископа всей Сербии.

Святитель Никодим управлял Сербской церковью восемь лет[127]; и, следовательно, скончался в мае 1325 г. Пред иконостасом Печского храма, на левой стороне, стоит рака с мощами св. Никодима архиепископа сербского, великого чудотворца[128].

(Память святителя вторично в общей службе свв. сербским святителям и учителям – 30 августа).

13 МАЯ

Память преподобного отца нашего Иоанна Иверского[129]

Богоносный отец наш Иоанн был родом из Иверии (Грузии), из области Тао, происходил от царского рода иверского и славился в своем отечестве, но из любви к Богу оставил мир и вся, яже в мире, и, приняв на себя иноческий образ, подвизался сначала в находящихся в Иверии монастырях. Сперва поступил он в братство монастыря, находившегося близ его родины; потом, как мудрая и трудолюбивая пчела, желая более собрать меду добродетелей с цветов сада духовной мудрости, перешел в монастырь, тоже в Иверии,

бывший на горе, называемой Колпа, а отсюда – на Олимп, где и безмолвствовал довольно времени. Но слава добродетели Афанасия афонского достигла и высочайших гор, и неприступных высот, и таким образом оттуда привлекла сего подвижника, как магнит железо, к подвижнику афонскому. Пришедши на Афон к Афанасию, Иоанн сделался искренним его другом и истинным послушником, поэтому впоследствии святой Афанасий отзывался о нем с особенной похвалой. Чрез некоторое время, оставив лавру святого Афанасия, он, иждивением Василия, сына Романа, греческого царя, создал славную обитель, которая и доныне известна под названием Иверской, – вместо дотоле бывшей малой и скудной, называемой Климентовой.

Житие преподобного и богоносного отца нашего Евфимия нового (Иверского)[130]

Преподобный отец наш Евфимий был родом грузин (иверец) из области Тао. Отец его, именитый и богатый, по сердечному влечению к ангельской жизни оставил богатство и славу мира и, в духе нищеты Христовой шествуя крестным путем жизни под именем Иоанна, принятым в пострижении, удалился из Грузии в Константинополь. Между тем, Евфимий, бывший в то время еще в младенческих летах, оставался на родине со своим дедом – под старческим руководством которого и воспитывался в правилах строгой христианской нравственности. Впрочем, и дед недолго оставался с ним в Грузии: взяв с собой Евфимия, он отправился тоже в Константинополь, чтоб найти там сына своего Иоанна и убедить его возвратиться в отчизну. Так и случилось: он отыскал Иоанна и со слезами упрашивал его идти с ним домой, но Иоанн не только не соглашался на это сам, даже и сына своего Евфимия не хотел отпустить от себя. Вследствие сего огорченный старец должен был, в рассуждении Евфимия, войти с сыном своим в большой спор: Иоанн желал оставить его при себе, а отец Иоаннов не хотел расстаться с любимым своим внуком ни под каким видом, так что наконец это дело дошло до сведения царствовавшего тогда Никифора. Пораженный трогательным спором о дитяти между его отцом и дедом, Никифор приказал представить к нему всех троих. Когда они предстали и пред лицом царя возобновили спор об отроке, Никифор решил так, чтобы ни тот, ни другой не оставлял его при себе против собственной его воли, но чтоб поручили это суду Божию, – то есть к кому отрок пойдет, пусть при том он и будет. А надобно заметить, что Евфимий почти и не видал хорошенько, и не знал своего отца. Когда, таким образом, оставили отрока на собственную его волю, он бросился к своему отцу, которого, как сказано, и не видал, и не знал до настоящего часа, – так что этим растрогал, удивил и привел в слезы всех бывших там.

Тогда блаженный Иоанн принял сына своего как бы прямо от Бога, и потому, как дар Божий, немедленно посвятил его на служение Господу – облек в иноческую одежду и озаботился образованием его в науках внешних, в большей или меньшей мере нужных для инока. Прекрасные способности и чрезвычайное прилежание Евфимия скоро усовершили его в образовании внешнем, а между тем, неуклонное шествие по крестным стезям христианского самоотвержения под строгим и бдительным руководством отца привлекло на него благословение свыше, так что он сделался наконец приятелищем Святаго Духа. Может быть, сколько, с одной стороны, занятия классические, столько, с другой – строгие лишения плоти, даже в существенных ее требованиях, изнурили жизненные его силы, и он заболел тяжко, но и здесь Господь не оставил его: предстательством и помощью Пресвятой Госпожи нашей Богородицы Евфимий сперва оправился от болезни, а наконец и совершенно освободился от нее. Такая очевидная милость Божия и заступление Пренепорочной Девы Богородицы были новым для него побуждением и возлагали на него священный долг – более прежнего посвятить себя подвижническим трудам и преуспеянию

во всех делах благочестия. При содействии благодати Божией он, действительно, был для своего времени светлым образцом иноческой жизни, достойным не только подражания, но и удивления. Чтобы удостовериться в этом, довольно рассказать об одном обстоятельстве. Однажды пришел к нему еврей – поговорить о вере. Блаженный Евфимий никак не хотел входить с ним в беседу подобного рода, почитая пустословием – отъявленным врагам Христовым излагать и объяснять Божественные таинства веры; впрочем, из уважения и почтительности к своему отцу, много убеждавшему его к беседе с евреем, наконец согласился на это. Когда начал он приводить еврею различные изречения и предсказания Ветхого Завета о Божественном Мессии, Господе нашем Иисусе Христе, Которого отвергли евреи, – слушавший его еврей онемел, невольно убеждаясь в справедливости его слов и не находя в них, со своей стороны, никаких возражений. Однако ж этот отверженник, пристыженный святым Евфимием, вместо того, чтоб принять к сердцу глаголы святой истины, по упорству, свойственному неверным, дерзнул произносить нечистыми своими устами хулы на Господа нашего Иисуса Христа. «Да онемеют уста, хулящие Господа Бога нашего!» – воскликнул тогда святой Евфимий, воспламенившийся Божественной ревностью, и в то же мгновение еврей онемел, ринулся оземь, и из богохульных его уст начала клубиться пена. В таком ужасном положении нечестивец на другой день испустил преступный свой дух. Это чудо навело на всех страх и ужас, и по всему Константинополю пронеслась слава и молва о святом Евфимии.

Конечно, по духу мира, событие подобного рода и человеческая слава могли бы другого осуетить и привязать к жизни среди столицы, но блаженный Евфимий, как и все истинные подвижники, глубоко чувствуя и зная, что окруженный славой мира чуждается славы Божией и воспринимает мзду свою от людей, понесся как птица от тенет, как узник из темницы из Константинополя, в сопутствии своего отца, на святую Гору Афонскую, и поселился в лавре преподобного Афанасия. Афанасий с любовью принял их, и так еще протекло несколько времени. Между тем, Божественный Афанасий видел прозорливыми духовными очами, что святой Евфимий за сердечную чистоту был избранным сосудом Святаго Духа, – и потому начал убеждать его к принятию священства. Долго не соглашался на это смиренный Евфимий, отзываясь собственным своим недостоинством и важностью священного сана; однако ж, наконец, как истинный послушник, отдал себя в волю святого Афанасия и принял рукоположение. В этом высоком сане Евфимий возвысился более прежнего тайными подвигами, прилагая воздержание к воздержанию и добродетель к добродетели, так что впоследствии, чувствуя силы и благодать Всесвятаго Духа, принял на себя труд перевести все Священное Писание на грузинский язык. Кроме того, составил он много полных высокой мудрости книг и сам, возобновил многие храмы и больницы и таким образом возвеличил Святую Гору с ее пустынями и придал им еще большую красоту. Надобно признаться, что сердечной его доброты и христианской внимательности ко всем и каждому, неподражаемого его смирения, с каким он служил 14 лет больному своему родителю и великому Афанасию, невозможно выразить на языке человеческом. Когда же преподобный Афанасий отошел ко Господу, блаженный Евфимий, по просьбе и желанию братства, принял управление священной лаврой, а впоследствии и вся Святая Гора избрала его свои правителем, потому что он был в деятельности неусыпен и бдителен и слово священных уст его, исполненное мудрости и утешения, точило для всех врачевство духовное. Впрочем, он недолго оставался в своем звании: любовь к строгому безмолвию влекла его в уединение. Вследствие сего, избравши для лавры вместо себя игуменом сродника своего Георгия, он погрузился в пустыню, и только Бог знал и видел тайные его подвиги и молитвенные труды. Но так как *не может,* по слову Писания, *укрыться град, верху горы стоя* (Мф. 5, 14), то и жизнь святого Евфимия не утаилась от ведения человеческого: Сам Бог прославил его и явил дела его, как увидим это из нижеследующего.

Однажды преподобный Евфимий прибыл в Солунь, где и был весьма ласково принят тамошним епископом – мужем жизни весьма благочестивой. Епископ был коротко знаком с одним из солунских евреев, которого он хотя постоянно убеждал к принятию христианской веры, но тот ни под каким видом не соглашался на это. В бытность преподобного у епископа упомянутый еврей пришел к нему и по-прежнему был убеждаем к верованию во Христа. Но вместо того, чтобы принять убеждения архипастырские если не с уважением и покорностью, то, по крайней мере, со скромностью и молчанием, еврей считал слова епископа за пустословие и шутку и дерзко отзывался о христианской вере. Слыша это, епископ просил святого Евфимия поколебать мудрыми своими убеждениями упорство еврея, но преподобный, как истинное чадо кротости и смирения Иисуса Христа, говорил, что это относится более к обязанности и долгу епископа и что он, со своей стороны, считает себя в этом случае человеком сторонним. Впрочем, когда епископ стал настоятельно просить его об этом, послушный Евфимий отверз уста свои, исполненные благодати и силы Святаго Духа, и все возражения еврея в рассуждении христианской веры опроверг ясными свидетельствами Ветхого Завета и изложил на основании пророческих речений все истины Евангелия так, что обезоруженный израильтянин должен был наконец со стыдом умолкнуть. После сего, кипя негодованием на святого Евфимия, так пристыдившего его в виду собрания, он не вынес движений огорченного сердца и, вместо возражений на доказательства святого о Божественности Иисуса Христа, дерзнул произнести хулу на Него. Тогда, строго воззрев на него, святой Евфимий сказал: «За то, что ты смел произнести хулу на Творца и Владыку всех, Господа Иисуса, да умолкнут уста твои, беззаконный!» И еврей онемел, упал на землю, и богохульные уста его и глаза извратились. Такое чудо поразило всех находившихся там евреев и христиан чрезвычайным ужасом. Припав к ногам преподобного, они просили сжалиться над евреем и исцелить его. Преподобный, сколько строгий к хульникам имени Христова, столько же и сострадательный к бедствующим, послушался их и, напечатлев на еврее знамение животворящего креста, исцелил его. Тогда еврей громогласно исповедал, что Иисус Христос есть истинный Бог, Творец всего, обладающий всяким дыханием, и крестился с домашними своими и со всеми евреями, находившимися там и видевшими это чудо. Впоследствии уверовало во Христа много и других слышавших об этом евреев. Исцелившийся в изъявление своей благодарности пожертвовал святому большое количество серебра, но тот отказался и повелел этот дар раздать нищим.

В одно время на Святой Горе сделалась засуха: все отцы чрезвычайно скорбели от бездождия и просили преподобного, чтобы он помолился о дожде. После долгих убеждений, святой наконец с великим трудом, решился на это – удалился в церковь пророка Илии, находящуюся близ обители Иверской и, как только помолился всемилостивому Богу, со слезами и с принесением безкровной жертвы, тотчас полился сильный дождь, напоивший иссохшую землю. Все прославили Бога, прославляющего славящих Его.

У иноков Святой Горы издревле и доныне соблюдается обычай – на праздник Преображения Господня входить на самую вершину Афона для всенощного бдения и Литургии. Однажды к сему празднику в числе других братий взошел наверх и святой Евфимий. Братия окружили его и усердно просили, чтобы он совершил Божественную литургию. Послушный пресвитер уважил просьбу братии и приступил к священнодействию. Когда при Литургии он возгласил: *победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще,* и братия воспели: *свят, свят, свят, Господь Саваоф!* – внезапно облистал всех чрезвычайный свет, гора потряслась в своем основании и пораженные тем иноки все пали ниц на землю, кроме преподобного Евфимия, который стоял неподвижно, осиваясь дивным светом и имея вид огненного столпа. После этого чуда преподобный более прежнего прославился всюду.

В то время отошел ко Господу архиепископ кипрский. Греческий император Василий отправил от себя посольство с собственноручным письмом к преподобному Евфимию, убедительно прося его принять пастырский жезл управления кипрской Церковью. Но преподобный и слышать не хотел о таком иерархическом достоинстве, отзываясь тем, что, при своем недостоинстве, он не только не может управлять другими, но сам требует стороннего водительства на крестных стезях иноческой жизни. Так он был смиренномудр, зная, что смиренномудрие есть мать всех добродетелей.

Впрочем, при всеобщем к нему уважении и славе, которой славил Бог Своего угодника, завистливый враг-диавол, всегдашний противник добра, не вынося постоянного уничижения и побед, которыми преподобный низлагал и сокрушал гордую его выю, избрал своим орудием одного из иноков для того, чтобы убить Евфимия. Несчастный, забыв строгие свои обеты и ужасные следствия сатанинского замысла и только увлекаясь завистью к доброй славе Евфимия, решился на убийство и, скрыв под одеждой нож, взошел на башню, где была келья преподобного. Но Бог не дал жезла грешного на жребий праведного. Послушник святого, заметив у убийцы нож, прежде нежели тот успел ворваться в дверь, запер келью и не позволял ему войти туда. Неудача взбесила несчастного: в неистовстве своем, он поразил ножом блаженного ученика преподобного и, ударившись бежать, в бешенстве, с безчинным криком и воплем, встретил другого ученика преподобного, поразил и того ножом и вслед за тем был сам постигнут праведным судом Божиим; произнося хулы нечистыми своими устами, он ударился оземь и испустил дух.

Между тем, святой, благодатью Святаго Духа, узнав о том, что случилось по действию диавола с ранеными учениками, поспешно сошел к ним и облек их в великую схиму, после чего вскоре отошли они ко Господу. Наглый же и зловонный пес-диавол, никак не терпя дел святого, снова побудил к убиению его одного садовника, который, придя к преподобному с ножом, поразил его и чаял, что с одного удара убьет преподобного, но, хранимый Богом, Евфимий не потерпел никакого вреда, потому что острие убийственного ножа согнулась и железо, потеряв свойственную ему твердость, умягчилось, как воск, а между тем рука, посягнувшая на жизнь угодника Божия, осталась недвижимою и иссохшей. Пораженный таким чудом, садовник со слезами пал к стопам преподобного, искренно исповедал свой грех и трогательно умолял его о прощении и исцелении иссохшей руки. Незлобивый старец смиренно простил его и, помолившись Богу, даровал ему не только телесное, но и душевное здравие.

Но, рисуя таким образом некоторые светлые черты из дивной жизни преподобного, что можем мы сказать надлежащим образом о сердечных качествах, – именно: о милосердии, кротости и безгневии, о сострадательности ко всем и каждому, равно как и о постоянных его подвигах молитвенных и о всех свойствах иноческого образа, которые возвышают человека над всем чувственным и видимым и прежде времени доставляют ему ангельское безстрастие и Божественную славу? Это выше всякого описания и человеческой речи. При всех этих, так сказать, сокровенных и внутренних свойствах преподобный Евфимий и по обстоятельствам внешним оставался для всей Святой Горы украшением и славой, так что где требовала нужда каких-нибудь царственных пособий и святогорские отцы просили его ходатайства пред императором, – он с удовольствием принимал на себя труд лично ходатайствовать пред ним и просить о пользах Святой Горы. А император, зная его с давнего времени и постоянно слыша прекрасные отзывы о святой его жизни, с особенной внимательностью и чувством уважения принимал его просьбы и тотчас исполнял их. Так случилось, когда на Святой Горе проявились некоторого рода нестроения, святой Евфимий по просьбе отцов немедленно отправился в Константинополь, и следствием сего были для Святой Горы желанный мир и тишина, а для самого преподобного –

страдальческая кончина. Находясь там, он по надобности отправился однажды на муле, в сопутствии инока, в часть города, называемую Платия. На одной улице сидел нищий и просил милостыни. Сострадательный Евфимий, не трогаясь с мула, хотел продать просившему что-нибудь, но безсмысленное животное, испугавшись движений нищего, одичало, понеслось вдоль улицы, и преподобный, не в силах будучи удержать его, был сброшен на землю и разбился смертельно. Стеклись христиане, подняли его и едва дышащего отнесли в дом, где он останавливался тогда в Константинополе. Преподобный не смог оправиться от убийственного удара и чрез несколько дней мирно предал святую свою душу Господу, 13 мая. Так судил Господь преподобному Евфимию окончить подвижническую свою жизнь! А в проявление святости и дерзновения его пред лицом Своим тотчас прославил его: от священных мощей преподобного потекло много исцелений и чудес. Впоследствии мощи его перенесены были на Святую гору и положены в обители честного и славного Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна, обновленной преподобным Евфимием и прозванный потом Иверской, во славу Отца и Сына и Святаго Духа, единого Божества и Царства[131]. Аминь.

Житие преподобного отца нашего Георгия Иверского[132]

Богоносный отец наш Георгий происходил из Иверии. Он был племянником св. Иоанна и двоюродным братом св. Евфимия; тоже, подобно им, старался об украшении и распространении созданной Иоанном обители, вновь воздвиг от основания соборный храм (кафоликон) ее, и потому почитается также ее ктитором. Что соборный храм создан Георгием, видно из надписи, которая сделана им на медном круге, лежащем на полу, в средине этого священного храма, под хоросом, где святой пишет так: «Я утвердил столпы сии, и в век не подвигнутся. – Георгий, монах ивер и ктитор».

1.Отрочество и воспитание преподобного Георгия

Блаженный Георгий происходил из области Триалетской, от благочестивых родителей Иакова и Марии, родился во дни благоверного царя Иверского и Абхазского Георгия I-го в 1014 году. Отец его был одним из приближенных вельмож царя и неоднократно по делам государственным ездил в Персию. Исполнив царские поручения, вступил он в супружество и водворился в доме родителей своей жены, в сельском, мирном убежище. У него было три сына и три дочери: первородную назвал он именем первомученицы Феклы и, по данному обету, посвятил ее Богу, постригши в девической Самцхетской обители; после дочери родился сын, которого родители назвали Иоанном и, удержав его при себе, дали обет: если родится у них второй сын, посвятить его Богу, говоря, что посвятить Ему должны не агницу, а агнца.

Однажды ночью явился Марии светлый муж и сказал: «Ты родишь сына, агнца, избранного Богом; посвяти его Кому обещала, и дай ему имя Георгий». Проснувшись, Мария в страхе рассказала свое видение мужу, и оба со слезами благодарили Бога. Имя Георгия, или, в переводе на русский язык, «земледельца», знаменовало, что он будет усердный делатель нивы Господней. Вот и родился у них обетованный младенец и, возрастая телесно, исполнялся Духом Господним, как древо, насажденное при водах многих и обещавшее в свое время принести обильный плод. По совершении семилетнего возраста родители во исполнение своего обета послали отрока в монастырь, к его сестре,

где мог бы он изучить церковное богослужение более, чем в их доме: там провел он три года и всех удивлял своим разумом.

У отца Георгиева было два старших брата, в обители Богоматери Хахульской, что на берегах реки Куры, и оба они исполнены были благодати Божией. Первый из них, Георгий, назывался писателем, так как был начальником письмоводителей царя Давида Куропалата и занимал первую степень при дворе его, а имя второго – Савва: оба были праведны пред Богом и с богатством жизни духовной соединяли обилие благ земных. Услышав, какие блестящие надежды подавал о себе Георгий, они просили брата своего Иакова отпустить племянника к ним в обитель для довершения духовного его воспитания и с любовью привели юного Георгия к бывшему тогда настоятелю Хахульской лавры – преподобному Макарию, который сделал его участником церковной молитвы и принял в число духовных чад своих. Представили его также в этой обители и царственному Василию, сыну Баграта, который для жития иноческого, оставив высокий свой сан, был просветителем страны своей. По совету благоговейных старцев своей обители рассудили они отдать племянника богодухновенному наставнику и не могли найти никого лучше великого Илариона, в то время сиявшего на высоте духовных добродетелей. Святой авва не отказался принять к себе отрока, и тот, под руководством сего старца, так усовершенствовался в благочестии и изучении Божественных книг, что превзошел разумом всех своих сверстников.

Но кто научил отрока Георгия эллинской мудрости? Учителем его в этом был Ферис – муж царевны, сестры Василия Багратида: он и супруга его искали себе опытного наставника и пригласили в дом свой писателя Георгия, который взял с собой юного племянника, бывшего тогда уже канонархом и отлично знавшего все церковные песни. Ферис и благочестивая его супруга любили Георгия, как родного сына, и под их руководством провел он многие годы, доколе бедственная кончина не постигла этого вельможи. Область Триалетская находилась тогда под влиянием Царьграда: Фериса оклеветали в измене пред императором Василием Вулгароктоном, который велел отсечь ему голову, а супругу его со всеми домашними отвести в Царьград, где оставались они двенадцать лет. В течение этого времени дядя Георгия, писатель, и еще более царевна, вдова Фериса, озаботились отдать юношу в научение философам и риторам – но не из мирского сословия, а из духовного, чтобы вместе с плодами наук приобретал он и плоды духовные: так созрел дивный этот учитель земли иверской. После двенадцатилетнего заточения в земле греческой царевна возвращена была в свои владения, и с ней возвратились оба Георгия, дядя и племянник. К ним присоединился и отец Георгия, Иаков, который тогда лишился уже супруги.

2.Путешествие Георгия по святым местам

Но юноша искал больших подвигов: он уже достиг двадцатилетнего возраста, и хотя с юных лет вел образ жизни монашеский, однако не был еще пострижен. Георгий пошел сперва к дяде своему, иноку Савве, в обитель Хахульскую, а оттуда – к бывшему наставнику своему, великому Илариону, которому оставалось прожить немного уже лет земной жизни, – и от его руки принял пострижение. Тогда Георгию пришло внушение свыше – предпринять подвиг странничества, в страну, далекую от присных, и поклониться тем святым местам, где воплотившееся Слово Божие совершило домостроительство нашего спасения. Так некогда Господь вызвал и праотца нашего Авраама из земли отеческой, когда заключал с ним завет Свой, и Моисея удалил от его племени, чтобы сделать его боговидцем. Георгий тайно бежал и направился в страну Палестинскую.

Огорчились авва Макарий и другие старцы обители Хахульской, когда узнали о бегстве юного инока, и послали искать его по всем путям, но Георгий, предчувствуя погоню, обменялся одеждой с нищим и, взяв себе проводника, продолжал свой путь. Небезопасна была для него дорога по безприютным городам и страшна первая ночь, настигшая его в пустом месте, как сам он впоследствии рассказывал: гремел гром, сверкали молнии и диавол семь раз повергал пред ним того убогого, которого избрал он себе проводником: этот несчастный страшно скрежетал зубами, и пена текла из уст его – но Георгий не устрашился и пламенно молился Господу о беснуемом, пока злой демон не оставил его. Исцеленного таким образом Георий привел в ту обитель, которой тот желал достигнуть, когда брошен был на пути своими спутниками, а сам один, в рубище, без обуви и без покрова, продолжал трудное странствование, и, несмотря на изнурительный подвиг, он раз только в день позволял себе вкушать пищу.

Сперва, в пределах малой Армении, посетил он гору Черную, где некогда спасался великий пустынножитель Никон с двумястами своих учеников; потом, по соседству Антиохии, достиг горы Дивной, где поклонился чудотворной раке Симеона Дивногорца и блаженной матери его Марфы; так обошел он и все обители, рассеянные в горах Ливанских, прося себе молитв и благословения у великих подвижников. Георгий прежде всего искал себе опытного наставника, зная, что без руководства нельзя усовершенствоваться в жизни иноческой, – и в каменной расселине обрел желанного старца, заключившегося в пещере и отстранившегося от всего земного. Это был великий затворник Георгий, светило своего времени, родом из Иверии. Человек Божий обрадовался пришествию благодатного ученика, ибо по любви к своей родине давно желал найти просвещенного мужа, который бы мог довершить труд великого Евфимия Афонского и исправить погрешности языка, какие еще оставались в его переводе священных книг. Духом прозрел блаженный, что он обрел такого мужа в пришельце иверском, и с отеческой любовью принял его под свое руководство в пустыню, где жил недалеко от обители святого Романа.

Три года оставался при нем Георгий в постоянном подвиге и совершенном послушании, а в обители Романовой в то же время усердно служил болящим. Затворник видел, что в зрелом возрасте имел он опытность старческую, – и облек его в великий ангельский образ, или схиму, и отпустил во Святой Град. Паломник с пламенной любовью и слезами обошел все святые места и как бы видел пред собой Самого Господа там, где пострадал Он за человеческий род; из Палестины Георгий возвратился к своему наставнику, в пустыню Романову, и хотя совершенно созрел для перевода Священного Писания, однако ж по своему смирению не решался принять на себя этот труд и достойным его находил только авву Евфимия. Но затворник говорил ему: «Господь, неоднократно спасавший от смерти преподобного Евфимия и открывший ему дар ведения языков, может споспешествовать и тебе: будем молить святого отца нашего Евфимия, чтобы он помог тебе своим благословением довершить начатое им святое дело». Таким образом, после многих усилий, старец убедил Георгия идти на Святую Гору к великому авве и искать у него духовной мудрости, чтобы напоить ею жаждущие души земли иверской, ибо этот Евфимий был для нее вторым Златоустом и красноречивыми своими писаниями утвердил в ней православную веру на все грядущие времена.

Напутствуемый благословением своего наставника, Георгий благополучно совершил путь, и Промысл Божий, видимо, благоприятствовал ему в одиночестве. Проходя Анатолию, приблизился он к большой реке, которую хотел перейти вброд, но по чрезвычайной глубине ее не мог и тут же, на противоположном берегу ее, увидел светлого юношу на белом коне, который сказал ему: «Не бойся, вступи в реку», а сам, устремившись к нему навстречу, перевел его за руку чрез глубокие воды. Преподобный с душевным восторгом

узнал в нем небесного покровителя земной своей родины – тезоименитого ему великомученика Георгия.

Но, достигнув Святой Горы, Георгий уже не застал там блаженного Евфимия, так как преждевременная кончина похитила его в Царьграде. Преподобный мог только поклониться его гробнице и просить его молитв. С радостью приняло его братство обители Иверской, которой управлял тогда соименный ему Георгий, родственник Евфимия. Смирение пришельца, строго исполнявшего все послушания монастырские, было столь велико, что его приняли сперва за простеца и невежду, ибо в продолжение первых семи лет никто не мог предполагать в нем глубоких его познаний. Когда же наставник его, затворник Георгий, в отдаленной Сирии узнал, что ученик его в великой лавре Иверской, на Афоне, живет праздно, хотя и в строгих подвигах иночества, не приступая к переводу Священного Писания, еще не удостоен сана священнического, тогда послал к нему другого благоговейного ученика своего – Феодора, с Черной горы, с изъявлением своего неудовольствия за неисполнение данного им повеления. Георгий, по чувству крайнего смирения прежде уклонявшийся, а теперь побуждаемый этим отеческим внушением, решился наконец принять предлагаемый ему сан священства и вскоре потом был избран настоятелем церкви, или благочинным, в обители Иверской.

После сего не дерзал он более медлить и приступил к занятиям духовным. Прежде всего перевел он синаксарий, как необходимое украшение Церкви, по истолкованию ее празднеств, ибо книга эта была только вкратце изложена Евфимием; потом перевел все Евангелие, по зачалам, и праздничные паремии, большой требник, толкование на книгу Бытия, первый месяц минеи и все Апостольские послания. Братия, увидев наконец, какой чудный светильник возжегся для них на Святой Горе, общим согласием возвели его на степень настоятеля обители Иверской. Долго противился Георгий и требовал, чтобы его избрание совершилось по жребию, – и три раза бросали жребий, но из трех имен, возлагаемых во время Литургии на Божественную трапезу, три раза выпадало имя Георгия. Тогда воприял он настоятельство и усугубил иноческий свой подвиг – облекся во вретище, отказался от вина и молока, даже и в разрешенные Церковью дни, и, поучая паству словом, показывал ей путь к вечной жизни на самом деле, собственным примером.

Тут только открылась вся глубокая его мудрость, долго таившаяся на дне его души: с самого прибытия своего на Святую Гору старался он от присных учеников великого Евфимия выведать все подвиги его, равно как и отца его Иоанна, Торникия и других подвижников, радевших об устройстве Иверской лавры, о правилах ее и уставах, и впоследствии, когда принял жезл пастырский, все это на память будущим родам собрал в один свиток. Одним из первых деяний настоятельства его было – для хранения мощей блаженного Евфимия приготовить драгоценную раку, в которую с великим торжеством перенес он мощи святого из Церкви Крестителя, где были они первоначально погребены, в новоустроенный благолепно храм Богоматери. Десницу же Евфимия, богомудрыми писаниями просветившую народ иверский, положил в особенный ковчег, со святыми мощами первомученика Стефана, Богоносца Игнатия, Иакова Персского, Космы и Дамиана, сорока Мучеников и целителя Пантелеймона, и этот кивот всегда носил с собой, так что имя Евфимиево от Святой Горы до горы Черной славилось нераздельно с другими великими угодниками Божиими. Не хотел благочестивый Георгий оставить вне сыновней ограды и родителя Евфимиева, который дотоле почивал в церкви Архангелов: он мощи старца Иоанна положил подле любимого им сына и потом озаботился обретением и перенесением в тот же храм мощей прочих великих подвижников, помогавших Евфимию в переводе Священного Писания. Это были: блаженный Арсений, епископ ниноцминдский, для безмолвия пустынного на Святой Горе оставивший кафедру свою в Кахетии и знаменитый своей ученостью, священноинок Иоанн Гердзелидзе; оба они –

скончавшиеся в затворе, вне обители, и погребенные при малой церкви святого Симеона Столпника.

Много перевели они и переписали своей рукой священных книг, ибо тогда Афон был духовными Афинами, рассадником просвещения для земли иверской. Георгий и сам, как великий писатель, умел достойно оценить труды их и восхотел сохранить потомству самые их останки. Он скорбел духом, что не знал места погребения их, но Промысл Божий, для возбуждения большей веры, открыл ему это. На общей их могиле выросло финиковое дерево, корни которого, глубоко проникнув в землю, обвились вокруг этих святых мощей и распространяли благоухание их. Георгий, вынув мощи из среды корней, положил их в притворе южной части соборной церкви, близ мощей святого Евфимия, и запечатал гробницу, чтобы никогда не открывать ее, украсив ее иконой и крестом, и установил, чтобы постоянно горели пред ними три неугасимые лампады.

После того преподобный начал заботиться об украшении самой церкви, в которую тогда проникла вода, так как церковь эта вначале не была покрыта свинцом, – и для того в 1050 году отплыл в Константинополь – просить пособия у императора Константина Мономаха. Мономах принял его с великой честью, ибо знал его лично и, уповая на его молитвы, очень уважал. Он спросил человека Божия о причине его прибытия, и Георгий отвечал: «Радуйся во Христе, светлейший между державными: Пресвятая Богородица, упование и прибежище богоспасаемого твоего царства, повелевает тебе, чрез меня, убогого, чтобы место постоянного Ее хваления, храм Ее в честной нашей обители Иверской, не был допущен тобою до совершенного разрушения от воды, за неимением крова в него проникающей. Повели отпустить свинец, чтобы в обновленном тобою храме могли постоянно возноситься молитвы о благополучном твоем царствовании!» Император с радостью исполнил прошение преподобного – велел отпустить ему свинец и доставить на царских кораблях.

Возвратившись на Святую Гору, Георгий благолепно покрыл храм и соорудил над ним купол – в том виде, в каком красуется он доныне. Воспользовавшись своим путешествием, он испросил у императора новые хрисовулы, которыми подтверждались древние, и тем немало расширил владения монастырские – особенно же обильные пастбища для больших стад. Чрез некоторое время плавал он в Царьград и в другой раз, когда услышал о приезде туда абхазского царя Баграта III-го и матери его Марии, со всем двором их. Обрадовались державные, увидев святого соотечественника, о котором столько наслышались, и много приобрели от него душевной пользы; со своей стороны, они осыпали щедрой милостыней обитель его и новыми хрисовулами оградили ее от обиды местных властей. Царица Мария избрала Георгия духовным отцом своим и от руки его приняла ангельский образ; при этом пожертвовала в Иверскую обитель для вечного поминовения литру золота, каковому примеру последовали и многие грузинские вельможи. В то время в Царьграде был кудесник, славившийся волхвованиями, производивший род свой от Симона волхва и умевший заговаривать хищных зверей. Император Мономах и царь Баграт дивились обаяниям его, но блаженный Георгий, скорбя духом о таком обольщении христианских царей, крестным знамением уничтожил всю силу обаяний кудесника и тем возбудил к себе столь великую доверенность царя Баграта, что он всеми силами старался перезвать Григория в свое отечество. Баграт предложил ему первую епархию своего царства – чхондидскую, получившую имя от того дуба, близ которого проповедовал просветитель Грузии, первозванный Апостол, но афонский труженик смиренно отклонил сан святительский и поспешил возвратиться в свою лавру, где с любовью приняла его братия. Вскоре после сего он снова явил свою силу над духами нечистыми.

В одном из отдаленных поместий Иверской обители, находившемся в пустынных дебрях и горах Фракии, куда еще не доходил никто из святых отшельников, – в так называемой Ливаде, обитали пришедшие из далеких стран славяне – люди тогда еще грубые и христианством не просвещенные. Они поклонялись идолу бабе, иссеченному из мрамора, и приносили ему жертвы. Душа блаженного Георгия возмущалась таким душевным омрачением словесных творений. Однажды, странствуя сухим путем в Царьград, он посетил это селение; жители, признававшие над собою господство лавры, гостеприимно встретили ее настоятеля и советовали ему, если хочет иметь успех в своем предприятии, поклониться идолу. Георгий спросил, где кумирня их – и славяне привели его в глухую дебрь, к бездушному истукану. «Завтра посоветуюсь с ним», – сказал Георгий и на рассвете, вооруженный одним лишь молотом, пошел опять в ту же дебрь со своим экономом и двумя поселянами из славян. Приблизившись к идолу, он осенил себя крестным знамением и прочел первое зачало Евангелия Иоаннова: *в начале бе слово.* Славяне говорили ему: «бог наш убьет тебя», но мужественный воин, осенив себя еще однажды знамением креста, взял тяжелый молот, разбил истукан на мелкие части и тем истребил заблуждение язычников: пораженные этим, они обратились к христианской вере.

Был ему дан свыше и дар пророчества. Правила тогда государством, в преклонных уже летах, вдова Мономахова, императрица Феодора, и просила царя Баграта отдать ей на воспитание дочь его, царевну Марфу. Баграт отпустил юную дочь в Царьград под надзором матери своей Марии, обитавшей в столице греческой. В то время был там по своим делам и блаженный Георгий. Случилось так, что в самую ту минуту, когда вступала в город царевна абхазская, скончалась императрица Феодора, и Георгий, по духу прозорливости, при многих вельможах сказал Марии: «Сегодня вышла царица, и царица явилась». Царевна Марфа возвратилась к своему отцу, но спустя немного времени новый император Константин Дука потребовал ее обратно и избрал своей невестой: тогда все увидели истину пророческих слов Георгия.

Но часто странствуя в Царьград по делам своей обители, а в самой лавре обремененный непрестанной заботой о многочисленной братии, блаженный Георгий с прискорбием сознавал, что завещание духовного его отца, затворника Сирского, не исполняется и данный ему от Бога талант зарывается в землю, ибо перевод Священного Писания – постоянная благочестивая цель всей его жизни – вперед не подвигался. Посему преподобный начал просить себе увольнения от должности настоятельской и, сколько ни умоляла его братия, со слезами припадая к ногам его, остался непреклонным. Он удалился из обители, не взяв с собой ничего из ее достояния: даже оставил в лавре и те священные рукописи и переводы, над которыми много потрудился, и вышел из обогащенного им Иверского монастыря в таком убожестве, что вне его ограды боголюбивые люди сочли нужным дать ему немного хлеба для продолжения странствования. За этим вскоре следовало и второе его бегство, ибо сперва он уклонился только от должности настоятельской и хотел водвориться в уединении на Святой Горе, но потом, видя, что и в пустыне не может обрести желанного безмолвия, от молвы людской и непрестанный посещений, решился совершенно оставить Афон.

Но, пришедши к духовнику своему на Черную гору, где думал обрести под его сенью желанное успокоение, Георгий был встречен горьким укором за то, что оставил вверенное ему от Господа стадо. Старец Сирский напомнил ему слова Господни апостолу Петру: *любиши ли Мя? – паси овцы Моя,* – и велел немедленно возвратиться на Святую Гору. Сын послушания повиновался и, придя на Афон, по просьбе братии принял опять настоятельство. Некоторое время управлял он обителью и, устроив дела монастырские, снова удалился, чтобы исключительно посвятить себя переводу Божественных книг. А так

как братия не хотела отпустить его, то он отплыл в Царьград и там с помощью царицы Марии испросил себе увольнение от самого императора. Взял с собой царскую увольнительную грамоту и хлеба, сколько было нужно на трех человек, пошел он опять на Черную гору, где был принят всем братством с чрезвычайной любовью, но в житии его ничего уже не упоминается о строгом его духовнике, которого, быть может, не застал он в живых.

Вскоре после сего мать Багратова, царица Мария, отпущена была с великой честью из Царьграда на поклонение святым местам и прибыла в Антиохию, где патриарху и наместнику велено было принять ее со всевозможным великолепием. Но патриарх и правитель вместе с преподобным Георгием, который был в то время в Антиохии, рассудили, что неприлично матери царей иверских ехать в область сарацинскую, ибо Святой Град, по грехам христиан, находился тогда в руках неверных. Сколь ни тяжко было такое запрещение, однако благочестивая царица, как покорная по духу дочь преподобного, со смирением приняла его советы и только просила совершить за нее благочестивое странствование и раздать лично, в Иерусалиме и его окрестностях, ту царственную милостыню, которую приготовила она для убогих церквей и обителей Святого Града.

Это поручение нелегко было для труженика, который более всего искал уединения и покоя, чтобы ничто не отвлекало его от перевода Божественных книг: однако приятно было ему исполнить и волю царственной своей дочери, для спасения души ее. Вспомнил он и слова апостола Павла, по следам коего шел для исполнения возложенного на него дела: *се ныне восхожу во Иерусалим, служити святым* (Рим. 15, 25), и, при помощи Божией, с одним лишь учеником, благополучно прошел все опасные места на пути к Святому Граду. Вторично посетив Иерусалим, он имел утешение поклониться всем святым местам и принять благословение от святых отцов; милостыню же царскую раздал по всем убогим церквам и обителям. В то время блаженный отец Прохор, по воле царя иверского Баграта III–го, строил близ Иерусалима монастырь святого Креста, на том месте, где срублено было древо для Креста Господня. На устроение сей обители Георгий пожертвовал много денег, но благочестивый Прохор, как любитель духовного просвещения, просил его пожертвовать в обитель животворящего Креста первый плод его перевода священных книг, и Георгий, во исполнение сей просьбы, посвятил обители дело рук своих – Цветную Триодь. Возвратившись на гору Черную, где ожидала его царица, преподобный утешил ее извещением об исполнении ее поручения, и она уже не возвратилась в Царьград, но решилась остаток дней своих провести в Иверии при своем сыне царе, Баграте.

После сего, среди безмолвия Черной горы, блаженный Георгий весь погрузился в боголюбивый труд свой и при содействии благодати Духа Святаго продолжал переводить священные книги. Трудился он по большей части ночью, ибо вместе с тем нисколько не оставлял иноческого правила и церковных служб, не давал себе ни малейшего покоя и, как трудолюбивая пчела, готовил сладчайший мед в своем улье – переложение всего Священного Писания на язык иверский, которым усладил этот дотоле несовершенный язык и неоцененным сокровищем обогатил свою Церковь. Все, что было до него переведено неверно или грубо, он очистил, как злато, в горниле своего ума; все, что было начато или не вполне изложено блаженным Евфимием, он окончил, распространил и тщательно сличил с подлинниками греческими, – особенно книги Нового Завета.

Местом пребывания Георгия были – то обитель святого Симеона Дивногорца, то пустыня Романова, или монастырь Калиппост; неусыпными своими трудами равно изумлял он и греков, и грузин, и сирийцев. Часто призывал его к себе для духовной беседы блаженный

Иоанн, патриарх Антиохийский, и советовался с ним не только о пользе душевной, но и о делах церковных – особенно когда в Антиохии сгорел кафедральный храм святого Петра. Патриарх сильно потрясен был сим пожаром, но Георгий словом утешения рассеял душевную его скорбь. «Отче святый! – говорил ему Иоанн, – если бы не твое сладостное слово – душа моя доведена была бы до уныния». После кончины этого кроткого пастыря место его на кафедре антиохийской заступил ученый муж Феодор Вальсамон – но вначале он не имел духовной опытности и заимствовал ее из бесед с Георгием.

Некоторые из приближенных к патриарху стали внушать ему, что земля иверская, обращенная проповедью святой Нины, была крещена патриархом Антиохийским Евстафием и его клиром и долгое время находилась в зависимости от этого престола, но впоследствии начала иметь независимых католикосов и не по праву вышла из-под зависимости антиохийской Церкви, ибо никто из апостолов лично в ней не проповедовал. Патриарх Феодор спрашивал о том блаженного Георгия и предлагал ему употребить свое влияние, чтобы внушить царям иверским снова подчинить Иверию престолу антиохийскому, угрожая в противном случае жаловаться другим вселенским патриархам, чтобы невежество народа иверского просвещено было правилами церковными. Но блаженный Георгий смиренно отвечал патриарху: «Напрасно, владыко святой, упрекаешь ты кроткий и благочестивый народ наш в невежестве: вот я, последний из братий, дам тебе за них ответ. Если сомневаешься касательно проповеди апостольской в земле нашей, вели принести книгу, называемую Странствования апостола Андрея Первозванного, и там найдешь истину».

Патриарх велел немедленно принесть из книгохранилища эту книгу, и она была принесена находившимся при нем Феофилом, родом из Грузии, который впоследствии занял кафедру митрополии Тарзской. Между тем, Георгий говорит патриарху: «Ты хвалишься, владыко святый, что занимаешь кафедру верховного апостола Петра, но мы – достояние брата его, который самого Петра призвал ко Христу. Притом проповедовал нам не один Первозванный, но и другой из апостолов – Симон Кананит, почивающий в абхазской нашей земле, в городе Никопсии; с тех пор мы твердо стоим в православии и в заповедях апостольских. Мы, если должно, будем покоряться тебе, но, владыко, – с улыбкой продолжал он, – не прилично ли и то, чтобы званный покорялся призвавшему его? Напрасно упрекаете вы нас в невежестве и легкомыслии: бывали и такие времена, когда православие потрясено было в пределах Греции и готфский епископ принужден был искать себе рукоположения у нас – в престольном городе наших царей и католикосов, Мцхете, – как описано это в синаксаре». Патриарх изумился глубоким познаниям и красноречию святого мужа и сказал своим епископам: «Посмотрите – один простой инок победил все наше собрание; будем остерегаться, чтобы он не превзошел нас не только словом, но и делом». С тех пор и Феодор Вальсамон, подобно предместнику своему, блаженному Иоанну, стал во всех церковных делах советоваться с пришельцем иверским и весь клир и народ антиохийский начали любить его и уважать, как духовного своего отца и наставника.

Между тем, все монастыри Черной горы, населенные преимущественно грузинами, напоялись очищавшим души их потоком книг святого Георгия, ибо каждая обитель переписывала для себя это сокровище. Более же всех ревновал о том блаженный Антоний Липарит, из владетельного дома князей Орбелиани, который велел переписать новый перевод Священного Писания для монастыря своего – святого Варлаама, в Абхазии. Когда весть об этом дошла до слуха благочестивого царя Баграта, он написал от себя похвальную грамоту труженику Георгию, благодаря его за совершенный труд, которым мало-помалу стали украшаться все иверские церкви; Баграт, его мать, царица Мария и сын Георгий, католикос и все епископы Абхазии и Иверии, исполненные уважения к великому

светилу, востекшему на небосклоне отечественной их Церкви, умоляли святого, письменно и чрез посланников, утешить родную землю своим присутствием, чтобы все они могли насладиться его лицезрением.

Убедительнее всех писала ему духовная дочь его, царица Мария, от лица своего сына: «Отче святый! – говорила она, – там, на Черной горе, мало наших монастырей, ибо эта страна чуждая, но царство мое обширно и славно: много в нем кафедр епископских и обителей иноческих, весьма именитых. Да возбудит же Господь святость твою придти к нам, чтобы и мы получили от тебя благословение и просвещение духовное и церкви наши исполнились животворящим потоком богодухновенных твоих книг». Но Георгий не соглашался, опасаясь молвы людской, особенно же боялся, как бы не посвятили его против желания в сан епископский. Узнав о том, благочестивый Баграт собственноручно удостоверил его, что не будет ничего сделано вопреки его воле и что одно только питает он желание – заимствовать от старца просвещение духовное и вверить себя, сына, царский дом и все свое царство святым его молитвам и духовному руководству.

Блаженный Георгий не мог долее противиться столь искренней любви царской и усердному молению, однако ж хотел, по всегдашнему своему обычаю, и на этот раз испытать волю Божию и, положив на престол два вопроса о том, идти ли ему в Иверию или нет, молитвенно взял с престола одну из написанных им хартий: жребий выпал – идти, и он стал собираться в путь. Услышав о таком решении, обрадовался царь Баграт и послал к нему собственного служителя Иоанна, с конем и нужными деньгами, чтобы святой мог взять с собой и присных своих учеников, о чем писал также патриарху и наместнику антиохийскому.

3.Путешествие Георгия в Грузию

Здесь изменяется самый образ рассказа и писатель жития как бы уже от своего лица пишет тем, кто просил его описать житие преподобного. «Здесь конец нашему слову к вышеупомянутым событиям, которые убедили нас описать жизнь святого со дня его рождения. О блаженнейший! Доселе ты знал все и только представлял, будто не знаешь жизни того, кто не скрывал от тебя ни одной йоты из сердечных своих помыслов. Теперь сообщу святыне твоей об отъезде нашем на Восток (т.е. в Иверию), и о всем, что произошло до возвращения в столицу греческую и до преставления святого. Так как ты настоятельно повелевал мне, недостойному, написать о нем что-либо приличное, то я вкратце изложил все, что мог. Слишком далек я от святости блаженного Георгия – как далек призрак от человека, но повеление твое заставляет меня описать, как мы совершили свой путь в Иверию и какова была блаженная кончина святого. Я подобен ленивому путнику, который, не дойдя до предположенного места, останавливается на пути, ибо постоянно кружусь около горы и не могу взойти на самую гору, но да будет со мною Христос, истинный Бог, и святое твое благословение, чтобы мне безпрепятственно шествовать по пути моего слова». Умолчал о себе неведомый писатель; неизвестно имя его, равно как и того лица, к кому обращена его речь, но можно предполагать, что это говорит блаженный затворник, духовник Георгия, если только был он еще жив.

Оставляя дивную эту гору, – пишет он, – мы помолились над гробницей Симеона и Марфы и в напутствие от них и от тебя получили святое благословение. Потом выехали из Антиохии и приблизились к реке Евфрату; здесь узнали мы, что по грехам нашим турки овладели всей Месопотамией и Сирией, и потому мы поворотили к Севасте, надеясь, что там все еще мирно, – однако ж турки и здесь опередили нас и сожгли город. Не ведая о

том, мы продолжали путь и едва было не попали в руки врагов; одно только милосердие Божие спасло нас, ибо отовсюду слышался нам голос: «Куда идете?», – хотя – Бог свидетель – не видно было никого, кто говорил бы нам это; предостерегал нас именно голос ангела. Оставив большую дорогу, пошли мы малыми стезями, чрез дремучие леса и непроходимые ущелья; и после утомительного странствования днем и ночью достигли наконец Кесарии, а оттуда направились уже к морю, ибо идти далее по суше было невозможно. Так вступили мы в Евхаит, где поклонились гробу святого великомученика Феодора. Местный епископ, муж святой и благочестивый, благосклонно принял нас и много беседовал с нами о спасении души. Из Евхаита пришли мы к ближайшему приморскому городу Самисону и, здесь продав своих коней, на кораблях отплыли в Абхазию, благополучно достигли крепости Поти и, поднявшись по реке Риону, прибыли в столичный город Кутаис во время виноградного сбора.

Царь Баграт в то время находился в Карталании и, едва только узнал о пришествии святого аввы, немедленно послал одного из своих сановников, чтобы последний с великой честью привел к нему блаженного Георгия. Нам сопутствовал епископ кутаисский Иларион, смиренно ставший в число учеников аввы Георгия. За три часа расстояния от столичного города Мцхета царь Баграт выслал к нам для почетной встречи архиереев и сановников своих, а сам встретил нас в дверях своей палаты. С духовной радостью принял он благословение от святого старца, ввел его за руку в палату и, посадив возле себя, сказал: «Благословен Господь! Ныне спасение всему моему царству – ибо я удостоился видеть второго Златоуста», – и все сановники говорили: «Благословен Господь, явивший нам такого мужа для спасения душ наших!» Велика была радость во всем царстве.

Спустя месяц после нашего приезда царь Баграт с помощью Божией одержал славную победу над мятежными князьями Абашидзе, которые, гордые своим богатством, силой мышцы и множеством народа, долго воевали против него и домогались взять в плен самого царя, но Баграт пленил всех пятерых, как безсильных младенцев. После того немедленно послал он за святым аввой, чтобы сообщить ему свою радость, и в духе христианского смирения отвечал на отеческое его приветствие: «Эта победа, отче святый, дарована нам твоими молитвами, ибо много раз поднимал я оружие на непокорных и никогда не имел успеха: ныне же, ради твоего пришествия, совершилось чудо и твоими молитвами возвеличилось мое царство». При этом открыл ему царь все лукавые замыслы рода Абашидзе. Так как наступала уже зима, то Баграт по своему обычаю собирался провести ее в Абхазии, на теплом помории, и просил святого Георгия сопутствовать ему, чтобы отдохнуть зиму в благорастворенном климате. Но когда достигли они обители Мартвильской, в Мингрелии, местный епископ чхондийский, бывший также учеником аввы, не пустил его далее и умолял остаться у себя на зиму.

Весной царь Баграт, возвращаясь в Карталинию, опять пригласил с собой святого старца и для его успокоения дал ему в лучших местах благоустроенные лавры: сперва – обитель Недзви, в Карталинии, а потом – знаменитую лавру Шатберди, в Кларджете, но и тут не хотел с ним расстаться и, несмотря на ежедневные свидания, не мог довольно насытиться сладостью речей из медоточивых его уст:

– Отче святый! – говорил ему царь, – для того мы и утруждали твою святость, чтобы ты исправил все недостатки и заблуждения душ наших, чтобы тайное обличил тайно, а явное уврачевал явно, без всякого лицемерия, ибо все, что ты ни повелишь, я приму как бы из уст самих апостолов.

Царь подвел к авве старшего своего сына Георгия и, вложив его руки в руки старческие, сказал:

– Вот отдаю тебе душу этого отрока и потребую ее от тебя в день судный, пред Богом.

Георгий благословил юного царевича и сказал:

– Господь да благословит тебя и в сей жизни, и в будущей, и, как некогда великому Константину, да покорит всех врагов к подножию ног твоих.

Кроме того, написал он душеполезные поучения и вручил их отроку, чтобы тот постоянно читал их, удаляясь от людей строптивых и нечестивых. Царевич с любовью принял поучения святого старца и во всем покорялся ему, как послушный сын доброму отцу.

С тех пор начали постоянно притекать к святому авве и приносить пред ним покаяние в грехах своих не только царь и католикос, но и сановники, и пресвитеры, иноки и инокини, люди богатые и бедные, и до такой степени со всех сторон обступали его, что мы едва успевали принимать пищу. Просвещенный свыше, человек Божий просветил всю свою страну, исправляя недостатки ее, тайные и явные. Первое свое обличение безстрашно и нелицемерно обратил он против самого Баграта, увещевая его, чтобы кафедр епископских не вверял он невеждам и нечестивцам, привыкшим к суете мира и скитальческой жизни, но чтобы избирал людей достойных, воспитанных в иночестве, под надзором добрых наставников, дабы молитвами их преуспевало в мире царство и миряне не было осуждены за грехи духовных. Святой старец поучал также царя о суде и правде, внушая ему, чтобы, по слову Давида, оправдывал смиренного и убогого и из лицеприятия не склонял весов правосудия, особенно же – чтобы возлюбил он милостыню, ибо милость и правду любит Господь, и чтобы начинал исправлять безпорядки с самого себя, и потом уже искоренял бы их в народе.

Подобным образом наставлял святой старец и иноков, и инокинь, и весь народ, и свои наставления предлагал в виде поучений, какие соответствовали их званию: невеждам напоминал он о нужде познания, богатым внушал милосердие, бедным – терпение, и не с пустыми руками отпускал он своих слушателей, но укреплял и восставлял он падших, спасал утопающих в волнах страстей, не допуская их до конечной гибели, и, как искусный кормчий, направлял всех к безбурной пристани.

– Знаю, святой отче, – говорит описатель жития его, – что ты желаешь узнать от меня и то, как совершилось собрание сирот и каким образом блаженный Георгий совокупил воедино такое множество их.

Сперва нашли мы, что присные великого аввы на своей родине бедствуют: это были два его племянника – сыновья его сестры и малолетние их дети. Георгий принял их, по словам Писания: *присного рода твоего да не отвергнеши.* Других сирот собрал он из чуждых мест: тех обрел в пустыне, этих выкупил из рабства или спас от погибели нравственной, и от такого падения возвел их на степень пресвитеров Христовых. Слух о том, что Георгий призревает сирот, распространился по всей Иверии, и дети начали собираться к нему отовсюду: иных приводили родители и иногда тайно оставляли детей у дверей его дома, другие сами бежали от родителей в тихое пристанище – и таким образом собралось их до сорока человек. К собранию этих сирот было много причин: во-первых, богоподражательное его милосердие, во-вторых, сильное его желание,чтобы народ еще в детстве изучал переведенное им на родной язык Священное Писание, ибо нежная природа детского возраста, как мягкий воск, удобно приемлет все впечатления, и юные ученики могли со временем сами сделаться учителями. Георгий не обманулся в своем ожидании. Была еще и третья причина: сам он, на Святой Горе, проходя сперва должность диакона, а потом настоятеля, много видел подвигов, совершаемых ее иноками, – но земля наша

далеко от этой Святой Горы: немного ученых мужей приезжало оттуда к нам, а кто и приезжал, тот в скором времени возвращался. Блаженный Георгий желал собранных им детей, как словесное стадо и чистейшую жертву, привести к святому отцу нашему Евфимию и сделать их певцами или чтецами в святой его церкви, чтобы память богоносных мужей совершалась здесь торжественно (слова эти показывают, что сам писатель жития обитал на Афоне, в лавре Иверской).

Георгий пребывал на земле иверской пять лет; многие епископские кафедры и иноческие обители переписали его перевод Священного Писания; многое исправил он в церковных обрядах и всем показал путь к вечной жизни, объяснив заповеди и церковные правила письменно и словесно. Так умножил он данный ему от Бога талант, ибо просвещение и принесение стольких душ в жертву Богу едва ли не выше было и чудного его перевода Божественных книг: блаженный Георгий довершил дело проповеди святых апостолов Андрея и Симона, ибо Первозванный прошел всю страну нашу, а Кананит совершенно вселился в ней, так как в Никопсии почивают святые его мощи[133].

В это время в наказание за грехи наши восстал из Вавилона второй Навуходоносор – султан сельджукидов Альп-Арслан, и явился в Ахалкалаки, что в Джавахетии, где были собраны все сироты блаженного отца. Однажды около полудня сидели мы в келье Георгия; внезапно на лице его выразилось сперва изумление, потом испуг, и он, сказав: «На этот город идет гнев Божий», – и немедленно велел всем собираться в путь. К вечеру мы уже вышли из города, а чрез три дня, действительно, постиг его гнев Божий: не только жители его, но и знаменитейшие сановники земли иверской – все погибли под мечом. Благочестивый Баграт впал в уныние; человек Божий словом утешения рассеял душевную его тоску, и сам царь сознавался впоследствии, что умер бы от печали, если бы не видел святого старца.

4.Кончина Георгия

Между тем, по откровению свыше, Георгий уразумел, что уже приблизилось время его кончины, и он подвигся духом идти на Святую Гору, чтобы положить кости свои там, где воссиял ему свет разума Божественных Писаний и утвердил собранных им чад в ограде святого Евфимия. Но как некогда сему великому авве, так и самому Георгию суждено было окончить дни свои не на Святой Горе, а в престольном граде.

Георгий, прежде чем предпринял последнее свое путешествие, посетил благочестивого царя Баграта, чтобы выразить ему свою благодарность за радушный прием и объявить о своем удалении; он исполнил это словами, проникнутыми Божественной мудростью.

– Государь! – говорил Георгий, – я покорился твоему повелению и оставил землю, которая не входила в план моих подвигов и где отдыхал я от многих треволнений мира; послушайся ныне и ты моего убожества и отпусти меня опять, как и прежде, в землю моего странствования, напутствуй туда твоими молитвами и благословениями, да достигну я места погребения духовных моих отцов, как некогда кости родоначальника Иакова, скончавшегося в Египте, и кости Иосифа, по завещанию их, перенесены были в землю обетованную, в общую гробницу отцов их Авраама и Исаака. Если благочестие твое что-либо приобрело от моего присутствия и устроилось твое царство, то это дело принадлежит тебе, ибо призвал меня ты, а не сам я к тебе явился. Вот и грамота твоя, некогда ко мне писанная, которой ты, как царь этой земли, обещал мне безопасность и

полную свободу: итак, отпусти меня ныне к царю вселенной, в Царьград, собирающий и упокоивающий всех тружеников.

Умилился царь и пролил много слез, со всеми своими сановниками и епископами. Напрасно старался он умолить старца, чтобы тот остался в родной земле: Георгий пребыл непреклонным. Наконец державный Баграт должен был отпустить его и отпустил с великими дарами. Все царство скорбело о нем – все как дети плакали о лишении отца своего, ибо все сановники и епископы были духовными его чадами. Царь вручил ему письмо к императору Константину Дуке, который за несколько времени пред тем просил царевну Марфу в невесты сыну своему, – и царица Мария, прощаясь с Георгием, напомнила ему о давнем его предсказании. Со святым старцем отпущены были инок Петр, бывший некогда патрикием, Аарон и другие лица, духовные и светские. Плавание их хотя было бурно, так что все опасались за жизнь, однако ж, молитвами преподобного, благополучно достигли они Константинополя.

Император обрадовался прибытию святого мужа и на другой же день пригласил его в свои палаты. Георгий приветствовал как его, так и сына его, кесаря, похвальной речью, исполненной искренности и смирения, – и державный подивился красноречию его.

– Благодарю севастоса Баграта, – сказал он патриарху Константинопольскому, – что прислал он нам человека, подобного ангелам, который хотя родом и грузин, но во всем следует обряду нашему.

Из грамоты же Багратовой еще более уверился он в достоинстве святого мужа, ибо Баграт писал, что он «посылает к нему учителя всей Иверии, уподобившегося безплотным, который своими молитвами утвердит вселенское его царство». Посему император объявил Георгию, что исполнит все его желания, и вступил с ним в духовную беседу о делах церковных и обрядах веры.

В то время при царском дворе находилось много именитых мужей из числа римлян и армян и сам последний царь армянский – Гагик, бежавший в Царьград из покоренной сарацинами столицы его Ани. Император в присутствии их расспрашивал святого старца о различии исповеданий, извиняясь тем, что, как державший всегда меч и скипетр, он мало знаком с предметами церковными, хотя по-настоящему православие должно утверждаться от царей. Константин желал знать, во всем ли согласна Церковь Иверская с православной Церковью греческой, и весьма был утешен, когда святой Георгий ясными доказательствами засвидетельствовал, что Церковь Иверская, приняв однажды православие, никогда от него не отступала. Император возблагодарил за это Бога и потом спрашивал еще о разнице, какая существует в догматах и обрядах между греками, римлянами и армянами; на все эти вопросы авва Георгий давал ему удовлетворительные ответы, так что державный, святитель и сановники изумлялись ясности, с какой излагал им Георгий самые глубокие истины и то, чего не могли изъяснить им ни римляне, ни армяне.

Архимандрит Иверской лавры и Афонской Горы Георгий находился тогда в Царьграде; этот человек, добрый и праведный, весьма обрадовался, узнав о возвращении святого Георгия, которого знал на Святой Горе.

– Благословен Бог! – говорил старец, – Сам Господь привел тебя обратно к нам; вот и монастырь твой пред тобой.

На другой день опять потребовали Георгия и бывших с ним к императору; с ними вместе предстал пред лицо царское и архимандрит. При этом державный сказал Георгию:

– Иди, благочестивый старец, опять в свою обитель и там воспитывай твоих сирот – ибо так писал нам о тебе брат наш, севастос Баграт; доброе дело, что он прислал к нам настоятеля лавры Иверской. Но покажи мне твоих сирот, чтобы я мог оказать им милость; исполню и все другие твои просьбы, какие только предложишь мне.

Наступил праздник святого Иоанна Предтечи; мы пошли в обитель Студийскую поклониться честной его главе и, приобщившись там Святых Таин, возвратились на свое подворье Ксеалон. Доселе, блаженнейший, ровен и приятен был путь моего слова, но теперь лучше бы мне умолкнуть, ибо сердце мое стесняется и руки дрожат, когда помышляю о сиротстве своем. Как опишу тебе последние дни жизни моего аввы и прощальные речи? Но, послушания ради, подвигну слабый язык мой и доскажу свою повесть.

Святой отец наш предчувствовал блаженную свою кончину, когда на обратном пути из обители Студийской начал изнемогать и когда мы думали, что это только от одной усталости, ибо святой авва имел обычай на самые отдаленные богомолия ходить не иначе, как пешком. За два дня до праздника святых Апостолов он сказал нам:

– Будьте готовы взять с собой моих сирот, чтобы представить их царю, – так как нам было уже объявлено определение царское, что сироты должны предстать пред лицо царя вне города, – в долине, называемой Филопатрос. Потом Георгий присовокупил:

– Если не увидим его сегодня, то завтра это будет уже не в наших руках, – мы не поняли тогда значения его слов.

Старец без посторонней помощи легко сел на коня и также свободно спешился в предназначенной долине, где ожидали мы возвращения царского. Когда император и сын его приблизились верхами, все мы пали на землю и пропели ему многолетие. Державный изумлен был множеством сирот и их малолетством, ибо некоторым было едва ли по семи лет, и все они были облечены в короткие монашеские мантии. Державный похвалил милосердие страннолюбивого старца.

Тут блаженный Георгий подал челобитную царю и сказал ему:

– Я собрал этих сирот в Иверии и научил их имени Божию, а ныне представил их пред лицо царского твоего величества. Воспитывай их по своему благоволению и охраняй, как молитвенников о душе твоей, ради благоденствия собственных твоих чад.

С императором стояли три его сына и царь армянский с сановниками римскими. Вручив челобитную, Георгий присовокупил:

– После Бога, предаю их тебе.

Император велел сиротам прочитать часы, чтобы испытать их в чтении, но блаженный велел им вместо того пропеть отходную песнь святого Симеона Богоприимца: *ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко* , – знаменуя тем близкое свое отшествие к Богу. Это знаменательное слово мы поняли, однако ж, только на другой день, когда старец уже скончался.

Накануне праздника верховных Апостолов, когда никто не ожидал всех нас поразившего горького удара, мы нечаянно узнали, что блаженный отец наш тихо преставился к Богу, – и никто из нас не был свидетелем мирной его кончины. Прежде все узнал о том бывший патрикий, священноинок Петр, пламенно любивший своего наставника. Исполненный скорби, пришел он передать плачевную весть императору.

– Мир державе твоей, – сказал он, – и многая тебе лета, с царственным твоим сыном! – Тот святой инок, который еще вчера вручал вам обоим сорок безприютных сирот, ныне уже сам предался в руки Божии и от царя земного перешел к Царю Небесному. Вчера он умолял тебя о покровительстве своим сиротам, а сегодня сам молится за тебя Отцу сирых, Судии вдов и Царю царей земных.

Прослезился царь и после первого изумления за все воздал хвалы Богу.

Мы положили священные останки блаженного Георгия в ковчег из негниющего дерева и отплыли морем на Святую Гору, которой благополучно и достигли. Святогорцы благосклонно приняли нас как своих присных братий, а святого отца нашего, хотя уже усопшего, – как живого наставника, ибо из прежних его учеников в лавре Иверской оставалось в живых еще много. С теми же почестями, с какими некогда встречали они блаженные останки Евфимиевы, встретили и раку Георгиеву: на руках иерейских принесли ее в церковь и поставили пред гробницей святого Евфимия, а оттуда перенесли в церковь Всех Святых, где оставалась эта рака около года, доколе не пришло повеление от патрикия Петра и достопочтенного настоятеля нашего Георгия Ольтисели, которого утвердил император в этом звании после кончины блаженного. Оба они приплыли на Гору Афонскую; в их присутствии открыта была гробница великого ктитора лавры, Георгия Торникия, и нетленные останки святого старца Георгия, вынутые из ковчега как бы совершенно живыми, положили в одну мраморную гробницу с Торникием, как останки второго ктитора лавры. Погребение их совершилось 24 мая 1067 года, но лавра Иверская установила совершать память Георгия 30 июня, в день дванадесяти Апостолов, ибо за равноапостольные его подвиги причла его к их лику как тринадцатого.

Память преподобного Гавриила Иверского[134]

Преподобный Гавриил был родом из Грузии (Иверии), отшельнически подвизался в пределах Иверской обители и за высоту своей жизни удостоился услышать Божественный глас, повелевавший ему сойти с неприступных высот, где он подвизался, на море, и принять с оного чудотворную икону Госпожи Богородицы Портаитиссы[135].

Память св. преподобномучеников иверских

Святые эти преподобномученики пострадали от папистов, разорявших святую Афонскую Гору в царствование византийского императора Михаила Палеолога (1260–1281 гг.). За дерзновенное обличение латиномудренных в ереси одни из мужественных иноков обители Иверской были ввержены еретиками в море, а другие отведены в плен.

Память их в Ивере совершается 13 мая. Общая же память св. новомучеников празднуется на св. Афонской Горе в неделю 2-ю по неделе Всех Святых.

Подробное сказание о сих св. преподобномучениках иверских см. в «Повести о нашествии папистов на Святую Гору», помещенной нами под 10 октября, во 2-й части Афонского Патерика.

21 МАЯ

Страдание святого преподобномученика Пахомия[136]

Святой преподобномученик Пахомий был родом из Малой России, сын благочестивых родителей. В молодости похитили его татары и продали одному турку, по ремеслу кожевеннику, который и увез его с собой в свою отчизну, в так называемое местечко Усаки, находящееся в области Филадельфийской (в Малой Азии). Мусульманин, научив юношу мастерству своему, всячески старался увлечь сего невинного в магометанство, но Пахомий, хорошо понимая ремесло и прилежно занимаясь им, гнушался и слышать не хотел о нечестивом учении Магомета. Напрасно неистовый турок употреблял палочные побои, угрозы и голод – юный Пахомий за благочестие выносил все это с радостью и твердостью духа. Таким образом, целых двадцать лет оставался он в рабстве и плену, служа жестокому господину с полным усердием и преданностью. Между тем, агарянин, видя, что не может подействовать на сердце мужественного юноши ни угрозами, ни побоями, ни пытками, пустился на сатанинские хитрости: у него была дочь-девица, и ее-то он задумал употребить орудием к увлечению Пахомия в отступничество от веры Христовой. Турок начал ласкать его, уговаривать и, предлагая ему в замужество дочь свою, обещался сделать полным наследником всего своего имущества, но девственный юноша с твердостью и презрением отверг ласки и предложения своего господина, предпочитая целомудрие всем сокровищам мира и повторяя в сердце своем апостольское слово: *кто ны разлучит от любве Христовы; скорбь или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или меч* (Рим. 8, 35). Наконец, господин его, видя непреклонность его мысли, освободил его и дал ему позволение идти куда хочет. Пахомий прославил Господа и уже совсем было готовился в путь, как вдруг опасно заболел. Между тем, соседние турки, узнав о всем, что происходило с Пахомием, и не желая выпустить его из своих рук, захотели самую болезнь его употребить в свою пользу. Собравшись в дом, где лежал в болезни юноша, они ложно разгласили, что во время болезненных припадков он отрекся от Христа и дал им слово потурчиться, как скоро поправится в силах. Вследствие сего, когда он начал поправляться от болезни, его насильно одели в турецкое платье, не совершив, впрочем, обряда обрезания. Как ни отвращался, как ни отрицался и как ни проклинал Магомета и его учение Пахомий, турки слышать не хотели, твердя одно, что он уже однажды навсегда отрекся от своей веры и принадлежит их пророку. Делать было нечего: Пахомий в негодовании удалился оттуда в Смирну под видом купца, и оттуда, сбросив с себя турецкое платье, отправился на святую Афонскую Гору, где, близ Свято-Павловской обители, у одного добродетельного старца Иосифа, имевшего особенный дар рассуждения, и провел двенадцать лет в послушании, приняв от него ангельский образ и исповедав все, что с ним происходило и что случилось в минувшие годы. В это самое время в Кавсокаливском ските славился чудной жизнью преподобный Акакий. Пахомий неоднократно слышал о великом его подвижничестве и, желая по силам подражать ему и научиться опытом иночеству, переселился туда, шесть лет провел под руководством преподобного Акакия, питался трудами рук своих, так что наконец и сам сделался образцом истинно подвижнической жизни и украшением своего времени. Следствием сего и было то, что все его любили и пользовались назидательным примером жизни его.

Но между тем, как таким образом Пахомий восходил от силы в силу духовной жизни, сердце его невольно трепетало, когда смущенный помысл приводил ему на мысль –-не отрекся ли он в самом деле Христа в болезненном припадке или в безпамятстве.

– Ведь без повода турки не могли же привязаться ко мне, – думал он, – и облечь меня в одежды зеленого цвета, который принадлежит собственно торжеству нечестивой их веры.

Долго не мог он преодолеть душевного своего волнения и наконец открылся в том своему духовному старцу, прося у него благословения на мученический подвиг. Старец, полагая, что это следствие гордости, а не благодатных действий Духа, укорил его, побранил и выгнал от себя. Несмотря, однако ж, на то, Пахомий в течение целого года докучал своему старцу желанием мученичества, и целый год старец бил его, уничижал и томил канонами, думая, что Пахомий страдает от духа гордости. Наконец, видя, что эта мысль не оставляет Пахомия, вместе с ним обратился с молитвой к Богу, прося открыть святую Его волю, а потом оба они обратились к советам известных тогда старцев, особенно же дивного Акакия, которые и благословили юношу на желаемый подвиг. Итак, Пахомий, в сопровождении своего старца Иосифа, отправился со Святой Горы к прежнему своему господину, в местечко Усаки. Там турки тотчас узнали Пахомия, и лишь только появился он, схватили его и представили к своему эфенди, начальнику местечка, объявляя, что Пахомий был в рабстве у их соседа и по собственной воле отрекся Христа, вследствие чего и принят ими в магометанство, и прилично одет, а теперь изменил своему слову и является в монашеском христианском платье.

– Правда ли это? – спросил эфенди Пахомия.

– Лжецы ложь и говорят, – дерзновенно отвечал святой мученик. – Даже и на мысль не приходило мне отречься Христа Бога истинного. Если бы и все безчисленные виды мук истощили они надо мною и придумали разные роды смерти, ничто не заставило бы меня никогда отречься христианской веры, которую исповедую истинной, а вашу – ложной и нечестивой!

– Терять времени и слов с тобой нечего, – вскричал в бешенстве судья, – или сбрось с себя эти одежды и, как дал прежде слово, будь наш, или ждет тебя самая мучительная смерть. Выбирай любое!

Когда святой Пахомий избрал последнее, его отвели в темницу, где он и пробыл двое суток без пищи, без пития и без утешений со стороны христианского слова. Наконец, на третий день судьи решили умертвить святого. Эту весть передал ему тюремный надзиратель. С чувством невыразимой радости, прославляя Бога, выслушал эту весть святой мученик и всю следующую ночь провел в славословии и молитвенном подвиге. Утром, когда представили его к судье для конечного истязания, Пахомий с прежним дерзновением исповедал Господа Иисуса, за что и был отдан исполнителям смертного приговора. Когда повлекли его связанного на место казни, множество турок и христиан следовали за ним: первые из них неистовствовали над страстотерпцем, оплевывая и понося его, а последние, то есть христиане, желали видеть блаженную его кончину. Тогда как в тайной молитве молился за всех святой Пахомий и, достигнув места своей смерти, преклонил колена, палач не хотел обезглавить его и шептал ему вполголоса, чтоб не губил напрасно своей жизни, а лучше отрекся бы своего Христа и наслаждался земным блаженством, которое предоставляет ему Магомет и верные его рабы.

– Делай то, что тебе приказано, – отвечал святой Пахомий, – и не теряй напрасно времени!

И святая глава дивного страстотерпца была отсечена! Таким образом Пахомий получил славный венец мученичества: святые мощи его чрез три дня взяты были христианами и честно похоронены. А палач, едва только отсек голову мученика, тотчас взбесился, кричал и испускал пену, бегал по городу и после немногих дней умер. В то время, когда так торжественно и дивно страдал за Христа святой Пахомий, старец его Иосиф скрывался, опасаясь турок; потом узнав, что ученик его усечен, прославил Господа, пришел на место, где лежало страдальческое тело его, поклонился и, заливаясь слезами, сказал:

– Итак, мой возлюбленный Пахомий, ты достиг и получил желаемое; молись же теперь Господу о мне и о всех призывающих тебя в помощь.

Когда наконец похоронили святые мощи мученика и старец его Иосиф чрезвычайно тревожился мыслью, чтоб не проведали о нем турки, и когда от этой мысли трепетал он и ужасался, является ему в сонном видении Пахомий, осияваемый небесным светом, и весело говорит ему:

– Не бойся, старец! Ты будешь охранен!

Преподобный мученик Пахомий тогда же видимо прославлен был от Бога чудесами: одна христианка из тех мест, страдая от юности головной болезнью, с верой призвала в помощь преподобномученика Пахомия и, помазав болезненные части кровью его, совершенно исцелилась от долговременной своей болезни. В признательность за то она передала на святую Афонскую Гору известие о святом мученике и об исцелении своем, прося там написать святую икону его и прислать ей в благословение, что и было исполнено, в честь и память святого преподобномученика Пахомия, в славу же Христа Бога, со Отцом и Духом Святым славимого. Аминь.

Святой Пахомий пострадал 1730 года, 8 мая, в день Вознесения; однако память его в греческих минеях (изданных в Константинополе в 1842-43 гг.) положено праздновать в 21 день сего месяца. Святые мощи его находятся на острове Патмос, в монастыре святого Иоанна Богослова.

28 МАЯ

Память преподобного отца нашего Иоанникия, архиепископа Сербского[137]

Преподобный Иоанникий, сын благочестивых родителей, еще в юности оставил мир и по любви ко Господу нашему Иисусу Христу возлюбив целомудренное житие, принял на себя монашеский образ.

Он был учеником св. Саввы Второго[138], еще до избрания его на архиепископский престол Сербской Церкви, который очень любил преподобного за его добродетельное житие. Посему Иоанникий сопутствовал своему старцу св. Савве во Святой Град на поклонение живоносному гробу Господню. В Иерусалиме, по желанию св. Саввы, преподобный Иоанникий был рукоположен во диакона и затем удостоен и благодати священства. Возвратившись затем из путешествия, св. Савва и ученик его, преподобный Иоанникий, поселились в св. Афонской Горе, где довольно времени подвизались о Господе в пустынных трудах и постничестве, претерпевая гонения и скорби, а нередко и мучения от разорявших тогда Святую Гору безбожных разбойников-корсаров. Наконец, по смотрению Божию, св. Савва пожелал возвратиться в свое отечество Сербию, взял с собой

и преподобного Иоанникия, с которым не хотел разлучаться, как со своим многолетним спостником и сподвижником. Но любовь к любезному уединению сильно влекла преподобного Иоанникия опять на Святую Гору. Страдания, принимаемые им там от варваров, преподобный вменял себе в подвиг, которым желал подражать Пострадавшему ради спасения мира – Господу. Посему с благословения преосвященного Саввы возвратился он на Афон к своим любезным трудам. По возвращении преподобный стал подвизаться еще усиленнее, так что житие его было хвалимо всеми живущими на Святой Горе, ибо видели его во всяком деле искусным и могущим послужить пользе многих, почему игумен Хиландарской лавры пожелал поставить его экономом сей обители; преподобный долго отрицался от такой многозаботливой обязанности, но, убежденный всем собором отцов, и не смея преслушаться данной ему заповеди, принял на себя сие послушание, а вскоре за тем, по желанию краля сербского, был поставлен собором Святой Горы и игуменом славной Хиландарской лавры. Немало потрудился преподобный в управлении честной Хиландарской лавры в те смутные и неспокойные времена: так Господь споспешествовал ему день ото дня скорбями и тяготами облегчиться от тяготы греховной, дабы, и владея земной властью, мог он явиться искусным во всем. Преподобный Иоанникий не оставлял своих подвигов, коим навык с молодых лет, т.е. поста, бдений и молитвы, особенно же отличался духовной любовью к братии и благосердным расположением к нищим. По прошествии довольного времени преподобный отказался от настоятельства обители и возвратился в Сербию, убегая земной власти и желая только безмолвия. Но справедливо изречение, что горящий светильник не может укрыться под спудом. Ибо кого Господь любит, того и царства земные славят при жизни и по смерти, память такового пребывает с похвалами в род и род.

Преподобный Иоанникий, по воле краля Уроша, желавшего воспользоваться его духовной опытностью, был поставлен игуменом лавры Студеницы, созданной преподобным Симеоном Неманей, где и св. мощи его почивают. Вскоре за сим преставился наставник преподобного Иоанникия, преосвященный Савва Второй, архиепископ сербский, по кончине коего возведен был на архиепископскую кафедру Даниил Первый, недолго управлявший сербской Церковью и удалившийся с кафедры по недовольству им правившими тогда Сербией. По удалении его выбор краля Уроша и всего освященного собора пал на преподобного игумена Студеницкой лавры. Таким образом, прияв богодарованную власть святительства, блаженный Иоанникий начал прилагать труды к трудам, исправляя недостатки, вкравшиеся в сербскую Церковь за время управления ей предшественников. Благоверный краль Урош любил очень преосвященного Иоанникия, и Сербия в правление его начала отдыхать было от смут и пользоваться миром, но искони ненавистник рода христианского – диавол – подвиг на зависть на сего благочестивого владетеля сына его Стефана краля, который отнял у отца престол. Последовавшие за тем гражданские смуты Сербии имели последствием своим замешательство и в церковном управлении. Когда краль Урош изгнан был из королевства[139] и удалился в страну Хлумскую, то и блаженный архиепископ Иоанникий, любивший нелицемерно своего краля и обещавшийся не разлучаться с ним до смерти, оставив свой святительский престол, последовал за кралем и там вскоре перешел от временной жизни в жизнь нескончаемую. Сербская Церковь, уважавшая блаженного Иоанникия, не хотела признать никого первосвятителем своим, прежде чем отдана была должная почесть почившему на чужбине первосвятителю. Краль Стефан Урош с матерью своей Еленой исполнили желание Сербии. Через два года и девять месяцев они озаботились перенести св. мощи его в Сербию. Когда открыли гроб блаженного Иоанникия, тело его оказалось нетленным, и его с почестями положили в Сопочанском монастыре, вблизи тела краля Уроша. Тогда уже приступили к избранию нового первосвятителя, и преемником св. Иоанникию был избран блаженный Евстафий[140].

Память преставления святителя Иоанникия – 28 мая. Он правил сербской Церковью по св. Савве четыре года, ныне же ликует на небесах со ангелами, непрестанно славя Пресвятую Троицу Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

(Память святителя вторично в общей службе свв. сербским святителям и учителям – августа 30).

2 ИЮНЯ

Житие и страдание святого новомученика Константина[141]

Святой Константин родился на острове Митилине, в селении Псилометопон, от магометанских родителей. Но Бог, Который зрит не на лица, а на сердца человеческие, провидел в сем детище, еще во утробе материнской, имеющее быть доброе его сердце, почему и предъизбрал его в число Своих избранников. Это можно видеть из того, что детище от младенчества уже показывало будущее свое назначение, ибо питалось грудью материнской только однажды в день и во весь период своего младенческого возраста было тихим, так что никогда не слыхали его плачущим, тогда как естественно младенцам плакать, особенно когда они ощущают голод. Но сей Богом избранный младенец своей тихостью удивлял не только свою мать, но и всех соседей. И таким образом возрастал до отроческих лет.

Между тем, и всезлобный диавол, испокон веков ведущий непримиримую брань против человечества, по своему предчувствию предвидел, что хотя отрок рожден турком, но благость Божия за доброе и нековарное его сердце приведет его к себе, а потому и вооружился к погублению его. Козни вражеские начались с того, что он внушил одной женщине, жившей в соседстве с матерью отрока, намерение в коварном ее сердце умертвить несчастного отрока.

Итак, в один день, она пришла к матери отрока под видом будто бы гостить и, между прочим, стала просить, чтобы она отпустила с ней для прогулки своего сына. Мать, не подозревая коварства злобной женщины, согласилась отпустить сына, и, таким образом, отрок ушел с ней на прогулку, не думая о том, что эта самая как будто бы добрая женщина в сущности есть орудие диавола, желающая ни за что умертвить его. Когда они вышли за город, она дала отроку заранее приготовленные с ядом сласти, и как только он съел их, то тотчас же яд начал оказывать свое действие: глаза у несчастного разболелись до того, что он ими не мог ничего видеть, и во всех членах проявилось расслабление.

Когда злобная женщина больного и расслабленного отрока привела к матери, то та удивилась, от чего бы так скоро мог разболеться сын ее?

Приписывая болезнь сына делу случая, она пригласила врачей, которые при употреблении разных средств, видя, что болезнь не уступает никаким снадобьям, отказались от дальнейшего лечения. И таким образом отрок страдал три года. Но к этому горю приложилось еще другое: несчастный заболел оспой, от которой лишился совершенно зрения. Болезнь усилилась до того, что больного готовили уже к смерти. Но всемогущий Бог, не хотящий смерти грешника, видя незлобие и терпение отрока, восхотел спасти его по Своей великой милости – изведя из тьмы мусульманской, привести к истинному свету христианской веры. Пути Промысла Божия начались так.

Одна благочестивая христианка, жившая неподалеку от дома матери больного, пришла навестить его. Утешая больного и скорбящую его мать, она по внушению свыше, будучи движима чувством сострадания, стала просить позволения снести больного в христианскую церковь и там погрузить его в святую воду, причем сия благочестивая жена сказала, что она уверена, что Бог наш, сотворивый небо и землю, исцелит его. Мать, будучи поражена горем, согласилась на ее предложение; та же, тотчас взявши отрока, понесла в церковь, где омыла его святой водой, после которой больной совершенно выздоровел и прозрел одним глазом, но другой остался несколько закрытым, по неисповедимым судьбам Божиим, устрояющим вся премудростью Своей. После этого чуда бывший больной, которого на руках принесли в церковь, теперь уже сам пришел домой, где встретила его удивленная мать и, прославив Христа Бога, переменила скорбь на радость.

Спустя несколько времени мать его, будучи уже несколько лет вдовой, вышла замуж за другого и потом переселилась с мужем и детьми своими в Анатолию, в город Магнисию. Но, однако, в этом городе они оставались недолго, так как отчим оказался пьяницей и буйного характера, который часто и жестоко бил своих пасынков; вследствие этого семейного разлада мать сих несчастных детей бросила вздорного мужа и вместе со своими детьми переселилась в Смирну.

В Смирне старший брат Константина сделался ювелиром, а он – разносчиком зелени и плодов, с которыми довольно часто заходил в митрополичий дом, где по временам вступал в беседы, а также и сам вслушивался в разговор других и таким образом изучил греческий язык. Имея постоянные сношения с христианами, он при содействии благодати Божией начал чувствовать в своем сердце склонность к христианской вере. Окончательное же решение уверовать в Иисуса Христа произошло по следующему обстоятельству.

Однажды Константин, будучи в митрополичьем доме, встретился там с духовником, которого попросил, чтобы он что-нибудь прочитал ему из христианских книг. Духовник исполнил желание юноши, прочитал ему нечто из Священного Писания, которое, подобно искре, пало в юное сердце и воспламенило в нем огонь Божественной любви, так что от сладости оной он положил твердое намерение бросить мусульманскую веру и приобщиться к Христовой Церкви.

В это самое время в Смирне свирепствовала сильная чума. Боясь заразы, он с двумя своими товарищами христианами, к которым питал братскую любовь, отправился в церковь святого великомученика Георгия; здесь думали они быть спасенными как от заразы, так равно и от смерти. Вера их, действительно, спасла их от смерти, но, к сожалению, лукавый враг уловил бедного Константина, и он впал в блуд. Вследствие падения он уже не стал ощущать в своем сердце прежней теплоты, а вместо оной явилась холодность и пустота, которые, однако, не долго продолжались, так как человеколюбец Бог не оставил Своего избранника, – подал ему руку помощи, и несчастный юноша скоро пришел в себя и, почувствовав сердечную пустоту, начал раскаиваться и горько оплакивать потерю сердечного утешения и девственную чистоту. А чтобы в другой раз не увлечься и не впасть в любострастие, он, не сказавшись никому, уехал на святую Афонскую Гору. Здесь он остановился в новом ските, где, прожив пятнадцать дней, открылся одному иноку, что он магометанин и желает принять христианскую веру. Инок немедленно отправился в обитель святого Павла, рассказал тамошним старцам о Константине и о желании его приобщиться к Христовой Церкви. Старцы почему-то отклонили от себя это дело и посоветовали ему обратиться в лавру святого Афанасия. Горько было слышать бедному юноше отказ старцев; впрочем, покоряясь необходимости,

отправился он в лавру. Пройдя несколько часов, он почувствовал усталость и, будучи управляем Промыслом Божиим, вместо лавры пришел в Кавсокаливский скит, где с отеческой любовью был принят дикеем Гавриилом. Константин, видя ласковость и доброту благочестивого старца, открыл ему свое намерение – креститься.

– Дерзай, чадо, – сказал старец, – Бог исполнил твое желание, только ты имей терпение.

И, тотчас же созвав скитских старцев, открыл им намерение юноши, требуя их совета. Но старцы решили, что так как их обитель и они зависят от лавры, то необходимо в столь важном деле отослать туда, и таким образом отправили его в лавру. Но и в лавре, как только узнали, что он турок, также не решались крестить его, боясь подвергнуться опасности со стороны турецких властей, а потому, отклонив от себя это дело, подобно кавсокаливским старцам отправили его в Иверский монастырь, к изгнанному святейшему патриарху Григорию V, пребывавшему там на безмолвии.

Видя везде неудачи, юноша горько заплакал и всю ночь провел в слезах и без сна, и только лишь к утру немного успокоился. В это время он видит во сне подошедшую к нему Пресвятую Деву Богородицу, сияющую неизреченным светом, Которая тихим гласом сказала ему:

– Не печалься, но ступай опять в Кавсокаливский скит, и Сам Бог, Сын Мой, к Которому ты хочешь прийти, позаботится о тебе и устроит все во благо.

От этих слов юноша пробудился, но пред ним уже никого не было. Не медля нимало, он пошел в скит и там рассказал дикею Гавриилу о бывшем видении. Удивленный рассказом юноши и тронутый его слезами, старец отправил его к патриарху с одним из скитских братий.

Когда юноша пришел в Иверскую обитель и явился к святителю Григорию, то, упав к ногам его, начал со слезами просить патриарха крестить его в христианскую веру. Патриарх хотел испытать его и сказал ему:

– Зачем ты, юноша, пришел к нам – угнетенным? Чего ты ищешь от нас, бедных, как сам ты видишь? Не мы ли унижены более всех народов? Не в ваших ли руках власть, слава и все блага земные? Как же ты один недоволен и презираешь те временные земные наслаждения, которых так ищут прочие? Итак, одумайся лучше, смотри, чтобы после не пожалеть и не раскаиваться о том, что еще не сделано.

Не отвечая ничего святителю, юноша с опущенной вниз главой горько заливался слезами…

– Что же ты ничего не отвечаешь? – спросил патриарх, желая еще более испытать его.

Вместо ответа юноша уже начал рыдать; это рыдание тронуло святителя, который ласково сказал ему:

– Успокойся, чадо, и иди обратно в Кавсокаливский скит, и так приготовляйся к крещению, которое я сам совершу над тобой, только до того времени никому не объявляй, кто ты.

После этого патриарх огласил его с наречением имени Михаила.

По возвращении в Кавсокаливский скит Михаил приготовлял себя к великому Таинству крещения шесть месяцев. В это время диавол и на малое время не давал ему покоя, смущая его помыслы и всевая в них страх, и чтобы он бежал из Афонской Горы, а иногда наводил и мечтания. Но Михаил, будучи укрепляем благодатью Божией, и за молитвы старцев, твердо стоял в своем убеждении. Вражеские искушения не вредили Михаила еще и оттого, что часто приходили к нему братия, ради утешения, и таким образом укрепляли его против вражеских стрел. Подобного рода посещения не нравились диаволу, ибо он видел, что братия укрепляют Михаила и этим разрушаются все его козни, а потому, чтобы отклонить их от посещений, демон явился чувственным образом. Так, в один вечер, пришел навестить Михаила один брат, по имени Герасим, и после долгого разговора Михаил стал просить Герасима остаться у него ночевать. Брат согласился и, когда Герасим стал читать Священное Писание для утешения Михаила, то в это время демон постучал в дверь, прося, чтобы его впустили. Полагая, что это кто-либо из братии, они вышли, но, не увидев никого, смутились, впрочем снова вошли в келью, и Герасим продолжал прерванное чтение, но, спустя немного времени, диавол опять пришел и уже пытался сам отворить дверь, что невольно привело их в страх, а когда они снова вышли за дверь кельи, то опять никого там не было. Тогда они, познав козни лукавого диавола, хотящего навести на них страх, пали пред иконой Богоматери и начали пред ней молиться, а потом легли спать и, будучи охраняемы покровом Преблагословенной, мирно препроводили ночь.

Между тем, приблизилось и назначенное время, когда должно было быть совершено над Михаилом крещение, и когда ему объявили об этом, то великой радости исполнилось его юное сердце. Во время совершения Таинства святого Крещения, когда Михаил погрузился в купель и были произнесены слова молитвы: «крещается раб Божий Константин во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», в это время лицо его так просветилось, что невозможно было смотреть на него, и в то же время глаз его, которым он до этого ничего не видел, совершенно исцелился. Видя это, братия возблагодарили и прославили Бога, творящего дивные чудеса!

Спустя несколько времени после крещения Константин стал проситься у старца сходить в Иверский монастырь, поклониться иконе Богоматери Вратарнице и поставить, по обещанию, свечу пред святой Ее иконой. Получив благословение, он отправился туда с одним иноком из скитской братии. Поклонившись святой иконе, они на обратном пути зашли в Предтеченский скит, так как еще до этого Константин слышал, что там безмолвствует великий старец-духовник, который недавно предпослал ко Господу трех своих учеников, пострадавших за исповедание имени Иисуса Христа, и что части святых мощей их находятся в этом скиту. Увидя святые мощи, он с благоговением поклонился и облобызал их, и в этот момент у него радостно забилось сердце и родилось желание идти путем сих святых преподобномучеников, ревновать их житию и потом пострадать за любовь Иисуса Христа, изведшего его из мрака к свету истинного познания.

Духовник, беседуя с Константином о пользе душевной, между прочим рассказал ему и о страданиях святых преподобномучеников своих учеников, отчего у Константина еще более согрелось сердце и утвердилась мысль пострадать за Христа.

Возвратившись в скит к своему старцу, он был смущен от повлиявшего рассказа, так что его смущение не могло утаиться от опытного старца, который сразу подметил, что у Константина на сердце неладно и что-нибудь сильно его смущает, а потому ласково спросил, почему он так смущен и что за причина его смущения.

– О, отче! – со вздохом отвечал Константин, – как же мне не печалиться и могу ли я быть покойным, тогда как истинные рабы Христовы кровью засвидетельствовали свою веру, я же что принесу в дар Господу моему Иисусу Христу? Какие плоды моей веры, моей любви к Нему? Признаюсь тебе, отче, что с тех пор, как я был в Предтеченском скиту и лобызал святые мощи преподобномучеников, положил намерение последовать их стопам; с тех пор мысль об этом не дает мне покоя и постоянно преследует меня. Итак, благослови, отче, меня пострадать за Христа!

– Благословен Бог, чадо, – отвечал старец Гавриил, – если это угодно Богу, то Он Сам, имиже весть судьбами, исполнит твое желание.

Но Константин оставался непреклонным в своем намерении. Тогда старец, видя, что трудно разубедить юное сердце, в которое запала и возгорелась мысль о мученичестве, назначил ему пробыть сорок дней в затворе, подвизаясь в бдении, посте и молитве – в надежде, что в это время Сам Бог откроет ему полезное. Истинный послушник с радостью принял заповедь старческую, поселился в безмолвную келью и от всего сердца смиренно молил промыслителя Бога явить ему, благоугодно ли его намерение святой Его воле. В первую же ночь своего затвора, кода он после продолжительной и усердной молитвы заснул, то увидал во сне, будто бы он находится в церкви святой Софии, потом вдруг открывается церковный купол, и он увидел во облаках Господа Иисуса, окруженного множеством ангелов. Из числа их один отделился и, приблизившись к Константину, взял его за руку и хотел вознести к Господу.

– Оставь его, – послышался глас Господа, – рано еще, – и Константин пробудился.

Когда этот сон он рассказал старцу, то тот заметил ему кротко:

– Из этого видно, что нет еще тебе воли Божией на подвиг мученичества, – и посоветовал ему подвизаться и быть в послушании, чрез что и без мученичества возможно спастись.

И таким образом Константин покорился старцу и успокоился на долгое время. Но однажды, когда он в церкви слушал чтение, в его сердце запали слова: *аще изведеши честное от недостойнаго, яко уста Моя будеши* (Иер. 15, 19). Эти священные слова он относил как бы к самому себе, а тайная мысль подсказывала ему идти в город Магнисию и проживающую там свою родную сестру обратить в христианскую веру. Запавшая мысль не давала ему покоя, а потому, будучи не в состоянии долее бороться с ней, он открыл старцу свой помысл, равно и желание последовать оному для спасения своей сестры. Но старец, находя это дело выше своих сил, послал его в скит святой Анны к духовнику иеромонаху Иоасафу и при этом сказал ему:

– Что бы ни сказал духовник, прими как бы из уст Божиих и вполне последуй его совету.

Когда Константин пришел к духовнику и открыл ему свое намерение, то духовник не только не отклонил его от доброго намерения, но с любовью благословил совершить добрый подвиг. К этому христианскому делу сочувственно отнеслись как святые отцы Горы Афонской, так равно и патриарх Григорий, которые, кроме благословения, дали ему и рекомендательные письма в Магнисию, к представителям тамошней церкви, и в особенности Кидонийскому дидаскалу (наставнику) Григорию, чтобы он принял Константина с отеческой любовью и споспешествовал бы ему благополучно окончить похвальное дело.

И таким образом, простившись со старцами, он оставил Св. Гору и вскоре прибыл в Кидонию, где вручил рекомендательные письма, и вследствие оных познакомился с некоторыми христианами. А так как в то время не случилось быть судну, плывшему в анатолийские пределы, и приходилось дожидаться, когда будет случай, то, чтобы время ожидания не проводить праздно, он занялся овощной торговлей.

Однажды Константин, во время торговли, узнан был чиновником Кидонийского аги, который знал Константина еще в то время, когда он был магометанином. А чтобы не ошибиться, турок стал тайно расспрашивать о нем его соседа, торговавшего с ним рядом, но тот сначала уклонился от прямого ответа, а потом сказал, что вовсе не знает его. Вечером же, когда все стали расходиться по домам, сосед тайно начал спрашивать Константина, неужели правда, что чиновник аги уверяет, будто бы он родом турок.

– Нет, – отвечал смутившись Константин, – он ошибся, вероятно принял меня за другого, но я чистый христианин.

Обстоятельство это так смутило Константина, что он от страха безпокоивших его помыслов не мог заснуть всю ночь, а с наступлением утра решился бежать куда-нибудь из этого города.

Лишь только наступило утро, Константин пошел к морской пристани, где матросы одного судна, предназначенного к отплытию в Смирну, запасались пресной водой. Условившись о плате, он спрыгнул в лодку, чтобы на ней доплыть до судна, но в это время раздался с берега голос турка, который требовал выдачи Константина. Устрашенные матросы безпрекословно повиновались и выдали Константина туркам.

Как только привели Константина к аге, тот спросил его: «Кто ты такой, откуда пришел в наш город и как зовут тебя?»

– Я издалека, еду в Анатолию, исповедую христианскую веру, а имя мое Константин.

– А если найдется здесь человек, который обличит тебя и докажет, что ты турок?

– Едва ли это возможно, потому что я христианин.

В это время приступил чиновник аги и, обращаясь к Константину, сказал:

– Напрасно силишься доказать, что ты не турок! Да не ты ли брат смирнского турка-ювелира? А я это очень хорошо знаю, и никто меня в этом не разуверит.

Тогда Константин, видя, что все это случилось по Божиему смотрению и что наконец настало время предать себя на мучение, мужественно отвечал:

– Да, действительно, я был турком, но недолго находился в беззаконной мусульманской вере, ибо Господь мой Иисус Христос по Своей великой милости извел меня из тьмы и привел к истинному свету, теперь же попираю вашу веру со всеми обрядами, которая ведет всех ее последователей в вечную погибель.

Слыша хулу своей веры, ага приказал бить Константина и потом заключить в темницу, пока обдумает дальнейшую его участь. Между тем, он написал к Мосхонисийскому паше, прося его приехать немедленно по весьма важному делу. Паша не замедлил приездом, и тотчас же собрались судьи для производства над Константином суда.

– Одумался ли ты, несчастный? – спросил его паша. – Если останешься в нашей вере, то проси чего тебе угодно: богатства ли, чести ли и прочего; все тебе будет доставлено, только останься верен великому пророку.

– Смешно даже слушать! Вы люди сановитые, а такую несете чушь, что и ребенок того не скажет, – с улыбкой отвечал мученик. – Например, вы называете великим пророком того лжеца, который погиб, да и все те погибнут, которые последуют ему и веруют, как в пророка, но я его проклинаю, а ваше богатство и честь, которые вы мне обещаете, вменяю ни во что, так как богатство, честь и слава моя Иисус Христос, от Которого никто и ничто не может отлучить меня.

– Если так, – грозно сказал паша, – то мы сумеем заставить тебя оставить твое заблуждение, – и приказал бить мученика по пятам палками, а потом бросить в темницу. Во время заключения в темнице страдальца Христова посетили тайно от турок некоторые благочестивые христиане, которые утешали и укрепляли святого благодушно терпеть мучение и твердо стоять в исповедании имени Иисуса Христа, Который уже готовит ему мученический венец и Царство Небесное.

В это время, слыша о страдании Константина, один цыган, кузнец, известный своей зверской злостью, пожелал потешиться над человеком Божиим, а потому, явившись к аге, сказал: «Если ты дашь в мою власть того христианина, которого вчерашний день мучили, то я уверяю тебя, что он отречется от своего Христа и уверует в великого пророка Магомета. Опыты мои вполне заслуживают доверия, так как десять лет тому назад я испытал их над одним христианином Георгием, который, хотя и не отрекся от Христа, но все-таки умер самой злой смертью». Ага с удовольствием согласился на предложение цыгана и отдал в его власть страдальца Христова. Злобное исчадие ада, цыган, начал производить свои пытки с того, что вначале надел на голову святого мученика раскаленный железный шлем, от чего дым выходил из ноздрей страдальца. Потом свинцовыми шарами он так стиснул виски и череп, что у мученика глаза выступили из своих орбит. Все эти адские мучения святой терпел благодушно: сердце его, поглощенное любовью к укрепляющему его Христу, было чуждо страданию тела; любовь Божия заглушала лютую болезнь мучения, а потому мученик оставался тверд и непоколебим. После этих мук опять бросили его в другую темницу, находившуюся в мрачном подземелье, забив ноги в тяжелые колоды. Во время страданий в последнем заключении некоторые христиане видели ночью яркий свет, который исходил из храма св. новомученика Георгия и проникал в темницу Константина. По прошествии нескольких дней святой мученик опять представлен был в судилище, где его спросил ага:

– Теперь скажешь ли нам, кто ты такой и одумался ли ты в отношении нашей веры?

Вместо ответа святой как бы с укоризной сказал судьям:

– Люди ли вы или звери? Привели на суд человека всего окованного и связанного, или вы боитесь, что я могу убежать из ваших рук? Успокойтесь! Я весь перед вами, делайте со мною что хотите: режьте, жгите мое тело, но я остаюсь в исповедании истинной веры и все претерплю за любовь Господа моего Иисуса Христа. Итак, развяжите мне руки и потом посмотрите на меня – кто я? – Ему развязали руки и Константин пред всеми сотворил крестное знамение. – Теперь вы видите, кто я! – громко воскликнул святой Константин.

Твердое исповедание святого привело в ярость бывшего тут Мосхонисийского пашу, и он, вскочив со своего места и обнаживши меч, вонзил его в грудь мученика крестообразно,

говоря: разве так объясняются с судьями? В тот самый момент, когда от удара мечом разодралась одежда мученика, то на груди его блеснул, как молния, золотой крест; видя это, судьи еще более ожесточились и приказали бить его бичами, а потом, заковав все тело с ног до самой шеи тяжелыми цепями, бросили в темницу. Жестокое мучение, претерпеваемое мучеником, сильно тревожило кидонийских христиан, которые опасались за юного страдальца, боясь, чтобы он не изнемог духом, особенно же опасался этого дидаскал Григорий и для утешения и укрепления святого посылал тайно в темницу ученика своего Иоанна, который до этого жил несколько лет на святой Афонской Горе.

Опасения благочестивых христиан были вполне справедливы, так как кроме телесных страданий на мученика Христова вооружился и всезлобный диавол, наводя на него, особенно ночью, страхования, стараясь поколебать его. Так, иногда он являлся пред ним в виде женщины, иногда в виде эфиопа, собаки или быка, но все это сатанинское мечтание непобедимый воин Христов отражал мужественно. А когда пришел к нему Иоанн, то после его беседы он еще более стал ни во что вменять все козни диавольские. Благочестивые же христиане по церквам Божиим усердно о нем творили молитвы, дабы Господь укрепил мученика до конца совершить подвиг. В следующую ночь святой мученик удостоился посещения Богоматери, Которая, явившись к нему, сияя неизреченным светом и небесной славой, сказала кротким и тихим голосом:

– Радуйся, Константин, верный служитель Сына Моего и Мой избранниче! Молитва твоя услышана: Я пришла утешить тебя и возвестить, что Сыну Моему угодно, чтобы ты страдальческий твой подвиг окончил не здесь, а в Константинополе. А жителям города сего объяви, чтобы они умоляли Бога не о тебе, а лучше бы молились за себя, ибо грехи их превзошли долготерпение Божие и Сын Мой в праведном Своем суде положил истребить их с лица земли, как некогда Содом и Гоморру, потому что грехи их вопиют на небо, и гнев Божий не замедлит, всегубительство огня уже близко. Грешники эти молятся и о бездождии, но ради твоих молитв пошлется им на землю дождь тогда, когда ты вступишь в корабль к отплытию в Константинополь.

Предсказание Преблагословенной действительно исполнилось, ибо Кидонийский градоначальник, не желая сам решать дело мученика, отправил его в Константинополь к высшему правительству, и как только святой вошел в корабль, то тотчас пошел проливной дождь.

По прибытии в столицу святого послали на каторгу, где производились самые тяжкие работы и пытки. А когда надзиратель узнал, что он был прежде магометанин и принял христианскую веру, то приказал его бить по пятам палками и потом ввергнуть в темницу. Сидя в темнице, святой мученик просил посещавших его тайно христиан прислать к нему духовника. Духовник не замедлил и вскоре пришел навестить мученика, беседуя же с ним, смутился, видя его юного и немощного, а потому боясь неизвестности конца, сказал ему:

– Хорошо, Константин, исповедание имени Иисуса Христа, но мучения турок ужасны. Итак, испытай себя, если тебя устрашают муки, то при помощи Божией мы выручим тебя отсюда.

– Что ты говоришь, отец духовный? – с удивлением отвечал ему святой. – Посмотри на мое тело! И, обнажив ноги, он показал духовнику пахи.

Духовник невольно содрогнулся, увидя ноги разорванными на два пальца, раны эти возникли еще в то время, когда ноги его забивались в колоды. Да и самое лицо его и

подошвы ног были изъязвлены от побоев палками. Духовник, видя раны и мужественное терпение, удивился подвигу юного страдальца.

– Смотри, отче! – сказал ему строго мученик, – не вздумайте золотом и подарками выкупить меня на свободу. Сохрани вас Бог от этого! При том знай, что чрез несколько дней я окончу свой подвиг, как открыла мне о сем Пресвятая Богородица. А тебя прошу: сходи к патриарху Григорию[142], который знает меня и молится обо мне. Скажи ему, что ты видел меня и что увидишь еще впоследствии. После сего духовник преподал мученику благословение и они расстались с миром.

На другой день снова потребовали святого мученика в судилище, и судья, видя, что святой и после жестоких пыток и обещаний всевозможных благ остается тверд в своем исповедании, осудил его повесить. И таким образом святой страстотерпец Христов Константин течение мученического подвига скончал 2 июня 1819 года, и святая его душа, как благоуханная роза, процветшая из терна, отлетела в небесные обители, оставив многострадальное тело, которое терзали мучители целых сорок дней.

Опасаясь появления ревнителей подвигам святого мученика, ведь пример обращения Константина в христианскую веру мог подействовать на других, а также, чтоб и христиане не стали хвастать, что имеют святые мощи мученика, обратившегося из магометан, турки не позволили никому взять его тело, считая для себя стыдом, что бывший их единоверец будет почитаться христианской Церковью, а потому похоронили его тайно на мусульманском кладбище. Вскоре после этого весть о мученической кончине дошла и до святой Афонской Горы, и благочестивый старец мученика, дикей Кавсокаливского скита Гавриил, послал одного из своих учеников в Кидонию собрать сведения о страданиях святого страстотерпца. Собрав нужные сведения, посланный оттуда отправился в Константинополь, где, к несчастью, при всем старании не мог найти святых мощей мученика, а только приобрел часть его одежды, с которой, как с драгоценным сокровищем, прибыл на Святую Гору в Кавсокаливский скит, где святой мученик подвизался.

Господь Бог, прославляемый в памяти святых Своих, даровал и сему угоднику Своему дар чудотворения, от прикосновения к его одежде, обагренной кровью. Так, у одного послушника в Кавсокаливском скиту, в то самое время, когда принесена была в скит одежда мученика, сильно разболелась голова. Когда узнал брат, принесший одежду святого, о головной болезни послушника, пришел к нему с оной, и когда обложена была голова одеждой мученика и в таком состоянии больной пробыл всю ночь, то на утро головная боль совершенно прекратилась. Другой брат, страдая зубной болезнью, с верой призвал в молитве имя святого мученика, и по вере болящего брата тотчас последовало исцеление! А один иеромонах, у которого умственные способности так были расстроены, что он уже близок был к совершенному помешательству, едва только прикоснулся с верой к одежде святого Константина, то полностью выздоровел. – Молитвами святого мученика Константина, да сподобит и нас Господь Бог получить Царство Небесное. Аминь[143].

11 ИЮНЯ

Память неизвестного по имени инока, удостоившегося явления Архангела Гавриила

В похвальном слове просиявшим на Святой Горе Отцам[144] блаженной памяти Никодим Святогорец упоминает и того, не известного по имени блаженного *инока* , который, живя

в подчинении у своего старца, сподобился страннопріять в своей келье самого Архангела Гавриила и услышать от него умилительный гимн Богоматери: «Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную, и Матерь Бога нашего…» и проч. Явление это совершилось в царствование братьев-царей Василия и Константина, называемых порфирородными, сыновей Романа Младшего, в патриаршествование Николая Хрисоверга (984–995 гг.), а повесть о явлении Архангела написана протом Святой Горы иеромонахом Серафимом Фииполом в 7056 (1548) году[145]:

Недалеко от Кареи, на отлогом месте между иноческими хижинами стоит одна келья с небольшой церковью Успения Божией Матери. В этой келье жил некий священноинок с послушником. Случилось так, что старец, пожелав выслушать всенощное бдение на воскресный день в Карейском храме, отправился туда, а благочестивый ученик, получив от него заповедь совершить службу дома, остался стеречь келью. При наступлении ночи он вдруг услышал стук в двери кельи и, отворив, увидел незнакомого инока, которого и принял с приветливостью и почтительностью. Когда настало время совершения службы, они оба начали со страхом и благоговением возносить к Господу Богу молитвенные песнопения: ночная служба текла своим порядком. Оканчивая канон, став пред иконой Божией Матери, они начали воспевать Честнейшую Херувим и Славнейшую Серафим. Домашний инок, полный сердечного благоговения ко Всепетой, пел обычную древнюю песнь св. Косьмы, епископа Маиумского: «Честнейшую Херувим» и проч. до конца, но дивный гость его, давая умилительному гимну иное начало, ангельским голосом пел так: «Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную, и Матерь Бога нашего», – и к этому прибавлял: «Честнейшую Херувим» и проч.

– Чудно! – воскликнул домашний певец, растроганный до слез новой песнью и вместе с тем удивленный необычайностью слышанного в первый раз гимна, – чудно! Но мы поем только: «Честнейшую», а такой песни: «Достойно есть» ни мы, ни предки наши не слыхали до этого времени. Впрочем, – говорил он дивному незнакомцу, – прошу тебя, напиши мне эту песнь, чтобы и я мог таким же образом величать Богородицу.

– Хорошо, – отвечал незнакомец, – дай мне бумаги и чернил, я напишу тебе для памяти эту песнь.

– Прости, брат! – говорил в духе смирения и простоты домашний инок. – Мы, занимаясь молитвой и рукоделием, редко нуждаемся в бумаге и чернилах, а потому теперь нет ни того, ни другого.

– Так принеси мне, по крайней мере, какую-нибудь каменную плиту, – сказал явившийся.

Когда инок подал ему плиту, то незнакомец перстом своим начал писать на ней всю вышеупомянутую Богородичную песнь. Начертав на камне четко и ясно все слова песни, он подал его иноку и сказал:

– Отныне навсегда так пойте и вы, и все православные христиане, – и мгновенно стал невидим.

Это был Архангел Гавриил. Радостный трепет объял смиренного инока при виде чудесно исписанной каменной доски. Несколько раз перечитывая слова священной песни, он вытверживал их, и на рассвете новая песнь звучала в устах благочестивого отшельника. Старец, возвратившийся домой, был поражен новостью песни и спрашивал своего послушника: откуда он научился так петь? Тогда он рассказал старцу все случившееся,

показал и самую доску с чудесным начертанием. Старец внимательно выслушал необычайный рассказ ученика своего о явлении в келью незнакомого посетителя, долго и с изумлением рассматривал исписанную Архангелом плиту и несколько раз перечитывал чудесные письмена. Потом оба они, взяв камень, показали его собору старцев и известили их о подробностях чудного события. Тогда все едиными устами и единым сердцем прославили Господа и Пречистую Матерь Его и воспели Ей новую песнь. С этой поры Ангельская песнь «Достойно есть» вошла в православной Церкви в общее употребление, а та икона, пред которой она была воспета Архангелом, перенесена в соборный Карейский храм, где она и доселе видима в алтаре на горнем месте. Каменная плита, на коей начертана была Ангельская песнь, доставлена была в Константинополь патриарху и царю, при донесении о случившемся. Келья в память этого чудесного события и поныне известна на Святой Горе под именем «Достойно», а самое событие воспоминается и празднуется на Афоне 11 июня[146].

12 ИЮНЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Петра[147]

Святой Петр был родом из Царьграда. О имени и звании его родителей нет достоверных исторических сведений, а сам он был одним из схоластиков[148] византийской столицы, и вместе имел чин полководца. Так как он был искусен и опытен в воинском деле, то царь многократно посылал его на войну. В один из таковых походов в пределы великой Сирии, лежащей на границе Вавилона и Финикии, попущением Божиим случилось Петру потерпеть совершенное поражение. Он со многими другими воинами взят был в плен, и варвары отвели его в одну из сильных в Аравии крепостей, Самару, находящуюся на берегах Евфрата. В Самаре они обложили пленника тяжкими оковами и ввергли в смрадную темницу, под крепкую стражу, запретив к нему всякий вход и таким образом лишив его всякого утешения[149]. Неся столь горькую участь, благоразумный схоластик вместо ропота стал безпрестанно испытывать себя: не был ли он сам причиной такого своего несчастья? – И вспомнил, что когда-то, не один раз, обещал он Богу оставить мир и вся яже в мире и быть иноком, а между тем, и доныне не исполнил своего обещания. Поэтому, вполне сознавая себя достойным своего злополучия, он много и жестоко обвинял себя и, таким образом, с благодарением терпел ниспосланное ему от Бога наказание.

Много уже провел времени Петр в этом горьком своем заключении и, не чая никаких человеческих средств для освобождения себя, решился просить помощи свыше, у всесильного Бога, могущего освободить его от этих тяжких уз неведомыми судьбами, как извел Он апостола Петра из Иродовой темницы. Вспомнил тогда Петр о великом чудотворце Николае, к которому всегда питал великую веру и любовь и глубоко благоговел пред его чудесами, какие творил святой для всех, с верой призывавших его в своих нуждах. Посему со многими слезами стал он вопиять к скорому помощнику всем сущим в бедах, святителю Николаю.

– Знаю хорошо, святой чудотворче, – говорил он, – что я недостоин получить от Бога прощение и свободу от этого горького плена, ибо многажды оказывался пред Ним лжецом, знаю, что праведно нахожусь в этой смрадной темнице, и потому не дерзаю молить Его Самого о своем освобождении, чтобы не прогневать Его еще более, но святость твою призываю, отче святой, ибо ты имеешь святое обыкновение утешать тех, которые претерпевают великие нужды, и облегчать скорби и страдания их, когда они

призывают тебя от полноты души своей. К тебе, всесвятый Николае, ныне прибегаю и я с горькими слезами и мольбой о себе; тебя полагаю ходатаем о мне и поручником моим от нынешнего дня пред благоутробным Господом в том, что если Он восхощет устроить мое освобождение посредством твоего прошения, я оставлю все попечения и заботы мирские, даже не зайду и в отечество свое, а отправлюсь прямо в великий Рим и там, в церкви верховного апостола Петра, приняв иноческий образ, в иночестве проведу всю остальную мою жизнь, чтобы по мере моих сил служить Создателю моему и всещедрому Благодетелю Богу и благоугождать Ему.

Это говорил человек Божий со многой горестью и скорбью в молитвах своих к святителю и чудотворцу Николаю. К сим теплым своим мольбам святой Петр приложил также и пост, и бдение, так что один раз в продолжение целой седмицы не вкусил никакой пищи. По окончании столь напряженной молитвы узника является ему во сне великий Николай, скорый помощник всем призывающим его, и говорит:

– Брат Петр! Прошению твоему я внял и скорбь сердца твоего знаю, и человеколюбивого Бога о тебе молил, но за твою прошедшую медлительность в исполнении твоих обетов и Он медлит исполнением моего о тебе ходатайства, а может быть, и иным образом устрояет спасение души твоей. Но так как мы имеем заповедь: *просите и дастся вам* (Мф. 7, 7), то будем терпеливо толкать в двери Его милосердия и человеколюбия, в той надежде, что Он непременно исполнит наше прошение, если только служит оно к нашей пользе.

Итак, великий Николай заповедал тогда святому Петру иметь терпение в трудах и, приказав ему подкрепиться пищей, стал невидим. После сего Петр еще более усилил подвиги поста и молитвы, и святой Николай вскоре вторично является ему, но теперь уже с некоторым видом печали.

– Поверь мне, брат мой Петр, – говорит он, – что с того времени не преставал я молить Бога и утруждать человеколюбие Его о тебе, но не знаю, по каким судьбам Он не соизволяет освобождению твоему отсюда. Иногда многоблагоутробный наш Господь, промышляя о нашей же пользе, благотворит нам медленно, чтоб мы долее на забывали благодати, с трудом и чрез долгое время от Него принятой, а может быть, Он хочет, чтобы умоляли Его другие, более достойные други, потому наше прошение оставляет без исполнения. В этом случае я укажу тебе на одного Его друга, достойного и сильного к Нему молитвенника. Примем сего угодника в помощь в наших молитвах к Богу, и я уверен, что Бог исполнит совокупное наше с ним прошение о тебе, если только ты дашь решительное слово устоять в том, что обещаешь.

Тогда Петр в недоумении говорит святому Николаю:

– Владыко мой пресвятый! Ужели есть кто-нибудь, чье моление было бы скорее твоего услышано Богом, если в твоих молитвах находит утешение и отраду весь мир!

– Знаешь ли ты, Петре, – сказал ему тогда святой Николай, – праведного Симеона, названного Богоприимцем, потому что он в иерусалимском святилище принял в объятия свои Христа Бога нашего, нас ради вочеловечившегося, когда он был сорокадневным младенцем?

– Как не знать, святче Божий, того, о котором написано во святом Евангелии! – сказал ему в умилении души Петр.

– Так его-то оба мы с тобой будем просить, – прибавил великий Николай, – да походатайтствует он со мной о тебе пред Христом Богом, и я уповаю, что всеблагий Человеколюбец услышит тогда нас, ибо святой Симеон, предстоя престолу Владычнему с честным Предтечей и Крестителем Иоанном и Пресвятой Божией Матерью, имеет великое дерзновение ко Господу Богу и силен у Него.

С сими словами видение кончилось и Петр, пробудившись, от души благодарил святителя Христова Николая. После сего он стал еще более поститься и усерднее просить Бога и Святых Его угодников, Николая и Симеона.

Наконец, как бы с торжествующим видом, является блаженному Петру св. чудотворец Николай, уже наяву, и говорит:

– Дерзай, брат Петр, и воздай славу Богу: наконец услышал Он наше о тебе моление, и вот великий Симеон, которого я предлагал тебе в помощники в наших к Богу молитвах, пришел освободить тебя от уз.

Когда Петр взглянул и увидел идущего к себе великого подзаконного праведника, тогда от чудного вида небесного посетителя объял его невольный страх и трепет. Священнолепный старец Симеон имел в руке своей златой жезл и был облечен в полное ветхозаветное архиерейское облачение. Дошедши до Петра, он стал возле него и говорит ему:

– Ты ли стужаешь брату нашему Николаю об освобождении тебя от этого заключения?

Петр от объявшего его страха едва мог отвечать:

– Да, святче Божий, я тот окаянный, который споручником моим к Богу положил сего великого Николая, а ходатаем пред Ним о мне и молитвенником – твою святыню.

– Но если ты полагаешь нас споручниками к Богу, – спросил св. Симеон, – то исполнишь ли, что обещаешь, – т.е. будешь ли иноком и проведешь ли остальную твою жизнь в постничестве, с усердием?

– Я раб ваш, – отвечал блаженный Петр с глубоким смирением, – при помощи Божией исполню все это и в истине моего обещания вас же самих полагаю достоверными свидетелями пред Богом.

– Если так, – продолжал праведный Симеон, – то выходи из этой темницы безпрепятственно и иди куда хочешь.

Петр показал ему ноги свои, которые были забиты в дерево. Но Богоприимец коснулся жезлом своим оков, и они в мгновение ока распались, как воск от огня. Освободив таким образом Петра от уз, святой Симеон пошел вон из темницы и велел ему следовать за собой, и тотчас же они все трое – святой Николай, Богоприимец Симеон и Петр – оказались идущими вне крепости самарской. Петр от удивления и изумления это совершившееся с ним преславное чудо почитал в мысли своей сновидением.

– Не сновидение видишь ты, – заметил тогда праведный Симеон, – а истинное свое от уз освобождение; что еще колеблешься в своих мыслях?

Затем, поручив святому Николаю иметь о Петре попечение, он удалился. После сего великий чудотворец Николай велел блаженному Петру укрепиться пищей и взять оной с собой на путь.

Уверившись таким образом в истине чудного своего избавления и воздав благодарение Богу и небесным своим ходатаям Симеону и Николаю, Петр начал в точности исполнять свои обеты, данные им Господу Богу во время своего злострадания, – т.е. из Аравии, достигнув пределов греческих, не отправился в свою отчизну, но направил стопы свои прямо в древний Рим. Святитель же Христов Николай, однажды взяв его под свой покров, уже не оставлял своей помощью на всем пути, но, как сострадательный и чадолюбивый отец или как благой детоводитель, руководил его видимо и невидимо и скоро привел в Рим в совершенной безопасности и благополучии. Когда Петр достиг пределов Рима, святой Николай заметил ему так:

– Время, брат Петр, исполнить тебе без отлагательства свое обещание Богу; если же по-прежнему замедлишь исполнением, то знай, что поведут тебя связанным в самарскую темницу.

Желая удостоверить святого Николая в непременности своего намерения, Петр сказал ему:

– Святче Божий! Я и теперь еще боюсь гнева Божия за прежнюю медлительность; нет, во второй раз не буду изменником Христу, Владыке моему, – не будет сего, не будет вовеки! Я и в дом мой никогда не пойду и не явлю себя никому из своих, чтобы они не воспрепятствовали мне во святом стремлении моей воли.

Затем вошел он в Рим, где решительно никто не знал его. Пред вшествием Петра в Рим святитель Христов Николай явился во сне папе, которому, держа Петра за руку и указывая на него, рассказал все подробно, причем объявил ему и самое его имя и вместе с тем повелевал ему представляемого им немедленно облечь в иноческий ангельский образ, при гробе святого верховного апостола Петра. Папа, встав от сна, долго размышлял о виденном им ночью. Когда же настало время Литургии, он отправился в церковь. День был воскресный. В числе многих других богомольцев в церковь верховного Апостола пришел и Петр. Папа прилежно рассматривал собравшихся молитвенников, желая узнать человека, виденного им во сне, и лишь только среди множества народа распознал его, тотчас подал ему знак, чтобы он подошел к нему. Папой сделано было это два или три раза, но Петр не понимал его. Заметив наконец, что Петр невнимателен к его помаваниям, папа начал звать его по имени:

– Тебе говорю, Петр, пришедший теперь из Греции, которого изъял из темницы самарской великий чудотворец Николай! Почему не хочешь ты придти ко мне, когда я зову тебя?

Петр изумился – как папа столь скоро мог узнать его, никогда прежде не видев, и со многим смиренномудрием отвечал:

– Я раб твой, преблаженный владыко!

– Не дивись, брат Петр, – говорит ему тогда папа, – что я зову тебя по имени: великий отец наш Николай в прошлую ночь явился ко мне во сне и подробно рассказал о твоих страданиях в темнице самарской и об освобождении тебя из оной, и объявил мне твое имя и твое желание принять на себя в Церкви верховного апостола Петра иноческий ангельский чин.

Засим папа тотчас же, пред всем народом, облек Петра в иноческий чин. По принятии этого святого образа Петр пробыл у папы несколько времени, слушая душеполезные и спасительные его наставления. А потом папа, следуя открытой ему воле Божией, отпустил его из Рима и напутствовал святительским своим благословением. Итак, святой Петр, испросив себе у отца своего, преблаженного папы, святых молитв и, со своей стороны, пожелав ему вечного спасения и приветствовав весь его клир, вышел из ветхого Рима с усердной молитвой к Богу, да сопровождает Он его всюду всесвятой Своей волей, и скоро явился на берегу моря. Строением Божиим случился тогда корабль, идущий на восток, – и Петр, предавая себя Промыслу Божию, вошел в него. Скоро затем подул попутный ветер, и корабль понесся по своему направлению.

После нескольких дней плавания корабельщики пристали к берегу, чтобы запастись свежим хлебом. В доме, в который случилось им войти, они нашли и хозяина, и всех домашних его страдавшими горячкой. Корабельщики, изготовив хлебы, остановились здесь покушать; заботясь же и об оставшихся у них на корабле, то есть о своем шкипере и об авве, они поручили одному из своих товарищей снести им свежих хлебов. Услышав, что корабельщики в своих разговорах упоминают об авве, хозяин дома обратился к ним с вопросом, кто такой этот авва. Узнав же о св. Петре, стал усиленно просить их:

– Братья мои! – говорил он, – прошу вас ради любви Божией, приведите сюда вашего авву, чтобы он благословил нас прежде нашей смерти, ибо и я, и сын мой, и все мои домашние от великой обдержащей нас болезни, как это видите вы и сами, находимся уже при смерти.

Корабельщики, умилившись слезной просьбой хозяина, пошли на корабль и рассказали святому Петру о бедствии того дома и о прошении хозяина. Святой, по смирению своему, не хотел было идти, но когда сказали ему, что больные находятся при смерти, он, помня будущее на Страшном Суде наказание жестокосердым (Мф. 25, 43) и движась чувством человеколюбия, склонился на просьбу корабельщиков, решился посетить больных и пошел к ним вместе с корабельщиками. Лишь только святой вошел в дом и произнес: «Мир дому сему и живущим в нем», – как тотчас – о чудо! – больной домохозяин встал, как бы ото сна, – совершенно здоровым и, притекши к святому, пал к ногам его и со слезами лобызал их. Святой поднял домохозяина с земли, а тот, взяв его за руку, повел ко всем кроватям своих больных, чтобы он благословил их. Обходя больных, святой над каждым из них творил знамение честного креста, и все, молитвой его и помощью Божией, вставали здоровыми и прославляли Бога, опечалившего их на некоторое время, но потом пославшего им такого скорого целителя. После сего корабельщики вместе с Петром возвратились на корабль, рассказали о чуде святого Петра кораблеправителю, и все, воздав славу Богу, пали к ногам святого и просили у него молитв и благословения, в чем он и не отказал им. А исцеленный хозяин дома, взяв с собой хлеб, вино и масло, со всеми исцелившимися, вслед за Петром, пришел на корабль и просил святого своего благодетеля взять от него малые сии дары. Но человек Божий похвалил доброе их произволение, а даров брать не хотел, повелевая быть благодарными не ему, а Богу, и только уже после усильной просьбы как исцелившихся, так и корабельщиков, принял малую часть из принесенного ему, и это скудное, но усердное приношение отдал корабельщикам, чтобы они разделили его между всеми, находившимися на корабле. Дароносцы, отдав дары свои святому, возвратились с неизреченной радостью домой, прославляли Бога и благодарили преподобного. После того корабль снова двинулся в путь, и все плывшие в нем, полные радости, с благоговением рассказывали друг другу о чуде, какое совершил святой Петр, причем много дивились безмерному его воздержанию, ибо он целыми сутками вкушал хлеба только по одной онгии[150], а воды пил по одной малой чаше.

В продолжение плавания корабельщики для исправления своих нужд снова где-то пристали к берегу. Святой Петр восхотел здесь немного уснуть, и лишь только легкий сон смежил его очи, как явилась ему, осияваемая небесной славой, Царица неба и земли, со святым Николаем, который, предстоя Ей со многим страхом и благоговением, умолял Ее так:

– Владычице, Богородице и Госпоже мира! Если предстательством Своим пред Сыном Твоим и Богом нашим Ты освободила сего раба Твоего от горького того плена, то покажи ему и место, где бы он удобно мог творить волю Божию во всю остальную его жизнь, как сам то обещал.

– Для свободного служения Богу, – сказала Пресвятая Богородица святому Николаю, – нет другого более удобного места, как Гора Афонская, которую Я прияла от Сына Моего и Бога в наследие Себе, дабы те, которые хотят удалиться от мирских забот и смущений, приходили туда и служили там Богу безпрепятственно и спокойно. Отныне Гора эта будет называться Моим вертоградом. Много люблю Я место сие, и придет время, когда оно от края и до края, на север и юг, наполнится множеством иноков. И если иноки те от всей души будут работать Богу и верно сохранять заповеди Его, то Я сподоблю их в великий день Сына Моего великих дарований: еще здесь, на земле, будут они получать от Меня великую помощь; Я стану облегчать болезни и труды их и дам им возможность при малых средствах иметь довольство в жизни, даже ослаблю вражескую против них брань и имя их сделаю славным во всей подсолнечной.

Проснувшись, преподобный мнил еще зреть бывшее ему во сне Божественное видение, а потом, успокоившись немного, от всей души славил и благодарил Бога, сподобившего его видеть Божественное сие чудо. Было тогда около третьего часа дня. Корабельщики, как только подул благоприятный ветер, подняли ветрила и благополучно поплыли. Когда же плыли они против св. Афонской Горы, корабль их каким-то чудом остановился близ места, называемого ныне Каравастаси, и стал так как вкопанный. Корабельщики, видя это неожиданное ими чудо, недоумевали о причине остановки корабля, потому что и ветер был довольно силен, и глубина моря в том месте почти неизмерима. «Может быть, – говорили они со слезами, – мы в чем-нибудь согрешили против Бога и Он хочет погубить нас здесь». Когда они с плачем и стенаниями таким образом рассуждали, святой Петр спросил их:

– Чада мои о Господе! Скажите мне, как называется эта гора, – и, может быть, я утешу вас и разрешу ваше недоумение.

– Афоном называется гора эта, честной отче, – со слезами отвечали ему корабельщики.

– Так знайте, чада мои, что из-за меня сделалось препятствие в плавании вашему кораблю, и если вы не высадите меня и не оставите в этом месте, то далее отсюда не двинетесь ни на шаг.

Нерадостны были корабельщикам сии слова святого, но делать было нечего: воле Божией противиться они не дерзали – и нехотя высадили святого на берег горы.

– Горе нам! Великого сокровища, сильного покрова и крепкой помощи лишаемся мы! – с плачем говорили корабельщики, высаживая святого с корабля своего. А святой утешал их в скорби молитвой о них и, наконец, преподав им потребные наставления, благословил всех их и, трижды ознаменовав знамением честного креста даже корабль, простился с ними.

Оставшись один на берегу горы, святой Петр принес там прилежную ко Господу Богу молитву, а потом, сотворив знамение честного креста на всем своем теле, начал восходить на гору по некоей узкой, стремнистой тропинке, едва пробитой в страшной густоте леса не стопой человеческой, а дикими зверями, – в намерении найти место, совершенно соответствующее влечениям души своей, то есть во всех отношениях удобное для глубокого безмолвия. С великим трудом и со многим потом восходил он на верх горы. Обозрев многие горы и юдоли, расселины и пропасти афонские, святой нашел наконец одну глубокую и весьма темную пещеру, так как вход в нее загромождался сгустившимися деревьями, но очень удобную для помещения. В этой пещере гнездилось безчисленное множество змей и ядовитых гадов, а еще больше демонов. Лишь только демоны увидели святого, приближавшегося к их гнездилищу, как восстали против него со всей своей злобой, но он, презирая злобу их, решился водвориться в этом богосозданном убежище, потому что находил его во всем соответствующим святой своей мысли. Итак, призвав многомощное имя Иисуса и Пречистой Его Матери и вооружившись всесильным оружием креста, он дерзновенно вошел в эту пещеру – и все множество бесов и гадов как дым исчезло. Однако ж много еще предстояло борьбы святому против изгнанных им злых духов из их гнездилища: того, что потерпел он от них, не может ни язык человеческий высказать, ни ухо наше выслушать. Впрочем, коснемся несколько этой жестокой брани своим рассказом.

Поселившись в пещере, бывшей обиталищем бесов, святой начал с горячей любовью и с великим усердием день и ночь воссылать свои молитвы и благодарения Господу Богу; телесная же пища ему и на мысль не приходила. Но к таким ангельским подвигам святого мог ли долго быть равнодушным уничижаемый им и низлагаемый враг всякого добра, отец преисподней? Не прошло еще и двух недель от поселения святого в пещере, как древний завистник не мог более сносить пребывания его там. Для лучшего же успеха, в своей злобе против святого поднял он на брань всю адскую свою силу. Толпы демонов в виде многочисленного воинства со всевозможным оружием явились к пещере добровольного мученика.

Окружив пещеру святого, одни из демонов производили разного рода стрельбу, другие устремлялись с копьями или мечами, те метали огромные камни, эти мечтательно потрясали самой горой – и все, производя неистовый шум, кричали страшными голосами:

– Уходи немедленно из нашего жилища, иначе мы сейчас убьем тебя!

Видя и слыша это демонское смятение и против себя восстание, святой уже отчаивался в самой своей жизни, ибо видел ясно, как бросали в него стрелы и камни. Но премилосердный Бог сохранил верного Своего раба невредимым от злодейства диавольского.

– Впрочем, выйду, – сказал сам себе святой Петр, – и посмотрю, кто восстает на меня, смиренного и безсильного, с таким бешенством.

Вышел святой и увидел, что безчисленное множество бесов окружило его пещеру. Бесы же устремились на него с дикими воплями, свирепо взирали на него и готовы были поглотить его живого, а пещеру разрушить до основания. Тогда святой, возведши на небо душевные и телесные свои очи, громогласно возопил:

– Пресвятая Богородице! Помоги рабу Твоему!

Демоны, услышав страшное для них, вожделеннейшее же нам, имя Пресвятой Богородицы, тотчас сделались невидимы, а святой, возблагодарив Пренепорочную, снова начал подвизаться подвигом добрым, от глубины души прося Христа Господа не оставить его, грешного и недостойного раба, на поругание диаволу.

Прошло не более пятидесяти дней, и демоны снова восстали против святого, вооружившись теперь уже другим образом. Они собрали всех зверей, обитавших в горе, змей и гадов и сами, приняв вид гадов и змей, явились к его пещере и устремились на него с остервенением. Одни из них наводили страх ужасным своим свистом и шипением, другие ползали при ногах его, те старались уязвить его, устремляясь на самое лицо, а эти, зияя своей пастью, покушались поглотить его живого. Зрелище было ужасное! Но святой Петр знамением честного креста и именем Господа Иисуса и Пресвятой Владычицы Богородицы уничтожил всю силу бесовскую, как паутину.

Впрочем, демон всегда злобен, лукав, хитр и безстыден. Испытав поражение от святых, он не оставляет своей злобы против них и не прекращает брани. После нескольких поражений, кроме сказанных, он чрез год после поселения святого на Афоне изобрел новое средство к низложению великого сего подвижника, и средство самое хитрое, – а потому тем горше посрамился в своих злоухищрениях. Окаянный демон, приняв на себя вид одного из слуг святого Петра, явился в пещеру его и с крайним безстыдством стал обнимать и лобзать своего господина, потом сел и начал прикрытую самой ловкой и безстыдной лестью беседу, сопровождая ее даже слезами.

– От многих слышали мы, господин мой, честь моя и свет мой, – говорил бес плачевным тоном, – что варвары и безбожники, схватив тебя на войне, увели пленным в крепость самарскую и, оковав тяжкими железами, окаянные, заключили там в самой гнусной и смрадной темнице. Поверь, скорби нашей об этом твоем заключении я не могу и выразить. Но вот скоро Бог благоволил и утешить нас в нашей скорби, и возвеселить сердца наши неизглаголанной радостью. Вдруг мы слышим, что Он, Всеблагий, по молитвам и предстательству преблаженного Николая, извел тебя из той гнусной темницы и под Своим руководством привел в древний Рим. Слыша такие благие вести, мы от радости, кажется, не чаяли в себе и души, и все, кто ни есть в славном твоем доме, а особенно я, верный твой раб, возжигались пламенным желанием видеть нашими глазами любезное, ангельское твое лицо и насладиться мудрейшей и сладчайшей твоей беседой. Но Богу снова было угодно повергнуть нас в глубокую печаль и неутешный плач о лишении тебя: нам неизвестно было, куда ты скрылся из Рима. Посему, желая найти тебя, мы ходили по многим крепостям, селениям и пустынным местам. Когда же не могли не только найти тебя, но даже и слышать, что с тобой делается, – начали усердно просить великого чудотворца Николая, молясь ему так: «Пресвятый Николае! Ты много уже благодеяний оказал миру, да и теперь не перестаешь оказывать их; ты и возлюбленного нашего господина освободил от горького того плена: вонми же нашему молению, яви нам его, – смиренно просим тебя». Святой Николай, теплый помощник всем, с верой призывающим имя его, не презрел нас, недостойных, и скоро открыл нам тебя, сокровенное и многоценное наше сокровище, – и вот я, любящий тебя сильнее всех твоих рабов, предварил их и пришел к тебе, господину моему. Само собою ясно, что теперь тебе, господин мой, ничего другого не остается делать, как принять на себя труд отправиться со мною в наш славный дом и явлением своим в кругу домашних своих и друзей неизреченно обрадовать их. Послушав в этом деле меня, верного твоего раба, ты не меня послушаешь, а великого Николая, который открыл нам тебя. Сим и преснославимый Бог сугубо прославится. А о безмолвии не заботься: ты знаешь, и в нашем месте есть много монастырей, и внутри, и вне города, и даже немало мест отшельнических; можешь поместиться, где тебе угодно, – и там, уповаю на Бога, проведешь всю свою жизнь

совершенно безмолвно. Впрочем, и сам ты посуди, и скажи мне истину по чистой совести: чем из двух более благоугождается Бог – принесением ли пользы многим душам человеческим или заботою всякого из нас о спасении одного себя? Если ты чрез сладчайшее твое учение спасешь и одну какую-нибудь душу, обольщенную диаволом, то дело твое далеко превзойдет труды не одного, а многих пустынных подвижников. Бог мне в том свидетель. Он Сам говорит чрез Пророка: *аще изведеши честное от недостойнаго, яко уста Моя будеши* (Иер. 15, 19). А ты сам знаешь, как много в нашем месте людей, преданных страстям, которые для обращения своего к истинному богопознанию от лести диавольской, после Бога, имеют нужду еще и в другом каком-либо наставнике. Значит, великая тебе от Бога будет награда, если ты этих обольщенных диаволом возвратишь от него к законному Владыке Богу. И нас, твоих рабов, для чего столько презираешь, удаляясь от нас и скрываясь в этих каменных расселинах? Итак, о чем еще думаешь? В чем недоумеваешь? Почему нейдешь с искренним и преданнейшим тебе рабом, который любит тебя от полноты души и есть благой твой советник?

Это и подобное сему говорил демон. Святой, не постигая сам причины внутренних своих волнений, во время безстыдной демонской беседы начал смущаться и невольно чувствовал неприятный трепет сердца. Но иначе и быть не могло: при демонских явлениях человеку душа его всегда смущается; в присутствии же Ангела Божия она радуется и чувствует неизъяснимое удовольствие[151] . Находясь в этом принужденном состоянии, святой плакал и, орошая лицо свое слезами, говорил демону:

– Знай, человече, что в это место привел меня не Ангел, не человек, а Сам Бог и Пресвятая Богородица, и потому без воли Их я не могу выйти отсюда.

Демон, лишь только услышал пресвятое имя Божие и Пренепорочной, вдруг исчез, как призрак. Святой Петр не мог надивиться злоумышлению, коварству и дерзости демона и, от всей души возблагодарив Бога и Царицу Небесную, начал снова подвизаться со смирением и сокрушением сердца в молитве, воздержании и посте, так что достиг в меру истинной любви и чистоты ума. Расседался демон от злобы, зависти и неудач и не прекращал ухищрений своих против святого, стараясь всевозможным с его стороны образом сокрушить крепость его добродетели и силу его преданности Богу.

Спустя после помянутого искушения семь почти лет, сын тьмы, коварный и многокозненный демон, снова искусился низложить святого, преобразившись уже в Ангела света. Дерзко и нагло похитив не принадлежащий ему образ, демон явился во образе Ангела с обнаженным в руке мечом и, став близ отверстия пещеры святого, говорит ему:

– Петр, искренний служитель Христов! Изыди вне, выслушай от меня некие таинства Божии и душеполезные наставления.

Святой сказал на это демону:

– А ты кто и откуда пришел, и с какими полезными для меня назиданиями явился сюда?

– Я архистратиг силы Божией, – отвечал демон, – Всемогущий послал меня возвестить тебе некие пренебесные тайны. Мужайся же, крепись и радуйся, ибо уготован тебе неувядаемый венец и Божественная слава. Ныне ты должен оставить это место и идти в мир, чтобы от добродетельного твоего жития и высокого учения восприяли пользу и другие души человеческие. В намерении переселить тебя отсюда Господь иссушил и источник воды, из которого ты пил.

Для лучшего обольщения святого прехитрый изобретатель зла, злокозненный враг спасения человеческого, попущением Божиим, действительно тогда воспрепятствовал течению воды. Но святой Петр падшей гордыне на злую его лесть отвечал самым смиренным образом:

– Ужели я, смердящий и нечистый, стою того, чтоб пришел ко мне Ангел Господень?

А лжеангел на это сказал ему:

– Не удивляйся, святе! Ты в нынешние времена своими подвигами превзошел древних святых и пророков: Моисея, Илию, Даннила и Иова; великим ты признан на небесах за превеликое твое терпение. Илию и Моисея ты превзошел постом, Даниила – вселением со смертоносными змиями, а Иова – совершенством терпения. Но выйди сюда и собственными твоими очами уверься в оскудении воды, и потом, без всякого сомнения, иди в монастыри мирские. Там – так глаголет тебе Господь Вседержитель – там я всегда буду с тобой и многих тобой спасу. Вот прямая о тебе воля Божия!

Но святой явившемуся самозванцу отвечал:

– Знай, что если не придет сюда Госпожа моя Богородица, которая послала меня в это место, и помощник в нуждах моих, святой Николай, я не выйду отсюда.

Диавол, как только услышал имя Пренепорочной, тотчас исчез. Тогда блаженный Петр увидел и крайнее злоумышление врага, и безпредельную вражду его против рабов Божиих, а вместе с тем, при державном защищении их всемогущей десницей Божией, – и все его против них безсилие.

– Христе Иисусе, Боже и Господи мой! – произнес святой Петр из глубины души, по удалении от него диавола, – вот, враг мой диавол, яко лев рыкая, ходит, ища поглотить меня, грешного, но Ты, Господи, не оставь меня, во все дни живота моего, всемощной Твоей помощью.

В ту ночь святой Петр сподобился небесного утешения: во сне явились ему скорая Помощница всех христиан, Богородица, и святой великий Николай.

– Петр! – изрекла ему тогда Владычица, – отселе уже не бойся злоумышлений врага, ибо Бог с тобой: завтра послан будет к тебе истинный Ангел Господень, с Небесной пищей и, по повелению Божию, всегда будет являться с ней через сорок дней; он покажет тебе и манну, которая будет твоей пищей во всю жизнь[152].

Таким образом утешив Своего раба, Владычица мира отошла в пренебесные селения. Святой же Петр, пробудившись, благоговейно пал на то место, где стояли пречистые ноги Пресвятой Богородицы и великого святого отца Николая, и, лобызая ту землю, громогласно благодарил Бога, что Он удостоил его видеть такие страшные таинства. Наутро, действительно, явился к святому Петру Ангел Бога Всевышнего с Небесной пищей, указал ему и манну, как сказала Пренепорочная, и отлетел на небеса. После сего святой, прославляя Христа Бога и Пренепорочную Его Матерь, спокойно подвизался в ангельских своих подвигах целых 53 года и, по благодати Божией, уже не был стужаем никакими демонскими привидениями. В продолжение стольких лет он не видал даже и подобия человеческого. Во все это время пищей служила ему манна, показанная Ангелом; она падала с неба в виде росы, потом сгущалась и делалась подобной меду. А об одежде, о постели, о зданиях и прочих требованиях природы человеческой он не имел и мысли:

одеждой для него служила первобытная невинность; о действиях зноя, бурь и холода, одушевляясь пламенной любовью к своему Творцу и Богу и мыслью о будущем воздаянии за все свои страдания, он не безпокоился; ложем была для него земля, а покровом служило ему украшенное звездами небо. Одним словом – он как безплотный жил на земле неземным образом; до того же времени, как показана была ему манна, питался кореньями и пустынными зельями.

Наконец Бог восхотел явить ангельскую жизнь Своего угодника людям и устроил это таким образом. Один охотник, для ловли зверей пришедши на Гору Афонскую, обошел уже много на ней мест и наконец достиг до того места, где святой проводил равноангельскую свою жизнь. Недалеко от пещеры Петровой увидел он одну огромную и красивую лань и при виде такой хорошей добычи, оставив преследование всех других животных, целый день ухищрялся поймать только это прекрасное животное. Лань, как будто кем руководимая, долго избегала преследований ловца и наконец остановилась у самой пещеры святого. Ловец долго гнался по следам ее и теперь, почти уже догнав ее, только было хотел бросить стрелу, как вдруг в правой стороне пещеры увидел некоего человека с предлинной седой бородой, с белыми на главе волосами (покрывавшими до половины тело его) и не имевшего на себе никакой другой одежды, кроме травных листьев. Страх и ужас объял ловца. Приняв это явление за демонское мечтание, он ставил добычу и пустился со всевозможной скоростью бежать оттуда. Святой, желая остановить бегущего от себя ловца, стал громко кричать вслед ему:

– Человече! Что боишься? Брат! Что бежишь от меня! Я такой же человек, как и ты, а не мечтание бесовское, как думаешь. Приди сюда ко мне, и я расскажу тебе все, ибо для того Бог и послал тебя сюда.

Испуганный ловец воротился. Тогда святой Петр, сделав ему о Христе приветствие, начал говорить:

– Дерзай, брат! Не бойся человека окаянного и грешного, во всем тебе подобного.

Успокоив его таким образом, святой рассказал ему, откуда он сюда пришел, сколько уже времени здесь живет и чем питается, какие претерпел страдания ради небесных утешений, какие имеет утешения в своих скорбях и какие получил залоги вечного блаженства: словом, описал ему подробно всю свою жизнь. Выслушав святого, ловец от удивления долго не мог сказать ему ни слова. Наконец, несколько успокоившись, отвечал ему:

– Честный отче! Теперь я узнал, что и меня, грешного, любит Бог, ибо удостоил увидеть тебя, сокровенного Его служителя. От нынешнего дня, раб Божий, я не удалюсь от тебя, – буду по моим силам работать Господу Богу вместе с тобой, чтобы спасти мне многогрешную свою душу. Вижу, что для того Бог и открыл мне тебя.

Святой на это сказал:

– Чадо мое! В настоящее время этого быть не может. Ты должен прежде испытать себя – можешь ли переносить труды подвижнические, чтобы не быть впоследствии посмеянием врагу нашему. Посему теперь иди в дом свой и какое имеешь состояние от отца твоего раздели бедным; затем воздержись от вина, мяса, сыра и масла, а более всего – от смешения с твоей женой; притом молись с сокрушенным и смиренным сердцем – и таким образом проведи весь следующий год, а потом уже приходи сюда и что откроет тебе Бог, то и делай.

Добрый ловец принял к сердцу благой совет святого. Отпуская ловца с миром и молитвой восвояси, Петр заповедал ему хранить узнанную им тайну:

– Ибо когда является сокровище, – говорит он ловцу, – тогда удобно крадут его тати.

Итак, славя и благодаря Бога, что сподобился видеть такого Его угодника, ловец удалился домой и, живя там, провел весь следующий год по наставлению святого.

По окончании этого года ловец, взяв с собой двух иноков и своего брата, прибыл на Святую Гору. Вышедши на берег Афона, все они отправились к пещере святого Петра. Ловец, имея большую против своих спутников любовь к нему, предупредил своих спутников и достиг пещеры его прежде других, но – какое горе! – он нашел святого уже скончавшимся о Господе; руки его были крестообразно сложены на персях, очи, как следовало, закрыты, и все тело честно лежало на земле. Смертельно пораженный таким неожиданным событием, ловец сперва пал почти замертво на землю, а потом, после столь сильного удара, в горести бил себя руками по лицу и со слезами вопиял:

– Горе мне, несчастному! Не удостоился я получить того, чего желал! Увы мне, окаянному! Лишился я такого праведника, не успел сподобиться святой его молитвы!

Между тем как ловец с горьким плачем рыдал при мощах святого, пришли к нему и его спутники и, дивясь его сокрушению, желали узнать причину его и спрашивали, кто такой этот неизвестный им мертвец и отчего такое рыдание о нем. На этот вопрос ловец, заливаясь слезами, подробно рассказал им всю жизнь святого, как он сам передал ее, когда был еще в живых. Выслушав ловца, товарищи его умилились и пролили много слез о том, что не удостоились видеть в живых столь великого подвижника и святого мужа и не сподобились святых его бесед и молитв.

Брат ловца одержим был нечистым духом, который мучил его уже с давнего времени. Но лишь только приблизился страдалец этот к мощам святого, демон вдруг бросил его на землю и, с течением пены и скрежетом зубов, говорил громогласно:

– Нагой и босой Петр! Разве не довольно тебе пятидесяти трех лет, в которые, живя здесь, ты властвовал над нами? Тогда ты изгнал меня из моего жилища и отлучил от товарищей: что же, не хочешь ли и теперь, будучи уже мертвецом, преследовать меня? Нет, мертвого-то я не послушаю тебя.

Ловец и его спутники, слыша это от диавола, дивились и трепетали. Чрез несколько времени они заметили, что мощи святого облистались каким-то небесным светом, и демон вдруг вышел из уст бесноватого в виде черного дыма; при этом страдалец, сильно потрясенный демоном, лежал на земле как мертвый. Потом, чрез несколько времени, он опомнился и просил своих товарищей, чтобы они вместе с ним помолились человеку Божию о совершенном его исцелении.

Слава Господу Богу, дарующему исцеление всем нам, грешным, чрез святых Его! Больной, при помощи Божией, по молитве святого, скоро встал и, чувствуя себя совершенно здоровым душевно и телесно, громко славил Бога и Его угодника и, благодарно припадая к цельбоподательным святым мощам, умильно лобызал их, а потом от всего сердца благодарил и брата своего, что он привел его к сему небесному целителю. Впрочем, благочестивым тем путникам медлить там долее было нельзя. Посему, подняв на рамена свои мощи святого, они с радостью сошли с горы, вошли с ними на корабль и, пользуясь попутным ветром, пустились было в свое место. Но – о чудо! – корабль их,

плывя против обители[153] Климентовой, вдруг стал там как вкопанный. Сколько ни силились они, не могли сдвинуть его с места – и таким образом стояли от третьего часа до девятого. Монахи Климентовой[154] обители дивились, видя такое чудо, и, чтобы лучше постигнуть эту тайну, послали некоторых из своей среды на корабль, чтобы они расспросили путников о причине стояния их на одном месте. Связанные невидимой силой, хотя и постигали действительную причину, которая столь дивно удерживала их корабль, но, желая утаить безценное свое сокровище, не сказывали о нем климентовцам. Климентовские иноки, однако ж, догадались, что им не говорят истины, и потому стали сами управлять кораблем, и только что направили его к своей обители, тотчас же явились у своей пристани. Климентовский игумен, подробно узнав от ловца о всем, что случилось с ним и его товарищами, благоговейно дивился сему событию и тотчас повелел иереям своего монастыря в полном священном облачении, со свечами и кадильным фимиамом, перенести святые мощи в обитель. Здесь, по совершении с ними крестного хода, они, с многой честью и благоговением, положены были в церкви, где потом каждодневно совершались от них многие и дивные чудеса. Слава о сих мощах скоро и быстро разнеслась по всем окрестностям. Множество народа стало стекаться к ним отовсюду, и все, приходившие с верой, получали исцеление болезней телесных и утешение душевное. Чрез несколько времени мощи святого переложены были в другую раку, поставили их в притворе параклиса Богоматери и там семь дней совершали над ними бдение. А потом, облагоухав их ароматами, с великой честью и благоговением погребли их в правой стороне главного храма. Ловец и исцеленный брат его, по погребении мощей святого, испросив молитвы и благословение от игумена и его братии, отправились домой, за все славя Бога и благодаря святого Его угодника, а сопутствовавшие им монахи решились каким-нибудь образом похитить мощи святого и потому стали притворно просить игумена и его братию о принятии их в обитель, выражая непременное желание умереть там, где обрели они, будто по откровению Господню, многоценное сие сокровище. Игумен с братией, не поняв их ухищрения, с радостью приняли их, а они, вскоре после лицемерного своего вступления в монастырь, избрали одну удобную для своего намерения ночь и, взяв тайно мощи святого, бежали с ними со Святой Горы. Беглецы эти с похищенной ими святыней достигли уже Фокиды (во Фракии) и здесь, при некоем колодезе, остановившись отдохнуть и укрепиться пищей, мешок (sakki), в котором несли святые мощи, повесили на ветвях одной маслины. Едва только расположились они на отдых, вдруг явилось к ним из окрестных мест множество мужей, жен и детей, которые громогласно вопрошали:

– Где великий Петр, пришедший сюда с Горы Афона? Мы хотим встретить его.

Причина, по которой к святым мощам собралось такое множество народа, была следующая. Близ того колодезя, где со святыней остановились для отдыха беглецы-иноки, находилось одно водохранилище, обширное и глубокое, которое от времени, однако ж, засыпалось землей и сделалось жилищем лукавых духов. Эти духи, по злобе своей, производили в том месте много зла – и людям, и животным, и когда иноки со святыней приблизились ко гнездилищу их, тотчас же вышли из своего обиталища и вошли в тех, к кому, по попущению Божию, могли иметь доступ. Стали мучить их и, принуждаемые Богом, против воли своей объявляли всем о прибытии в то место великого угодника Божия. Эти-то несчастные в сопровождении народа явились к маслине, на которой висели святые мощи, и с громкими и дикими воплями бросившись к святым мощам, покушались низринуть вмещавший их мешок. Но злобные демоны вместо уничтожения святых мощей сами силою молитв святого Петра были изгнаны не только из мучимых ими людей, но и из самого того места. Кроме сего, тогда совершились и другие многие и дивные чудеса от святых его мощей, ибо слава о чудесном исцелении беснуемых распространилась по всем окрестностям того места и привлекла туда множество хромых, прокаженных, беснуемых, расслабленных и удручаемых другими недугами, кои все получали телесное исцеление и

душевное утешение. Услышав о сих чудесах, епископ города Авдора, взяв свой клир, подвигся к цельбоносным мощам святого Петра с крестным ходом. Приближаясь к ним, он и клир его довольное пространство шли непокровенные и необутые; явившись же на самое место, они сотворили приличную ко Господу Богу молитву, после которой епископ и все бывшие с ним стали благоговейно лобызать св. мощи. Николай, составитель жизнеописания святого Петра, говорит, что и он лично был при этом. Между тем как святые мощи были лобызаемы, от них совершались безчисленные чудеса, и потому все со слезами восклицали: «Господи помилуй!» – и громогласно славили Бога, прославляющего святых Своих еще и здесь, на земле. Тогда епископ стал убедительно просить тех иноков, чтоб они сие многоценное сокровище даровали благочестивому и христолюбивому тому народу, обещавшему создать великолепный храм, во отпущение своих грехов и во спасение тех, которые принесли к ним св. мощи, и за сей дар предлагал им в благословение сто златниц и некоторое другое вознаграждение.

– Мне кажется неприличным, – говорил им епископ, – что многоценный сей маргарит не имеет постоянного места, что сей светильник скрывается под спудом, что лучи благодати не для всех явны.

Иноки, владетели святых мощей, весьма неохотно и только после многих убеждений, даже прещений со стороны епископа и его клира, взяли предложенные им дары. Скорбя о лишении святых мощей, те иноки удалились отсюда в Анатолию. В то же время приблизился к святым мощам один бесноватый и спрашивал:

– Где здесь Петр Схоларий? Ему мало было прогнать меня с Афона, – он и сюда пришел изгонять меня из моего жилища: но нет, теперь я сожгу его, чтоб он уже впредь не безпокоил меня.

Бесноватый держал в руках своих два горящих факела, и только что устремился с ними к святым мощам, чтоб сжечь их, вдруг раздался сильный удар грома, и демон, в виде молнии, вышедши из того человека, с громким воплем, плачем и стенанием исчез в воздухе. Множество людей, видевших это чудо, громогласно прославили Бога.

После того епископ с клиром своим, взяв святые мощи, со псалмами и духовными песнями перенес их в епископию своего города и там почтил угодника Божия славословием в три нощеденствия. И здесь также от святых сих мощей совершились безчисленные чудеса, в радость и утешение пришельцев и туземцев, во славу Единосущной Троицы, в честь и похвалу преподобного и богоносного отца нашего Петра, подвизавшегося на святоименной Горе Афонской вышечеловечески. Молитвами сего угодника Божия да украсимся и мы добрыми деяниями, и тако да обрет емся благоугодны пред Христом, Господом нашим Богом, Емуже слава и держава во веки. Аминь!

Память преподобного отца нашего Арсения Коневского

Блаженный Арсений происходил из великого Новгорода. Сердце его, разгораясь Христовой любовью, побудило его оставить мир, чтобы искать безмолвной жизни; сперва удалился он в соседнюю великому Новгороду обитель, на Лисьей горе, и там, совершив иноческий искус, постриг власы свои и сделался совершенным иноком: вся братия смотрела на него как на данный ей свыше образец жития монашеского.

Давно уже возникло в душе преподобного Арсения желание посетить святую Гору Афонскую, и он воспользовался пришествием в Новгород нескольких афонских иноков. Когда эти иноки прибыли, он со слезами припал к ногам игумена и умолял отпустить его. Долго игумен не соглашался на его прошение, чувствуя, какое будет от того лишение для обители, но наконец не мог не уступить слезному молению ревностного инока. Радостно пошел Арсений в путь свой с благословением отеческим и благополучно достиг Святой Горы, где был с любовью принят игуменом Иоанном. Настоятель велел пришельцу подвизаться в общих трудах с братией. Посему прошел Арсений по порядку все монастырские службы, начиная с древоделания и печения хлебов, и всякую службу исполнял с чрезвычайным смирением и послушанием, считая себя за худшего из братии. Игумен, узнав искусство русского пришельца ковать медные сосуды, занял его предпочтительно этим рукоделием, и в глубоком безмолвии ковал он сосуды для потребы монастырской, посвящая на то целый день, а ночь проводил в молитве, едва дозволяя себе мало отдыха, ибо был крепок и мужествен. Безмездно трудился он не только для своей обители, но и для других святогорских монастырей, ибо отовсюду приносили ему медь для кования сосудов, как только услышали о его искусстве. Неизвестно, в какой собственно обители подвизался Арсений, должно, однако, полагать, что в Русике, ибо это было общее пристанище всех русских пришельцев.

Опасаясь, чтобы множество приходивших к нему не обременило братии его обители, принял он благословение от своего игумена обойти все монастыри Святой Горы, чтобы потрудиться на пользу каждого из них, не ради злата и сребра, но для душевного спасения, и в таком подвиге пробыл еще три года.Тогда пришло ему желание возвратиться в родную землю, чтобы там поставить обитель во славу Матери Божией, к Которой имел он теплую веру. Арсений стал просить игумена об отпуске на родину, и тот, исполненный духа прозорливости, пророчески сказал ему, что Господь воздвигнет чрез него обитель в стране северной, которая спасется его молитвами от многих бесовских прелестей и суеверий. Отечески благословил его настоятель двойной иконой Владычицы с Предвечным Младенцем на одной стороне и нерукотворенного образа Спасова – на другой; дал ему притом и устав общежительный Святой Горы и, отпуская, так молился над ним: «Боже отец наших, призри от престола славы Твоей на раба Твоего Арсения, да почиет на нем всегда благодать Духа Твоего Святаго и пребудет с ним благословение Твое».

В 1393 году блаженный Арсений возвратился в Великий Новгород, неся с собой чудотворную икону со Святой Горы. Здесь предстал он архиепископу Иоанну, которому поведал все бывшее с ним на Святой Горе и просил у него благословения создать на севере обитель во имя Рождества Богородицы. С миром отпустил его владыка – и Арсений с иконой Богоматери отплыл на озеро Ладожское. Побыв в обители Валаамской, решился он идти на безмолвие в более уединенные места – и Промыслом Божиим достигнув пустынного острова Коневского, основал обитель Коневскую, где прогнал первоначально от древнего идольского требища лукавых духов с их мечтами и страхованиями.

По устроении обители и умножении братии преподобный Арсений опять пошел на святую Гору Афонскую – это было уже при новгородском архиепископе Симеоне – и замедлил в своем странствовании. Случилась тогда великая скудость в его обители, так что братия, одолеваемые голодом, хотели разойтись. Но один из старцев, по имени Иоаким, украшенный благочестием и сединами, взошел на соседнюю с обителью гору, где сперва подвизался преподобный, и молил Небесную питательницу Матерь Божию ниспослать им насущный хлеб. После долгой молитвы задремал старец, и сквозь тонкий сон явилась ему Матерь Божия в небесной славе. «Не скорби, старче, – сказала Она тихим голосом, – скажи братии, чтобы не расходились от этого места, ибо вскоре прибудет к вам сам

Арсений с обилием всего нужного для обители. На другой день Арсений, действительно, приплыл на двух больших судах и привез с собой множество припасов. После многолетних подвигов, в глубокой старости, предал он Господу чистую свою душу 1447 года 12 июня, в день память преподобных Онуфрия и Петра Афонского, по примеру коих уединялся на святой Горе Афонской.
(Жития святых Российской Церкви)

14 ИЮНЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Нифонта[155]

Преподобный отец наш Нифонт родился в области, называемой Аргирокастрон, от священника селения Лукови. Когда ему исполнилось десять лет, брат отца его, бывший в монастыре святого Николая экклесиархом, взял его к себе для утверждения в правилах строгой христианской нравственности. Монастырь святого Николая был основан Константином Мономахом на месте, называемом ныне Месопотам. По принятии отрока в монастырь дядя прежде всего озаботился обучением его грамоте, а потом облек его в иноческий образ. Начатки образования в Священном Писании были так успешны в отроке, а безусловное послушание и скромность его – так назидательны, что вскоре он был сделан чтецом; по достижении же совершенного возраста удостоен и священства. При таком Божественном достоинстве, постоянно упражняясь в чтении Священного Писания и житий святых, Нифонт до такой степени уязвился любовью к Богу и желанием непорочного хранения святых Его заповедей, что решился оставить все и погрузиться в глубокую пустыню, где бы, при всех условиях безмолвия, можно было бы ему вполне посвятить себя единому Богу. Вследствие сего он удалился из монастыря святого Николая на гору Геромерион, где тогда уединенно подвизался один старец, прибывший с горы Синайской. Там, при руководстве и наставлениях опытного синаита, юный Нифонт, восходя от силы в силу, вполне почувствовал, что и горная пустыня Геромериона неудовлетворительна для порывов пламенной его души, жаждавшей безмолвия совершеннейшего и пустынных подвигов. Поэтому, подавляя в себе чувство привязанности к родине, к сродникам, друзьям и ко всему, что удерживает мысль в связи с миром, он отправился на святую Афонскую Гору и, при тайном водительстве Промысла, достиг пещеры[156] святого Петра Афонского, где тогда безмолвствовал чудный отшельник Феогност, которому и поручил себя Нифонт, как чадо отцу и раб владыке, скрывая пред ним свое священство. Таким образом, Нифонт, словно новоначальный, три года безусловно повиновался своему старцу. Наконец, по истечении этого времени, Феогност, узнав как-то случайно, что его послушник облечен саном пресвитерским, ни под каким видом не захотел иметь его послушником, тем более что подвиги и труды его казались ему чудными и назидательными. Сколько, с своей стороны, ни убеждал Нифонт и ни умолял старца, чтоб он был по-прежнему руководителем его, объясняя, что это для него необходимо, как еще для несовершенного в опытах отшельнической жизни, Феогност по крайнему своему смирению не согласился на то. Посему Божественный Нифонт удалился от него в соседственный скит великого Василия[157] и там четырнадцать лет провел в крайнем безмолвии, раз только в неделю подкрепляя свои силы малым количеством сухого хлеба.

Между тем, в лавре открылась моровая язва: множество братий сделалось ее жертвой – так что игумен вынужден был пригласить святого Нифонта в лавру, для Божественного священнодействия. Таким образом, три лета провел он в деле сего великого служения. Впрочем, это послушание как ни было само по себе важно, но влечение сердца к

совершенному безмолвию не давало ему покоя. Не в силах будучи подавить в себе это чувство и влечение, он ушел оттуда в Вулевтирие – где ныне скит святой Анны[158], – и там, в пустынной тишине, провел много лет скитальчески без кущи и крова, питаясь только травой и кореньями.

Сколь ни высока, сколь ни безпристрастна была жизнь Нифонта, сколь ни назидательна для всех, однако ж нашлись завистники, которые выставили его на вид игумену священной лавры как прельщенного. Доказательство своей клеветы усиливали они тем, что преподобный будто бы гнушается хлебом, как греховной и непозволительной снедью, и потому питается пустынным зельем. Чтоб узнать справедливость обвинения, игумен призвал к себе преподобного Нифонта и спросил, к чему он так строго ведет себя, гнушаясь даже свойственной человеку пищей.

– Древние отцы, – говорил он, – питались зельем в пустынях, потому что не было там хлеба, а здесь есть и хлеб, и другие яства, которые следует употреблять во славу Божию, с умеренностью, избегая таким образом сатанинского кичения от неумеренного и строгого поста.

Как истинный послушник, преподобный принял смиренно совет старческий. Между тем, избегая новых неприятностей, он уклонился из скита святой Анны и впоследствии сблизился с преподобным Максимом Кавсокаливитом, так что сей последний, после многолетнего сопостничества с дивным Нифонтом, в доказательство своей искренней к нему привязанности и дружбы уступил ему собственную свою кущу, или шалаш, а себе устроил близ него другую.

Но так как к святому Максиму многие стекались ради чудес, которые совершал он, и ради пророчеств о будущем, то святой Нифонт, не терпя молвы, с соизволения и по совету святого Максима удалился в пещеру против местности «святого Христофора» и там безмолвствовал. Немного протекло времени, как пришел к нему с его родины инок Марк, у которого был брат, – чтобы подчинить себя старческому его водительству. Святой принял его с любовью и повелел ему построить каливу как себе, так и брату.

– Что ты, отче? – возразил удивленный Марк, – брат мой – мирянин и живет в кругу своих родных.

– Прости, – отвечал ему смиренный Нифонт, – я помешанный и не знаю сам, что говорю. Не слушай меня, и делай, что тебе угодно.

Между тем, настал праздник святого Афанасия. Преподобный, посылая Марка в лавру на этот праздник, сказал ему:

– Возвращаясь с праздника, приведи с собой и брата твоего.

Марк на это возразил святому Нифонту то же, что и прежде. Но, приближаясь к лавре, он вдруг видит брата своего у монастырских ворот. Пораженный пророчеством святого, радостно обнял он пришедшего и, по окончании лаврского праздника, возвратившись вместе с ним к своему старцу, пал к ногам святого и просил у него прощения в своем маловерии. Вскоре за тем Марк до крайности разболелся, и святой, упрекнув его за маловерие и сомнение в чудодейственной силе Божией, помазал его елеем от неугасимой лампады, и Марк восстал от болезненного одра.

– Се здрав еси; ктому не согрешай, да не горше ти что будет, – сказал ему при этом святой Нифонт. Спустя несколько времени после сего Марк стал просить у Нифонта позволения половить рыбы в море и услышал от него следующее:

– Научись прежде уловлять и замечать нечистые помыслы, а от моря и ловли рыб откажись, да не погрузишься в море искушений.

Марк не обратил внимания на старческий совет и под предлогом измовения загрязнившегося платья спустился к морю, закинул удочку и наслаждался совершенным удовольствием. Преслушание не прошло даром. В то самое время, как Марк весь был погружен в свое занятие, вдруг из моря выпрыгнул и кинулся прямо на него огромной величины зверь. Марк ужаснулся и, молитвенно призвав на помощь своего старца, едва-едва кое-как избавился от зверя. Находясь вне себя от страха и в то же время держа в руках пойманную рыбу, он прибежал к святому, но тот с отеческим участием сказал:

– Преслушниче! Тот, кто преобразился в змия, на прельщение праотцев, и ныне принял вид морского пса на твою погибель, и только Христос, пришедший в мир для упразднения вражеской силы, по неисчетной Своей благости помог тебе в ожидании твоего покаяния. Что же касается до пойманной тобой рыбы, как плода преслушания, я ни под каким видом не решусь коснуться ее.

Тронутый старческим выговором, Марк пал к стопам его и плакал слезами раскаяния. С того времени он исправился и оказывал полное послушание святому до самой своей смерти, которая не замедлила посетить его. По смерти Марка в услужении святому остался племянник его Гавриил.

Еще за шесть месяцев преподобный Нифонт предвидел, что святой Максим Кавсокаливит уже близок к исходу в вечность, и сказал ученикам своим:

– Пойдем к святому Максиму для принятия от него последнего благословения, потому что более не увидимся с ним в настоящей жизни.

И вот они пришли. По взаимном приветствии друг друга святой Максим сказал:

– Радуйтесь, возлюбленные братия! Это приветствие уже прощальное, с этой поры мы более не увидимся.

Как предвидел преподобный Нифонт кончину преподобного Максима, так она и последовала.

По прошествии многих лет после того на Святой Горе опять открылось моровое поветрие, и послушник Нифонта, Гавриил, был поражен смертельно. Тогда у Гавриила жив был еще отец его, Досифей, который плакал по нем неутешно. Святой Нифонт утешал его и говорил:

– Не плачь, брат, – сын твой, ради послушания моему недостоинству, ныне не умрет.

Потом, обратившись к востоку, помолился ко всещедрому Богу втайне – и больной встал со смертного одра, славя Бога. Потом святой, беседуя с бывшими при нем, сказал:

– Вот брат наш, помощью Божией, выздоровел, а я во время Петрова поста должен умереть.

Наконец настал пост святых Апостолов. В субботу первой недели, встав утром, преподобный помолился, потом причастился Божественных Таин и наконец сказал своим ученикам:

– Чада возлюбленные о Господе! Настало время моего отшествия ко Господу, Которого с юности моей любил я от всей души моей.

Ученики смутились от старческих слов.

– Не смущаться и плакать надобно вам, – сказал он, заметив их смущение, – а радоваться, потому что во мне вы будете иметь молитвенника пред Богом о спасении вашем, только бы и с вашей стороны исполняемы были заповеди Его.

На другой день, т.е. в воскресенье, преподобный приказал им прежде укрепиться пищей, а потом выкопать ему могилу и приготовить все нужное для погребения:

– Время идти мне, – сказал, – в землю, от неяже и взят бых.

Когда все это было исполнено, он встал с одра и долго молился с поднятыми к небу очами и руками; наконец, по совершении молитвы, благословил всех, у всех просил прощения, возлег на смертный свой одр и, скрестивши на груди преподобные свои руки, мирно испустил и предал дух свой Богу. Тогда лицо праведника, в знамение небесной его славы и дерзновения пред Богом, просветилось как солнце. Преподобный Нифонт почил 14 июня 1330 года. Всех лет его земного жития было 96. Много сотворил он и чудес в течение своей жизни, из них, кроме сказанных, предлагаем здесь еще следующие.

Духовный и добродетельный старец Феодул пожелал однажды видеться с преподобным Нифонтом ради душевной пользы: встал и пошел к нему. Но дорогой, при одной стремнине, он поскользнулся и так уязвил ногу о камень, что от множества истекшей крови и от боли пришел в крайнее изнеможение и ожидал смерти. Наконец, в духе веры, горько восстенал он пред Господом и сказал: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий! Если Нифонт действительно имеет дерзновение пред Тобою и благодать, избавь меня, ради его молитв, от неминуемой смерти и страданий». Едва старец произнес это – течение крови остановилось, болезнь совершенно утихла и старец, славя Бога и Его угодника, выздоровел.

Один из иноков лавры преподобного Афанасия, питая чувство любви к святому, послал ему чрез друга своего сосуд с елеем. Случилось, что несший Нифонту этот дар споткнулся на пути, упал – и бывшие при нем другие вещи разбились, а сосуд с елеем остался цел. Когда брат принес и отдал преподобному этот сосуд, Нифонт с улыбкой сказал:

– Видишь, как сильна вера брата, пославшего елей. Вера его и тебя избавила от беды, и сосуд с елеем сохранила в целости, хотя прочее все и разбилось.

Прозорливость Нифонта поразила брата, которому он рассказал все, что случилось с ним на пути, – и брат прославил Бога.

Другой монах, страдавший много лет головной болью, вместо того, чтобы искать помощи свыше, обратился к врачам, истратил на них все, что имел, и не получил никакой пользы. Видя такую тщету человеческих пособий, он наконец пришел к преподобному и, припадая к ногам его, умолял его о даровании исцеления.

– Верую, святче, – говорил он, – чего не попросил ты у Бога, дастся тебе.

– Напротив, брат, – отвечал преподобный, – я человек грешный, а грешного Бог не послушает.

Между тем, больной, заливаясь слезами, не преставал припадать к стопам его и умолять об исцелении его от болезни. Тогда блаженный Нифонт, тронутый страдальческим положением брата, прочел молитву над головой больного, и больной почувствовал, что будто шум или сильный вихрь вылетел из головы его. Вслед за тем он исцелился и, славя Бога, возвратился в свое жилище, полный удивления и признательности к своему врачу.

Часовой мастер священной лавры выгнан был из нее за какую-то погрешность. Когда он пришел к святому и, жалуясь на неправедное изгнание свое из лавры, просил позволения остаться у него в послушании, – святой отвечал:

– Возвратись в лавру, припади к игумену, сознайся смиренно в своей вине, и ты будешь опять принят. Если не послушаешься моего совета, поверь – здесь не вытерпеть тебе тесноты пустынной, а что всего важнее, ты лишишься части и жребия святых отцов обители. А когда возвратишься – чрез несколько времени возведен будешь на степень экклесиарха, и потом – игумена лавры. Всего же более – смиряйся.

Затем Нифонт с улыбкой продолжал:

– Когда, по воле Божией, сделаешься игуменом, помни и нас.

Брат поступил по совету божественного Нифонта, и, действительно, принят был в лавру; потом, чрез некоторое время, по пророчеству преподобного, избран экклесиархом и, наконец, игуменом. Признательный за совет преподобного Нифонта, он посылал ему все необходимое для келейной жизни. Богу же нашему, славно прославляющему святых Своих, слава и держава во веки веков. Аминь.

15 ИЮНЯ

Память святителя Ефрема, патриарха Сербского[159]

Блаженный Ефрем, бывший третьим патриархом сербской Церкви, был сын священника, современного кралю Милютину; еще в молодых летах почувствовал он влечение к иноческой жизни. Родители желали видеть его женатым, но он скрылся из их дома и, найдя отшельника Василия, стал жить у него в посте и молитве, и у него же скоро дал обет иночества. Родители, узнав о месте пребывания его, хотели отнять его у пустынника, но он убежал на Афон и там скрылся в одном из скитов. Во время военных тревог Ефрем с учениками своими перешел в Ибровский монастырь в Сербии; здесь был он и игуменом, но недолго. Поклонившись святыням патриархии, он поселился в уединенном месте вблизи Дечанского монастыря и здесь жил строгим отшельником. По смерти царя Душана начались смуты безначалия и потом появились разбои. Отшельник Ефрем избит был до полусмерти дурными людьми, вынуждавшими поделиться с ними деньгами. Патриарх Савва, преемник св. Иоанникия, первого патриарха Сербского, взял старца в патриархию и назначил для него пещерную келью; великий постник ожил и выздоровел здесь. Благочестивый князь Лазарь отправил посольство к патриарху Константинопольскому с просьбой об окончании споров, происходивших относительно сербской патриархии. Мир

с Греческой церковью восстановлен. Надлежало спокойно избирать нового патриарха на место почившего Саввы. Тогда, к сожалению, в Сербии явилось довольно искателей патриаршей кафедры. После общей молитвы собор сербских архиереев в г. Печи избрал патриархом «преподобного отшельника Ефрема» – старца, украшенного не только сединами, но и высокими добродетелями. Блаженный Ефрем, вовсе не ожидавший такого избрания и приведенный на собор для объяснения ему избрания, горько заплакал и молил уволить его от тяжелой для него доли. Собор отвечал: «Указанный Богом имеет быть посвящен». Это было 3 октября 1375 года, на память св. Дионисия Ареопагита. Вслед за тем Ефрем посвящен был в патриархи и потом венчал князя Лазаря венцом сербских властителей. Не напрасно блаженный Ефрем так плакал о том, что возлагают на него высокий сан. Время было тяжелое: много безпорядков завелось в Церкви при расстройстве гражданского правления. Как не все областные правители охотно покорялись князю Лазарю, так не все архиереи и прочие духовные лица оказывали повиновение патриарху Ефрему, невзирая на его высокую духовную жизнь. Привыкший к тихой уединенной жизни, отягощенный нестроением дел, св. Ефрем отказался от многозаботливой должности правителя сербской Церкви. В 1382 году он посвятил на свое место блаженного Спиридона, а сам стал жить уединенно в Архангельской обители царя Душана. Люди духовной жизни высоко уважали блаженного Ефрема и в его уединении, признавали его наставником и учителем опытным и охотно следовали советам его.

Блаженый Спиридон, заботливый о иноческих обителях, скончался в 1388 году почти в одно время с блаженным князем Лазарем, павшим на Косовом поле.

Так как по кончине Спиридона и князя Лазаря время было крайне смутное, то упросили блаженного Ефрема снова управлять Церковью до избрания нового патриарха. Так он довольное время снова управлял сербской паствой к утешению лучших людей.

Дивный подвижник, кроткий как ангел, он почил 15 июня 1400 г., 88 лет, при преемнике патриарха Даниила, Савве. Мощи его покоятся в великой патриаршей церкви[160]. (Память святителя вторично в общей службе свв. сербским святителям и учителям – 30 августа).

18 ИЮНЯ

Память преподобного Леонтия Прозорливого[161]

Преподобный отец наш Леонтий был родом из Аргоса Пелопонесского, подвизался на св. Афонской Горе, в обители святого Дионисия. Он в течение шестидесяти лет, проведенных им в монастыре, однажды только вошел в него и однажды вышел из него, т.е. изнесен был по преставлении своем. За высоту своей жизни сподобился он дара прозорливости и пророчества, а по смерти источил миро от божественных своих мощей, как повествует Малакса, протоиерей навплийский. Преподобный Леонтий отшел ко Господу в 1605 году, 16 марта, будучи 85 лет.

20 ИЮНЯ

Память святителя Каллиста I-го патриарха Константинопольского

Святейший патриарх Каллист полагал начало своим подвигам на Афоне в находящемся близ обители Филофейской скиту Магула (теперь он в развалинах), под руководством преподобного Григория Синаита, которого и жизнь пространно описал впоследствии. В этом жизнеописании (см. 6 апреля) святейший Каллист приводит многие случаи, где упоминает о себе, как ближайшем ученике преподобного: он не только жил при нем на Афоне, но и сопутствовал ему во многих его странствованиях. Когда же преподобный Григорий Синаит около 1340 года удалился в царство Болгарское, где и подвизался близ Тырнова, то Каллист остался в скиту и пользовался великим уважением за свои добродетели. В скиту он прожил, как сам говорит, целых 28 лет. Потом с аскетического поприща, в 1350 году, восшел, после патриарха Исидора, на вселенскую константинопольскую патриаршую кафедру и занимал оную при Иоанне Кантакузене и Иоанне Палеологе. Славен был святитель своими добродетелями и на святительском престоле – как поборник православия и справедливости. После четырех лет святительствования он оставил кафедру[162] и удалился для безмолвия в обитель св. Маманта. Место его занял Филофей. Когда же Кантакузен переменил царскую жизнь на иноческую и царем единовластным сделался Иоанн Палеолог, тогда Каллист, возвратившись из Тенедоса, куда удалялся, восшел на патриаршую кафедру во второй раз в 1355 году[163] и управлял Церковью еще восемь лет. Император, находя необходимым сблизиться с сербами для отпора врагам, отправил послом к сербской царице Елене (инокине Елисавете) патриарха Каллиста с клиром[164] , через Солунь и Афон; здесь св. Максим Кавсокаливит предсказал патриарху скорую кончину, говоря, что старец сей не увидит более своей паствы, ибо позади него слышится уже надгробная песнь: *блаженни непорочнии в пути.* И действительно, патриарх тяжко заболел в городе Ферах[165], где и скончался. Кантакузен в своей истории так говорит о его погребении: «Елисавета великолепно похоронила патриарха в митрополии Ферской. Когда же из афонских монастырей, особенно из священной лавры, прибыли к ней достойнешние и добродетельнейшие мужи и просили тело патриарха перенести на Афон и похоронить у них, то она отказала, говоря, что сама нуждается в его ходатайстве пред Богом»[166].

Патриарх Каллист известен и как писатель, и как проповедник. Из написанных им житий известны – житие преподобного Григория Синаита[167] и «Жизнь преподобного Феодосия Терновского» († 1362 г.)[168]. Помещаемые же в греческом Добротолюбии 100 глав в наставление безмолвствующим и главы о молитве[169] приписываются или сему блаженному патриарху и подвижнику, или же патриарху Каллисту II-му († 1397 г.)[170]. Немногие из его бесед и слов известны в печати; они встречаются только в рукописях греческих и славянских прот[171].

25 ИЮНЯ

Житие преподобного Дионисия, ктитора обители в честь Крестителя Иоанна, что на святой Горе Афонской[172]

Преподобный Дионисий родился близ гор Касторийских, в селении Корисон. Родители его были незнатного рода и, при довольстве сельской жизни, вели себя благочестиво. Несмотря на столь обыкновенное свое присхождение, благородный Дионисий, при родительской попечительности, получил начатки классического образования и наконец,

при содействии благодати Божией, достиг до такой степени рассудительности, что, подобно жаждущей животворных вод лани, восхотел оставить все чувственное и временное, чтобы приобрести духовное и вечное, и всего себя посвятил на служение Богу. И Бог, видя пламенную его к Нему любовь и желание спастись, устроил спасение его следующим образом.

У Дионисия был старший брат, именем Феодосий. Как братья по плоти, при одинаковых сердечных качествах и характерах, они в образе жизни держались одинаковых правил. Будучи восемнадцати лет от роду, Феодосий захотел видеть Константинополь, чтоб там между благочестивыми иноками найти себе опытных руководителей на жизненном пути и принять от них необходимые в таком случае наставления. Оставив отчизну, родителей и брата своего Дионисия, бывшего тогда еще дитятей, он отправился в царственный град и прежде всего явился в патриархию, как в исключительное место и пристанище иноков испытанной жизни, составляющих цвет и красоту Церкви. Испросив позволение поселиться там, он сколько, с одной стороны, усвоял себе начатки подвижнической жизни, столько – с другой – и обучался всему, что необходимо знать в отношении внешнего образования. При отличных способностях Феодосий в удовлетворительной степени изучил Священное Писание и догматы веры, вследствие чего и сделался предметом всеобщего уважения и любви, тем более что был нрава кроткого, в обхождении и беседах со всеми ласков. В жизни подвижнической удивителен, и сверх того самый вид его был увлекателен и благороден. Такие свойства души Феодосия не могли утаиться и от самого патриарха. Услышав о добродетельной жизни его, он обратил на него особенное внимание и рукоположил его сначала в диакона, а потом, как сильного в слове и дивного в знании Священного Писания, и во священника.

По принятии священства Феодосий вел жизнь гораздо строже и возвышеннее прежнего, а это самое и было впоследствии виной сердечного влечения его к пустынной тишине и безмолвию, так как общение с миром, невольные отношения к нему и дружеские связи не только не представляют средств к развитию душевных сил, но часто подавляют чувство долга и священных обязанностей к Богу. В таком стремлении духа к уединению мысль Феодосия останавливалась на святой Афонской Горе, куда и удалился он из Константинополя. По прибытии сюда, посетив монастыри и некоторые из келий, он вступил в число братства обители Филофеевской. Здешние братия, соответствуя и во всех отношениях названию обители, т.е. поистине боголюбивые (hiloqeoi), сначала служили для Феодосия образцом подражания и соревнования в подвижнической жизни, а потом он превзошел всех и сам сделался для других примером и украшением своего боголюбивого братства. Между тем как Феодосий таким образом преуспевал в подвигах иноческой жизни, скончался игумен Филофеевской обители: вся братия на его место просила Феодосия, как опытного и достойного быть вождем духовного стада. Истинный послушник, помня священные свои обеты, сложенные пред алтарем в присутствии братий, которым предал себя в безусловное повиновение, Феодосий принял жезл настоятельского правления и, при содействии благодати, так мудро руководил всех и каждого порознь на стезях иноческого жития, что славой имени его наполнилась Святая Гора и многие стали приходить к нему для душевной пользы.

Теперь скажем и о приходе брата его, Дионисия, на Афонскую Гору, и то, каким образом он сделался ктитором чудного монастыря Предтечи, а потом уже договорим остальное и о мудром Феодосии.

По отбытии Феодосия в Константинополь малолетний Дионисий мало-помалу мужал и, следуя тайному влечению мысли, особенно при известиях о брате Феодосии, проходившем со славой иноческую жизнь, пламенно желал посвятить себя также на

служение Господу Богу. Слыша, что брат его – на святой Горе Афонской и что там находится много старцев высокой жизни, решился он отправиться туда же. Но когда узнал тамошнее положение – не принимать в монастыри слишком юных и что за нарушение это, по завету древних отцев, наказываются строго, решился отложить свое намерение до совершенных лет, хотя это было слишком тяжело его сердцу. Наконец, кончив такой искус терпения, он, как орел, понесся на Святую Гору и, как жаждущая лань, устремился к прохладе живительных вод: притом ему сильно хотелось не только пустынных подвигов, но и свидания с братом, о котором уже знал, что он игуменствует в Филофеевской обители. Трудно выразить радость братского свидания! Вся обитель была тронута и все братство радовалось прибытию Дионисия, который, со своей стороны, всматриваясь в образ жизни иноческой и видя взаимность общения мира и любви в братии, восклицал с Давидом: *се что добро или что красно, но еже жити братии вкупе!* (Пс. 132, 1). Чрез несколько дней игумен постриг Дионисия, и он благодарил и прославлял Господа, совершившего с ним то, чего желал он от всего сердца. Под мудрым руководством брата своего Феодосия начал он преуспевать в подвигах, подражая, по своим силам, благочестивым старцам. Вместе с тем Феодосий стал занимать Дионисия особенно чтением Священного Писания и изучением Божественных догматов Церкви и наконец, как свидетельствованного в чистоте жизни, сделал его сначала экклесиархом – каковое послушание исполнял он весьма прилежно, – а потом, чрез эрисского епископа, рукоположил его в диакона, по достижении же тридцати лет и в пресвитера. Тогда-то особенно Дионисий по мере духовного своего возвышения начал возвышаться чистотой мысли и сердца, смирял себя пред Богом в чувстве недостоинства тех щедрот благодати, которые удивил Он на нем, – так что, по словам святого апостола Павла, *забывая задняя, в предняя же простираясь* (Флп. 3, 13), при помощи Божией восходил от силы в силу и царственно низлагал и сокрушал главу невидимого врага – князя тьмы века сего. Таким образом, эти два брата среди отцов обители просияли, как две яркие звезды, и славился их ради Бог, прославляющий славящих Его. Но Божественный Дионисий в преизбытке сердечной любви к Богу стремясь к более высоким подвигам поста, молитвы и совершенной нестяжательности, как один из древних богоносных отцов, чувствовал, что среди множества братий, с коими нужно по необходимости иметь общение, а иногда и неприязненные столкновения, трудно себя вести так, как бы желал. Вследствие сего и вознамерился он погрузиться в глубокую пустыню, где бы при совершенном безмолвии и невозмутимой тишине можно было без развлечения заниматься умной молитвой и беседовать только с одним возлюбленным Спасителем и Богом. Впрочем, чтоб и в этом отношении не увлечься своеволием, он обратился к опытным старцам, открыл им свою мысль и требовал на них совета. Получив же от них благословение на такой подвиг, он вышел из обители тайно, чтобы не останавливали его, и, поднявшись почти на самый верх малого Афона, нашел в южной части его пещеру и близ нее источник прекрасной воды, так что все способствовало ему там к безмолвной жизни. Обрадованный этим, Дионисий благодарил Господа и остался там, не имея даже существенных потребностей жизни – хлеба и иной одежды, кроме той, которую носил, и то изорванной. Как истинный подражатель безстрастной ангельской жизни, блаженный не обращал внимания ни на немощь природы, ни на ее требования, но, ставши выше всего чувственного, питался чтением Священного Писания и молитвой и оправдывал на себе сказанное Господом: *не о хлебе едином жив будет человек* (Мф. 4, 4). Пищей же для плоти служили ему каштаны и дикие травы, а когда приходило желание вкусить хлеба, он спускался для того или к какой-нибудь келье, или являлся в монастырь, и потом опять погружался в пустынную свою пещеру. Так протекло три года. Постоянно очищая молитвой и постом чувства душевные и телесные, Дионисий наконец достиг совершенства. Тогда, наставляемый Богом, явился к нему один из опытных и благочестивых подвижников Святой Горы и просил благословения поселиться возле его пещеры. С большим трудом упросил он строгого в этом отношении Дионисия. За сим вскоре пришел другой брат – и оба они

построили себе каливы, подчинили себя Дионисию, с безусловным, с своей стороны, послушанием старческой его воле. Но как град не может укрыться, стоя верху горы, так и подвиги Дионисия огласились всюду и славой его имени наполнилась Святая Гора. Следствием сего было то, что многие, приходя к нему для наставления и советов, изъявляли желание остаться под старческим его водительством и управлением. Дионисий сначала не соглашался на это, но когда те настоятельно просили и умоляли его, он отвечал им: «Братия возлюбленные! Я уклоняю вас от себя, и уклоняюсь от вас не почему-нибудь другому, а единственно потому, что место здешнее дико и строго. Если же непременно хотите быть при мне, то поднимитесь на гору выше, и там найдете место удобное: понравится – живите, а я даю слово навещать вас и по силам моим помогать вам в сердечных ваших нуждах». Согласившись на это, они построили в северной части горы кельи, с церковью во имя Крестителя Иоанна, которая называется и ныне Древним Предтечей. Таким образом вокруг преподобного Дионисия составилось избранное общество пустынной братии, и он являлся к ним по субботам, для Литургии, при совершении которой, приобщая их святых Таин, оставался с ними в течение двух дней для назидания и утешения их, а вечером в воскресенье, взяв у них себе хлеба и пустынных растений, уходил в свою пещеру. Но так как на го ре в течение зимы, особенно в северной части, слишком холодно и братия много страдали от холода, то с благословения старца они спустились вниз, на западную сторону, и, построив себе каливы, развели там виноградники, а между прочим построили себе небольшое судно, потому что при умножении братства стали иметь нужду в жизненном продовольствии и в общении с другими местами Святой Горы. Если случалось им выгружать пшеницу или другие какие-либо вещи, святой, как образец трудолюбия, сам участвовал с братиями в послушаниях – тем более, что от природы был силен и могуч. Он говорил при этом, что начальствующий должен быть во всех отношениях примером для братии. Часто преподобный проводил ночи в набережной каливе, и тогда как братия, по обыкновению, вставали в полночь для отправления утрени на открытом воздухе, не имея на то храма, и он также, в течение всей службы, стоял без развлечения, как неподвижный столп, возносясь мыслью и сердцем к Богу.

Однажды во время утрени, Дионисий на том месте, где впоследствии по Божией воле устроен монастырь, вдруг увидел дивный светильник, ярко горевший до самого рассвета. Сначала, полагая, что это действие неприязненной силы, святой никому не рассказывал о своем видении, но так как оно продолжало повторяться многие ночи сряду, то он передал о нем одному прозорливому и богодухновенному старцу, иеромонаху Дометию, жившему при храме Пресвятой Богородицы. Чтоб поверить видение, мудрый Дометий пошел сам к святому Дионисию: видение трижды повторилось в присутствии Дометия. Убежденные таким образом в действительности Божественного чуда, они открыли об оном всем братиям. Все собрались к камню, где являлся необычайный свет, освидетельствовали, нет ли тут какого-нибудь светящего тела, под влиянием физического действия, и когда ничего не открыли, Дометий пророчески изрек Божественному Дионисию: «Богу угодно, чтобы здесь построена была святая обитель, куда соберутся иноки, и прославится в них Бог; поэтому не медли начать оную, не заботясь о потребностях вещественных; всемогущий Бог пошлет тебе все нужное, и я, с своей стороны, буду содействовать, чем могу». То же сказали и братия, обещаясь помогать своему старцу в устроении обители. Таким образом, помолившись, очистили они место и прежде всего постарались воздвигнуть башню, чтобы оградить себя и, впоследствии, обитель от морских разбойников. Что же касается до продовольствия и денег, необходимых в подобном случае на многосложные нужны и расходы, то слава имени Дионисия и высокая жизнь его влекли к нему не только от мест Святой Горы, но и из отдаленного мира, людей, жаждущих его слова, утешений и старческих советов, – и эти-то духовные чада его щедрой рукой сыпали ему деньги и все необходимое для возникающей его обители. Между тем как Дионисий трудился над

основанием своей обители, брат его Феодосий, игумен Филофеевский, однажды пред праздником Благовещения вышел с другими братиями ловить рыбу. Во время ловли ночью напали на них разбойники и, захватив в плен, отвезли в Бруссу, где продали (в неволю) тамошним христианам, которые, купив их, даровали им полную свободу, предоставляя им идти, кто куда хочет. Тогда как иные возвращались на Святую Гору, божественный Феодосий, по Божию устроению, прибыл в Константинополь. Патриарх и прочие, знавшие его прежде, весьма обрадовались его прибытию, тем более что одна из византийских обителей не имела игумена. Впрочем, Феодосий оставался там недолго. Вслед за тем как прибыл он в Константинополь, в Трапезунде скончался митрополит. На ту пору в этом городе находился император Алексей Комнин, повелением коего было предписано патриарху избрать на осиротевшую кафедру трапезундской Церкви достойного понести жезл и бремя иерархического служения. Жребий сего высокого служения, волей Божией и избранием как патриарха, так и клира его, пал на смиренного Феодосия, который, кроме чистоты сердечной и святости жизни, и в других отношениях – как то, в отношении внешнего вида – был привлекателен, украшался патриархальной брадой до самых чресл и притом славился силой и сладостью слова и приветливостью в обхождении. Но что всего важнее – он имел обширные и глубокие сведения о Церкви в догматическом и каноническом отношениях. Итак, не внимая извинениям Феодосия, отрицавшегося от столь высокого звания под предлогом собственного недостоинства и трудности церковного правления, патриарх рукоположил его и возвел на степень митрополита. Таким образом, Феодосий должен был отправиться по назначению, к своей пастве, в Трапезунд, где и был принят торжественно и с радостью императором и всей Церковью. Услышав об этом, радовался и божественный Дионисий, что брат его возведен на степень митрополита, славя Бога, так дивно и вопреки нашим предначертаниям и воле располагающего судьбами нашей жизни. Зная также по слухам, что Феодосий пользуется особенным вниманием и расположением императора, Дионисий впоследствии предпринимал путешествие в Трапезунд, к брату, чрез ходатайство которого ожидал для своей только что возникавшей обители царственных пособий и обезпечения. Впрочем, не полагаясь в этом случае на свое собственное суждение, он отправился к преподобному Дометию и требовал от него совета на свое предложение. Дометий, со своей стороны, благословил его намерение, и Дионисий в сопутствии учеников своих отправился в Трапезунд. Свидание братьев было трогательно. Дионисий рассказал Феодосию о начавшемся строении обители, объяснил ему побуждения к столь важному делу и, наконец, просил братских его пособий, а особенно – ходатайства его пред императором. Феодосий с участием выслушал его и представил потом лично государю. После милостивых расспросов со стороны императора о положении Святой Горы Дионисий, ободренный внимательностью его и снисхождением, решился изложить пред ним собственные свои нужды и, наконец, предложил ему быть ктитором возникающей его обители, в подражание державным его предкам, основавшим на Святой Горе обители, – чрез что и хранится память их и переходит из рода в род и из века в век, с молитвой о спасении душ их. Император, тронутый слезами старца, с удовольствием принял его предложение и, обезпечив обитель из царских своих сокровищ данной ей грамотой, обязал и преемников своего престола иметь о ней попечение. И притом, кроме отпущенных сумм Дионисию, император той же грамотой[173] предписал выдавать монастырю каждогодно по тысяче серебряных монет из царских сокровищ, что и было исполняемо долгое время. Таким образом, Дионисий, пробыв несколько времени у брата своего и обласканный императором, весело отправился от них, прославляя Промысл Божий, так дивно устроивший дела его. Но, находясь в Черном море, вдруг и он и прочие заметили несколько турецких судов, несшихся к ним навстречу. При виде варваров на всех напал страх, но Дионисий, твердо уповая на Бога, сказал сопутникам: «Не бойтесь ничего, подождите немного – и вы увидите силу Божию. Возложим всю надежду на Господа, и Он отклонит от нас опасность». Между тем, варвары, приближаясь к ним, стали стрелять.

Тогда преподобный, воздев длани свои к небу, со слезами помолился так: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, прославляемый присно со Отцем и Духом! Услыши меня, недостойного раба Твоего и, ради предстательства Пречистой Твоей Матери и Предтечи и Крестителя Твоего, избавь нас от врагов наших». Во время молитвы (сколь велико дерзновение преподобного пред Богом!) вдруг предстал великий Предтеча, с жезлом в правой руке, и успокоил всех бывших с Дионисием; варварам же грозил смертью, если они осмелятся приблизиться и не уйдут назад. И угрозы Предтечи сопровождались действительной казнью варваров: руки у них внезапно потеряли силу и оцепенели. Видя столь славное чудо и скорую помощь свыше, все, находившиеся с преподобным, благодарили Господа, вопия: «Слава Тебе, всемогущий Царю, чрез Крестителя и Предтечу Своего избавившему нас от смертной опасности!» Спасенные таким образом, Дионисий и ученики его благополучно прибыли к Святой Горе, в свою обитель. Когда братия узнали, как Господь помог им, все радостно прославили Божественный Его Промысл. А Дометий заметил при этом преподобному, что всякому благому делу нужно только начало, равно как и основанию обители; в остальном же – Господь помощник. «Итак, начинай теперь строение с усердием», – продолжал он. Тогда преподобный приступил к зданию обители и воздвиг, в честь святого Предтечи, великолепный храм, устроил водопроводы и все, что входит в состав монастырских зданий. Таким образом возникла обитель Предтечи Господня, в 6888 году от сотворения мира, или в 1380 году от Рождества Христова.

Впрочем, отпущенными из царских сокровищ суммами здания обители исправлены не во всех отношениях: святой Дионисий, со своей стороны, считал необходимой потребностью стенную живопись в соборном храме, что и позвало его снова в Трапезунд для личных объяснений с императором об остальных нуждах священной его обители. Император, как и прежде, благосклонно выслушал почтительные просьбы старца и исполнил их с сердечной радостью и удовольствием. Но тогда как, радуясь о новых пособиях своей обители, преподобный славил Бога и весело спешил к своему братству, всегдашний враг человеческого спасения, завистливый сатана, попущением Божиим, готовил жестокий и чувствительный удар для его сердца. По прибытии к Святой Горе святой никого не нашел в монастыре, потому что набежали туда турки и взяли всех братий в плен, забрав с ними и церковные драгоценности. Увидев это, он предался великой скорби и плачу, но ни одного укоризненного или ропотного слова не произнес на Господа, зная, что это наведено на него от ненавистника добра – диавола. Чрез некоторое время, как истинный пастырь расхищенного стада сердечно сокрушаясь о страдальческом его положении в плену неверных, он всех своих пасомых выкупил, и они снова собрались воедино. Но такой чадолюбивый подвиг дорого стоил Дионисию: истратив данные от царских щедрот суммы на искупление чад своих и на окончательное устройство обители, он остался по-прежнему без средств, как в отношении необходимого продовольствия, так касательно и прочих церковных нужд. В таком затруднительном положении снова обратился он к божественному Дометию и требовал его совета – что делать в такой крайности: идти ли опять к императору или оставить дело на произвол неисповедимых судеб Божиих. Когда же Дометий положительно изрек, чтоб отправиться еще раз к императору, Дионисий, несмотря на множество путевых неприятностей и трудов, принял совет его с безусловной покорностью и, оставляя монастырь, поручил его старческому надзору и попечительности Дометия. «Тебе, отец мой, – сказал он прощальным голосом, – по Господе Боге и после великого Предтечи поручаю обитель сию: предчувствую, что мне не видеть ни ее, ни тебя, отец мой!» – «Да, отвечал вдохновенно старец, – мы уже не узрим друг друга на земле; зато там, в небесах, пред лицом Божиим, блаженствуя безконечно, не расстанемся вовеки». – Так и сбылось.

По прибытии в Трапезунд преподобный рассказал брату своему, а потом, представленный императору, передал и ему о случившемся несчастии и смиренно испрашивал

царственных пособий для своей обители. Император с участием выслушал старца и утешил его надеждой на возможную помощь с царской его стороны. Но святой Дионисий не дожил до того дня, когда император предположил исполнить свое слово; потому что чрез несколько после сего дней наступил преподобному последний день жизни на земле. Призвав брата своего и попросив императора, он поручил заботливости их обитель свою и при них же, обратившись с молитвой о них к Богу, тихо испустил последний вздох жизни – отошел ко Господу, на 72 году от роду. Это было 25 июня. Брат его, митрополит трапезундский, торжественно отдал последний долг преподобному, с должной честью и благоговением совершил погребение тела его, от коего впоследствии истекло множество чудес – для призывавших молитвенно преподобного в помощь себе. Между тем, братия, сопутствовавшие преподобному, были облагодетельствованы богатой милостыней, как от императора, так и от митрополита, и потом отправились на Афонскую Гору. Когда весть о кончине преподобного была передана ими монастырю, – все рыдали о лишении такого отца[174]. А святой Дометий, утешавший их поначалу, хотел было уйти от них в безмолвие, но все братство со слезами пало к ногам его и просило не оставлять их совершенными сиротами, но заступить место преподобного Дионисия. Послушливый Дометий тронулся слезами их и нехотя принял на себя правление обителью – до тех пор, пока не отошел ко Господу, в глубокой старости. Богу нашему слава во веки. Аминь.

Память преподобного Дометия игумена Дионисиатского[175]

Духоносный и богоносный отец наш Дометий был сподвижником и другом святого Дионисия, ктитора обители честного Предтечи, а после кончины его – пастырем и игуменом сей обители.

(Смотри житие препод. Дионисия, 25 июня).

Страдание святого преподобномученика Прокопия[176]

Родина святого преподобномученика Прокопия была местность близ Варны. Родители его были благочестивые христиане. По достижении двадцатилетнего возраста у него явилось желание посвятить себя иноческому житию, а потому, оставив родителей и сродников, он удалился на святую Афонскую Гору.

Прибыв на Святую Гору, он сначала не определялся ни в один монастырь, а жил как странник, переходя из одного места в другое по всей Афонской Горе, присматривался к различным родам иноческой жизни и наконец, избрав самую суровую отшельническую жизнь, подчинил себя руководству старца Предтеченского скита Дионисия.

Проводя строгую отшельническую жизнь, он для утверждения себя еще в более высоких подвигах пожелал принять ангельский образ, чего старец не только не возбранил ему, но даже сам постриг его в монашество.

По принятии ангельского образа Прокопий еще более начал подвизаться в посте, бдении и молитве; кроме того, имел совершенное послушание и великое терпение в подъятии трудов отшельнической жизни и, как бы венцом всех его подвигов, украшался кротким и незлобивым нравом, приводя всех отцов в удивление своей добротой и простосердечием. Но, однако, и враг нашего спасения, диавол, видя Прокопия преуспевающим в

добродетелях, и сам не дремал, но зорко следил за подвижником, изыскивая лишь удобное время неожиданно напасть на него, разграбить душевное сокровище и, нанеся сердцу смертельный удар, ждать окончательного падения.

Всезлобный враг начал свой лукавый приступ с того, что каждодневно стал навевать в его душу помыслы уйти в мир. Брань, воздвигнутая душегубцем, день от дня становилась сильнее и, наконец возобладавшая чувствами Прокопия, с ожесточением обратилась в бурю, вырвавши несчастного с корнем добрых начинаний из вертограда Христова и сообщества труждающихся в нем делателей. Против вражеской бури Прокопий не устоял, а потому решился оставить Святую Гору и уйти в мир, что он и сделал, и, никому не сказавшись, отправился в Смирну.

Как только Прокопий высадился на берег, не дремлющий диавол, уже овладевший его сердцем и умом, начал смущать и приводить Прокопия в отчаяние, подсказывая, что так как он без всякой причины оставил Святую Гору и подвиги, в которых не захотел пребывать долее, не терпя иноческих трудов, и возвратился опять в мир, то непременно должен подвергнуться мучениям.

Смущение, овладевшее его душой, сделалось еще сильнее, когда он вспомнил, что своим удалением из Афонской Горы причинил скорбь добродетельным мужам и что все отцы Предтеченского скита считают его как бы уже умершим для добродетельной жизни, так как он ушел из Святой Горы подобно татю, ни с кем не посоветовавшись и ни у кого не взяв благословения, не находя оное нужным. Так точно и здесь он не хотел или, быть может, враг не допускал его открыть свои помыслы духовнику и таким образом поступить по совету последнего[177].

Несчастный, погубив светильник, просвещающий его сердце, променял оный на мрачную и безлунную ночь, в которую грабители и вовлекли его в бездну погибели. Считая уже себя потерянным, жалкий Прокопий решился на весьма отчаянный и ужасный шаг: оставить христианскую и принять мусульманскую веру.

Воображая положение несчастного Прокопия, душа всякого христианина должна содрогнуться, видя, как бывший подвижник Христов вдруг сделался отступником; причина этому – безсовестие и скрытность, которые и довели его до глубокого падения. Конечно, при этом душа его страдала и боролась до тех пор, пока адская сила не взяла верх и, взнуздав несчастного, не повлекла к погибели.

И вот однажды, намереваясь положить конец всем своим страданиям, пошел он к городскому судье заявить свое отвержение от Христа, где предварительно был остановлен сторожами, которые спросили его:

– Зачем тебе понадобился судья, жалобу ли какую хочешь подать ему или принять мусульманскую веру?

– Принять мусульманскую веру, – робко ответил Прокопий. – Сторожа тотчас ввели его к судье, заявив, что Прокопий желает уверовать в Магомета. Тогда судья ласково обратился к отверженному:

– Действительно ли ты хочешь принять нашу веру?

– Да, действительно, – отвечал несчастный, забыв данные им при пострижении обеты, обещание вечных благ и угрозы вечных мук.

Видя согласие, судья приказал Прокопию произнести некоторые хульные слова, а чрез 15 дней было совершено над ним и обрезание. Но дивны судьбы Твои, Боже! Лишь только отступника обрезали, мысль его вдруг переменилась, совесть заговорила, обличая его в вероломном отречении от Иисуса Христа, и он, как бы от бывшего опьянения, пришел в полное сознание и сейчас же решился искать помощи в своем заблуждении.

Выбрав удобное время, он тайными путями пришел к другу своему, духовнику, с которым был знаком, когда жил на Афоне, но духовник, видя его в турецкой одежде, удивился столь странному превращению.

– Ты, конечно, отче, удивляешься, видя меня в турецкой, а не в монашеской одежде? Но за тем-то я к тебе и пришел, чтобы ты смыл с меня то пятно, которым я, несчастный, будучи прельщен диаволом, сам себя осквернил, и вместе с тем облек бы меня в первую мою одежду. – Далее Прокопий стал рассказывать, как он оставил Святую Гору и как отрекся от Христа, присовокупив, что для восстановления себя от своего падения желает принять мученическую кончину, за исповедание имени Иисуса Христа.

Духовник, видя благую мысль Прокопия, порадовался о его обращении, но вместе с тем заметил ему: «Обдумал ли ты как должно то, на что решаешься? Ты знаешь, что враги веры Христовой будут тебя жестоко мучить, а потому как бы вместо победителя не сделаться тебе вторично побежденным и вместо получения венца не явиться достойным слез! Если ты действительно пришел посоветоваться со мной как с духовником, то говорю тебе, как друг и отец, что милость Божия к нам грешным безпредельна и что нет греха, побеждающего человеколюбие Божие, а потому советую тебе возвратиться опять на святую Афонскую Гору и там в покаянии и слезах оплакивать свой грех, и я уверен, что Господь, видя твое покаяние, простит тебе твое глубокое падение, подобно тому, как Он простил апостола Петра, отрекшегося Его пред слугами первосвященника иудейского».

Но кающийся отверженник отвечал ему: «Знаю и я, отче, что придется мне много претерпеть мук от врагов Креста, но я верю, что Бог, укреплявший всех святых мучеников в страданиях, всесилен и меня укрепить на исповедание Его имени».

Духовник, видя твердость его мысли, не стал более отклонять его от желания мученичества, и с этого времени Прокопий стал готовиться к подвигу, притом и чаще начал приходить к духовнику для подкрепления своих мыслей, а чрез пятнадцать дней Прокопий объявил ему, что этот день последний, когда они видятся, так как он решился сегодня же предстать на суд пред турками. Тогда оба они пропели молебен Богоматери и, поцеловав друг друга последним целованием, вышли вместе из дома духовника, который, издали следуя за мучеником, напутствовал его своими тайными молитвами до самого судилища. Когда мученик предстал пред судьей, то сбросил со своей головы зеленую повязку и дерзновенно начал исповедовать христианскую веру, а мусульманскую проклинать с их ложным пророком. Судья, слыша посрамление своей веры, сначала приказал его бить и потом заключить в темницу, думая этим заставить его переменить свои мысли, но не видя с этой стороны успеха, обратился к нему с ласками и обещаниями высоких должностей и чинов. Слыша льстивые обещания, святой мученик благодушно отвечал: «Если бы вы дали мне и весь мир, то и тогда бы не возмогли переменить моего твердого намерения».

Твердость мученика ускорила приговор судей, которые, следуя в формальности вновь полученному тогда царскому указу, извещавшему их, что государство находится в опасности от нападающих на него врагов, и повелевавшему им как можно скорее решить великие и малые дела, чтобы подготовиться силами к отражению неприятелей, сочли

излишним терять время и заниматься пытками и приказали немедленно отрубить Прокопию голову.

Когда святой мученик был приведен на место казни и без смущения преклонил главу свою к усечению, то мусульмане, видя его мужество, удивлялись, и никто из них не решился совершить казнь. В то время был в Смирне один отверженник от Христа, отличавшийся свирепостью нрава, которого привели на место казни, и он без колебания исполнил то, что не могли сделать даже варвары от природы, и таким образом разлучилась с телом очищенная кровью душа святого преподобномученика Прокопия 25 июня 1810 года, в субботу. Слава и благодарение Христу Богу, укрепляющему святых Своих, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Первая неделя по неделе всех святых

Память преподобного отца нашего Феолипта, епископа Филадельфийского (память его совершается в первую неделю по неделе всех святых)

Богомудрый отец наш Феолипт родился в г. Никее в малой Азии, около 1252 г. Император византийский Михаил Палеолог, овладевший царским престолом в 1260 г., видя, что расшатавшаяся его империя готова пасть под напором врагов, боровших Византию со всех сторон, искал поддержки себе в благоволении римского папы, заслужить которое думал единственно введением унии, т.е. соединения Восточной православной Церкви с Западной. Признавая папу главой всех прочих церквей, Палеолог, при пособии тогдашнего патриарха Константинопольского Иоанна Векка, отличавшегося также особенным рвением к единению с Римом, старался всеми силами принудить к унии своих подданных, и особенно клир и иноков. Жестоко ратовал император против не соглашавшихся на унию, заключал в тюрьмы, наносил им увечья и предавал публичному посмеянию. Наконец, 6 июля 1277 г. был обнародован указ императора, которым торжественно объявлялось о признании главенства римского папы, у противников же унии повелено было конфисковать имения и продавать их с публичного торга.

В то время блаженный отец наш Феолипт достиг 25?летнего возраста и, имея сан диакона, сиял уже ревностью своей о чистоте православия, а потому лишился своего дома и, спасаясь от гонений, укрылся на святую Афонскую Гору. Здесь он, приняв иноческий образ, подвизался в пределах Кареи. Вскоре он так возвысился в добродетельной жизни и преуспел в иноческом любомудрии, что был наставником в этом божественному Григорию Паламе, как свидетельствует о том сам святой Григорий (см. Filokalia, стр. 361).

Богомудрый Феолипт свою ревность по Бозе засвидетельствовал и исповедническим подвигом, ибо разысканный латиномудрствующими еретиками, особенно вооружившимися тогда на Святую Гору, как на оплот православия, святой Феолипт был представлен императору; безбоязненно обличил он свирепость Палеолога против святой Церкви, за что был страшно избит и заключен в тюрьму, где провел немалое время. Выпущенный впоследствии из темницы с позволением идти куда хочет, блаженный возвратился в Никею, убедил оставшуюся там свою супругу последовать его примеру и посвятить жизнь Христу. Потом он проводил уединенную жизнь в поставленной им же куще в сокровенном месте близ Никеи. Но не должен, по слову Священного Писания, светильник скрываться под спудом: и вот, в 1283 г., поручает ему Господь пасти своих овец. Святой Феолипт был возведен на святительскую кафедру филадельфийской митрополии.

Блаженный Феолипт скончался около 1325 года[178]. Назидательные и превосходные беседы благословенного Феолипта находятся в «Добротолюбии» в русском переводе, том 5-й, стр. 175 – 189. М. 1890 г.

5 ИЮЛЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Афанасия

Этого небесного человека, земного ангела, безсмертных похвал достойного мужа, в смертную жизнь ввел великий город Трапезунд, в науках возрастил Константинополь, а явили в нем жертву Богу Кимин и Афон. Родители его славились благородством и богатством и всем известны были своей знатностью и благочестием. Отец его происходил из великой Антиохии, а мать – из Колхиды; в Трапезунде же они имели только жительство. Отец его умер еще до рождения святого, а мать, родив его и освятив крещением, едва успела вскормить его своим молоком, как перешла вслед за мужем из временной жизни в вечную. Этому еще в пеленах осиротевшему младенцу дано было при святой купели имя Авраамий. Впрочем, лишившись земных своих родителей, он не остался без попечения и промысла о себе Небесного Отца сирот. Господь вседетельным Своим манием возбудил к милосердию сердце одной монахини – благородной и богатой девы, знакомой и подруги Авраамиевой матери: она взяла к себе и стала заботиться о нем, как о своем дитяти. Авраамий с самого своего малолетства показывал уже, каков он будет со временем. Скромность во всем его поведении, благочиние, понятливость, далеко не по годам разумность, великое воздержание были отличительными чертами детского его возраста. Когда он играл с другими детьми, ти своими играми пророчествовали ему будущее: собираясь в пещеру, они избирали его не царем или воеводою, а игуменом и подчинялись ему, что впоследствии и исполнилось, – и многие из тех детей с возрастом сами сделались иноками. Видя, что монахиня, его воспитательница, постоянно упражняется в молитвах и пребывает в частых постах, Авраамий удивлялся ей и спрашивал ее о причине такого ее поведения. Она, заметив в нем удобоприемлемость для благих назиданий, усердно и всячески старалась на этой благой и плодоносной почве сеять возможно более семян благочестия. И не напрасно было святое ее старание. Авраамий с душевной радостью внимал наставлениям своей воспитательницы и с того времени, оставляя детские игры, стал вкоренять в сердце своем страх Божий, который есть начало премудрости, а со страхом и любовь к Богу, и, по степени развития детских своих сил, укрепляемый благодатью Святого Духа, начал упражняться в подвигах добродетели. Воспитательница Авраамия, питая сердце его благочестивыми назиданиями, не пренебрегала и образованием его ума. Отрок отдан был ею в научение книжное. Обладая счастливыми от природы умственными способностями, он понимал урок столь легко, что был дивом и для учителя, и для своих товарищей.

Но, когда минуло Авраамию семь лет его возраста, он снова осиротел: духовная мать его, монахиня, из сей юдоли нашей привременной переселилась в Небесную отчизну. После сего он возымел сильное желание отправиться в Византию, чтобы посвятить себя там высшим наукам. Господь, пекущийся о сиротах и видящий направление наших желаний, призрел на чистоту сердечного его стремления и потому премудро устроил дело по желанию его сердца. По устроению Божию с Авраамием познакомился один евнух тогдашнего царя Греции Романа Старшего, бывший в то время в Трапезунде таможенным чиновником. Видя целомудрие и ум отрока, он полюбил его, взял с собою в столицу и

отдал там в научение одному славному наставнику, по имени Афанасий. Учась у Афанасия, юный Авраамий, при счастливых умственных способностях, быстро шел вперед в своем образовании и в короткое время обладал уже многими сведениями по всем частям преподаваемых ему наук. Но при своем старании об образовании ума Авраамий не оставлял в небрежении и образования нравственного. Сколько питал он свой ум уроками философии, столько же умерщвлял плоть свою строгой жизнью и воздержанием, – и вскоре сделался почти тем же, что был и Афанасий.

В то время в Византии был один военачальник, по имени Зефиназер. Он женил своего сына на одной сроднице Авраамия, которая посоветовала своему мужу взять юношу в дом свой. Сын вельможи тотчас согласился на предложение юной своей супруги. Но Авраамий не вдруг решился исполнить волю своей сродницы. Только после многократно повторенной просьбы юных супругов явился он в их дом, да и явившись, не хотел пользоваться одним с ними столом, ибо желал скрыть воздержную свою жизнь, которой научился почти с пеленок. Поэтому в услужение ему дали двух человек, которые от господ и доставляли все для него нужное. Но блаженный Авраамий, не желая баловать свой вкус роскошными вельможными блюдами, уговаривал прислужников, чтоб они те снеди продавали и покупали для него только ячменный хлеб; да и ячменный хлеб вкушал он чрез два дня, с сырыми зелиями, питием же его была одна вода; редко когда к малому утешению своей природы вкушал он некоторые из плодов. Чтобы умерщвлять таким образом плоть свою, он никогда не насыщал чрева и считал истинным питанием воздержание, находя невыразимое наслаждение в частых и долгих постах. Не более этого был он снисходителен к себе и в отношении сна, считая истинною для себя жизнью бодрствование. Для борьбы со сном он наполнял таз водой, полагал в нее снегу (если он был) и, когда одолевала его дремота, мыл свое лицо этой холодной водою. Малый же сон, допускаемый по необходимому требованию природы, принимал он, успокоиваясь не на одре, а сидя на стуле. Будучи таким немилосердным врагом своей плоти, Авраамий к нищим своим братиям был, напротив, необыкновенно милостив и сострадателен, так что все, получаемое от сродников и друзей, передавал в руки убогих и бедных; если же не имел ничего, что мог бы дать им, то снимал с себя нижнее платье и отдавал оное в милостыню, а сам оставался в одном верхнем одеянии, лишь бы только прикрыть свое тело. Слуги, видя это, докладывали своей госпоже, и она присылала ему новую одежду, но и с этой поступал он так же, считая наготу своего тела царским одеянием, а холод – приятной теплотой. Так, державно подчиняя плоть и душу свою урокам мудрости и светло просвещаясь ими, он еще прежде облечения в иноческий образ оказывался уже истинным иноком и прежде пастырского совершенства – совершенным пастырем. За такую дивную свою жизнь, за сладость и утешение в беседах, за богатство мудрости он пользовался любовью и уважением всех. Поэтому самые товарищи Авраамиевы, питая неподдельное к нему расположение, желали видеть и иметь его своим наставником и просили о том царя. Царь, узнав и сам высокую жизнь Авраамия и глубокую его мудрость, с удовольствием согласился исполнить их просьбу и сделал его, по должности наставнической, равным учителю его, Афанасию. Но недолго сидел Авраамий на кафедре наставнической. Так как учение его стало славиться больше, чем учение Афанасия, его наставника, отчего к нему собиралось больше учеников, чем к последнему, то Афанасий по слабости человеческой стал завидовать бывшему своему ученику Авраамию и даже ненавидеть его. Узнав об этом и не желая служить камнем преткновения своему наставнику, Авраамий оставил должность учителя и проводил в доме воеводы жизнь частную, упражняясь в обычных подвигах добродетели. Скоро воевода по повелению царя должен был в видах некоторых государственных нужд отправиться на острова Эгейского моря. Питая великое расположение к Авраамию, он взял и его с собою. Когда они, посетив Авиду, были на острове Лемносе, Авраамий увидел оттуда Афонскую Гору – возлюбил ее и положил в

своей мысли намерение вселиться в ней. По совершении царского поручения возвратились они в столицу.

Наставничество в своей столице устраивал Авраамию царь земной, самодержец, а Бог Вседержитель иное промышлял об ученике Своем.

В те дни, по устроению Божию, прибыл в Византию святейший Михаил Малеин, славный игумен монастыря Киминского, что в Малой Азии. Слыша о добродетелях его (ибо он был славен и всем известен), Авраамий явился к нему и, рассказав ему подробно всю свою жизнь, открылся и в том, что имеет давнее, сильное и постоянное желание сделаться иноком. Божественный старец тотчас провидел, что он предызбран быть сосудом Святого Духа. Во время духовной их беседы, умыслом Божиим, пришел посетить святого старца племянник его, славный Никифор, который был тогда военачальником всего Востока, а потом сделался самодержцем Греции. Никифор имел взгляд весьма проницательный: посмотрев на Авраамия и его сложение, нрав и поведение, он распознал в нем человека дивного. Когда Авраамий вышел от старца, Никифор спросил своего дядю, кто это такой и зачем он; преподобный рассказал ему все, и с того времени этот военачальник помнил его до гроба. Лишь только преподобный Малеин возвратился в Кимин, тотчас явился к нему и Авраамий, сгоравший желанием скорее сделаться иноком. Припав к ногам преподобного, он усердно и смиренно просил у него святой иноческой одежды. Старец, зная его прошедшее и провидя будущее, не медлил исполнить его просьбу и тотчас же, без обыкновенного искуса, удостоил его ангельского образа, переименовав из Авраамия Афанасием; даже облек его во власяницу, чего у них там в обыкновении не было, и таким образом вооружил его как бы бронею против всех врагов нашего спасения. Сделавшись Афанасием, Авраамий, по ревности своей к подвижнической жизни, хотел вкушать пищу только раз в седмицу, но старец, чтобы отсечь волю его, велел ему принимать пищу однажды в три дня и спать на рогоже, а не на стуле, как спал он прежде. Зная истинную цену послушания, Афанасий безпрекословно исполнял все ему повелеваемое – не только игуменом, но и другими начальственными в обители лицами. В остающееся же от монастырских послушаний время он по воле старца занимался каллиграфией. Видя его смирение, вся киминская братия называла его сыном послушания, любила его и дивилась ему.

В четыре года этот новый достохвальный подвижник частыми своими постами, бдениями, коленопреклонениями, всенощными стояниями и другими дневными и ночными трудами и потом восшел на верх подвижнической жизни. Посему святой старец, сознавая его приготовленным и способным для Божественных созерцаний, позволил ему вступить на поприще безмолвия и для того назначил ему одно уединенное место, в миле от лавры. В этом безмолвии старец заповедал ему вкушать хлеба, и то сухого, не в три, а в два дня, и немного воды, а во время Четыредесятницы принимать пищу чрез пять дней, спать – на седалище, как прежде, а во все воскресные дни и господские праздники бдеть в молитвах и славословиях от вечера до третьего часа дня. Блаженный сын послушания свято исполнял волю духовного своего отца.

Упомянутый воевода Востока, Никифор, однажды явился в Кимин посетить своего дядю, что делал он часто. Беседуя с ним, вельможа спросил его о юноше Авраамии, которого видел он у него в Царьграде. Преподобный сказал ему, что этот юноша из Авраамия переименован уже Афанасием, и рассказал подробно о дивных его подвигах. В это время случился там и брат Никифора, Лев Патрикий, доместик Запада. Вельможи захотели непременно видеть Афанасия. Удовлетворяя желанию своих племянников, преподобный согласился показать им редкое свое сокровище – чудного Афанасия, и они все трое отправились к нему в безмолвие. Слушая мудрые и приятные беседы его, вельможи

столько утешались, столько радовались в душе своей и такой привязались к нему любовью, что едва расстались с ним. Эта любовь и впоследствии была источником искреннего их расположения, почтения и даже благоговения. По возвращении в обитель Никифор и Лев, вполне растроганные свиданием с Афанасием и пораженные мудростью духовных его бесед, говорили своему дяде: «Ты обогатился поистине великим сокровищем; очень благодарим тебя, что показал нам его». А старец, видя такое расположение своих племянников к Афанасию, призвал его и, вверив ему души и тела их, заповедал им впредь обращаться к нему, как к духовному своему отцу, и во всем повиноваться ему. Племянники от всей души благодарили своего дядю за такое устроение духовного их отношения и за попечение о них. После сего вельможи снова имели беседу с Афанасием и не уставали поражаться его мудрости. Да и сам старец удивлялся благодати, исходившей из уст духовного своего сына. Между тем, Никифор объявил Афанасию наедине богоугодное свое намерение непременно сделаться иноком. «Имей надежду на Бога, – сказал ему на то Афанасий, – и Он устроит, что тебе полезно». После этого Никифор и Лев с молитвою, с миром и великою для своих душ пользой удалились из Кимина. С того времени питали они к Афанасию большее благоговение и почтение, чем к своему дяде. После сего не только они, но и все другие из синклита и знатных вельмож, приходившие к преподобному Михаилу для молитвы и благословения, посылаемы были им для этой цели к Афанасию. Но, любя смиренномудрие и ненавидя славу человеческую, Афанасий решился удалиться из Кимина – особенно когда услышал, что святой старец Михаил хочет сделать его вместо себя игуменом. Раз, говоря об Афанасии с одним своим знакомым, преподобный, действительно, сказал: «Вот мой преемник!» Но святой Михаил имел здесь ввиду не преемничество в игуменстве своем: зная от Духа Святаго, что Афанасий много успеет в добродетели, взойдет на высоту созерцаний и будет жилищем благодати Божией, он пророчествовал, что духовный его сын сподобится подобных ему дарований, будет и пастырем многих словесных овец, только в другом месте, и люди будут благоговеть к нему.

С течением времени божественный Михаил больше и больше старел и дряхлел, а потому часто и болел. Начальнейшие в обители иноки, надеясь, что по смерти его будет начальствовать в ней Афанасий, часто посещали его в келье и, восхваляя его, оказывали ему разные ласки и услуги, чего прежде не делали. Удивляясь такому их поведению, Афанасий сначала не постигал причины изменившегося их обращения, но вскоре узнал от одного монаха, что преподобный Михаил наименовал его себе преемником. Получив такое известие, Афанасий, хотя и жалел о разлуке с возлюбленным отцом, но, избегая начальствования и соединенных с ним забот, а более всего – считая себя недостойным этого сана, оставил Кимин и не взял с собою ничего, кроме двух книг, им же самим написанных, а также четвероевангелия с деяниями святых апостолов и священного кукуля преподобного отца своего, который он всегда хранил, как священное некое сокровище. Оставив Кимин, он удалился на Афон, который, как мы сказали выше, видел и полюбил уже давно.

Желая лучше ознакомиться с пустынной жизнью здешних подвижников, он посетил многих отшельников и, при посещении их, видя чрезвычайно строгое их житие, дивился им и вместе веселился духовно, что нашел такое место, какого желал с давнего времени. Чудные афонские отцы проводили жизнь без всяких развлечений: не возделывали земли, не торговали, не имели никакого телесного попечения, не держали рабочего скота, не строили для себя даже и келий, а только сплетали из трав малые каливы и жили в них со многим злостраданием: во время лета от солнечного жара, а во время зимы – от холода. Пищею для них были только каштаны и другие подобные плоды. А кто доставлял им пшеницу или огородные овощи, тому платили они за то дикими плодами. Но это случалось весьма редко, потому что Афон был пристанищем безбожнейших критских

варваров, которые являлись сюда часто и либо немилосердно убивали, либо отводили в плен святых подвижников[179]. Посещая пустынных безмолвных подвижников, Афанасий узнал, что преподобный Михаил Малеин отошел ко Господу, и пролил о нем слезы скорби и сожаления, как сын об отце.

Обозревая таким образом Афон, преподобный Афанасий достиг обители Зиг[180]. Здесь, вне обители, нашел он одного простого, но опытного в духовной жизни старца-безмолвника и остался у него в послушании, назвав ему себя Варнавою и сказавшись потерпевшим кораблекрушение корабельщиком – совершенным невеждою. Так поступил он с тою целью, чтобы оставаться никому не известным и чтобы не могли отыскать его вельможи – Никифор и Лев, почитавшие его духовным своим отцом и питавшие к нему глубокое благоговение. Старец Афанасиев по преклонности лет и дряхлости не мог много трудиться: поэтому он, будучи молод и смиренномудр, старался восполнять недостаток трудов своего старца и исполнял всякое дело – высокое и низкое. Спустя немного времени стал он просить своего старца, чтоб тот поучил его грамоте. Старец, искренно желая научить его книжной премудрости, написал ему азбуку и приступил к объяснению букв, но славный византийский учитель, когда преподаваема была ему азбука, к крайнему искушению терпения мнимого своего наставника, показывал вид, что он не только не знает грамоты, но даже и не может научиться ей. Поэтому простец нередко бранил мудрейшего и даже выгонял от себя. Мудрый Афанасий все это терпел и даже радовался порицаниям своего отца.

Благочестивый Никифор, услышав об удалении Афанасия из Кимина, чрезвычайно опечалилися и решился употребить все возможные со своей стороны средства к отысканию его. Он не знал мысли Афанасия об Афоне и желании его удалиться туда; однако ж, вероятно по предположению, написал солунскому судье убедительное письмо, прося его, чтоб он принял на себя труд отправиться на Афон для отыскания там сердечного его друга, монаха Афанасия, ставя обретение его верхом своих желаний, и за то обещал судье искреннее свое расположение и всегдашнее внимание. В письме своем Никифор очертил судье внешние Афанасиевы приметы, нравственным же отличием выставил высокую ученость Афанасия и глубокую его мудрость. Получив письмо Никифора, судья тотчас отправился на Афон, но поиски его были тщетны, и он возвратился без всякого успеха, потому что об ученом и мудром Афанасии ни прот горы, ни другой кто никогда и не слыхал. Впрочем, расставаясь с судьей и желая утешить его, прот сказал ему, что на предстоящем празднике Рождества Христова он будет высматривать искомого им монаха и, может быть, встретит его. По обычаю того времени все святогорцы собирались в Карейскую лавру трижды в год (в Рождество Христово, Пасху и Успение Пресвятой Богородицы), составляли там совокупный праздник, утешали себя приобщением пречистых, животворящих Христовых Таин, подкрепляли постнические свои силы общей трапезой и потом расходились по своим обителям. Итак, когда все святогорцы собрались в протат, прот в некоем иноке Варнаве действительно признал внешние приметы друга воеводы Никифора, но Варнава был простец, а друг Никифора – муж ученый. Для лучшего дознания истины, прот решился устроить Варнаве испытание. Он приказал канонарху, чтоб Варнаве, после 3-й песни, назначено было чтение для братии[181]. Варнава извинился, что не знает грамоты, и то же утверждал старец его, говоря, что он едва выучил начало первого псалма, и просил прота, чтоб он назначил другого чтеца. Но прот велел Варнаве читать, как он может. Преподобный начал читать, складывая по слогам, как дитя. Тогда прот стал угрожать ему епитимьей, если он не будет читать, как действительно может. Тут Афанасий, связуемый страхом запрещения, не мог более скрываться, повиновался поставленной от Бога власти, разрешил благоглаголивый свой язык и стал читать с такой мудростью, так сладко и витиевато, что весь лик старцев, смотря на него и слушая его, изумлялся, а мнимый преподаватель, старец его, сначала

удивился слышимому от мнимого ученика своего и ужаснулся – потом заплакал от умиления, стыдился своего учительства и с тем вместе славил и благодарил Господа Бога, сподобившего его быть учителем такого мудрейшего мужа. Когда Афанасий окончил чтение и, по обычаю, положил на оба клироса поклоны, – встали все отцы и сами поклонились ему. А один из почетнейших отцов святогорских – Павел Ксиропотамский[182] – ко всему собору отцов стал в духе пророческом говорить об Афанасии так: «Братие! Этот брат, пришедший в Гору сию после нас, по добродетели – впереди нас, и в самом Царствии Небесном будет выше нас славою, ибо станет начальником этой Горы, многих направит ко спасению, и все будут повиноваться ему». Тогда для прота ясно открылось, кто был простец Варнава, и он, отведя Афанасия в сторону, объявил ему, что его ищут византийские вельможи Никифор и Лев. Преподобный смиренно и убедительно просил, чтобы прот никому не объявлял о нем. Не желая и сам лишиться такого для горы сокровища, прот обещал ему хранить его тайну и назначил ему для жития одну отшельническую келью, расстоянием от Кареи в три мили. Безмолствуя там, Афанасий получал себе пищу от рукоделия или занятия каллиграфией. А писал он так скоро, что в шесть дней кончал всю псалтирь, и так искусно и красиво, что не было другого подобного ему. Деньги же, получаемые им от этого труда, он раздавал в милостыню, удерживая самое малое количество только на то, чтобы как-нибудь содержаться со своим товарищем, который содействовал ему в трудах его жизни.

В то время брат Никифора, магистр Лев, начальник над всем полками на Западе, победив скифов, на обратном пути прибыл на Афон – с одной стороны, для того, чтоб благодарить Пресвятую Богородицу, даровавшую ему славную над варварами победу[183], а с другой – и за тем, чтоб самому удостовериться, не живет ли здесь Афанасий. Так как, по Писанию, не может укрыться град, верху горы стоящий, то скоро явился миру и этот мудрый отшельник. Лев, по тщательном испытании узнав о нем, пришел в безмолвную его келью и, обретя своего отца и досточтимого наставника, от сильной радости плакал, обнимал его и лобызал. Отцы Афона, видя столь великое расположение могущественного вельможи к преподобному, предложили ему, чтоб он попросил воеводу о деньгах на устроение храма в Карее (то есть протата), большего, чем прежний, ибо старый был мал и не вмещал всей святогорской братии, когда у них бывали собрания, – чем братия очень стеснялись и затруднялись. Преподобный предложил об этом Льву; Лев с радостью дал им тогда же столько денег, сколько им было нужно, и на месте иноческих их собраний скоро стал красоваться храм превосходный.

Проведя несколько дней в мудрых и богодухновенных беседах с Афанасием, Лев удалился с Афона. Вслед за тем по всей Святой Горе разнеслась слава об Афанасии, и многие стали каждый день приходить к нему для душевной пользы. Но он, любя безмолвие и избегая поводов к тщеславию, удалился во внутренние части Горы, чтобы найти там место по своей мысли. Бог же, промышляя не о его только пользе, но и о пользе будущей его паствы, привел его на самый конец Афона – на мыс его. Там преподобный устроил себе небольшую каливу и в подвигах восходил от силы в силу. Место это, долженствовавшее послужить утверждением всему Афону, называлось Мела на (черные). Между тем, сын тьмы и доброненавистник, диавол, видя великие подвиги преподобного, не мог быть равнодушным и готовил войну на своего противоборца. Сначала он уязвлял святого стрелами нерадения и всячески старался возбудить в нем ненависть к избранному им месту, чтобы таким образом удалить его оттуда. Но это все было по строению и попущению Божию, чтобы святой опытом собственной брани научился распознавать вражескую хитрую брань с человеком и умел потом помогать в искушениях будущим своим чадам. Так как там не было никого, с кем бы мог он посоветоваться, что ему делать, то он утвердился в следующей мысли: «Буду терпеть год, и тогда уже что Господь устроит со мною, то и сделаю». Решив таким образом свою судьбу, святой остался там и

весь тот год терпел безпрерывную брань. В последний день, когда он с утра намеревался идти на Карею, чтоб тамошним отцам исповедать обстоятельства своей жизни, внезапно, по прочтении им третьего часа, облистал его небесный свет и окружил его всего. Супостат-диавол, не терпя этого небесного сияния, удалился от Афанасия, с темными своими навождениями – и сердце преподобного исполнилось неизреченного веселия, которое источало обильные и сладкие слезы. С этого времени святой получил дар умиления и плакал без труда, когда только хотел, и столько полюбил то место Мела на , сколько прежде ненавидел его.

В то время славный и благочестивый Никифор, назначенный от царя верховным вождем всей римской армии, отправился с воинством на остров Крит, где гнездились тогда нечестивые агаряне и много безпокоили римлян. Узнав же от брата своего Льва, что Афанасий находится на Афоне, он послал туда царский корабль с письмом к преподобным отцам Святой Горы, и, прося святых молитв их ко Господу Богу о всесильной Его помощи к побеждению и посрамлению нечестивых, убеждал их послать к нему Афанасия с другими двумя добродетельными старцами. Святогорцы, прочитав письмо полководца, дивились, что он питает такую приязнь к преподобному. С охотой согласились они исполнить просьбу и моление воеводы, но на волю и желание их не вдруг согласился Афанасий, так что они в этом случае принуждены были прибегнуть к сильной против него мере запрещения. Тогда он уже и против воли повиновался им. Святогорцы дали ему и одного старца в сопутники – но Афанасий начал повиноваться ему, как ученик своему учителю. Отпустив от себя Афанасия, все насельники Святой Горы стали как о нем, так и о Никифоре возносить прилежную ко Господу Богу молитву – и храбрый Никифор славно победил критских агарян. Скоро и благополучно прибыл туда и искренний друг его Афанасий. С неизреченным весельем встретил его здесь счастливый воевода и много дивился тому, что он с великим смирением и радостью нес долг послушания простому старцу. Победоносный Никифор, прежде чем стал рассказывать другу своему о мужественных подвигах, совершенных им в настоящей славной войне, напомнил ему о прежних своих обещаниях быть иноком и говорил: «Страх, отче, который вы имели прежде во всей Горе от нечестивых агарян, ныне по святым молитвам вашим кончился. И я, уже неоднократно пообещав святыне твоей удалиться от мира, теперь к исполнению этого моего обещания не имею никакого препятствия. Только усердно прошу тебя, отче: прежде создай для нас безмолвное убежище, где бы мы могли уединяться с другими братиями, – потом устрой особо великую церковь для киновии, куда бы можно было нам ходить всякое воскресенье для приобщения Божественных Христовых Таин». Говоря это, Никифор тогда же давал преподобному и достаточное количество денег на нужды и расходы по предполагаемым постройкам. Но Афанасий, избегая забот и попечений житейских, не принял от своего друга ненавистного злата, а заповедал ему всегда хранить страх Божий и внимать своей жизни – так как он находится среди сетей мира, и только сказал: «Если есть воля Божия, исполнится и то, чего ты желаешь». Выслушав этот отказ Афанасия, Никифор впал в великую печаль, но не отлагал желания и надежды устроить на Афоне монастырь для себя и своего друга. Наконец, проведя несколько дней во взаимных и приятных беседах на завоеванном Крите, друзья разлучились: преподобный возвратился на Афон, а стратиг, победивший полчища агарянские, отправился в столицу. Воспламенившись сильным и непременным желанием построить монастырь, Никифор скоро послал к Афанасию одного духовного своего друга, именем Мефодия, сделавшегося потом в горе Киминской игуменом, – с письмом и шестью литрами золота и убедительно просил его начинать постройку монастыря. Преподобный, размышляя о горячем желании и добром намерении благочестивого воеводы, увидел, что есть воля Божия создаться монастырю, и потому, приняв посланное ему золото, в 6469 г. (961г.) в месяце марте, 4?го индиктиона, усердно приступил к построению – сперва, как желал Никифор, безмолвного убежища, где и создал храм[184] во

имя всеславного Предтечи, а потом, ниже старой своей в Меланах каливы, начал строить превосходную церковь во имя и честь Пресвятой Богородицы для предполагаемой киновии, – чего также хотел Никифор. Видя сии дела преподобного, расседался от злобы немощный супостат-диавол и решился препятствовать ему в строении. Когда строители начали рыть землю под основание храма, безсильный доброненавистник демонскими своими действиями ослабил руки их так, что они не могли ими коснуться даже уст своих. Святой Афанасий, сотворив о них прилежную к Богу молитву, разрешил руки их и таким образом посрамил лукавого. Это было первое его чудо. После того он взял орудие для копания и к большой досаде демона начал сам копать землю, вслед за ним стали безпрепятственно работать и мастера. Видя, какое над ними совершено Афанасием чудо, они восчувствовали великое к чудотворцу благоговение и, припав к ногам его, усердно просили, чтоб он удостоил их иноческого ангельского образа. Афанасий исполнил святое их желание и благодарил Господа Бога за то, что Он еще прежде, чем построен монастырь, посылает ему уже обитателей. Тогда зиждущие стали строить для себя убежище не как наемники, а как хозяева. И потому дело шло скоро и росло успешно.

Но так как слава о великих добродетелях преподобного и слух о Божественном его деле пронеслись везде, то отовсюду собирались к нему многие, желавшие сожительствовать с таким святым человеком и по своим силам подражать высокой подвижнической его жизни. При содействии помощи Божией, по молитвам преподобного, тот Божественный, изящный и чудный крестовидной формы храм во имя Пресвятой Богородицы был кончен. Потом святой создал еще два малых храма, на правой и левой стороне великого, – один во имя чудотворца Николая, а другой – во имя святых Сорока мучеников. Тогда только преподобный принял великую схиму – от некоего добродетельного отшельника, по имени Исаия, ибо до того времени не был еще совершенным иноком, хотя своими добродетелями давно уже был высок и пред Богом, и пред людьми, и, как светлое солнце, сиял пред всем миром. После сего построил он кельи для братии, трапезу, вмещавшую в себе двадцать один стол – из белого мрамора, из которых за каждым могли сидеть по двенадцати человек, потом – больницу-странноприемницу, баню для больных и странных и другие необходимые принадлежности богоугодного своего заведения. Так как вблизи созидающейся лавры не было достаточного количества воды, то святой искал ее в различных местах Горы и наконец в одном высоком неудобопроходном месте, на расстоянии от обители в 70 стадий, нашел он несколько родников, источающих превосходную воду. Несмотря на неодолимые и неисчислимые трудности, он или разрыл, или сокрушил гигантские утесы, положил между ними водосточные трубы, собрал и соединил в них несколько водных ключей и привел в лавру столько воды, что там мог разделить ее на несколько водоемов, устроенных отдельно для всех служебных заведений, как-то: хлебни, поварни, и проч., и проч., – что всякий может видеть и поныне.

«Повествовать о прочих зданиях и заведениях преподобного, как то: о параклисах внутри и вне монастыря, о мельницах, огородах и виноградниках, о различных им насажденных деревьях, о приобретенных им метохах и других угодьях, которые он устроил для доставления братии выгод, также о живописи в храме и о всех чиноположениях и законоположениях в церкви и вне ее, я, – говорит жизнеописатель, – считаю излишним, так как это дело истории, а не повести о его жизни. Скажу только, – пишет он, – что во всех указанных выше трудах всегда принимал участие и сам преподобный. Он был так крепок и силен, что много раз один с одной стороны волок какой-нибудь груз, тогда как с другой волокли его три человека и едва успевали за ним следовать. К нему отовсюду собиралось множество народа: одни – принять от него благословение, другие – вопросить его о предметах сомнительных или неизвестных; и он всех принимал ласково и назидал спасительными беседами, так что никто не возвращался от него без душевной пользы. К церковным службам прилагал он все свое старание и заботился, чтоб они совершались

богоприлично и со всей точностью. Посему во время служб никто у него не дерзал разглагольствовать или выходить из церкви без крайней нужды. Вне церкви постоянно держал он двух братьев, которые испытывали выходящих из нее, и кто из них не имел благословной причины к выходу, тому выходить не дозволяли. Кроме того, один брат ходил по церкви, когда происходило чтение, во время которого, по обычаю, сидят, и будил тех, которые спали, или останавливал разговаривающих; другому брату повелевалось замечать, когда кто приходит в церковь и доносить о том подробно и точно, а после он уже сам испытывал всех, и с тех, которые приходили к службе поздно – именно по причине безпечности и нерадения, – взыскивал строго. Кратко сказать: преподобный был управитель мудрейший и пастырь неусыпный, тщательно заботившийся, чтоб хищный волк не пожрал ни одной овцы из словесного его стада. За эту-то душеполезную его точность в управлении вверенной ему паствой, за премногое усердие в церкви, за богоугодную его собственную сокровенную жизнь и за великое его благоговение к Приснодеве и Преблагословенной Богородице, он много раз удостаивался видеть Ее, многомилостивую к роду человеческому, даже чувственными очами – как умными видел Ее всегда. Из многих таковых случаев расскажем об одном.

Тогда как святой Афанасий строил свою лавру, попущением Божиим случилось, что в один год сделался в ней такой неурожай и голод, что во множестве стекшиеся к нему братии, не вынося строгих подвигов и постигшего лавру искушения, один за другим разошлись, так что наконец остался только сам святой Афанасий, и притом – без куска хлеба. Как ни был силен в подвигах и тверд в духе терпения святой Афанасий, но голод превозмог его, стойкость духа его поколебалась, и он решился оставить лавру и идти куда-нибудь в другое место. Наутро святой Афанасий, с железным своим жезлом, в смутном расположении духа уныло шел по дороге к Карее и в пути провел уже два часа; наконец силы его истощились и он хотел было присесть, чтобы отдохнуть, как вдруг показалась некая жена, шедшая ему навстречу, под голубым воздушным покрывалом. Святой Афанасий пришел в смущение и, не веря собственным глазам, перекрестился.

– Откуда взяться здесь женщине, – спросил он сам себя, – когда вход женщинам сюда возбранен?

Удивляясь видению, приближался он к незнакомке.

– Куда ты, старец? – скромно спросила та святого Афанасия, поравнявшись с ним. Святой Афанасий, окинув спутницу взором, взглянул ей в глаза и в невольном чувстве почтительности потупился. Скромность одежды, тихий девственный взор ее, трогательный голос, – все показывало в ней женщину не случайную.

– Ты кто? Как зашла сюда? – сказал старец незнакомке, – и к чему тебе знать, куда я? Ты видишь – я здешний инок. Чего же более?

– Если ты *инок* , – отвечала встреченная, – то иначе, нежели обыкновенные люди, должен и отвечать, – быть простодушным, доверчивым и скромным. Я желаю знать, куда ты идешь; знаю твое горе и все, что с тобою делается, могу тебе помочь – но прежде хочу услышать, куда ты?

Удивленный словами таинственной собеседницы, святой Афанасий поведал ей горе свое.

– И этого-то не вынес ты? – возразила незнакомка, – ради насущного куска хлеба бросаешь обитель, которая должна быть славной в роды родов? В духе ли это иночества? Где же твоя вера? Воротись, – продолжала она, – я тебе помогу: все будет с избытком

даровано, только не оставляй своего уединения, которое прославится и займет первое место между всеми возникшими здесь обителями.

– Кто же ты? – спросил Афанасий.

– Та, имени Которой ты посвящаешь твою обитель, Которой вверяешь судьбы ее и твоего собственного спасения. Я – Матерь Господа твоего, – отвечала дивная Жена. Святой Афанасий недоверчиво посмотрел на нее и потом начал говорить:

– Боюсь верить, потому что и враг преобразуется в ангела света. Чем Ты убедишь меня в справедливости слов Твоих? – прибавил старец.

– Видишь этот камень? – отвечала незнакомка, – ударь в него жезлом, и тогда поймешь, Кто говорит с тобою. Знай притом, что с этой поры Я навсегда остаюсь домостроительницей (экономиссой)[185] твоей лавры». Афанасий ударил в камень, и он разразился как бы молнией: из трещины его тотчас выбежал шумный ключ воды и запрыгал по скату холма, несясь вниз, до самого моря.

Пораженный таким чудом, святой Афанасий обернулся, чтоб броситься к ногам Божественной Незнакомки, но Ее уже не было; Она, как молния, скрылась от удивленных его взоров. С той поры ключ этот целительно струится даже доныне, в расстоянии двух часов ходу от лавры[186]. Таковой благодати, в утешение свое и назидание, сподоблялись не только Афанасий, но и некоторые из пасомых им. В числе таковых был некто Матфей. Раз во время утрени вдруг открылись очи души его, и он видит, что в церковь вошла некая Жена, облеченная небесной славою и честью, с двумя в белых, как свет, одеждах юношами, из которых один держал горящую свечу и освещал Ей путь, идя пред Нею как раб, а другой следовал за Нею, и оба относились к Ней с великим благоговением. Когда эти необыкновенные посетители стали осматривать всех присутствующих в церкви, чудная та Жена разделяла всей братии дары: тем, которые были на клиросах, она давала каждому по золотой монете, стоящим внутри храма – по 12 серебряных монет[187], а находившимся в притворе – по 6 сребреников всякому; некоторым же из братий дала даже по шести золотых монет. Сам же благоговейный Матфей получил лишь шесть серебряных монет, ибо и он стоял в притворе. Лишь только кончилось это видение, он тотчас пошел на клирос, возвестил о нем отцу своему и просил у него позволения поместиться в лике поющих. Преподобный признал это видение истинным, объяснив притом, что получившие по шесть милиарисиев благоговейнее прочих, и за то, по святым и богатым своим промыслам, которыми занимались во время службы, они получили и богатое вознаграждение. А что касается до того, что благоговейный и добродетельный Матфей получил дар наравне с нерадивыми, то это сделано с целью, чтобы он, получив вознаграждение высшее, не возгордился и не вознерадел, но, приняв меньший дар, пребывал в смиренномудрии и старался еще более возрастать в добродетелях.

Преподобный Афанасий, строгий и точный в своих правилах относительно церкви, таков же был и вне ее. В трапезе беседы были совершенно запрещены; во время стола никто не должен был уделять другому брату из своей части пищи или пития, а кто разбивал даже самый ничтожный сосуд, тот у всех публично просил прощения. После повечерия не дозволялось никаких бесед и запрещалось посещать келью другого. Празднословие было забыто, общежитие сохранялось строго, никто не дерзал даже произнести холодного слова *мое* или *твое* , ибо это отделяет нас от блаженной любви; тогда у всех было все общее, как повелевает Василий Великий. А кто какую бы то ни было вещь находил, тот полагал ее на открытом для всех месте, чтобы удобно нашел ее всякий, кому она дана для

употребления; кратко – руководствуемые им иноки проводили некую жизнь блаженную и предивную.

Тогда как святой Афанасий столь богоугодно правил своей паствой, является к нему один человек с приятной, по его мнению, для святого вестью, что великоименитый друг его Никифор сделался царем. Афанасий вместо того, чтобы обрадоваться, крайне опечалился этим, ибо он потому только и устроил монастырь, что Никифор обещал ему принять иночество и потом пребывать с ним всегда неразлучно, разделяя труды уединения. Итак, преподобный обманулся в своих ожиданиях: все заботы его остались тщетными и цель, для которой отступил он от жития безмолвного, утрачена. Как скоро Никифор, причинивший Афанасию столько безпокойств, не соблюл своего обещания и венчался на царство, Афанасий решился оставить свой монастырь. Не объявляя никому своей мысли, он взял с собою трех иноков и удалился с ними из лавры, сказав, что отправляется к новому царю по нуждам монастыря. Достигнув острова Лемноса, старец послал одного из иноков к царю с письмом, в котором сильно, но пристойно, замечал ему, что он презрел обещания свои Богу и предпочел царство временное небесному, всегда пребывающему; в конце же этого письма выразился так: «Царь! Ты видишь, что не другим кем, а тобою вовлечен был я во многие тщетные и безполезные труды. Посему теперь я иду в какое-нибудь безмолвное место, чего постоянно желал и желаю; монастырь же предаю, во-первых, Богу, а потом – в твои руки. В лавре есть добродетельный, достойный уважения инок, по имени Евфимий, – он может быть игуменом». Монах с этим письмом представился царю. Царь, даже не прочитав его, обрадовался, когда узнал, что оно – от Афанасия. Сколь же велика была его скорбь по прочтении этого воодушевленного письма! – Горько тогда плакал он и жестоко порицал себя. Не менее царя плакал и письмоносец-монах, когда узнал у него о безвестном удалении отца своего. А другого инока, по имени Феодота, преподобный Афанасий отослал тогда в монастырь, как бы для посещения братии и осведомления о состоянии монастыря. Третьего же инока, Антония, святой удержал при себе и бежал с ним на Кипр. Там остановились они в одной обители, называемой Обителью священных, пока не услышат, что произойдет из всего этого. Между тем, царь послал во все места своей державы строгие повеления, чтоб непременно отыскан был Афанасий. Когда пришло такое повеление и на Кипр и весть об этом дошла до Афанасия, он удалился с Кипра. Оставив Кипр, хотел было он идти во Иерусалим, но услышав, что в Палестине все под страхом по причине нашествия безбожных агарян, отложил свое путешествие. Тогда святому стало тесно с той и другой стороны: в Палестине – агаряне, а в Греции – поиск. В такой своей скорби Афанасий обратился с усердной молитвой к Богу, да откроет Он, что ему теперь делать. Ночью преподобный сподобился увидеть Господа, Который повелевал ему возвратиться в созданную им обитель, обещая ему с избытком возрастить ее и многих спасти там чрез него. Афанасий безпрекословно повиновался воле Господней и тотчас же отправился со своим учеником в прежнее место, посуху. Несколько уже дней были они в дороге. От долготы и трудности пути у Антония опухла нога; к этой болезни присоединилась еще горячка, столь сильная, что он лежал неподвижно, как мертвый. Но преподобный, вознесши о нем ко Господу Богу молитву, исцелил его от всех этих недугов. Не желая, однако ж, вполне явить свою чудодейственность, святой Афанасий пред сим набрал разных трав и обвязал ими больные части тела у Антония. Поэтому и казалось, что больной исцелился не силою молитвы, а действием трав. Между тем, упомянутый выше Феодот, явившись в Лавру, нашел там всю братию в великом смущении и скорби о том, что они лишились своего отца, а Евфимий не принимал предстоятельства. Посему, пробыв в лавре несколько дней, он оставил ее и пошел отыскивать преподобного отца своего, которого к несказанной своей радости и нашел в Атталии. Услышав от Феодота о смущении в лавре, Афанасий тотчас же послал его обратно – утешить всю братию и сказать, что он возвращается к ним, а вслед за Феодотом не замедлил явиться в лавру и сам. Иноки, увидев своего отца и пастыря,

возрадовались более, нежели сколько веселится слепой, когда увидит солнце: один лобызал руки его, другой – ноги, иной – самые его рубища. Почти молнией разнесся слух по Святой Горе, что Афанасий возвратился на Афон, а потому каждый день собиралось множество иноков видеть его; и всякий непременно что-нибудь нес с собой: один – пшеницу, другой – масло, тот – иное что-нибудь из съестного, ибо лавра по удалении из нее Афанасия пришла в такую скудость, что при возвращении его не имела уже и муки даже на одни хлебы. Но с явлением пастыря все дела в священной его ограде тотчас же приняли иной оборот.

Чрез некоторое время по насущным нуждам монастыря надобно было самому Афанасию отправиться в столицу. Царь услышал, что явился к нему друг его, и много тому обрадовался, но вместе стыдился видеться с ним в достоинстве царя, а не в образе инока. Посему, встав с царского своего трона, он пошел к нему навстречу не как царь, а как частный человек, и встретил его с великим смирением. Высказав Афанасию дружеское приветствие, он взял его за руку и повел его во внутренние свои чертоги. Здесь много и смиренно извинялся пред ним и говорил: «Знаю, отче, знаю, что я, а не кто другой, виновник всех трудов и скорбей твоих: я, забыв страх Божий, попрал святые свои обеты. Но прошу тебя, долготерпи мне, ожидая моего обращения, пока удостоит меня Господь воздать Ему по обещаниям». Преподобный радовался, видя богобоязненность царя и великое его смирение. Святой, хотя тогда же предузнал духом, что Никифору суждено кончить жизнь свою на престоле, но не объявил ему о том, а только напоминал ему, чтобы он смирялся, оплакивал свои грехи, скорбел о нарушении обета принять иноческий образ, ибо солгал Богу, не исполнив сего обещания, – чтоб он прощал согрешившим против себя и был милостив к бедным. Проведя с царем несколько дней в душеполезных беседах и исправив все нужды монастырские, Афанасий оставил столицу и при отбытии своем предсказал приближенным Никифора, что царь их скоро умрет. Расставаясь и прощаясь с другом своим, царь дал ему хрисовул на каждогодное получение с острова Лемноса дани – двухсот сорока четырех златых монет; тогда же даровал он лавре Афанасия и большой монастырь в Фессалониках, назначив его метохом лавры. Так как иноки Святой Горы просили Афанасия при отправлении его в столицу, чтоб он испросил у царя дар и для церкви карейской, то христолюбивый Никифор и карейскому храму назначил каждогодно выдавать из царских сумм сверх трех, получавшихся прежде, еще четыре литры золота.

Афанасиева паства умножалась со дня на день, но щедрый Дародатель, даже в избытке, посылал верным Своим служителям все нужное. Поэтому ласковое и щедрое страннолриимство считали они непременной своей обязанностью. А так как лавра не имела еще хорошей пристани для кораблей, что было бы полезно для монахов не только лавры, но и всей Святой Горы, и даже для странных, то преблаженный и страннолюбивый Афанасий, много сокрушаясь о том, наконец решился устроить какую мог пристань. Доброненавистник же диавол, позавидовав и сему доброму его делу, успел, по демонской своей злобе, причинить преподобному, попущением Божиим, значительную скорбь. Когда в пристань спускали одно огромное дерево, спускавшим оное по своему обыкновению помогал и святой: он влек дерево с нижней части, а мастера были сверху и осторожно спускали оное по скату горы. В это время действием демона дерево стремительно двинулось вниз и, сдавив ногу святого, сокрушило ее в голени и лодыжке. От этого преподобный три года пролежал в постели и едва выносил страдания. Прежде чем приключилось это со святым, один старец, имевший просветленные очи души, видел целый полк бесов, пришедший с великим негодованием на Святую Гору. Начальник их послал сотню по всей Святой Горе – искушать иноков, а с девятьюстами, разъяренный злобою, отправился сам – в лавру Афанасиеву. Святой к досаде демона и во время болезни своей не хотел быть праздным. Он и тогда, по обычаю, занимался каллиграфией – в шесть

дней написал псалтирь, а в сорок – патерик и не преставал побеждать злобу отца преисподней, расторгать коварные его сети, устрояемые им против его паствы.

В это время благочестивый царь Никифор земную жизнь переменил на вечную. В царствование преемника его (Иоанна Цимисхия) лукавый нашел благоприятный для себя случай снова искусить преподобного. Он возбудил простецов-монахов, живших в других частях горы, жаловаться на святого новому царю, что Афанасий уничтожил прежние обычаи, совершенно извратил древние постановления, сделал произвольно разные нововведения, завел множество скота, насадил виноградники, построил множество изящнейших зданий – словом, сделал Святую Гору мирским селением, отчего в Горе происходит много соблазнов. Поэтому и просили они царя, чтоб он изгнал Афанасия из Святой горы и разрушил горделивые его здания. Царь, зная о высокой добродетели святого, не вдруг поверил клевете, а написал обвиняемому, чтоб он сам явился к нему для личного объяснения. Афанасий, исцелившись от болезни, явился. Увидев его и убедившись в личных его достоинствах, царь выразил глубокое к нему уважение и вместо того, чтоб сделать ему какое-нибудь зло, облагодетельствовал его, подобно своему предшественнику Никифору, принял участие в устроении монастыря, назначил его лавре ежегодную выдачу из царских сумм 244 золотых монет и дал ему на то свой хрисовул. Святогорцы, видя, что они неправедной своей жалобой на Афанасия принесли ему не вред, а сущую пользу, познали, что диавол обольстил их строить козни праведнику, на их же погибель, и потому, раскаявшись, смиренно просили у святого прощения. Между тем, полный ненависти и злобы супостат, видя, что этим способом нисколько нельзя повредить преподобному, скрежетал на него зубами и готовился к новой и сильнейшей брани. Это его приготовление видел один из имевших чистые душевные очи – старец Фома. В третий час дня пришел он как бы в исступление и видит: все горы и юдоли Афона полны были пификов, мрачных как эфиопы, которые с великим гневом и яростью говорили друг другу: «Други! Что мы терпим здешних всельников? Почему не истребим их? Почему не растерзаем их зубами нашими? Долго ли еще терпеть и начальника их, этого жестокого нашего сокрушителя? Отчего до сих пор не уничтожим его? Не видите ли, что он самым жестоким образом изгнал нас из места нашего?» Тогда как это и подобное со всей бесовской злостью говорили демоны, Фома видит, что преподобный вышел из своей кельи с жезлом в руке и начал жестоко бить злившихся эфиопов: мурины, не терпя ударов святого, исчезли как дым и удалились не только от Мелан, но и со всей Святой Горы. Видение это скоро пришло в исполнение. Исконный человекоубийца в одном несчастном иноке лавры возбудил такую ненависть к Афанасию, что тот решился непременно убить незлобивого своего отца; и потому, выточив нож, он тихо пришел ночью к его келье, когда святой возносил прилежную к Господу Богу молитву за него же неблагодарного, и говорит:

– Отче, благослови!

Глас Иаковль, но руки Исавли.

Афанасий, праведный как Авель, не знал, что вне стоит Каин и зовет его на убиение. Спросив изнутри кельи: «Кто там?» – преподобный отворил дверь. Но лишь только дерзкий и коварный сын увидел кроткого своего отца, руки его невольно оцепенели, и гибельное оружие упало на землю; вслед за тем он пал к ногам невинного своего отца и с горьким плачем говорил:

– Помилуй, отче, своего убийцу! Прости беззаконие мое и оставь нечестие сердца моего!

Преподобный, зажегши огонь, увидел на земле изощренный на его заклание нож, познал адское против себя намерение своего сына-изменника и, удивившись этому, говорит:

– Как на разбойника ли ты пришел на меня, чадо мое? Впрочем, Бог да простит тебе беззаконие твое! Оставь же свои слезы и не объявляй никому об этом несчастном своем деле.

Говоря так, святой лобызал его как своего друга и, во уверение своего забвения нанесенной ему обиды, дал ему некие дары о Господе, а впоследствии всегда любил его – не только живого, но и после смерти – и оплакивал его более всех других братий. Так-то блаженный был непамятозлобив! Между тем, этот отцеубийца, тронутый до глубины души незлобием своего отца, рыдая и сокрушаясь о своем беззаконии, никак не мог удержаться, чтоб не проповедовать о высоте отчей к себе любви и о своем великом преступлении, и умер с чувством глубокого покаяния. И другой брат, подвигнутый тоже действием исконной злобы на ненависть к преподобному, непременно хотел потребить его от земли живых, но, не зная, как успеть в этом преступнейшем своем замысле, он предался волхвованию и чарованиям, и однако ж, к удивлению, увидел, что все чары его против незлобивого отца не имеют никакого успеха. Этот жалкий инок случайно вопросил другого своего брата:

– Могут ли иметь какое-нибудь действие на человека чарования?

Брат отвечал:

– Против человека благочестивого и живущего по Боге волхвования совершенно безсильны.

Слыша это, омрачившийся злобою брат пришел в себя; зная же о незлобии своего отца к подобному себе отцеубийце, явился он к нему и, припав к ногам его, с великим рыданием исповедал ему грех свой и просил у него прощения – что и получил от того, который подражал Возлюбившему грешный мир даже до крестной смерти. Таков был Афанасий к согрешающим против него!

Святой подавал скорую помощь больным и слабым и был сострадательнейшим о них попечителем. Он всегда говорил своим инокам в назидание:

– Знайте, чада, – от каждого человека Бог хочет того, чтоб мы сколько можем помогали своим братиям – прежде в отношении к телу, а потом и в отношении к душе, и словами назидания приводили их к покаянию, да соделаются и недостойные у Владыки нашего достойными и честными.

Когда случались тяжко больные, покрытые ранами и струпами, – монахи ли то были, или и странные – и когда приставники к больным, не вынося смрада и зловония от ран, нерадели о них, он сам, своими руками, очищал согнившие члены их. Кроме того, он делал и другую черную работу и всегда старался совершать ее по возможности тайно. Почему и Господь, видя великое его смирение и труд, часто чудом исцелял больных – и таким образом исцелились многие. Но преподобный не объявлял об этом, утверждая, что они выздоровели от трав. Если же узнавал он духом, что какому-нибудь больному исцелиться не было воли Божией, то со всеми братиями совершал всенощное бдение и просил Бога, чтобы Он, как благоутробный, упокоил его, избавляя таким образом и больного от мучения, и приставников от напрасной тягости. И к утру, когда они кончали свои молитвы, кончал, бывало, свою жизнь и больной. По великому своему

смиренномудрию преподобный всегда говорил, что причиною этого чуда была молитва всех братий. Нерадения, лености, праздности в пастве его не существовало. Самые немощные и старые имели соразмерное со своими силами дело. Притом всякое дело непременно сопровождалось у них молитвой и псалмопением, а не празднословием, чтобы таким образом и самое дело благословлялось, и душа освящалась.

Светом великих своих подвигов Афанасий светил всему почти миру и, таким образом, своими добродетелями прославлял Отца Небесного, за что и Бог возвеличил его еще в земной его жизни. Святой был общий отец и наставник, предстатель о всех пред престолом Всевышнего, ангел-утешитель, посланный свыше. Слава добродетелей его пронеслась звучным эхом не только по всей Святой Горе, но и далеко вне ее пределов. Поэтому не одни афонские отшельники оставляли свое безмолвие и приходили к нему, чтобы подчиниться его руководству, считая это полезнее своего безмолвия, – к нему являлись странники из Греции и из других различных стран, как-то: из древнего Рима, Италии, Калабрии, Амальфии, Грузии и Армении, – являлись иноки и люди мирские, простые и благородные, бедные и богатые, и искали его водительства на пути к небу; являлись даже игумены киновий и епископы, оставляя свои престолы и начальственные жезлы; и подчинялись мудрому его управлению. Древность передала нам имена – патриарха Николая, славного Харонита[188]; Андрея Хрисополита, знаменитого подвижника и великого мудреца; дивного аскета Акакия и многих других пустынников, веригоносцев, состарившихся в подвижничестве: все они, то по Божественному строению, то по прямому свыше откровению, приходили к преподобному и поступали под его начальство. Одним из таких был и блаженный Никифор, подвизавшийся в Калабрии со святым Фантином. Им было Божественное видение, повелевавшее Фантину идти в Солунь, а Никифору отправиться на Афон и подчиниться там начальнику Горы Афанасию. Никифор так и поступил – явился к преподобному, который с удовольствием принял его и на малое время предоставил ему жить по прежнему его обычаю. Он был одет одной только власяницей, а ел раз в день по захождении солнца, и то отруби с теплой водою, и более ничего. Преподобный же одел его в одежды киновиатские и повелел ему есть то, что ели и прочие. Состарившийся подвижник не прекословил новому своему руководителю, но усердно повиновался всем его велениям и посему достиг такой высоты добродетели, что когда он преставился, из костей его текло чудное миро, благовоннее всех земных ароматов. Такие-то великие мужи посылаемы были Богом под управление Афанасия! Итак, если плод показывает достоинство дерева, а дерево – силу и качество корня, то из плода наставляемых Афанасием видно, каков был сам он. Но время уже, хотя кратко, коснуться и некоторых чудес, которыми Бог прославил этого великого Своего угодника.

Сподобившись за необыкновенные свои добродетели дара чудес, святой совершал их в неисчислимом множестве. Часто одним прикосновением своей руки или даже своего жезла, либо одним своим словом или знамением креста исцелял он различные недуги – душевные и телесные. Но надобно заметить, что при этом столь легком исцелении человеческих недугов он всегда сообразжался с истинной пользой страждущих, которую просветленными очами своей души видел ясно. Поэтому одних исцелял он не вдруг, страдания других облегчал лишь несколько или исцелял ненадолго, а у некоторых только пресекал действие болезни, оставляя душу их в борении с помыслами – для стяжания подвигов. Начнем описание чудес его с дара прозорливости. – Раз, во время тяжкой и суровой зимы, он вдруг призвал к себе одного брата, по имени Феодор, занимавшегося рыболовством, и говорит ему:

– Возьми, брат, пищи и иди скоро, направляясь от Керасия[189] вниз к морю; там находятся в опасности умереть от голода и холода один инок и два мирянина, выброшенные на берег бурею: укрепи их пищей, а потом приведи сюда с собой.

Брат отправился к морю и, действительно, нашел там тех, о ком предсказал ему отец его. Несчастные, укрепившись пищею, пришли в лавру с радостью и громко благодарили Бога и святого раба Его.

В другое время святой по какой-то нужде решился с несколькими братиями отправиться в одно место. Вошли в лодку и уже отплыли от берега на значительное расстояние, как злобный демон злоумыслил потопить их: он возмутил и взволновал море сильным ветром, опрокинул лодку вверх дном – и вода в одно почти мгновение покрыла всех плывших. Но едва только лодка перевернулась – какое чудо, Господи! – святой тотчас же оказался сидевшим на верху ее, а прочие ходили по водам, и все они, извлекаемые из воды отцом своим, один за другим без всякого вреда взошли на хребет лодки. Не видно было только киприянина, Петра, который, как древний Петр, за свое неверие погряз в водах. Не видя его, преподобный возгласил:

– Где ты, Петр, чадо мое? – и море немедленно выкинуло утопавшего наверх.

Между тем, монахи лавры, приходившие в пристань проститься с преподобным, видели оттуда все происходившее тогда на море и тотчас же, вошедши в другую лодку, явились к попавшим в беду братиям, пересадили их на свою, а опрокинутую демоном снова обернули. К еще большему удивлению иноков в море не упало ни одного сосуда и ничего даже из самых мелких находившихся в лодке вещей. С того времени братия лавры усугубили свою веру и благоговение к преподобному.

Один монах, по имени Матфей, мучимый лютым демоном, был принят преподобным в лавру и только словом его избавлен был от этого жестокого и неправедного мучителя человеков.

Другой из иноков лавры имел такую слабость, что во время сна вытекала у него урина, отчего одежды его, естественно, отзывались зловонием. Впрочем, он был весьма усердный подвижник. Много и сильно скорбел бедный инок о своей слабости, но никому не открывал причины своей скорби. Лукавый всегда скор со своей пагубной для нас помощью в бедах наших, если мы сами благовременно не ищем помощи свыше. Он, окаянный, находившемуся в скорби иноку присоветовал повеситься, чтоб скорее избавиться от поношения. Несчастный уже решился было исполнить этот адский совет, но всеблагой Бог не допустил, чтобы погибли усердные его труды и подвиги. Он вдохнул в сердце несчастного самоубийцы исповедать преподобному страшный свой грех. Исповедуясь святому, тот показывал ему гибельную свою петлю, которой намеревался удавиться, но стыдился открыть причину такого преступления и едва-едва объявил ее, когда уже сам святой ласково склонил его к тому. «Омраченный! (это слово святой употреблял, когда кого-нибудь бранил) – с гневом тогда сказал ему преподобный, – почему же ты не говорил мне об этом прежде? Иди, и не делай более». И – о чудо! – слово его было делом: инок навсегда избавился от своей немощи.

Еще одного монаха, по имени Феодор, снедаемого страшной и неисцелимой болезнью – раком, святой исцелил только изображением на нем знамения честного креста. Чтобы испытать терпение и послушание Феодора, святой сначала поручил его пользовать врачу лавры – Тимофею. Врач же, хотя и знал, что рак неизлечим, но чтобы не явиться ослушником, взял больного под свое смотрение. Так часто делал преподобный.

В один год на остров, называемый «о. Юных»[190], где лавра имела свой метох, напало столько саранчи, что она истребила там почти всякую растительность, от чего произошел голод и мор скота. Святой сам отправился на этот остров, сотворил там прилежную ко Господу Богу молитву, и по молитве его тотчас же налетело туда столько птиц, что они в один день истребили всю саранчу.

Не раз также святой услаждал морскую воду и делал ее годной для питья.

Одного брата лавры, по имени Герасим, жестоко страдавшего грыжей и ревматизмом, святой исцелил молитвой и назнаменованием на нем спасительного креста. После праведной кончины преподобного этот Герасим, свидетельствуясь Богом, исповедал следующее: «Как-то раз, когда святой находился в Храме святых апостолов, мне нужно было с ним беседовать; я пошел к нему, смотрю в дверную щель и вижу – лицо его подобно пламени огня; я отступил немного, потом снова возвратился и опять вижу – лицо его блещет еще большим светом, даже сам он окружен каким-то ангельским сиянием. Тогда я затрепетал от страха и невольно возгласил:

– Отче!

Святой, утешая меня, сказал:

– Не бойся, чадо! Впрочем, даю тебе заповедь: не объявляй никому того, что ты теперь видел, пока я жив.

– И, сохраняя заповедь отца моего, я не сказывал вам этого даже до сего дня».

Один брат, по некоей монастырской надобности посланный преподобным в мир, вознерадел о своем спасении и впал там в плотский грех. Возвратившись в лавру с отчаянием о своем спасении, он исповедался преподобному. Святой, как опытный врач, утешая его и убеждая не отчаиваться, но иметь надежду на Бога, оставил его при прежнем монастырском послушании. Узнав об этом, другой монах, по имени Павел, соблазнился и стал открыто осуждать как павшего брата, так и преподобного, – что, мол, святой не изгнал из обители преступника за совершение такого беззаконного и постыдного дела. Преподобный, строго посмотрев на него, сказал:

– Павел, что ты делаешь? Себе внимай, а не братнии грехи рассматривай. Писано: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12).

С того времени попущением Божиим и сам Павел ощутил в себе сильную блудную брань и жестоко страдал трое суток, так что начал отчаиваться во спасении, но, что всего хуже, стыдился открыться отцу своему об этой гнусной брани и просить его помощи. Преподобный знал духом все это и приличным образом сам внушал ему смелость исповедаться. Тогда-то уже Павел открыл ему свой грех и просил у него прощения, как у отца, к согрешающим сострадательного. После сего преподобный прежде вразумил его, чтоб он не осуждал падающих, но более бы сострадал им и молился за них, а потом уже, видя его смирение и сокрушение, помолился о нем Богу и освободил его от этой скверной брани: Павел ощутил какой-то хлад, на главу его пролившийся и распространившийся по всему его телу, от чего похотное разжжение тотчас же в нем погасло.

А брат лавры Афанасий исцелился от водяной болезни чрез одно только прикосновение Афанасия к животу его и произнесение сих слов:

– Иди, чадо, – у тебя нет никакого недуга.

Кроме описанных нами, святой до своей кончины сотворил много и других чудес, но для сокращения своего повествования мы оставляем их. Теперь время нам сказать о кончине его и о чудесах, которые сотворил он после своего преставления, и привести повесть о нем к концу.

Так как к преподобному собиралось почти со всего мира много братий, которые для душевного своего спасения подчинялись ему, то скоро все уже не смогли помещаться в прежней церкви. Это заставило святого приступить к расширению соборного храма. Постройка шла, и только своды алтаря не были еще приведены к окончанию. Тогда преподобный Афанасий, провидя, что пришло ему время отойти к желаемому им всегда Христу, призвал к себе всю братию и, предложив им сначала поучение из Феодора Студита, простер к ним такую беседу:

– Братия и чада мои! Да блюдет каждый из вас язык свой, ибо лучше упасть с возможно большей высоты, чем испытать падение от языка: всякий из вас да ожидает себе искушения, ибо мы идем в Царство Небесное путем скорбей и искушений. Почему не печальтесь о бедствии, какое имеет произойти со мною, и не соблазняйтесь им, но полагайте, что совершающееся устроением Божиим направляется к вашей пользе, ибо иначе судят люди и иначе устрояет Премудрый.

Слушая это, братия недоумевали, о чем говорит отец их, и много о том размышляли. Потом преподобный вошел в свою келью и надел на себя свою рясу, мантию и священный куколь блаженнейшего отца своего Малеина, который обыкновенно возлагал на себя только в дни великих господских праздников или когда приобщался святых Христовых Таин. Промедлив довольно времени один в своей келье, он вышел из нее. Состояние духа его было весьма радостное, что выражалось и на самом лице его. Братия, видя его так украсившимся и лицо его столь светлым и веселым, дивились этому необыкновенному зрелищу. После того святой с шестью человеками из братий взошел на верх храма видеть строение и помочь зиждущим. Как скоро взошли они туда, под ногами их недоведомыми судьбами Божиими расселся верх храма, и все они ринулись вниз. Пятеро тотчас же предали души свои в руки Божии. Преподобный же Афанасий и зодчий Даниил, хотя и были завалены каменьями, но оставались живы. Все слышали, что преподобный, лежа под каменьями, до трех часов говорил:

– Слава Тебе, Боже! Господи Иисусе Христе, помоги мне!

Братия с великим плачем и обильными слезами кто чем мог откапывали своего отца, но откопав, нашли его уже скончавшимся о Господе. Положение тела его было таково: голова его была обращена к святому сопрестолию, руки сложены крестовидно, ноги же, находясь в прямом положении, были простерты вверх, как бы шествовал он на небо; святые мощи его не имели никакой раны, только правая нога была немного расцарапана деревом. Подняв святого из груды камней, братия положили его на одре и, называя самих себя окаянными, все плакали о нем неутешно, так как потеряли в нем искусного управителя, скоропомощного и мудрого врача и благого отца. Тело его оставалось непогребенным три дня, чтобы для совершения над ним подобающего надгробного псалмопения успели собраться иноки со всей Святой Горы. В эти три дня оно к общему изумлению и не опухло, и не почернело, и не издавало обычного смрада – нисколько не переменилось. Когда со Святой Горы все собрались и совершали над ним пение, замечено было поразительное явление, что из уязвленной ноги его выходила свежая кровь. И не одно только это совершилось тогда чудо, что тридневный мертвец источал свежую

кровь, – в тот же самый час прославилось и лицо его, сделавшись необыкновенно благообразным и белым, как снег. Один старец убрусцем своим обтер эту кровь, и она потекла еще более: почему все стали брать ее и помазываться ею, в освящение души и тела. Наконец многопобедное святое тело сие, сосуд Всесвятого Духа, было благоговейно и честно погребено. Когда вынули из-под камней других шесть братий, тела пяти из них оказались совершенно раздавленными и честно погребены еще прежде погребения святого; строитель же Даниил, человек духовный и добродетельный, несмотря на то, что был сильно изранен, оставался в живых еще несколько дней. В это время он всем говорил, что в ночь пред кончиной святого видел дивное видение – будто царь посылал человека за Афанасием. «Афанасий взял с собою еще шестерых, в числе которых был и я, – говорил Даниил. – Когда мы дошли до царских палат, преподобный с другими пятью вошел в палату, а я оставался за дверьми и плакал. Тогда кто-то сказал мне изнутри:

– Напрасно и безполезно плачешь; тебе невозможно войти сюда, пока не возьмет тебя Афанасий.

После того я горько зарыдал и вижу идущего ко мне сладчайшего моего отца, который, взяв меня за руку, пошел со мною к царю, и я сподобился там благоговейно поклониться ему». Согласно с этим видением совершилось и дело: преподобный отошел к Небесному Царю сначала с пятью братьями, а потом за ним и благоговейный здатель Даниил. Вот каким образом паства святого Афанасия осталась сиротствующей! Да не подумает кто-либо, что такая кончина его несчастна; напротив, *смерть преподобных* , по Писанию, всегда *честна пред Господем* (Пс. 115, 6). Она сему угоднику Божию исходатайствовала у Бога сверх преподобнического венец и мученический. О ней небезызвестно было и самому святому, как мы можем видеть это из вышесказанных его действий пред кончиной. Да и кроме сего, ясно провидя ее духом, он за несколько времени до святого своего преставления говорил ученику своему Антонию: «Путь, предлежащий нам в Царьград, прошу, соверши ты один, ибо мне, по изволению Царя Небесного, не придется уже видеть царя земного». Афанасий пред кончиной своей, имея ввиду некоторые монастырские нужды, действительно, собрался к царю. Кончина преподобного произошла в 980 г.

Расскажем теперь сокращенно о некоторых чудесах святого, которые совершил он и после своего преставления. По кончине преподобного игуменом лавры был один добродетельный инок, по имени Евстратий. Он имел невыносимую болезнь в своих почках, ибо мочился кровью, с трудом и невыразимой болью. Семь лет страдал он и, испытав без пользы средства многих даже столичных врачей, наконец отрекся от всякого человеческого врачевания, возложил все свое упование на Бога и молился о своем исцелении преподобному своему отцу. Молитва его была услышана Богом: прибегнув к Афанасию, сему мощному, безмездному и скорому на помощь врачу, тотчас же получил он исцеление. В одну ночь явился ему во сне преподобный и, подавая сосудец с каким-то питием, велел выпить его весь. Евстратий, отказавшись от всякого врачевания и подаваемый ему сосудец почитая за обыкновенное лекарство, не хотел было принять его и пить, но, услышав сладкий отеческий голос: «Не бойся, чадо, – пей: это послужит тебе во здравие», – повиновался. Пробудившись и видя у себя естественное течение урины, он прославил Бога и возблагодарил святого, и всем рассказывал о великом этом чуде.

Один монах был мучим лютым демоном. Несчастный, придя ко гробу святого, помазался маслом из горящей там лампады: после сего внутренность беснуемого тотчас же возмутилась, и он, изблевавши кровь с какими-то мелкими животными, освободился чрез это от демона и пошел домой, радуясь и славя Господа. Подобно этому и слепой сын

некоего Афанасия, помазанный елеем из лампады святого, получил прозрение, а один юноша, с верою помазавшись елеем из той же лампады, исцелился от проказы.

Кроме того, в Смирне одна кровоточивая жена, с верою и призыванием имени святого Афанасия выпив воды с каплями крови его, которые дал ей случившийся там в то время инок лавры, совершенно исцелилась от этой трудной болезни. А в пристани Певкийской один матрос, помазанный кровью святого, которую принесли туда с собою иноки лавры – Георгий и Симеон, восстал со смертного одра, на котором восемь дней уже лежал как мертвый, без всякого движения и голоса.

«Какое имеет преподобный дерзновение у Владыки Христа и Царя всей твари, совершенно достаточно показывает и то, что мы написали», – говорит жизнеописатель святого Афанасия. Кто может исчислить звезды небесные или песок морской, тот лишь мог бы пересказать и безчисленные чудеса преподобного. Посему, воздав славу и честь премудрому и всесильному Богу, дивному как во всех святых, так и в преподобном Афанасии, окончим свою повесть. Молитвами же преподобного отца нашего Афанасия и всех святых, да сохранимся и мы все безпорочными, да тако избавимся вечного мучения и получим вечное блаженство о Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.

В дополнение к жизнеописанию преподобного отца нашего Афанасия предлагаем здесь и предсмертный завет, или духовное завещание, писанное им собственноручно в 969 году, в наставление собранному им духовному стаду.[191]

ЗАВЕЩАНИЕ ПРЕПОДОБНОГО АФАНАСИЯ

Афанасий, монах и игумен.

«Отцы и братия возлюбленные и честные, чада духовные вожделенные! Так как я, смиренный монах Афанасий, исполненный всякого греха, попущением же Божиим наставник Лавры вашей, водруженной на Горе и называемой Мелана, ежедневно и ежечасно помышляю безвестный час смерти, подстерегаемый ею повсюду, преимущественно же в путешествии морем, ради бывающих частовременно по непостижимым судьбам Божиим кораблекрушений, то и счел справедливым оставить Лавре настоящее письменно припамятование, имеющее вид завещания, или лучше – тайное наставление, мною писанное и подписанное с тем, чтобы оно хранилось монахом и экклесиархом Михаилом на хорах церкви и чтобы по моей кончине его содержание объявлено было всем.

Желаю, как живым голосом, и настоящим писанием открыть всем свою мысль и свою заботу, которою печась постоянно, в скорби чрезмерной провел все дни моей жизни. Ибо в точности зная непригодность своей немощной души для настоятельства над другими (до того, что даже о собственной душе не мог надлежащим образом позаботиться), я непрестанно молил Бога указать мне человека, который бы, по Его Божественному хотению, мог достойно настоятельствовать, водить и пасти хорошо словесных овец своей паствы – еще при жизни моей, а я бы сам удалился на особь и попекся, и позаботился о своих многих грехах. Но я не достиг предположенной цели, по безумию ли моему и по свойственной мне глупости судить по собственной худости и других или уже так устроил, а лучше сказать: так попустил это Бог за множество моих многих зол.

Хочу и желаю по кончине моей оставить игуменом одного из нашего во Христе сообщества и братства, отличающегося между всеми и словом, и жизнью, и делом, как заповедует и грамота блаженнейшего и приснопамятного царя господина Никифора[192], –

чтобы т.е. игумен Лавры поставлялся не отъинуды, а из живущих в ней братий, отличающихся благоразумием и добродетелью.

При сем завещаваю всем отцам и братиям и моим духовным чадам, всех прошу ради любви во Христе и всех заклинаю именем Бога и Пресвятой нашей Богородицы повиноваться и покоряться игумену, моему преемнику, как и моему смирению, и жить друг с другом в любви и единомыслии – сильным носить тяготы немощных, всеми силами и всем расположением подвизаясь каждый, кто получил Божественную благодать и делом, и словом править душами, утверждая братий и увещаниями, и просьбами, и наставлениями, – соблюдать же и в св. церкви Божией, и в трапезе, и во всех других службах уставы, как письменно изложенные, так и неписанно переданные, которые уложили святые и богоносные отцы, а мы, недостойные, из их писания и предания по частям заимствовали и передали в правило и образец нашей Лавре.

Кроме того, я оставляю после себя блюстителем (епитропом) Лавры господина Иоанна, который много лет трудился, служа мне со всяким снисхождением и смирением. Хочу, чтобы по кончине моей он, как человек духовный и поистине благоразумный, чрезвычайную любовь и веру имеющий ко мне, недостойному, и ко всему братству, здесь же на Горе обитающий, с нами проведший дни жизни своей и состарившийся, пришел в Лавру и, если возможно, окончательно водворился между братьями – с тем, чтобы внушать им и напоминать о повиновении игумену. Если же это невозможно, то чтобы хотя почаще имел обращение с братиями и направлял их. При кончине же своей чтобы оставил вместо себя блюстителем господина Евфимия, моего сына по духу, а его по плоти и духу. Сей же в свою очередь при кончине оставил бы преемником своим кого-нибудь из своей Лавры или вообще с Горы, если найдется человек словесный и духовный. Подобным же образом поступали бы и следующие за сим.

Я думал было святого царя оставить блюстителем священной Лавры нашей, но убоялся, найдя это дерзким. Ибо он есть царь и владыка, и господин и отец, и питатель не нас одних последнейших и наших отцов, и братий, а и всех христиан. Он более всех, и мирских, и монахов, показал к нам, недостойным и бедным, и к нашей Лавре свою благосклонность. Он сделал ее многолюдной, расширив ее и увеличив своими благочестивыми грамотами, коими подтвердил грамоты других царей: господина Никифора и господина Иоанна[193]. Да и кроме них дал свои другие грамоты. Почему, как сказано, его-то, благого царя, я не смел оставить в чине блюстителя. А оставил блюстителем и покровителем, и заступником нашего во Христе общества и нашей Лавры благочестивейшего господина моего, истинного христолюбца и монахолюбца, Никифора, славнейшего патриция и приставника Каниклиа[194], дабы ради награды от Бога и ради своей души освященной он оказывал защиту, помогал и содействовал господину Иоанну Грузинцу, нашему в духе брату и отцу, и всему во Христе братству во всех приключающихся им в жизни скорбях. Чтобы он таким образом заботился помогать им относительно привременной и тленной стороны жизни, а господин Иоанн Грузинец и все братия подвизались бы о нетленных и вечных благах будущего века со всякой готовностью, любовью и ревностью, молясь о нем непрестанно. Когда же придет время кончины его, да оставит он вместо себя другого блюстителя означенной св. Лавры[195]. Так да поступает и всякий другой потом при своей кончине. Таким образом, те да будут покровителями и заступниками Лавры как в богохранимом городе, так и во всех других прилучающихся делах и службах, ради мзды от Бога и своих честных душ. А эти (блюстители-монахи), как принадлежащие к чину монашескому, живущие на Горе, соседствующие (а еще бы лучше обитающие вместе) с братиями, да тщатся всеми силами со свойственным им благоговением и добродетелью заботиться о них, как о различных членах одного и того же тела, да получат мзду от великодаровитого Бога в день суда – за

то, что сохранили веру и любовь ко мне, смиренному и недостойному, и всякому греху повинному, не только при жизни моей, но и по смерти. – Кончаю о блюстителях.

Вы же, отцы и братия, и чада духовные, если потщитесь со всяким усердием и благим расположением хранить друг с другом мир и единомыслие неразрывное, если не будет между вами ни расколов, ни раздвоений, ни ссор, ни дружб, ни обществ, но будут вера и любовь, и родственное расположение одного к другому и всех к игумену, и тщательное хранение моих заповедей, уставов и правил, переданных вам, верю Богу, что Его благость отверзет сердце не только блюстителей, но и всякого другого сильного лица к сочувствию с вами, к содействию и к вспомоществованию воле на пользу душ ваших.

И внимайте тщательно, братия, если найдется между вами (чего не желаю), кто-нибудь, пытающийся рассечь тело братства ухищрением, коварством и лукавством, чтобы не мешался с ним никто из вас, но поскорее отдалите его и отгоните его от общества своего, как заразу, как старую закваску, – его самого отселите от части спасаемых. Ибо покушающемуся на такие вещи уместно пожелать, да истребится память его с земли и да изгладится имя его из книги живых, и с праведными да не пишется. Если бы нашелся кто-нибудь, заступающийся за такового, то и он да будет его же части и наследия. Заповедую господину Иоанну, моему блюстителю, и всему братству выгонять таковых немедленно из Лавры.

К Лавре же господина Иоанна[196] и к его братиям заповедую иметь то же самое расположение и ту же самую любовь духовную, какие, видите, имею и храню я, смиренный и грешный, и какие и вам внушал часто и в общих наставлениях, и каждому порознь, – и не к одному только господину Иоанну и его братству, но и ко всякому другому, – не только любящему и почитающему вас, но и враждующему против вас и оскорбляющему иногда вас, – причиняющему вам искушения и озлобления. По повелению Божию любить и миловать следует того, кто нападает на вас и делает вам зло, потому что он более самого себя обижает тем, вам же доставляет величайшую пользу. Я знаю, что из многих бывших с нами случаев вы опытно познали и убедились, что желавшие озлобить нас помогли нам весьма и душевно, и телесно. Но и к проту, и к игуменам, и к братиям Святой Горы нашей сохраните любовь, мир, смирение и подобающую честь, как, видите, хранит их мое смирение.

Кто служит хорошо, благочестиво и духовно, на пользу души своей, как в самой Лавре, так и в метохах ее, внешних и внутренних, и на островах, пусть остается на должности своей до глубокой старости, особенно же кто с ревностью к Богу старается хранить безпрекословное повиновение к игумену, преемнику моего смирения, – имеет всю охоту и желание с любовью доставлять Лавре все потребное для своих духовных братий, считая делом спасения души своей такую службу. Пусть таковой служит всю жизнь, действуя всегда с воли игумена и блюстителя, а не по самовластию.

Блюстителю моему, монаху Иоанну Грузинцу, заповедую и внушаю от имени Господа Бога и Пресвятой нашей Богородицы, чтобы по кончине моей во всем, что касается братства во Христе и Лавры, и ее принадлежностей, как внутри Горы, так и вне, он распорядился так, как требует того заповедь Божия и учение Божественных отцов. Пусть он пробудет с братиями в Лавре довольно дней, обращаясь с ними со всеми вместе и с каждым порознь, совершая молитвы и ектении и нелицеприятно, и безстрастно, со всякою свободою как бы пред лицом Самого Бога, назирающего и ведущего сердечные тайны каждого; советуясь со старейшинами, умнейшими и духовнейшими из братий, по долговременном испытании мнений и суждений как их, так и всех прочих, пусть поставит им игумена, кого укажет Бог и выберет он – вместе со старейшими из братий.

Участвующих в совете блюстителя для выбора игумена братий должно быть не более пятнадцати человек. А лучше и менее того. Не потому мы удаляем от совета других, что они недуховны или неумны (благодатию Божией все суть и духовны, и полезны, и благоразумны). Но так как в большом количестве, по различию свойств и мнений каждого, одни стали бы выбирать одного, другие – другого, то я и счел справедливым, как выше сказано, чтобы немного было избирателей. Поставление же да бывает следующим образом. Пусть будет отправлено всенощное бдение с вечера в соборном храме Пресвятой Богородицы. После заутрени, когда окончена будет Божественная литургия, преподано Божественное освящение и прочтена заамвонная молитва, да будет возглашена ектения, на коей сказано: «Господи, помилуй!» – 50 раз. Потом поставляемый пусть положит пред алтарем поклон предстоятелю и обратится к собранию монахов. Тогда пусть первый поклонится ему блюститель, а за ним и прочие все. И, как сказано выше, пусть блюститель помогает и пособляет ему всеми силами, братия же да оказывают чистое и неложное повиновение. С течением же времени господин Иоанн Грузинец, посещая и видя чин и поведение игумена и братий, конечно, заметит либо тщание, прилежание, любовь, расположение и дружество души его к братиям, братий же послушание и веру, и любовь душевную к игумену, либо все противное тому. Вследствие чего то, что прилично духовному состоянию, он утвердит, а неприличное исправит и наставит на истинный путь, да получит за то мзду от человеколюбца Бога в Царствии Небесном. По избрании же и утверждении игумена хочу и желаю, чтобы он имел всякую власть и господство во всех делах духовных и телесных, не останавливаемый и не препятствуемый никем, хорошо и боголюбезно пас Духом Божиим свое во Христе сотоварищество. Если же по грехам моим время покажет его потом действующим в развращение, заразу и погибель душ братства (чего даже и во сне не желаю увидеть игумену) и обличенный в том он останется неисправимым, тогда блюститель, с совета старейших братий и по собственному усмотрению и благоразумию, пусть возьмет попечение о братстве и изберет другого, способного управлять Лаврою и всеми братиями, который бы оставался уже в своем звании до конца жизни.

Хочу и заповедую игумену и блюстителю, и всем моим духовным братиям, чтобы господина Антония[197] моего покоили до конца жизни его и воздавали ему приличную честь, и братий его призирали, как собственные члены. То же и относительно монаха Иоанна-дописца, какой устав, чин и обычай наблюдали при моем смирении служащие ему, такой же да сохранят и по смерти моей игумен и служащие, и все братия, а лучше, если и более того – самым делом пусть покажут ему должную почесть и любовь. То же и относительно монаха Георгия Грузинца, и монаха Григория-мастера, и монаха Дорофея, и монаха Антония Киминийца, и аввы Сергия. Господину же Феофану, пресвитеру,[198] послужите и воздайте честь, услугу и покой большие, чем каких был удостоен при моем смирении, поелику уже к старости и немощи склоняется тело его. То же и прочим старцам, как-то: господину Софронию и вообще всем. Потщитеся в изобилии доставлять им все обычные потребности, безропотно и усердно, с духовным расположением, да получите ради их мзду богатую от Бога в день суда.

Более всего прилежите о страннoприимстве и не нарушайте устава, который я предал вам, относительно странников, приходящих к вам сушей и морем. Все же вместе, и молодые, и старые, и первые, и последние, старайтесь сохранять неложное повиновение игумену[199] , покоряясь слову его во всяком деле. Кто противится его повелению, противится повелению Бога и меня, смиренного и грешного.

Во всех ваших молитвах поминайте меня, да обрящу милость и оставление многих грехов в день судный».

Страдание святого преподобномученика Киприана Нового[200]

Местечко Клицос, в Эпире, было родиною святого преподобномученика Киприана. История не оставила нам никаких данных, кто были родители сего преподобномученика, но судя по его воспитанию и другим качествам, он принадлежал к христианскому семейству с высоконравственным настроением и крепкой верою в Бога. А потому и его, кроме научения грамотности, воспитали в благочестии и страхе Божием, и хранении себя от соблазнов мира. После смерти родителей благоразумный юноша для сохранения себя от соблазна мира оставил мир, принял монашеский образ и удостоен священства. Затем он удалился на святую Афонскую Гору, где приобрел себе в пределах Котломушской обители келью с церковью св. великомученика Георгия, в которую принял в сожительство двух иноков, и вместе с ними начал подвизаться в посте, бдении и молитве. С течением времени его подвижническая жизнь, подобно сладкоуханному аромату, сделалась известной по всей Афонской Горе, и блаженного подвижника Киприана стали считать великим старцем, и многие старались подражать его богоугодной жизни.

Хотя проводил он самую суровую жизнь в продолжительном посте, всенощных бдениях с многочисленными поклонами и в непрестанных молитвах, но душа его не ощущала покоя, так как тайная мысль смущала его, будто все те подвиги, которые он проходил, недостаточны для того, чтобы получить милость Божию и удостоиться быть наследником Царства Небесного. Запавшая мысль, подобно искре, день ото дня все более и более усиливалась, понуждала Киприана на мученический подвиг и подсказывала ему, что только этим путем возможно засвидетельствовать свою любовь к Иисусу Христу и, после подъятых за исповедание имени Его мук, получить вечное блаженство.

Вследствие этой мысли он для укрепления себя начал часто произносить во всеуслышание слова св. апостола Павла: *кто ны разлучит от любве Божия; скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч?* (Рим. 8, 35). Желание свое он между прочим открыл опытным старцам, а также и то, что к мученическому подвигу уже несколько времени понуждает его тайная мысль и отнюдь не дает ему покоя.

Старцы, выслушав его и не находя никакого повода предавать себя на мученический подвиг, начали советовать ему не поддаваться смущающему помыслу; притом поставили ему на вид и то, чтобы вместо принятия венца мученического, убоявшись мук, он не сделался отступником от Христа. Но преподобный Киприан, снедаемый пламенем любви Христовой, желая как можно скорее исполнить свое намерение, вскоре оставил Святую Гору и отправился в Фессалоники.

Прожив несколько дней в Фессалониках и узнав, когда паша бывает в судилище, он в тот день, укрепив себя причащением животворящих Таин Тела и Крови Христовых и помолившись Господу Богу, прося укрепить его в муках, безбоязненно вошел в судилище и, подойдя к паше, сказал:

– Паша! Я, который предстою пред тобою, провел несколько лет в св. Афонской Горе, спасая свою душу. Но однажды, читая Св. Писание, обрел в одном месте слова, реченные Богом чрез Своего Пророка: *аще изведеши честное от недостойнаго, будешь яко Мои уста* . Итак, разжегшись любовью к ближним, я возжелал прельщенному диаволом созданию Божию показать, как оно глубоко упало по своему неведению, будучи увлечено врагом человеческого рода, который, как лев рыкая, ищет погибели людей: он прельстил многие народы и научил их вместо почитания истинного Бога почитать и поклоняться идолам, а других чрез ложных пророков привел в глубокое заблуждение. Точно так же все тот же диавол чрез веру в ложного вашего пророка Магомета, на которого вы уповаете,

держит вас в своих оковах и, возобладав вашим ожесточенным сердцем, не допускает уверовать в Господа нашего Иисуса Христа, Который есть истинный свет, пришедший в мир спасти человека. Он крестной Своей смертью разорвал те узы и оковы, в которых несколько тысячелетий держал диавол весь род человеческий и, исхитивши Свое создание от власти его, удостоил их наследия райских доброт. – А потому я, слышав о тебе, как о благоразумном человеке, решился высказать истину. Итак, оставь твое заблуждение и веру в лживого пророка Магомета и уверуй в Иисуса Христа, чрез Которого получишь спасение и жизнь вечную, ибо вера христианская есть истинная, ваша же ложная. – Притом вникни и рассмотри хорошенько: кто был Христос и кто был Магомет, и тогда ты ясно увидишь, что ваш пророк Магомет – самозванец, который проповедовал вам собственное свое учение, Иисус же Христос есть истинный Бог в двух естествах, Который, разоблачая всякое ложное учение в Божественном Своем Евангелии, говорит так: *Аз приидох во имя Отца Моего, и не приемлете Мене: аще ин приидет во имя свое, того приемлете* (Ин. 5, 43). Итак, все вы, увлекшись учением Магомета, почитаете его пророком, на самом же деле он враг Божий и обманщик.

Паша, слыша обличение и хулу на своего пророка от незнакомого человека, счел его помешанным в уме, а потому приказал кавасам бить его и выгнать вон.

Не получив желаемого, выгнанный Киприан, не рассчитывая и на будущее время получить здесь от неверных турок мученическую кончину, оставил Фессалоники и отправился в Константинополь в надежде там пострадать за Христа.

По прибытии в Константинополь он, опасаясь, чтобы и здесь не ограничиться одними лишь побоями, решился изложить свою обличительную речь на бумаге и подать оную великому визирю, которую составил на греческом языке в таком виде: «Несчастные мусульмане! Долго ли вы еще будете ходить в заблуждении и не уверуете в Господа нашего Иисуса Христа, сшедшего с небес человеческого ради спасения, Который по великой любви к падшему человечеству готов всегда принимать истинно кающихся? Итак, покайтесь и уверуйте в Христа истинного Бога и, возродившись св. крещением, получите жизнь вечную, вашего же ложного пророка прокляните, как прелестника и обманщика». С этим обличением преподобный Киприан пошел во дворец великого визиря и, явившись в присутствие, просил писцов перевесть оное на турецкий язык. В то время между писцами был один грек, который отрекся от Христа и принял магометанскую веру; он взял от преподобного бумагу и стал переводить ее по-турецки. В какой же ужас и негодование пришли турки, когда услышали хулу на своего пророка! Они бросились на святого Киприана, как лютые звери, и, избив его, выгнали из присутствия. Но в то самое время, когда выгоняли святого, случилось быть в присутствии по своим делам одному христианину, которому турецкий кавас, из сострадания отдавая поданную святым Киприаном бумагу, сказал, чтобы он посоветовал ему скорее уйти обратно из Константинополя, иначе донесут на него визирю, тогда не миновать ему каторги или же не сносить головы.

Получив свою бумагу, святой Киприан не удалился из дворца, а напротив, выжидал случая, когда визирь придет в присутствие и будет принимать посетителей. Между прочим, ему недолго пришлось ожидать его. Увидя вошедшего визиря, святой Киприан бросился к нему, но, однако, опять не пришлось ему выполнить свое намерение, так как кавасы не допускали его до визиря и гнали вон. Проходивший в то время начальник кавасов спросил о причине, заставившей их выталкивать инока, и когда узнал, что он хулит Магомета, то приказал немедленно представить его визирю. Последний спросил его: «Что тебе, старец, нужно от меня?» – «Твоего спасения, – безбоязненно отвечал святой Киприан. – Обратись от ложного верования в обманщика Магомета, которого вы,

мусульмане, называете пророком. Какой он пророк и что за учение его, которое он составил на вымыслах человеческих? Итак, верховный визирь, оставь заблуждение, отрекись от обманщика Магомета, уверуй в Искупителя рода человеческого Иисуса Христа и, крестившись св. крещением, получишь жизнь вечную!»

Визирь удивился смелости святого Киприана и спросил его:

– Откуда ты и в каком жил монастыре?

– Все церкви и монастыри, какие только есть на земле, принадлежат Господу моему Иисусу Христу, а потому я до сего времени проживал в Его обители.

– Не патриарх ли Константинопольский подослал тебя ко мне, дабы ты говорил мне такие грубости и оскорбления? – спросил его визирь.

– Нет, – отвечал св. мученик

– В таком случае ты пьян?

– Напрасно клевещешь на меня, верховный визирь, я не только не пьян, но еще до сих пор не пил даже воды и не вкушал хлеба!

– Ну, если не пьян, то сумасшедший!

– И это неправда! Если бы я был на самом деле тем, в чем ты меня подозреваешь, то невозможно бы было сумасшедшему пожелать того, чего я тебе желаю, т.е. уверовать в Иисуса Христа, истинного Бога, и быть наследником Царства Небесного. Пренебрегая собственной опасностью со стороны врагов креста Христова, мусульман, я решился во что бы то ни стало представиться тебе и обличить твое заблуждение, чего сумасшедший никогда бы не сделал.

Слыша удовлетворительный ответ святого Киприана, визирь пришел в недоумение и начал думать, каким бы образом отвлечь святого от Христа и привести в магометанскую веру, а потому сперва начал говорить ему ласково: «Из твоих ответов вижу я, что ты не пьян и не сумасшедший. Итак, предлагаю тебе уверовать в великого пророка Магомета, и если уверуешь, то я сделаю тебя счастливейшим человеком: удостою великих почестей и поставлю первым в моем дворце».

– Напрасно думаешь прельстить меня твоей лаской и почестями! Знай, что я никогда не отвергнусь от Господа моего Иисуса Христа, в Которого советую и тебе уверовать и удостоиться получить от Него милость в день Страшного Суда.

Визирь, видя непоколебимость святого исповедника Христова и так как вопрос касался веры, отослал его к шейх-уль-исламу (высшая духовная особа). Когда святой Киприан предстал пред шейхом-уль-исламом, тот гневно спросил его: «Кто ты такой и что за новое учение проповедуешь нам?» – Мужественный исповедник Христов начал ему говорить то же самое, что говорил и визирю. Шейх-уль-ислам, слыша хулу на своего пророка и не дав ему окончить начатого им обличения, приказал кавасам отвесть его в Фанари (местность, населенную христианами, где находится и патриархия) и там, в виду знатнейших христиан, в назидание и устрашение, отрубить ему голову. Услыша смертный приговор, св. преподобномученик Киприан возрадовался и из глубины сердечной воскликнул: «Благодарю Тебя, Господи, Иисусе Христе, укрепившего меня во исповедании имени

святого Твоего! Молю Тебя человеколюбче: удостой меня быть и причастником вечной Твоей славы, аминь!»

В то время, когда вели св. преподобномученика Киприана по константинопольским улицам на место казни, лицо его сияло радостью и он как бы спешил не на смерть, а на брачный пир.

Когда достигли двери, вводящей в патриарший двор, св. мученик преклонил колена и, оградившись знамением честнаго креста, благодарил Бога, удостоившего его кончить жизнь путем мученическим. Здесь еще турки убеждали его признать Магомета великим пророком и не делаться виновником собственной смерти, но доблестный страдалец не отвечал на их безумные слова. Турки, видя, что и в виду самой смерти мужественный исповедник Христов остается непоколебимым в своем веровании, приказали палачу отрубить ему голову. И таким образом чистая и блаженная душа св. преподобномученика Киприана отлетела из страдальческого его тела в небо, в субботу, 5 июля 1679 года, получить от Христа Бога мученический венец. Аминь.

8 ИЮЛЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Феофила Мироточивого[201]

Преподобный отец наш Феофил, т.е. «любящий Бога», родился в местечке Зики, находящемся в Македонии, от родителей благочестивых и добродетельных, и потому воспитание получил истинно христианское. Когда пришел он в возраст, отдали его для начального образования в училище, а потом он посвятил себя и высшим наукам. При врожденных способностях ума он в короткое время кончил внешнее свое образование, но при успехах внешнего любомудрия старался особенно об образовании сердца в правилах строгой христианской нравственности: любимым его занятием было, избегая бесед юношеских, чаще всего бесчинных, входить в общение со старцами и добродетельными мужами. К тому же большую часть времени посвящал он чтению Божественных Писаний, по заповеди премудрого Сираха, который говорит: *с разумливыми буди размышление твое и вся повесть твоя в законе Вышняго* (9, 20). Следствием этого было то, что благочестивый юноша, преуспевая в различных подвигах добродетели, был, по слову святого Давида, *как древо при источниках вод, дающее во время плод свой* (Пс. 1, 3). Чтение Божественного Писания и житий святых и благочестивых мужей невольным образом располагало его к посильному подражанию им: так, Аврааму подражал он в странноприимстве, прекрасному Иосифу в целомудрии, Иову в терпении и мужестве, Моисею и Давиду в кротости, и прочим праведникам в различных подвигах. А это самое обратило на него общее внимание, так что наконец, как образец добродетельной жизни, был он возведен на степень священства. С того времени обходил он разные места, назидая христиан словом и примером своей жизни; впоследствии же и сам, для назидания душевного, прилепился к епископу рандинийскому Акакию и остался при нем. Этот епископ рукоположен был в сей сан патриархом Константинопольским Нифонтом и был самым искренним его другом. В то время святейшим патриархом Нифонтом получены были из Египта письма, в коих извещали его о великих преславных чудесах, явленных Богом чрез тогдашнего святого патриарха Александрийского Иоакима в постыжение и посрамление богоубийственного еврейского рода, в похвалу же и утверждение православной и истинной нашей веры и всех нас христиан. Чудеса были следующие.

Во всем Египте свирепствовала ужасная чума. Один из еврейских врачей, отъявленный враг христиан, распустил всюду между турками молву, что виною постигшего их несчастья – христиане, ибо христиане, объяснял им еврей, пускают в воду крест, что и сделалось причиною настоящей смертной болезни. Эта клевета на христиан распространилась повсюду, так что наконец сделалась ведомою и египетскому султану. Хотя султан был и мусульманин, но весьма любил и почитал святого патриарха, сколько за добродетель его, столько за мудрость и благоразумие, а потому донесение врагов креста Христова на христиан оставил без внимания. Окаянный еврей, видя, что не достиг цели такою клеветою, измыслил на христиан новый ков. Верховный визирь был природный еврей. Этого-то любимца царева еврей-врач избрал орудием своей злобы против христиан. Визирь успел довести султана до того, что тот, несмотря на свое уважение к патриарху, потребовал его в Диван для личных объяснений во взводимой на христиан клевете. Патриарх явился на суд. Султан сначала вел с ним длинную беседу о вере и наконец, видя, что он с сильным убеждением и ясными доказательствами оправдал веру христианскую и уничижил исламизм, приказал ему, в оправдание евангельских слов, переставить с места гору, соседственную Каиру. Святейший патриарх не поколебался в духе веры. Испросив несколько дней для молитвы, он с верными христианами постом, бдением и молитвами умилостивлял Господа и просил, да не посрамит их в виду неверных и да не похулится ими святое имя Его. В назначенное время при стечении множества народа патриарх во имя Христово сказал горе, чтоб она двинулась со своего места и перешла на другое: гора сотряслась в основании и оставила свое место. Остановленная наконец тем же именем Христовым, она и поныне называется по-турецки Дур-Даго, Стань-гора. Это чудо поразило нечестивых . Не зная, чем поколебать силу Христовой веры, враги ее приготовили смертоносный яд и убедили царя, чтобы повелел он патриарху выпить его, ибо Христос, говорили они, сказал в Евангелии: *аще и что смертию испиют, не вреди им* (Мк. 16, 18). Султан и это принял и приказал подать патриарху яд. Полный веры в силу креста Христова, патриарх осенил смертную чашу крестом и выпил поданное. Напрасно ожидали, что он тотчас умрет: патриарх остался совершенно невредим. После сего, ополоснув стакан водою, он просил, чтоб выпил ее еврей: отказаться было нельзя, потому что сам султан того требовал. Итак, тот выпил воду и в то же мгновение умер. Пораженный такими чудесами, султан приказал обезглавить визиря, а на прочих евреев наложил пеню, чтобы на их иждивение были сделаны водопроводы от Нила внутрь Каира, а святого патриарха проевознес почестями[202]. Когда о сих дивных событиях узнал из писем патриарх Нифонт в Константинополе, тотчас послал в Александрию епископа рандинийского Акакия, о котором говорено было выше, с преподобным Феофилом и другими, чтоб они узнали подробно и удостоверились собственными очами в том, что случилось. При этом святой Нифонт писал Александрийскому патриарху Иоакиму, благодаря Господа, что Он услышал молитву его и совершил чрез него такие чудеса во славу и величие рода христианского, и потом просил благосклонно принять посланных от него людей. Итак, они немедленно отправились в Александрию и были приняты с великой радостью и благосклонностью святейшим патриархом, которых удержал их у себя довольное время. Преподобный Феофил своей добродетелью и образованием обратил на себя особенное его внимание. Из Александрии с епископом Акакием и прочими отправился он на Синайскую гору, а оттуда чрез пустыни во святой град Иерусалим. Там поклонились они живоприемному гробу Господа нашего Иисуса Христа и прочим святым местам, посетили Фаворскую гору, Дамаск. Здесь встретили они патриарха Антиохийского, от которого вручены были им письма к патриарху Константинопольскому. Из Дамаска возвратились они опять в Иерусалим, где епископ Акакий заболел и скончался. По смерти Акакия, напутствуемые благословением патриарха Иерусалимского, с письмами для доставления патриарху Константинопольскому возвратились они в Константинополь и представились тогдашнему святейшему патриарху Пахомию, бывшему митрополиту сихнийскому,

потому что святой патриарх Нифонт, пославший их с этими поручениями, в продолжение их странствования оставил кафедру. Патриарх Пахомий принял их с честью и благословил труды, подъятые ими в путешествии; в святом же Феофиле усмотрел мужа добродетельного и ученого, удержал его при себе и поручил ему письменные дела патриархии, с должностью нотария и экзарха великой Церкви. Феофил нес эти обязанности довольно долго и уважаем был всеми за добродетели. Но видя и чувствуя, что при довольстве внешней жизни и при оказываемом ему уважении нет или мало существенной пищи для духа, он оставил свою должность и удалился на Святую Гору, в монастырь Ватопедский.

Чтобы без старческого руководства в жизни иноческой, при мудрованиях собственного сердца, не впасть в заблуждение и прелесть, он вверил себя находившемуся в то время на покое в Ватопедской обители епископу и безусловно подчинил ему свою волю, исполняя всякого рода послушания и каждодневно принося Господу Богу бескровную жертву. А когда отошел ко Господу старец-епископ, преподобный Феофил удалился в обитель Иверскую с целью и там найти образцы подражания. Так, он учился у одного совершенному послушанию, у другого – смирению, от иного – любви к Богу и ближнему, кротости и долготерпению. Вследствие сего Феофил сделался сосудом избранным Святаго Духа и образцом иноческих добродетелей. Между тем, по поручению обители, как краснописец, он келейным занятием имел для себя переписку книг, обветшавших от долговременности. Из числа сих книг многие в библиотеке монастыря Иверского хранятся и доныне. И так как, по слову Господню, *не может град укрытися верху горы стоя* (Мф. 5, 14), то и преподобный Феофил сделался славен своей добродетельной жизнью не только во Святой Горе, но и в окрестных дальних местах; так что Солунь, лишившаяся в то время архипастыря, усильно стараясь убедить святого Феофила к принятию архиерейского достоинства. Но смиренномудрый Феофил и слышать не хотел о том. Между тем, случилось тогда быть в Фессалониках патриарху Константинопольскому Феолипту: фессалоникийцы обратились к нему с прошением о даровании им в архипастыри афонского отшельника Феофила. Святейший патриарх, с своей стороны, принял в них участие и писал собственноручное письмо Феофилу (ибо прежде был очень дружен со святым Феофилом, как его соотечественник), прося его идти в Фессалоники для свидания и ни слова не упоминая о прошении солунян.

Преподобный понял, с какой целью приглашает его святой патриарх в Фессалоники, и потому, чтоб уклониться от столь высокого достоинства и избежать чрез то временной славы и почитания, немедленно принял великую схиму; святому же патриарху отвечал, что тяжкая болезнь заставила его принять великую схиму и отказаться от служения священнического и что по причине болезни он ни под каким видом не может прибыть по требованию его в Солунь. Таким образом, извиняясь в невозможности свидания со святым патриархом здесь, он просил у него прощения и молитв и присовокупил, что, по благодати Господней, увидится с ним в Царствии Небесном. Такой ответ, с одной стороны, опечалил святого патриарха, а с другой обрадовал, что Феофил так преуспевает в истинном смирении и иноческих подвигах.

Близ обители Иверской уединенно подвизался тогда игумен, по имени Дионисий. Любя безмолвие, и преподобный Феофил, с позволения игумена и братии, построил малую каливу вблизи игумена Дионисия и делил с ним труды глубокого отшельничества, назидаясь примером высокой его жизни и мудрыми его беседами. Взаимность любви их была так тесна, что, казалось, жила в них одна душа. В это время прославился подвижнической жизнью некто, живший на Карее, Кирилл. Чтоб получить и от него душевную пользу и подражать его жизни, святой Феофил оставил свое безмолвие и перешел на Карею, к Кириллу. Когда находился у него преподобный, часто приходил к

ним для служения прот Святой Горы, старец Серафим, бывший духовником Кирилла. Прот обратил внимание на Феофила, возлюбил его за святую жизнь, и с той поры, даже до смерти, Феофил и прот остались искренними между собою друзьями. Но недолго оставался божественный Феофил на Карее. Сильное желание безмолвия увлекло его в пределы Пантократора, в келью святого Василия, имевшую все условия глубокого уединения и невозмутимой тишины безмолвия. Келья требовала поправок, а святой Феофил, не имея у себя ни лепты, не мог ни внести за нее монастырю условленную цену, ни обновить ее: в такой степени он усвоил себе иноческую нестяжательность. Прот, старец Серафим, помог ему в этой крайности. Таким образом, святой Феофил погрузился в пустыню на безмолвие, имея сподвижником одного брата Исаака. Такое удаление святого Феофила от всех сильно подействовало на прота. Устроив вокруг протатского собора галерею, воздвигнув колокольню и расписав внутренность собора, он испросил себе у старцев Святой Горы увольнение от должности прота и удалился на пустынный покой, где вместе со святым Феофилом постоянно упражнялся в чтении Священного Писания и святых Отцов, извлекая оттуда существенную и безсмертную пищу для безсмертного духа. Исключительным же подвигом преподобного Феофила было так называемое святыми отцами умное делание, или хранение ума непрестанной сердечной молитвою Иисусовою, то есть: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». По слову святого Каллиста, есть два рода иноческого делания: одно – для укрощения страстей – и состоит в посте, бдении, коленопреклонениях и прочих подвигах внешних; а другое – для очищения ума и сердца от нечистых мыслей, что совершается строгим вниманием, с непрестанной молитвою сердечною ко Господу Иисусу, творимою втайне и с болезненным чувством и страдательным воплем души, как учат Божественные отцы. Умным сим деланием и священной молитвою, плачем и слезами, рождающимися от сей молитвы, он очистил сердце свое от страстей и нечистых помыслов и, низложив демонов вконец, сделался чистым избранным жилищем Святого Духа. И так как, по словам святого Дионисия Ареопагита, Божественная любовь не видит и не знает ничего, кроме своего предмета, – преподобный Феофил, пламенея любовью к Богу, ни о чем ином не думал, кроме Иисуса: Иисус был дыханием его, Иисус был жизнью его, Иисус был всегда в сердце его. Феофил, подобно святому Павлу-апостолу, не жил более, но Христос жил в нем, а потому, подобно святому Павлу, удостоился он Божественных даров Святого Духа, предвидел будущее, знал тайны сердечные и помышления человеческие, *достиг в мужа совершенна и в меру возраста исполнения Христова,* как говорит святой Апостол (Еф. 4, 24).

Наконец, будучи исполнен дней, святой предузнал смерть свою и начал готовиться к исходу в вечность. Между прочим, написал он исповедание веры и завещание духовное, а пред смертью пожелал, чтоб совершили над ним таинство елеосвящения. Это было в пяток. Простившись со всеми, в субботу приобщился он в храме пречистых Таин Христовых в чувстве благодарения Богу о всем и наконец призвал ученика своего Исаака для объявления ему последней воли своей. Смиренный в течение всей своей жизни, святой Феофил и по смерти не хотел почитания человеческого: он дал Исааку заповедь, чтоб не было объявляемо о смерти его, когда предаст он дух свой Богу, чтоб не призывались иереи для совершения над ним обычного погребения, но чтобы Исаак оцепил ноги его вервию и выбросил тело по возможности. Объявив таким образом последнюю волю ученику своему, преподобный Феофил распростерся на одре. «Господи Иисусе Христе! Приими дух мой», – произнес он и почил сном преподобнической смерти, в лето от Рождества Христова 1548-е, 8 июля, в воскресный день, прежде восхождения солнца.

Послушный ученик его Исаак в точности выполнил заповеди святого: привязав к ногам его вервь, он увлек мощи его в лес. По всей Святой Горе разнесся слух о смерти преподобного; стечение монахов, особенно знакомых друзей преподобного, было

большое: все желали видеть и поклониться могиле его и при ней принять благословение усопшего. Чтоб не лишить сего приходящих, ученик его показал им взрытое место, где будто бы погребен преподобный. Но монахи Иверской обители и Пантократора сомневались в месте погребения святого по какому-то тайному чувству, которое и не обмануло их; потом иноки обрели в лесу святые мощи Феофила, взяли их и хранили у себя в глубокой от других тайне.

По истечении 40 дней приходит Исаак в лощину увидеть мощи и к изумлению не находит их. По долгом испытании наконец он узнал, что мощи находятся в Пантократорской обители. Является туда и просит старцев, чтоб они отдали ему останки его отца, как его собственность, но пантократорцы и слышать не хотели об этом. Таким образом протекло довольно времени. К утешению Исаака, посетил тогда Святую Гору Макарий, епископ Ериссы. Исаак обратился к нему с жалобою на обитель Пантократорскую и просил принять со своей стороны участие в этом деле. Макарий не замедлил. Пригласив афонских игуменов, прибыл он в Пантократор, отделил для сей обители от мощей святого Феофила руку, а прочие части предоставил ученику. Тогда перенесли их торжественно из Пантократора в келейную церковь святого Василия, где безмолвствовал преподобный, и с того времени начали они источать благовонное миро во свидетельство богоугодной его жизни.

Такова жизнь преподобного отца нашего Феофила Мироточивого; так он подвизался и так прославлен от Бога на земле и на небе, при жизни и по смерти. Да подражаем и мы преподобному в нестяжательности, кротости, смирении, чистоте, безмолвии и любви к Богу и ближнему, дабы и нам наследовать с ним Царствие Небесное во Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава и держава со Отцем и Святым Духом во веки. Аминь.

10 ИЮЛЯ

Память преподобного и богоносного отца нашего Антония Печерского

Известно уже всем русским житие сего угодника Божия, основателя нашего русского иночества. А так как здесь, на Святой Горе, мы не могли отыскать верных сведений, которые указывали бы место подвигов сего богоносного отца или обитель, где он принял пострижение[203] , кроме показанных под 10 июля в Четьях Минеях св. Димитрия, святителя Ростовского, и в Патерике Печерском, то излишним сочли переносить оттуда в свой Патерик его житие; помещаем же здесь краткие сведения только о начале подвигов богоносного сего отца.

Преподобный Антоний, отец русского иночества, родился в местечке Любече, в пятидесяти верстах от Чернигова, и в крещении получил имя Антипы. С юных лет исполненный страха Божия, Антипа почувствовал в себе желание уединенной жизни. Там, на родине его, поныне показывается пещера, в которой юный Антипа испытывал силы свои для великих подвигов иночества[204]. «Бог положил ему на ум, – говорит преп. Нестор Летописец, – желание странствовать и, странствуя, достиг он Святой Горы (Афонской). Здесь он осмотрел многие обители чудные и, возжелав облещись в чернеческие ризы, молил игумена одной из обителей постричь его; тот возложил на него монашеский образ, назвав его Антонием, и учил его монашескому чину».

Афон, лежащий на границах мира греческого и славянского, сделался во второй половине тысячелетия жилищем высоких подвижников иночества, вместо пустынь Египта и

Палестины, находившихся уже тогда во власти аравитян. Император Василий Македонянин грамотою, данной преп. Иоанну Колову, основавшему монастырь близ Афонского перешейка, определил Афонский полуостров исключительно для пребывания отшельников. Поселившиеся отшельники жили отдельно и независимо в скитах и малых обителях – монидрионах. Соборный храм всех их и тогда находился на Карее, куда три раза в году собирались иноки Святой Горы для совещаний об общих делах. В X веке Афон славился уже на всем Востоке святостью своих отшельников и служил средоточием православного монашества. Особенно слава дивных подвигов преп. Афанасия Афонского, устроившего в 961 году свой знаменитый монастырь – Лавру, влекла к нему отовсюду учеников – из Рима, Италии, Грузии, Армении. Многие пустынники, настоятели монастырей, даже епископы, приходили в его обитель и предавали себя руководству святого старца. Около того же времени преп. Павел основал здесь два монастыря: Ксиропотам и св. Павла. В X веке также возникли на Афоне монастыри: Есфигмен, Ватопед и Иверский. Насколько было значительно уже тогда население Афона, видно из того, что под древним типиконом Афонским, составленным при императоре Иоанне Цимисхии, находятся подписи пятидесяти игуменов. По особому строению Промысла Божия жизнь иноческая на Святой Горе процвела тогда, когда обращенным племенам славянским нужно было запасаться примерами иноческой жизни. Вследствие частых вторжений славян не только Македония, но и Пелопонесс сделались славянскими. В самом преддверии Афона – Ериссее – были в то время болгарские поселения. Поэтому Святая Гора сделалась приютом и рассадником иночества для племен славянских.
В XI веке были уже на Афонской Горе славянские монастыри – болгарский Зограф и русский Ксилургу. Эта близость Афона к славянским племенам объясняет, почему Афон сделался рано известным русским и почему иноки афонские приходили в Россию. Неудивительно поэтому, что слух о святой жизни афонских иноков достиг и до Антипы, и он, наставляемый Богом, пошел на Афон.

Преподобный Афанасий ввел в своей лавре общежитие, но в начале XI века пример его имел еще немногих ревнителей на Афоне; большая часть афонских подвижников жили отшельнически: то по два, то по три вместе, то совершенно наедине.

Любитель безмолвной тишины, обходя монастыри и другие обиталища Святой Горы и видя равноангельский образ жизни подвижников, Антипа еще более воспламенялся желанием поревновать этому чудному житию и в одной из тамошних обителей молил игумена возложил на него иноческий образ. Игумен, духовным оком провидя будущие добродетели и назначение просителя, согласился постричь его, дал ему имя Антония – отца иночествующих – и научил его совершенству иноческому.

Немалое время пробыл преподобный Антоний на Святой Горе и уже возмужал в подвиге, когда игумену его было извещение свыше – отпустить преподобного на родину. Призвав Антония, игумен сказал ему: «Антоний, иди в Россию, да будешь там и другим на пользу, благословением Святой Горы». Антоний повиновался. Прибыв в Киев, искал он себе места, где мог бы жить, как жил на Афоне. Варяжская пещера показалась удобною для безмолвия. Гора Берестовая по своей высоте со стороны реки казалась неприступною. На ней в пещерах имели свой притон варяги, разбойничавшие по Днепру. Антоний избрал пещеру злодеев для подвигов святых. (По летописям это было в 1012–1013 г.). Но кровопролития и волнения, наставшие после кончины Владимира, заставили Антония удалиться опять на святую Афонскую Гору, и он подвизался здесь еще несколько лет.

По умиротворении земли русской было вторичное извещение постригшему его игумену на Святой Горе. Глас Божий таинственно провещал ему: «Пошли Антония опять на Русь, ибо там он нужен Мне». Повиновался игумен небесному гласу и, призвав Антония, сказал

ему: «Богу угодно, чтобы ты опять шел в Россию, ибо от тебя возникнет там много черноризцев: будь же над тобою благословение Святой Горы, иди с миром». Блаженный Антоний, приняв это вторичное благословение как из уст Божиих, пришел опять в Киев, в дремучий лес Берестова и, обретя готовую уже пещеру Иларионову на том холме, где любил молитвенно уединяться, предпочел ее диким пещерам варяжским. «Господи! – со слезами воззвал он к Богу, – да будет на месте сем благословение Святой Горы Афонской: молитвою отца моего духовного, который постриг меня, утверди меня здесь». (По древнему летописцу, преп. Антоний во второй раз пошел на Афон в 1017 г. и возвратился в 1027 году). И тут он водворился, продолжая афонский подвиг строгой жизни, вкушая только хлеб и воду, а иногда ничего во всю неделю; во бдении же пребывал день и ночь и руками своими прилежно копал землю, расширяя пещеру. Мало-помалу начали к нему собираться благочестивые молитвенники, прося духовного его совета, а некоторые желали и сожительствовать с ним, и таким образом, скажем словами Святогорца, с киевских гор, как светильник с высокого свещника, преподобный Антоний начал разливать на все стороны России немерцающий свет святой иноческой жизни русского иночества. Скончался он в 1073 году, 7 мая.

Память преподобного Антония празднуется здесь в монастыре Есфигменском торжественно. Над пещерою, в которой по преданию он отшельнически подвизался, в новейшее время воздвигнута во имя его церковь и при ней несколько келлий для жития безмолвного.

Кроме преподобного Антония Печерского на Святой Горе Афонской подвизались еще следующие святые отцы Российской церкви: преп. Арсений Коневский, преп. Нил Сорский, преп. Киприан митрополит Московский, преп. Максим Грек, преп. Сергий Нуромский, преп. Иннокентий Вологодский, преп. Афанасий, настоятель Лазарева Муромского, или Мурманского монастыря (Церк. Вед. 1896 г. № 33).

11 ИЮЛЯ

Память преподобного отца нашего Никодима[205]

Этот богоносный отец дивным своим житием просиял в пределах ватопедских. О нем известно, что он был старцем и по Христе наставником в любомудрии божественного Григория Паламы.

Страдание преподобномученика Никодима[206]

Святой преподобномученик Никодим родился в Албании, в местечке Эельбанас. Родители его были благочестивы и, когда достиг он совершеннолетия, сочетали его браком, от которого имел он детей. Между тем, входя в постоянные связи и знакомства с агарянами, Никодим увлекся чувственными обещаниями корана их: в угоду им отрекся от веры Христовой и наконец дошел до такой степени безнравственности, что, несмотря на убеждения и слезы домашних, насильно потурчил и детей своих, кроме одного, которого христиане успели похитить и тайным образом отправить на Святую Гору. Впрочем, последние так и не смогли вполне утаить это от Никодима. Узнав, что сын находится на Святой Горе, он понесся туда с целью непременно отыскать свое дитя и отмстить всей Святой Горе, как только можно, по собственным его силам и средствам. Он так

предположил, но человеколюбивый Бог, желающий всякому спасения, судьбами его жизни распорядился иначе – вместо того, чтоб допустить преступного отца до увлечения сына в исламизм, Он и самого его, несчастного отверженника, привлек к Себе чрез покаяние, так что Святая Гора сделалась для него в некоторой степени причиной спасения. Безмолвие, постнические труды, лишения всякого рода и удаление от всего чувственного, даже от связей родственных, – все это, виденное им на Святой Горе в иноках, по прибытии туда поразило его до крайности: он вспомнил минувшее, когда и для его сердца не были чужды надежды загробного мира и райские красоты и те обетования Христовы, которые от магометовых так далеки, как далеки, или еще дальше, небо от земли или свет от мрака; он вспомнил, что и сам принадлежал когда-то Христу, и горько, неутешно заплакал о гибельном своем состоянии. Мысли его переродились: он обратился опять к Богу с раскаянием и, не выходя со Святой Горы, принял на себя ангельский образ, с именем Никодима. Три года день и ночь оплакивал он свое богоотступничество, изнуряя плоть постом и многоразличными лишениями и подвигами. Наконец, услышав от некоторых отцов такие речи, что кто отрекся Христа пред людьми, тому очень полезно исповедать Его снова пред ними, решился непременно искупить грех свой страдальческой кровью. Чтоб узнать, приятно ли это будет Богу и есть ли на то Его воля, он обратился за советом к преподобному Акакию, подвизавшемуся в Кавсокаливском скиту. Долго плакал он у ног старца Акакия, прося его молитв и решения – что ему делать в стеснительном положении духа, требующего страдальческого подвига. Преподобный, пользовавшийся на Святой Горе общей славою и доверием, как подвижник действительно святой, ласково поднял Никодима и потом, немного отступив от него, обратился с молитвою к Богу. Кончив свою молитву, он тихо что-то сказал Никодиму и потом, когда тот долго и горько плакал, вручил ему старческий жезл со словами: «Иди с Богом, Бог тебе в помощь: подвиг совершишь, и мученический венец за него готовится в небесах». Таким образом, напутствованный от преподобного старческими молитвами и благословением, Никодим, едва двигавшийся от постного изнурения, отправился в путь. Между тем, пред исходом его со Святой Горы, удостоил его Господь Божественного Своего явления, укрепил его и открыл ясно все мучения, которые он должен претерпеть во имя Его и даже показал ему самое место, где будет усечена его глава. Утешенный и утвержденный таким благоволением Господа, Никодим весело потек на поприще страдальчества. Со Святой Горы он прямо прибыл в Албанию, на свою родину, и там торжественно пред знавшими его турками исповедал Христа истинным Богом, а Магомета уничижил, как льстеца и обманщика. Турки представили его к паше. И здесь блаженный Никодим повторил свое исповедание, уничижая исламизм. Взбешенный этим паша приказал ринуть его с высокой террасы своего дома вниз, в чаянии раздробить его тело на части: однако ж вышло напротив. Страдалец, по благодати Божией, остался невредим и тогда же снова явился к паше. Паша затрепетал, видя пред собою того, которого считал убившимся до смерти. Чтоб удовлетворить неистовству толпы, требовавшей казни уничижителя великого пророка, паша отдал страдальца на ее волю. Трое суток истощались неистовые турки во всевозможных родах мучительства над Никодимом и, наконец, видя, что нет возможности и сил поколебать его твердость, на показанном ему от Господа месте обезглавили его. Таким образом, совершив страдальческий подвиг, блаженный Никодим удостоился венца райской славы. Святые мощи его и поныне остаются целы, разливая благоухание и источая цельбы для приходящих к ним с молитвою и верою. Молитвами его да удостоимся и мы Царствия Небесного. Аминь.

Преподобный Никодим пострадал в 1722 году, 11 июля.

Страдание святого преподобномученика Нектария(Память его празднуется местно – в ските святой Анны)[207]

Святой преподобномученик Нектарий происходил из селения Вруилла (или Вурла, как оное называется в просторечии), находящегося в Малой Азии, Эфесской епархии, от простых, но благочестивых родителей, и во святом крещении назван был Николаем. Оставшись после смерти отца сиротою в 17-летнем возрасте и находясь в крайней бедности, он для пропитания себя и своей матери поступил в пастухи к одному богатому Хусейну-аге, пасти верблюдов. В то время свирепствовала опустошительная чума, от которой вымирали люди целыми селениями, но для предохранения от заразы в этом случае жители селений выбирались из домов в поля и там проводили кочевую жизнь. Таким образом и господин Николая выбрался в поле со всеми своими слугами, у которого кроме Николая было еще шесть мальчиков-греков, и все они совершенно удалены были от всякого сообщения с кем бы то ни было, как бывает в подобные времена. Господин сих несчастных, желая совратить их с истинного пути, начал им говорить, что все христиане повымерли от чумы и что только остались мусульмане и они; при этом, как бы принимая в них участие, он сказал: «Если вы не хотите умирать голодной смертью и притом на будущее время обезпечить себя к дальнейшей жизни, то вам необходимо принять мусульманскую веру».

Несчастные, видя свое безвыходное положение, по своему детскому неразумию согласились отречься от христианской и принять мусульманскую веру.

Когда же прекратилась чума, то все жители, кочующие по полям, начали возвращаться в селение в свои дома. Возвратился и господин Николая со своим семейством и слугами. Между тем, Николай узнал, что мать его не умерла, но жива и находится в этом же самом селении. Обрадовавшись, он тотчас пошел к ней, но благочестивая мать, как только увидела Николая, одетого в турецкое платье, с укоризною и гневом сказала ему: «Отойди прочь от меня! Я тебя не знаю, кто ты такой!» Юноша, видя себя отринутым своей родной матерью, с болезнью сердца начал рассказывать ей, как он сделался мусульманином и как его обманули. Но истинно благочестивая христианка, мать его все-таки не признала его своим сыном и с еще большим гневом сказала ему: «Прочь отсюда! Я не родила тебя турком, а родила христианином; удались отсюда сейчас же, чтобы не видели тебя глаза мои!» Эти грозные слова доброй матери до глубины потрясли душу несчастного отверженника и как бы раскаленные стрелы пронзили его сердце. Стыд, раскаяние и сознание своего падения обнаружились во всей полноте: он от угрызения совести не мог долее смотреть на лицо своей матери и с глубокой скорбью удалился от нее.

Как только он вышел от матери, то не возвратился уже к Хусейну-аге, а отправился в Смирну. Здесь он отыскал своего дядю, которому рассказал о своем несчастье. Дядя, переодев его в европейское платье, отослал в Константинополь, а оттуда посоветовал ему ехать в Россию, где и покаяться в великом своем грехе.

Николай послушался совета своего дяди, отправился в Константинополь, а оттуда в Валахию, но почему-то далее не захотел ехать, а возвратился обратно в Смирну, где опять пришел к своему дяде, который на этот раз не принял его, а прогнал от себя, собственно, за то, что он не послушался его совета. Все эти неудачи, как видно, происходили по смотрению Божию для того, чтобы Николай для очищения себя в грехе подвизался не среди мира, а в пустыне и среди опытных и святых мужей.

В то время случилось быть в Смирне одному духовнику со святой Афонской Горы, мужу благочестивому и опытному, которому некоторые добродетельные смирнские христиане

представили Николая, прося преподать ему духовное врачевство. Духовник, выслушав исповедь отверженника, довольно поучил его, потом посоветовал ему отправиться на Святую Гору и там устраивать свое спасение, что он с радостью исполнил и, вскоре отправившись из Смирны, прибыл туда благополучно.

По прибытии на Святую Гору он нашел там одного соотечественника, подвизающегося в отдельной келье. Этот благочестивый инок с братской любовью дал ему у себя приют и упокоил. Потом представил его опытному духовнику, который, огласивши его, приобщил к Православной Церкви. Так прожил блаженный Николай некоторое время в келье приютившего его соотечественника, проводя подвижническую жизнь, и сердце его вскоре вместо смущения согрелось Божественной любовью, которая мало-помалу все более и более воспламеняла юное сердце, так что Николай решился за любовь Иисуса Христа и за свое от Него бывшее отречение излить кровь и принять мученическую кончину. Но, однако, духовник не советовал ему решаться на такой великий подвиг, поставляя ему на вид ужасные муки и могущую быть опасность, как бы страха ради не отпасть опять от христианской веры. Совет духовника хотя и был принят, но все-таки сердце его не успокоилось. А потому для испытания себя еще более в духовных подвигах он пожелал проходить безмолвную жизнь, для чего отсюда перешел в скит святой Анны, в котором подвизался также его соотечественник Стефан в келье Св. Троицы. Он принял с охотою юного подвижника в среду своих учеников и вскоре постриг его в монашество с именем Нектария. По принятии монашества Нектарий стал прилагать труды к трудам, проводя ночи в бдении, молитве и коленопреклонении; пищей же его были хлеб с водой. Диавол, видя юного подвижника, преуспевающего в добродетели и желая его ослабить, стал смущать сожительствующих с ним братий, которые, поддавшись внушениям лукавого, до того возненавидели Нектария, что стали просить Стефана, чтобы он изгнал его из их общества. Но благоразумный Стефан, видя в этом немиролюбии козни древней злобы, не отверг просьбы братии и, между прочим, увещавал их оставить гнев, несвойственный рабам Божиим, и притом высказал, что они должны считать себя счастливыми и благодарить Бога, что Он удостоил их жить вместе с будущим мучеником Христовым. Эти слова развеяли всю тьму и коварство вражие, и с тех пор братия переменили свое мнение о Нектарии и стали относиться к нему с любовью.

Наконец, время уже близило Нектария к совершению мученического подвига, ибо сердце его, горя Божественной любовью, не в состоянии было более выносить жгучего пламени, и он стал просить старца Стефана благословить его на страдальческий подвиг. Опытный старец не соизволял его намерению, так как видел его еще весьма юным на подъятие мученических трудов. Но Нектария это не остановило, и он только еще усиленнее стал просить Стефана отпустить его на страдание. Стефан, не желая один решить такое важное дело, посоветовался с другими духовниками, которые тоже старались отклонить Нектария и, видя его юность и боясь неизвестного конца, не советовали ему подвергать себя мучению. Но, однако, отклонения были напрасны, и Нектарий благодушно отвечал старцам, что с его стороны требуется только начало, а Божественная сила довершит конец и что он имеет твердую надежду на помощь Иисуса Христа, за Которого намерен излить свою кровь, а также и на покровительницу свою Преблагословенную Богородицу Деву Марию, к которой питает несомненную веру и любовь. Святые отцы, видя твердую мысль Нектария, благословили его на страдальческий подвиг, а старец Стефан пожелал сопутствовать ему, для духовного утешения.

Итак, приготовившись в путь и получив в напутствие благословение святых отцов, они вскоре отправились и благополучно достигли отечества Нектария, так как у блаженного было желание пострадать за Христа там, где по своему неразумию отрекся Его. По прибытии во Вриуллу Нектарий снял с себя иноческое одеяния и оделся в турецкое и

таким образом жил там до мусульманского праздника байрама, и во все это время показывал вид, что он истый мусульманин. Но после трех дней он дерзновенно предстал пред судьей и после обычных приветствий сказал ему: «Господин судья! Конечно, ты, видя меня в турецкой одежде, думаешь, что я мусульманин. Но нет: я рожден христианином и теперь истинный христианин, верующий в Искупителя моего Иисуса Христа, но в малолетстве, когда я еще не мог отличать правое от левого, здешний Хусейн-ага прельстил меня, наобещав различных благ, лишь бы только я отрекся от христианской веры, что я и сделал. Но когда я пришел в совершенный возраст и увидел, что он свои обещания употребил для обмана, чтобы соблазнить меня, а потому, познав как обман, так и ложную мусульманскую веру, я ушел от него и удалился в Алжир (это место мученик назвал собственно для того, чтобы не открылось, где он жил). Теперь же пришел сюда для того, чтобы здесь публично исповедать Того, Которого я отрекся, и за свое горькое падение принять от вас, врагов Христа моего, мучения и, пролив свою кровь, чистым явиться в небесные обители». Говоря это, он снял с головы фес[208] и зеленую повязку и бросил их с презрением.

Мужество, с каким говорил Нектарий, удивило судью, и он, видя его юность и телесную красоту, начал ласкать и уговаривать его оставить свое заблуждение. После многих льстивых обещаний он наконец тихо сказал мученику: «Сын мой, вижу, что ты еще так юн и в несовершенном разуме, а потому полагаю, что ты все это говоришь не от себя, а кто-нибудь научил тебя; итак, поди, обдумай хорошенько, ибо отпадение твое от мусульманской веры навлечет горькие муки».

– Напрасно, судья, ты так думаешь обо мне и о моей юности, – с кроткой улыбкой сказал мученик. – Ты только прикажи меня мучить и увидишь, как я буду переносить все твои мучения, будучи укрепляем силою Бога моего, Которого сила не в крепости, а в немощи совершается. Итак, я уже давно размыслил о всех мучениях, иначе бы и не пришел сюда исповедать Господа моего Иисуса Христа, а вашего пророка Магомета проклинаю, как ложного и сына диавола.

Но судья все щадил святого мученика и, не причинив ему никакого вреда, велел ему размыслить и удалиться.

На другой день Христов мученик опять пришел к судье и с веселым лицом сказал: «Господин судья! Ты вчера сказал мне, чтобы я хорошенько обдумал свое положение, и вот я всю ночь об этом размышлял, но как вчера, так и сегодня, остаюсь в своем убеждении, притом еще больше пришел в сокрушение и оплакиваю грех мой, вашу же мусульманскую веру попираю, как богопротивную и ведущую к погибели».

Наконец судья, выйдя из терпения, приказал его отвести к князю той местности. Это показывало, что судья предает его высшей власти, которая имеет право мучить и казнить. Но так как в то время князя не было дома, то святого мученика заключили в темницу, забив ему ноги в колоды, а на шею наложивши тяжелую цепь. В это время к нему в темницу приходили многие знатные и богатые мусульмане, которые, желая совратить мученика, уговаривали его и обещали разные почести и богатства с тем, чтобы только он согласился отстать от веры в Иисуса Христа. Но святой страдалец твердо стоял против искушения, все их обещания почестей и богатства вменяя ни во что. Божественная любовь, царившая в его сердце, пренебрегала всем, и ему желательны было не богатство и слава мира суетного, а скорейшее разрешение от тела и явление к лицу Бога живаго.

Прошло пять дней; князь приехал и велел привести к себе на суд святого мученика. Как только приведен был мученик, князь спросил его:

– Ты ли тот, который содержится в темнице за отречение от нашей веры, которую принял добровольно?

– Да, это я, – благодушно отвечал святой.

– Кто это тебе наговорил такого вздору, что будто бы ты за твою дерзость сделаешься святым?

– Не вздор, а истина, которую обещал Господь наш Иисус Христос и Который помилует меня за исповедание Его святого имени, а чрез излиянную мою кровь очистит меня от мерзкого обрезания, которое совершено надо мною вами, мусульманами.

– Что же, неужели к тебе, нечистому, сошел Сам Бог и уверил тебя в этом?

– Да, Сам Бог, Который открывает Себя верующим в Него чрез Священное Писание.

Князь, видя дерзновение мученика, начал ласкать его, говоря: «Друг мой! Приди в себя, пожалей юность и благообразие твое, сохраняй нашу веру, и я сделаю тебя своим сыном, обставлю тебя всеми благами и поставлю тебя выше всех моих приближенных; в противном же случае прикажу мучить тебя и потом убить как самого негодного из людей».

– Богатство твое, честь и слава да будут тебе в погибель, – отвечал ему мученик, – о муках же и безчестной смерти небрегу, так как я для этого и выдал себя. Итак, делай со мной что хочешь, но я ни за что в мире не отрекусь от Иисуса Христа. – Князь, видя себя посрамленным, приказал опять ввергнуть его в темницу, наложив на шею цепь еще тяжелее первой, а ноги заковать в кандалы. Но блаженный благодушно переносил страдания, ибо любовь к Иисусу Христу заглушала телесную боль. В это время старцем Стефаном и другими благочестивыми христианами были возносимы молитвы ко Всевышнему Богу, дабы Он укрепил в подвигах святого мученика; некоторые же из более мужественных проникли к нему в темницу и передали Святые Тайны, присланные ему Стефаном, по причащении которых святой еще больше укрепился духом. Между тем, и князь, по внушению исконного врага диавола, не желал выпустить из рук жертву и всеми способами прельщал его чрез своих посланных, именитых граждан, желая отклонить его от Христа, но когда увидел, что Стефан остается в своем твердом намерении, приказал его мучить, и палачи начали истязать святого с ожесточением: били его палками, голову покрывали медными раскаленными чашками. После этих жестоких пыток, которые повторялись неоднократно, святой лишался чувств, и тогда бросали его в темницу. Но на другой день юношу находили здорового и невредимого; невидимая сила Божия излечивала святого; видя это, мусульмане приходили в недоумение и вместе с тем сознавали свое безсилие. А потому князь приказал отрубить ему голову, что и совершилось в тот же день на площади Малказа, и чистая душа святого страдальца отлетела в небезные обители, 11 июля 1820 года, на 21-м году от рождения. Тело же святого безумный изверг приказал бросить в сухой колодезь и завалить его землею и камнями, что и было в точности исполнено усердными его слугами. Но чрез несколько дней благочестивые христиане успели тайно взять из колодца святые мощи и разделили их между собою в освящение: одну часть взял старец преподобномученика Нектария Стефан и перенес оную на святую Афонскую Гору, другую взяла мать мученика, а третью – местные христиане.

Молитвами святого преподобномученика Нектария, Христе Боже, сподоби и нам скончать жизнь нашу в мире и получить Царство Небесное. Аминь.

28 ИЮЛЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Павла Ксиропотамского[209]

Преподобный отец наш Павел родился в Константинополе. Отец его, император Михаил Куропалат, прозванный Ранкавей[210], человек миролюбивый и богобоязненный, не перенося ежедневных происходивших при нем замешательств и безпорядков, сложил с себя царское достоинство и поступил в монастырь, выстроенный им самим и названный Мирелеон, где и скончался в иночестве. Мать Павла, Прокопия, жизни также весьма благочестивой, была дочь царя Никифора Геника и сестра царя Ставракия. Нося во чреве своем плод брачного союза, она однажды ночью увидела сон – будто разрешилась от бремени на хлебной ниве и родила агнца и будто на этого агнца, когда он оправился, вдруг бросились два льва и хотели растерзать его, но он стал в оборонительное положение. При виде опасности непорочного агнца царица кинулась защитить его от нападения львов; приближается к нему и видит, что это не агнец, а дитя мужеского пола, державшее в руках своих крест, силою которого и низложены были львы. Вслед за тем Прокопия проснулась и родила Прокопия, так нареченного во святом крещении. Впоследствии она толковала свой сон следующим образом: агнец означал кротость и незлобие отрока; умерщвление двух львов силою креста было предзнаменованием иночества, в образе которого Прокопий возьмет на рамо свое крест Христов, орудие против страстей, и победит им двух страшных, неприязненных иноческой жизни львов, – именно: мир, со всею славою его и удовольствиями, и диавола, со всею его силою и полчищами; груда хлеба означала, что учением и примером ангельской своей жизни Прокопий напитает души, алчущие Божественного утешения, и, очистив многих от плевелов плотских страстей, соделает их достойными небезной житницы.

Рождение Прокопия торжествовал весь Константинополь и радовался о нем. Между тем, едва только дитя было отнято от груди, отец его, Михаил Куропалат, как мы сказали, отказался от царственного венца. Праздный престол греческой империи вместо него был занят Львом Армянином. Хотя Лев и принял бразы правления с совершенным полномочием самодержавия, однако зная, что Прокопий имеет полное право царственного наследия и впоследствии может воспользоваться им, решился оскопить этого опасного совместника державной своей славы и величия. Впрочем, и при таком варварском поступке со стороны императора Прокопию дано было блестящее воспитание и образование. При необыкновенных природных дарованиях, соединенных с прилежанием и трудами, он достиг такой степени образования, что все мудрецы того века уступали ему право на славу и удивление современного света. Памятниками высокого его образования остались для нас Слово на введение Пресвятой Богородицы, Канон сорока мученикам и Канон (писанный ямбическими стихами) Честному Кресту. Император Роман Старший в царской своей грамоте (хрисовуле), данной впоследствии Павлу на устроение обители на святой Горе Афонской, называет его величайшим из философов.

При высоком образовании и при таком блестящем положении в свете Прокопий, однако ж, вполне постиг суету мира и понял во всей силе изречение Макария: «Душа, не освободившаяся от мирских попечений, и Бога не возлюбила истинно, и диавола не отверглась должным образом», – понял это и решился, отказавшись от всего, удалиться в пустыню. Особенным побуждением к этому послужило то обстоятельство, что имя Прокопия было на устах всех: один хвалил его любовь и приветливость, другой – смирение, тот – мудрость, воздержание и целомудрие, а иной – милосердие, презрение мирской славы и проч.; одним словом, кроме похвал, Прокопий в свете ничего не слышал: дань с одной стороны, конечно, справедливая, но с другой – опасная. Чтоб, ради славы человеческой, не подавить в себе чувства смирения и не увлечься превозношением и

гордостью, он переменил одежду на разодранную и старую, принял вид нищего и, вышедши из Константинополя, как птица от сети понесся из мира на Афонскую Гору. Там прежде всего обозрел он обители, всмотрелся в образ подвижнической жизни и, чувствуя невыразимое спокойствие духа в кругу спасающихся иноков, поступил в так называемую обитель Ксиропотам, которая основана была царицею Пульхерией и незадолго пред тем опустошена набегами пиратов, в неистовстве своем расхитивших монастыри, а иноков предавших мечу и разного рода насильственной смерти. Живописное местоположение, невозмутимая тишина пустыни и безмолвие восхитили Прокопия: он сначала построил себе на развалинах обители небольшую келью и поселился в ней для молитвенных подвигов. В то время там же, в соседстве, жил благочестивый пустынник Косма, с которым Прокопий скоро сблизился и принял от него ангельский образ, под именем Павла. С принятием пострижения Павел к прежним постным и молитвенным трудам приложил новые – так что постелью для него была земля, а возглавием – камень. Следствием таких лишений и крестного самоотвержения были для него слезы и плоды Святаго Духа, которые перечисляет апостол Павел, – т.е. духовная любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость и воздержание (Гал. 5, 22–23). Слава о высокой его жизни пронеслась по всей Святой Горе и была для многих побуждением и назидательным образцом подражания. Хотя Павел в чувстве смиренномудрия и старался, со своей стороны, представлять себя в виду всех неученым и простым, но, по выражению Евангелия, как град, стоя верху горы, не может укрыться (Мф. 5, 14), так и он не в силах был утаить себя; слава о нем скоро дошла и до прота. Раз, когда он был на Карее, прот узнал о нем, призвал его к себе и спрашивал, кто он и откуда; Павел отвечал на это: «Я нищий инок, как ты сам видишь, святой отец, – уединяюсь в развалинах Ксиропотамского монастыря». Тронутый смирением Павла, прот оставил его в покое, а иноки с той поры начали называть его Павлом Ксиропотамским, да и самая обитель Пульхерии впоследствии усвоила и сохранила доныне название Ксиропотама, что значит в русском переводе «сухой поток».

Между тем, Господь восхотел восстановить из развалин ту обитель, где подвизался смиренный Его раб, и предоставить самому ему славу и честь ее возобновления следующим образом. Император Роман по чувству родственной любви к Павлу, как скоро вступил на престол, тотчас сделал повсеместное о нем разыскание. Посланные для этой цели нашли преподобного на Святой Горе и едва упросили его, и то чрез прота, идти в Константинополь для свидания с державным сродником и со всеми близкими его сердцу в родственных отношениях. Встреча преподобного в Константинополе была достойна подвижнической его славы и царственного происхождения: весь город принял его как ангела – торжественно и с необычайной радостью. Несмотря на то, что смиренный Павел, не изменяя долгу иноческому, явился среди придворного блеска и великолепия как нищий – в разодранной ряске и с крестом, вельможи с почтительным видом и раболепным уважением припадали к нему и желали принять его благословение. Так изумительна сила добродетели, несмотря на внешнее ее смирение и простоту! Между тем как царствующий град ликовал таким образом и радовался о святом Павле, сам император Роман находился в тяжкой болезни; Павел, видя это и тронувшись страдальческим его положением, только что возложил на него свои руки – и больной выздоровел. Это чудо еще более прославило преподобного. Признательный царь в продолжение пребывания его в Константинополе оказывал ему постоянное благоволение и родственную приязнь, давая ему полную свободу вести себя при дворе согласно аскетическим правилам и обетам отшельнической жизни. А чтоб всегда пользоваться сладкими его беседами, император поручил ему воспитание и образование в правилах христианской нравственности собственных своих детей. Таким образом, время текло. Роман был во всех отношениях доволен Павлом. Но Павел, со своей стороны, начинал грустить по оставленной им пустыне, тем более что всюду видел мятеж и смуты и не находил ни удовольствия, ни утешений во всех видах

царственного великолепия и придворных торжеств. Наконец, не в силах будучи выносить томительное свое положение, он решился просить у императора увольнения на святую Гору Афонскую. Кратко, но трогательно выразил пред ним Павел душевные свои чувства: «Государь! – говорил он, – как рыба без воды, так и инок без условий келейной жизни и пустынного безмолвия жить не может: он мертв для Бога и безжизнен для того, чтоб в точности исполнять свой долг и обязательства в отношении к Богу. Мир не иноческая стихия! Поэтому позволь мне удалиться в мою пустыню, где беседа с Богом составляет верховное благо моей души». Грустно было императору расстаться с божественным Павлом, к которому питал он самое глубокое уважение и родственную любовь, но Роман не решился удерживать его при себе против собственной его воли и желания. Он сказал только:

– Не хотелось бы мне, святой отец, разлучаться с тобою, доколе я жив, потому что ты много доставил мне утешения и был руководителем в путях спасения, но насильно удерживать тебя не смею. Прошу только об одном: возьми сколько угодно моих сокровищ и расточи их по бедным, в поминовение души моей.

– Государь! – отвечал на это Павел, – не нуждаюсь я в твоих сокровищах и не могу раздавать их: есть множество нищих и здесь – призирай их сам. Впрочем, если желаешь оставить вечную по себе память, благословение и молитвенную помощь душе твоей за гробом, – возобнови на Святой Горе монастырь, основанный царицею Пульхерией и ныне пиратами превращенный в развалины.

Предложение преподобного было принято с удовольствием и радостью. Император из собственных сокровищ отпустил суммы на возобновление монастыря, поручил это дело своим поверенным, и Ксиропотам с тех пор – в достойной царственного ктиторства красоте и великолепии. Не довольствуясь этим, Роман для освящения храма в новой обители назначил сына своего Феофила, занимавшего тогда кафедру Константинопольской церкви. И этого мало: в изъявление особенного своего благоволения и внимательности к святому Павлу царь при отбытии его из Косхтантинополя ввел его в свою сокровищницу и предложил ему в напутствие безценный и Божественный дар – значительного размера часть животворящего древа Креста Господня. Сам император в своей грамоте, данной на имя святого Павла, говорит об этом так: «С некоторыми из вельмож моих, войдя в царскую мою сокровищницу, я между частицами древа животворящего Креста нашел более других значительную, достойную удивления, – особенно тем, что на ней и доныне виден незабвенный памятник Владычней страсти – отверстие, где была пригвождена Божественная плоть Господа моего, в очищение грехов наших, и где струилась пресвятая Его кровь. Длина и поперечник этой частицы в локоть с лишком, а ширина – в меру двух сложенных перстов, толщины же – в один перст; весу в ней сто драхм. Это святое сокровище, это страшное знамение Небесного Царя, долженствующее явиться на небе пред пришествием Сына человеческого на суд живых и мертвых, это Божественное орудие спасения нашего я с любовью пожертвовал преподобнейшему Павлу Ксиропотамскому, в неотъемлемую собственность обители, на мое царское иждивение возобновляющейся, – пожертвовал до того времени, когда приидет Господь. Требую, чтобы этот дар отпущен был с церковными и военными почестями, а положат его пусть во святом алтаре, в освящение и утверждение царской нашей обители».

Получив Честное Древо, блаженный Павел благополучно прибыл на Святую Гору и по возобновлении обители и освящении соборного храма Честное Древо, согласно царскому повелению, положил в алтарь, на святом престоле. А так как слава святого пронеслась всюду, предпочтительно же по Святой Горе, то скоро собралось к нему множество

монахов, чтобы под мудрым и опытным руководством его проходить крестный путь жизни, достойно иноческого их назначения. Избегая, однако ж, молвы и многолюдства, преподобный Павел уклонился от всех и, поручив правление обителью одному из благочестивых братий, удалился в подгорие Афона, где и посвятил себя совершенному безмолвию и строгому уединению. Но искренно преданные Павлу, питая чувство детской привязанности к нему и нуждаясь в личном его руководстве на жизненной стезе, и там нашли его, и поселились с ним вместе. Поэтому и здесь пустыня святого Павла в короткое время приняла вид иноческой обители, ибо число собравшихся к нему учеников простиралось до 60 человек. Такое общество по необходимости требовало положительных правил и условий пустынной жизни, а с тем вместе и внешнее положение их, открытое с моря, было небезопасно – тем более, что в то время нередко случались нападения, хищничество и разбой от сарацин. В крайности подобного рода преподобный Павел снова обратился к константинопольскому двору с испрошением милостынного пособия на основание новой обители, в чем ему и не было отказано. Эта обитель была посвящена святому великомученику и Победоносцу Георгию и, по имени своего основателя, доныне носит название Святопавловской. Первым ее настоятелем был сам преподобный Павел – впрочем ненадолго, потому что вскоре по основании ее наступил день и час блаженной его кончины, которая заблаговременно была открыта ему от Бога. За два дня до кончины созвал он братство ксиропотамской и новой своей обители и, когда братия окружили болезненный одр его, преподобный Павел отверз старческие свои уста и прощальным голосом произнес:

– Дети! Еще два дня – и меня не будет между вами. Вы знаете и видели, как я жил в этом святом месте, как от юности моей хранил заповеди отцов моих: умоляю и вас твердо хранить их, возлюбленные! В юности моей, когда усиливалась ересь иконоборства, я так ратовал против нее, защищая православие, что из любви ко Христу готов был пролить кровь мою до последней капли. Обличение и уничтожение этой богоненавистной ереси на основании преданий и свидетельств святых отцов, которые я излагал и письменно, и устно, стоили мне многих палочных побоев. Говорю об этом не по тщеславию, а для того, чтоб и вы переносили великодушно всякое искушение и скорбь в чаянии за то райских венцов от Бога.

Горький плач и слезы братства заглушали предсмертные слова божественного Павла.

– Отче, – говорили ему братия, – не оставляй нас в сиротстве и не лишай духовных твои наставлений; видя дивные твои подвиги, мы полагали, что ты никогда не должен умереть, а между тем, ты отходишь от нас – утешение наше, отец наш и наставник!

Тронутый слезами и плачем братии, заплакал и сам умирающий и сквозь слезы продолжал:

– Перестаньте, братия, плакать! Не смущайте своим плачем моего сердца. Что делать! Настало время, которого постоянно желала душа моя и страшилась плоть моя.

При этих словах он встал, надел на себя мантию и, довольно помолившись, приобщился пречистых Таин. Вдруг на лице его заиграл Божественный свет, так что окружавшая его братия, будучи поражена такою славою лица его, преклонилась ниц. Вслед за тем он сел и, проговорив всегдашнюю свою молитву: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святый – Троице Святая, слава Тебе!», – обратился к братии и сказал:

– Более всего, чада мои и братия, любите друг друга, молитесь, смиряйтесь и имейте Божественное послушание: монах, чуждый этих сердечных качеств и свойств ангельского образа, недостоин называться монахом – он не лучше мирянина.

Потом присовокупил:

– Горе монаху, если он увлекается общением и дружеством с отроками! Трудно такому уберечься от сетей демонских и знаменаться светом лица Божия.

На вопрос же одного брата:

– Как приобрести слезы умиления? – святой сказал:

– Имей всегда в уме твоем Страшный Суд и грехи твои – тогда нехотя потекут у тебя слезы.

Наконец преподобный склонился на смертный одр и, скрестив на груди руки, возвел молитвенные очи на небо, вздохнул – и душа его тихо и мирно отошла к Богу. Это было 28 июля.

Согласно воле и завещанию преподобного, братия не похоронили смертных его останков на Святой Горе, а думали отдать ему последний долг на полуострове Лонгос (противолежащем Святой Горе). Но Бог устроил иначе. Отправившись на корабле со Святой Горы вечером и проехав ночью возле полуострова Лонгос, поутру, сверх всякого чаяния, очутились они ввиду Константинополя. Весть о прибытии афонских монахов со смертными останками преподобного Павла быстро разнеслась по Константинополю и наконец проникла в чертоги царские. По поводу этого исключительного события император и двор его торжественно вышли навстречу преподобному Павлу, в сопутствии патриарха и всего клира. Стечение народа было чрезвычайное. При блеске безчисленных свечей, с кадильным фимиамом, мощи были положены в великой церкви[211], во славу Бога, дивного во святых Своих. Да воздастся Ему и от нас честь, слава и благодарение во веки. Аминь.

4 АВГУСТА

Подвиги и страдания священномученика Космы равноапостольного[212]

Сей воистину Божий человек, учитель и проповедник, Косма, родом из Этолии, из одного небольшого селения, именуемого Мегадендрон, был сын благородных родителей. Воспитанный и наставленный ими, по апостольскому слову, *в наказании и учении Господни* (Еф. 6, 4), этот юный христолюбец почти в двадцатилетнем возрасте начал обучаться грамматике под руководством архидиакона Анании Дервишана. Но так как в то время было в великой славе ватопедское на Святой Горе училище, то Косма со многими другими своими соучениками перешел в Ватопед. Там докончил он изучение грамматики под руководством учителя Панагиота Паламы, а потом выслушал и логику от учителя Николая Царцулия из Мецовы, который с ученейшим Евгением[213] управлял тамошним училищем. Косма носил тогда еще мирское имя Константа, но и в мирской одежде украшался уже благолепием монашеского образа, не щадил трудов и приучал себя к совершенному подвижничеству. Но вот славное то училище, по удалении из него учителей, к несчастью снова опустело; тогда добрый Констант, удалившись оттуда, пошел

в святую обитель Филофееву. Там сперва пострижен был он в монахи и со всем усердием преуспевал в трудах монашеской жизни, а потом, когда для обители понадобился священник, по сильному убеждению и прошению отцов рукоположен в иеромонаха.

Будучи еще мирянином, блаженный издавна имел в сердце своем сильное желание – всем тем, чему учился, послужить на пользу братий своих христиан и часто говаривал: какую великую нужду в Божием слове имеют братия мои христиане! Поэтому ученые должны стремиться не в господские дома, не ко двору вельмож и не для богатства и знаменитости расточать свою ученость, но чтобы приобрести небесную награду и неувядающую славу, всего более обязаны учить простой народ, живущий в великом невежестве и грубости. Но при всем таком желании, при всей пламенной ревности, горевшей в его сердце о пользе многих, он, с другой стороны, представлял и всю трудность дела апостольской проповеди и, как муж смиренномудрый и скромный, не отваживался сам собою на это предприятие, не уразумев прежде Божия на то изволения. Почему, желая изведать, угодно ли намерение его Богу, он открыл Божественное Писание и тотчас встретил апостольское изречение: *никтоже своего си да ищет, но еже ближнего кийждо* (1 Кор. 10, 24), то есть пусть каждый ищет не того, что полезно для него самого, но что принесло бы пользу брату его.

Основавшись на этом, открыл он свое намерение духовным отцам и, получив от них позволение, отправился в Константинополь для свидания с родным своим братом, учителем Хрисанфом, у которого стал учиться особенному риторскому искусству правильного собеседования. Здесь объявил он мысль свою благоговейным архиереям и дидаскалам и слыша, что все единогласно побуждают его приступить к этому делу Божию, он взял письменное дозволение у патриарха Серафима II. Блаженный начал проповедовать Евангелие Царствия Небесного сперва в церквах и селениях константинопольских, потом отправился в Навпакт, во Врахори, в Мисолонги и в другие места, а оттуда снова пришел в Константинополь. Затем, испросив совета у тогдашнего патриарха Софрония и получив от него снова дозволение и благословение, начал с еще большей горячностью и ревностью проповедовать слово Евангелия. Обошел почти все придунайские княжества и, научив христиан приносить покаяние и творить дела, достойные покаяния, возвратился на Святую Гору в лето 1775. Посещая тамошние монастыри и скиты, он говорил поучения отцам и провел некоторое время в чтении Божественных отеческих книг. Но так как от любви, какою сердце его (как сам он неоднократно говорил о том многим отцам) пламенело к пользе христиан, не мог он медлить долее, то удалился со Святой Горы и, начав с селений в окрестностях ее, продолжал проповедовать в Фессалониках, в Веррии и во всей почти Македонии, прошел области Химару, Акарнанию, Этолию до самой Арты и Привезы, а оттуда отплыл на острова: святую Мавру и Кефалонию. И где ни проходил блаженный, везде было великое стечение христиан, которые с умилением и благоговением внимали благодати и сладости словес его, а это сопровождалось исправлением нравов и духовной пользой. Учение его, подобно учению рыбарей, было весьма просто, спокойно и кротко, чем и доказывалось несомненно, что оно исполнено благодати кроткого Утешителя Святого Духа. Особливо же на острове Кефалонии священный этот учитель сеянием Божественного учения произвел великий душеполезный плод.

Между тем, и Бог свыше споспешествовал ему и утверждал слово его знамениями и чудесами, какими утверждал некогда проповедь и святых Своих апостолов. На острове том был один бедный портной, у которого с давних лет правая рука была суха и не действовала. Притекши к святому, этот мастеровой просил исцелить его. Блаженный дал ему такой совет, чтобы он приходил и с благоговением слушал проповедь, и тогда Бог умилосердится над ним. Сухорукий послушался сего совета и едва выслушал проповедь святого, на другой же день совершенно исцелился. Другой расслабленный, услышав о

таком необычайном происшествии, велел, чтобы во время проповеди блаженного приносили его туда на одре, и чрез несколько дней стал совершенно здоров, славя Бога и благодаря святого. И в крепости Ассе был один благородный человек, страдавший жестоким недугом в ушах, так что с давних лет почти лишен был слуха. С благоговением и верою пришедши туда, где учил святой, он скоро стал ясно слышать и с того времени не чувствовал уже болезни. В Кефалонии есть селение, называемое Куруни. Проходя этим селением в летнее время, святой ощутил на пути жажду и попросил воды из находившегося там по близости безводного колодезя; жители говорили, что в колодезе воды нет, но ради послушания пошли, достали со дна колодезя несколько грязи и земли с водою и принесли ее. Святой, взяв ее в уста свои, испил немного, и с того времени колодезь тот, к удивлению, стал источать чистую воду, и всегда был полон зимою и летом, даже соделался целебным от многих недугов.

По причине множества народа, не вмещавшегося ни в какой церкви, Косма по необходимости проповедовал вне селений в поле. Посему имел он обычай наперед объявлять, где хотел остановиться и говорить проповедь: в том месте приготовляли и ставили большой деревянный крест; потом при древе креста утвердив кафедру, Косма восходил на нее и учил; по окончании же проповеди кафедру брал он с собою куда шел далее, а крест оставался на месте во всегдашнее напоминание о его проповеди. И где были поставлены эти кресты, там Бог являл впоследствии много чудес. Так, среди аргостольского торжища, на том же острове Кефалонии, у одного креста, оставленного святым, открылся чудесный источник, никогда не оскудевающий водою.

С Кефалонии блаженный переправился на остров Закинф, в сопровождении более нежели десяти судов, наполненных благоговейными кефалонянами. Но здесь благословенный сей проповедник не имел успеха и потому преподавал учение недолго. Отсюда возвратился он опять на Кефалонию и пошел на Корифы, где с честью был принят всеми, особенно же тамошним князем. А так как собралось туда великое множество и из прочих селений слушать проповедь святого, то начальники города, боясь, как бы в иных не возбудилась зависть к нему, стали просить его скорее удалиться. Поэтому, чтобы не быть причиною соблазнов и смятений в народе, Косма перешел оттуда на материк в Албанию, в селение, называемое «Сорок святых», и там стал учить христиан, посещая места, где было более грубого невежества, где благочестие и жизнь христианская подвергались опасности совершенно утратиться, где люди предавались множеству худых дел: убийствам, татьбе и тысячам других беззаконий, и своими пороками постепенно делались иногда хуже нечестивых. В таких одичавших и огрубевших сердцах христианских священный Косма посевал семя слова Божия и при содействии Божией благодати стяжал много великих плодов: свирепых сделал кроткими, разбойников добрыми, безжалостных и немилосердных – милосердными, неблагоговейных – благоговейными, невежественных и не понимавших ничего Божественного обучил и побудил ходить к святым службам – одним словом, закосневавших в грехах привел к искреннему покаянию и исправлению. Потому все стали говорить, что в их время явился новый апостол.

По наставлению его везде, и в больших, и в малых селениях, заводимы были училища, в которых дети даром обучались священным письменам, чрез что утверждались в вере и благочестии и руководились к добродетельной жизни. По его же убеждению богатые купили более четырех тысяч больших медных купелей и во всегдашнее по себе поминовение раздали их по церквам для благоприличного крещения в них христианских детей. Подобно сему Косма и всех, кто имел способы, убеждал покупать отеческие книги, христианские поучения, четки, малые кресты, головные покрывала, гребни. Книги раздавал он в подарок тем, которые знали грамоту или обещались учиться; покрывалами (которых было куплено свыше сорока тысяч) наделял женщин, чтобы они ходили с

покрытыми головами; гребни давал людям, обещавшимся не брить волос на голове[214] и жить добродетельно, по-христиански; четками и крестами (которых куплено более пятидесяти тысяч) оделял простой народ, приказывая всякому молиться за вкладчиков.

Блаженного Косму сопровождали до сорока или пятидесяти иереев. Когда намеревался он из одной области перейти в другую, тогда приказывал христианам прежде исповедоваться, поститься, совершать бдение при множестве горящих светильников. Для сего были у него устроены деревянные подсвечники, из которых на каждом можно было поставить до ста свеч; подсвечники эти разбирались, и он переносил их с собою с одного места на другое. Свечи все раздавались даром; иереи совершали освящение елея; все христиане были помазуемы; в заключение же Косма говорил проповедь. А так как народ следовал за ним во множестве, по две и по три тысячи человек, то с вечера приказывал он приготовлять по нескольку мешков с хлебом и котлов с вареной пшеницею там, где надлежало собраться народу; потом отправлялись туда в путь, и таким образом все пользовались приготовленной пищею и молились за живых и за умерших.

Бог и в Албании, как в других местах, совершил чрез блаженного много чудес. Один чиновный турок, побуждаемый или евреями, или бесом, возымел такую ненависть к святому, что однажды, сев на коня, пустился за ним вслед с намерением догнать и сделать ему зло, но конь на бегу сбросил турка на землю, и он расшиб себе правую ногу; воротившись же домой, нашел он умершим своего сына, поэтому раскаялся, послал к святому письмо и просил у него прощения. Первые аги из филиатов отправились видеть святого и слышать его проповедь: тогда было лето, и они остановились на ночлег среди поля; вот, около пяти часов ночи видят, что небесный свет, подобно облаку, покрывает то место, где пребывал святой, о чем сами рассказывали христианам. Поэтому утром, пришедши к святому, аги не устами только, но от всего сердца просили его помолиться о них. Еще один чиновный турок страдал жестокой каменной болезнью. Услышав о святом, послал он раба своего пригласить Косму, чтобы пришел он и помолился о нем, ибо надеялся, что по молитве святого Бог исцелит его. Святой не соглашался идти, отзываясь, что он человек грешный. Турок в другой раз прислал раба с сосудом воды и велел просить святого, чтобы благословил воду. Тогда святой, видя великое благоговение турка, дал ему две заповеди: не пить водки и раздать бедным десятую часть своего богатства; турок обещал исполнить это. Косма благословил воду, больной стал пить ее и в сорок дней совершенно исцелился, а после того подавал великие милостыни.

Против Фанари, на месте, называемом Лукуриси, владевший тем местом турок, видя крест – поставленный святым по сказанному выше обычаю, – то есть он говорил там проповедь, взял его и понес к себе в дом с намерением в сторожке своего виноградника сделать из него две ножки к кровати. Вдруг – о чудо! – с турком делается страшное какое-то потрясение: не в силах он устоять на ногах, падает на землю, долгое время бьется, точит пену, скрежещет зубами, как беснующийся. Наконец подняли его двое проходивших мимо турок и, когда пришел он в себя, тотчас понял, что пострадал от Божия гнева за дерзкое покушение взять и унести честной крест. Поэтому он пошел и поставил его опять на том же месте, где стоял прежде, и каждый день приходил лобызать его с великим благоговением. Впоследствии же, когда священный учитель Косма проходил тем местом в другой раз, турок пришел к нему на поклонение, в присутствии всех рассказал о чуде и смиренно просил прощения.

Так как святой обличал женщин, носивших на себе наряды, и убеждал в своих поучениях отложить все убранства, то некоторые из них стали носить черное платье. Одна богатая женщина в Корице имела у себя сына и убирала ему голову множеством серебряных монет и другими излишними нарядами. Святой неоднократно советовал этой женщине

разделить все эти уборы бедным детям, ежели хочет, чтобы сын ее был жив, но женщина не послушалась. Наконец Косма говорит ей: если не снимешь с ребенка нарядов, то вскоре лишишься его. Но как она и в этот раз не повиновалась святому, то на следующий день нашла сына своего в постели и тогда только поняла, что Бог наказал ее за непослушание.

Святой, куда ни приходил, везде учил христиан – по воскресным дням не делать торгов, не заниматься работами, но ходить в церковь и слушать там святую службу и Божие слово, и тех, которые не слушались в этом святого, Бог вразумлял различными наказаниями. Так, в местечке, называемом Халкиада, в часе пути от Арты, один купец осмелился торговать в воскресный день, и вдруг отнялась у него рука. Пришедши же к святому и испросив у него прощения в грехе своем, он чрез несколько дней исцелился. Подобным образом в Парге один рабочий захотел в воскресный день продать свою работу и перестал за это владеть рукою. Но, исповедав грех свой святому и выслушав от него наставление, он вместе с прощением получил и исцеление руки.

Блаженный Косма в поучениях своих много раз говорил ясно, что на евангельскую проповедь призван он Самим Иисусом Христом и что из любви к Господу прольет кровь свою. Наконец предсказание его приблизилось к исполнению. И это было следующим образом: апостольский сей учитель ни в Фессалии, ни в Кастории, ни в Янине, ни в других странах, где были евреи, никогда не отверзал уст своих против них, но учил только христиан хранить правду и покорность тем властям, какие дал Бог. Сами албанцы, приходя туда, где святой учил на открытых полях, слышали это из уст его и провозглашали его человеком Божиим. Посему и Курт-паша, когда дошла до него добрая эта молва, потребовал Косму к себе, и беседа святого столько понравилась паше, что самую кафедру, которую по сказанному выше устроил себе святой, чтобы учить с нее народ, велел обить бархатом. Но как в предшествовавшие века лукавый род христоненавистников-евреев обнаруживал всегда крайнюю злобу на христиан, так и теперь жившие в Янине богоненавистные евреи, не терпя, что проповедуется вера и Евангелие Иисуса Христа, наговорили паше, будто бы священный Косма подослан и обольщает турецких подданных приглашением их в Россию. Но Божий Промысл на этот раз сохранил Косму от такого смертоносного навета и христиане по сему случаю потерпели только значительный ущерб в имении. Однако ж священный Косма с сего времени начал обличать лукавство и непримиримую ненависть евреев к христианам. И как ясно было доказано, что все, в чем евреи обвиняли пред пашою святого, была чистая выдумка и явная клевета, то он снова пришел в Янину. Здесь, во-первых, убедил он христиан, чтобы день общего торга перенесли они с воскресенья на субботу, а это евреям причинило великий убыток. Во-вторых, провозглашали евреев явными врагами, готовыми делать христианам всякое зло и во всякое время. В-третьих, запрещал христианам носить на головах своих длинные кисти и все тому подобное, что покупали они у евреев, и внушал, что богоубийцы оскверняют все, что продают христианам, и потому ничего не должно покупать у евреев. Раздраженные этим, евреи пошли к Курт-паше, дали ему много денег и просили, чтобы лишил святого жизни. Паша, посоветовавшись со своим ходжою[215], положил в мыслях умертвить Косму при его посредстве, что и сделано таким образом: святой имел обычай, как скоро приходил куда, брать сперва дозволение у местного архиерея и наместников его, а также кого-либо из христиан посылал за дозволением и к гражданским начальникам, и после сего проповедовал уже безпрепятственно. Так, пришедши в одно албанское селение, называемое Коликонтаси, взял он дозволение у местного архиерея; разведав же о местопребывании гражданских начальников и узнав, что главный местный правитель Курт-паша находится в селении, называемом Берати, отстоящем на двенадцать часов пути, а ходжа этого паши живет близко, послал к последнему испросить у него дозволение и начал учить. Однако же не удовольствовавшись этим, искал он случая самому увидеть ходжу и удостовериться в его

расположении. Христиане долго удерживали от сего Косму, говоря, что он никогда не делал этого прежде и не ходил сам к агарянским начальникам просить у них дозволения, – но не могли удержать его. Сказав, что не изменит своего намерения, святой взял с собою четырех иноков и одного иерея, который мог бы служить переводчиком, и отправился к ходже. Ходжа притворно сказал, что есть у него письмо от Курт-паши, по которому приказано послать Косму к паше для собеседования, а между тем дал приказ своим держать святого под стражею, и пока не будет отослан к паше, не дозволять ему сходить со двора. Тогда благословенный этот учитель понял, что намереваются умертвить его, и за то прославил и возблагодарил Владыку Христа, дарующего возможность течение апостольской своей проповеди увенчать мученичеством. Обращаясь к сопутникам своим инокам, он говорил словами Псалма: *придохом сквозе огнь и воду, и извел еси ны в покой* (Пс. 65, 12), и всю ночь славословя Господа во псалмах, без признака скорби о том, что должен лишиться жизни, он показывал радостное лицо, как будто шел на веселие и ликование. Как скоро наступил день, семь человек агарян взяли и посадили его на коня под предлогом представить Курт-паше. Но когда чрез два часа пути подъехали к большой реке, то объявили ему приказ Курт-паши предать его смерти. Святой с радостью выслушал такое определение и, преклонив колена, начал молиться Богу, благодарил и прославлял Его за то, что Он дарует ему милость из любви ко Господу принести теперь в жертву Ему жизнь свою, чего всегда желала душа его. Совершив молитву, он встал, крестовидно благословил все четыре страны мира и помолился о всех христианах. Затем мучители, посадив его у одного дерева, хотели связать ему руки, но святой не допустил их, говоря, что противиться не будет, и сам сложил руки крест накрест, как бы связанные. Потом приложил он священную главу свою к дереву: мучители обвязали веревкой шею его и удавили, а святая душа его воспарила на небеса. Так блаженный Косма, это достолепное украшение мира, и как равноапостольный, и как священномученик, сподобился приять от Господа сугубый венец на шестьдесят пятом году жизни, 4 августа 1779 года.

Обнажив честное тело его, агаряне повлекли его и с большим камнем на шее бросили в реку. Узнав об этом, христиане вскоре пришли искать мощей святого, опускали в реку сети, употребляли и другие способы, но найти их не могли. Чрез три уже дня один благоговейный иерей, по имени Марк, из находящегося близ селения Коликонтаси Ардевузского монастыря Введения Пресвятой Богородицы, оградившись крестным знамением, отправился на поиски на маленькой ладье, и вскоре – о чудо! – видит, что святые мощи плавают поверх воды и преподобный, как живой, стоит в прямом положении. Марк немедленно приблизился к мощам, обнял и извлек их из воды. Когда поднял он мощи, из медоточивых уст святого истекло в реку много крови. Прикрыв мощи своею рясою, иерей перенес их в упомянутый выше Богородичный монастырь и честно предал погребению позади святого алтаря.

По кончине святого происходило следующее: Курт-паша, раскаявшись глубоко в том, что введен был в обман и ради суетной корысти умертвил человека невинного и миролюбивого, велел отпустить монахов, сопровождавших святого, в упомянутый выше Богородичный монастырь, где и назначил им пребывание. Монахи, придя туда, мощи святого нашли погребенными, и чтобы более удостовериться в страдальческой его кончине, вместе с другими иереями и христианами откопали гроб и нашли, что хотя они три дня были в реке, как Иона в китовом чреве, однако же не имели на себе никаких признаков тления, но благоухали, и святой казался будто почивающим. Облобызав благоговейно святые останки сии, иноки снова предали их погребению.

В это время прилучилось находиться там одной бесноватой женщине, из дальних мест следовавшей за святым при жизни его и желавшей себе исцеления. Как скоро увидела она,

что гроб святого открыт, – сильно потряс ее бес и вскоре потом она совершенно исцелилась, славя Бога и святого. Один из тех агарян, кои умертвили святого, взял камилавку его и, возвращаясь к ходже, надел ее себе на голову, в насмешку над святым. В ту же минуту стал он бесноватым, сбросил с себя одежды свои, бегал и кричал, что он убил подвижника. Узнав об этом, паша велел ввергнуть его в узы, и там в мучении испустил он дух.

В упомянутом выше селении Коликонтаси, сказав последнюю проповедь, святой оставил там по обычаю водруженный в землю крест. По кончине его христиане каждую ночь видели сиявший над сим крестом небесный свет, почему, в день воздвижения Честнаго Креста, иерей и народ с крестным ходом пришли туда и, взяв тот крест, поставили его позади алтаря, близ гроба святого, во всегдашнее напоминание о чуде.

Когда ученики святого, получив совершенную свободу от паши, открыли мощи святого, тогда некоторые из них взяли с собою части сих мощей и разнесли их по разным местам, и от тех святых мощей многие недужные получали исцеление. Особенно поразительно это было на острове Наксии, куда два ученика святого, пришедши с известием о страдании его и явившись к начальнику тамошнего училища священноучителю Хрисанфу, брату священномученика, принесли с собою несколько волос из брады святого. В это время одна женщина в так называемом Новом селении (Неохорн), бывшая в самом тяжком и смертельном недуге, приняв с благоговением сии волосы, вдруг ощутила в себе сверхъестественную силу и вскоре, по молитвам священномученика Космы, получила совершенное здравие. Его молитвами да сподобимся и мы Небесного Царства! Аминь.

7 АВГУСТА

Память преподобного отца нашего Дометия Филофеевского[216]

Знаменоносный этот безмолвник Дометий ангельски подвизался в пределах обители Филофеевской. 3 года безмолвствовал с ним и преподобномученик Дамиан Филофеевский (смотри его житие 23 февраля).

11 АВГУСТА

Житие преподобного и богоносного отца нашего Нифонта II-го патриарха Константинопольского[217]

Отечество божественного Нифонта – Морея, или нынешняя Греция: он происходил от родителей, славных благородством и значением в мире, но еще более славившихся благочестием и добродетелью, которые возвышают человека и пред Богом, и пред людьми. Имя отца Нифонта – Мануил, а матери – Мария. При св. крещении он был наименован Николаем. По достижении лет отроческих отдан был он в училище, где и обратил на себя особенное внимание всех как скромностью поведения, так и устранением себя от детских игр, всегда свойственных первому возрасту. Между тем, вместо занятия детскими увеселениями, он, как мудрая пчела, носился к тем местам, где мог быть слушателем старческих рассуждений и подражателем жизни добродетельной. При таких прекрасных сердечных свойствах, имея быстрые дарования, Николай в короткое время

превзошел всех своих сверстников в науках. Исключительным и любимым его занятием в свободное время было чтение жизнеописаний святых, которым и старался он по силам подражать в подвижничестве, так что, для хранения целомудрия, обыкновенной его пищею был хлеб с водою. К поддержанию Николая и к утверждению его в начатках подвижнической жизни много способствовал в то время иеромонах, по имени Иосиф, всеми уважаемый за добродетельную жизнь. При частых с ним беседах о столь вожделенном для Николая предмете, как пустынное безмолвие, Николай упросил старца Иосифа, чтоб тот тайным образом увел его в какой-нибудь монастырь, зная, что явное удаление могло иметь много препятствий и неприятных следствий. Старец с удовольствием выслушал юного Николая и скрылся с ним из училища. Прежде всего обратились они в Епидаврион, так как там славился в то время святостью жизни отшельник Антоний. Когда странники явились к сему св. старцу, он с радостью принял их, и как скоро отверз старческие свои уста и сладкие речи его потекли, Николай не мог без увлечения слушать их, так что наконец, упав к ногам Антония, залился слезами и просил, чтоб Антоний позволил ему остаться при нем. Напрасно выставлял тот труды подвижничества и жестокость иноческого жития, особенно юность возраста Николая, желая отклонить от себя юношу: чем более устрашал он Николая не для всех выносимыми трудами пустынной жизни, тем усиленней Николай стоял в своем намерении, изъявляя готовность на все, чего требуют долг и обязанности иночества. Старец удивился такой теплоте усердия и непреклонности желаний Николая и принял его, дал ему келью и наставление, как вести себя и ратовать против плоти и ловительства сатаны. Недолго, однако ж, добрый Николай оставался под старческим искусом: как истинное чадо послушания, он подражал во всем старцу своему и спустя немного времени просил себе ангельского образа. Если так, сказал ему божественный Антоний, то знай, что по принятии сего образа ты должен совершать большие подвиги и труды, чтоб враг, как наветник и завистник иноческого смирения, не мог сокрушить и низложить тебя. К тому же кроме крестного и скорбного пути нет иного к небу. После таких и подобных тому наставлений старец Антоний постриг Николая и нарек его Нифонтом.

С того времени блаженный Нифонт совершенно посвятил себя Богу и восходил от силы в силу духовного совершенства. Но и враг не дремал. То мыслью об оставленном богатстве, то памятью о родителях не переставал он возмущать спокойствие и мир души, чтобы увлечь его вспять: в таких случаях Нифонт тотчас являлся к старцу и, припадая со слезами к ногам его, открывался ему в помыслах, которыми ратовал его сатана, и благодатию Божией молитвы и утешения старческие были для него тогда оплотом и цельбою. Между тем, Нифонт занимался рукоделием: прекрасный краснописец, он от этого занятия приобретал себе пропитание. Что же касается до прочих особенностей уединенной его жизни, то он более всего украшался молчаливостью: строго хранил уста свои от празднословия и даже в обыкновенных трудах беседовал не иначе, как по благословению старца; любимым же занятием было для него чтение святого Писания, которое так трогало его, что при чтении Божественных истин он никогда не обходился без слез. Вследствие всего этого Нифонт и был во всех отношениях иноческой жизни совершен и оставался светлым образцом подражания. Недолго, впрочем, пользовался он опытным водительством и наставлениями своего старца Антония: преисполненный дней, лет и славы подвижнической, он мирно отшел ко Господу. Горько и неутешно оплакивал Нифонт незаменимую для себя потерю и после кончины старца, пробыв еще довольное время в безмолвии, удалился оттуда в крепость, называемую Нарда, где прославился тогда добродетельной жизнью старец Захария, выходец со Святой Горы. Чтоб изучить правила и чин иночества афонского, Нифонт остался при Захарии.

В то самое время Восточная Церковь, по случаю Флорентийского собора, была в волнении, ибо на этом соборе, из видов политических, Иоанн Палеолог предательски

уклонился на сторону римской кафедры. Восток решительно отверг унию, а мудрый Захария с божественным Нифонтом, желая оказать содействие в пользу волнующейся Церкви, удалились в Аскалон, где силою слова и убеждений утверждали и умоляли христиан оставаться верными православию, постановлениям святых апостолов и вселенских Соборов, основанным на незыблемом Камени, Иже есть глава Церкви – Христос. Наконец, умер Иоанн Палеолог; ему наследовал Константин, брат его, который объявил торжественно Флорентийский собор недействительным, предательским для Восточной Церкви и уничтожил все его постановления.

Между тем, наступила страшная година. Восток и столицу его Константинополь турки в 1453 году покорили своему владычеству. Смутам и неистовству, кровопролитию и насилиям со стороны турок не было пределов и границ. Несчастные христиане влачились с места на место в надежде скрыться от неприязни на некоторое время, пока водворится спокойствие, а блаженный Захария с Нифонтом удалились на одну из пустынных гор, откуда потом перешли в Ахриду – в монастырь Пресвятой Богородицы, и в нем остались в числе прочей братии.

В то самое время скончался митрополит ахридский Николай: собрались епископы, клир и народ и просили убедительно Захарию занять святительскую кафедру ахридской церкви, как достойного по добродетельной своей жизни и благодатному образованию. Долго смиренный старец отрекался от иерархического достоинства, извиняясь собственными немощами и тяжестью апостольского служения Церкви Христовой. Однако ж общие моления народа и клира превозмогли: Захария был рукоположен в архиерея. Тогда блаженный Нифонт, чувствуя стеснительным для себя оставаться при нем, смиренно просил у него благословения удалиться для безмолвия на Святую Гору.

– Когда я более всего требую твоего присутствия и нуждаюсь в тебе, при многосложном и тяжком, возложенном на меня звании, – отвечал на это Захария, – в то время ты хочешь оставить меня: в нуждах познаются истинные друзья и чада, – зачем же отрекаешься от меня, чадо мое, Нифонте? – продолжал архиерей, заливаясь слезами. Слезы старца поразили и тронули божественного Нифонта, и он, не имея силы противиться воле своего владыки, тоже заплакал. Следующую ночь провели они в молитве и бдении; потом, к рассвету, архиерей, погрузившись в дремоту, видит Ангела Господня, который приказывает дать Нифонту свободу и не удерживать его от пути. Таким образом, Захария и божественный Нифонт расстались, безусловно следуя воле Господней, в чаянии, если восхощет Господь, еще увидеть друг друга в настоящей жизни. По прибытии на Святую Гору Нифонт прежде всего остановился в обители Ватопедской, которая посвящена имени Пресвятой Богородицы, там нашел он много опытных подвижников, которым и подражал. Потом удалился на Карею, где тогда протом Святой Горы был Даниил, старец отличной строгой жизни, славившийся даром рассудительности. Обрадованный прибытием Нифонта, прот ласково принял его и сказал: «Давно и от многих слышал я о тебе, а потому и просил Бога, чтоб удостоил меня видеться с тобою в настоящей жизни, – и вот всеблагий Бог исполнил смиренное мое моление, зная, как ты необходим для здешней братии, требующей и образца подражания, и мудрых назиданий. – Не требуют здравые врача, – отвечал на это смиренный Нифон. – Не для того я прибыл сюда, чтобы пользовать, а пользоваться от других. – Не для тебя, – возразил божественный Даниил, – дана тебе от Бога благодать и дар слова, но более для пользы других. Значит, когда просят от тебя слова утешения и советов, – грех отказывать». – С этого времени божественный Нифонт остался на Святой Горе, подобно пчеле носясь по пустынным обителям и скитам сколько для собственной пользы, столько ж и для пользы других, и силою своего слова утешал всех. Келейным же его занятием было, как и прежде, переписывание книг, от чего он приобретал себе насущный хлеб.

Как, впрочем, ни восхищался божественный Нифонт безмятежием всей Святой Горы и каждой ее обители порознь, но обитель Предтечи – так называемый Дионисиат – казалась для него во всех отношениях единственной. Вследствие сего, посетив Пантократор и лавру святого Афанасия, он избрал себе постоянным жилищем Дионисиат. Игумен и братия радовались о водворении у них святого Нифонта, и согласно собственному его желанию был он здесь облечен в ангельский образ. Между тем, братия просили его о принятии священства, но Нифонт, сознавая себя недостойным столь высокого звания, поначалу отказался, а потом, когда просьбы усилились, – не мог устоять против убеждений братской любви. Таким образом, он был возведен на степень священства. Впрочем, такое отличие не только не возвысило его мысли о себе и не произвело неприязненных движений в сердце, изменяющемся в чувствах смирения при перемене состояния, но еще более располагало его к смирению, к строгим подвигам и терпению. По свидетельству современного великого старца Петрония, Нифонт был не только светилом для своей обители, но и для всей Святой Горы. Однажды этот Петроний по встретившейся надобности остался с божественным Нифонтом вне обители. Когда наступила полночь, Петроний встал на молитву и видит, что Нифонт уже совершает свое обычное молитвословие с поднятыми вверх руками: дивный свет окружал Нифонта, и этот свет, озаряя самую Гору, досягал небес. Полный страха, Петроний без чувств пал на землю. Напрасно смиренный Нифонт впоследствии умолял старца никому не открывать видения. Петроний, возвратившись в обитель, тайно передал о том игумену, который строго воспретил – никому другому не объявлять сего до времени, зная, что это одно может удалить от них Нифонта, составляющего красоту обители своим смирением и чистотою жизни.

В те дни скончался солунский митрополит Парфений. Слава добродетельной жизни Нифонта, образования его и сладких бесед, которыми увлекал и трогал он слушателей, были уже ведомы в Солуни давно. Вследствие сего общий голос со стороны клира и народа, при избрании нового митрополита осиротевшей солунской кафедре, вызывал на нее божественного Нифонта. Двум из епископов, подведомых солунской Церкви, было дано поручение от клира и народа пойти и вызвать из афонской пустыни на святительскую кафедру желаемого Нифонта. Зная смирение его и любовь к жизни пустынной, епископы, по прибытии на Святую Гору и в обитель Предтечи, не вдруг объявили ему желание и просьбы солунских граждан: это прежде тайным образом передано было игумену и некоторым из старших братий. Тяжко было слышать им о вызове от них смиренного Нифонта и о всегдашней с ним разлуке. После многих со стороны игумена возражений на убеждения епископов отпустить с ними Нифонта епископы и бывшие при них из клира, видя, что ничего не успеть им собственными силами, обратились с теплыми слезами к Богу и Предтече, испрашивая свыше содействия к успешному окончанию возложенного на них поручения солунской Церкви. Между тем, блаженный Нифонт, заметив прибытие епископов, спросил игумена о цели их прибытия. Ни слова не отвечал на это старец.

– Не печалься, – сказал тогда Нифонт игумену, – я знаю, зачем прибыли епископы, и надеюсь, что никто не разлучит меня с вами и с обителью; я здесь кончу жизнь мою, по обещанию божественного Предтечи. Я молил его об этом, и молитва моя услышана. – Буди тебе, возлюбленный, по глаголу твоему. Но видишь ли ты епископов, о которых меня спрашивал? Эти посланные от всего клира и народа солунского для того, чтоб взять тебя и возвести на святительскую кафедру солунской митрополии. Хотя ты и надеешься еще сюда возвратиться, – продолжал игумен, заливаясь слезами, – но я уже не увижу тебя более.

Так и случилось. Впоследствии, когда пришел во второй раз блаженный Нифонт на Святую Гору в обитель Предтечи, игумена сего уже не застал в живых. Горько заплакал смиренный Нифонт при словах игумена, пал на помост храма, где так беседовал со своим старцем и воскликнул:

– Значу ли я что-нибудь? Мне ли грешному принять на слабые рамена мои бремя апостольского служения?

Пока таким образом горько плакал и стенал он, братия стеклись в церковь на плач его, и никто не знал причины печали его и слез. Тогда игумен возвестил собравшемуся братству о цели прибытия к ним епископов и солунских клириков. Плач и слезы сделались общими. Нифонта окружили, обнимали, рыдали и плакали все братия, прощаясь с ним. Смятение было так сильно во всей обители, что епископы и клирики воспользовались этим и тогда же, явившись в храм, пред лицом Бога и братии вручили Нифонту пригласительные грамоты клира и народа солунского. Напрасно смиренный Нифонт отрекался своим недостоинством и желанием в пустыни кончить свою жизнь. Сам игумен, дотоле не хотевший разлуки с ним, убеждал его не противиться званию и воле Божией.

– В эту ночь мне повелено от Самого Господа не удерживать тебя, – продолжал игумен, – итак, иди, куда зовет тебя Бог, и не забывай нас. Для нас ты был и будешь навсегда, где бы ты ни был, чадом нашей обители.

Сказав это, игумен и потом братия со слезами обняли блаженного Нифонта и простились с ним.

– Да будет, отцы мои и братия, воля Господня и ваша, – сказал наконец им Нифонт, – иду в путь, назначенный мне Богом, но и великая беда идет за мною; молитесь о мне!

Таким образом, блаженный Нифонт, по прибытии в Солунь, был возведен на степень святительского достоинства, к неописуемой радости верных и на беду западных миссионеров, рассевавших всюду нововведения флорентийского сборища, или лжесобора. Чтоб уничтожить и нанести решительный удар им, Нифонт тотчас по вступлении на кафедру на основании Божественных догматов, переданных Церкви апостолами и святыми вселенскими Соборами, стал каждодневно трудиться в проповеди, побуждал верных и убеждал не увлекаться мудрованиями Запада, но твердо и нерушимо хранить православие отцов и вместе с тем поддерживать дух терпения к безропотному несению иноверного рабства и ига магометанской власти, в чаянии за то небесных наград. При сем Нифонт, как истинный отец и пастырь, не забывал также бедных и нищих, умоляя и прося богатых делиться с ближними всем, чем только возможно с их стороны, подавая им собою трогательный образец и пример сострадания, ибо много раз хаживал он один среди ночи к бедным и больным, утешал их и доставлял им успокоение, убеждая к благодарному терпению пред Богом. Премудрый Нифонт к Христовой Церкви обращал от заблуждения много и неверных. Поэтому, как тень за телом, носилась вслед за ним слава о святой его жизни. И, наконец, по своим подвигам и по ревности к православию, сделался он известным и великой Церкви.

Чрез два года по встретившейся надобности в рассуждении о делах церковных вызвали его в Константинополь. Это было, конечно, и не без особенного устроения Промысла, как увидим впоследствии. В Константинополе он принят был с уважением патриархом и его синодом, равно как клиром и верными. Здесь утешил его Господь свиданием и с Захарией, бывшим его наставником. Радость при такой нечаянной встрече для обоих была невыразима, но и непродолжительна. Не по многих после сего днях святейший Захария

заболел и отошел ко Господу. Вслед за тем скончался патриарх Константинопольский (блаж. Максим III[218]), и жребий общего избрания на кафедру вселенской Церкви пал на блаженного и смиренного Нифонта, вопреки собственной его воле и желанию. Итак, Богу угодно было поставить его на свойственной ему степени иерархического служения вселенской Церкви, и он, в духе апостольской ревности и неусыпного внимания к высокому своему званию, оправдал надежды православного стада Христова, смущаемого западным фанатизмом. Не менее благотворно действовал он и на собратий, страждущих под тяжким игом рабства магометанского, равно как и на самых агарян, привлекая их силою слова и святостью жизни от тьмы заблуждения к свету евангельской истины. Радовалась Церковь Христова и украшалась таким своим светильником, но, к сожалению, недолго[219]. Из числа собственных ее чад, принадлежащих к клиру, нашлись враги, которым божественный Нифонт казался несносен. Действуя под влиянием доброненавистника-диавола и власти султанской, они успели в своем замысле против св. патриарха: он был низложен и изгнан из патриаршего дома. Не столько трогало невинного страдальца изгнание с патриаршей кафедры, потому что он знал, что клирики были не что иное, как орудие тайных козней сатаны: для блаженного Нифонта гораздо больнее была разлука с любимой паствой, которой он ничего не желал, кроме мира и спасения. Впрочем, поручая себя воле Божией, радостно сложил он с себя достоинство патриаршее, моляясь Господу о прощении врагов его и о покаянии их, и удалился в Созополь, в монастырь честного Предтечи, в чаянии найти там сладкую тишину безмолвия. Но, по словам Господа, *не может град укрытися верху горы стоя* (Мф. 5, 14): и здесь слава дивной жизни не дала блаженному Нифонту покоя и желаемой тишины; множество народа начало стекаться, чтоб слышать или по крайней мере видеть святейшего изгнанника. По истечении некоторого времени, проведенного св. Нифонтом в изгнании, Богу угодно было опять воззвать его на патриарший престол константинопольский[220]. Но ненавистник церковного мира и опять не оставил его в покое. Однажды, возвращаясь в патриаршую из приходской церкви после Литургии, он встретил нечаянно на пути султана – и, по приличию, приветствовал его. Гордый повелитель, усвояя себе богоподобное владычество, в неистовстве своего кичения остался недоволен почтительностью патриарха и в виду всего народа укорил и обесчестил его, упрекая в невежестве противу царской власти, и тотчас по прибытии во дворец отдал приказ сослать патриарха в заточение в Адрианополь под строгим надзором янычар. Только Бог свидетель, что потерпел в пути невинный страдалец от мусульман! А в Адрианополе хотя и оставался он под особенным наблюдением турецкого правительства, но Бог даровал ему в утешение то, что место пребывания его назначено было при церкви первомученика Стефана, где он немолчно славил Господа и свободно служил Ему единому, не имея в виду никакой человеческой помощи и утешения.

Между тем, слава добродетельной и святой жизни Нифонта донеслась до Валахии. Тогдашний господарь Радул пламенно желал видеть его, и Бог исполнил его желание следующим образом. Оставаясь в зависимости от Порты, господарь должен был по обязанности явиться лично в Константинополь: путь его лежал чрез Адрианополь, и господарь не щадил ничего со своей стороны, ходатайствуя пред турецкими властями Адрианополя о дозволении видеть блаженного Нифонта, что ему и было дозволено. Свидание господаря с патриархом утешило обоих до такой степени, что господарь в преизбытке сердечной радости и привязанности к святейшему изгнаннику, тронутый сладкими его беседами, увлекательным смиренномудрием и безусловной преданностью воле Божией, убедительно стал просить, чтоб он изъявил желание посетить Валахию и быть для нее архипастырем, а ходатайство пред Портою об увольнении Нифонта из Адрианополя на святительскую кафедру Валахии господарь принимал на себя. Блаженный Нифонт, со своей стороны, изъявил готовность вступить на поприще новых подвигов апостольского служения, а Радул, по окончании своих дел в Константинополе, к

невыразимой радости собственного сердца и к благу своей Церкви имел желаемый успех в ходатайстве пред Портою относительно Нифонта. Радул и блаженный Нифонт прибыли вместе в Валахию и от всего народа приняты были с восторгом и искренней радостью.

– Отныне ты нам наставник и пастырь, – говорил Радул св. Нифонту, представляя его своему народу, – твои слова для нас – закон!

– Благословенно твое желание, – отвечал на это св. Нифонт. – Дай Бог, чтоб ты сдержал свое слово и обет до твоей кончины! Впрочем, прошу и умоляю тебя, господарь, если погрешишь в чем-либо, как человек, – не уклоняйся от отеческого моего и духовного назидания, потому что для всего народа ты пример как в отношении добродетели и благочестия, так и в случаях уклонения от путей Господних.

– Ты наш отец, – возразил господарь, – что полезно для душ наших, твори не обинуясь: мы с радостью и безусловным повиновением готовы слушать и исполнять твои наставления и советы!

Чтобы действовать на исправление народной нравственности удовлетворительнее, блаженный Нифонт по занятии кафедры прежде всего созвал поместный Собор под председательством самого господаря и верховных его сановников и изложил на нем правила нравственности христианской и догматы Церкви, как основание общественного мира и залог благословения свыше, убеждая строго содержать их и следовать им неуклонно. Для лучшего в этом случае успеха открыл он две новые епархии, рукоположил епископов и дал им в руководство правила – как достойно править вверенной им паствою. В заключение, обратившись к государю, просил его, как властителя, наказывать бесчинных, не зреть на лицо ни великого, ни малого и творить праведный суд, ведая, что есть Бог и Страшный Суд, где должно будет каждому отвечать за исполнение священных своих обязанностей.

Так же точно внушал он неукоризненно проходить звания как иереям, так и инокам, убеждая их духом кротости и любви и грозя им судом Божиим. Народ, видевший такие распоряжения нового своего владыки, слыша при частых священнодействиях его сладкие беседы, полные убеждения и любви, увлекательные силою слова, нарек св. Нифонта Златоустом своего времени и с особенным усердием и жаждою стекался в церковь для видения своего пастыря и для слышания от него назидательных поучений. Но по мере того, как Нифонт старался отвлечь свою паству от безнравственности, которая тогда усилилась особенно от пьянства, как источника всех плотских падений, – и враг всякой истины и добра, диавол, старался ратовать против блаженного и никак не терпел златословесных его учений.

Один из вельмож Молдавии – Богдан, человек безнравственной жизни и дурного характера, за свои преступления подпал в своем отечестве под суд высшей власти. Чтоб избегнуть заслуженной казни он скрылся и, оставив дом, жену и детей, пришел в Валахию, нашел случай воспользоваться вниманием государя Радула и так расположил его в свою пользу, что тот, оставив его при себе, вопреки канонов церковных и закона гражданского решился выдать за него собственную свою сестру, хотя и знал, что Богдан женат и имеет семейство. Когда совершился противозаконный брак, действительная жена, узнав о том, написала письмо св. Нифонту, жалуясь и доказывая, что Богдан женат и имеет детей. Это дело огорчило кроткого Нифонта. Пригласив к себе Богдана, он передал ему жалобу жены его и убеждал, со своей стороны, не расторгать уз законного брака. Безнравственный Богдан наговорил святителю много грубостей и удалился от него с угрозами отмстить за себя и за свою честь, которую так чернит Нифонт в угоду

брошенной им жене. Чтоб достигнуть своей цели, он обратился к Радулу, горько жалуясь на блаженного Нифонта. Сам Нифонт явился к господарю и, предъявляя письмо, которое писала к нему Богданова жена, просил не нарушать Божественных правил Церкви. Вместо того чтобы принять в уважение законные оправдания святителя, Радул возражал, что люди мирские не могут безусловно следовать требованиям церковным.

– Мое дело, – отвечал Нифонт, – строго следить за нравственностью паствы, и я свято исполняю мою обязанность. Для чего ж иначе, твоя светлость, и вызывал ты меня сюда, если не для того, чтоб, несмотря на лица, обличать неправду и беззаконие и требовать от всех строгого хранения законоположений Церкви! Не свои собственные я проповедую вам законы, а законы Божественные, за которые готов положить мою душу. Если же вы не хотите слушать меня, я чист пред Богом!

– Вслед за тем он оставил дворец и, придя в церковь, приказал созвать народ, преподал ему назидательное слово, потом, облачившись в святительские одежды, торжественно отлучил от Церкви беззаконного Богдана, с новой незаконной его женой, и всех участников преступного брака его. Наконец, в пророческом духе изложил грядущие на Валахию смуты, предсказал Радулу и Богдану несчастную смерть за беззаконие их и, сложив с себя знаки первосвященнического достоинства на св. престол, облобызал св. иконы и удалился из церкви.

Узнав все это, Радул вместо раскаяния в виновности своей предписал всюду не иметь никакого сношения, никакой связи с Нифонтом, в противном же случае угрожал чтителям святителя смертной казнью и отнятием всякой их собственности в пользу общественную. Между тем, блаженный Нифонт, избегнув его гнева, тайно поселился в доме одного дворянина из рода бессарабов, по имени Неанка, духовного своего сына.

Между тем, Радул, размышляя об отлучении своем от Церкви, невольно трепетал гнева Божия, потому что хотя и гневался на святого, однако ж знал, что он истинно праведен и благочестив. Чтобы смягчить сердце блаженного Нифонта, он почтительно пригласил его к себе и ласково начал просить извинения, оправдывая брак Богдана соизволением на то великой Константинопольской Церкви. Вслед за тем начал он просить, чтоб, со своей стороны, и Нифонт благословил Богдана и новую его супругу.

– Радул, Радул! – отвечал на это с тяжелым вздохом св. Нифонт, – что бы ты ни обещал мне, как бы ты ни умолял меня о соизволении на преступный брак Богдана, – все напрасно. Вспомни, не ты ли вызвал меня сюда: за что же гонишь меня? Если я сделал какую неправду, свидетельствуй о ней. Мой долг – обличать беззаконие в устранение соблазна для других, и я исполняю это. Вспомни, ты вызвал меня сюда, ты же и гонишь меня отсюда. Я удалюсь, куда Господь укажет мне путь, но знай, что великое зло и безчисленные скорби постигнут твою область: сам ты умрешь несчастным и ужасным образом. Будет время – поищете меня и не обрящете!

При этих словах блаженный Нифонт удалился и, при свидании с Неанком, сказал ему:

– Чадо! Великое бедствие постигнет здешнее место. Впрочем, премилосердный Бог сохранит тебя, если исполнишь мой отеческий завет; даже ты будешь возвеличен, славно будет имя твое – и тогда вспомни меня, духовного твоего отца! Между тем, я, со своей стороны, не престану ходатайствовать о тебе пред Богом.

Они расстались. Неанк залился слезами и рыдал горько о разлуке с божественным своим пастырем. В сопутствии Макария и Иоасафа, учеников своих, св. Нифонт прибыл в

Македонию, а оттуда удалился на Святую Гору и поселился в обители Ватопедской. С искренней радостью и уважением приняли его святогорцы, прославляя Бога, удостоившего их видеть вселенского владыку. Из самых сокровенных пустынь стекались к нему подвижники сколько для принятия благословения, столько же, с другой стороны, и для назидательных бесед его.

Один из учеников его, Макарий, чрезвычайно строгий подвижник и ревностный в исполнении иноческих обязанностей, до такой степени воспламенился Божественной любовью ко Господу, что наконец стал искать и желать мученического подвига и смерти. Впрочем, не доверяя влечению и тайным побуждениям собственного сердца, он открылся блаженному Нифонту и просил отеческого его совета, и в случае соизволения – благословения на страдальческий подвиг за имя Христово. Святой Нифонт, со своей стороны, оградив Макария знамением честнаго и животворящего креста, молился о нем и отпустил с миром на желанный подвиг. Недолго блаженный по самому имени Макарий оставался на земле: в Солуни он торжественно исповедал Христа и проклял Магомета, за что после многих пыток и истязаний турки отсекли ему голову. Таким образом принял он венец мученический. Божественный Нифонт провидел это духом.

– Знаешь ли, чадо, – сказал он другому своему ученику, Иоасафу, – сегодня страдальчески скончался брат твой Макарий и радостно душою несется в небеса[221].

Вскоре после сего, взяв с собою Иоасафа, Нифонт тайным образом удалился из обители Ватопедской и в виде поселянина пришел в монастырь Дионисия, в котором был, как говорят, такой устав, переданный ктитором обители: приходящего в монастырь для монашества прежде всего определять в черные труды, а именно – ходить за рабочим скотом, возить дрова и исполнять все низшие послушания на неопределенное время. Впоследствии, кода оканчивался такой искус, послушника по усмотрению настоятеля принимали в монастырь и причисляли к братии. Таким образом, и святой Нифонт, как неведомый пришлец, был сделан муларщиком для ухаживания за рабочим скотом. Пока трудился он таким образом, покрываемый от всех Богом, по распоряжению Константинопольской великой Церкви искали его всюду для возведения вновь на вселенскую кафедру по силе султанского фирмана. Посланные были и на Святой Горе, но блаженный Нифонт остался неведом никому, пока было на то соизволение свыше. Однажды в числе прочих он назначен был караульным на соседственном холме, по причине морских разбойников, нечаянно напавших на Святую Гору, расхищавших все и пленявших. Когда наступила ночь, божественный Нифонт стал на молитву. Вдруг над молившимся поднялся пламень огненный в виде столпа от земли до самого неба: сам блаженный Нифонт сделался как бы светлым, огненным, что заметили находившиеся в окрестности на страже иноки и один бывший при Нифонте. Трепетен и в страхе от виденного чуда, последний явился в монастырь и рассказал всем о славе молившегося собрата. То же подтвердили и другие монахи.

Ужаснулись старцы и вся братия обители, недоумевая, что за чудный появился между ними подвижник. С общими мольбами обратились они к Господу, прося явить – кто такой угодник, так прославляемый свыше и для всех неведомый в обители. Бог открыл им тайну: игумену монастыря представилось в видении, что он находится в храме. Там является божественный Предтеча и говорит ему: собери братство, и выйдите навстречу патриарху Нифонту; высота смирения его да будет образцом для вас: он патриарх, а снизошел до состояния одного из ваших рабочих. Пораженный сим, игумен долго не мог придти в себя. Потом, когда успокоилась его мысль, приказал ударить в доску, собрались братия, и он рассказал им о видении Предтечи Господня. Тогда все узнали в своем мулальщике патриарха Нифонта. Пока это происходило, святейший работник отправился

за дровами в лес. Когда же заметили, что он возвращается со своего послушания, все вышли к кладбищенской церкви навстречу ему и, как патриарху, почтительно поклонились. Тронутый до слез неожиданный торжеством собственного своего смирения, Нифонт повергся пред всеми и плакал.

– Кончился искус терпения твоего, вселенный светильниче, – говорит ему настоятель, целуя святительскую его десницу, – довольно смирения твоего для смирения собственной нашей немощи.

Плакал блаженный Нифонт, глубоко потрясенный со бытием; плакали братия, и наипаче те, которые по неведе нию огорчали его – и, прося прощения, лежали у ног его.

– Для того, отцы и братия мои, скрыл меня Господь от вашей любви, – сказал, наконец, св. Нифонт, – что сам я просил Его о том, чтобы в смирении моем помянул меня Господь. Вы знаете, что человеческая слава и любовь мира сего отчуждают нас от Царства Божия, – *аще приобрящем мир весь и отщетим душу нашу, что пользы* (Мк. 8, 36), сказал Господь.

Потом он торжественно вошел в монастырь, окружаемый братством, и посвятил себя всей строгости иноческой жизни, не переставая разделять с братией всякого рода труды, хотя от старости, бедствий и изгнаний был уже немощен и слаб в телесных силах. Кроме прочих занятий, он посещал немощных, утешал печальных, «...и я, – говорит составитель жизни св. Нифонта, иеромонах Гавриил, тогдашний прот Святой Горы, – много раз приходя и оставаясь там для слушания назидательных бесед его, видел, что он то копал в огороде, то помогал на мельнице, то спускался к пристани для разгрузки и нагрузки кораблей и трудился таким образом неутомимо, чтобы другие на него не роптали и не теряли чрез то награды за труд свой». При всем том сатана не переставал ратовать противу него. Нашлись люди, которые все труды и подвиги смиренного Нифонта порочили, приписывая их лицемерию, а сладкие его беседы называли пустословием. Впрочем, зная, что все это – действие сатаны, он просил Бога о помощи и силе к перенесению искушений до кончины, а потому и врагов своих прощал, молясь об их спасении и забывая высокость своего достоинства.

Однажды братия везли на корабле монастырскую пшеницу с метохов; восстала буря, и корабль, носясь в виду обители, находился в крайности. Заметив это, святой Нифонт пренебрег бурею и отправился на корабль. Лишь только ступил он на палубу – буря утихла и настала невозмутимая тишина. Тогда братия пали к стопам святителя, умоляя его умилостивить Бога и испросить у Него благодать, чтоб когда ни случится им быть в море, никакая опасность, никакая беда и бедствие не постигали их.

– Бог даст вам по желанию, – отвечал блаженный, – с условием если будете свято исполнять положенное правило и службы церковные, если не будете празднословить.

Потом, преклонив колена на якоре, простер вверх длани и очи свои и молился довольно долго, благословил якорь и сказал:

– Слушайте, братия, храните этот якорь в приличном месте; когда же наступит буря, спускайте его в море и будьте покойны.

С того времени, действительно, каждый раз, когда бывали братия на море и восставала буря, опускали они якорь в волны с призыванием имени святого Нифонта, и делалась тишина. Знамения такого рода от безчувственного металла так поражали иноков, что во время каждения фимиамом икон при совершении правила кадили они и якорь, отдавая

таким образом честь святому Нифонту. Самый якорь наименовали «Патриархом» – и когда наступала в море буря, обыкновенно восклицали: «Пустите в море Патриарха!» Этот якорь, как драгоценность и святыню, хранили в Дионисиате более ста пятидесяти лет.

Наконец, наступило для блаженного Нифонта время отхода из времени в вечность к желаемому Господу: кроме глубокой старости, он знал и по Божественному откровению, что время это близко, а потому призвал к себе братство и объявил о наступающей своей кончине. При этом случае отечески убеждал он всех строго хранить обеты монашеской жизни и всеми силами стараться достигать наследия Царствия Небезного. Горько плакали братия, внимая прощальной беседе своего отца.

– Теперь, – продолжал святой Нифонт, – скажите, братия мои, что вам необходимо и чего бы я испросил вам у Господа прежде, чем предам Ему дух мой.

– Святейший владыко, – ответили рыдающие братия, – оставь нам, как безценную святыню, разрешительные молитвы, которые бы читались над каждым из умирающих братий в напутствие в вечность, с полной уверенностью ради твоих святых молитв получить на Страшном Суде помилование и прощение.

Тронутый таким спасительным прошением окружающей братии, Нифонт заплакал, помолился Богу, чтоб Он исполнил желание отцов и, обратившись к ученику своему Иоасафу, сказал:

– Пиши что я буду говорить, и это будет последний дар обители.

Таким образом святой Нифонт составил разрешительные молитвы умирающим, а потом, обращаясь к Иоасафу, сказал:

– Я отхожу ко Господу, а ты, чадо, поди в Константинополь. Там ожидает тебя страдальческий подвиг и венец райской славы[222].

Потом, простившись с братией, он приобщился Божественных Таин и тихо предал Господу дух свой 11 августа, будучи девяноста лет[223]. Быстро разнеслось по Святой Горе известие о кончине святого Нифонта: множество иноков стеклось для отдания последнего долга почившему патриарху, проводившему всю жизнь в постоянных бедствиях и гонениях и искушенному в терпении, как злато в горниле. Таким образом, при многочисленном стечении святогорских отцов, торжественно и при общем плаче и слезах, схоронили священные останки Нифонта.

По кончине блаженного Нифонта ученик его Иоасаф не замедлил исполнить предсмертный завет его: он отправился в Константинополь, исповедал там имя Христово пред агарянами, проклиная ложного их Магомета, за что и вынес от них множество разных мук, а наконец был обезглавлен и таким образом совершил страстотерпческий свой подвиг.

Теперь скажем и о последствиях изгнания из Валахии божественного Нифонта. Когда он удалился оттуда, прежде всего произошли в церкви валахийской многие смуты и нестроения от собственного ее клира, а затем открылась чрезвычайная засуха, наступил жестокий голод, и тогда сознались все, что это – следствия преступного изгнания святейшего Нифонта. В сознании виновности своей господарь Радул старался разведать и

узнать, где находится блаженный изгнанник, но, как прорек Нифонт, оставляя Радула, – искали его и не обрели.

Вслед за кончиною божественного Нифонта Радула постигла неизлечимая болезнь: тело его закипело ранами, и заразительный смрад их до того был невыносим, что никто не мог приблизиться к несчастному страдальцу. В этом мучительном положении он скончался и погребен был в обители святого Николая, так называемой Daliz, самим Радулом построенной. Но и по смерти гнев Божий не перестал поражать жестокого гонителя нового Златоуста: к ужасу народа могила Радула в течение трех дней, как могила царицы Евдоксии, гонительницы Златоуста, тряслась. Между тем, бедствовал и добрый Неанк – любимец блаженного Нифонта: заступивший место господаря Радула – Михна, а после него Владул, жестоко теснили невинного Неанка. Впрочем, по проречению святого, молитвами его, не только не был он вконец утеснен и сокрушен, но впоследствии избранием всего народа еще возведен в достоинство господаря всей Угро-Влахии.

При таком счастливом повороте обстоятельств, видя, как предсказания божественного Нифонта исполнились верно и точно, Неанк положил непременно перенести святые его мощи в Валахию – сколько для славы страны и в залог благословения свыше, столько же, с другой стороны, и для того, чтоб несчастный Радул, чрез присутствие Нифонта, получил себе какую-нибудь пользу и милость за гробом. Действуя таким образом в духе Феодосия, который перенесением из Кукуз святых мощей Златоустого доставил матери своей Евдоксии утешение и мир, и благочестивый Неанк отправил игуменов двух монастырей и двух знатных сановников на Святую Гору, в обитель Дионисия, с грамотами и многими дарами, прося отпустить к нему в Валахию святые мощи божественного Нифонта. Такое желание Неанка поразило скорбью обитель святого Дионисия. Впрочем, не смея противиться воле господаря и вместе не дерзая, со своей стороны, коснуться святых мощей Нифонта, старцы и братия обители святого Дионисия предоставили самим посланным раскопать могилу и взять оттуда святые мощи. Тогда один из сановников, великий логофет, взяв заступ, перекрестился и сказал:

– По вере господаря моего, принимаю на себя это дело в полном уповании, что усердием и любовью нашей не огорчится наш архипастырь, учитель и отец.

Едва только разрыл логофет могилу и открылись мощи святого Нифонта, неизъяснимое благоухание разлилось кругом и наполнило воздух. Таким образом, они были вынуты из могилы, вложены в драгоценный ковчег и внесены в церковь. И по церкви разлился чудный аромат и благовоние. На открытие мощей блаженного Нифонта из келий, из скитов и монастырей стеклось множество иноков, и когда совершалось по сему случаю бдение, Бог прославил святого даром чудотворения. Один монах, будучи нем, пришел поклониться и облобызать мощи святого Нифонта, и в то самое время, как лобызал их, развязался у него язык и исчезла его немота. Таким же точно образом и слепец, будучи приведен к мощам, лишь только коснулся их, прозрел. Много и других чудес совершилось от мощей святого, «которые не ввожу в состав его жизнеописания, – говорит биограф, – чтоб не утомить внимания читателей и слушателей, в полной уверенности, что и приведенных выше двух чудных событий довольно для убеждения в святости и великом дерзновении Нифонта пред Богом». Чрез три дня после сего посланные Неанка и некоторые из братии обители отправились в Валахию. Переправившись чрез Дунай, они послали известие господарю о своем приближении. Тогда на встречу святых мощей блаженного Нифонта отправился собор архиереев, иереев, диаконов и монахов, а как скоро приблизились они к Бухаресту, сам благочестивый господарь со множеством народа, со светильниками и фимиамом встретил Нифонта, как бы живого, и, заливаясь слезами, пал на гробницу, а потом, подняв на свои рамена, при пособии сановников внес

мощи в монастырь Daliz поставил на могилу Радула. Целую ночь совершалось бдение: Неанк и весь народ умоляли святого Нифонта о прощении Радула.

Наконец, утомившись бдением, господарь Неанк погрузился в тихий сон, и ему видится: могила Радула раскрылась, тело его казалось черно, как уголь, и от него исходил невыносимый смрад. Неанк понимал ужасное положение Радула, скорбел и усердно ходатайствовал пред святым Нифонтом за несчастного. Вдруг представляется Неанку, что св. Нифонт встал из своей гробницы, приблизился к Радулову трупу и омыл его святой водою; тогда зловоние и смрад исчезли: Радулово тело сделалось чистым и свет заиграл в лице его. Могила Радула закрылась, а св. Нифонт, приблизившись к Неанку, сказал:

– Видишь, чадо, как я исполнил твою молитву. Исполни же и ты мой завет: мирно управляй вверенным тебе народом и отправь в монастырь мой часть мощей моих, в утешение подвизающихся там братий.

Видение кончилось. Сильно потрясенный чувством радости, Неанк пришел в себя и торжественно воззвал:

– Слава Богу, прославившему раба Своего возлюбленного Нифонта!

Тогда же рассказал он всем виденное, и народ прославил Бога. На следующий день к Божественной литургии со всех стран Валахии стеклось множество народа. Бесчисленное множество всякого рода больных, приближавшихся со слезами и верою к св. мощам блаженного Нифонта, от одного прикосновения получали молитвами его исцеление.

Господарь, видя, что чудодейственные силы святого каждый день умножаются, собрал местный собор, которым и положено праздновать святому Нифонту 11 августа, в день его кончины. Для сего была составлена ему и служба. Между тем, благочестивый Неанк устроил золотую раку в виде многоглавой церкви, украшенную драгоценными камнями и эмалью; на крышке ее с внутренней стороны был изображен блаженный Нифонт, а пред ним в молитвенном положении на коленах – смиренный Неанк. Устроив таким образом раку, он вложил в нее св. мощи и отправил их в афонскую Дионисиатскую обитель, отделив от них для себя главу и руки. Тогда же взамен оставляемой им у себя святыни в дар сей обители принес он св. главу Предтечи и Крестителя Господня Иоанна в златом ковчеге, украшенном драгоценными камнями, и воздвиг много зданий в монастыре, на собственное иждивение, почему и поставляется в ряду прочих ктиторов обители. – Святую главу и руку божественного Нифонта, доколе жив был, Неанк имел при себе, в освящение и оплот против неприязни и наветов, а умирая, завещал эту святыню прекрасному построенному им монастырю Арджес, где она и поныне находится. О всем да будет слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь.

Житие св. Нифонта написал ученик сего блаженного патриарха иеромонах Гавриил, бывший впоследствии протом Святой Горы. А служба ему составлена Иоанном Комнином, впоследствии митрополитом Силистрийским с именем Иерофея.

15 АВГУСТА

Преподобного отца нашего Грасима нового Ватопедского (НОТАРАС)

Преставился 15 августа 1579 года. Ради праздника Успения Пресвятой Богородицы память его перенесена на 20-е октября – день перенесения мощей его. Под тем числом помещено и житие его.

19 АВГУСТА

Житие преподобного и богоносного отца нашего Феофана[224]

Преподобный отец наш Феофан происходил из славного города Янины. От младенческих почти пелен возлюбив чистоту и непорочность души и тела, преподобный сохранял и сохранил их во всю свою жизнь. Придя в возраст, он ради любви к Богу оставил род, отечество, друзей – словом, все, что так или иначе, много или мало препятствует душе в стремлении ее к горнему отечеству. Оставив мир и яже в мире, он удалился из отечества своего на Святую Гору и поступил там в братство обители Дохиарской. Здесь он скоро принял на себя и иноческий образ и стал подвизаться ангельски. Пост его, молитва, бдение, пренебрежение мнимыми благами земными, забота о сохранении в чистоте всех внешних чувств своих, умерщвление плоти, попечение о чистоте души, о соблюдении ума от нечистых помыслов, противодействие нападениям нечистых духов, усиливавшихся поколебать святые его стремления к ангельскому совершенству, были истинно дивны. За такое совершенство в добродетели он единогласно и единодушно всей братией был избран игуменом обители. Сделавшись вождем и пастырем словесных овец Христовых, он еще более увеличил свои подвиги – пост приложил к посту, воздержание к воздержанию, бдение ко бдению, молитву к молитве, лишение к лишению, кратко: он проводил жизнь на земле как бы неземную, во плоти как бы безплотную, вообще, жил как будто бы в чужом теле.

Божественный Феофан, так подвизаясь и свято управляя вверенной ему от Бога словесной паствою, должен был, однако, по судьбам и целям, ведомым только Верховному Распорядителю наших судеб, испытать посещение его одним злоключением. Он имел племянника – сына сестры своей. Племянника этого нечестивые агаряне пленили, отвезли в Константинополь и там обратили в исламизм. Горько было святой душе Феофана переносить это бедствие; потому он немедленно отправился в Константинополь и при помощи Божией успел исхитить из рук нечестивцев несчастную жертву изуверства их. Счастливо совершив это святое дело, он возвратился в свой монастырь вместе с юным своим племянником, скоро после того удостоил его иноческого образа и сопричислил к братству обители. Но отцы монастыря, боясь, чтобы не огласилось это дело и чтобы им не потерпеть каких-нибудь бедствий от лютых варваров – сынов погибели, за обращение людей из их веры в христианскую, стали роптать на своего пастыря и питать негодование как к нему, так и к племяннику его. Святой, видя происходящее из-за него в обители нестроение и подражая подвигоположнику – Христу, от этого неправосудного гнева вместе с племянником своим, бывшим для неразумных камнем преткновения, удалился не только из обители Дохиарской, но даже со Святой Горы и прибыл в Веррию. Здесь, в ските Предтечи, он создал храм в честь Богоматери, собрал довольное число иноков, дал им правила жизни, утвердил их в чин и ввел у них прекрасный порядок. После сего божественный Феофан, оставив здесь своего племянника, удалился один в Наусу. Тоже и в Наусе, обретя приличное место, воздвиг он превосходный храм во имя и честь

Архангелов и, построив монастырь, собрал довольное чисто иноков, сделался их пастырем и отцом и, мудро руководя их по трудным стезям подвижничества, вел к небесной нашей отчизне. Прожив здесь достаточно времени, он возвратился в созданную им в Веррии первую обитель, ибо эти созданные им обители считали его одним общим своим отцом. Достигнув же наконец глубокой старости, должен был он, подобно всем смертным, отдать необходимую дань природе. Предузнав по откровению о своей кончине, он созвал к себе всех своих иноков, объявил им об этом и вместе с тем утешал много плакавших братий, обещая им никогда не разлучаться с ним духом своим, и наконец мирно и покойно предал в руце Божии мирный дух свой.

Создатель и Промыслитель наш, Господь Бог обещал прославлять прославляющих Его (1 Цар. 2, 30): по неложному сему обещанию Он благоволил прославить и сего, прославившего Его своими ангельскими подвигами, богоносца нашего Феофана, многими знамениями и чудесами, как в жизни его, так, особенно, по смерти. Скажем о некоторых из них хотя кратко. Когда святой возвращался из Константинополя на Святую Гору, случилось всем находившимся с ним в корабле за недостатком пресной воды терпеть жажду; тогда он молитвою своей к Богу соленую морскую воду превратил в сладкую и сделал ее годной для питья – чем спас всех, бывших на корабле, от неминуемой смерти. Во время этого же плавания он молитвою своею укротил рассвирепевшее и угрожавшее кораблю потоплением море – и вместо разъяренной бури наступила тогда на море невозмутимая тишина.

А по смерти святого силою молитв его совершались и теперь совершаются безчисленные чудеса для всех, которые с верою приходят к мощам его (и доныне находящимся в Наусе) и с любовью призывают его на помощь. Один, мучимый безом, будучи при погребении святого, от одного только благоговейного и с верою лобзания честных ног его избавился от этого лютого мучителя. И потом не раз лукавые эти мучители человека выходили из мучимых ими от одного лишь благоговейного прикосновения страдальцев к мощам сего святого.

Притом удивительно, что святой благоволит оказывать благодатную свою помощь не только верным, но и неверным. Один агарянин страдал проказою на голове. Много истратил он уже денег на врачей в надежде исцеления, но не видел от них никакой помощи: почему, оставив их, пришел в монастырь бесплотных (т.е. Феофанов) и попросил там воды с мощей святого, и – о, чудо! – лишь только сей водою вымыл свою голову – проказа, как чешуя, спала с головы его. И еще: один из Битолии, имея сухую правую руку, почти все свое имение истощил на врачей для уврачевания ее, но не получил от них никакой пользы. Между тем, одно только благоговейное его прикосновение к мощам безмездного врача, преподобного отца Феофана, сделало больную его руку здравою, как и другая.

Несколько раз Науса спасалась от моровой язвы, а однажды от – бездождия, благоговейным призыванием на помощь святого Феофана. Избавление от моровой язвы получали и другие селения чрез принесение туда мощей святого.

Одна кровоточивая жена, много лет страдавшая этой лютой болезнью, без пользы истощив на врачей все свое состояние, пришла в монастырь святого – и лишь только выпила немного воды с мощей его, тотчас же освободилась от несносной своей болезни.

Один иеромонах в обители безплотных, видя великое множество притекающих к мощам святого Феофана и досадуя на это, хотел скрыть мощи в некоем в тайном месте. Но – о чудо! – за такое его намерение тотчас же расслабели у него и лишились движения руки и

ноги. Ясно видя неблаговоление святого быть мощам его от людей сокровенными, он раскаялся в своем замысле и тогда же получил исцеление. А другой монах той же обители хотел было из честной главы святого вынуть зуб и иметь его при себе из благоговения, но и это было неугодно святому, ибо монах наказан был за то слепотою – почему, раскаявшись в своем замысле, он оставил его, за что и получил от святого исцеление. В 1451 году в крепости Веррийской один христианин, приняв веру агарянскую и будучи облечен за то от нечестивцев саном властительским, сделался неукротимым зверем для чад Христовой Церкви. Христиане, и особенно монастыри христианские, много претерпели от него бед. Всюду распространяя страх и трепет и злодеяниям своим нигде не встречая препоны, преступный отверженник грозил напасть и на Наусу, преимущественно же разрушить монастырь Феофана, а монахов в нем погубить. В самом деле, он, окаянный, в безумной своей злобе разграбил обитель его и многое в ней разрушил, но тогда же настал и конец его зверству: по молитвам оскорбленного им святого злодей зле изверг отступническую свою душу.

Бесчисленное множество и других преславных чудес совершилось и теперь совершается святыми мощами преподобного этого отца для всех, с верою и благоговением к ним притекающих, во славу Бога и в доказательство богоугодной жизни преподобного. – Посильным подражанием равноапостольному житию богоносного отца нашего Феофана да сподобимся и мы все вселиться и веселиться в Царстве неизреченной славы и вечного блаженства. Аминь.

30 АВГУСТА

Общая память святых сербских святителей и учителей[225]

Из числа сих святителей на святой Афонской Горе подвизались следующие архиепископы: Савва I-й, Савва II-й, Евстафий I-й, Никодим, Даниил, Иоанникий и патриарх Ефрем II-й. Отдельно память их совершается:

Св. Саввы I-го14 января

Св. Саввы II-го 8 февраля

Св. Евстафия I-го 4 января.

Св. Никодима 11 мая.

Св. Даниила 20 декабря.

Св. Иоанникия 28 мая.

Св. Ефрема II-го 15 июня.

13 СЕНТЯБРЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Иерофея[226]

Преподобный и богоносный отец наш Иерофей родился в 1686 году в Морее, в деревне Каламата, от родителей благочестивых и богатых: Дима и Асимины. На 8-м году Иерофея отдали в училище, где он при своем природном даровании и прилежании оказывал быстрые успехи в преподаваемых науках; в свободное же от учения время он не увлекался обычными детскими играми и забавами, но, как бы совершенный муж, избегал всего этого и, подобно трудолюбивой пчеле, упражнялся в изучении латинского и греческого языков, притом с наслаждением читал Священное Писание, которое служило ему как бы пищею, а Господь Бог, видя его благонравие и прилежание, ниспослал ему премудрость, приседящую престолу Его, так что он впоследствии в совершенстве изучил философские науки, латинский и греческий языки.

Когда Иерофей достиг совершенного возраста, тогда родители пожелали сочетать его законным браком, для чего приискана была достойная невеста, но у Иерофея не было намерения сочетаться браком, а напротив, душа его горела желанием посвятить себя иноческой жизни; высказать же родителям свое намерение он не решился потому, что не хотел оскорбить их своим отказом; его доброе и целомудренное сердце страдало; он видел, с какой заботливостью родители старались доставить ему земное счастье. Итак, не находя в своем горе никакого исхода, он с молитвою обратился к сердцеведцу Богу, прося Его отклонить намерение родителей сочетать его браком, вместо же оного удостоить его иноческой пустынной жизни.

Небесный Творец услышал молитву и, по премудрому Своему Промыслу, устроил спасение его таким образом: в то время, когда уже все было готово к браку, до которого оставалось не более двух недель, родители Иерофея скончались мирной христианской кончиною и отошли на вечный покой.

Похоронив родителей, Иерофей тайно оставил родину и поселился в Закинфе, где проживали некоторые из его родственников, которые посоветовали ему отправляться в Западную Европу для дальнейшего своего образования, но он пожелал сперва побывать на св. Афонской Горе, которая в то время славилась многими учеными мужами, а потом уже ехать и в Европу. И таким образом, простившись с родственниками, отправился на Святую Гору, где и поступил в ученики к одному отшельнику при келье св. Артемия. Здесь юный подвижник со всей пылкостью принялся за чтение душеполезных книг, особенно тех, в которых описывались подвиги и равноангельская жизнь пустынников, по сорок и по шестьдесят лет подвизавшихся в уединении и в совершенном удалении от сообщений человеческих, с другой стороны – несчастные последствия тех подвижников, которые, возмечтав о себе и свое исправление приписывая не благодати Божией, а самим себе, впадали в руки искусителя.

Итак, рассматривая различные пути иноческого жития, он пожелал избрать более безопасный, т.е. средний, или царский, путь. Поэтому, оставив отшельническую жизнь, он поступил в братство Иверского монастыря, где вскоре был пострижен в иноческий образ. Здесь у него родилась мысль избрать мученический подвиг и этим путем получить мученический венец, но в то же время другая мысль отклоняла его намерение и приводила в робость. Как бы для осуществления его желания представился и случай, ибо вскоре после пострижения он по какому-то делу отправился с одним старцем из Иверской обители в Константинополь. Здесь его юное и неопытное сердце под влиянием одной лишь начитанности о том, как страдали св. Христовы мученики и какую они получили

славу после страдальческой своей кончины, сильно возгоралось ревностью пострадать за Христа, почему он и начал ходить по многолюдным константинопольским улицам с целью, чтобы его турки схватили и потом замучили, о чем в тайне своего сердца просил Бога – сподобить его сей благодати. Но Промыслитель не внимал его детскому прошению, не сообразному Его святой воле, хранил его для пользы других, ибо, по премудрому строению судеб Божиих, ему назначен был другой путь.

Из Константинополя Иерофей отправился в Валахию; здесь он продолжил прерванное свое образование у одного ученого мужа Марка-киприянина, который был наставником тамошнего училища. Проживая у своего наставника, он своей скромностью и добронравием обратил на себя внимание софийского митрополита Авксентия, который за его благочестие рукоположил его в диакона.

По получении у Марка своего образования он из Валахии отправился в Венецию, а отсюда, по окончании последнего, как корабль, обремененный драгоценными сокровищами, возвратился обратно на Святую Гору с обширными философскими познаниями и в совершенном владении латинским и греческим языками.

По прибытии на Афон он поселился близ Иверского монастыря в пустыне Хаги. Здесь он начал проводить жизнь самую суровую, изнуряя свое тело постом, бдением и молитвою. Добродетельная жизнь подвижника Христова привлекала к нему посетителей, которые с душевной пользою возвращались от него, будучи услаждены высоким даром его мудрой и назидательной беседы. А игумен Иверского монастыря с братией, желая поставить на вид скрывающийся под спудом светильник, представил его неокесарийскому митрополиту Иакову, жившему в Иверской обители на покое, и просил рукоположить Иерофея в сан иеромонаха, как достойного предстоять престолу Божию и совершать безкровную жертву.

По принятии священства Иерофей усугубил и труды подвижнической жизни, притом наложил на себя усиленный пост, так что по три, а иногда и по четыре дня не вкушал пищи, а если и случалось когда-либо вкушать, то вместо хлеба ел чечевицу. Во св. же Четыредесятницу он вкушал пищу однажды в неделю, а иногда и через две. Между прочим, постящегося его, кроме его ученика, другой никто не видел, ибо он при своем посте строго соблюдал заповедь Спасителя, Который в священном Своем Евангелии сказал: *Когда постишься помажь голову твою и умой лице твое; чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцем твоим, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно* (Мф. 6, 17–18). Поэтому, когда случалось ему разделять трапезу с другими, то он вкушал все предлагаемые брашна, не подавая никакого вида выделиться чем-либо от прочих; в келье же строго хранил свой пост, имея в уме непрестанную Иисусову молитву. Строг был он и в отношении сна. Основываясь на словах великого Арсения, что «подвижнику довольно для сна в течение суток и одного часа», – старался следовать сему правилу. Вследствие этих великих подвигов тело его иссушилось и ослабло настолько, что он едва передвигал ногами и с большим трудом мог пройти несколько десятков саженей. Но зато, по слову апостола Павла: *аще внешний человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16), дух его был бодр и простирался еще к большему подвигу, а Господь, видя труды Своего угодника, даровал ему высокую любовь к ближним и радостотворный плач.

Любовь его к ближним была так велика, что он делился с нищими иногда даже тем, что самому было необходимо. Так, иногда случалось, что когда какой-нибудь нищий просил у него милостыни, а у старца не было ничего такого, что бы подать ему, тогда он снимал с себя рясу и отдавал ее нищему, сам же вместо рясы окутывал себя одеялом и таким

образом оставался до тех пор, пока в Иверской обители, узнав о поступке блаженного, присылали ему другую рясу, которая при первом же случае переходила в руки нищим.

Он по любви к ближним согласился по просьбе жителей острова Скопело оставить уединение и отправиться на их остров, где, по случаю великой смертности и неимению священнослужителей при тамошней церкви, отправлял восемь лет церковное богослужение, постоянно беседуя с народом разными духовными поучениями; притом с отеческой заботою занимался образованием тамошнего юношества. Эти великие труды разделяли с ним его ученики: иеромонах Мелетий и монахи Иоасаф и Симеон, которые вместе с ним прибыли сюда из Афона.

Наконец всеблагий Бог, видя блаженного Иерофея уже преуспевшим во всех добродетелях, как зрелый пшеничный плод восхотел переселить его в небесную Свою житницу, почему и открыл ему скорую его кончину.

Блаженный Иерофей после сего Божественного откровения ожидание смертного часа пожелал встретить в ничем невозмутимой тишине, а потому, взяв с собою вышепомянутых трех своих учеников, удалился с ними на необитаемый остров Юра, куда обыкновенно ссылались на вечное заточение преступники. Здесь блаженный вскоре заболел и тихо отошел ко Господу, 13 сентября 1745 года, на пятьдесят девятом году от рождения.

Иеромонах Мелетий с другими учениками блаженного Иерофея, честно предав погребению тело его, возвратились на Святую Гору, а по прошествии трех лет, по восточному обычаю, Мелетий отправился опять на остров Юру за останками блаженного, из коих честную главу принес в Иверский монастырь, которая и поныне хранится и с любовью почитается в сей обители.

Чрез несколько времени всесильный Бог восхотел прославить чудесами Своего угодника, который от юности своей служил Ему в преподобии и правде. Так, один инок Иверской обители, по имени Каллиник, в бытность свою в Константинополе имел с собою часть св. мощей преподобного Иерофея. В том доме, в котором остановился Каллиник, была больная женщина, которая вследствие сильного воспаления глаз лишилась совершенно зрения, между тем боль продолжалась, и несчастная женщина от сильной боли приходила в отчаяние, но лишь только она больными глазами припала к св. мощам, тотчас получила исцеление. А другая женщина одержима была расслаблением всего тела и три года лежала в постели, когда же поднесены были к ней св. мощи преподобного и она с верою их облобызала, немедленно получила совершенное здравие. На самой же Святой Горе многие, страдавшие различными болезнями, особенно зубной болью, и боримые плотской страстью, чрез прикосновение к св. мощам получали исцеление, славяще Отца и Сына и Святаго Духа, единого в Троице Бога, Ему же и от нас грешных буди честь, слава, поклонение и благодарение, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

14 СЕНТЯБРЯ

Страдание святого преподобномученика Макария[227]

Откуда родом и от каких родителей происходил преподобный Макарий, история нам не передала. Известно только, что он был учеником святейшего патриарха Константинопольского Нифонта, в житии коего и упоминается, что он скончался

мученически. Находясь при святом Нифонте, он был подражателем его подвигов и высокой ангельской жизни. Между тем, у него родилось пламенное желание окончить жизнь свою страдальчески за Господа. Будучи не в силах преодолеть тайных и постоянных к тому побуждений, он открылся во всем божественному Нифонту, безмолвствовавшему тогда в обители Ватопедской по вторичном удалении с престола константинопольского. Выслушав Макария и провидя духом действие в этом воли Божией, святой Нифонт кротко сказал: «С Богом, чадо, в путь святых страдальцев; желание твое Господь исполнит и, по Своей неизреченной милости, дарует тебе венец мученичества». Напутствовав его молитвою и осенив знамением честнаго креста, патриарх облобызал его и отпустил от себя с миром. Благословенный же Макарий, напутствованный молитвами святого Нифонта, удалился со Святой Горы в Солунь. Там улучил он время, когда мусульмане по своей привычке к праздности собрались во множестве, стал посреди них и торжественно начал исповедовать, что Христос есть Сын Божий, совершенный Бог и человек, ради спасения нашего сшедший с небес; потом начал объяснять им правоту веры христианской. Исступленные турки, видя такое дерзновение инока, бросились на него, били палками, пронзали кинжалами до того, что кровь потоками струилась из ран его, наконец ввергли его в темницу. Утром собрались они, привели мученика в судилище свое и начали ласкать его, стараясь обещаниями даров увлечь его от веры Христовой в исламизм. «О, если бы вы познали истину и правоту веры нашей христианской, крестились во имя Отца и Сына и Святого Духа, в Святую Троицу, и оставили свое заблуждение!» – воскликнул святой Макарий. Но едва это произнес он, как турки схватили его, начали бить, поражать кинжалами и наконец отсекли честную главу его. Таким образом преподобный предал Господу в муках дух свой. Между тем, святой Нифонт, уединяясь в Ватопеде, провидел Духом Святым мученическую кончину блаженного Макария и сказал другому ученику своему Иоасафу: «Знай, чадо, что собрат твой Макарий скончался сегодня мученически и возносится на небеса, торжествуя и радуясь о Господе». Его молитвами да удостоимся и мы небесного блаженства. Аминь.

Преподобный Макарий пострадал в 1527 году, 14 сентября.

16 СЕНТЯБРЯ

Память преподобного отца нашего Киприана, митрополита Киевского и всея России

Святитель Божий Киприан, почивающий своими нетленными мощами под спудом в Успенском соборе в Москве, рукоположен был патриархом Константинопольским Филофеем в митрополита Киева и Литвы в январе 1376 года, и в следующем 1377 году в сане святителя прибыл в наше отечество. Иноческие же подвиги проходил он на святой Афонской Горе. Предлагаем здесь несколько сведений о пребывании его на Афоне.

Преподобный отец наш Киприан родился около 1330 года в Болгарии, в г. Тырнове, который в то время был столицей болгарского царства. По окончании своего школьного воспитания в родном городе Киприан, чувствуя влечение к иноческой жизни, направился, по совету своего духовного наставника и родственника[228] блаженного Евфимия (впоследствии патриарха болгарского), на святую Гору Афонскую, как в высшую школу духовного подвижничества. Он прибыл на Афонскую Гору в то именно время, когда она обратила на себя внимание всего православного иночества после выдержанной с успехом борьбы с Варлаамом и Акиндином и их последователями за дело высшей важности для жизни иночества. Спор, как известно, был о плодах умного делания, которое было постоянным упражнением безмолвствующих иноков на Афоне. Многие из них по сему

поводу раскрыли свои опыты в духовной жизни писаниями[229]. Общее уважение православной церкви к подвижникам Афона свидетельствовалось ясно тем, что многие из его иноков были возведены на престолы святительские; оттуда свет их разливался еще обильнее[230]. О житии своем на Святой Горе говорит сам Киприан в своем послании к игумену Афанасию[231]. Но в каком именно из святогорских монастырей подвизался блаженный Киприан, положительных указаний на это нет; очень вероятно, что в одном из славянских монастырей, ибо со времени посещения Афона сербским царем Стефаном Душаном (в 1347–48 гг.)[232] некоторые из афонских обителей его царственной щедростью были усвоены славянскому иночеству[233]. Впрочем, судя по характеру послания к преподобному Киприану Евфимия, патриарха Болгарского, можно предполагать, что он подвизался вне монастыря в пустыне[234]. Преподобный Киприан, приняв на Святой Горе иноческое пострижение, не прерывал своих сношений с отечеством; он вел переписку со своим духовным наставником и воспитателем, блаженным Евфимием, который в то время (после 1360 г.) уже занимал патриарший престол в родном им обоим городе Тырнове. Переписка эта ясно свидетельствует о близком их родстве не только по духу, но, вероятно, и по плоти. Дошедшее до нас послание носит такое заглавие: «Евфимия патриарха Терновского послание к Киприану монаху, живущему на святой Горе Афонстей и просившу написатисе ему о некиих церковных винах нужных и послатисе ему тамо»[235]. Вопросы «о церковных винах» заключались в следующем: 1) о поклонах в дни Пятидесятницы и в двенадцать дней между Рождеством Христовым и Богоявлением. 2) О причащении Св. Таин в отсутствие священника в пустынях.

Во время пребывания на Афонской Горе занятия преподобного Киприана были посвящены преимущественно переписыванию и переводу книг, к чему он был достаточно приготовлен своим воспитанием в Тырнове, под руководством блаженного Евфимия, известного своим классическим образованием и трудолюбием. Изучая прилежно произведения церковнославянской письменности, состоявшие из переводов святоотеческих писаний, преподобный Киприан обогатил свой ум и сердце теми сведениями, которые доставили ему впоследствии возможность сделаться «восстановителем упавшего в России (в монгольский период) духовного просвещения»[236]. Он перенес в отечество наше с Афонской Горы плоды современной ему славяно-сербской письменности, широко и правильно развившейся на Афоне в кругу славяно-сербских обителей, благодаря щедрому и могущественному покровительству им Стефана Душана. Под сенью этих обителей укрылось сербское просвещение от военных бурь, колебавших сербское царство по смерти царя Стефана (1356 г.). Киприан, прибыв на Афон в самое цветущее время развития на Святой Горе славяно-сербской письменности[237], ознакомился со всеми произведениями ее, снял верные списки с переводов, сделанных другими, трудился над этим делом и сам; когда же впоследствии был посвящен в митрополиты соплеменного ему народа русского, усвоил ему плоды своих знаний и трудов. Большая часть привезенных им и выписанных впоследствии со Святой Горы и из Константинополя славянских рукописей принадлежат к трудам сербских иноков XIV столетия, были извода сербского, а потому естественно было позднейшим писателям, оценивавшим заслуги митрополита Киприана для просвещения и письменности нашего отечества, усвоить ему сербское происхождение. Замечательно, что славянскими переводами на Святой Горе занимались не только иноки славянских обителей ее: Русика, Хиландаря, Св. Павла, Филофея и Ксенофа, но что некоторые собственно для этого поселялись и в знатных греческих монастырях. Подобно тому как в Царьграде привлекал трудолюбцев своим удобством к переписыванию и преложению книг монастырь Студийский (Св. Иоанна Предтечи), так и на Афоне древнейшая из святогорских обителей Лавра св. Афанасия. Из сохранившихся до нашего времени славянских рукописей той эпохи видно, что многие славянские книги были переведены с греческого и написаны в Лавре св. Афанасия[238]. Лаврой в то время управлял игумен

Филофей, муж просвещенный, известный как разносторонний духовный писатель, возведенный в 1354 г. на патриарший престол Константинопольской церкви. И опять Филофей временно пребывал на Афоне, по оставлении патриаршего престола в первый раз (с 1355 по 1364 год). Ученый инок Киприан, занимавшийся переводами с греческого, сделался известным благочестивому Филофею; отсюда идет их духовная связь, обратившаяся в сыновнюю любовь и преданность со стороны первого и отеческое расположение и покровительство со стороны второго. И таким образом, в 1364 г., со вторичным восшествием Филофея на патриарший престол по смерти Каллиста († 1363 г.), Киприан уже состоял при особе патриарха «ближним его монахом». Очевидно, что он прибыл вместе с ним с Афона.

При вторичном вступлении на патриарший престол Филофей застал дела церковные в весьма расстроенном виде. Нарушен был и союз любви и мира с соседними славянскими самостоятельными церквами. В 1350 г. патриарх Каллист наложил на Сербию, ее царей, духовенство и народ церковное отлучение за то, что в 1346 году Стефан Душан на соборе в Скопле, под председательством Охридского патриарха и при участии патриарха Тырновского, провозгласил сербского архиепископа Иоанникия II-го (бывшего своего логофета) патриархом, а сам венчался от него царским венцом без соизволения византийского императора и патриарха[239]. Не более мирны были отношения вселенской патриархии и с болгарскими патриархиями Охридской и Тырновской. Одна только Русская церковь продолжала еще строго хранить свое подчиненное отношение к Константинопольской церкви, хотя и там уже давно начали тяготиться присылкой к ней митрополитов, не знакомых ни с обычаями страны, ни с языком ее народа. Желание иметь посредника в примирении с соседними славянскими самостоятельными Церквами и пособника в продлении своего влияния на зависимую, но отдаленную митрополию русскую, достаточно объясняет нам причину, по которой просвещенный и дальновидный Филофей приблизил к себе ученого инока, которого узнал и оценил еще на Афоне. Выбор Филофея удался вполне: в свое вторичное управление Константинопольской церковью (1364–1378) он примирился с Церквами сербской и болгарской и укрепил свое влияние на Церковь русскую, и достиг всего этого при содействии Киприана. Примирение с болгарской Тырновской Церковью, во главе которой стоял, до самого падения Тырнова (1389 г.), блаженный Евфимий, учитель и наставник Киприана, не могло представлять особенных затруднений. Труднее было уладить примирение с Церковью сербской, с которой было прервано всякое общение. Но и здесь дело устроилось, без всякого сомнения, старанием того же инока Киприана, через посредство афонцев. Маститый афонский инок Исаия (которого в 1348 году Стефан Душан едва умолил принять на себя настоятельство в обновленной им русской афонской обители, запустевшей было по причине «крайнего от Руси оставления»)[240], давно уже скорбя о печальном разрыве мира и любви между Церквами греческой и сербской, по причинам не столько духовным, сколько политическим, с любовью принял на себя ходатайство по делу примирения. Для этого он отправился сначала в Сербию, где склонил к миру благочестивого князя Лазаря и патриарха Савву IV-го, и затем, как уже поверенный от лица всего освященного Сербского собора, отправился послом в Константинополь; на пути туда он заехал на Святую Гору, взял в помощь себе пречестного мужа, бывшего прота Святой Горы, кир-Феофана, двух своих учеников, Сильвестра и Нифонта, и с ними переводчика Никодима. Старания старца Исаии увенчались полным успехом, в чем принимал искреннее участие боголюбивый Киприан, как человек близкий равно к патриарху и к старцу, притом же и сам патриарх Филофей, зная Исаию по Афону, весьма уважал его [241] . Событие это произошло в начале 1375 года.

Особенно широкое участие принимал Киприан, по воле патриарха Филофея, в делах русской Церкви, на митрополию которой, как оказалось впоследствии, подготовлял его

покровитель, испытывая сначала верность и способность его разнообразными поручениями. Когда князья западной России (Литвы), русского великого княжества, обратились к патриарху с изветом на митрополита Алексия, «патриарх послал, – говорит Собор, – Киприана, собственного монаха, человека миролюбивого и богобоязненного, умеющего благоразумно пользоваться обстоятельствами и управлять делами (замечательны эти похвалы Собора, заслуженные Киприаном предшествующей деятельностью), послал его, чтобы примирить князей друг с другом и с митрополитом». Киприан успел на время успокоить волнение, но потом «недовольные князья послали большое посольство с грамотой к патриарху, умоляя дать им» особого митрополита (для западной России), говоря, что иначе они «готовы будут приступить к другой Церкви». После соборного рассуждения о сем патриарх Филофей, руководствуясь желанием сохранить мир, решился сделать уступку их просьбе и в 1376 году рукоположил «кир-Киприана в митрополиты Киева и Литвы». А чтобы сохранился древний порядок и чтобы Россия впредь была под одним митрополитом, «тогда же положено на Соборе, по смерти св. Алексия, быть Киприану митрополитом всея России»[242]. Но неблагоприятно был встречен Киприан в России. Здесь для него начался тот крестный путь скорбей, которым Небесный Архипастырь возводит к Себе Своих избранников. Только чрез несколько лет митрополит Киприан (пребывавший в Киеве) получил приглашение Великого князя прибыть в Москву, куда святитель и прибыл 23 мая 1381 года[243]. С этого события начинается второй, не менее многоплодный, но и не менее обильный скорбями период жизни и деятельности митрополита Киприана, который в России вполне известен и подробно описан многими. Блаженному Киприану с первых дней святительства и почти до гроба пришлось терпеть скорби поразительные. Почти тридцать лет он носил на себе бремя управления Церковью русской, но из них не более восемнадцати лет был действительно митрополитом всея Руси: около полутора лет при великом князе Димитрии Иоанновиче и шестнадцать с половиной при сыне его Василии Дмитриевиче. Св. Киприан преставился 16 сентября 1406 г. Св. мощи его обретены при разобрании Успенского собора, в 1472 году, 27 мая.

20 СЕНТЯБРЯ

Страдание святого преподобномученика Илариона[244]

Родина святого преподобномученика Илариона был остров Крит. Он происходил от христианских родителей – отца, по имени Франческо, и матери – Екатерины, а сам во святом крещении назывался Иоанном. Отец Иоанна имел еще двух сыновей и двух дочерей. Воспитанный родителями своими в благочестии и обучении грамоте, Иоанн с юности сохранил доброе устроение души. В одно время дядя Иоанна, который в Крите занимался врачевством, для более обширных занятий отправился в Константинополь, куда взял с собою и Иоанна. Прожив у дяди более десяти лет и будучи ничему не обученным, Иоанн горько раскаивался в том, что безполезно прожил у него столько времени, а потому оставил дядю и поступил в услужение к одному хиосскому купцу Франческо. Однажды Франческо, по коммерческим делам отправляясь на остров Хиос, поручил торговлю в своей лавке Иоанну и еще другому его товарищу, который тоже находился в услужении у того же купца. Возвратившись с острова, Франческо при поверке вырученных за товар денег не досчитался трехсот пиастров, в похищении которых заподозрил Иоанна. Требуя от Иоанна триста пиастров, купец грозил, что подвергнет его суду, если он не выплатит означенной суммы. Иоанн, видя стесненное свое положение, обратился к своему дяде, но дядя настолько был немилостив, что наотрез отказал ему в помощи.

Не находя своему горю никакого исхода и притом будучи не в состоянии переносить клевету, Иоанн впал в отчаяние. Во время такого мрачного состояния его души злокозненный враг-диавол внушил ему обратиться за помощью к матери султана. Послушавшись внушения диавола, Иоанн отправился во дворец, в котором жила мать султана. Там его представили к Баш-аге[245], которому Иоанн объявил свое горе, прося у него помощи. Баш-ага обласкал Иоанна и, между прочим, сказал:

– Великое я доставлю тебе счастье и на будущее время во всем буду помогать тебе, если ты уверуешь в Магомета.

Несчастный юноша без всякого рассуждения, увлекаемый обещаниями аги и мыслью, что наконец он расплатится с хозяином, под действием диавольского внушения изъявил согласие принять магометанскую веру. Услыша согласие, Баш-ага тотчас доложил султанше, а та в свою очередь известила царя и несчастного отверженца немедленно приобщила к мусульманской вере, совершив над ним гнусное обрезание; потом, одев в придворное платье, приставила к нему учителя для обучения турецкой грамоте. По случаю этого события во дворце в этот день было великое торжество, а Баш-ага в довершение общей радости усыновил его и поместил в число придворных служителей.

Но, однако, это веселье недолго продолжалось: злобный и дерзкий похититель недолго держал в когтях словесную овцу Христову, которую обольстительным образом исторг из стада. Человеколюбец Бог, близкий всем ищущим и обращающимся к Нему и всегда готовый подать руку помощи Его призывающим, и сему отверженнику явил Свою милость. Чрез три дня, когда он пришел в себя, тьма и обаяние начали исчезать от воссиявшего в его сердце луча благодати Божией, и он, познав свое заблуждение, стал раскаиваться и положил твердое намерение бежать из дворца, который отселе стал его тюрьмою. Чрез двенадцать дней Иоанн навсегда оставил дворец и, придя к прежнему своему духовнику, иеромонаху Симеону, жившему в Бебеки (местность в Константинополе), вошел в его комнату и радостно его приветствовал. Но духовник, не узнавая его, спросил, кто он и что ему надобно.

– Я твой духовный сын, – отвечал Иоанн.

– Почему же на тебе турецкая, а не христианская одежда?

– О отче! За этим-то я и пришел к тебе, чтобы очистить себя от этой скверной одежды. – Потом начал рассказывать ему все с ним случившееся, прося его мудрого совета и помощи, для спасения себя от могущих быть за ним поисков.

Слыша искреннее раскаяние Иоанна, духовник поскорбел вместе с ним о его падении, потом оставил его в своем доме, а сам пошел к соседу – русскому купцу, духовному своему сыну, посоветоваться с ним о дальнейшей участи Иоанна. Купец, как истинный христианин, порадовался обращению отверженника и сказал духовнику, чтобы он привел его к нему, так как он намерен отправить Иоанна в Россию. И действительно, чрез два дня Иоанна переодели в русское платье и отправили в Крым.

Пробыв в Крыму 10 месяцев, Иоанн во все это время не обрел душевного покоя, его сердце тосковало и приходило в трепет при мысли об отречении от Христа, а потому для примирения со своей совестью и Богом он решился возвратиться в Константинополь и там вступить в мученический подвиг.

Прибыв в Константинополь, Иоанн пришел к духовнику, иеромонаху Симеону, рассказал ему, что во все время пребывания в Крыму он не мог примирить себя с Богом и что тайная мысль подсказывает и преследует его исповедать пред турками христианскую веру и очистить свое падение своей кровью, приняв мученическую кончину. Но благорассудительный духовник посоветовал ему не вдруг вступать в такой страшный подвиг, а сперва отправиться на святую Афонскую Гору и там среди великих старцев приготовить себя к страданию за Христа. Иоанн послушался доброго совета и вскоре отправился на Святую Гору, и поселился в Иверском монастыре, где открыл иверским старцам как о себе, так и о своем падении. Старцы, с соболезнованием выслушав Иоанна, посоветовали ему поступить в Предтеченский скит под руководство духовника, Сергия, но Сергий не принял его к себе, а послал в скит Святой Анны к иеромонаху Виссариону, который, год тому назад, сопутствовал в Митилин на подвиг мучения преподобномученику Луке.

Придя в скит Святой Анны, Иоанн сперва обратился к духовнику Мефодию, рассказав которому все с ним случившееся несчастье, просил его походатайствовать, чтобы иеромонах Виссарион принял его в число своей братии.

Виссарион, быть может желая испытать Иоанна, с благим ли намерением он желает поступить к нему в ученики, сначала отказал ему, так что и просьбы духовника Мефодия не подействовали на старца. Иоанн же, во все это время стоя пред ним как осужденный, горькие проливал слезы, которые наконец смягчили Виссариона, и он согласился принять его к себе, но только с тем, чтоб об этом никто не знал из посторонних.

Принявши под свое руководство Иоанна, Виссарион повел его к подвижничеству трудными и скорбными путями, а чрез несколько времени для большего безмолвия заключил его на сорок дней в одной келье запустелого скита святого Василия Великого, назначив ему правило для псалмопения и молитвы. Но ненавистник добра диавол, желая воспрепятствовать начатой добродетельной жизни подвижника Христова, начал наводить на него страхования, особенно ночью; мечтания вражеские увеличились настолько, что Иоанн не в состоянии был более переносить их и на двенадцатый день ночью бежал из своего затвора, и возвратился к старцу, смиренно прося у него прощения за неисполнении его воли, и умолял, чтобы Виссарион дал ему келью подле себя, на что старец согласился. Поместив его в келье близ себя, он назначил ему продолжать то же самое правило, которое он проходил в келье скита Василия Великого, а в пищу употреблять хлеб и воду.

Спустя несколько времени Иоанн стал просить Виссариона постричь его в ангельский образ, на что старец согласился и постриг его в монашество с именем Илариона. По принятии иноческого образа Иларион усугубил и подвиги, ревнуя во всем подвижникам Христовым, прежде до него бывшим, и приходил от силы в силу, укрепляя свою душу постом, бдением и молитвой.

Однажды, читая новый мартиролог, Иларион сильно воспламенился духом и у него родилось непреодолимое желание пострадать за Христа, на что и просил он благословения у Виссариона. Но старец возбранил ему, а советовал хорошенько испытать себя, сказав, что, быть может, родившееся у него желание произошло по внушению диавола, желающего смутить его душу и, отторгнув от руководства духовного отца, ввергнуть в своеволие. Но Иларион еще убедительнее стал просить и умолять старца благословить его на мученический подвиг и оставался в своем намерении и решимости непоколебимым. Старец хотя и видел, что это желание произошло у него от благодати Божией, но, не доверяя себе, посоветовался с духовником Мефодием и со своим старцем Иоасафом, которые единогласно начали убеждать Илариона оставить свое намерение и в

безмолвии устраивать свое спасение, но Иларион со слезами начал их просить отпустить его на страдальческий подвиг. Видя твердость мысли, старцы решились преподать Илариону благословение на великий и страшный подвиг пострадать за исповедание имени Иисуса Христа.

Слыша соизволение опытных мужей, Иларион обрадовался и, упав к ногам Виссариона, стал просить его, чтобы он сопутствовал ему на мучение, подобно тому, как он сопутствовал преподобномученику Луке. Но Виссарион начал отклонять от себя его просьбу, ссылаясь на то, что Лука был настолько юн – всего лишь шестнадцати лет – что имел нужду в сопутствии и подкреплении. «А тебе, – говорил он, – двадцать шесть лет и ты в совершенном возрасте, а потому мое сопутствие будет излишнее, дух же мой и моя грешная о тебе молитва неразлучны будут с тобой».

Иларион, слыша отказ старца быть ему спутником и утешителем на пути мученичества, горько залился слезами, которые привели всех в умиление, так что старцы, Мефодий и Иоасаф, стали просить Виссариона исполнить желание Иоанна. Тронутый просьбою старцев, Виссарион согласился и вскоре стал приготовляться в путь. В это время на Афоне был бывший вселенский патриарх Григорий, которому Виссарион объявил тайно о своем деле. Святитель порадовался его доброму произволению, вознес о мученике святительскую молитву и, снабдив Виссариона рекомендательными письмами к одному своему другу, преподал ему благословение в путь.

10 сентября Виссарион с Иларионом оставили Святую Гору и, будучи управляемы рукою Вседержителя, 16 дня того же месяца, в пятницу, прибыли благополучно в Константинополь. На другой день старец приобщил Илариона запасными святыми Христовыми Таинами, которые взял с собою и хранил при себе в дароносице. Ночь с субботы на воскресенье провели они в бдении и молитве. В ночь сию совершаемо было бдение за старца Виссариона и за святого мученика и в скиту св. Анны, так как Иларион, отправляясь в Константинополь, просил, чтобы в следующее воскресенье совершили о них бдение, а потом во всю седмицу каждодневно отправлялось бы в храме Божием молебствие, дабы Господь помог благополучно подвигом добрым подвизаться, веру соблюсти и течение совершить с благим концом.

Для укрепления мученика Господь открыл ему во сне все то, что с ним должно случиться. Поутру Иларион рассказал старцу о сне и указал место, где ему отсекут голову, потом предсказал, что тело его из-под власти турок христиане выкупят и что старец сам своими руками погребет его, – все это действительно и исполнилось, как увидим о сем ниже.

В воскресенье старец еще раз приобщил Илариона святых Таин, потом одел его в турецкую одежду и проводил до дворца, в котором Иларион ранее отвергся Христа.

Придя во дворец, мученик явился к Баш-аге и, показывая вид как будто бы он обрадовался, видя усыновившего его отца, поцеловал его руку. Баш-ага, увидев Илариона, начал расспрашивать, где он столько времени пропадал (шестнадцать месяцев) и почему он теперь не в придворной одежде, в которой был до этого.

– Я ездил в Россию, – отвечал мученик, – а так как на путевые расходы не хватило у меня денег, то я оную продал и купил себе попроще. – Потом вдруг переменил разговор и тихим голосом начал говорить аге: «Не скрою от тебя, господин мой, зачем я пришел сюда, дело вот в чем: сделавшись турком, я только и наслаждался покоем три дня, но после этого, когда обман обнаружился предо мною во всей своей наготе и я пришел в сознание, то сильно начал раскаиваться в моем заблуждении, а чрез двенадцать дней

убежал из этого дворца и уехал на корабле в Россию. Много пролил я слез, много тосковала моя душа, не находя мира и той святости, которые были прежде, а так как я убедился, что ваша вера есть не что иное, как прелесть и обман, а христианская – истинная и спасительная, поэтому, оставив заблуждение и опять сделавшись христианином, я проклинаю вашу веру со всею вашей мнимой святыней и обрядами.

Слыша столь оскорбительные слова, ага хотел остановить мученика от дальнейшего разговора, но Иларион просил его благодушно выслушать до конца и, между прочим, продолжал: «Много получил я от тебя благодеяний, не исключая и того, что ты сделал меня своим сыном и приблизил к царю. Не желая остаться неблагодарным за твои милости и внимание, умоляю тебя, послушай моего совета: пойдем в Россию, где ты примешь христианскую веру и спасешь свою душу для жизни вечной, а я неотлучно буду пребывать с тобою и служить тебе, как отцу, до самой моей смерти. Лучше этой благодарности я не нахожу другой, которая бы ее превосходила».

Выслушав Илариона, Баш-ага пришел в ярость и начал бить его чубуком до тех пор, пока оный не изломался в куски; при этой тревоге на шум собрались многие из придворных служителей. Но мученик, благодушно вытерпев побои, с кротостью отвечал своему мучителю:

– Такую ли ты воздаешь мне благодарность за то, что я тебе посоветовал оставить тьму и прийти к истинному свету? Вместо того, чтобы воздать мне справедливую благодарность, ты немилостиво начал бить меня!

Баш-ага, от ярости и почти не веря своим глазам, что на самом деле все это происходит в действительности, спросил мученика:

– Что это, несчастный, сделалось с тобой?

– Да, действительно, со мною сделалось чудо, что Тот, Которого я пред тобою отвергся, по человеколюбию Своему опять принял меня в Свое наследие. Божественная Его благодать коснулась моего сердца, и я теперь проклинаю вашу веру со всеми вашими обрядами; говоря это, он сбросил с головы повязку, начал попирать ее ногами, а на голову надел иноческую скуфью, которую прятал за пазухой.

Видя все это, ага кипел яростью; при этом желая во что бы то ни стало уговорить мученика отвергнуться Христа, начал его ласкать, уговаривать и обещал исходатайствовать великие почести, но страдалец остался непоколебим на все лестные его обещания. Не получив от мученика согласия и видя его непреклонным на все обещания, ага отослал его к адъютанту султанши, пред которым святой мученик не только не отвергся Христа, но еще стал уговаривать и его принять христианскую веру.

После этого отослали мученика к Бостанжи-паше, начальнику дворцовой стражи, который начал склонять страстотерпца Христова к отречению от христианской веры сперва ласками и разными обещаниями, но видя во всем себя побежденным, приказал его мучить. Мучение состояло в растяжении суставов и ломании членов, но мученик, имея в своих страшных муках Помощника, укрепляющего его, Христа, мужественно и терпеливо переносил все эти страдания. После этого тяжкого мучения отправили его к Капти-паше, который страдальца Христова подверг три раза наказанию, так называемой *фаланге* [246], а после оного, забив ноги в колоды, бросил в мрачную темницу. Находясь в темнице, Христов мученик сподобился причаститься святых Таин, которые были переданы наблюдавшим за ним старцем чрез одного благочестивого христианина.

На третий день, во вторник, когда в Порте был государственный совет, тогда в оный представили и мученика, как подсудимого, требующего строгого наказания.

Как только святой мученик вошел в присутствие, то не выжидая, пока его спросят, обратился к судьям и сказал:

– Прошу, господа судьи, выслушать меня: всего только третий день, как я приехал в Константинополь, чтобы достойным образом отблагодарить своего благодетеля, Баш-агу, за его обо мне покровительство, и предложил ему вместе со мною ехать в Россию, чтобы там он принял христианскую веру, но он оказался настолько неблагодарным, что за все это не только сам избил меня, но даже выдал меня немилосердным мучителям, от которых я принял столько мучений.

– Кто ты? – спросил его председатель.

– Христианин, – отвечал мученик.

– Читай салавати (т.е. исповедание веры мусульманской), – грозно заметили ему другие.

– Да будет проклята ваша мусульманская вера, – громко и безбоязненно сказал святой Иларион, – делайте со мною что хотите, – режьте, строгайте мое тело, но ничто не может меня отвратить от любви и веры в Господа моего Иисуса Христа.

– Несчастный! Давно ли ты сам добровольно исповедовал нашу веру; тебя никто к оной не принуждал; ты сам добровольно принял ее, а теперь отрекаешься.

– Да, действительно, я это сделал, но сделал по своему неразумию, по стесненным обстоятельствам; главный же виновник всему тому злу – диавол, который обольстил меня чрез своих служителей, но когда я увидел и познал истину и свое заблуждение, оставил тьму и пришел к свету. А потому советую и вам оставить ваше заблуждение и ложного пророка Магомета, уверовать в Искупителя нашего Иисуса Христа и наследовать Царство Небесное и жизнь вечную.

Судьи, видя непоколебимость мученика, осудили отсечь ему голову, что в тот же день был и исполнено.

Когда привели святого мученика на место казни, на то самое, о котором предсказал он своему старцу, страдалец Христов преклонил колена и простер шею к усечению. Тяжелый меч палача опустился, и мученическая глава отделилась от тела, изъязвленного тяжкими побоями, а святые уста шевелились, читая символ православной веры – так, как было ему заповедано иеромонахом Виссарионом, чтобы он в то самое время, когда преклонит под меч голову, читал исповедание веры. Таким образом совершилась мученическая кончина святого Илариона, 20 сентября 1804 года, во вторник в 6?м часу пополудни, а святая его душа ныне радуется в лике пострадавших за исповедание имени Иисуса Христа.

Как только обезглавлен был преподобномученик Иларион, тотчас дано было известие одним христианином Николаем, тщательно наблюдавшим за ходом всего дела, иеромонаху Виссариону, который немедленно и с великой радостью пошел на место казни видеть мощи святого мученика, ученика своего. Отсюда он отправился в патриархию и обратился к протосинкелу Иоаннikию с просьбою, чтобы он своим убедительным словом подвигнул христиан выкупить у турецкой стражи святые мощи мученика, так как уже носились слухи, что турки по истечении узаконенного срока (трех дней) решили мощи

мученика сжечь или бросить в море. Протосинкел, выслушав старца, прославил Бога, укрепившего святого страстотерпца, охотно согласился исполнить его желание и немедленно известил о сем некоторых благоговейных христиан, которые и выкупили святое тело из рук алчной стражи.

Получив многострадальное тело преподобномученика Илариона, старец Виссарион честно и с псалмопением совершил погребение оного на острове Проти, в церкви Преображения Господня, подле мученика Димитрия Хиосского, который назад тому три года пострадал за имя Христово. Исподнее же платье и часть волос с головы преподобномученика Илариона благочестивые христиане разделили между собою в освящение.

Но судьбам Божиим благоугодно было тотчас же прославить мощи мученика чудесами, так как Господь говорит в Священном Писании: *прославляющии Мя прославлю* (1 Цар. 2, 30); посему и Своего угодника начал прославлять чудесами.

Так, все три дня, в которые тело мученика оставалось на поверхности земли непогребенным, не только не потерпело оно разрушения от действия воздуха, но оставалось невредимо, бело и не издавало запаха тления. Один христианин, прибывший по усердию из Константинополя на о. Проти на погребение тела мученика Христова, издавна страдал хронической болезнью, но, движимый чувством благоговения и усердия к святому – хотя и с большим трудом – пришел поклониться угоднику Божию, за что и не остался без награждения, ибо как только облобызал святые мощи, тотчас сделался здоровым, как будто бы никогда и не был больным.

Один благочестивый константинопольский христианин, Константин, питая глубокое уважение к старцу Виссариону, попросил его к себе в дом для благословения его семейства. Старец исполнил просьбу, пришел в его дом и, когда подошла под благословение младшая его дочь Александра, восьми лет, имевшая в себе сокровенного беса, Виссарион поднял руку для благословения. В этот момент бес сотряс несчастную, бросил оземь, потом изо рта начала точиться пена, и она сделалась как мертвая. Жалкое было зрелище! Юное существо, лишь только еще вступило в жизнь, уже было похищено душегубцем, который основал в ней себе жилище. Подошедши к несчастной, Виссарион перекрестил больную одеждой с власами святого мученика Илариона и вместе с тем сказал: «Святой Иларионе, помози мне в час сей!» – И еще старец не успел кончить изображения на ней крестного знамения, девица изблевала часть крови и восстала с земли совершенно здоровою. Отец, видя дочь свою здоровой, прославил святого мученика и с тех пор ежегодно праздновал с верою и благоговением память преподобномученика Илариона. Вскоре после этого чуда иеромонах Виссарион отправился на Святую Гору, куда при помощи Божией чрез два дня прибыл благополучно.

По прошествии более года Господь Бог, прославляемый чрез святых Своих, благоволил еще совершить чудо чрез святого Илариона. Так, у помянутого Константина был друг, у которого заболело дитя; болезнь приняла быстрое течение, так что врачи приговорили его к смерти, не находя никаких вещественных средств к уврачеванию лютой болезни. Узнал об этом Константин и, взяв хранимые у него частицы крови и волос преподобномученика Илариона, пришел в дом своего друга, возложил на дитя эту святыню, и умирающее дитя тотчас зашевелилось, обнаруживая этим признаки жизни, а вскоре совершенно выздоровело. Молитвами и предстательством святого преподобномученика Илариона да сподобимся и мы получить Царство Небесное от Христа и Бога, Которому подобает честь и слава, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

22 СЕНТЯБРЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Космы, отшельника Зографского[247]

Преподобный Косма был болгарин, благородного происхождения, и родился по извещению свыше. По достижении совершенных лет возраста, когда, при благочестивом воспитании, он хорошо изучил греческий и болгарский языки, родители хотели женить его, но Косма, в пламенном желании иноческого образа, тайно удалился от них на святую Афонскую Гору. Чтоб в самоотвержении положить благочестивому юноше преграду и уничтожить прекрасные его намерения, диавол мечтательно представил ему обширный пролив, отделявший со всех сторон Святую Гору от материка, в то время, как святой Косма уже достиг афонской границы. Не понимая, каким образом иноки могут иметь сообщение с миром в отношении жизненных припасов и как от одного берега переплывают на другой без необходимой для того ладьи или судна общественного, святой Косма, без пособий со стороны человеческой для достижения Святой Горы, обратился к Богу и начал молиться так:

– Господи Иисусе Христе! Ради Всенепорочной Твоей Матери открой мне путь, по которому желающие пустынной жизни на Святой Горе приходят к ней.

Едва только он таким образом помолился, мечтание демонское тотчас исчезло и вместо моря открылся ему сухой путь. Святой Косма, узнав, что испытал козни сатанинские, – благодарил Бога и Пречистую Его Матерь. После сего он весело ступил на Святую Гору и безпрепятственно прибыл в Зографскую обитель. Здесь, тронутый приветливостью иночествующей братии и строгостью их жизни, он решился остаться и был принят с любовью. С тех пор протекло довольно времени; послушный во всем Косма ревностно проходил возлагаемые на него обязанности, и наконец, удостоенный ангельского образа, был определен в число экклесиархов. Первые лета афонской его жизни замечательные тем, что Божия Матерь благоволила видимо открыть ему Свою заботливость о Святой Горе. Это было на праздник Благовещения, который совершается в Ватопеде. В числе прочей зографской братии на празднике был и Косма и видел в церкви жену царственной красоты и величия, которая сама распоряжалась всем – и в церкви за службою, и в трапезе. Видя жену среди множества иноков и замечая притом, что все находилось в самовластном ее распоряжении, юный пришлец крайне огорчился. В смущении возвратился он к старцу своему, в Зограф, и на вопрос, отчего он так грустен, рассказал ему свое видение в Ватопеде. «Какого вида эта жена? Какое одеяние на ней? – спросил старец; и когда Косма описал незнакомку, то со вздохом заметил, – и ты не узнал, что за Жена являлась тебе в обители, которая посвящена Божественной Марии? Ты видел Царицу нашей Горы и всея твари!» Услышав это, Косма благодарил Небесную Владычицу, удостоившую его таковового Своего явления.

После того, по прошествии некоторого времени, он рукоположен был в диакона, а потом удостоен и пресвитерства, что было для него новым побуждением к большим подвигам и к безусловному исполнению священного своего долга и прочих послушаний монастырских.

Как-то раз, оставшись один в церкви, святой Косма молитвенно обратился к святой иконе Пресвятой Богородицы и возопил:

– Пресвятая Богородице! Помолись к Твоему Сыну и Богу, да наставит меня на путь спасения!

Едва произнес он это, как услышал голос Богоматери:

– Сыне и Боже Мой! Научи раба Твоего, как спастись ему.

И был на это ответ:

– Пускай удалится из монастыря на безмолвие.

Вследствие такой воли Божией, по благословению настоятеля, святой Косма удалился в одну из соседственных пустынь и иссек себе пещеру в скале, которая видна из окон монастыря на запад. Как там подвизался святой Косма, видел только Бог, – однако могли заключать отчасти и люди, потому что дивный отшельник, конечно за чистоту жизни и строгие подвиги, наконец получил дар предведения и прозорливости.

Раз к святому Косме пришли два священника Хиландарского монастыря, из любопытства – взглянуть и на него самого, и на самый образ его жизни. Между тем, на пути скрыли они в лесу тыквицу с лозным вином, в намерении взять ее на обратном пути своем к дому, но это не утаилось от отшельника. При расставании с гостями святой Косма заметил им:

– Тыквицу с вином, скрытую вами на пути, разбейте, потому что в вино тайно вползла змея и пустила в него свой яд.

Удивленные таким предведением, хиландарцы сокрушили тыквицу и действительно нашли там гнездившуюся змею. Прославляя Бога за избавление их от смертельного яда, они благодарили и столь дивного своей прозорливостью святого Косму.

Так же точно просветленными в опытах созерцательной жизни очами души своей видел он и действия демонов на пространстве воздушных мытарств, которыми проносились души на небо. Некогда, в Великий четверток, рано утром, он увидел в воздухе борющуюся с демонами душу хиландарского игумена и послал в тот монастырь ученика своего с известием и просьбою, чтоб помолились Богу за почившего. Когда посланный объявил в Хиландаре слова Космы и его видение, старцы того монастыря с недоверчивостью отвечали:

– Мы только что, по отходе утрени, видели нашего игумена, который сейчас хочет служить Литургию, с чего же взял твой старец такую нелепость? Помешанный! Выдает себя за святого!

Впрочем, из любопытства пошли они в келью к игумену, чтоб передать ему слова прельщенного пустынника, и, действительно, увидели, что игумен их скоропостижно скончался.

Близ Есфигменского монастыря, с северо-запада, возвышается гора, называемая Самария. Там уединялся инок Дамиан, между прочим имевший заповедь от своего духовного старца – «никогда не оставаться на ночь и не спать в чужой келье». Случилось, что по собственной какой-то надобности он отправился к соседнему брату, и так как тот был в отсутствии, то Дамиан должен был дожидаться его до самого вечера. Наконец, является брат, и Дамиан, исполнив свою надобность, заторопился на ночь в свою пустынную келью. Напрасно друг его просил остаться у него на ночь, представляя ему опасность ночного пути и начинавшегося дождя. Дамиан, верный старческой заповеди, остался непреклонен. Опасения его друга не прошли даром. Дамиан, по причине чрезвычайной

темноты и проливного дождя, действительно сбился с дороги и не знал, где он находится, куда идет. В этой крайности воззвал он к Господу: «Господи! Спаси меня, я погибаю!» – и вдруг видит, что он стоит у своей кельи. Пораженный таким чудом, он немедленно отправился к преподобному и рассказал о случившемся с ним.

– Брат, храни заповедь старческую, – заметил тогда святой Косма, – и Бог сохранит тебя от смерти.

Однажды преподобный сильно заболел, и в болезни, по человеческой немощи, ему крайне захотелось рыбы. Что же? Бог, питавший Илию чрез вранов, утешил и святого Косму отеческим Своим промышлением. Святой Косма вдруг видит пустынного орла, который, спустившись с высоты, положил у его пещеры свежую рыбу. А надобно сказать, что в соседственной пустыни, близ святого Космы, подвизался духовный старец Христофор, который, приготовляя для собственной трапезы доставленную ему рыбу, мыл ее в воде, но во время самого мытья налетел орел, восхитил из рук его рыбу и скрылся с нею из виду. Тогда как святой Косма, поблагодарив Бога за чудесное о нем попечение, приготовил для себя рыбу и только что хотел было есть, вдруг доносится до него таинственный голос:

– Оставь часть и приготовленной рыбы для Христофора, потому что это – его собственность.

На следующий день Христофор действительно является к святому, и едва только сотворил молитву пред его пещерной дверью, преподобный сказал ему:

– Добро пожаловать, отец, я ожидал тебя, и часть рыбы, тобою приготовленной, оставлена для подкрепления постнических твоих сил.

Когда Косма рассказал Христофору, каким образом Бог даровал ему рыбу, и когда взаимно Христофор поведал ему о хищничестве орла, они возвеселились духовно и прославили Бога, так дивно пекущегося о них.

Предсмертные дни святого Космы были для него последним и самым тяжелым из всех земных искусов, потому что сатана, попущением Божиим, окружил его своим полчищем и до такой степени избил и изранил, что страдалец едва мог прийти в себя. Впрочем, и в самом страдальческом своем положении отшельник имел утешение и залоги будущего блаженства: незадолго пред тем являлся ему Сам Господь, предсказав то, что с ним сделает сатана и, между прочим, обещал ему за то венец Своего Царствия. И это явление ему Господа он передал своему другу, соседственному пустыннику Христофору. Христофор, придя раз к его пещере, слышит, что кто-то беседует с ним. Когда кончилась беседа святого Космы с таинственным посетителем, Христофор с обычной молитвою постучал в дверь. Отворилась пещерная дверь, и друзья взаимно приветствовали друг друга, вошли в пещеру и, помолившись, сели. Христофор, не видя никого у преподобного, спросил его, с кем он разговаривал. По некотором раздумье святой Косма, побуждаемый чувством дружеского расположения к старцу и не имея возможности скрыть от него посещение Господне, смиренно отвечал:

– Меня посетил Христос, Бог наш, и между прочим, подкрепляя немощь мою, известил, что, по Его попущению и по тайным судьбам спасения, ведомым Ему единому, нападет на меня сатана со своими полчищами, измучит мою грешную плоть, и это будет предвестием и залогом скорого моего отшествия в наследие Царствия Его. Для этого, собственно, ты и послан ко мне. Итак, мы теперь расстанемся, потому что я чувствую необходимость в уединении и тишине, а в такой-то день ты навести меня.

Тронутый этим извещением, Христофор печально удалился от преподобного Космы в ожидании назначенного дня, когда ему будет можно посетить его. Когда же наступило то время, старец Христофор приходит к святому Косме и находит его полумертвым. На вопрос, что это значит, святой Косма отвечал:

– С вечера на нынешний день явился сюда сатана со множеством демонов и, дыша злобою и неистовством, рыкая от зависти и неудач, грозно вопиял к полчищам своим: «Беспечные и немощные! И до сего времени никто из вас не мог низложить и сокрушить этого врага моей державы и силы! Так ли поступают с низложителем нашим, столь многократно и постоянно побеждавшим и посрамлявшим нас?» Неистовствуя таким образом, сатана напал на меня и избил меня чрезвычайно, как видишь по оставшимся на теле моем ранам.

Но недолго страдал божественный Косма. На третий день после сатанинских побоев, приобщившись пречистых Таин, он в славословии и с молитвою на устах мирно предал Господу дух свой, 22 сентября 1323 года от Рождества Христова.

Когда по окрестным пустыням и по обителям соседственным разнеслась весть о кончине Космы, для погребения священных останков его собралось множество отцов и братий. В то же время Бог, прославляющий славящих Его, чудным образом прославил по смерти и преподобного Космy. Когда совершалось погребение преподобного, к пещере его стеклись пустынные звери, со всех сторон слетелись пернатые птицы – и все эти безсловесные творения, как будто бы понимавшие общую потерю Святой Горы, молча окружали отпеваемого праведника, не сводя с него очей своих, а когда тело опустили в могилу и стали засыпать землею, каждое из животных издало печальный свой голос, и, по отдании столь дивной почести угоднику Божию, рассыпались они по пустынным местам своим. Потом, когда протекло сорокадневное поминовение по усопшем праведнике, зографские братия собрались в его пещеру, совершили там всенощное бдение и решились открыть святые останки, чтоб перенесть их с честью в обитель, но останков не нашлось. Что сделалось с ними, никто не знает доныне; это ведает только Бог, царствующий над всеми и во всех во веки веков. Аминь.

Память двадцати шести святых преподобномучеников Зографских

Святые преподобномученики зографские: игумен Фома и с ним иноки: Варсонофий, Кирилл, Михей, Симон, Иларион, Иаков, Иов, Киприан, Савва, Иаков, Мартиниан, Косма, Сергий, Мина, Иосиф, Иоанникий, Павел, Антоний, Евфимий, Дометиан, Парфений и четыре мирских, имена которых неизвестны, – пострадали от папистов, разорявших святую Афонскую Гору в царствование Михаила Палеолога (1260–1282 г.) За дерзновенное обличение латиномудрствующих в ереси святые были сожжены в пирге (башне). Память их совершается 22 сентября[248]. Но в Зографе празднуют им октября 10-го, в день их мученичества. Подробное сказание о подвиге святых преподобномучеников помещено нами далее, под 10 октября, в «Повести о нашествии папистов на Святую Гору». Кроме того, общая память св. новомучеников празднуется на Святой Горе в неделю 2-ю по неделе Всех Святых.

1 ОКТЯБРЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Иоанна Кукузеля[249]

Иоанн Кукузель[250] родился в Диррахии. В детстве, оставшись сиротою, он поступил в придворную константинопольскую школу, где, по чрезвычайно нежному голосу, по миловидности и отличным дарованиям, обратил на себя внимание императора (Комнина) и двора его и скоро опередил всех школьных своих товарищей – так что наконец сделался единственным придворным певцом. Юного Иоанна осыпали ласками, лелеяли за трогательное его пение и скромность, но сердце его при всем этом томилось неизъяснимым для него чувством тайной скорби и пренебрежения ко всем удовольствиям жизни. Среди всех очарований двора, среди живительных и сладких надежд в будущем, Иоанн страдал – тем еще более, что не было сердца, которому бы мог он открыть свои томления, которое бы поделилось с ним сочувствием и усладило страдальческую тоску его. Страдания его умножились, когда проведал он, что император думает принудить его ко вступлению в брак. Мысль, что ради временных наслаждений жизни можно потерять радости Царствия Божия, до того тревожила юного Иоанна, что он решился непременно бежать из столицы и скрыться в какой-нибудь отдаленной пустыни. Бог видел чистоту намерений его и Сам благопоспешил исполнению их.

Когда юный девственник стал тяготиться придворной жизнью и придумывал средства избавиться от нее, со святой Горы Афонской прибыл в Константинополь лаврский игумен по монастырским своим делам. Иоанн случайно увидел старца, и юное его сердце затрепетало от радости. Он нежно и детски полюбил святогорского пришельца, сблизился с ним, открыл ему свои мысли и намерения и требовал на них приговора. Когда старец не только одобрил, но и благословил их, Иоанн, вслед почти за ним, скрылся из столицы и в виде странника явился на Святую Гору, у лаврской Порты. На вопрос привратника, кто он, откуда и чего требует, Иоанн отвечал, что он простолюдин, пастух и хочет быть монахом. «Молод еще», – заметил привратник. – «Благо – в юности взять ярем Господень на ся», – отвечал скромно Иоанн и убедительно просил доложить о нем игумену. Привратник доложил про незнакомого пришельца игумену и братии, которые рады были ему, потому что нуждались в пастухе для пустынных козлищ. Иоанн был принят и сопричислен к братству: его постригли и поручили ему пасти на горных пажитях монастырское стадо. Эта должность, сама по себе новая, чрезвычайно обрадовала набожного певца: он погрузился со стадом своим в глубь святогорских пустынь, и любимым его занятием там было богомыслие и молитва.

Между тем, император, узнав о бегстве любимца своего, крайне огорчился и послал в некоторые из отдаленных мест нарочных для отыскания певца, но покрываемый Богом, Иоанн остался в совершенной неизвестности, несмотря на то, что посланные императора были и на Святой Горе, и даже в лавре святого Афанасия. Тихо и спокойно текли дни и годы Иоанна в строгой пустыннической жизни: он не мог нарадоваться новому своему положению. Однажды в трогательном и глубоком раздумье сидел он при своем мирно пасшемся стаде: мысль его переносилась чрез пространство всего минувшего, и сердце трепетало чувством живой признательности к Богу и всепетой Его Матери, за Их промысл о нем. Думая, что никого нет в пустыне и никто не слышит его, Иоанн начал петь, как бывало, Божественные свои гимны, и ангельский его голос далеким эхом переливался и замирал на пустынных высотах Афона мелодическими своими звуками. Долго и в сладости пел умилившийся Иоанн, не видя и не зная, что один пустынник, таившийся близ него в дикой трещине скалы, подслушивал его. Звуки пастушеского пения потрясли сердце строгого пустынника, растрогали до слез и произвели благодатное впечатление на растеплившуюся его душу. Пока пел Иоанн, пустынник не сводил с него глаз своих, не

понимая, откуда взялся в пустыни такой ангельский голос, такой безподобный певец. Изумление пустынника достигло высшей степени, когда он заметил, что самые козлища не паслись под гармоническими звуками пастушеских песен, – что самые животные, притаив дыхание и окружив своего пастуха, неподвижно стояли пред ним и не сводили с него неразумных глаз своих, как будто усыпленные, как будто очарованные ангельским его голосом. Нимало не медля, пустынник отправился в лавру и известил игумена о дивном пастухе и трогательном его пении. Иоанн был вызван из сокровенной пустыни и, нехотя, только заклинаемый именем Божиим, открылся игумену, что он придворный сладкопевец Иоанн. Игумен едва мог узнать в потухающем его взоре и в безжизненных ланитах любимца царева, с которым он сблизился в Константинополе и который тогда был в полном развитии жизни, с пленительным взором и с играющим на щеках румянцем. По слезной просьбе скромного Иоанна настоятель оставил его при прежнем пастушеском послушании; впрочем, боясь императора, на случай, если б донесся до него слух от открытии его любимца, игумен отправился в Константинополь и лично представился государю.

– Помилуй, государь, раба твоего! – воскликнул старец, целуя ноги своего царя, – во имя Бога, желающего всем и каждому из нас спасения, умоляю тебя, выслушай отечески мою просьбу, исполни ее, да и Бог исполнит во благих желания твои!

Тронутый глубоким верноподданическим смирением старца, император поднял его и ласково спросил:

– Чего ты, отец, хочешь от меня?

– Прости меня, государь, если я буду дерзок пред твоим величеством! Просьба моя ничтожна до того, что легко ее исполнить. Тебе это просто и ничего не стоит с твоей стороны, кроме одного твоего слова; между тем, исполнение ее составит утешение и радость самых ангелов и благо моей лавры.

– Чего же ты хочешь? Говори, я все исполню, – ласково промолвил император.

– Царское слово свято, – почтительно заметил игумен, – оно неизменно!

– Так, так, отец! – сказал император, растроганный простотою старца, – чего же ты хочешь?

– Подари нам одного из своих подданных, который ищет вечного своего спасения и молится о державе твоей, – более ничего, – сказал игумен и замолчал.

– Изволь, – весело отвечал император, – кто ж он и где?

– У нас уже, и даже в ангельском образе, – боязненно сказал старец, – имя его – Иоанн Кукузель…

– Кукузель? – с поспешностью сказал император, и слезы невольно выступили из глаз его и скатились на царственную грудь.

Тогда игумен рассказал подробно об Иоанне. Император внимательно слушал и наконец с чувством воскликнул:

– Жаль мне единственного певца! Жаль мне моего Иоанна! Но если он уже постригся – нечего делать! Спасение души дороже всего: пусть молится о спасении моем и царства моего.

Старец благодарил Господа и милостивого своего государя и весело воротился в свою лавру. С той поры Иоанн остался спокоен – выстроил себе келью с церковью во имя Архангелов и, уединяясь там шесть дней, в воскресенье и другие праздники приходил в собор, становился на правый клирос и умилительно пел в числе других певцов. Раз таким образом, пропев в субботу акафист, после бдения, он сел в форму – так называются братские седалища – напротив иконы Богоматери, пред которой читался акафист, и тонкий сон упокоил утомившиеся его чувства.

– Радуйся, Иоанн! – вдруг произнес кроткий голос.

Иоанн смотрит… В сиянии небесного света стояла пред ним Богоматерь.

– Пой и не переставай петь, – продолжала Она, – Я за это не оставлю тебя.

При этих словах Богоматерь положила в руку Иоанна червонец и стала невидима. Потрясенный чувством невыразимой радости, Иоанн проснулся и видит, что действительно в правой его руке лежит червонец (златница). Слезы искренней признательности потекли из очей певца: он заплакал и благословил неизреченную милость и благословение к нему Царицы Небесной. Червонец был привешен к Богоматерней иконе, пред которою пел Иоанн и удостоился явления небесного, и поразительные чудеса совершались от иконы и от самой златницы. С тех пор Иоанн усерднее прежнего начал проходить клиросное свое послушание, но сколько от тайных келейных подвигов, столько же и от долгих стояний в церкви ноги его отекли, открылись на них раны и закипели червями. Недолго, впрочем, страдал Иоанн. Ему, как и прежде, в тонком сне, явилась Богоматерь и тихо произнесла:

– Будь отныне здрав!

Раны исчезли, и признательный Иоанн остаток дней своих провел в изумительных подвигах созерцательной жизни и до такой степени просветился духом, что удостоился провидеть час и день своей кончины. Умилительно простился он с собравшейся к нему братией и, заповедав похоронить свое тело в Архангельской, созданной им, церкви, с райской улыбкой на молитвенных устах отошел ко Господу, и теперь на небесах купно с ликами ангельскими, устами уже не земными и тленными, немолчно славит Присноославимого, – Ему же и от нас да будет честь и слава, и благодарение, во веки веков. Аминь.

Память преподобного Григория, доместика великой церкви[251]

В лавре святого Афанасия просиял также высоким своим житием и благоговейнейший певец и доместик, преподобный Григорий. Он особенно известен по следующем славному, чудесному событию, которому удостоился быть причастным. – Святейший вселенский патриарх Каллист 1-й (см. о нем 20 июня), во дни игуменства в лавре преподобнейшего Иакова Прикана[252], определил на Литургии Василия Великого, во время диптихов (на задостойнике), петь: «О Тебе радуется», но преемник его, святейший Филофей, отменил постановление своего предшественника, повелев петь: «Достойно

есть», как кратчайшее. От этого в церкви родилось некоторое недоумение. Раз, накануне Светов (Богоявления), Григорий Александрийский[253] повелел сему доместику Григорию петь: «о Тебе радуется», но державшиеся стороны Филофея[254] противились сему: однако ж Григорий Александрийский настоял, и доместик пропел: «о Тебе радуется»… После бдения, совершавшегося на сей великий праздник, легкий сон на несколько времени смежил очи утомившегося певца Григория, и – о, чудо! – он видит пред собою Владычицу мира, Которая говорит ему: «приими воздаяние за твое пение, доместиче! – много благодарю тебя за твою песнь в честь Мою». Сказав это, Она дала ему златницу, которая тогда же была повешена на святой иконе Богородицы, в сей святой лавре. С этого времени Церковь определила – на Литургиях Василия Великого и на навечериях петь: «о Тебе радуется»[255].

2 ОКТЯБРЯ

Страдание святого мученика Георгия[256]

Блаженный Георгий был родом из Филадельфии, сын христианских родителей. Пришедши в возраст, он удалился из своего отечества и поселился в Карачасу – одном местечке епархии Илиопольской. Здесь, ослепившись вихрем мирской суеты, принял он исламизм, но спустя немного дней после несчастного признания лжи истиною, тьмы светом, отрезвился от умного ослепления, живо почувствовал тяжесть своего преступления, горько о нем плакал и искал средств к своему исправлению. Почему, улучив удобное время, он удалился оттуда, прибыл на Святую Гору, исповедал там одному духовнику свой грех, исполнил назначенный им канон и, по исполнении его, был помазан священным миром. Привившись таким образом к духовной маслине – Христу, он довольно лет всячески подвизался для умилостивления Бога, прогневанного великим его преступлением отречения; однако душа его никогда не имела в себе полного мира. Размышляя о словах Господа: *иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех* (Мф. 10, 33), блаженный не находил никакого другого средства загладить свое отречение от Христа, кроме исповедания Его пред теми, пред которыми отрекся Его, и кроме пролияния за Него крови своей; размышляя же о сем, воспламенился наконец непременным желанием мученичества. Объявив об этом намерении своему духовнику и некоторым другим духовным отцам и найдя их согласными со своим желанием, он раздал все, какое было у него имение, отцам в милостыню, прося и молитв, столь нужных ему для предстоящего великого подвига, и, оставив Святую Гору, прибыл в Карачасу. Турки, увидев его здесь, узнали и, тотчас же схватив его, привели к судье и свидетельствовали, что этот человек в такое-то время отрекся Христа и сделался турком, а теперь, явившись сюда, ходит в христианских одеждах. «Правда ли это?» – спросил судья Георгия. – «Совершенная правда, – с великим дерзновением отвечал мученик Христов, – я действительно тот хаджи-Георгий, который в такое-то время по безумию своему отрекся своей веры и принял вашу, но, сходив в разные места, я хорошо понял, что вера ваша ложная, и потому теперь пришел сюда за тем, чтобы отдать вам ее назад. Велик мой грех, что я оставил первую мою веру, которая есть чистое неподдельное золото, и принял вашу – этот ничтожный металл. Итак, исповедую пред вами, что я снова христианин, именуюсь Георгием и за любовь ко Христу готов излить всю мою кровь. Теперь делай со мною что хочешь». – Судья, чтобы переменить мысль его, употребил все средства, но мученик стоял в вере Христовой твердо и непоколебимо. Видя эту непреклонность его мысли, судья велел слугам своим ввергнуть страстотерпца в темницу и мучить его там до тех пор, пока отвратят его от христианства. Получив такое нечестивое повеление, слуги устремились на страдальца Христова, как неукротимые звери

и, ввергнув его в темницу, 8 дней мучили лютейшими муками: они – диавольские слуги – растянули его ноги в дереве до того, что так называемые пахи едва не разрывались, затем принесли металлическую, сильно раскаленную чашку и надели ее на голову ему, как скуфью; потом обвили веревкой голову его и стянули ее так сильно, что белки глаз его выступили из своих мест. Но мужественный воин Христов, от таковых безчеловечных мук полумертвый, взывал:

– Если и еще что сделаете мне, не отрекусь веры своей: христианином родился, христианином живу, христианином и умру.

Итак, нечестивцы, будучи не в силах привести его к своему нечестию, возвестили о том судье, и он тогда же подписал мученику смертный приговор, по которому палачи, взяв его из темницы, привели на место казни и там обезглавили. Это совершилось в 1794 году, 2 октября. Так приял блаженный Георгий венец мученический от подвигоположника Христа Бога нашего, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение со безначальным Его Отцом и пресвятым и благим и животворящим Его Духом во веки веков. Аминь.

5 ОКТЯБРЯ

Обретение святых мощей преподобного отца нашего Евдокима Ватопедского[257]

Хранит Господь вся кости святых Своих (Пс. 33, 21), – так вещает божественный пророк Давид. А сколько чудес творит Всемогущий Бог чрез избранных Своих! Но есть люди, которые не только отвергают всякое чудо, но даже с презрением относятся к тем, которые имеют чистую веру в Бога и в ходатайство святых угодников Его. Эти люди, по словам пророка Исаии, *ослепили глаза свои и окаменили сердце свое, да не видят глазами и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтоб Я исцелил их* (Ис. 6, 10). Между тем, сердце верующего и горящего любовью к памяти святых всегда получает благодатное утешение.

Из нижеприведенного события, бывшего в Ватопедском монастыре, каждый должен убедиться, что действительно Бог чудодействовал и чудодействует чрез святых Своих.

В сентября месяце 1841 года при епитропе архимандрите Филарете в Ватопедском монастыре производилась поправка обветшавшей братской усыпальницы, в которой хранились кости отшедших на вечный покой отцов и братий. Когда стали разбирать кровлю усыпальницы, то по неосторожности рабочих кровля обрушилась и завалило мусором один угол усыпальницы. Когда стали очищать усыпальницу, то вдруг из мусора разнеслось необыкновенное благоухание, и чем более разрывали мусор, тем сильнее разливалось благоухание. Вслед за тем глазам работников представился человеческий остов, у которого череп был обнажен и ничем не покрыт, прочее же тело обвито хитоном из бумажной материи. При дальнейшем откапывании оказалось, что этот остов находился в коленопреклоненном положении и левым боком прислонен к стене усыпальницы, руки были крестообразно сложены на груди, и под правою находилась небольшая икона Пресвятой Богородицы. Все кости остова плотно соединялись между собою сухими жилами и надкожной плевою. Это произошло в среду, 1 октября.

Об этом открытии тотчас дано было знать архимандриту Филарету и двум иерархам: митрополиту адрианопольскому Григорию и архиепископу смирнскому Хрисанфу, которые в то время находились в Ватопедском монастыре на покое. При виде остова, от

которого исходило благоухание, все пришли в удивление и хранили глубокое молчание. Наконец, архиепископ Хрисанф, обращаясь к митрополиту Григорию и прочим братиям, собравшимся в усыпальнице, сказал:

– Отцы святые и братия, что мы стоим и удивляемся тому, что видим и что обоняем! Внимайте, други, и благоговейте пред десницею Всевышнего, Который и из сухих костей угодника Своего источает неоскудное райское благоухание! Кто другой кроме Бога нашего так помазал их?! От кого другого это Божественное благоухание?! Как могут кости и сгнившее тело сами по себе источать его?! Из Евангелия мы знаем, что Лазарь, пробыв только четыре дня во гробе, издавал зловоние: *смердит,* сказано, *четверодневен бо есть* (Ин. 11, 39). Так и быть должно, ибо самые кости наши, по разрешении от плоти, отдают земле некую дань зловонием, а сии мощи неизвестного нам угодника Божия источают райское благоухание. Из этого не следует ли заключить то, что Дух Божий, как при жизни обитал в сем угоднике, так точно и по смерти не оставил его. Итак, прославим Бога, дивного во святых Своих и почтим святого Его угодника.

После этого мощи святого перенесли в церковь святых Апостолов, находящуюся в усыпальнице, и на другой день архимандрит Филарет собрал старшую братию и с ними стал рассуждать о имени святого, также и о том, как святые сии мощи обрелись в усыпальнице среди множества других костей.

Изыскивая имя святого, все желали наименовать его как-нибудь сообразно с обстоятельствами. Итак, общим мнением решили назвать святого *Евдокимом*[258]. Если же святой угодник Божий считает неприличным прославиться под именем Евдокима, то да благоволит сам объявить свое имя. И таким образом под символическим именем Евдокима и поныне чествуется и ублажается сей угодник Божий. – Касательно же того, каким образом обрелись в усыпальнице мощи святого, были разные мнения, из коих мнение одного из братий, ученого мужа Никифора, было одобрено всеми. Он говорил так:

– Святой угодник Божий предвидел час своей кончины и, никому ничего в монастыре о том не сказав, взял в свои объятия икону Богоматери, и тайно исшедши из обители, вошел в темное место усыпальницы, где думал лучше скрыться. Там он, преклонив колена, сказал: «Господи! В руце Твои предаю дух мой», – и отошел в вечный покой.

Это мнение совершенно сообразно с обстоятельствами: они убеждают, что, действительно, угодник Божий скончался так, как говорит Никифор. Ибо, если бы святой погребен был сначала вне усыпальницы, то неужели в то время, когда его выкапывали из земли и переносили в усыпальницу, никто не ощущал от мощей благоухания! Наконец, если видели его одетым и притом с иконою, неужели бы умолчали о столь необычайном обстоятельстве?

Если же допустить, что святой был положен в темном месте усыпальницы, то для чего с иконою и почему он один положен там, тогда как все усопшие зарываются в землю? В усыпальницу же складываются только одни кости почивших отцов, которые вырываются из земли по прошествии трех лет со дня погребения усопших[259]. Но из всего этого видно глубокое смирение святого, который скрытно проводил добродетельную жизнь, не показывая своих добродетелей пред людьми, а потому пожелал скрыть и свою праведническую кончину. Мало того, он и по смерти не захотел быть почитаемым от людей. Но Всемогущий Бог, пред Которым без награды не остается и чаша холодной воды, поднесенная жаждущему, не восхотел оставить в совершенной неизвестности Своего раба, всю жизнь работавшего Ему со страхом и трепетом, но прославил его и против его воли и явил его добродетельную жизнь на пользу многим. Что же касается до

времени, когда именно святой скончался, то с точностью определить весьма трудно, но если взять во внимание количество костей, лежащих около святых мощей, то надобно предполагать, что немного времени почивали тут мощи святого, так как костей было не слишком много. Между тем, и здание усыпальницы, а равно и одежды святого, судя по материалу и работе, относятся не далее, как к первой половине XVII столетия.

Общим также советом положили совершить и бдение по случаю обретения сих святых мощей и тем воздать славу Богу, явившему Себя нам в этом чуде. Итак, в вечер субботы, 4 октября, мощи святого Евдокима с подобающей честью, благоговением и приличным псалмопением были перенесены в соборную церковь и, после всенощного богослужения и Литургии, с честью помещены в святом алтаре 5 октября в день недельный[260].

Кратко описав обретение святых мощей преподобного Евдокима, мы не должны умолчать и о чудесах его. Из числа многих расскажем здесь только о двух, которые совершились в Ватопеде и которых мы были очевидцами (говорит составитель сказания): у одного монаха, страдавшего чахоткой, болезнь развилась настолько, что врачебные средства уже не имели никакого действия. Вследствие безнадежного своего положения больной обратился с усердной молитвой к преподобному Евдокиму. Когда он окончил молитву и немного забылся сном, вдруг видит подошедшего к нему боголепного и сединами украшенного монаха, который, дав ему малый сосудец, наполненный какой-то врачебной жидкостью, приказывал оную выпить. Когда больной выпил жидкость, явившийся налил ему во второй раз той же самой жидкости. После этого больной обратился к небесному посетителю и сказал:

– Благодарю тебя, отче, за твое усердие и любовь, которую ты оказал мне и напоил жаждущего.

В это время он пробудился от сна и на самом деле почувствовал себя как бы только что сейчас пившим прохладительный напиток, от которого получил совершенное исцеление. Между тем, он вспомнил и о своей молитве к святому, и, приписывая свое исцеление преподобному Евдокиму, бывший больной принес ему достойное благодарение и тотчас рассказал всей ватопедской братии о бывшем чуде. Братия, видя пред своими глазами здравым того, которого назад тому несколько часов обрекли на смерть, прославили Бога и Его святого угодника.

Другое чудо было над ватопедским же монахом Гавриилом, весьма искусным врачом, у которого случилось страдание седалищного нерва. Боль до того была нестерпима, что он не мог ни сидеть, ни повернуться на другой бок, а лежал в постели без всякого движения; при этом были испытаны все врачебные средства, от которых больной не получил облегчения. Видя жестокое страдание больного, братия посоветовали ему обратиться с молитвою к преподобному Евдокиму и попросить его помощи. Больной согласился и сказал:

– Если истинно, что святой Евдоким чудотворец и исцелит меня от жестокой болезни, я для священной его главы устрою серебряную раку.

После этого он погрузился в тонкий сон и видит подошедшего к нему боголепного старца, походившего на образ св. Евфимия Великого, который, коснувшись рукою его бедер, сказал:

– Твоя болезнь нисколько не опасна, а потому будь покоен, она скоро пройдет.

– Что ты, старче, шутишь надо мной, – отвечал Гавриил, – разве не видишь, как я страдаю и нахожусь в безнадежном положении?

– Ну, будь же от сего часа здоров, – сказал явившийся и пошел от больного.

По пробуждении Гавриил увидел себя исцеленным от тяжкой болезни, но не мог понять: во сне ли все это было или наяву, а потому спросил прислуживающего ему брата:

– Откуда тот старец, который сейчас разговаривал со мной?

Когда же прислужник сказал, что он никого не видел и никто в келью не приходил, тогда Гавриил вспомнил, как он обращался с молитвою к преподобному Евдокиму, а равно и о своем обете. А потому немедленно пожелал в знак благодарности святому исполнить данный им обет; для этого вызван был мастер, которому и заказана серебряная рака на главу преподобного. А чтобы не утратилась память сего чудесного исцеления, то на раке вырезали следующие слова: «Устроена сия рака для честной главы преподобного Евдокима монахом Гавриилом, которого сей преподобный исцелил от тяжкой болезни». Молитвами преподобного отца нашего Евдокима, да избавимся и мы все от встречающихся с нами недугов, душевных и телесных, и да наследуем Царствие Небесное. Аминь.

6 ОКТЯБРЯ

Страдание святого преподобномученика Макария Нового[261]

Святой преподобномученик Макарий происходил от бедных родителей-поселян, живших в селении Кион, в Вифинской области, отца по имени Петр, и матери Анфусы. Во святом крещении он назван был Мануилом; когда он достиг отроческих лет, тогда родители отдали его одному ремесленнику-портному, от которого он научился не только этому мастерству, но и христианскому благочестию, так как ремесленник отличался примерной благочестивой жизнью. Таким образом Мануил прожил у своего хозяина ремесленника до 18-летнего возраста. В это время отец его из-за временного благосостояния и довольства к жизни самовольно отрекся от христианской и принял магометанскую веру и, для снискания себе большей чести, оставил свое родное селение Кион и поселился в многолюдном мусульманском городке Бруссе.

Однажды Мануил по поручению своего хозяина пришел в Бруссу за покупкою вещей, относящихся к его ремеслу. В это время встретился на рынке случайно с отцом своим, который, схватив его насильно, повлек в судилище, где заявил, что в то время, когда он принимал магометанскую веру, то и сей сын его обещался будто бы последовать его примеру; почему он и просил судью теперь присоединить сына его к магометанской вере. Мануил, слыша дерзостную клевету своего отца, утверждал, что он не только не давал своему отцу такого обещания, но и в помысле никогда не имел намерения отречься от истинной христианской веры и принять ложную магометанскую Но, однако, сколько несчастный юноша не силился доказать свою правоту и нежелание принять мусульманскую веру, усердные слуги Магомета избили его и насильственным образом совершили над ним обрезание.

Чрез несколько дней после обрезания Мануил скрылся из Бруссы и удалился на св. Афонскую Гору, где, обойдя все монастыри и скиты, он возлюбил скит св. Анны и здесь,

подчинившись одному добродетельному и искусному в иноческих подвигах старцу, начал проводить жизнь в посте, бдении и молитвах, ревнуя во всем своему наставнику.

Прожив некоторое время под руководством старца, Мануил стал просить постричь его в ангельский образ, на что старец охотно согласился и постриг его с именем Макария. По принятии ангельского образа Макарий усугубил и иноческие свои подвиги. Но сколько ни удручал себя подвигами, душа его не была покойна: она страдала и приходила в содрогание от совершенного над ним турками гнусного обряда. Вследствие этой душевной скорби он проливал горькие слезы и невольное свое падение считал как бы происшедшим от собственного произволения, а потому, при крайнем своем послушании старцу, он прилагал труды к трудам и сокрушенным сердцем в смиренной молитве просил милосердного Бога простить ему невольное его падение.

И таким образом Макарий прожил в скиту двенадцать лет, но сердце его все-таки не было покойно, ибо в тайниках оного гнездилось смущение, вследствие которого не царили в нем вожделенные мир и радость, которые посылаются от Бога истинным подвижникам. Смущение, как густая туча, тяжелым слоем лежало на его сердце, чрез который не мог проникнуть радостный луч примирения его с Небесным Творцом. Как видно, Промысл Божий благоволил даровать блаженному мир совести и радость чрез мученический венец, почему и вложил ему мысль отдать себя на мучение и мученической кончиной примирить себя с Ним.

Вследствие этого он стал просить у своего старца благословения отпустить его в Бруссу, где он невольно принял обрезание, и там всенародно исповедать себя христианином, а Иисуса Христа истинным Богом и потом мученической кончиною смыть мрачное пятно с души своей. Но старец и слышать не хотел о его намерении, выставляя ему на вид то, что, не предавая себя на мученический подвиг, он может и здесь, в уединении, измыть все свои нечистоты покаянием, которое имеет силу Божественного крещения.

– Нет, честный отче, – смиренно отвечал Макарий старцу, – все то, что ты говоришь, истинно, и я верю, что покаянием изглаживаются грехи, но мой грех несравненно больше всех тех грехов, для которых положено долготерпеливым Богом покаяние. Мой грех такой, который только и возможно загладить мучением. Притом меня устрашают слова, сказанные Спасителем в Божественном Его Евангелии: *Кто отречется Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным* (Мф. 10, 33). Итак, с каким стыдом я, несчастный, предстану на всемирном суде Христовом, имея на себе печать (обрезание) отречения моего от веры в Него? О, отче! Трепещет во мне сердце при мысли, с каким безчестием я буду отринут от лица Божия! Да наконец, могу ли я, окаянный, быть уверенным, что я с этой скверной печатью сопричтен буду с избранниками Божиими! Нет, отче, уверяю тебя, что я не буду покоен во всю мою жизнь, если не совершу моего намерения. Итак, умоляю тебя, окажи твою любовь: благослови меня на мученический подвиг и пролей твою теплую молитву ко Господу, дабы Он укрепил меня среди различных мучений от врагов Христовой церкви и сподобил бы мужественно скончать течение в прославление христианской веры, в посрамление же лживого пророка Магомета с его последователями.

Старец, видя непреклонность мысли святого и что в душе его возжегся Божественный пламень, посоветовался с другими опытными отцами, которые после общего совета решили отпустить Макария на мученический подвиг. А потому, сотворив о нем усердную молитву и напутствовав благословениями, отпустили его в путь.

Когда святой Макарий пришел в Бруссу, в это время встретились там с ним турки, когда-то его знавшие, которые, несмотря на то, что он был одет в иноческую одежду, все-таки его узнали и, смотря на него, начали переговариваться между собой:

– Кажется, этот монах тот самый человек, который назад тому несколько лет отрекся христианской веры и принял нашу, а теперь, как видно, обратился в первую свою веру и сделался монахом.

Подозрение их вполне оправдалось, когда они, подойдя к нему, спросили его об этом самого.

– Да, – отвечал святой, – вы не ошиблись в вашем предположении: я тот самый, который назад тому двенадцать лет вероломным и насильственным образом приобщен к вашей магометанской вере, но так как я понял, что вера ваша ложная и скверная, то оставил ее и принял снова мою прежнюю истинную. Верую всем сердцем моим в Спасителя моего Иисуса Христа; вашего же пророка Магомета, обольстителя и обманщика, проклинаю, как виновника погибели многих народов, которые по слепоте своей уверовали в него и вместо света ринулись в тьму. Поэтому советую и вам выйти из той непроницаемой тьмы вашей ложной веры в Магомета и уверовать в истинный свет Иисуса Христа, дабы избегнуть вечных мук и наследовать вечную жизнь.

Нечестивцы, слыша хулу своей веры, схватили святого Макария и, нанося ему побои, повлекли в судилище, где, поставив его пред судьею, начали с шумом и криком обвинять его в том, что он несколько лет тому назад добровольно принял мусульманскую веру, найдя оную лучше христианской, но теперь опять уверовал в Распятого, а великого пророка их Магомета клянет и всячески поносит. Судья, выслушав обвинителей, ласково спросил святого:

– Друг мой! Ведь ты познал, что наша вера есть самая лучшая и принял ее добровольно, а теперь вдруг отрекся от нее и сделался монахом? Что это заставило тебя оставить нашу веру? Если тебя к этому привела бедность, то уверяю, что мы тебя обогатим и предоставим тебе великие почести, только ты опять уверуй в великого пророка Магомета; в противном случае предам тебя тяжким мукам и на части раздроблю плоть твою.

Святой Макарий безбоязненно отвечал судье:

– Веры вашей я всегда гнушался и теперь гнушаюсь и проклинаю; добровольно же оную я никогда не принимал, а что вы насильственным образом обрезали меня, то это знают все турки, бывшие причастными к этому делу, и если их заставить, чтобы они сказали истину, то уверяю тебя, что они засвидетельствовали бы пред всем миром, что меня насильно обрезали и что я не отрекался от веры в Искупителя моего Господа Иисуса Христа и никогда не отрекусь от Источника жизни, чрез Которого все живет и движется.

Судья видел, что к обвинению святого Макария нет ясных доказательств, притом и самый внешний вид его показывал, что он говорит истинно, а потому, посоветовавшись с муллою, хотел отпустить его. Но приведшие его турки никоим образом не соглашались выпустить его из своих рук, а потому с безчинными криками и угрозами приступили к судье и сказали:

– Куда же девалось правосудие? И какой же ты после этого судья и последователь великого пророка Магомета? Ты должен распространять магометанскую веру и строго преследовать тех, которые, приняв оную, опять обращаются к бывшей своей вере, а ты

этим всем пренебрегаешь и отпускаешь этого отступника без всякого наказания. Итак, за твое нерадение и бездеятельность мы вынуждены будем донести на тебя царю.

Судья, убоявшись на себя доноса, сробел и, переменив милосердие на свирепость, приказал святого мученика повесить на виселице под мышки так, чтобы одни только концы пальцев его могли касаться земли, и потом однажды в день снимать его с виселицы и бить палками. И таким образом страдалец Христов провел в муках сорок дней. После этого он позван был к судье, который, обратившись к мученику, сказал:

– Одумался ли ты после столь жестокого наказания или продолжаешь стоять в своем упорстве? Советую тебе послушаться меня и уверовать в великого пророка Магомета, за что получишь от нас великие почести, иначе я вынужден будут предать тебя тягчайшим мукам.

– Одного только и прошу у тебя, нечестивый судья, – отвечал святой мученик, – собери все твои мучилищные орудия, какие только тебе внушит наветник злобы – диавол, и прикажи меня мучить ими, но и тогда знай, что помысл мой будет тверд и непоколебим в моем веровании в Иисуса Христа. Между тем, увидишь, какое мужество и терпение подает Он рабам Своим, которые за исповедание имени Его пред вами, обольщенными, вступили в борьбу с отцом вашим диаволом!

Мучитель после этих слов пришел в ярость и приказал св. мученика, связав у него ноги, опустить вниз головою в сухой и мрачный колодезь и однажды в день вытаскивать его, и после наложения довольных ударов опять опускать в оный. В таком мучении доблестный воин Христов пробыл девяносто дней.

Господь, видя терпение св. мученика Макария, восхотел его утешить в его страданиях Своей благодатью. Так, в одну ночь внезапно явился в колодце необычайный свет и затем разлилось райское благоухание и ангельское невидимое пение. В то самое время при устье колодца находился его отец-отверженник, который наклонился посмотреть на столь необычайное чудо, виденное и слышанное им в колодце, но в то самое мгновение, когда он наклонился, у несчастного выпали глаза из своих орбит, и он за свое вероломство получил достойное наказание, оставшись слепым на всю свою жизнь. Видя это чудо, находившийся вместе со св. мучеником Макарием один турок, томившийся в том же колодце за какую-то вину, уверовал во Христа; впоследствии он за свое исповедание был замучен в местечке Кютагиях, или Котияхи.

Мучитель судья, узнав о чуде, случившемся в колодце, велел привести к себе святого. Когда приведен был узник Христов к жестокому мучителю, тогда тот спросил его:

– Правду ли говорят, что нынешней ночью в колодезь сходил свет, слышалось в нем пение и исходило оттуда благоухание?

– Да, правда, – отвечал святой мученик. Кто верует во Христа, тот не только может увидеть то, что случилось в колодце, но и другое, гораздо большее сего, – и начал было приводить ему примеры от Св. Писания, которому научился он на Святой Горе, – что с большим вниманием слушали находившиеся в судилище магометане. Коварный мучитель, заметя общее внимание к повествованию святого, убоялся, чтобы и они не уверовали во Христа, а потому приказал немедленно его обезглавить, что и было исполнено палачами, которые вывели мученика из Бруссы в овраг, предварительно побили его камнями и затем отсекли ему голову. И таким образом мученик Христов Макарий чрез мечное посечение

получил венец победный от десницы Христа Бога, Ему же слава со Отцем и Святым Духом во веки, аминь.

Мощи св. преподобномученика Макария оставались в овраге непогребенными несколько дней. Во все это время по ночам сходил на св. мощи Божественный свет, который удостоились видеть многие благочестивые христиане, жившие в Бруссе. Некоторые же из них, движимые ревностью, пренебрегая страхом и опасностью, решились в одну ночь взять оные из рва и тайно погребли, а потом разделили: честную главу мученика послали на св. Афонскую Гору, в скит св. Анны, где Макарий приготовлял себя к страдальческому подвигу; часть св. мощей взяла его родная мать и унесла на свою родину, где и положена она в церкви св. Троицы; остальную часть св. мощей оставили брусские христиане, во освящение и хранение себя ходатайственными его молитвами пред престолом Божиим от нападений врагов Креста Христова, которая честно и с благоговением была положена в церкви, в особом ковчеге.

Святой преподобномученик Макарий пострадал 6 октября 1590 года.

7 ОКТЯБРЯ

Память преподобного отца нашего Сергия Вологодского, или Нуромского[262]

Ученик и постриженник преподобного Сергия Нуромского, Алексий, подвизавшийся потом в Обнорской обители св. Павла, сохранил описание подвигов великого своего учителя. Из жития сего, однако, не видно, откуда был родом сей преподобный отец. В других источниках его жития говорится, что он был родом грек[263]. Несомненно известно только, что сей любитель безмолвия полагал начало иноческой жизни на святой Афонской Горе, где подвизался довольное время и был облечен и в сан пресвитерский. Потом, придя с Востока в пределы московские, искал себе также просвещения духовного от соименного ему Радонежского светила и провел немало времени под его руководством. Но афонский безмолвник помышлял удалиться псаломски и водвориться в глубочайшей пустыне, и, по благословению великого Сергия, удалился в вологодские леса. Здесь на утесистом берегу реки Нурмы поселился он в то время, когда преподобный Павел Обнорский подвизался невдалеке оттуда, во внутренней пустыни, в дупле липы. Водрузив крест и построив часовню с кельей, преподобный Сергий подвизался в глубоком безмолвии, доколе не собрались к нему ученики. Много потерпел преподобный нападений от духов злобы и недобрых людей – разбойников. О строгом подвижнике пошла молва, и отовсюду стали приходить к нему жаждущие спасения душевного, и селились около него в кущах. Мало-помалу братии собралось до сорока человек. Тогда преподобный построил храм Преображения Господня и обитель общежития. Великую духовную любовь имели между собою преподобный Сергий и преподобный Павел Обнорский, избравший Сергия своим духовным отцом. Преподобный Сергий, чувствуя близость своей кончины, собрал свою братию и утвердил их наставлениями, среди общего плача приобщился Святых Таин и предал чистую душу свою Богу, 7 октября в 1412 году.

По внешнему виду преподобный Сергий был седой, с бородою редкою, с волосами на голове густыми. Много лет спустя после кончины преподобного, братия, по явлению святого, открыли гроб его, и потекли исцеления для богомольцев. Обитель преподобного Сергия, закрытая в 1764 г., находилась в четырех верстах от обители Павла Обнорского, ниже по течению р. Нурмы, в Грязовецком уезде, Вологодской губернии. Ныне мощи преподобного почивают в храме под ракою и балдахином.

10 ОКТЯБРЯ

Страдание двадцати шести святых преподобномучеников Зографских – игумена Фомы и с ним 21 инока и 4 мирян

Византийский император Михаил Палеолог в 1261 г. успел неожиданно отнять у латинян Константинополь, завоеванный ими, но, как бы по роковой неизбежности, от них же чаял спасения уже небольшого слабого государства своего, которое громили турки, сербы и болгары; в этом чаянии решился он соединить Церкви Восточную и Западную так, чтобы первая подчинилась второй в лице папы, как главы всего христианского мира. Ошибочно полагая, что только в этом соединении он найдет спасение, Палеолог с ревностью старался привлечь к своему безумному плану своих подданных и убеждениями, и крутыми насильственными мерами, но он встретил сильное сопротивление со стороны своего народа и клира, а наипаче монастырей св. Горы Афонской, в которых в это время спасались, кроме греков, иноки грузинские, сербские, болгарские и русские. Святогорские отцы все сообща отправили к нему свое послание, в котором основательно доказали, что ни первенство и главенство папы, ни поминовение его в церквах, ни служение евхаристии на опресноках, ни прибавление к символу веры «и от Сына», не могут быть терпимы, и, назвав Михаила еретиком, умоляли его оставить многотревожное и опасное предприятие. Они, между прочим, писали: «Мы ясно видим, что ты еретик, но умоляем тебя: оставь все это и пребывай в том учении, которое ты принял и которое вверено тебе, зная, кем ты научен. Храни добрый залог и отринь несвятые новоучения ложного ведения, прибавляющего к вере догадки, да чрез тебя, с тобою и с советом твоим и мы со всеми христианами явимся в день пришествия Господня, как православные и Богу любезные, и сподобимся вечного наследия Царствия Небесного»[264].

Михаил Палеолог, как известно, не слушался афонских отцов. Напротив, не отступая ни перед какими мерами к утверждению унии, он особенно свирепствовал против монахов. После объявления Лионской унии в 1274 году последовали казни на осуждавших оную, а в 1278 году был издан указ вводить унию всеми мерами насилия.

Рим не доверял Михаилу, ибо и там хорошо знали его двуличность и неискренность. Папы предъявляли ему требования за требованиями с целью совершенно подчинить себе Восточное православие и наконец объявили Михаила отлученным от церкви. Желая убедить папских посланцев в своей приверженности к римской Церкви, Михаил показывал им заключенных в темницу и содержимых в оковах за твердость в православии своих родственников, Андроника и Иоанна Палеологов, Мануила и Исаака Раулей. Последних он даже ослепил вместе с другими подвижниками благочестия. Жестокость Михаила усиливалась подозрением, что все противники унии готовы покуситься на низложение его с престола, на который он восшел чрез преступление. Но все его старания и зверства были напрасны: он ни в чем не успел.

Во время похода против Иоанна Дуки, князя Эпирского, Михаил заболел и умер (в декабре 1282 г.) в лагере близ города Веррии, не присоединенный к Церкви Западной и отлученный от Церкви Восточной. Общее негодование за его жестокости и отвращение были так велики, что находившийся при нем сын его Андроник не посмел совершить над ним царского погребения, а велел ночью похоронить его в близлежащем монастыре. А вдовствующая царица Феодора принуждена была обнародовать *исповедание* , которым обещалась пред Церковью никогда не поминать усопшего супруга своего Михаила[265].

Так закончились старания императора Михаила Палеолога. К этому времени относится и помещаемая ниже повесть о нашествии на Афон папистов.

Повесть о нашествии папистов на святую гору афонскую[266]

В царствование греческого царя Михаила Палеолога латиняне, имея большое войско, завоевали у греков много городов и сел. В то же время болгары взимали дань с греческой империи и не жили в мире с греками из-за разных спорных вопросов. Находясь в критическом положении, греки обещали удовлетворить всем требованиям болгар, только бы те им помогли против латинян. Царь болгарский Кало-Иоанн пришел на помощь грекам, овладел Фригией и освободил греков от латинян. Эту победу оба царя отпраздновали с великим торжеством. После этого греческий император, не желая удовлетворить требованиям болгарского царя, посягнул на его жизнь, но Кало-Иоанн избегнул всех козней Палеолога и ушел в свои земли. Усмирив случившееся тогда в его царстве восстание, Иоанн ожидал благоприятного случая отмстить коварному и беззаконному царю Палеологу. Улучив время, он вторгнулся с большим войском в пределы греческой империи, разорил немало городов, жителей увел в плен и опустошил области: Пропонтиду, Фракию, Македонию, Фессалию, Элладу, даже до Пелопонесса. Греческая империя находилась тогда в жалком состоянии. Теснимый со всех сторон, Михаил Палеолог отправил послов в Италию (к папе) с весьма примечательными письмами, которые, между прочим, гласили: «во всем, сделанном вам болгарами, мы невиновны, поелику все это было сделано ими произвольно; да и мы находимся в страхе от них. Следуя Римской церкви, мы и прежде не отказывались веровать, исповедовать и мыслить так, как и вы. Просим вас, приидите на помощь к нам, единомыслящим с вами, так как мы погибаем от этих мерзких варваров – болгар. Если не поспешите к нам на помощь и не заступитесь, то имя наше истребится на земле, вы же будете наказаны от Вседержителя Бога за нашу погибель». Когда послы достигли Италии, все западные государи-католики ополчились и решились идти в Константинополь не столько на помощь, сколько на погибель «единомыслящему с ними» Михаилу Палеологу. На пути в Константинополь они устремились на Афонскую Гору, названную Святой, и стали преследовать находящихся на ней. Прежде всего они пришли в Лавру св. Афанасия и предложили находящимся в обители инокам присоединиться к их вере и войти в общение с ними. Монахи, испугавшись и ложно толкуя апостольское изречение: «дадите место гневу», согласились чрез одного из отлученных священников присоединиться к ним, чем и освободили обитель. Впоследствии они были обличены Богом и наказаны. Но мы, не желая укорять обители, умолчим об этом. Латиняне же пошли в Иверскую Лавру и просили находящихся в ней иноков соединиться с ними. Но иноки этой обители не соизволили на это и, обличив нечестивцев, предали их проклятию, по Апостолу, за нововведения. Беззаконные же, услышав это, пришли в ярость, вывели всех с безчестием из обители и, посадив старейших на монастырский корабль, вместе с ним потопили их. Так эти блаженные иноки за неповиновение беззаконникам приняли венец исповедания и мученичества. Более же молодых иноков, родом иверян (т.е. грузин), вместе с монастырским имуществом они, достойные иудовой участи и подобные ему нравом, – отослали в плен в Италию, где совлекли с них иноческую одежду и продали иудеям. Уйдя из Иверской лавры, латиняне пришли к Ватопедской обители. В ней они нашли только больных и престарелых, которые, будучи спрошены ими о прочих иноках, отвечали:

– В дебрях и чащах укрываются, чтобы сохранить веру и не оскверниться с богомерзкими.

Умертвив этих святых исповедников, латиняне тотчас устремились в окрестности монастыря и, найдя настоятеля и остальных иноков, ласково убеждали сделаться единомысленными с ними. Но настоятель сказал им:

– Лучше Христу угодить, чем антихристу.

Они же спросили:

– Разве мы не Христовы, а антихристовы?

Святой отвечал:

– Да, потому что всякий, сопротивляющийся Евангелию Христову, есть антихрист, и ныне он-то и помогает вам. Какое может быть отношение света к тьме? Вовек мы не присоединимся к ней.

Духоборцы, слыша все это, затыкали свои уши и не только не убедились в истине православной веры, но даже простерли свои беззаконные руки на хранителей закона и повесили всех их на том месте, где нашли. С тех пор и поныне это место называется «Фурковуни», т.е. Виселичная гора. Затем латиняне перешли на другую сторону Горы и достигли обители св. Великомученика Георгия, именуемой Зограф. Иноки этой обители были наставляемы в это время преподобнейшим игуменом Фомой, который несколькими днями раньше узнал как о нашествии на Святую Гору мерзких еретиков, так и о происшедших от этого нашествия несчастиях из следующего чудесного случая. – Один добродетельный старец жил в винограднике вышеназванной обители на расстоянии получаса ходу от нее, по направлению к юго-западу. Этот старец имел у себя для келейных молитв икону Пресвятой Богородицы, пред которой, совершая ежедневное каждение, читал акафист (называемый греками «херетизмы», отчего и место это называется «Херово»). И вот, когда богомерзкие римляне напали на Святую Гору со злодейской целью и уже вышли из кораблей на берег, – этот богоугодный старец, стоя на обычной молитве пред иконой Пресвятой Богородицы и произнося: «радуйся», услышал от святой иконы следующее:

– Радуйся и ты, старче! Поскорее беги отсюда, чтобы не постигло тебя несчастие. Возвести братиям обители, чтоб заперлись, потому что богопротивные римляне напали на это Мною избранное место и уже находятся близко.

Старец же, упав пред иконою Богоматери на землю, сказал Ей:

– Как я могу, Владычице, оставить здесь Тебя, мою Заступницу?

На это голос от иконы отвечал ему:

– Не заботься обо Мне, но иди поскорей.

Когда он пошел к монастырю возвестить слышанное им, тотчас двинулась со своего места неисповедимой силой и неизвестным образом святая икона и, обогнав старца, прежде пришла в монастырь и стала над монастырскими воротами. Старец, когда пришел в монастырь и увидел св. икону над монастырскими воротами, то ужаснулся и рассказал всем о бывшем ему откровении. Иноки, увидя икону Пресвятой Богородицы и услышав о таком преславном чуде, прославили Бога и Его Пресвятую Матерь.

Игумен, узнав из этого откровения об ожидающем их несчастии, начал учить своих иноков, чтобы они были тверды и не боялись, говоря:

– Отцы и братия! Которые Духом Божиим водятся, те сыны Божии. Поелику вы не приняли духа рабства в боязнь, то приняли Духа сыноположения. Если мы чада, то и наследники, наследники Бога, сонаследники Христа; если за Него пострадаем, то и

прославимся с Ним, ибо уповаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас. Это же, согласно с Апостолом, и я говорю вам: те, которые из вас неустрашимы и готовы к мученичеству, пусть остаются со мною в обители; те же из вас, которые боятся мучения, пусть возьмут церковные сосуды и удалятся с ними, пока не пройдет гнев еретиков, чтобы не впасть в грех хулы чрез отречение от своей веры.

Итак, боявшиеся мук скрылись в дебрях, пещерах и ущельях гор. Святой же игумен с прочими иноками вошел в пирг (башню) не из боязни, но чтобы воспользоваться временем для обличения беззаконной ереси. Мучители, окружив со всех сторон обитель, стали кричать находящимся в пирге:

– Отворите нам, отворите!

Но преподобный отвечал им:

– Мы не знаем вас – откуда вы.

Мучители ответили:

– Мы – Христовы рабы и пришли обратить соблазненных на путь истинный.

Святой же опять сказал:

– Отступите от нас делающие беззакония, потому что Апостол говорит: если бы и Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема. Кто другого учителя ищет? – Никто, кроме тех, которые явно безумствуют. Вы скажите нам о своем учении и, если оно будет от Бога, мы присоединимся к вам и примем вас, как братию; если же не от Бога – то уходите от нас.

Тогда еретики отвечали:

– Мы от Бога, и в Господа Иисуса Христа веруем и святое Евангелие Его учим; посланы же мы от блаженнейшего папы римского, который есть глава церкви, сказать вам, безумным, непонятное для вас, чтобы вы поумнели и поняли уставы церковные и верно читали в св. Символе, т.е. в «Верую во единого Бога Отца».., что Пресвятой Дух исходит от Отца и Сына, и на св. проскомидии приносили пресный, а не квасной хлеб, чтобы священники ваши брили бороды, дабы и этим не согрешали в службе Божией, так как они – женихи Церкви[267]. Если все это исполните, то получите от Вседержителя очищение и мы ради вашего покаяния умилосердимся, если же нет, то безпощадно погубим вас, чтобы вы не занимали напрасно места на земле.

Это и многое другое в этом роде говорили еретики. Преподобные же ответили им следующее:

– Мы хотим найти истину и не обращаем внимания на ваши соблазны и безумие, поелику не боимся и не страшимся ваших угроз, потому что написано, что бояться нужно одного Бога, а человека нечего страшиться, и смело говорим: никого нет против нас, если с нами Бог, Который праведен и правду возлюбил. Сам Господь наш Иисус Христос в св. Евангелии говорит: *когда придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, тот будет свидетельствовать о Мне* (Ин. 15, 26); и опять: *и Я упрошу Отца и другого Утешителя даст вам, чтобы был с вами во веки Дух*

истины; и еще: *это сказал Я вам, находясь с вами; Утешитель же Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всеми и напомнит вам, о чем Я говорил* (Ин. 14, 25. 26).

Эти слова преподобные повторяли несколько раз для доказательства истины и чтобы заградить уста тем, которые говорят, что Дух Святой исходит и от Сына. Ко всему этому преподобные присоединили еще и следующее:

– Если же и этому не верите, духоборцы, то научитесь у Крестителя и Предтечи Иоанна, который видел Св. Духа, сходящего в виде голубя с неба и пребывающего на Сыне; видите, что от Отца только Дух исходит. Это учение содержит наша мать – св. вселенская и апостольская Церковь и напаяет всех своих чад тем, что истекает не из Эдема, а из Божественных уст Христа, сказавшего следующее: *возвестите Евангелие всякой твари; и кто имеет веру и крестится, будет спасен, а кто не имеет веры, будет осужден,* и еще: *ради этого говорю вам, всякий грех и хула простятся людям, а хула на Духа не простится; и если кто скажет слово на Сына человеческого, простится ему, а кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сей век, ни в будущий.* Поелику Св. Духом все пророки, апостолы и учители, будучи научены проповеди, крестили и научили православной вере в разных концах вселенной и передали правоверным признавать четырех евангелистов: Матфея, Марка, Луку и Иоанна. Кто же присоединяет пятого евангелиста, тот да будет проклят. Кто соблазняет одного из братий, говорит Спаситель, достоин мучения, а кто всю вселенную соблазняет, как вы, какое оправдание тот найдет, чтобы избежать достойного мучения? Который из семи богоизбранных Соборов[268] говорит, что Дух Святой исходит от Отца и Сына, или который из них постановил правилом, чтобы мы приносили опресноки и стригли волосы на бороде, как вы утверждаете? Будучи исполнен семи лукавых духов других (в противоположность семи соборам), в какого Христа ты учишь веровать, духоборец, и преподаешь не Евангельское, а антихристово учение. Но пятого евангелиста мы не находим, кроме Магомета Сарацинского, предтечи антихриста, который раньше вашей гибельной ереси произвел плевелы. А что касается ваших опресночных мертвых жертв, то это иудейский обычай. Но вы скажете: разве Христос не ел пасхи, будучи опоясан и держа посох в руках, по Писанию?[269] Да, скажем мы, Он ел пасху, но упразднил ее, как обрезание и многое другое, и потом, сидя с двенадцатью учениками, установил Свою пасху. Во время вечери Он, взявши хлеб и благословив, преломил и дал Своим ученикам, говоря: *приимите, ядите, сие есть тело Мое* и проч. Вот истинное таинство. Сказано: *взял хлеб,* т.е. квасной, а не пресный, как вы противозаконно делаете и служите, и держитесь аполлинариевой ереси. Брить же волосы на бороде мы не научились ни из Ветхого Завета, ни из Нового, потому что в Ветхом Завете от первосозданного человека, праведников и пророков и до Самого Господа нашего Иисуса Христа нет об этом никакого постановления: в Новом же ни Сам Христос, ни апостолы об этом ничего не говорили, а также ни одним из св. Соборов не было постановлено, ни правилами указано, что можно видеть и слепому. Тебе же, окаянный духоборец, лучше бы не браду, а язык отрезать, чтобы он не изрекал хулы и соблазна и не приводил бы других вместе с тобою к погибели; лучше пусть сгниет худой член, дабы не повредил хороших. Не вредят волосы на бороде, но то, что исходит изнутри и из лукавого сердца, а именно: злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, воровство, лжесвидетельство и хулы, находящиеся в вашем помраченном уме, – это, а не волосы на бороде, оскверняет всякого человека, а тем более священника.

Женихов церкви не много, а Един, Который придет в полуночи судить живых и мертвых: живых – православных, мертвых – еретиков, каждого по его делам. Просим, однако, вас, други, познайте истинную православную веру, которая есть жизнь и просвещение наших душ и следуйте ей так, как св. Отцы и священные Соборы, приняв эту веру от св.

апостолов, нам передали и узаконили в св. Символе, присовокупив: «если кто отнимет или приложит к нему, да будет проклят». А от этого греха (нарушения Символа) никто не может разрешить преступников и освободить от приготовленных им мучений. Послушайте, возлюбленные, и перейдите от зла к добру, дабы не подвергнуть своих душ мукам вечным.

Но для беззаконных католиков эти слова блаженных мужей были так же неприятны, как для волков камни из пращи; они бросились к ним и зажгли со всех сторон св. обитель. Причиной всех этих несчастий был нарушитель закона нечестивый Палеолог, новый этот Навуходоносор. Преподобные и богоносные Отцы наши, подобно трем отрокам окруженные пламенем, стоя на башне (пирге), воссылали молитвы ко Христу, говоря:

– Владыко, Господи Иисусе Христе Боже наш, Единородный Сыне и Слове Божий, давый Себе яко Агнца непорочного на заклание за род человеческий! Ты, Господи, излиявый пречестную кровь Свою ради Церкви Твоея и рекий, яко врата адова не одолеют ей, сохрани Церковь Твою от волков губящих ю. Умножи, Господи, достояние Твое по всей вселенней от конец и до последних земли; ересь сию низложи силою Пресвятаго Твоего Духа; Жребий Пречистыя Твоея Матери соблюди непреклонен и нерушим во веки; пребывающия же в нем освяти и прослави с Тобою, милующия их помилуй; кровы святых Твоих воздвигни во славу Твою и в память нашу; и сию молитву от уст наших приими, яко кадило благоухания, и призри на ны, якоже призрел еси на жертву Авраамову и на всесожжение Иефаево, и восприими ны, яко благ и человеколюбец.

По окончании молитвы был свыше голос:

– Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небеси.

Мучители, услышав этот внезапный голос, ужаснулись, но мрак, лежащий на их умственных очах, помешал им понять случившееся, так как Дух Святой, Которого они хулили, не пришел разогнать этот мрак.

Блаженные отцы предали души свои в руки Божии, умерли от огня в 1276 году по Рождестве Христовом, а по греческой рукописи, находящейся в протате[270], в Иверской и Ватопедской обителях – 10 октября 1280 года. Всех святых числом было 26, из них монахов было 22 и 4 мирянина. Имена последних нигде не записаны, имена же монахов следующие: Фома, Варсонофий, Кирилл, Михей, Симон, Иларион, Иаков, Иов, Киприан, Савва, Иаков, Мартиниан, Косма, Сергий, Мина, Иосиф, Иоанникий, Павел, Антоний, Евфимий, Дометиан и Парфений. Из них первый, т.е. Фома, был, как сказано выше, игуменом и вел главным образом спор с богомерзкими латинянами, последний же, т.е. Парфений – экклесиархом, который был снесен огненным пламенем с башни на землю и не тотчас умер, но прожив еще тридцать дней и рассказав о всем происшедшем скрывшимся на время и теперь возвратившимся братиям. Он предал душу свою в руки Божии в десятый день ноября, получив венец мученический с прежде пострадавшими братиями.

После этого беззаконные латиняне рассеялись по всей Святой Горе, и не скрылись от них ни обитель, ни башня, ни келья и никакое другое монашеское жилище, но все было разрушено или предано огню, а имущество разграблено. Протатом они не в состоянии были тотчас овладеть и, сделав несколько попыток, должны были с большим ущербом для себя отступить на время. После же, нечаянно напав на стражу, взяли и протат, при чем было ужасное кровопролитие. Но враги победили многочисленностью и все разрушили и сожгли, не оставив никого в живых. Всепреподобнейшего же прота после многих

истязаний повесили пред протатом по направлению к морю, на месте называемом «Халкос».

Отсюда беззаконные латиняне перешли на другую сторону Горы – на юг, где встретили их иноки из Ксиропотамской обители с ветвями в руках и приветствовали их:

– Да будет мир Христов с вами!

Те отвечали:

– Есть и будет! – И тотчас вместе с иноками вошли в обитель и подарили монастырю часть награбленных богатств, назвавши себя ктиторами этой обители. Монахи (о какой соблазн!) соединяются с еретиками, но Бог призирает с неба на преступников и, во время молитвы при возгласе «о архиепископе нашем, иже в Риме и о благочестивом царе», потрясает землю и то место, где стояли недостойные, так что стены монастырские с находящимися в них зданиями распались наподобие иерихонских стен при Иисусе Навине. Только одна часть стены, и та наклоненная, осталась для доказательства совершившегося последующим поколениям. Жертвой этого землетрясения были многие из латинян, которые были убиты павшими стенами. Из оставшихся же в живых одни, видя такое знаменательное чудо, со страхом и стыдом удалились на свои суда, а другие из них покаялись, остались в горах и сделались хорошими иноками. Пристыженные Богом, иноки вышеназванной обители, сознав свое преступление, горько рыдали и, как птицы без гнезд, бродили по горам, не имея, где и голову склонить, поелику обитель была разрушена за их преступление. Вместе с тем прекратилось прежде бывшее в этой обители чудо в честь и славу 40 мучеников. Чудо это следующее.

Когда был устроен и прилично украшен храм присноменаемым и блаженным царем Романом, призван был святитель для освящения его. Во время освящения, когда архиерей произнес: «во имя св. 40 мучеников», тогда – о чудо! – у подножия св. жертвенника выросло большое растение «губа» со стеблями и головами, в виде яблок, числом 40, соответственно 40 мученикам. Эта губа, поднявшись в гору, обвилась вокруг престола. За такое преславное чудо все воссылали славу Богу и Его св. 40 мученикам. Все больные, находящиеся тогда в обители, исцелились, вкушая от этого растения. Известие об этом чуде распространилось по всей вселенной. Больные, приходящие за исцелением, получали его, а те из них, которые не могли придти, присылали дары в обитель, и им отсылалась частица от этого Богом дарованного растения, съедая которое, они получали исцеление. От множества народа это растение все было истребляемо в течение года, но в честь и славу 40 мучеников оно опять вырастало в 9-й день марта, когда св. Церковь празднует память их. Чудо этого благодатного растения превосходило чудо овчей купели. Та (купель) исцеляла одного только входившего в нее, а это растение исцеляло всех и везде, кто только вкушал от него. Таково и столь благодетельно было это чудо. Но издревле ненавидящему добро и врагу христианского православного рода – диаволу – прискорбно было видеть это чудо, и он стал злоумышлять, пока не привел в исполнение свое злое намерение. Он увлек окаянных иноков соединиться с духоборцами, из-за которых и чудо прекратилось. Так Бог наказывает тех, кто ненавидит истину. Этим-то беззаконные духоборцы и опресночники воздали богомерзким инокам за соединение их с ними, потому что всякая жертва нечестивых неприятна Богу. Если они думают, что будут в числе избранных, то Бог доказывает им противное, чтобы эти беззаконники не превозносились, но посрамились ныне, как и во второе пришествие Христово. Православные же, если и страдают в нынешнем веке, но надеются восприять от Мздовоздаятеля Христа уготованные блага, что действительно и будет.

Беззаконный царь Палеолог, хотя и намеревался придти на Святую Гору и уничтожить на ней православие, но не успел ничего в этом, потому что царствование его скоро прекратилось. Иноки, скрывшиеся от страха пред духоборцами, выходили из своих убежищ, и всякий приходил на свое прежнее место, но, находя свои жилища сожженными и разрушенными, а сожителей убитыми, горько плакали. Тогда Афонская Гора, подобно Рахили, рыдала о детях своих. Да и кто бы, смотря на все тогда бывшее, не заплакал? До небес доходил вопль и рыдание плачущих, которые вместе с Давидом произносили следующее: «Боже, пришли иноплеменники (иноверцы) на место, принадлежащее Пречистой Твоей Матери, и осквернили Твои святые храмы, положили трупы рабов Твоих в пищу птицам и зверям, пролили кровь их, как воду, вокруг жилищ их, и не было кому погребать. Пролей гнев Твой на людей, хулящих Тебя, и на государства, отступившие от православной веры. Пусть скоро посетят нас щедроты Твои, Господи, поелику мы очень обнищали; помоги нам, Боже, Спасителю наш, ради славы Твоего имени, Господи, избави нас и ради Своего имени очисти грехи наши, чтобы не сказали когда-нибудь иноверцы: где Бог их? И чтобы пред нашими глазами постигла иноверцев кара за пролитую ими кровь рабов Твоих. Мы же, Твои рабы, будем исповедовать Тебя, Боже, во век и передавать из рода в род славные исповедания и предания наших отцов». Так плача и горько рыдая, погребали по всей Святой Горе святых, где кого находили.

Память пострадавших тогда преподобномучеников празднуется вместе со всеми святыми, подвизавшимися на Святой Горе, – в неделю, следующую по неделе Всех Святых. Но празднуется и отдельно память преподобномучеников Иверских – в Ивере[271], ватопедских – в Ватопеде[272], посему справедливо и прилично, чтобы память и наших преподобномучеников была празднуема в нашей обители отдельно (говорит автор этой повести – инок Зографской обители). Ибо, если память одного преподобного отца нашего Космы, жившего после них, празднуется надлежащим образом, то тем более следует праздновать память многих живших раньше него. И если на Синае и в Лавре св. Саввы Церковь празднует память св. отцов, пострадавших не по собственной воле и не за православие, а от сарацин, то тем более прилично особо праздновать в нашей обители память наших св. отцов, пострадавших от еретиков-латинян по собственному изволению и за православие. Это и сами братия обители нашей издавна чувствовали и этого желали, да и не могли не желать этого, умильно смотря на оставшиеся частицы сожженных костей их, целуя эти останки, ежедневно проходя мимо пирга, на котором эти св. отцы наши, как на жертвеннике, принесли себя во всесожжение ради исповедания и защиты православных догматов св. Восточной Церкви нашей и, наконец, по временам обоняя неизреченное благоухание, исходящее от места, где они были сожжены. Ради всего этого все братия, говорю, издревле желали, чтобы память этих святых была празднуема в нашей обители, и желание их исполнилось. Когда волей Божией сверх всякого ожидания наша обитель преобразовалась из идиорифма в общежительную, тогда началось празднование памяти этих святых, сообразно с желанием их, которое они высказали в молитве ко Господу, при последнем издыхании в пламени: «Воздвигни, Господи, жилища святых Твоих в славу Твою и нашу память».

Припадем с сокрушенным сердцем к теплым предстателям и заступникам нашим, сего дня празднуемым нами 26-ти преподобномученикам, и обратимся умильно к ним со следующей молитвою: «О святые и блаженные отцы наши, вы, иже от великия любве к нам, недостойным чадом вашим, и в пламени сгораемы, не забываете нас, но теплыя молитвы воссылаете к Богу о нашем и милующих нас спасении, освящении, прославлении и о благосостоянии сея св. обители вашея; вы и ныне – предстояще престолу Творца всея твари, Господа и Бога нашего Иисуса Христа, и наслаждающеся неизреченныя Его славы, красоты и лицезрения, – помяните нас, чад ваших, память вашу творящих, и умолите неизреченную Его благость, да умилосердится над слабостью и окаянством нашим, да

презрит вся вольныя и невольныя грехи наши, да вселит в нас Божественный страх Свой, и укрепит нас Своею благодатию в исполнении иноческих наших обетов и в творении святых и животворящих Его заповедей и повелений, да утолит праведный Свой гнев, на ны движимый; да рассеет покрывающий обитель нашу темный и мрачный облак скорбей; да покрыет, заступит и избавит нас, в ней живущих, и вся повсюду православныя христианы от всех видимых и невидимых врагов, от всяких зол, бед и напастей нашедших, чаемых и нечаемых; да сохранит ны в мире и тишине и безмятежии; да дарует нам всякое довольство и изобилие, яко да теплыми молитвами вашими и сильным предстательством вашим и заступлением покрываеми и избавляеми от всяких бед и искушений, в мире и тишине, и довольстве, преизобилующе во всяком деле блазе, светло празднуем летнюю память вашу, славяще прославившаго вас Господа вечною славою, еяже и мы, смиренныя чада ваша, молим вас, о достоблаженнейшие отцы наши, – да сподобимся с вами, в добром покаянии и благоугождении предел жизни дошедше. Аще и велико есть прошение наше, но надеемся на благость и неизреченное человеколюбие Того Самого Господа, Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Емуже буди честь, слава и поклонение со безначальным Его Отцем и Пресвятым и Благим и Животворящим Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

О чудесном знамении, явившемся над соборной церковью Зографского афонского монастыря и памятником 26 святых преподобномучеников в день их памяти, 10 октября 1873 года

Часть башни, в которой пострадали святые преподобномученики, стояла на своем месте до 1873 года, но так как она закрывала собою вновь построенное северное здание обители, а также от ветхости была близка к падению, то необходимо было ее разрушить. Для того же, чтобы не забыть места, на котором святые совершили свой мученический подвиг, и для лучшего хранения памяти о них, вся братия Зографской обители единодушно выразила желание поставить на этом месте памятник. При усердии братии начал быстро воздвигаться памятник, который и был окончен в том же 1873 году, и все с радостью ожидали наступления дня памяти святых, когда намерены были освятить этот памятник. Наконец настал канун ожидаемого праздника, и в соборной монастырской церкви началось всенощное бдение, по обычаю, в первом часу после захода солнца[273]. Ночь была тихая и безлунная и освещалась только слабым светом звезд. В шесть часов, в полночь, когда после первой кафизмы на утрени читалось «житие и страдание Святых», внезапно послышался в церкви легкий шум и одновременно явился над церковью огненный столп, осветивший обитель и ближайшие места таким сильным светом, что можно было разглядеть не только близкие, но и отдаленные предметы. Этот дивный столп, постояв над церковью несколько минут, пошел к памятнику и остановился над ним, а затем начал возноситься вверх и наконец превратился в круг, как бы венчая собою памятник и место, на котором святые преподобномученики совершили свой мученический подвиг. Так совершилось дивное знамение, продолжавшееся до 15 минут, очевидцами которого были многие из братии и пришедшие на праздник. Видевшие это чудо славили Бога, прославляющего Своих святых, Емуже и от нас да будет честь и слава во веки. Аминь.

14 ОКТЯБРЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Евфимия, Нового Фессалоникийского[274]

Приснославный и блаженный отец наш Евфимий, во плоти ангел и по исшествии из тела своего с горними силами о Боге ликующий, земным и временным отечеством имел страну Галатийскую, а по высоте деятельных и созерцательных совершенств справедливо был гражданином вышнего Сиона. Некогда божественный апостол Павел, осуждая галатов за удобопременяемость мыслей и непостоянство нрава, назвал их безумными (Гал. 3, 1), но, ради сего блаженного, поистине восхвалил бы их, как постоянных и разумных. Воспитавшее святого Евфимия и стяжавшее честь произведения его в мир селение называется Опсо; оно принадлежит галатийскому городу Анкире, пользуется благорастворенным воздухом, отличается богатством и многолюдством и, ради восхваляемого нами святого, может назваться жилищем святых, отечеством спасаемых, училищем добродетели и благочестия. Родители святого Евфимия были богаты и праведны и столько преуспевали в добродетели, что не только сограждане, но и далеко жившие имели благую и достолюбезную ревность подражать им. Кто видел их и слышал о них, для тех поистине казалось чудом, что они, люди мирские, подлежащие всем народным повинностям и потому, конечно, окружаемые многими житейскими заботами и удручаемые иногда горестями, утешали, однако ж, и поощряли друг друга и, всецело посвящая себя Богу, никогда не хотели сделать даже малейшего уклонения от пути правого. Они были сострадательны, умеренны, благопокорны, кротки, страннолюбивы, нищелюбивы, а оттого и боголюбивы, и тихи, и милостивы, и исполнены нелицемерной любви, и по этой любви – были всем вся. Отец блаженного Евфимия назывался Епифанием – тезоименитый Божественного явления, светлый добродетели светильник, сиявший некогда ближнему самим собою, а ныне нам, далеким от него жителям, сияющий сиянием сына, которого он возжег и явил вселенной, как бы некий факел. Матерь же его именовалась Анною, которая, будучи сама приятелищем Божественной благодати, исполняет и нас, чрез славу сына своего, Божественных благодатей. Родившись от таких-то родителей, священный сей и поистине Божий человек, славный Евфимий, от самого рождения исполнился благодати Святого Духа и потому еще прежде совершенного возраста был кроток, честен, сладок в беседе, благочинен, благопослушлив, покорен родителям, удалялся от обычных детских игр, любил часто посещать святые церкви и почитал благочестивых сродников своих, как отцов. Великий отец наш Евфимий родился в 6332 г. от создания мира (то есть в 824 г. от Р.Х.).

Когда святому Евфимию был седьмой год от рождения, великий отец его по плоти перешел в нестареющуюся, блаженную жизнь. По смерти остались у него, кроме Евфимия, еще две дочери – Мария и соименная ему Епифания. Мать святого Евфимия, как жена благоразумная, не сочла приличным ввесть в дом свой второго мужа, но, с другой стороны, так как ей одной, со слабыми женскими силами, тяжело было иметь попечение о доме и семействе, а другого дитяти мужеского пола у ней не было, то всю заботу о себе и семействе своем она и возложила на юного Евфимия, который от самого детства показывал разум не по летам. Подчиняясь, однако, постановлениям о военной службе, она должна была вписать в воинские списки этого возлюбленного и единородного своего сына, именуемого тогда Никитой. Имя это, как я думаю, дано было ему при рождении не без Божиего мановения, ибо суждено ему было получить победу над врагами видимыми и невидимыми. Итак, служа воином, Никита вместе с тем и для матери своей был опорою во всех отношениях: сыном, помощником, попечителем, покровителем, в печалях облегчителем, в радостях приветствователем, заступником, отцом, защитником и, по преимуществу, – мужем, так как он восприял на себя всякую заботу о внутреннем и

внешнем благосостоянии своего дома. Найдя, таким образом, полное в нем утешение, мать его стала заботиться о приискании столь любезному ей сыну достойной невесты, чтобы чрез чадорождение продолжил род он свой и чтобы супруга его помогала ему в его заботах. По строению Божию скоро нашла она девицу, такую же разумную, происходившую от родителей богатых и славных, по имени Ефросинию, которая могла угодить во всем достойному своему супругу, и с нею сочетала его. Чрез несколько времени родилась у них дочь, которую в чаянии восстановления своего рода назвали они Анастасией. После сего преподобный, считая родившееся дитя достаточным утешением и матери, и супруги своей, решается посвятить себя исключительно на служение Богу, то есть избрать иноческую жизнь, – решается тем более, что и сестра его Мария, бывшая тогда уже замужем, жила в собственном их отеческом доме. Итак, с большим, чем когда-нибудь, духовным веселием отпраздновав праздник Воздвижения честнаго и животворящего креста он, на другой день в память тезоименного ему святого мученика Никиты положил начало доброго своего намерения. Притворившись, будто идет посмотреть пасшегося в долине своего коня, Никита совершенно оставил свою родину и обрел Царствие Небесное, как некогда Саул вместо ослов – царство Израилево. В то время Никите было 18 лет от роду, а случилось это в 842 г. от Р.Х.Обойдя многие места, блаженный достиг наконец неприступных высот Олимпа, где посетил многих святых отцов, и затем пришел к великому Иоанникию, просиявшему там ангельскими своими подвигами более всех других. В один день, когда к сему великому святому пользы ради пришли многие отцы, был среди них и этот юный его ученик. Богоносный отец наш Иоанникий, прозревая горячее его желание монашеской жизни, будущую его славу и преуспеяние в добродетели и то, что, когда он сделается иноком, по следам его пойдут многие иноки, вместе с тем желая обнаружить и другим скрывавшуюся в нем до того времени добродетель, притворно спросил сошедшихся к нему иноков, кто это между ними такой, что в образе мирском так смело обходится с другими. Когда же все отцы отвечали, что не знают, чудный Иоанникий с притворным гневом закричал: «Этот юноша – дурной человек и человекоубийца, – возьмите его и свяжите». Тут отцы стали спрашивать Никиту, подлинно ли он убийца. Святой, еще прежде иночества стяжавший послушание и смирение, объявил себя действительным убийцею, достойным всякого наказания, и потому с усердием готов был принять узы. Старцы с удивлением смотрели на юношу. Но великий Иоанникий вдруг говорит: «Оставьте; я обвинил его пред вами, как убийцу, только для испытания. Если и в юности, и в мире, не испытав еще нашего жития, он, ради послушания, признал себя виновным в таком преступлении, то какого вида добродетели не совершит, когда сделается иноком!» Выслушав это и ненавидя славу, блаженный удалился оттуда и подчинил себя другому старцу, Иоанну, который жил далеко от того места и тоже был славен у всех за добродетельную свою жизнь. Этот старец, с радостью приняв его и преподав ему уроки о подвигах иноческого жития, скоро облек его в ангельский образ и переименовал из Никиты в Евфимия. Потом разумный ученик, пробыв довольно долго у прекрасного своего наставника и хорошо научившись от него безмолвию и подвижничеству, по повелению его отходит в киновию, именуемую Писсадинон, чтобы, упражняясь в послушаниях киновии, еще более научиться ему иночеству от старцев ее, – так как жизнь киновийная новоначальным весьма полезна. Игумен обители той, Николай, управлял своим стадом с великим благоразумием, поручая всякому приличное послушание и постепенно возводя учеников своих к созерцанию. Приняв блаженного в свою киновию, разумный этот предстоятель сперва назначал ему разные послушания низкие; и кто не удивится здесь смирению и терпению святого Евфимия? Проходя сии послушания, он ни разу не возроптал на сопряженные с ними великие труды, ибо считал их истинным врачевством для юного своего тела. Если же когда и приходили к нему помыслы об оставленном им богатстве, о жене, о сродниках, то он противопоставлял им неложные слова Спасителя: *иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 36), и еще: *всяк, иже оставит отца, или матерь, или*

братию, или жену, или чада Мене ради, сторицею приимет, и живот вечный наследит (Мф. 19, 29). Случавшиеся же безчестия и поругания, считая себя достойным всякого наказания, он принимал с великим удовольствием, а отсюда, чрез безчестие и христоподражательное смирение, сделался выше страстей, изгнал из души своей уныние, покорил себе чрево, обуздал язык, очистил слух и руки, так что преподобно воздевал их на молитву, и приготовил ноги свои, да течет невозбранно во дворы Бога нашего. К тому же стяжал он еще и нрав смиренный, привычку к продолжительному псалмопению, к всенощному стоянию, к непрестанной молитве, к слезам, к чтению Божественных писаний и частым коленопреклонениям, к строгому посту, к постоянству и твердости мыслей, к очищению ума и к возвышению его горе – за что и удостоился Божественного осияния и просвещения.

Таковы были в киновии подвиги божественного Евфимия! Затем, получив от Христа Бога милость, обратил он взор свой к жизни пустынной, не потому, чтобы избегал послушания и трудов, а потому, что в безмолвии желал более приблизиться к Богу и по случаю тогдашнего удаления из обители игумена Николая, уклонившегося от соблазнов, воздвигнутых в Церкви лукавым диаволом. По кончине блаженного Мефодия, при коем проклята была гнусная ересь иконоборцев, патриархом Константинопольским сделался священный Игнатий. Так как он терпел много притеснений от царских вельмож, то, утомившись безполезной борьбою с неизлечимо болящими, добровольно отрекся от престола и захотел лучше беседовать с Богом, безмолвствуя в своей обители. Блаженный Игнатий управлял Церковью только десять лет. В то время разнесся слух, что этот иерарх изгнан из Церкви против его воли. Посему многие отделились от его преемника, и между ними был упомянутый Николай, по этой причине удалившийся из своей обители. В Церкви происходило тогда много соблазнов, несмотря на то, что новый патриарх был православный и сиял всеми добродетелями. Говорю о блаженном Фотии, который своим учением просветил концы вселенной и в юности много пострадал за поклонение святым иконам; жизнь его была дивна, а кончина засвидетельствована от Бога чудесами. Итак, да не соблазняется никто происходившими тогда явлениями, ибо как Божественная благодать заранее предустрояет причины великих дел, так и отступник-диавол усиливается или совершенно воспрепятствовать будущему нашему благу, или, по крайней мере, омрачить оное. Посему и в то время старался он устранить могущую произойти от священного Фотия великую для Церкви пользу, но был постыжен, ибо Господь даровал Своей Церкви мир. Итак, святой Евфимий, видя, как мы сказали, отсутствие в обители пастыря ее, да и сам притом желая безмолвия, решился удалиться на Афонскую Гору, слава которой достигла и его слуха. Но так как тогда не дано еще было ему великой схимы, а старец его Иоанн, облекший его в малую схиму, или мантию, уже скончался, то он пошел к одному, тоже славному в Олимпе, подвижнику, по имени Феодор, и, открыв ему свое желание отправиться на Афон, принял от него великий ангельский образ. Чрез восемь дней, взяв от старца своего молитву, святой Евфимий, после пятнадцатилетнего пребывания в Олимпе, удалился оттуда с другим братом, Феостириктом. Движимый чистою родственной любовью, пришел он сначала в Никомидию, чтобы узнать там о своих родственниках: его известили, что они живы, но по причине удаления его скорбны. Получив такое известие, Евфимий вверил одному человеку святой крест, чтобы он передал его матери, супруге и сестрам и объявил им, что кровный их родственник благодатию Божией уже инок, именуемый вместо Никиты Евфимием, и что, если хотят, пусть и они последуют его примеру. Сначала они удивились таковому его предложению и плакали, но потом, укрепленные помощью свыше, сделались инокинями, а имение свое оставили дочери преподобного – Анастасии, выдав ее замуж. Но обратимся к подвижничеству преподобного на Афоне; оно было так высоко, что превышало силы человека.

Прибыв на Афон, божественный Евфимий с усердием и радостью вступил на узкий и прискорбный путь давно желанного им безмолвия и презирал необходимо соединенные с ним телесные скорби. Так как Феостирикт, не перенеся тесноты и злострадания строгой безмолвной жизни, возвратился в Олимп, то святой Евфимий на подвижническом своем поприще соединился с некиим Иосифом, древним афонским подвижником. Этому Иосифу преподобный сделал следующее предложение: «Брат! Так как мы, будучи в чести, по словам Давида, преступлением заповедей уподобились несмысленным скотам (Пс. 48, 13) и лишились своего благородства, то сочтем самих себя за скотов и в течение сорока дней будем питаться одною травою, поникши к земле, как животные: может быть, очистившись чрез это, мы опять получим свою, по образу Божию и по подобию, красоту». Иосиф принял предложение преподобного, и они сорок дней провели в великом злострадании от жажды и голода, холода и жара. От совершения сего подвига получив, однако ж, немалую пользу, решились они на другой, высший, подвиг, чтобы таким образом, как бы по лествице, взойти на верх добродетели. Святой Евфимий снова предложил своему подвижнику:

– Оставим теперь, добрый Иосиф, злострадание жития безпокровного, заключимся в какой-нибудь пещере и будем оставаться в ней неведомыми всем другим находящимся здесь инокам[275]; положим самим себе законом, как бы нисшедшим к нам от Бога, чтобы ни тот, ни другой из нас не выходил из пещеры прежде окончания трех лет. Если кто из нас в течение этих трех лет умрет, то будет воистину блажен, как человек, до конца жизни сохранивший размышление о смерти, и гробом для него будет эта самая пещера. А когда, по изволению Божию, оба мы пребудем живы, – умрут, по крайней мере, сколько это можно, наши страсти и плотские пожелания, и мы изменимся добрым изменением.

Добрый Иосиф принял и это предложение, ибо был прост, нелукав, хотя и происходил из области Армянской[276].

После сего, руководимые Богом, они обрели одну пещеру и с усердием заключились в ней; для необходимой же себе пищи собирали близ пещеры плоды, как-то: желуди, каштаны, камарню, и этим едва поддерживали свою жизнь. Кто достойно опишет духовные их подвиги – всенощные стояния, непрестанную молитву и непрерывный пост, по которому можно бы назвать их почти безплотными, – строгое, достойное удивления молчание, ибо если о чем и беседовали они, то разве о молитве и о других каких-нибудь душеполезных предметах, – постоянные коленопреклонения, спание на голой земле, житие без возжжения огня, умерщвление плоти, или, так сказать, оставление и презрение ее, как врага, – телесную наготу, ибо каждый из них имел только по одной изношенной одежде, да и та от ветхости и безпрерывных подвигов распалась еще в конце первого года безпримерного такого их подвижничества; к этому присоединим и беспокойство их от множества разного рода насекомых. Кто же, видя столь великое терпение, поставит их ниже мучеников? Впрочем, Иосиф после первого года расслабел и, выйдя из пещеры, удалился к другим монахам, а святой Евфимий, оставшись один, предался еще большим подвигам и непрестанно беседовал с Богом. Расседался от злобы диавол, видя такие подвиги преподобного, и стал всячески ухищряться, чтобы вытеснить его из пещеры. Сначала он наводит на святого уныние и скорбь об удалении брата, потом – боязнь уединения. Но не получив успеха с этой стороны, он возмущает мир души преподобного помыслами гордости: побежденный же смирением святого и упованием его на Бога и отчаявшись изгнать его помыслами, исконный этот человекоубийца нападает на него явно, как некогда на великого Антония, – преобразившись в варваров-арабов. Эти варвары в самый полдень являются к преподобному, совершавшему тогда молитву, и повелевают ему выйти из пещеры. А так как преподобный не хотел слушать их, то они, связав ему ноги, потащили его к бездне, где, однако ж, благодатию Божией, прогнаны были с

посрамлением. Потом древняя эта злоба преобразуется в великого дракона и, устрашая его своим свистом, думает таким образом выгнать его из пещеры.

– Если ты зверь, – сказал святой мнимому сему дракону, – то твори, что повелел тебе Бог, а если лукавый диавол, – иди за мной, – и демон сделался невидим.

Потом злой дух превращается во множество скорпионов, которые, наполнив пещеру преподобного и уязвляя его, причиняли ему лютую боль, но святой, запретив им, прогнал их честным крестом и молитвою. Побежденный таким образом, враг более не являлся; священный же Евфимий, оставшись в пещере без искушений, стал подвизаться еще усерднее. Так кончил он весь трехгодичный срок пребывания своего в пещере и, исполнив это свое желание, исшел из нее, как бы с неба. Между тем, вне пещеры давно уже ожидали его подвижники, узнавшие о нем от Иосифа и горевшие желанием подражать ему. Довольно времени назидав их добродетельной своей жизнью, святой удалился в Олимп, куда призывал его честной старец Феодор, облекший его в великую схиму, – чтобы он пришел туда и взял старца с собою на Афон. С этой целью Феодор нарочно послал к нему с письмом вышеупомянутого Феостирикта. С усердием исполнил преподобный просьбу своего старца – отправился на Олимп и оттуда возвратился с ним на Афон. А так как Феодор, от много подвижничества слабый и безсильный, имел нужду в некотором утешении, население же Святой Горы того не представляло, потому что жилища мирских людей лежали далеко от нее, то признательный послушник его, святой Евфимий, отыскал ему близ селений место, удобное и для безмолвия, и для покоя телесного, где построил келью и с великим усердием служил ему в оной. Это место называлось Макросина и находилось близ Провлака. Но и здесь Феодор, несмотря на усердную о нем заботливость святого Евфимия, впал в жестокую болезнь: он стал страдать задержанием мочи и резью в почках, так что для облегчения своей болезни должен был обратиться к врачебным пособиям и отправился к христолюбивым и монахолюбивым христианам в Солунь, где скоро и почил о Господе и погребен в церкви святого мученика Созонта. Отпустив старца своего в Солунь, святой Евфимий остался на Афоне и в своих подвигах восходил от силы в силу. Хотя, привыкнув к уединению, святой отнюдь не хотел являться в мир, однако услышав об успении своего старца и зная, что надобно почитать отцов своих и по смерти их, он волей-неволей прибыл в христолюбивый и монахолюбивый город Солунь – поклониться на гробе своему старцу, чтобы на путях своей жизни охраняться молитвами его к Богу. Между тем, солунский народ, давно уже слыша о добродетелях святого и узнав теперь о приходе его, во множестве вышел ему навстречу, чтобы приветствовать его и получить от него благословение. Так как и вслед за тем христиане стекались к нему толпами, то он стал скучать, что нарушают его безмолвие: посему, чтобы и народ назидать, и самому назидаться в безмолвии, преподобный, облобызав гроб Феодора, вышел из Солуни и, подобно Симеону Столпнику, взошел на столп, стоявший недалеко от города. С этого столпа учил он всех, к нему приходивших. Пробыв на столпе довольно долгое время, святой многих обратил к добродетели и жизни монашеской и уврачевал от долговременных, неизлечимых болезней, но потом снова возжелал прежнего безмолвия, потому что умножавшееся стечение к нему благочестивого народа более и более безпокоило его. Возымев этот помысел, он сообщил его солунскому архиерею Феодору, тоже славному подвижнику, и собирался снова удалиться на Афон. В этот раз, убежденный блаженным иерархом, он принял рукоположение в диакона, не ради гордости – ибо и эта гнусная страсть вместе с другими попрана была преподобным, – а для того, чтобы удобнее приобщаться в пустыне Пречистых Христовых Таин[277].

Но и на Афоне святой Евфимий пробыл недолго, потому что там поселилось теперь много монахов, которые намеревались подражать ему; множество их было причиною шума,

уподоблявшегося городскому, и безпокоило Евфимия – тем более, что многие монахи, почитая его как первенствующего и притом священного, стали часто делать ему свои посещения. Итак, желая избежать сего безпокойства, преподобный с двумя единомудренными и единомысленными подвижниками – Иоанном Коловом и Симеоном – удалился на остров, называемый Новых (ныне святого Евстратия), тогда еще необитаемый, и там, найдя желаемое безмолвие, думал, что наконец обрел пристанище невозмутимое. Но завистливый диавол не мог переносить брани против него этих трех ратоборцев и, попущением Божиим, подвиг на них сарацинов, которые, приплыв на двух кораблях, пленили их и хотели было увесть с собою. Но Спаситель наш Иисус Христос чудом спас преподобных Своих. Когда варвары, пользуясь попутным ветром, с веселием и радостью подняли паруса и пустились в путь, и отплыли от острова с милю, корабль, в котором находились преподобные, вдруг стал как вкопанный, никак не двигался с места, тогда как другой, в котором находились ничтожные вещи и несколько книг, принадлежащих святым, плыл хорошо. Это чудо изумило варваров, и один из них, поняв причину такого явления, говорит своим товарищам: «Ужели мы, глупые, не можем понять, что это случилось с нами за насилие, сделанное рабам Божиим? Если не хотим погрузиться в море, давайте скорее освободим их». Товарищи согласились с ним без противоречия, и все они, пав к ногам святых, просили у них прощения, которое тогда же и получили; после сего корабль подвигся сам собою, и они, возвратившись на остров, дали святым полную свободу. Потом преподобные стали просить у них и ничтожные свои вещи, как для них необходимые, но варвары презрели их прошение и отправились в свой путь. Но когда отплыли они от острова на довольное уже расстояние, внезапно подул противный ветер и пригнал их опять к тому же острову. Изумившись этому чуду, варвары тотчас же отдали святым все у них похищенное, только один из них, взбешенный от этого возвращения корабля, схватил Иоанна Колова и бил его, пока не был остановлен товарищами. Тогда святой Евфимий сказал им:

– Арабы! Если бы вы освободили нас без обиды, то мирно достигли бы отечества, а теперь, нанеся обиду брату, вы обидели Бога и скоро узнаете, как велико это зло.

Не солгало пророчение святого. На пути оттуда встретились они с военными римскими кораблями, которые отвели в плен тот самый корабль, где находился обидчик святых, а другой, сверх чаяния, спасся. Так сохранены были святые и прославился прославляющий их Бог; враг же диавол остался посрамленным.

Но так как есть заповедь не искушать Господа Бога и бегать опасных мест (Мф. 10, 23), то преподобные опять перешли на Афон. Впрочем, нападение варваров угрожало им и здесь, ибо некоторые из братий были уже пленены ими; оттого каждый из оставшихся там, опасаясь подобной участи, избирал места безопаснейшие. По этой причине преподобный Иоанн перешел в так называемые Сидирокавсии; Симеон удалился в Элладу, а священный Евфимий со своими учениками перешел во Врастаму. Там же, во Врастаме, жил тогда и прежний сподвижник преподобного – Иосиф, о котором мы многократно упоминали и который потом, уже состарившись, почил о Господе. Многопобедное тело его видели и мы (говорит Василий) в пещере, где он скончался, и поклонились ему; касаясь же его своими руками, весьма дивились, что оно не только оставалось нетленным, но, по благодати Божией, даже источало из себя благовонное миро, помазавшись которым, мы благоухали до трех дней. Это явление как ни чудесно, но оно весьма истинно, ибо есть много примеров, что, по благодати всеблагого Бога, пот подвизающихся ради Него по смерти их превращается в миро. Божественный Евфимий братиям своим построил кельи, а сам безмолвствовал далеко от них, в глубоком рву, – впрочем, принимал всех к нему приходивших и помещал их в кельях братий; в числе других принял он и Онуфрия, славного тогда подвижника, и поселил его одного в особой келье. Смотря на собор этих

живших там блаженных отцов, всякий сказал бы, что он видит в том месте воплощенных ангелов или людей, ставших ангелами. Между тем, преподобный иногда посещал братию и сообщал им многое от своих дарований, а иногда, горя безмолвием, ходил из своего рва на Афон, где, беседуя один на один с Богом, до того очистил ум и сердце свое, что сподобился Божественных видений и получил Божественное откровение, говорившее ему так: «Евфимий! Иди в Солунь; там, в горах, к востоку от города, найдешь ты вершину, называемую Перистера, с источником воды, и увидишь храм святого апостола Андрея Первозванного, древле благолепно созданный, а теперь превращенный в овчарню; очисти это место и для спасения душ преврати в монастырь: Я помогу тебе во всем. Нехорошо тебе долее оставаться в пустыне, в борьбе с демонами, которые, давно побежденные твоей добродетелью, удалились от тебя». Услышав это, преподобный оставляет вершины Афона, приходит к братиям, жившим в кельях Врастамы, и, взяв из них двоих – Игнатия и Ефрема, – отправляется с ними из Афона в Солунь, где был принят христианами как сшедший с небеси ангел. Прибыв туда, он спрашивал о месте, называемом Перистера, и о том, кто владетель его. Найдя знающих то место, взял он проводников и, восшедши с ними на указанную гору, увидел сообщенные ему в откровении ее признаки, обнаружил также на месте храма и овчарню и восстенал, что даже христианами уничижается священное. Потом начал он с бывшими при нем тщательно разрывать место и немного спустя открыл все основание храма. Находившиеся там удивились, как оправдалось проречение преподобного и, убедившись этим, что есть воля Божия быть там училищу душ, приняли созидание его на свои расходы; так воздвигнут был храм святого апостола Андрея, с приделами: с правой стороны – в честь св. Иоанна Предтечи, а с левой – во имя Евфимия Великого. Но прежде чем окончены были священные эти работы, святой испытал много трудов и вреда от завистливых демонов, которые не только скрытно злоумышляли против работавших, но и явно кричали и, бросая в них камни, старались отклонить их от сего дела. Однажды они опрокинули леса здания и низринули сверху зодчего, но так как он Божией помощью остался невредим, то все прочие работавшие, видя безуспешность коварства демонов, воодушевились еще большим дерзновением и усердием. Впоследствии, когда здание приближалось уже к завершению, демоны в одну ночь, поколебав левую его сторону, ниспровергли ее всю и надеялись чрез это принудить мастеров оставить строительство. Но так как, по увещанию святого, павшее снова было тщанием народа благоговейно воздвигнуто, то демоны, утомившись, стали строить козни уже самому святому – старались устрашить его и грозили прогнать оттуда против его воли. Раз ночью покушались они умертвить преподобного, но он знамением честнаго креста и молитвою уничтожил их покушение. В другой раз, когда преподобный поливал огород, демоны устремились на него во множестве, но он с дерзновением сказал им:

– Для чего вы, когда уже вторично умертвил вас Христос, делаете зло Его служителям? Если дана вам от Него власть, употребите ее: вот, я один среди вас, а когда никакой власти не дано, удалитесь от меня, ибо я до смерти не оставлю этого места.

Тогда демоны с громкими криками удалились от святого. Так по молитвам преподобного отца Евфимия воздвигнут был и храм, и монастырь: это совершилось в лето от сотворения мира 6376, от рождества же Христова 868, в первый год царствования Василия Македонянина, индикта 1?го. Нельзя оставить без внимания и телесных трудов святого, какие предпринимал он при строении, – да будут и они предметом подражания для людей, удивляющихся его подвигам. Ночи проводил он в молитвах, а дни в трудах, участвуя лично во всех работах. Блаженный уподоблялся мудрому Веселеилу, который, возвигнув скинию Господу, спас в ней множество народа, исшедшего с Моисеем из Египта, от греха и демонской мамоны, и достигшего небесной земли обетования. Сюда к преподобному собралось множество движимых ревностью к добродетели иноков. Пустыня сделалась градом: люди всякого возраста, рода и состояния, отрекаясь сродников, друзей, мира и

предпочитая небесные блага земным, охотно поручали себя духовному руководству святого и отеческому его о них попечению. Таким образом, вокруг него если не совсем уничтожилось зло, то уменьшилось и заменялось процветанием всякого добра. Как древле народ израильский для устроения скинии давал Моисею все – так и теперь христиане приносили к преподобному разного рода скот, дарили плодоносные земли и вообще все, что требовалось к созиданию обители и пропитанию подвизающихся в ней, чтобы они молились о принесших. Видя, что многие отрицающиеся мира и приходящие в его обитель были новоначальные и неискусные в подвижничестве, и зная различные коварства хитрого врага, святой, как пастырь добрый, опасался за свою паству и потому непрестанными и усердными молитвами просил Господа о спасении их. И Господь, внимающий молитвам Своих праведных и творящий волю боящихся Его, соблюдал его стадо невредимым. Впрочем, всегда ожидая нападения от врага, святой тем не менее утверждал их продолжительными поучениями и говорил: «Братие! Враг наш диавол, по Писанию, яко лев рыкая, ходит, чтобы, найдя кого из нас нерадящим о спасении своем, поглотить его: да хранимся же и подвизаемся. Если мы отреклись от мира, то отсечем пожелания плоти; если мы распяли плоть свою и облеклись в смерть Господню, то да не увлекаемся удовольствиями плотскими и да ходим духом; если для Царствия Небесного облеклись мы в ангельский образ, то да жительствуем как ангелы; если мы действительно любим Господа, то должны хранить Его заповеди; если мы не хотим стяжать славы Его по любви к небу, то по крайней мере да убоимся вечных мучений. Да работаем своими руками, ибо от праздности и лености мы изнемогаем и расслабеваем для творения добрых дел, и тогда безплодие и оскудение бывает необходимым нашим уделом: *не смотряяй своего дому, наследит ветры* , говорит премудрый (Притч. 11, 29), а апостол Павел говорит: *аще кто не хощет делати, ниже да яст* (2 Сол. 3, 10). Храните смирение, любовь, послушание к предстоятелю, имейте к нему веру и ничего не скрывайте от него: исповедуйте ему ваши помыслы и таким образом очищайте ваше сердце и ум, ибо это есть путь спасения». Преподобный напоминал им и о киновии, как светло представил ее святой Иоанн Лествичник, и с такою духовной мудростью учил их всему полезному. Слушающие говорили, что Божественную благодать вдохнул в него Святой Дух, так же, как святым апостолам. Плененные богодухновенным его учением, подчинились ему и мы (то есть Василий), постригшись от него в Ормилии, в храме мировожделенного великомученика Димитрия, и, по назначению его, сидели немного времени в отшельнических его кельях, ибо весьма любили безмолвие, хотя после, побежденные славолюбием, предпочли многомятежную жизнь городскую. Тогда-то, движимые Божественной ревностью и поощряемые желанием святого пастыря, сожгли мы и еретическую книгу Антония-манихея, прельщенного монаха, обитавшего в Кранеях.

Здесь из многих изречений святого я упомяну только о пророчении его мне, дабы вы узнали, что он достиг высокого созерцания, чрез которое, получив дар пророчества, предузнавал будущее. Когда я был пострижен им и пробыл в церкви уже три дня, – каков обычай у монахов по пострижении оставаться внутри храма до семи дней, – Божий сей человек, поистине восшедший от деяния к видению и чрез то стяжавший предвидение будущего, получив вдохновение от благодати Святаго Духа касательно моей будущности, в полдень приходит в храм и, отведя меня в сторону, говорит: «Василий! Хотя я и недостоин светосияния или дара прозорливости, но так как вы притекли под руководство моего недостоинства для пользы вашей, то всеблагий Бог благоволил кануть и мне некую каплю благодати, чтобы, провидев имеющее случиться с вами, сказал я вам полезное ко спасению. Итак, знай, что ты, по любви к наукам, скоро удалишься из монастыря и сделаешься архиереем, там, где Господь тебе предназначил, но тогда поминай и меня, как отца твоего, и обитель нашу, и братий». Следует здесь сказать и о некоторых чудесах преподобного, чтобы вы знали, какое он имел дерзновение к Богу. Ходя некогда по пустынному месту, я и другой брат – Иоанн, именуемый Безмолвником, – были мы в

опасности умереть от голода и утомления, но святой внезапно доставил нам пищу, и мы, укрепившись, пошли в свой путь. В другой раз я и преподобный были далеко от обители, в одном месте, называемом Корония: там объявил он мне об удалении из обители двух братий – Иоанна и Антония, вследствие ссоры с братией. В Солуни, подвизаясь на столпе, изгнал он беса из некоего человека, и средством к тому употребил молитву и помазание от священного елея. Выгнал он также беса и в Перистере из монаха Илариона, который, однако ж, начав осуждать святого, снова подпал под власть демона. Эти два чуда видели мы своими очами. Еще одно чудо совершил преподобный на Афоне: однажды ученики его решились взойти на вершину горы; долго удерживал их святой от этого дела, как не имеющего для них никакой пользы, но они не послушали его – пошли; во время пути вдруг выпал снег и они подвергались опасности быть застигнутыми смертью, но чадолюбивый отец их, провидя духом опасность, поспешил к ним на помощь и таким образом непослушных своих учеников спас от холода и голода. Много и других чудес сотворил святой, но мы для краткости оставляем их.

Пасши стадо свое богоугодно четырнадцать лет и оставаясь неизвестным для своих родственников 42 года, святой наконец дознан был ими – как Иосиф своими братьями. Призвав их к себе, мужей определил он в свою обитель, а жен – в женский монастырь, который тогда создал на купленном нарочно для того месте, и сделал начальницей над ними сестру свою, названную во святой схиме Евфимиею. После сего, поручив оба эти монастыря главному смотрению и попечению солунского митрополита Мефодия и таким образом освободившись от всех забот, святой Евфимий опять взошел для безмолвия на древний свой столп. Но, не найдя там желаемого безмолвия по причине множества приходивших к нему, святой снова удалился на высоты Афона, где, однако ж, тоже обезпокоиваем был приходившими. Предузнав наконец день своего успения и желая, по крайней мере, провести его в покое и наедине, преподобный 7 мая, в память перенесения мощей святого Евфимия, призвал к себе на трапезу бывших с ним братий и, в обществе их отпраздновав этот день, простился с ними, а на другой день, никому ничего не объявляя, взял для служения себе только некоего Георгия-монаха и удалился с Афона на остров, так называемый Священный. Там нашел он одну пещеру, поселился в ней и, подвизаясь до пяти месяцев, наконец, как человек, после краткой и легкой болезни, 15 октября[278] почил о Господе – и приложился ко всем святым, которых добродетелями постоянно украшался. Спустя два месяца после отшествия святого ко Господу узнали о том иноки обители его Перистеры и, желая иметь в нем своего стража и заступника даже по смерти, послали на остров тот монаха Павла и иеромонаха Власия, чтобы они священные его мощи перенесли в обитель. Прибыв туда, они нашли тело святого в пещере, где он почил целым и без всякого признака тления, хотя оно лежало там очень долго, и 13 января перенесли его в богатый мученическими мощами город Солунь[279], к ученикам его. Находясь здесь, святой священными своими мощами чудесно исцеляет телесные наши болезни, а святою душою предстоя престолу Всевышнего, молит Его о душевном нашем спасении и улучшении[280].

Молитвами преподобного и богоносного отца нашего Евфимия да избавимся и мы все от недугов душевных и телесных и да сподобимся Царствия Небесного о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому подобает всякая честь и слава, купно со безначальным Его Отцем и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

20 ОКТЯБРЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Герасима Нового[281]

Многосветлая новоявленная звезда – божественный Герасим родом был из селения Трикала, находящегося в Пелопонессе. Он происходил от благочестивых, благородных и богатых родителей, отца Димитрия и матери Кали, по фамилии Нотара. Род их существует доселе. Когда Герасим достиг возраста, в который обычно отроков обучают грамоте, тогда родители отдали его в училище, где благонравный и прилежных отрок Герасим с большим успехом проходил учение. По достижении совершеннолетия у Герасима явилось желание посвятить себя иноческой жизни, а потому, не заглушая в себе гласа, призывающего его к тихой и безмятежной жизни и не откладывая день на день своего призвания, он в то же время отрешился от мира со всеми его удовольствиями и, оставив отечество и сродников, удалился на остров Закинф, где прожив некоторое время и не обретя того, к чему стремилась и чего желала его душа, он отправился в Элладу. Для пользы душевной обойдя всю ее, он удалился в Фессалию, потом в пределы Эвксинского Понта и наконец посетил Константинополь, и, осмотрев оный со всеми его окрестностями, прибыл в невозмутимое пристанище – св. Афонскую Гору. Прожив несколько времени на Святой Горе, он принял на себя великий ангельский образ и в то же самое время, желая подражать подвижникам, сиявшим в то время на Афоне, в добродетельной жизни, он, подобно мудрой пчеле, обходил их кельи, почерпая у них духовное любомудрие и великую душевную пользу. Изучив делом добродетельную жизнь и укрепившись мужеством и терпением, он пожелал побывать в Иерусалиме и поклониться тем святым местам, по которым во дни земной своей жизни шествовал Божественными стопами Искупитель наш Иисус Христос. Итак, взяв у старцев напутственное благословение, он отправился в Иерусалим, где поклонившись живоносному Гробу Спасителя и другим святым местам, он пожелал побывать и на Синайской горе; отсюда отправился в Антиохию, Дамаск, Александрию; пройдя весь Египет и Варварию, он опять возвратился в Иерусалим, где, по великому своему усердию к святыне живоносного Гроба Господня, сделался здесь кандиловжигателем[282]. Блаженный патриарх Герман, видя добродетельную жизнь Герасима и желая, чтобы оная была видима всеми и приносила бы видевшим пользу, рукоположил его в диакона и потом в пресвитера, и оставил при патриаршем доме.

С принятием пресвитерского сана блаженный Герасим не только не ослабил своих подвигов, но еще более усугубил их. Отсюда иногда удалялся он для безмолвия на Иордан, и здесь, к удивлению, укрепляемый Божией благодатью, возмог совершить то, что мы слышим о великих пророках боговидце Моисее и ревнителе Илии: он, при помощи Божией, подобно им, и по подражанию Спасителю нашему, возмог пропоститься непрерывно 40 дней. Этим постом своим преподобный Герасим заградил уста тех легкомысленных и малодушных, которые говорят, будто были когда-то такие чудные дела, но теперь нельзя быть им, ибо человеческое естество изнемогло. Он заградил уста подобных людей и показал великим своим делом, что не естество, а произволение христиан изнемогло и добродетель оскудела, для которой укрепляется свыше немощная плоть, – так что эти паче человека подвиги совершаются при помощи Божией: естество же человеческое ни в какое время само по себе, без помощи свыше, не было способно совершать их. Но возвратимся к своему предмету.

После чудных своих на Иордане подвигов божественный Герасим возвратился в Иерусалимскую патриархию, но не имея возможности уже безмолвствовать там по своему желанию, ибо сорокадневный тот пост, кажется, совершенно окрылил его Божественной любовью, и потому душа его стала искать совершенного безмолвия, – выпросил у

патриарха позволение идти, куда наставит его Господь. Патриарх, видя его преуспевшего в высокой иноческой жизни, с любовью дал ему благословение и отпустил его с миром.

Получив благословение, блаженный Герасим отплыл на Крит, но не найдя здесь места сообразно своему желанию, удалился в Закинф. Здесь он в одном непроходимом месте, наверху горы, нашел пещеру, которую избрал себе жилищем. Притом, желая подражать древним подвижникам, и сей блаженный Герасим, как достойный ученик тех великих мужей, подобно им, начал проводить равноангельную жизнь, не заботясь ни о пище, ни о питии, ибо, укрепляемый подвигоположником Иисусом Христом, он питался только одними зельями, которые росли на горе. И таким образом один, наедине с самим Богом, пробыл он в этом уединении 5 лет. Но Господу Богу угодно было, чтобы сей светильник долее не скрывался под спудом, а чтобы горел в виду всех и видевшие его получали просвещение своих сердец, и чрез это прославляли бы Отца Небесного. А потому блаженный Герасим, по внушению свыше, оставил Закинф и, перейдя на остров Кефалонийский, поселился на одном излюбленном им месте, называемом Пещеры.

Кефалонийские жители, узнав о поселившемся на их острове подвижнике Христовом, начали приходить к нему за благословением и за советами; число приходящих день ото дня увеличивалось все более и более, чрез что нарушалось любимое его безмолвие. А потому он, после 11-ти месячного пребывания, удалился в другое, более безмолвное место, именуемое Омала. Здесь блаженный Герасим нашел ветхую запустелую церковь, которую при помощи островитян возобновил и назвал Новым Иерусалимом. При возобновленной им церкви он построил себе малую келийку и здесь пожелал остаться навсегда, так как это место вполне соответствовало его сердечному желанию. Однако и здесь жители острова не оставляли его в покое, часто приходя к нему за советами. А так как у некоторых из них были дочери, которые, по любви к жениху Христу, не пожелали сочетаться браком и жили в домах своих родителей, проводя жизнь подобно иноческой – удаляясь от мирских увеселений и прочего, то родители таковых дочерей, видя блаженного Герасима, сияющего добродетельной и опытной жизнью, стали убедительно просить его, как Самим Богом посланного к ним, устроить при церкви для их дочерей монастырь и руководить их в духовой жизни, будучи им и духовником, и наставником.

Блаженный Герасим, видя усердную просьбу островитян, склонился на их желание и, движимый Божественной любовью и имея на это понуждающего его св. апостола Павла, который в посланиях своих говорит: *«никто не ищи своего, но каждый пользы другого»* (1 Кор. 10, 24), с особенной ревностью стал заботиться о создании келий и всего необходимого для невест Христовых. По окончании построек в эту новую обитель собралось ищущих спасения 25 стариц. Блаженный Герасим, как опытный и мудрый пастырь, бдительно смотрел за собранным Богом своим стадом, не допуская до оного мысленного волка, готового расхитить и разогнать оное из ограды монастырской. Почему часто поучал их мужественно отражать вражеские козни и терпеливо переносить скорби и лишения ради будущих благ.

Прожив 30 лет в постоянных трудах, бдении, молитве, коленопреклонении с долулежанием, употребляя в пищу во все время подвижнической своей жизни вместо хлеба одно лишь зелие, он удостоился получить от великодароватого Бога дар чудес. Начало оных совершилось со следующего обстоятельства: в одно время случилось в Кефалонии бездождие и засуха. Жители острова, находясь в великой скорби, стали просить преподобного Герасима, чтобы он умолил Господа, Которого они прогневали своими грехами, ниспослать им дождь. Преподобный Герасим по глубокому своему смиренномудрию долго отказывался от сего великого дела, превышающего его силы, называя себя грешником и не имеющим такого дерзновения пред Творцом Небесным. Но

жители, зная его высокую и богоугодную жизнь, слезно умоляли его не скрывать данную ему Богом благодать и не утаивать величия даров Божиих, чрез которые прославляется Отец Небесный. Преподобный, видя слезы народа и вполне соболезнуя их скорби, преклонил колена и с умиленною и смиренною молитвою обратился к Богу, умоляя прогневанного Господа явить Свою милость и не до конца погубить Свое создание, но ниспослать на землю дождь. Всесильный Бог не отринул молитву праведного мужа, повелел облакам излить на иссохшую землю изобильный дождь и возвеселил сердца скорбящих людей Своей милостью.

Кроме этого чуда преподобный Герасим своей молитвой врачевал различные неисцельные болезни и изгонял нечистых духов, живших в людях. И таким образом, дожив до старости маститой, он приблизился и к блаженной своей кончине, о которой был извещен за несколько дней до своего преставления. В самый же день своей кончины он призвал всех инокинь – духовных своей дочерей – и, преподав им благословение, сотворил за них свою последнюю молитву, и его святая душа мирно и тихо отошла ко Господу 15 августа 1579 года на 71?м году от рождения.

Спустя два года по преставлении преподобного Герасима случилась надобность перенести его мощи в другое место. В то самое время по делам церкви был в Кефалонии наместник Константинопольского патриарха Иеремии, с благословения которого инокини после всенощного бдения приступили к открытию гроба преподобного. Когда был открыт гроб святого Герасима, тогда все, а в том числе и наместник патриарха Иеремии, увидели честное тело преподобного Герасима целым, невредженным и отнюдь не имеющим ни малейшего следа истления, и притом от оного исходило ароматное благоухание[283].

В то же самое время много совершилось чудес от святых мощей преподобного, которые не переставали источаться и после этого от цельбоносного гроба угодника Божия.

Из числа многих таковых чудес приведем здесь следующее.

Одна женщина, одержимая нечистым духом, пришла в монастырь, где погребен был преподобный Герасим, помолиться над его гробом в надежде на его помощь изгнания из нее беса. А так как сия несчастная пришла в обитель уже в глубокий вечер, то и осталась заночевать до утра в монастыре. Но в полночь диавол, живший в несчастной, видя скорое свое изгнание, захотел погубить свою жертву, а потом ввергнул ее в колодец в намерении утопить оную. Но в то же самое время вдруг инокини услышали в своих кельях необычайных голос преподобного Герасима: «спешите, спешите скорее, беснуемая находится в крайней беде и нуждается в помощи». Инокини поспешили в ту келью, в которой оставили беснуемую, но ее там не было, стали искать по всему монастырю, и когда взглянули в колодец, то к удивлению всех увидели одержимую бесом, стоящую ногами на поверхности воды. Когда ее вытащили из колодца и стали спрашивать, каким образом она попала в колодец и сохранена от утопления, тогда она со слезами отвечала:

– Как только по действу диавола я упала в колодец и погрузилась в воду, то в этом время увидела преподобного Герасима, который, взяв меня за руку, вытащал из воды, и потом, будучи поддерживаема невидимой силою, я осталась стоящею поверх воды, как бы на твердой земле, и с того часа совершенно освободилась от мучившего меня диавола.

Все, видевшие это чудо, прославили Бога, творящего дивные чудеса святыми Своими, воздавая достойное благодарение и угоднику Его преподобному Герасиму, который и поныне источает чудеса всем, с верою призывающим его в помощь. Преподобный

Герасим по внешнему виду был подобен святому Феодосию Киновиарху, только у святого Герасима борода была немного руса[284].

Молитвами преподобного Герасима, благодатию же Господа нашего Иисуса Христа, да сподобимся и мы получить части избранных Его. Аминь.

Житие и страдания святого нового преподобномученика Игнатия[285]

Местом родины святого преподобномученика Игнатия было селение Эски-Загра, Терновской епархии, населенное болгарами. Отец его Георгий и мать Мария были православные христиане, которые впоследствии из этого селения переселились в Филиппополь и там отдали Игнатия, названного в св. крещении Иоанном, учиться грамоте. Обладая от природы прекрасными способностями, он в короткое время изучил свой славянский язык, а для дальнейшего образования себя в науках удалился в Рыльский болгарский монастырь, а там поступил под руководство одного ученого старца, у которого пробыл шесть лет, изучая разные науки и вместе с тем благодушно перенося от него разные оскорбления, так как старец был вспыльчивого характера. Но однажды, когда старец на Иоанна за что-то сильно рассердился и раздражительность его начала уже было выходить из границ, так что жизнь блаженного находилась в опасности, тогда он, убоявшись могущих быть несчастных последствий, удалился оттуда опять в дом своего родителя.

В то время объявлена была Сербии Турцией война, во время которой турки, собирая свои войска, увидели отца Иоаннова, который был высокого роста и отличался от прочих атлетическим телосложением и храбростью; на него они обратили особенное внимание, предложили ему поступить в турецкие ряды, а потом обещались сделать тысячником, но благочестивый Георгий наотрез отказался от их предложения, говоря: «Не могу идти против единоверных мне христиан», – за что тотчас был прободен мечом, а потом обезглавлен. Жену же его и двух дочерей разными угрозами принудили отречься от Христа и принять мусульманскую веру. Иоанн, видя такое несчастие матери и сестер, переоделся в другие одежды и укрылся в доме одной благочестивой старицы. Злодеи, узнав, где он скрывается, отрядили несколько солдат, чтобы схватить его, но, будучи храним Промыслом Божиим, Иоанн избег рук своих преследователей. Тогда добрая та старица для безопасности отправила его во Влахию. Переходя здесь из одного места в другое, он дошел до Бухареста, где познакомился со святым преподобномучеником Евфимием и сблизился с ним такой тесной дружбою, что, казалось, в двух их телах была одна душа. Однако свободная бухарестская жизнь повлияла и на его юное сердце, и он уже стал ощущать в себе опасность впасть в беззакония, а потому решился удалиться на св. Гору Афон.

Пробираясь на Святую Гору, он в Шумле встретился с другом своим, св. Евфимием, который несколько ранее оставил Бухарест и здесь, в Шумле, как сказано в его жизнеописании, отрекся Христа[286].

Видя друга своего в таком состоянии, Иоанн душевно сожалел о его несчастии, однако поспешил удалиться оттуда, боясь, чтобы и с ним не случилось какого-либо несчастия, по случаю бывших тогда военных смут. В то самое время, когда он занят был такими мыслями, в тот дом, где он имел пребывание, вошло несколько человек турецких солдат и начали грабить все, что только им попадалось на глаза. Увидев Иоанна, они с угрозами подступили к нему и стали принуждать его отречься от Христа. Убоявшись угроз,

несчастный Иоанн согласился отречься от христианской веры и имени Господа нашего Иисуса Христа. Турки, поверив Иоанновым словам, оставили его в покое, а сами опять занялись прерванным грабежом. Тогда Иоанн, улучив удобную минуту, вышел из дома и тотчас удалился из Шумлы, и идя день и ночь, достиг своей родины Эски-Загра, а отсюда с одним святогорским проигуменом Григориатской обители отправился на Афон и там поступил в этот монастырь. Спустя некоторое время он из Григориатской обители перешел в скит св. Анны. Однажды Иоанну по какому-то делу случилось быть в Солуни, и там, во время своего пребывания, он увидел св. преподобномученика Давида, который за исповедание христианской веры был повешен на дереве.

Подвиг сего доблественного мученика воспламенил в сердце Иоанна огонь Божественной любви до того, что у него явилась ревность самому пострадать за имя Христово и принять мученическую кончину. Но, как видно, на его желание не было еще тогда воли Божией, устрояющей все своевременно к нашей пользе.

В то время случилось в Солуни быть одному святогорскому старцу, который отклонил Иоанна от его намерения, – посоветовал ему идти обратно во Святую Гору, укрепить себя духовными подвигами и тогда уже, если на то будет воля Божия, вступить в мученический подвиг. Выслушав совет доброго старца, Иоанн согласился последовать оному и спустя несколько дней вместе с сим добрым спутником прибыл обратно на Афон, в скит св. Анны, где оный старец вскоре заболел и почил о Господе, а Иоанн после его смерти переместился в Кавсокаливский скит. Здесь он узнал о бывшем своем друге преподобномученике Евфимии, который принял за Христа мученическую кончину. Порадовавшись благоприятному исходу своего друга и от всего сердца вознеся благодарственную молитву к Небесному Отцу, исхитившему заблудшую овцу от хищного волка-диавола, он и сам решился следовать по стопам преподобномученика Евфимия, а потому тотчас же отправился в скит св. Предтечи, к духовнику Никифору (отцу и наставнику Евфимия), и усердно стал умолять принять его под свое духовное руководство. Из последовавшего между ними затем разговора Никифор узнал подробно всю прошедшую жизнь Иоанна и согласился принять его к себе в ученики.

Под руководством опытного духовника Никифора Иоанн день от дня все более и более преуспевал в добродетелях, так что молитва, бдения и коленопреклонения составляли ему утешение, а имя Иисусово, которое постоянно царило в его сердце, сделалось его жизнью. Кроме этого он ежедневно прочитывал часть священного Евангелия и несколько раз в день возносил к Богоматери краткую молитву, прося Небесную Ходатаицу сподобить его мученической кончины. Пища же его состояла из хлеба и воды, которые он употреблял с воздержанием.

Проводя такую строгую жизнь, дух его не ослаблялся и не приходил в уныние, и он постоянно был весел; притом, желая пострадать за веру в Иисуса Христа, он во всем старался подражать св. Евфимию, и что только тот делал до своей мученической кончины, то всемерно старался делать и достойный его подражатель, обращаясь с частою к святому своему другу молитвою, дабы он споспешествовал и ему вступить в великий подвиг мученичества и мужественно принять смерть за Христа.

Такие подвиги и стремления вооружили против него исконного врага диавола, который воздвиг против него войну и всячески старался охладить его сердце от добродетельной жизни. Злобный враг начал свои действия с того, что стал ему внушать разные мирские удовольствия. А однажды изнуренное его тело разжег блудной страстью до того, что от пламени оного он упал на землю и долго лежал, как полумертвый. Когда же страсть несколько утихла и он пришел в себя, тогда рассказал своему старцу обо всем с ним

случившемся. Добрый старец успокоил его и советовал не смущаться кознями врага, который ничего не может сделать против нашего желания; и таким образом, укрепив его Божественными словами, отпустил с миром.

Выйдя от старца, блаженный подвижник зашел в церковь и со слезами стал молиться пред иконою Богоматери, прося Богоневесту явить ему Свою помощь и заступление от воздвигнутой на него диаволом блудной брани. После молитвы он ощутил некое благоухание, и с того часа помощью Царицы Небесной блудная страсть совершенно его оставила.

Наконец приблизилось давно желанное время произвольного мученичества подвижника Христова, и, как созревший колос, Иоанн еще с большим против прежнего желанием хотел умереть за сладчайшего Господа своего Иисуса Христа, а потому усиленно стал он просить благословения у своего старца вступить в мученический подвиг, но старец не соглашался и всячески отклонял его от этого намерения, что, однако, огорчало Иоанна, и он из всегдашнего веселого настроения сделался печальным. Опытный старец, видя своего ученика в печали по Бозе и в неизменном решении умереть за исповедание христианской веры, – из этого познал волю Божию и, постригши его в ангельский образ с именем Игнатия, благословил его на мученическое страдание, дав ему в спутники Григория, который сопровождал на мучение друга Игнатиева, святого Евфимия.

Вскоре после этого Григорий с Игнатием отправились в Константинополь. На пути они зашли в Иверский монастырь; здесь, поклонившись чудотворной иконе Богоматери Портаитиссы и испросив от тамошних отцов о себе их молитв, отошли в Лавру, а оттуда 20 сентября отправились на корабле в Царьград.

По прибытии в Константинополь Григорий отыскал того самого христолюбца Иоанна, который в свое время так много послужил св. Евфимию. Этот благочестивый муж с братской любовью принял их в свой дом и, между прочим, соизволил быть полезным и Игнатию.

Когда настал день, в который Игнатий должен предать себя на мучения, тогда они все приобщились св. Христовых Таин, потом одели Игнатия в турецкую одежду, и после краткой молитвы он с Григорием отправился в Оттоманскую Порту, но в этот день почему-то в Порте не было присутствия и Игнатию пришлось ожидать несколько дней, когда оное будет. В промежуток этого времени он несколько раз наведывался туда, но всегда возвращался домой с великой скорбью о своей неудаче. Опечаленный такими неуспехами, он однажды в полночь обратился со слезной молитвой к Богоматери и, стоя на коленах пред св. Ее иконою, умолял свою Покровительницу благоустроить ему путь к мучению. Вдруг в этот тихий полуночный час произошел какой-то шум и от иконы Божией Матери отделился светлый венец и сам собою возложился на главу Игнатия.

На другой день после этого видения он отправился в Порту, где на этот раз было присутствие, вошел в судилище и, подошедши к грозному судье, сказал: «Судья! Я в отрочестве моем, будучи принужден угрозами от ваших турок отречься от Христа, убоявшись их истязаний, дал слово согласия оставить христианскую веру – теперь же пришел сюда за тем, чтобы взять назад данное мною слово и засвидетельствовать пред вами Христа моего истинным Богом и Творцом всего видимого и невидимого». Сказав это, он снял со своей головы зеленую повязку и бросил ее на землю. Судья, услышав такое дерзновение, с гневом спросил святого:

– Что ты за человек? Монах или мирской, и кто тебя привел сюда?

– Я сюда пришел один, – отвечал мученик, – а путеводителем имел Христа моего, а если же ты не веришь, то в доказательство смотри и убедись в истине моих слов, – и, вынув из-за пазухи малую икону Господа нашего Иисуса Христа, которую он носил на персях вместе с крестом, показал оную судье.

– Оставь глупые свои слова и опомнись! Знай наперед, что ты своей непокорностью заставишь меня осудить тебя на тяжкие мучения, а потом на безчестную смерть; в противном же случае мы наградим тебя богатыми дарами, произведем в чины, дабы и ты вместе с нами наслаждался удовольствиями в жизни.

– Дарами твоими и почестями, как временными, гнушаюсь, – отвечал мученик, – а угрозы твои нисколько не страшат меня, так как я за тем и пришел сюда, чтобы умереть за Христа моего, Который есть вечный и безсмертный Бог; лжепророк же ваш есть учитель погибели, который сам погиб, да и вас вовлек в погибель, и вы, его последователи, будете вместе с ним мучиться, если не уверуете во Христа, истинного Бога.

Видя смелость юного обличителя их веры, судья закипел гневом и, не сказав ни слова, дал знак предстоящим, чтобы мученика вывели вон. Один из слуг схватил его и было потащил насильно, но мученик, оттолкнув его, подошел к судье, преклонил пред ним колена и главу и опять начал обличать их веру и просил гневного судью обезглавить его. Тогда слуги, взяв его насильно, забили ноги в колоды и бросили в темницу; при этом мучители насмехались над верою во Христа и принуждали страдальца уверовать в Магомета. Мужественный подвижник Христов благодушно переносил их оскорбления и насмешки и подобно св. апостолам радовался, что страдает за святое имя своего Господа (Деян. 5, 41).

По окончании присутствия судья приказал привести мученика, и когда посланные привели святого, судья спросил:

– Скажи мне: кто тебя привел сюда?

– Господь мой Иисус Христос, – отвечал мученик.

– Сын мой, опомнись! Не будь настолько упорен и горд: иначе я вынужден буду предать тебя таким мукам, каковых никто и не слыхал; кроме того, и не думай, что тебя обезглавят и что христиане возьмут твою кровь как святыню! Нет, я прикажу тебя повесить!

– Обезглавишь ли ты меня или повесишь, – отвечал мученик, – для меня ты окажешь одинаковое благодеяние, и я какую бы то ни было смерть приму с радостью за сладчайшего моего Иисуса.

Видя непреклонность св. мученика, судья приказал ввергнуть мученика в одну секретную темницу. В этом мрачном узилище безчеловечные мучители целых два дня тиранили св. страдальца, но доблий мученик, бывши укрепляем Иисусом Христом, за Которого терпеливо переносил страдания, и на обольстительные обещания остался непоколебимым. На третий день судья опять приказал привесть святого и, когда увидел, что он продолжает твердо стоять в вере в Иисуса Христа, дал окончательное свое решение повесить его. Слуги тотчас схватили Игнатия и, как незлобивого агнца, повлекли на смерть. Достигнув места Пармак-капи, мучители задушили здесь добровольного мученика и повесили на дереве.

Таким образом св. мученик Христов Игнатий окончил жизнь свою за исповедание веры во Христа, Которого некогда по своему малодушию хотел отречься, 8 октября 1814 г., в

четверг, в седьмом часу (по восточному времени), и с верха дерева, на котором он был повешен, его чистая и девственная душа отлетела в небесные обители.

Когда узнал Григорий о кончине св. Игнатия, тотчас отправился на место казни и издали поклонился св. мученику как живому, а чрез три дня купил у палачей его мощи; потом взял мощи и прежде пострадавшего св. Евфимия, которые были погребены на острове Проти, и 13 октября отбыл из Константинополя, а 20 числа того же октября благополучно прибыл на Святую Гору с драгоценною ношею. Мощи обоих мучеников были положены в новосозданном храме, при келье духовника Никифора.

Не должно умолчать и о чудесах, которые совершил св. мученик Игнатий. Так, в Галате Константинопольской были двое несчастных – больных, один помешанный умом, а другой расслабленный, и как только надели на голову больных скуфью[287] святого, сперва на одного, а потом на другого, с призыванием имени преподобномученика Игнатия, тотчас расслабленный стал здоров телом, а помешанный пришел в свой ум. – Богу нашему слава, прославляющему святых Своих, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Честная глава св. преподобномученика Игнатия находится ныне в Русской на Афоне обители св. великомученика Пантелеймона. Память его совершается и 1-го мая, вместе со святыми преподобномучениками Евфимием и Акакием.

21 ОКТЯБРЯ

Житие и подвиги преподобного отца нашего Филофея[288]

Земная отчизна божественного Филофея, нареченного при святом крещении Феофилом, была Хрисополь, что в Македонии. Родители его были из города Елатии азиатской. По чувству страха и опасений со стороны безчеловечных турок оставив Елатию, удалились они в Хрисополь, где скончался отец Филофея, оставив в сиротстве брата его и его самого. Мать их, проводя скитальческую жизнь в земле чужой, где не было у нее ни родственных связей, ни приязни дружества, как странница со своими сиротами оставалась в презрении у граждан и терпела от них различные обиды. В таком страдальческом положении она оплакивала вдовий свой жребий, а дети ее – свое сиротство. В тогдашнее время турки при безнаказанности со стороны правительства и при варварском владычестве своем над христианами отнимали у них детей и либо насильно, либо ласками увлекали их в исламизм, делая их таким образом из чад Божественного света чадами тьмы и заблуждений. В числе прочих похищен был от вдовствующей матери и Филофей со своим братом и представлен к Амире, который приказал их бросить в темницу. Несчастная мать, заливаясь слезами, плакала то о детях своих и вдовстве, то об убожестве и совершенном пренебрежении от всех и все свое утешение находила только в чаянии милости и заступления от Царицы Небесной, Пресвятой Девы Марии Богородицы, к Которой молитвенно прибегала в плаче и в страдальческих слезах, поручая Ей как себя, так, в особенности, детей и умоляя Ее о спасении их от козней сатанинских и избавлении от плена агарянского. Молясь с верою, она была услышана: дети ее чудесным образом были спасены и выведены из темницы. Это произошло следующим образом: однажды ночью явилась находящимся в темнице детям ее Богоматерь, в виде их собственной матери, и сказала:

– Встаньте, дети мои возлюбленные, и следуйте за Мною.

Дети вскочили от радости: между тем, двери темницы растворились сами собою и Богоматерь, выведя оттуда детей, привела их в монастырь в городе Неаполе, посвященный пречистому Ее имени. Это было во время утрени. Приказав им остаться в этой обители, Она убеждала их, чтоб слушались игумена и братию, а в заключение повелевала принять на себя ангельский образ.

– Я, – продолжала мнимая мать, – спустя несколько времени приду к вам: успевайте, дети, в подвигах духовной жизни, и прощайте!

При этих словах Она благословила их и стала невидима. После утрени, принимая благословение от игумена, дети рассказали ему о случившемся с ними – и тот по вдохновению свыше понял из этого, что они выведены из темницы чудесным образом. Прославляя всемогущество Бога, он поручил детей одному из своих старцев для обучения их Священному Писанию и правилам иноческой жизни. Скоро успели они в духовном образовании, и, согласно сердечному их влечению и побуждениям духа, игумен постриг их в иночество и назначил им должность экклесиаршескую. Безусловное послушание, назидательный образ жизни и видимое преуспеяние во всех родах добродетелей иноческих скоро обратили на них внимание всей обители: старцы радовались о них и прославляли Бога. Особенно Феофил, нареченный в ангельском образе Филофеем, отличался безропотным послушанием и дивным смирением. Между тем, мать Филофея, не имея никаких сведений о похищенных и отнятых у нее детях, решилась и сама оставить мир и посвятить себя подвигам иноческой жизни. Вследствие сего она оставила Елатию и по тайному водительству Промысла удалилась в тот же город Неаполь[289], где и вступила в женскую обитель. Там она скоро приняла пострижение от того самого старца, который постригал ее детей, и наречена была Евдокией. Находясь на таком близком расстоянии, мать и дети решительно не знали друг друга, и в этой неизвестности протекло несколько времени.

Раз, по случаю храмового праздника, в мужскую обитель, где подвизался преподобный Филофей с братом своим, в числе прочих монахинь женского монастыря пришла и Евдокия. Когда кончилась Божественная литургия, младший из детей Евдокии, встретив своего брата, занимавшего должность екклесиарха, случайно назвал его вслух по-прежнему мирским именем. При имени Феофила Евдокия вздохнула и, невольно увлекаемая чувством материнской любви, начала всматриваться в лица двух братьев: ее сердце билось невыразимо! Недолго могла она удерживаться от внутренних волнений и порывов материнской нежности: Евдокия подошла к ним, назвала каждого из них по имени, и когда сами братья в старческих ее чертах узнали черты незабвенной матери, – тотчас упали в ее объятия и сладко плакали, благословляя Бога, соединившего их воедино. На вопрос ее, когда и каким образом освободились они из плена, дети отвечали:

– Ты сама лучше знаешь это; к чему же любопытствуешь? Не ты ли, исхитив нас из рук турок, привела сюда? И не ты ли велела нам жить в сей обители, обещаясь придти к нам?

Мать поняла тайны судеб Божиих: из этого убедилась она в особенном предстательстве Божией Матери и прославила Ее помощь и дивное спасение. На слезы радости и на трогательное свидание матери с детьми ее собралась вся братия и, узнав о чудном происшествии, торжествовала духовно. С того времени Евдокия, оставаясь в обители, до конца подвижнических своих дней служила Богу с большим против прежнего усердием и славила особенное предстательство Богоблагодатной Девы Марии Богородицы, избавившей детей ее от нечестивых турок, и мирно отошла ко Господу. По ее кончине и дети ее подвизались в своей обители, неукоризненно проходя свое звание и оставаясь образцом подражания для братства. Между тем, враг, всегда завистливый к

подвижническим успехам святых людей и ненавидящий добро, видя Филофея на высоте совершенства духовного и не имея собственных сил вредить ему, избрал орудием своего ратования и козней одну девицу. Несчастная, Бог весть по каким побуждениям сердца вступив в женский монастырь в число непорочных агниц Христовых, имела свободный вход в обитель, где подвизался Филофей – так как настоятель бы духовным ее старцем, – и постоянно встречаясь с преподобным, пленилась его видом, возмутилась преступными движениями плотских страстей и начала искать удобного времени к приведению в действие задуманного греха. Враг, со своей стороны, не замедлил доставить ей случай к тому, и бедная, в безстыдстве своем, решилась не только объясниться в своей злосчастной страсти к непорочному Филофею, но и насильно влекла его к исполнению безпутного ее желания. Напрасно божественный Филофей напоминал ей долг ее, обеты ангельского образа и Страшный Суд Божий за подобное преступление: она не только не внимала его убеждениям, но, видя его непреклонность, как древнего Иосифа, безстыднее первого нападала на него, как новая египтянка. Сначала Филофей в надежде на исправление помраченной скрывал от всех укоризненную ее склонность, но впоследствии, видя опасное ее положение и не доверяя своим собственным чувствам в ратовании и брани подобного рода, вынужден был открыться во всем игумену, побуждаемый к тому и опасением, что мог и другой кто-либо впасть в искусительные сети женской страсти и погубить свой постнический труд. Следствием сего было то, что несчастную выслали из обители, как повинную в соблазне. Между тем, братия, узнав целомудрие Филофея, дивились твердости его и прославляли его, как нового Иосифа, устоявшего противу обольщений преступной страсти. А божественный Филофей, чувствуя со своей стороны опасность и тлетворные следствия человеческой похвалы, решился оставить монастырь. Долго игумен противился его намерению, но наконец, видя непреклонность его мысли, уступил ему. Таким образом, простившись с братией и напутствуемый старческим благословением и любовью, он радостно пошел, подобно жаждущей лани, на святую Гору Афонскую, как в небурное и тихое пристанище. Там, по прибытии своем, он прежде всего поступил в число братства Дионисиатского монастыря, как новоначальный, и все роды послушания проходил с безусловной готовностью и усердием, так что братия и настоятель не могли нарадоваться ангельской его жизни, благодаря Бога за дарование им такого брата. Протекло таким образом довольно много времени; Филофей, чувствуя необходимость безмолвия после многолетних трудов послушания, решился удалиться в какую-нибудь из соседственных пустынь. Чтоб не было со стороны обители препятствия к исполнению давнего и сердечного желания, он притворился глухонемым, следствием чего и было то, что ему позволили вести себя так, как угодно было ему самому. Тогда-то, удалившись из обители, он погрузился в невозмутимую тишину пустыни, отстоявшей на шесть стадий от обители, и, исключительно посвятив себя молитвенным подвигам, хранил строгий пост, часто по целой неделе ничего не вкушал, а если и вкушал когда, то лишь хлеб с водою. При таких подвигах и строгих лишениях плоти, как и прежде он не избег упорной брани и искусов завистливого сатаны, который, не надеясь увлечь его в сети адского своего ловительства обыкновенными средствами, решился ринуть его со скалы в пропасть и таким образом положить конец его подвигам. Для этого сатана принял жалкий вид человека, потерпевшего кораблекрушение. Явившись на одной из соседственных прибрежных скал, он жалобно кричал и умолял преподобного сойти и помочь ему в бедственном его положении. Не подозревая тайных покушений врага, преподобный, тронутый несчастием мнимого человека, спустился к нему, желая знать, чего он хочет, и едва только приблизился к нему на отвесный край скалы, сатана ринул его в пропасть, но не успел в своем чаянии. Бог сохранил раба Своего совершенно невредимым. Вслед за тем напали было на преподобного разбойничавшие на море турки: при виде их ученики святого (их было трое) в испуге скрылись в лесу, а преподобный, без смущения и боязни оставаясь в келье, перекрестился, воздел руки свои к небу и молил Господа, чтоб Сам Он, спасший Израиля от рук фараона, спас и его с учениками от разбойнического нападения.

Едва только кончил он молитву свою, море разыгралось и турки, видя опасность для своих кораблей, готовых разбиться о прибрежные скалы, погрузились на них и скрылись из виду. Снова спасенный таким чудным образом от опасности, преподобный Филофей усерднее прежнего подвизался с учениками и так угодил Богу своей строгой жизнью, что удостоился наконец дара прозорливости. Однажды в Ватопеде, на празднике, за Литургией, святой во время великого выхода увидел ворона, кружившегося над одним из служивших иеромонахов: из этого он понял, что несчастный служитель алтаря недостойно совершает Божественное свое служение. Преподобный кротко заметил иеромонаху о чрезвычайной важности иерейского служения и, наконец, убеждал его оставить священнодействие, что тот и принял со смирением. Таким образом, дивный Филофей, постоянно возвышаясь по степеням подвижничества к совершенству духовной жизни, наконец достиг глубокой старости и мирно почил смертным сном, будучи 84 лет от роду. Когда настал час праведнической кончины, преподобный строго запретил ученикам погребать его тело, велел бросить оное с безчестием в лес на расхищение и в снедь зверям и птицам, что ученики и исполнили в точности по смерти его. Но Бог, прославляющий святых Своих и возвышающий смиренных, не допустил его мощам оставаться в безвестности и уничижении. Один старец, занимаясь рыболовством, остался переночевать на море. Только пред утром вдруг видит в лесу чрезвычайный свет: приняв это за обыкновенный свет от разведенного огня, он пошел туда для того, чтоб погреться. Но каково было его удивление, когда он вместо огня находит череп, уложенный на рассыпавшихся костях, от которого исходил удивительный свет и сиянием своим озарял соседственные места! Пораженный чудом, он сначала затрепетал и хотел удалиться оттуда, но потом ободрился, пал пред смертными останками неведомого угодника, так дивно прославленного по смерти Богом, и, взяв их, удалился в свою келью с тем, чтоб такое безценное сокровище скрыть у себя. Однако ж Богу не угодно было это. В следующую же ночь старец видит во сне преподобного Филофея, который грозно приказал ему немедленно отдать главу ученикам его, что старец тогда же и исполнил, рассказывая им о виденном им чуде. Как Божественный дар, как залог старческих молитв и благословения свыше ученики приняли главу преподобного своего учителя и, прославляя Бога, так прославляющегося во святых Своих, просили его помощи и содействия к достойному хождению по стопам дивного старца. Преподобный Филофей скончался 21 октября, и ныне, наслаждаясь нескончаемым блаженством во светлости святых, немолчно славословит Святую Троицу, Ей же и от нас подобает слава и поклонение во веки. Аминь.

26 ОКТЯБРЯ

Страдание святого преподобномученика Иоасафа[290]

Преподобный Иоасаф был учеником святейшего патриарха Константинопольского Нифонта (11 августа). Стараясь по силам подражать добродетельной жизни и подвигам учителя своего, он достиг такой высоты совершенства любви к Богу, что желал пролить и свою кровь за Него. И когда объявил о таком желании блаженному Нифонту, тот, провидя духом, что есть на то звание и воля свыше, предсказал ему, что он совершит подвиг мученичества в Константинополе. Итак, после кончины святого Нифонта, благословенный Иоасаф отправился в Константинополь и там, явившись в судилище турецкое, проповедал с великим дерзновением пред всеми мусульманами таинство Святой Троицы и таинство воплощения Сына и Слова Божия, Его смерть крестную за наше спасение, и прочее. Удивленные дерзновением инока исступленные турки, после различных истязаний, наконец отсекли святую его главу. Таким образом блаженный

Иоасаф получил мученический венец от подвигоположника Христа Иисуса, Коему слава во веки. Аминь.

Преподобный Иоасаф пострадал в 1536 году 26 октября.

28 ОКТЯБРЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Афанасия I-го, патриарха Константинопольского[291]

Это пресветлое светило вселенной и истинный раб Владыки Христа был родом из Адрианополя. Отец его именовался Георгием, а мать – Ефросинией; оба они были люди благочестивые, благородные и добродетельные. Афанасий во святом крещении был назван Алексием. Родившись от благочестивых родителей, он с юного возраста показывал, что из него будет после. Он не предавался играм, по обыкновению детскому, и не желал вещей суетных, но все его тщание было – о церковной службе и об изучении грамоты. Во избежание растления благих обычаев беседами злыми он не имел знакомства с безчинными юношами: напротив, замечая благоговейных и добродетельных, дорожил их знакомством, для получения себе душевной пользы, и входил с ними в беседы. По кончине отца своего оставшись сиротою, он преуспевал более и более в добродетели, так что при постоянном упражнении в Божественном Писании в короткое время достиг такой силы разума и ведения, что все удивлялись ему, как превосходившему в благоразумии самих старцев. Такая жизнь сама собою предрасполагала юного Алексия к безмолвию и уединению, а потому он и положил в уме своем – отречься от мира и суеты его и достигать вышней мудрости и небесного блаженства. Сильным к этому побуждением было для него слово Господа: *иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37). Кроме того, читая чудную жизнь дивного Алипия Столпника[292] и видя, что он, ради Бога, оставил не только мир, но и мать свою, которая была также вдовица и видела в нем единственное утешение, Алексий решился подражать ему – уйти из дому, из отечества, от друзей и сродников и от самой матери. Не объявляя об этом никому, он удалился в Фессалоники, в пределах которых находился дядя его, инок в одном богатом монастыре. Придя туда, принял он пострижение под именем Акакия, но здесь оставался недолго: видя, что братия не исполняют в точности обязанностей своего звания и увлекаются суетой, он удалился оттуда на святую Гору Афонскую. Жизнь афонских отшельников пленила юного Акакия: обходя обители, и в особенности пустынные виталища, он получил себе много пользы. Как трудолюбивая пчела, летая с цветка на цветок, собирает сладкий мед, так и святой, пользуясь примерами высокой жизни афонских отшельников, слагал сладкие их беседы и назидания в сердце своем, с тем чтоб по силам своим подражать им в подвижничестве. Так, прежде всего, усвоил он себе такую строгую нестяжательность, что даже не имел обычной обуви и довольствовался лишь грубой власяницей, а сверху – иноческим одеянием; пища его состояла из хлеба и воды; куда бы то ни было, всегда ходил он пешком и даже впоследствии, занимая кафедру константинопольской Церкви, сохранил это обыкновение; постелью для него служила земля – так что во всех отношениях жизни он казался не человеком, а совершенным ангелом. По обозрении монастырей Святой Горы он вступил в число братства Есфигменской обители. О трудах и подвигах святого в сей обители подробно писать невозможно. Служа там два года трапезарем, он не имел ни отдельной кельи, ни постели, ни даже рогозины – не только летом, но и зимою, когда бывает там снег и холод. Сон его был самый краткий, потому что в молитве и бдении он проводил ночи, стихословя псалтирь и вопия к Богу: *предвaристе очи мои ко утру, поучитися*

словесем Твоим, и проч. (Пс. 118, 148). Пища его состояла из остатков братской трапезы, потому что он говорил с евангельскою женою: *пси питаются от крупиц, падающих от трапезы господей своих* (Мф. 15, 27); масла и вина в течение трех лет, пока трудился в монастыре, или иного какого-либо телесного утешения не позволял себе. Между тем, труждаясь в приготовлении пищи и взирая на временный огонь, он представлял огонь геенский, неугасимый, и отсюда стяжал плач и слезы. По причине таких его добродетелей все братство питало к нему любовь и великое уважение, что и побудило его скрыться из монастыря, – по боязни, чтоб чрез славу временную не лишиться вечной. Со Святой Горы он удалился в Иерусалим для поклонения святым местам и для того, чтобы видеть пустыню Иорданскую, потом посетил гору Латрскую, где и провел долгое время в отшельничестве вместе с другими святыми отцами, высокая жизнь которых принесла ему много пользы; с Латрской горы перешел на гору Авксентиеву, где славились тогда подвижничеством славный Илия, Нил Италийский и Лепентрийский Афанасий, знакомство с которыми было для него также очень назидательно; наконец удалился на гору Галатийскую, в монастырь блаженного Лазаря, где и пробыл восемь лет в разных монастырских послушаниях. Здесь он принял великий ангельский образ и наречен Афанасием. Назидательная жизнь и безусловное послушание убедили настоятеля, вопреки желанию святого Афанасия, возвести его на степень священства, а вслед за тем на него же возложена была обязанность экклесиарха, которую исполнял он с великим прилежанием. Таким образом, каждый день полагая восхождения в сердце своем к Богу, он удостоился Божественного откровения и видения Иисуса Христа, призывающего его пасти словесных овец. Святой Афанасий имел обыкновение по ночам ходить молиться на церковную паперть, до утрени. Как-то ночью, когда он помолился пред распятием Христовым со слезами, вдруг слышит от лика Спасителя сладкий глас: «За то, что ты, Афанасий, любишь Меня, тебе надобно будет пасти народ Мой». Пораженный этим гласом, он пал на землю от страха и неизреченной радости, заливался слезами и славословил Господа. 10 лет провел святой Афанасий на горе Галатийской, и как ни успокоительно было исполнение возложенных на него послушаний, но мысль о пустынном безмолвии не оставляла его. Вследствие сего он опять удалился оттуда на Святую Гору, обрел по сердцу пустыню и остался в ней, терпя лишения всякого рода, умерщвляя плоть и благоугождая единому Богу. Но и здесь Афанасий оставался недолго. Случайные смуты, возникшие на Святой Горе, заставили его удалиться снова на гору Ган, где, найдя место безмолвия по своему желанию, он поселился и проводил жизнь уединенную. Но добродетель нигде не утаится: в короткое время собрались к нему братия, которых он назидал, принимая с радостью, и путеводил их к небу, и соделывал избранными сосудами даров Божественного Духа. В числе учеников его были – чудный Феофан, знаменитый Феодорит и другие, славившиеся добродетелью. При такой ангелоподобной жизни святой Афанасий был славен не только в окрестностях Горы, но и всюду, так что к нему каждодневно притекало множество народа для слышания медоточивых бесед его и видения светлого лица его. И беседы его были так действенны, что не только мужи, но и множество жен, внимая им, отрекались от мира, вследствие чего под управлением святого Афанасия скоро возник в пустыне монастырь женский.

Но время сказать, по какому случаю возведен был он на степень патриаршего достоинства, и притом в то самое время, когда Церковь после потрясений и смут, которые принес ей патриарх Иоанн Векк, не имела тишины и мира. Это было в царствование благочестивого Андроника Палеолога. Кафедра константинопольской Церкви тогда оставалась праздною, а потому император, собрав архиереев и клир, сказал им: «Хотите ли, со своей стороны, избрать архипастырем Афанасия?» Единодушный ответ и желание утвердили предложение царя. Вследствие сего выбраны были некоторые из архиереев и царских сановников объявить святому Афанасию о воле царя, об избрании клира и всей Церкви, и привезти его в столицу с подобающей честью и торжеством. Долго отрекался

смиренный отшельник от предлагаемого ему достоинства, долго умолял избрать другого, а его оставить в пустыне, как свыкшегося с безмолвием и уединением; долго просили и убеждали его, со своей стороны, посланные – не противиться воле и избранию царскому, и наконец, видя непреклонность его, строго сказали: «Если ты не послушаешь нас теперь, когда Церковь особенно требует и зовет тебя на помощь против врагов ее, то дашь ответ Богу в час суда». Тогда святой, вспомнив слова Господа, обещавшего вверить ему Свою Церковь (это было на горе Галатийской), ужаснулся, как бы, отрекаясь достоинства архиерейского по смирению, не приять от Бога осуждения за преслушание воли Его, – и наконец безпреклосновно вверил себя Промыслу Божию. Торжественно было вступление святого Афанасия на кафедру вселенской Церкви[293]. Царь, синклит и весь народ радовались и ликовали о своем патриархе. Святой Афанасий, нашедши Церковь сирою, много пострадавшей от еретиков, обратил на нее все свое внимание и приложил всевозможные труды к уничтожению еретических плевел. Вместе с тем, ревнуя о благе своего стада, как новый Златоуст он сильно обличал несправедливых и хищников, не стыдился ни вельмож, ни богатых, ни даже самого царя; более благоговейных исправлял увещаниями, а непокорных и преслушных наказывал строгими епитимиями. Таким образом всеми силами и средствами старался он хранить стадо Христово невредимым от чувственных и мысленных волков. Но при такой пастырской его попечительности не дремал и враг добра. Из числа сановников и клира нашлись враги святому. Не вынося упреков совести, потрясенной обличениями святого, они жаловались и роптали на патриарха и обвиняли его в чрезмерной жестокости и неукротимости характера, а потому просили рукоположить им другого, к немощам человеческим более снисходительного. Как ни сильны были эти и подобные сим клеветы на святого Афанасия, однако ж царь, зная чистоту добродетельной жизни его, оставил их без внимания. Так текло время. С течением времени клеветы и ненависть к патриарху усиливались, так что и из архиереев многие пристали к неприязненной и враждебной партии против невинного архипастыря. Чтоб усмирить мятежных и не нарушить мира церковного, император принужден был объявить патриарху, что, уступая необходимости и пользам Церкви, он увольняет его от патриаршеского служения.

– Государь! – отвечал на это Афанасий, – я не сам и не для того принял это высокое достоинство, чтоб раболепствовать пред людьми, молчать и оставлять без внимания погрешности их, но чтобы обличать их и исправлять, ибо страшному осуждению подлежит всякий из нас, не обличая согрешающих. Если же за строгость моих обличений меня возненавидели и желают моего удаления с кафедры патриаршей, – не прекословлю твоей власти и воле Божией и удаляюсь, прося Бога, чтоб Он устроил нам все во благо, якоже Сам весть, предстательством Богородицы и святых Его.

Таким образом, сойдя с кафедры первосвятительской[294], святой Афанасий удалился в свой монастырь, на гору Ган, где провел 10 лет, подвизаясь строже прежнего. Здесь за чистоту сердечную и за святую его жизнь он приял от Бога дар предведения и пророчески изрекал будущее. Многое предсказывал он императору, и все это сбылось в свое время, как видно из писем его, которых здесь, для краткости, не помещаем[295]. Желающий пусть прочтет их и увидит, какой благодати и каких откровений удостоен был Богом святой Афанасий. Место его на патриаршей кафедре заступил добродетельный и достойный удивления Иоанн. По безмерной своей кротости и простоте он не в силах был бороться с врагами Церкви Божией и потому, управляя ею десять лет, добровольно наконец сложил с себя достоинство патриаршее, чтобы не терпеть упреков совести за слабость правления. Таким образом Церковь опять осталась сиротствующей. В то время в Константинополе жил добродетельный человек, по имени Мина, знакомый святому Афанасию. Святой Афанасий писал к нему, пророчески предвещая, что в такой-то день в столице будет великое землетрясение. Так и случилось. Царь, пораженный таким предведением

изгнанного им патриарха, решительно положил, несмотря на врагов, снова возвести его на степень первосвятительства. Святой Афанасий, как и прежде, долго не хотел принять предлагаемое достоинство, но его взяли насильно из монастыря и с великой честью и торжеством вручили ему вторично жезл пастырского служения[296]. Торжество добродетели его было еще выше по вторичном занятии патриаршей кафедры. При точном и строгом исполнении своего долга в отношении к Церкви он был самым теплым предстателем обидимых, защитником вдов и сирот, тщательным помощником всем в нуждах, а к убогим был столько сострадателен, что неистощимою рукою рассыпал им милостыню и питал их на собственное иждивение. Тем более не щадил он ничего для бедных, что тогда свирепствовал сильный и ужасный голод, от которого многие даже умерли. Вопль и слезы нуждающихся доходили до патриарха и сильно трогали сострадательное его сердце. Входя участием в жалкое положение несчастных, он проповедями возбуждал богатых, да прострут они руки свои на помощь бедным, а чтоб подать им пример в собственном лице, избрал верных и благочестивых мужей во многих местах столицы и поручил им варить пшеницу и овощи для раздачи бедным, доставлять им одежду и исполнять прочие нужды. Таким образом многие были спасены от голодной смерти. Семь лет управлял Церковью святой Афанасий, сияя чистотою и святостью жизни и представляя собою пример всякой добродетели. Однако ж, несмотря на святость его жизни, враги все-таки нашли вину озлобить и низложить невинного – оклеветали его в ереси. Изобретатель злобы, диавол, навел на него следующую напасть: злоумышлявшие против него скрыли икону Богородицы под подножие патриаршеского ложа и потом, вынув ее из подножия в виду народа, объявили его иконоборцем. Впрочем, клевета по тщательном исследовании дела была открыта и злодеи наказаны.

Этот случай был уважительным поводом для святого Афанасия оставить патриаршество и уступить злобе врагов, но император не согласился на такое его желание. Патриарх, впрочем, со своей стороны, остался непреклонен в своем намерении и чрез несколько дней после сего тайно удалился в свой монастырь[297]. Освободившись от смут и иерархических трудов, он всецело посвятил себя Богу и исполнению иноческих правил, так что, просветлившись в молитве и созерцании, удостоился от Бога многих откровений, провидел будущее и что предсказывал в настоящем, то и сбывалось по словам его. Господь подал ему и дар чудотворений. Один из учеников святого, по имени Иакинф, имел на шее неизлечимую болезнь – рак. Много раз просил он позволения у патриарха обратиться к врачу или, в противном случае, умолял его самого исходатайствовать у Бога исцеление своей болезни. Святой Афанасий всякий раз убеждал его терпеть с благодарностью, подобно Иову и другим многим, терпевшим тяжкие болезни и благодарившим Господа. Бедный Иакинф томился, страдал и изнемогал в духе терпения. Наконец пришла ему на мысль упоминаемая в святом Евангелии кровоточивая жена – и он решился подражать ее примеру и вере. Итак, один раз подходит он к святому Афанасию сзади, падает ниц и, заливаясь слезами, край одежды его кладет на больное место и по вере своей в то же мгновение получает исцеление. Однажды этот же Иакинф взошел на кровлю кельи по надобности, и, по действию врага упав вниз, лежал как мертвый. Святой Афанасий, узнав это, помолился над убившимся Иакинфом – и тот встал совершенно здоровым.

Две монахини женского монастыря весьма тяжко и долго болели, так что наконец не в силах были выносить страдальческое свое положение. На пособия врачей уже не было надежды. Вследствие сего послали они к святому и умоляли его исходатайствовать им у человеколюбивого Господа облегчение от болезни.

– Я желал бы, – отвечал им святой, – чтоб вы и еще потерпели временно, для принятия большей награды в вечности, но так как вам недостает терпения, то помолитесь в эту ночь Пресвятой Богородице – и завтра получите от Нее исцеление.

Так отвечал смиренномудрый чудотворец во избежание тщеславия и людской похвалы. Слово святого Афанасия, действительно, оправдалось. К утру больные, человеколюбием Божиим и благодатью Царицы Небесной, исцелели и притекли к святому для изъявления благодарности.

Когда святой Афанасий был вторично возведен на кафедру вселенской Церкви и когда свирепствовал сильный в Константинополе голод, как сказано выше, – святой одному из послушников своих, благоговейному и добродетельному Христодулу, повелел раздавать находившуюся в патриаршеском доме пшеницу. Раздача предназначалась женским монастырям, которые были беднее других, – по тридцать мер каждому монастырю. Христодул уверял патриарха, что у них не найдется в житницах и пятидесяти мер пшеницы.

– Не лги, маловерный, – сказал святой, – иди и исполняй приказание.

Христодул поступил по слову патриарха – и, когда раздавал пшеницу, благословением Божиим она не только не истощалась, но еще видимо приращивалась. Пораженный таким чудом, Христодул явился к патриарху, пал к стопам его и просил прощения в своем маловерии. Это же самое повторялось и тогда, как из патриаршего дома раздавалась пшеница бедным во время голода и впоследствии. Так-то Господь, к славе Своего пресвятого имени, ущедряет рабов Своих!

Однажды несправедливо ввергли христианина в темницу за долг и заключили в оковы. Узнав о такой несправедливости, святой сильно опечалился. В чувстве сострадания к несчастному он сам является в темницу, разрешает от уз невинного и уводит в патриарший свой дом, не боясь гнева царева и неприязни неправедных судей. – Сверх прочих добродетелей святой Афанасий имел дивное смирение: он никогда не носил драгоценных одежд, и некоторые осуждали его, считая, что он унижает тем свое высокое положение, требующее приличия и блеска. На это он обыкновенно говорил, что нет стыда и поношения в ношении смиренных и худых одежд; один только грех – поношение человеку: кто любит Бога, тот должен творить волю Его, не быть человекоугодником, а смиренным и умеренным во всех отношениях жизни. Так, смиряясь сам, он тому же словом и собственным примером поучал и других.

При кончине жития своего он удостоился видеть снова Владыку Христа, как и прежде. Однажды, совершая молитвы по обыкновению, видит он Иисуса Христа, распятого на кресте. «Для чего ты оставил без пастыря овец? – сказал ему Господь с укоризною, – Я вверил их тебе, но они оставлены и волки расхищают их. Я Бог сый и, однако ж, с любовью восприял плоть и распялся для спасения мира, а ты не перенес клеветы и оставил Церковь Мою, как боязливый воин». Пораженный словами Господа, святой Афанасий в чрезвычайном страхе и трепете пал на землю и, заливаясь слезами, просил прощения в своем малодушии, каковое и получил от Господа. После сего видения он начал проводить жизнь еще строже, посвящая все время молитве и богомыслию.

Наконец, и для него наступило время отшествия ко Господу. Собрав учеников своих, он объявил им о приблизившемся конце временной его жизни и простер к ним последнее слово наставления, заповедуя, кроме прочих добродетелей, особенно стяжать

смиренномудрие, любовь и милосердие, коими прославляется Святая Троица и без которых никто не спасется.

– Свято храните, – продолжал он, – уставы Церкви и предания святых отец. Очищайте сердце и мысль от нечистых помыслов и, спасая, спасайте свои души.

Беседуя таким образом со своими учениками, он тихо предал Господу дух свой 20 октября, имея от роду сто лет. Богу нашему подобает всякая слава, честь и поклонение, всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

30 ОКТЯБРЯ

Страдание святого преподобномученика Тимофея Есфигменского[298]

Святой преподобномученик Тимофей был поселянин из селения Кисани, Фракийской области. Первое его имя, данное ему во святом крещении, было Триандафил. Достигши совершенного возраста, Триандафил сочетался законным браком, от которого имел двух дочерей.

Богоугодная и мирная жизнь сего счастливого семейства привела в зависть злокозненного врага, который по своей злобе и ненависти ко всякому добру вздумал разрушить супружеское согласие; для этого он возбудил в одном мусульманине к жене Триандафила неодолимое сладострастное похотение, так что тот, побежденный влечением, насильственным образом отобрал ее у Триандафила и, приобщив к мусульманской вере, поместил в свой гарем. Горькой скорбью было объято доброе сердце супруга, видя погибель жены, которая ради временных и скорогибнущих благ лишилась вечных, и, не находя в своем горе другого исхода, как только молитвы, он начал усердно молиться всевышнему Творцу, прося Его обратить погибшую к свету истинного познания. Но в то же время он опасался и за своих дочерей, боясь, чтобы и они не подверглись участи их матери, а потому отправил их к своим родственникам, прося принять участие в несчастных.

Скорбь о потере любимой жены угнетала бедного Триандафила, и он решился во что бы то ни стало вырвать ее у когтей диавола, почему, кроме усердной молитвы, он тайно чрез других увещевал ее оставить мусульманскую веру, угрожал за ее отступничество вечным мучением. Усердная молитва, приносимая от полноты сердца, была услышана Небесным Творцом, Который, по Своей великой милости, вложил в сердце отверженницы благую мысль, так что она вскоре почувствовала отвращение к мусульманской вере, пришла в сознание, горько раскаялась в своем падении и решилась снова принять христианскую веру. Но зная, что самой по себе трудно вырваться из рук похитителя, она предложила Триандафилу притворно принять мусульманскую веру, а потом судом требовать ее от похитителя; другими же путями невозможно было высвободиться ей из гарема. А потом, когда она будет освобождена, они должны оставить мир и идти: он на святую Афонскую Гору и, сделавшись там монахом, умолять Бога и просить прощения в своем невольном падении, а она в женский монастырь, где, подобно ему, будет залечивать свои язвы покаянием.

Слыша такое требование своей жены, Триандафил, для приобретения погибшей, решился исполнить ее желание, подражая в этом случае апостолу Павлу, который для спасения братии сам желал быть отлученным от Христа. Итак, возложив надежду на Бога, он пошел

на судилище, где заявил свое желание принять мусульманскую веру, но только с тем, если ему будет возвращена его жена. Желание Триандафила было немедленно исполнено: его приобщили к мусульманской вере и, после совершения над ним обрезания, возвратили ему жену. Получив жену, Триандафил хотя и показывал вид, что последует магометанскому закону, но втайне, вместе с женой, исповедовал христианскую веру и исполнял все церковные обряды, однако сколько они ни скрывали своей тайны, турки все-таки подозревали их в измене, почему и стали строго следить за ними. Между тем, и Триандафил сообразил, что долее им невозможно оставаться среди мусульман, а потому, поручив своих дочерей родственникам и простившись с ними, он тайно вместе с женою отправился в город Энос, а оттуда в Кидонию, где оставил ее в женском монастыре, а сам пошел на святую Афонскую Гору.

По прибытии на Святую Гору Триандафил поступил в число братства Лавры преподобного Афанасия, где с ревностью подвизался в иноческих подвигах. Между тем, втайне проливал горькие слезы и просил милосердного Бога простить ему невольное согрешение. Игумен, видя ревность его в подражании добродетельной жизни, постриг его в монашество с именем Тимофея. С принятием ангельского образа он прилагал труды к трудам и среди лаврского братства был как бы ангел, украшаясь беззлобием и глубоким смирением. Возлагаемые же на него послушания проходил с особенным усердием, и таким образом он прожил в Лавре около семи лет, приходя от силы в силу.

В то самое время дошла до Лавры весть, что в Смирне св. преподобномученик Агафангел Есфигменский благополучно скончал мученический подвиг и что его мужественному терпению удивлялись даже самые турки. Этот слух, а равно и то, что он за свое отречение от Христа пролил свою кровь и ею смыл с себя то пятно, которое наложил на него всезлобный враг, сильно подействовало на Тимофея: ему ясно представилось, что и он за свое отречение, подобно св. Агафангелу, должен исповедать пред мусульманами Христа истинным Богом и потом принять мученическую кончину.

Запавшая мысль о мученичестве стала его преследовать на каждом шагу, но, однако, не испытав своих сил, он не решался без подготовки и совета опытных старцев последовать своему намерению.

Желая себя в точности испытать, он с благословения лаврского игумена перешел в Есфигменскую обитель, где и отдал себя под руководство того самого игумена, который вместе со старцем Германом участвовал в приготовлении св. Агафангела к страдальческому подвигу. Здесь Тимофей вскоре пострижен был в великий ангельский образ – схиму и под руководством игумена начал готовить себя к подъятию мук за имя Иисуса Христа.

Имея ежедневно пред очами св. мощи Агафангела, Тимофей благоговел к святому мученику и просил его в своей молитве испросить ему у Великодаровитого Господа благодати: пострадать за имя Его святое. Как видно, св. Агафангел внял мольбе Тимофея, ибо сердце его настолько разгорелось любовью ко Господу нашему Иисусу Христу, что он был не в состоянии долее переносить оного и желал как можно скорее пострадать за сладчайшего Иисуса. А потому и объявил свое намерение игумену, умоляя его дать ему благословение на мученический подвиг. Но игумен, желая испытать Тимофея и как бы не внимая его просьбе, отказал ему в своем благословении, что, однако, нисколько не смутило Тимофея, который, по своему глубокому смирению и безпрекословному послушанию принял слова игумена, как бы от Самого Господа. Между тем, прошло довольно времени, в которое Тимофей не только не ослабел в своем намерении, но даже часто напоминал и просил отпустить его на страдальческий подвиг.

Когда же опытный руководитель увидел неизменную и твердую мысль Тимофея, то согласился и, дав ему свое благословение, послал его с письмом в епархию Мириофитскую на берегах Пропонтиды к иеромонаху Герману, бывшему спутнику св. Агафангела, который в то время находился по церковным делам в этих местах, прося его подготовить Тимофея к страдальческому подвигу.

Расставаясь с игуменом, Тимофей стал просить у него благословения проститься со своими дочерьми, так как то селение, в котором они жили, находилось на пути в Пропонтиду, но игумен отказал ему в этом, а велел сначала побывать у старца Германа, а потом уже что он ему посоветует, то и должен сделать. Достойный ученик в точности исполнил заповедь наставника, ибо в то самое время, когда он подходил к селению, где жили его дети, он должен был бороться с собою, так как сердце его стало страдать: ему стало жалко своих дочерей; родительская любовь горела желанием прижать дорогих и близких к своему сердцу, но заповедь игумена в истинном послушнике брала перевес, и он, будучи не в состоянии переносить сердечного страдания, заплакал.

Выходя из селения, Тимофей встретился с одним знакомым поселянином, который просил его зайти к нему в дом, как к бывшему хорошему знакомому, но Тимофей, ссылаясь на недосуг, отказался от его приглашения. Между тем, поселянин, придя в селение, сказал дочерям Тимофея, что он видел их отца, который, минуя селение, пошел далее. Дочери немедленно побежали догонять родителя, но Тимофей, оглянувшись и видя бегущих за ним своих детей, сам стал от них бежать, так что ни мольбы, ни слезы не могли остановить исполнительного послушника, который бежал от них до тех пор, пока они не возвратились обратно в селение. И таким образом, ради заповеди послушания, пренебрег родительской любовью.

Пришедши в Пропонтиду, он отыскал старца Германа, которому вручил письмо от есфигменского игумена. Прочитав письмо, Герман с радостью и братской любовью принял Тимофея, как будущего мученика, упокоил его гостеприимством и дал ему у себя приют.

Приготовляя Тимофея к мученическому подвигу, Герман душевно радовался, что Господь Бог, по великой Своей милости, удостоил его еще приготовить одного мученика за исповедание Его святого имени, и чрез несколько дней, видя Тимофееву твердость в намерении, благословил его на мученический подвиг. При этом нашелся и последователь Тимофею, иеромонах Евфимий, который, видя мужественную его решимость, возгорелся ревностью, пожелал сам вместе с ним пострадать за Христа и принять мученическую кончину.

Герман, видя еще новую жертву, прославил Бога и, укрепив их своими наставлениями, повелел им переодеться в мирские одежды и идти в селение Кисани, и там увидеться с совращенными в мусульманскую веру христианами, для возбуждения в них ревности к возвращению к христианской вере.

Выслушав повеление, Тимофей стал просить старца позволить ему проститься со своими дочерьми, но старец, предвидя, какой может он получить вред от этого свидания, возбранил ему и с кротостью сказал:

– Чадо! Не обращайся назад, а иди с Божией благодатью на мучение, в чем да поможет тебе укрепляющий тебя Спаситель мира. Что же касается твоих дочерей, то даю тебе слово, что по скончании тобою мученического подвига я сам навещу их.

Хотя и больно было Тимофею подавить чувство родительской любви, но он, любовь к Иисусу Христу поставляя выше всего, согласился поступить по совету Германа. И таким образом, напутствуемые благословением и молитвою, Евфимий и Тимофей отправились в Кисани, где зашли в дом к одному бывшему христианину, знакомому Тимофея, но теперь отверженнику. После обычного приветствия Тимофей начал уговаривать отверженника обратиться опять ко Христу, при этом угрожал ему вечною мукою и лишением тех благ, которые уготованы последователям Христовым. Но ожесточенный отверженник вместо благодарности за благие советы донес на них судье, который немедленно велел привести св. мучеников на судилище.

Когда св. мученики вошли в судилище и предстали пред судьей, тогда дерзновенно исповедали себя христианами, обличая их заблуждение и ложное верование в Магомета. Судья, слыша хулу на свою веру, воскипел гневом, приказал слугам туго связать руки св. мучеников назад и, считая их вину не подлежащею его власти, отправил их в Адрианополь. При этом слуги показали зверское усердие: они руки св. Тимофея стянули так туго, что плечи его соединились вместе.

На другой день страдальцы Христовы прибыли в Адрианополь; здесь они узнали, что за день пред этим два подвижника Христова, иеромонах Николай и монах Варнава, мужественно исповедовали христианскую веру и что после краткого увещания судьи приказали их ввергнуть в разные темницы и, забив их ноги в колоды, бить их каждодневно по пятам в течение одного месяца, прибавляя каждый день по два удара, начиная с тридцати восьми ударов. Это известие укрепило Евфимия и Тимофея, и они с радостью ожидали себе мучений за возлюбившего их Христа.

Когда св. мученики Евфимий и Тимофей были приведены в судилище, то судьи, после обычных увещаний, видя их непреклонность, повелели иеромонаха Евфимия заключить в темницу и бить по пятам точно так же, как Николая и Варнаву, Тимофея же оставили без наказания, объявив ему, что если он в течение одного месяца не обратится в мусульманскую веру, то в следующий месяц будет предан смертной казни.

Спустя два дня прибыл в Адрианополь старец Тимофея, Герман, который чрез посланного тайно навестить в темнице св. мучеников узнал, что они желают приобщиться св. Христовых Таин, а потому немедленно пошел в домовую патриаршую церковь, взял там несколько частиц антидору и в тот же день три частицы отправил к св. мученикам с тем христианином, который сообщил ему об их желании причаститься Тела и Крови Христовых, в кратком же письме извещал страдальцев, что завтра сам придет к ним в темницу. На другой день Герман, осведомившись у одного христианина, что в ту самую темницу, в которой заключены Евфимий и Тимофей, сажают должников, а также и за неплатеж податей, стал просить его, чтобы он донес на него сборщику податей, будто бы он не уплатил законной подати. Лишь только сборщик услышал об этом, тотчас пришел в гостиницу, где остановился Герман, и, вызвав его, стал требовать квитанцию об уплате податей. А так как у Германа не оказалось не только квитанции, но и денег, то сборщик отправил его в темницу. Кто же достойно может описать ту радость, когда ученики увидели в темнице своего учителя?! Какие радостные слезы орошали их ланиты при виде своего благодетеля и наставника! Они все веселились и со слезами лобызали друг друга. Вся ночь была проведена в бдении и молитве, и мрачная темница обратилась в церковь; по окончании бдения мученики Христовы исповедались у своего старца и потом причастились святых Христовых Таин. А как только настало утро, Германа выкупили благочестивые христиане и его выпустили на волю.

Между тем, к посрамлению врагов христианства, Господь явно творил чудеса чрез Своих исповедников, ибо сколько жестокие мучители ни били страстотерпцев по пятам, мученики Христовы вместо обычных стонов радовались и благодарили за нанесенные удары; у палачей же после каждого биения руки делались расслабленными, и они, видя свое безсилие, от злобы скрежетали зубами.

Наконец приблизился день, в который Промыслу Божию угодно было призвать к Себе св. мученика Тимофея. В этот день судьи потребовали его к себе в судилище и после разных лестных обещаний и угроз приказали отсечь ему голову и вместе с телом бросить в реку, что и было исполнено палачами 29 октября 1820 г.

Много скорбел старец Герман, что враги Христовой Церкви лишили утешения христиан иметь св. мощи страдальца Христова Тимофея, а потому, желая приобрести хотя бы окровавленную его одежду, он предложил палачам значительную сумму денег, за которую и получил желаемое. Потом с этой драгоценной ношею отправился на Св. Гору. Проходя мимо того селения, где жили дочери св. Тимофея, Герман зашел к ним, сообщил им радостную весть о мученической кончине их отца и уделил им часть от одежды святого. По прибытии на Афонскую Гору братия Есфигменской обители встретили мучениково одежду с крестным ходом, с честью внесли оную в церковь и положили в ковчеге с одеждами св. мученика Агафангела.

После казни св. Тимофея исповедников Христовых: Евфимия[299], Николая и Варнаву выпустили из темницы и с безчестием прогнали из города. Молитвами св. преподобномученика Тимофея, Христе Боже, удостой и нас получить вечную славу на небесах. Аминь.

1 НОЯБРЯ

Страдание святого преподобномученика Иакова и двух учеников его, иеродиакона Иакова и Дионисия монаха[300]

Святой преподобномученик Иаков родом был из одного селения епархии Касторийской. Родители его именовались Мартин и Параскева. В молодости занимаясь пасением овец и приобретя от них богатство, он чрез то возбудил в брате своем, как Авель в Каине, зависть. Несчастный брат оклеветал его пред турецким правительством в том, что будто бы нашел он сокровище. Чтобы избежать, с одной стороны, братней зависти, с другой – преследования турок, Иаков удалился в Константинополь и там, чрез продажу овец своих, весьма разбогател. Однажды, находясь у турецкого эфенди в гостях, услышал он, сверх чаяния, что тот восхваляет чистоту христианской веры, и рассказал Иакову, как жена его, одержимая бесом, приведена была к тогдашнему патриарху святому Нифонту, который едва только начал читать над нею священное Евангелие, к удивлению самого его, эфенди и слуг вдруг отверзся церковный кров и свет небесный окружил патриарха, бесноватую и всю церковь. Слыша это от агарянина, Иаков умилился и пришел к патриарху просить его советов в рассуждении своего положения. Беседы святителя до того растрогали его, что он тогда же триста тысяч пиастров раздал нищим, удалился на Святую Гору и, обошедши ее монастыри, вступил в братство обители Дохиарской. Потом перешел оттуда в запустевший скит Иверский, честного Предтечи, и возобновил его, подчинив себя одному старцу, именем Игнатию. Там проводил он в безмолвии ангельскую жизнь в посте, всенощных бдениях и различных подвигах самоотвержения. При такой жизни, непрестанно ратуемый от диавола чрез различные мечты и привидения, он наконец, при

помощи Божией, низложил его вконец и приял залоги Божественного Духа, возвысившись до такой чистоты, что был удостоен откровений небесных: подобно апостолу Павлу, явлены были ему как райские обители, так и узилища адовы, и по дару свыше он видел тайны, сердечные и сокровенные мысли и чувства всех и каждого из приходивших к нему. И дара чудес удостоил его Господь. Молитвой извел он в скиту Предтечи ключевую воду, которая с тех пор и называется агиасмою святого Иакова. Двукратно по молитве его сосуд наполнялся елеем. А в Ватопеде он исцелил одержимого бесом послушника; раз во время бездождия, подобно Илии, низвел с неба дождь. Некогда в пути, сопровождаемый братом, был застигнут он великим туманом и темнотою, так что они подвергались опасности упасть в стремнистые места, но когда святой Иаков помолился, туман разделился надвое и путь им открылся. Однажды, тоже в пути, возжаждавши и не находя воды, он помолился, и ключ воды покатился пред ним.

Так как он желал большего безмолвия, то оставил скит Иверский и удалился во внутреннюю часть пустыни Афона, где с шестью учениками своими подвизался уединенно и полагал восхождения в сердце своем к таинствам Божественных созерцаний: в течение недели, кроме только субботы и воскресенья, он не разговаривал ни с кем. Кратко сказать: для всей Святой Горы он был истинным того времени путеводителем по пути спасения. Наконец пришло ему желание посетить Этолию. Собрав учеников своих, он взошел на вершину Афонской Горы помолиться и в молитве провел там всю ночь – и вот вдруг видит пред собою старца, который объявляет, что Богу угодно, чтобы он шел в пределы Этолии. Таким образом, он с учениками своими удалился с Горы и пришел в город, именуемый Петрою, о котором предсказывал, что после трех дней он сделается жертвою пожара. Оттуда посетил он Метеоры и, поучив тамошних иноков, отправился в Невпакту, в монастырь честного Предтечи, лежащий близ деревни, именуемый Тревекиста. Там, находясь среди многих братий, он проводил время в обычных подвигах постничества. Между тем, христиане окрестных селений, узнав о прибытии в пределы их великого старца, начали стекаться к нему во множестве. Преподобный всех их принимал, утешал, назидал и творил множество чудес. Так, бесновавшуюся девицу освободил от демона; мальчика, который пожирал угли вместо обычной пищи по действу диавольскому, осенением честного креста освободил от насилия сатанинского; некоего волхва-христианина предал сатане в измождение за то, что он не хотел сознаться в волшебстве своем. Оставаясь там, много совершил он и других чудес.

Такие чудеса и множество стекающегося со всех сторон народа имели следствием то, что местный архиерей Акакий, по зависти и другим преступным побуждениям подстрекаемый завистниками славы святого, донес турецкому правительству, что странный старец, поселившийся в Тревекисте неизвестно с какой целью, а вероятно с неприязненной, собирает вокруг себя множество народа, и не диво, если произойдет мятеж. Мусульмане смутились: они донесли об этом бею трикальскому, который немедленно отрядил 18 вооруженных кавасов, чтобы схватить обвиняемого. Все происходившее святой, между тем, предвидел по откровению свыше, предсказал о том ученикам своим, убеждая их к подвигу, и всю ночь проводил без сна. Это было на воскресенье. Преподобный велел как можно скорее совершить Божественную литургию. Однако же еще до окончания оной агаряне окружили храм, как дикие звери. Видя их, ученики преподобного затрепетали.

– Кого ищете? – спросил святой агарян.

– Авву, – отвечали они.

– Это я, – сказал он им.

Тогда посланные объявили ему повеление бея. Ласково просил преподобный агарян успокоиться от пути, угостил их, растроганных приветливостью его, и вместе с ними в сопровождении двух учеников своих явился к бею. Долго бей спрашивал преподобного, то ласкою, то угрозою и пыткой выведывая – справедлив ли на него донос, и, не найдя никакой вины, вверг его в темницу на сорок дней, до тех пор, пока обо всем донесет Порте и узнает, какое оттуда получится повеление. Находясь в темнице, двое учеников его – Феона (который прежде подвизался в обители Пантократорской, а после сделался учеником святого) и Маркиан, спросили его, что станется с монастырем и братиями после его смерти и когда освободятся они из рук царских? Он отвечал им таинственно:

– Мы опять будем вместе близ Солуни, в монастыре святой Анастасии, находящемся в Галатисте. Следовательно, мы будем неразлучны и в нынешний век, и в будущий.

Действительно, там, в Галатисте, близ Солуни, в монастыре святой Анастасии находятся мощи сего преподобного и пострадавших с ним двух учеников его. Мощи святого Феоны, бывшего игуменом этой обители и впоследствии архиепископом Солуни, там же и целы. Преподобный из темницы написал послание к братиям, находящимся в Тревекисте, убеждая их к достойному прохождению своего иноческого звания. Вместо себя назначил он им игуменом Феону, строго советуя покоряться ему как отцу. В заключение же просил, по смерти его и его сподвижников, совершить по них сорокоустие. Между тем, от султана Селима пришло повеление представить святого с учениками его, Иаковом и Дионисием, в Адрианополь, куда они и были отправлены в оковах; султан отправился в Дедимотихон, где святые исповедники и были ему представлены. Смотря грозно на святого, султан спросил его:

– Для чего ты привлек к себе множество христиан? Кто тебе позволил это? Разве ты властитель какой?

Святой отвечал:

– Ты властитель и царь в этом мире, а мне дана другая власть от Бога.

Царь спросил:

– Какая власть дана тебе от Бога? – и святой ответил:

– Учить закону Божию единоверных мне христиан, да, исполняя заповеди Его, уклоняются от всякого зла.

– Ты лжешь! – с гневом воскликнул султан. – Сознайся в своем преступлении, в котором обвиняет тебя мое правительство донесением.

– Я сознался чистосердечно во всем, – сказал преподобный. – Если не веришь, я в руках твоих: делай что хочешь.

Тогда султан повелел сечь его и учеников его бичами. Ни слова не произнес и не простонал преподобный при тяжком мучении, как будто не он, а кто другой претерпевал бичевание. Вслед за тем ввергли их в темницу.

На другой день была новая пытка. По повелению султана истязатели сжимали бинтами главы их, от чего святой не потерпел никакого зла, а у диакона Иакова выступил из своего места глаз. На этого диакона более всего нападал султан, видя его благообразие и красоту

лица и всячески старался отвлечь его от Христа, но напрасно. После сего святых исповедников связали и отправили в Адрианополь для новых пыток. Спустя немного времени прибыл туда Селим-паша: докладывая о содержащихся в узах трех иноках, он говорил, что один из них пророчески предсказывает людям будущее. Царь, слыша это, обрадовался и немедленно приказал призвать преподобного. Когда явился узник, султан спросил его: «Сколько лет я буду еще жить? – Девять месяцев, отвечал преподобный. – Не знаешь что говоришь, – возразил султан. – Я должен еще быть в Родосе. – Ты умираешь и зачем же хочешь в Родос?» Пророчество преподобного впоследствии сбылось. Хотя султан и не верил этому пророчеству, однако тайный страх овладел им. По его повелению преподобного опять ввергли в темницу. Чтоб найти благословную причину убить невинных, султан послал одного из пашей своих спросить святого, какого он мнения о своем Христе и о Магомете? Когда паша предложил преподобному этот вопрос, он отвечал с твердостью:

– Христос наш есть совершенный Бог и совершенный человек, – и потом объяснил ему таинство воплощения, и все домостроительство спасения Божия и промышления о человеке.

– Но как думаешь ты о нашем пророке? – спросил паша преподобного.

– Магомет ваш не пророк, а обманщик и льстец, враг Христа Бога нашего и веры нашей. Никто из людей так не прогневал Бога, как Магомет, и кто надеется на него и считает его пророком, тот погибший.

Паша передал все это султану. Султан взбесился. Тогда же послал он в темницу янычар, обещая им милость свою, если только убедят преподобных каким бы то ни было образом отречься Христа. Однако ж все было тщетно. Султан повелел представить пред него святых. Когда они предстали, варвар приказал терзать плоть их мучительными орудиями и сокрушать челюсти их, а другие, между тем, принуждали их есть мясо, зная, что монахам не позволяет того закон. В продолжение этой пытки кровь мученическая текла ручьями и напитала землю. Однако ж преподобномученики не поколебались в духе терпения. По повелению царя их опять ввергли в темницу, где и пробыли они три дня. Наконец султан, недовольный столькими пытками, повелел истязателям вывести святых на новое мучение. Прежде всего он приказал вырезать с них ремни от сосцов до плеч, вырвать внутренности святого старца и уксусом, смешанным с солью, поливать раны его; учеников же его сечь долгое время бичами. Таким образом, измученных и еле дышащих, снова ввергли их в темницу. Но еще предстоял страдальцам конечный подвиг. Видя, что они ни во что вменяют всякого рода мучительства, султан велел разрывать на части ноги их железными когтями, бока их опалять огнем и без милости обтирать раны их грубыми полотнами, напитанными солью. Таким образом мучимые в течение семнадцати дней, наконец страдальцы осуждены были на виселицу. Когда святой Иаков пришел на место смертное, на диво смотрящих имея на ногах только кости, лишенные плоти, а двух учеников его исполнители приговора привели совершенно изнемогших; тогда попросил он несколько времени для молитвы и, получив позволение, диакона Иакова поставил по правую руку, а Дионисия по левую и сказал им:

– Чада мои! Время отойти нам к возлюбленному Христу, за Которого удостоились мы пострадать. Итак, помолимся Ему о всем мире, о Церкви и возблагодарим за то, что Господь, освободив нас от суетного мира, удостаивает наследия безконечного Царствия Своего.

Тогда все трое пали на землю и поклонились трижды Богу; потом вынул преподобный три сокровенные частицы животворящих Таин Христовых и, преподав их ученикам своим, приобщился и сам. Наконец, подняв длани и очи на небо, великим гласом возопил:

– Господи! В руце Твои предаю дух мой! – и тихо скончался с улыбкой на устах.

Видя это, воины изумились и возвестили о сем султану, который повелел и мертвое тело повесить, а по правую и по левую сторону святого повесили учеников его. Так скончались добропобедные мученики и приняли венец страдальческий. Это было 1520 года, 1 ноября. Честные мощи их выкупили некоторые из христиан, унесли в селение, именуемое Албани (близ Адрианополя), и положили оные в трех отдельных гробницах. Каждое воскресенье и праздник являлся свет небесный над гробами святых мучеников. И это видение замечали все, там обитающие. После страдальческой кончины святых один артинский священник, по имени Николай, имевший брата, поселившегося при реке Дунае, пожелал видеть его, для чего и отправился сухим путем. По прибытии в Адрианополь заболел у него конь, так что он не мог ни продолжать путь вперед, ни возвратиться назад. В такой крайности он вспомнил святого Иакова и помолился ему так:

– Святой преподобномучениче Христов Иакове! Помоги мне, страннику и путешественнику на земли чуждой.

И животное тотчас исцелилось. В чувстве признательности немедленно отправился он на место, где покоились мощи преподобномучеников, рассказал туземцам о случившемся с ним несчастии, от которого он избавился предстательством святых, и убедительно просил, чтобы открыли мощи их. Просьба его была уважена. Когда открыли гроб преподобномученика Иакова, дивное благоухание разлилось от святых мощей его. С позволения туземцев взял священник главу святого и некоторые останки, а прочее оставил на месте. Обогатившись таким безценным сокровищем, он не желал утаить его, но хотел предоставить ученикам святого чудоточные его останки. Впрочем, не знал, где находятся ученики его. Между тем, ему случилось быть на метохе афонского Дионисиатского монастыря, который находился в Руфане. Там узнал он от дионисиатских иноков, что в соседстве с ними отшельничествуют ученики святого, а именно на Святой Горе в монастыре Симонопетрском. Это известие чрезвычайно обрадовало священника. Он рассказал тогда инокам о чудодейственных мощах святого и что он имеет их при себе. Услышав это, эконом метоха, по имени Неофит, больной одним глазом, просил открыть святые мощи, и когда, призывая преподобномученика в помощь, приложился к ним, тотчас исцелел глаз его. В признательность за исцеление эконом сам сопутствовал священнику на Святую Гору, где и отыскал учеников святого. Трудно выразить радость учеников, узревших страстотерпческие мощи своего отца и наставника: они целовали их, радовались и благодарили Господа. Потом послали со священником одного монаха, Феофила, в Адрианополь и перенесли прочие останки преподобного и учеников его, спострадавших ему.

От божественных мощей святого совершилось и другое чудо. Священник, именем Каллист, имел поврежденные глаза и уста, он страдал косоглазием и уста его были искривлены. Когда он приложился к божественным мощам, недуг его тотчас прошел – и исцелившийся, прославляя Бога, всюду проповедовал он о явленном чуде. Немного протекло времени, как ученики святого по причине бедности и нужд обители, а больше во исполнение пророчества святого, удалились из Симонопетровского монастыря с мощами святых в местечко Галатиста, близ Солуни. Там, в монастыре святой Анастасии Узорешительницы, уже запустевшем, поселились они, возобновили его и подвизались о Господе. Между тем, слава и чудеса от святых мощей привлекли туда в малое время до

ста братий, при игумене Феоне, который был впоследствии фессалоникийским архиепископом (см. 4 апреля).

Из числа их братства один иеромонах, именем Варлаам, вышел некогда из повиновения у игумена и тотчас взбесился так сильно, что демон мучил его до тридцати раз в сутки. Сжалившись над несчастным, игумен напоил его водою, в которую прежде погрузил святые мощи преподобномученика, и брат исцелел. Точно таким же образом получил здравие один бесновавшийся из рабочих монастырских. Впрочем, чудодействовали не только честные мощи святого, но и некоторые части одежды его: полагаемые на женщин, трудно рожающих, они облегчали роды их. – Один фессалоникийский гражданин, по имени Филипп, бедствуя раз на море, лишь только призвал имя святого в помощь, освободился от опасности потопления. В благодарность за такое благодеяние он доставлял монастырю до самого конца жизни своей масло для церковных лампад. Тот же Филипп, дав турку семьсот пиастров в долг, когда по времени потребовал от него, то мусульманин не только отрекся от платы долга, но и ожесточился противу заимодавца. Филипп, не надеясь получить своего долга правом суда, обратился с молитвою к святому Иакову и, полагаясь на его помощь, пошел к должнику своему вторично. Мусульманин, дотоле неистовый, с любовью и лаской принял Филиппа и тотчас же вручил ему долг. – Такова жизнь, мученичества и чудеса св. преподобномученика Иакова! Его молитвами и пострадавших с ним да удостоимся и мы Царствия Небесного[301]. Аминь.

Житие преподобных и богоносных отцов наших Евфимия и Неофита дохиарских[302]

Имена родителей преподобного отца нашего Евфимия неизвестны, равно как и значение их в свете. Достоверно только то, что сам Евфимий был из числа византийских вельмож, современник преподобного Афанасия Афонского, друг еще в мире, постриженник его в иночество и ученик его в иноческой жизни[303]. Живя с Афанасием довольно долго еще до основания Великой лавры, он видел, как устроял преподобный священную киновию, и с благоговением удивлялся собранию добродетельных и преподобных мужей в единую ограду, будто расточенных овец, под бдительное попечение единого пастыря. Он питал глубокое благоговение ко всем этим святым мужам, но более всего – к великому отцу своему Афанасию, по причине добродетельной и изумительной подвижнической его жизни. За примерное братолюбие, за достохвальную кротость и скромность, за особенное рвение к ангелоподобной подвижнической жизни святой Евфимий удостоен был Афанасием первой по нем степени в братстве и назначен проходить должность дохиара: на нем лежала забота о всем продовольствии, о всех вещественных нуждах братства – и он проходил ее с таким усердием, верностью и честностью, как если бы она возложена была на него Самим Богом, а не отцом его духовным.

Но блаженная душа святого дохиара хотела больших подвигов – горела желанием безмолвия. Как истинный послушник, предлагает он свою мысль на обсуждение своего друга, наставника и отца. Святой Афанасий, предвидя духом, что он сделается примером подвижнической жизни и будет виновником вечного спасения многих душ, не только благоволил святому его желанию, но позволил идти с ним в безмолвие и другим, кто пожелает, из священной его дружины. Итак, святой Евфимий с несколькими братиями, выйдя из лавры, создал в месте, называемом Дафна, монастырек (монидрион) во имя святого Николая и в память своего послушания, проходимого им в лавре святого своего отца, назвал его Дохиаром. Внимательно смотрел святой Евфимий за всеми движениями своей души на новом, отшельническом, пути к небу, старательно обходил сети коварного врага, расставляемые им на пути нашем ко спасению, усугубил здесь и пост, и молитву.

Постоянно напоминал и малой своей дружине о глубоком к самим себе внимании, объясняя, что наша брань, по Апостолу, – *не к крови и плоти, но к началам и ко властем и к миродержителем тьмы века сего* (Еф. 6, 12). Не мог равнодушно смотреть на такие подвиги святого Евфимия начальник преисподней и непримиримый враг рабов Божиих. Скоро успел он причинить скорбь святому, употребив как орудие для этого сарацин. Однажды святой Евфимий, увидев их из своего убежища в пристани Дафны[304], предузнал, что люди эти явились здесь не с благой целью. Поэтому он благорассудил уступить гневу исконного нашего врага – удалился из своего убежища вместе со своим братством и скрылся в соседнем густом лесу Горы. Злодеи, явившись в монастырек, расхитили священные сосуды церкви и небольшой хозяйственный запас и утварь. Но не удовольствовался этим доброненавистник. Он возбудил орудие свое – сарацин – на крайнюю и безсмысленную ярость: они разрушили до основания церковь и стены монастыря, и таким образом оставив после себя развалины, удалились. Возвратившись из лесу со своей дружиною и увидев в таком жалком и достойном слез положении монастырь свой, святой познал, что злодеи простерли свою ярость на самые здания, без всякой для них пользы, конечно по действию лукавого. Но святой Евфимий был далек от малодушия и ропота. От всей души благодарил он Бога за посещение его и скорбью, и милостью – скорбью, что злодеи лишили его имения, милостью, что жизнь его и бывших с ним сохранилась от опасности. Воодушевлял он также и свое братство, вооружал их против малодушия, укрепляя своими отеческими и святыми наставлениями. А так как пристань, бывшая недалеко от его монастырька, привлекла в Дафну множество разного народа, то диавол по зависти своей легко мог снова возбудить кого-нибудь против святого: поэтому, чтоб не испытать опять такого же несчастия, святой Евфимий решился оставить Дафну. Путеводимый Богом, он нашел место более удобное к безмолвию – то самое, где теперь красуется священный монастырь Дохиарский. Это место полюбилось ему и возбудило в нем желание остаться здесь. Посему он явился к проту Святой Горы, которого звали авва Исаак, и объявил ему о своем намерении. Прот не взялся решить это дело один, но призвал к себе игуменов всех монастырей и предложил им на обсуждение благочестивое желание святого Евфимия. Тогда и прот, и все игумены единодушно одобрили такое богоугодное предложение святого, ибо все питали к небу великое благоговение и уважение как за добродетельную его жизнь, которая стала известна всем на Святой Горе, так и ради знаменитости его рода: поэтому тотчас же дали ему грамоту, за печатью прота, с подписью игуменов, на владение просимым им местом. На новом месте святой Евфимий опять воздвиг монастырек – и тоже в честь и память святого Николая, и уже никем более не был безпокоим, но пользовался любимым, всегда желанным и высоко ценимым безмолвием. Как дорого святой ценил безмолвие, видно из того, что для него презрел он дикость и суровость места и недостаток важнейшей жизненной потребности – воды! Иноческие его подвиги и здесь пошли обычной чредою – и он со дня на день восходил от силы в силу, служа образом и примером для малого своего братства.

Вскоре по водворении святого Евфимия на новом месте прибыл к нему из византийской столицы племянник его, по имени Николай. Он был из числа знаменитых тамошних вельмож и опытнейших советников славного царя Никифора Фоки, пользовался великой царской милостью и даже почтен был саном патрикия. У Николая родители были также славные и благочестивые. Отец его имел достоинство великого дукса и назывался Иоанном, а мать именовалась Евдокией. Николай с ранних лет пламенно стремился к иночеству. Еще на двадцатом году своего возраста, когда был в должности первого государственного письмоводителя, он оставил было славу и чести мира и скрылся в священной Студийской обители. Родители, пораженные тайным удалением своего сына, подняли море и сушу – всюду были разосланы царские слуги – отыскивать его. Им удалось наконец найти его и вручить ему призывные родительские письма. Николай показал эти письма игумену той обители, и тот присоветовал ему возвратиться к

родителям, чтобы не навлечь на себя ответственности в грехе преслушания. Таким образом, по совету мудрого своего духовного вождя Николай тотчас возвратился в столицу, явился в отеческий дом и по-прежнему стал заниматься государственными делами, хотя огнь любви к иночеству, возжегшийся в его сердце, не угасал. Родители его, заботясь о земной славе единственного и горячо любимого ими сына, хотели видеть в нем воскресителя и продолжателя славного их рода. Но не так думал Николай. Не занимало его земное величие, не льстила слава – быть отсветом скоропреходящего блеска своих предков. Душа его вся занята была произвольной нищетою и смирением ради Господа славы, и потому он только выжидал удобного времени, чтобы исполнить свое желание без скорби для своих родителей. Находясь уже несколько лет в этой мысленной брани, он вдруг против своей воли делается великим патрикием. – Но мирская слава крайне тяготила его; эту высокую государственную должность, возложенную на него земным царем, проходил он в чистоте совести, хотя в то же время, возлагая полное упование на Пресвятую Богородицу, не отпадал благих надежд на перемену блестящего своего, по мнению миролюбцев, состояния. Наконец, родители его, прошедши с честью указанное им Промыслом земное поприще и воздавая общий долг смертной человеческой природе, сошли о Господе с позорища сего мира и оставили Николая единственным наследником огромного имения, движимого и недвижимого. Впрочем, со смертью его родителей еще не вдруг настал конец всем препятствиям исполнению давней святой его мысли. Он знал любовь и расположение к себе царя – видел, что ему нелегко склонить венценосца на свое желание, поэтому обратился с теплой молитвой ко Пресвятой Богородице, чтобы Она Сама, имиже весть судьбами, устроила его жребий и расположила сердце царево в его пользу. Однажды, в праздник Успения Пресвятой Богородицы, смиренный патрикий во время всенощного бдения со слезами просил Царицу Небесную облегчить трудность его положения. После этой молитвы, воодушевляясь несомненной надеждою, предстал он пред царем и, упав к царским стопам, смиренно просил снизойти к его просьбе – дать ему царское согласие на приведение им в исполнение того, чего душа его желала еще с первых лет возраста. Жаль было царю лишиться достойнейшего патрикия, но зная хорошо твердую его решимость, царь уступил его просьбе и даровал ему державное свое согласие столь легко, что такой неожиданной перемене царских мыслей удивился сам патрикий. Николай ясно видел здесь призрение на смиренную его молитву Владычицы всей твари и потому от глубины души, от полноты сердца благодарил свою Заступницу. Согласившись на просьбу своего патрикия, царь отечески обласкал его, просил его молиться о благосостоянии его дома и всего его царства, заповедал ему обращаться к державе его во всех нуждах, обещая удовлетворять его щедро и по-царски. Можно представить, что чувствовал тогда Николай! Воздав подобающее благодарение и поклонение венценосцу за такое его к себе расположение, он устремился из мира в пустыню, как не стремится и жаждущий елень на источники водные, – немедленно удалился на Святую Гору, явился к дяде своему, святому Евфимию, игумену Дохиарского монастыря и, все свое имущество посвятив обители, себя самого предал духовному вождю – дяде, как железо ковачу. Семена духовной жизни, посеваемые искусным сеятелем на земле благой, начали быстро произращать на ней обильные плоды. Поэтому в непродолжительном времени Николай был облечен духовным своим отцом и дядею в иноческий ангельский образ, с именем Неофита. Это новое растение, прозябши на ниве иноческого жития, быстро возросло в великое древо и принесло Богу обильные плоды – в постах, молитвах и коленопреклонениях. Святой Евфимий, усматривая, что духовными плодами Неофита достаточно может пользоваться малое его братство, и видя, что все братия питают к нему великое уважение и благоговение за высокую подвижническую его жизнь, за благо счел, с общего согласия, передать на его попечение монастырек и сделать его игуменом с полной властью. А сам после сего возлюбил безмолвие и в последние дни своей жизни утешался только племянником своим, достигнув же наконец глубокой старости, мирно почил о Господе в основанном им монастыре.

Приняв в свои руки кормило духовного правления, святой Неофит сетью мудрых своих наставлений и святых деяний уловил в свой монастырек многих, так что малая его обитель в короткое время возросла в лавру. Посему он принужден был, по причине тесноты, испытываемой его братией, позаботиться о распространении и увеличении своего монастырька, а так как дикость места и особенно недостаток воды в этом месте требовали для сей цели огромных сумм, то святой смиренно предложил своему царю быть ктитором монастыря. Царь принял предложение Неофита с благодарностью и благоговением и тотчас же послал ему со своими людьми из царской сокровищницы значительное количество золота, прося у него молитв и за себя, и за всех своих предков. Таким образом, в короткое время явился совершенно новый монастырь, в той самой величине, в какой видится он и теперь, под названием тоже, как и прежде, святой обители Дохиарской, и с главным храмом, опять в честь и память святителя Христова Николая. Заботясь об устроении святой своей обители, преподобный Неофит не опустил из внимания средств содержать ее, но постарался приобрести в разных местах многие метохи, или участки земель и подворья.

Созидая обитель и приобретая для содержания ее недвижимое имение, святой истратил все деньги царские и свои, а в храмах его не была еще окончена живопись, недоставало еще для них священных сосудов и одежд. В таком трудном положении он скорбел и не знал что делать, писать же царю о новом вспоможении считал неприличным. Не видя ниоткуда человеческой помощи, святой Неофит решился, по наставлению царепророка, возвергнуть печаль свою на Господа, да Он препитает (Пс. 54, 23) – и обратился с теплой молитвою к верховному Управителю наших судеб. Богатый в милостях и скорый на помощь всем призывающим Его во истине, Бог, чтобы соделать осязательно очевидным дивный Свой Промысл о прославляющих Его, не замедлил явить чудесную Свою помощь с нуждою зиждущемуся храму славы Своея. Еще в царствование Никифора Фоки, ктитора Дохиарской обители, совершилось следующее достойное удивления и изумления чудо. Против Святой Горы, в виду Дохиара и других монастырей, лежащих на южном склоне Святой Горы, на расстоянии от нее не более четырех часов плавания, находится полуостров, известный под названием Лонгос, или Сика. Святой Неофит стяжал здесь метох. Близ этого метоха с давних лет стоял один эмблематический столп, на вершине которого находилась каменная статуя, изображавшая человека и имевшая на голове своей следующую надпись: «ударивший меня по голове найдет множество золота». Эта надпись уже много лет оставалась загадкою без разрешения. Многие ударяли статую по голове, и надпись на ней всегда оказывалась ложной. Тайна эта так долго оставалась тайной не без особенного смотрения Божия. Настало время, – и сокровенный смысл ее легко разрешился по Божественному вдохновению. В сказанный метох святым Неофитом послан был для исправления разных монастырских нужд один юноша, двадцати лет, монастырский послушник, именем Василий. Хотя часто доводилось Василию дивиться и столпу, и надписи на нем – но таинственность этой надписи все-таки оставалась неизъяснимой для него. Однажды с восхождением солнца пришел он к этому столпу и, умудренный свыше, ударил по голове тень статуи, потом раскопал ту часть земли, где своей тенью голова падала, и нашел множество золота в медном котле, сверху покрытом мраморным камнем. Юноша был полон удивления и радости от этой нечаянности, но не уязвился златолюбием. Закрыв опять золото со всей осторожностью, он тотчас же, прежде срока своего послушания, отправился в монастырь. Святой, недоумевая о преждевременном прибытии юноши, спросил его наедине, что это значит. Узнав причину поспешного явления к себе своего послушника, святой воздал славу и благодарение Богу, что Он, Всеблагий, услышал его прошение и не допустил ему снедаться долго печалью о скудости внутреннего украшения священного храма. Итак, с рассветом, не объявляя ничего братству, святой Неофит назначил, по прошению юноши, отправиться с ним трем честнейшим отцам на своем монастырском судне на полуостров Лонгос. Достигнув цели

своего плавания, поверенные старцы с удивлением убедились в истине рассказа юноши. Достав из земли медный котел, полный золота, они внесли его вместе с камнем, служившим ему крышкой, на судно и немедленно поплыли обратно в монастырь, взяв с собою и юношу. Но эти три отца, как люди, не устояли пред соблазнительным блеском золота. Хотя они были и опытны в добродетели, но и лукавый хитр на зло: он по разным, с виду благословным, причинам убедил их утаить золото. А нужно только занести ногу к нему в бездну – там ему уже нетрудно и совсем увлечь нас к себе. И действительно, для осуществления одного беззакония он внушил им совершить другое, еще горшее преступление – именно: чтобы утаилось от людей их хищение, враг склонил отцов умертвить невинного юношу и все это дело закончить обманом духовного их отца. Но верховный Управитель наших судеб не так судил быть этому лукавому и беззаконному сплетению. Наставленные диаволом, несчастные иноки, связав юноше руки и ноги и повесив на шею его мраморный камень, которым было закрыто золото, бросили его в море. Это было ночью. А сами, достигнув монастыря, разделили золото между собой, и каждый свою часть скрыл внизу монастырской пристани – до времени, пока не найдет удобного случая удалиться из монастыря. Но Бог чудес, един верно распознающий злоухищрения врага и един всемогущею Своею силою ниспровергающий их, промышляя о душевном спасении этих иноков и о жизни сего доброго юноши, равно как об украшении священного храма, о коем столько умолял Его верный Его служитель, измышленное лукавым зло премудро и чудно направил ко благу. Лишь только юноша был брошен в море, тотчас явились осияваемые небесным светом ангельские чиноначальники – Михаил и Гавриил – и юноша, подобно пророку Аввакуму, в один час принесенному ангелом из Иерусалима в вавилонский львиный ров, в то же мгновение лежал уже в монастыре, внутри запертой церкви, пред святым алтарем, на полу[305] у царских врат, и в том самом виде, в каком был брошен в глубину морскую. Потрясенный предшествующими обстоятельствами и оттого лишившийся чувств, юноша погружен был теперь в глубокий сон. Когда пришло время утренней службы, кандиловжигатель, по обыкновению взяв благословение у игумена ударять в доску – деревянную доску, пошел сначала в храм – зажечь лампады пред иконами, и вдруг видит пред царскими вратами связанного по рукам и ногам спящего юношу. Возжигатель лампад, пораженный таким зрелищем и почитая это мечтанием бесовским, тотчас пошел из храма – возвестить о видении игумену. Игумен, упрекнув его в малодушии и робости, велел ему идти в храм, оградить себя знамением крестным и сказать:

– Господи! Оружие на диавола крест Твой дал еси нам: трепещет бо и трясется, не терпя взирати на силу его, – яко мертвыя восставляет, и смерть упраздни. Сего ради покланяемся погребению Твоему и возстанию[306].

Кандиловжигатель известил игумена, что молитва и крест не имеют успеха. Тогда святой Неофит, познав, что видимое не есть обман и мечта бесовская, сам пришел с кандиловжигателем в церковь и – о чудо! – видит в столь странном положении того самого юношу, который возвестил ему об обретении золота. Исполненный тоже удивления и ужаса, святой Неофит долго стоял над юношей недвижимо, опершись на свой жезл, и не мог дать себе никакого отчета в видимом. После долгого раздумья наконец он жезлом своим легко коснулся юноши. Несчастный пробудился и не знал ни того, где он находится, ни того, что с ним делается. Успокоенный и вразумленный святым Неофитом, он наконец пришел в себя и объяснил преподобному эту загадку. «Посланные тобою, отче, – сказывал он успокоившись, – поверенные отцы, получив указанное мною золото, договорились утаить его, а для сокрытия своего преступления втайне решились утопить меня. Поэтому, связав мне руки и ноги и привесив этот камень на мою шею – как бы выделяя и мне часть из найденного нами сокровища, – они бросили меня в море. Далее я ничего не помню. Как вышел я из глубины морской и очутился здесь – не знаю: одно

только помню – что лишь только погряз я в бездне морской, тотчас явились какие-то двое златокрылых, как бы орлы, осияваемые неизреченным светом, и восхитили меня куда-то». Услышав эту повесть, святой понял, кто были златокрылые орлы. Всегда возлагая по Боге свое упование на сильную помощь архангелов Михаила и Гавриила, он несомненно верил и видел, что Бог предстательством их как юношу освободил от глубины морской, так и трем тем инокам не попустил погибнуть в бездне ада. Святой Неофит, чтобы более изумить братство этим чудом и вместе лучше обличить трех делателей беззакония – ибо он узнал, что они в ту ночь прибыли к монастырской пристани, – определил юноше остаться до утра в этом жалком положении, а утреню благословил читать в притворе храма; самый же храм велел кандиловжигателю на ночь запереть, строго запретив ему объявлять братству причину такой новости и странности. Утром благие и верные рабы явились с пристани в монастырь. Святой Неофит, призвав их к себе, спрашивал их о юноше и сокровище. «Тщетен наш труд, – отвечали они, – лжец этот юноша, обманул нас и, устыдившись своей лжи, убежал неизвестно куда». Святой, показывая вид, будто верит словам их, сказал: «Благословен Бог! Пойдемте в церковь, совершим славословие Богу – и Он, как благий и сильный, пошлет нам богатую Свою милость, имиже весть судьбами». Между тем, по повелению его, ударили в колокола – собрались все отцы и вошли купно в Божественный храм, предводимые святым и теми тремя старцами. Едва только увидели они юношу в этом жалком положении, как виновников такого явления объял страх и трепет, а прочих отцов, не знавших о том прежде, недоумение и изумление. Тогда юноша на вопрос святого повторил то же самое в присутствии всех, что прежде рассказал ему одному. «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои!» – единогласно воскликнуло все священное братство, когда юноша замолчал. А те три несчастные инока, падши ниц и открыто исповедуя свое беззаконие, горько раскаивались в нем и со слезами просили святого Неофита и прочее братство помолиться ко Господу Богу и святым архангелам о прощении им великого их преступления и с неутешным плачем указывали место, где скрыли они гибельное золото. При этих трогательных и поразительных обстоятельствах радость игумена и всей братии была неописуема. Хвалили и благодарили Бога, славили и архангелов. Но так как ангельские чиноначальники осязательно и явно показали сверхъестественными своими делами, что они священный сей монастырь получили от Бога в жребий себе, то братство сочло благословным главный храм монастыря, который прежде, как выше сказано, был сооружен во имя святого Николая, посвятить Божественной двоице архангелов. А сему святителю был определен храм придельный. Таким образом, совершив всенощное бдение и Божественную литургию, братия с того времени благопристойно посвятили главный храм монастыря пречестным именам великих чиноначальников Михаила и Гавриила и прочих с ними безплотных сил. А на согрешивших монахов святой Неофит, по принятии от них золота, наложил епитимию и, как святотатцев, убийц и лжецов, изринул их на время из монастырского братства. Но когда они исполнили свою епитимию, слезами и покаянием умилостивили Бога – тогда святой снова причислил их к общему лику, и они, по исполнении дней, мирно отошли ко Господу.

Святой Неофит, получив свыше дар для своего монастыря, расписал Божественный храм его прекрасной живописью, снабдил богатыми священными сосудами и одеждами и сделал весьма много других полезных приобретений. А юношу Василия, нашедшего сокровище, по желанию его, святой облек в ангельский образ, переименовав Варнавою, и упражнял его во всякой добродетели. Но так как слава добродетелей святого Неофита прошла по всей Святой Горе, то все преподобные отцы афонские, по смерти тогдашнего прота, почли достойным поставить на это место игумена Дохиара. Святой Неофит, видя, что невозможно ему избежать сего поручения Святой Горы, передал с согласия всего братства священный монастырь для управления Варнаве, как мужу испытанному им самим и всем братством, а сам перешел в протат и нес обязанность прота много лет.

Наконец этот труженик о Господе после многолетних святых своих трудов возымел нужду и в покое. Будучи уволен по преклонности лет от трудной должности прота, он возвратился в свой монастырь, где вскоре и отошел на вечный покой в лоно Авраама, исполненный дней. Молитвами святых отцов Евфимия и Неофита, да сподобимся и мы стяжать наслаждение вечными благами. Аминь.

12 НОЯБРЯ

Житие преподобного отца нашего Нила Мироточивого[307]

Святой и блаженный Нил, воссияв в поздние времена, подвигами своими превзошел многих даже и древних подвижников. Новое доказательство, что добродетель, благочестие и любовь к Богу не определяются временами и годами, но имеют свое основание в нашей воле и произволении.

Святой Нил был сын благочестивых и православных родителей, имевших свое жительство в Морее, или нынешней Греции, в селении, именуемом «Святого Петра», Законийской епархии. Воспитание его ограничивалось пределами места его рождения. В ранних еще летах лишился он своих родителей, но нашел их в дяде своем иеромонахе Макарии. Этот дядя был бдительным и искренним надзирателем за всеми движениями ума и сердца сего будущего сосуда благодати Святаго Духа. И нетщетными оказались многозаботные попечения пестуна о его воспитаннике. Племянник, обладая прекрасными природными дарованиями, при неусыпном и искреннем о нем старании дяди оказывал быстрые успехи в умственном и нравственном отношениях. Поэтому юный Нил, достигнув законного возраста, принял монашеское пострижение и удостоен был рукоположения во иеродиакона, а потом и во иеромонаха. Таким образом, достопочтенный дядя и достойный его племянник единодушно подвизались подвигом добрым. Но сии высокие и девственные души, будучи уязвлены пламенной и всецелой любовью к пресладкому Небесному Жениху, во славу Его возгорели желанием подвигов больших. Найдя настоящее свое местопребывание недостаточным для осуществления такого пламенного своего желания, они удалились из своего отечества и пришли на святую Афонскую Гору. Посетив здешние обители, скиты и пустыни с целью обрести место, удобное для безмолвия и высоких подвигов, наконец пришли они в одно место, издревле называемое Святые Камни. Это место тогда было еще пусто и не заселено, так как отличалось чрезвычайной дикостью и безводностью. Блаженный Макарий и божественный Нил, нашедши его, однако ж, весьма удобным для глубокого безмолвия и совершенно соответствующим святым намерениям, исполнились той радостью, какую ощущают обретшие многоценное сокровище. Полные этой неподдельной радости, они явились в Лавру и просили благословения на владение этим местом[308] и на устроение там келий. Игумен Лавры[309] со своей старшей братией, видя чистоту и Божественное желание просителей, которые и самой своей наружностью внушали к себе почтение и уважение, с радостью согласились на их прошение и в знак своего согласия на то дали им письменное уверение. А священный Макарий, по обыкновению Святой Горы[310], внес в Лавру небольшой денежный вклад, как дань дружбы. Получив таким образом право на владение местом, блаженные труженики приступили к расчистке его. Каких же стоило им это трудов; сколько при этом пролито ими поту! Но души, разжженные ревностью по Боге, не замечали своих трудов, и вскоре восстал, словно феникс, святой храм в честь и славу Царя Небесного, с помещениями при нем для земных ангелов, имеющих славословить Его во дни и в нощи. Скоро, по устроении келий, божественный Макарий мирно почил о Бозе от

бремени праведных трудов своих, сделав племянника своего наследником во всем и достойным преемником и правителем келий.

После сего блаженный Нил, более и более разжигаясь пламенем любви к Виновнику своего бытия, желая совершенной неразвлекаемости в занятии высочайшим предметом своей любви, стремясь, так сказать, слить свою любовь с превечной Любовью, находит и это место не совсем соответствующим святым стремлениям пламенной его души. Посему он отыскивает другое, более способное удовлетворить его стремлению, и поселяется в нем. Место это в то время по своей дикости, суровости и обилию наводящих ужас исполинских скал и стремнин было недоступно не только для людей, но и для зверей, имеющих обыкновеным прибежищем высокие горы и камни (Пс. 103, 18)[311]. Отсюда само собой разумеется, что для истинной любви к Богу, собственно, нет опасностей и трудностей. Она их вовсе не замечает, если только всецело занята своим высоким предметом. Пример тому – безчисленное множество мучеников, великомучеников и подвижников, удививших своими подвигами не только человеков, но и ангелов. Опасения трудностей на стезе любви к Богу выражают еще неискренность и неполноту ее. Проникнутые ею всецело, пред лицом неба и земли они свидетельствовали, что их ничто ни в сем, ни в будущем веке не может разлучить с предметом пламенной их любви (Рим. 8, 38. 39). Так и сего божественного труженика, блаженного Нила, что заставило презреть все трудности и неприятности, даже самую опасность жизни? Всецелая любовь души его к Богу.

Истинно любящие Бога и живущие по Богу всячески стараются скрывать свои добродетели, плач и слезы, опасаясь стрел тщеславия и похвалы людской, желают, чтоб ум их не был стесняем заботами о суетном и мирском, но чтобы был постоянно устремлен к Богу. Так точно и божественный Нил, желая, чтобы и самые сподвижники не слышали сердечных его воздыханий и молитв к Богу и не видели подвигов и слез, чтобы ум его и сердце постоянно заняты были Богом, чтобы можно было всегда себя посвятить Богу и чтобы никто не мог прерывать небесных его упражнений, нашел место для своего уединения, неприступное почти ни для какого живого существа, нашел и, не обращая внимания на невыразимые трудности и даже опасности жизни, поселился в нем. А поселившись, мужественно терпел он до конца своей жизни всякую тесноту и бедствие, презрев всякое телесное упокоение и человеческое утешение. Какие же подвиги видела пещера, вместившая сего мужественнейшего подвижника! Сколькими она оросилась излияниеми теплых слез плакавшего по Боге день и ночь! Какой борьбы с демонами и каких побед над ними была она свидетельницей! И после побед над темными силами, сколькими она освятилась небесными видениями и ликостояниями ангелов, являвшихся сюда для утешения равноангельского подвижника! Всего этого хорошо мы не знаем; это известно только Всеведцу. Но для нас и одно место его подвигов есть безмолвный и громогласный проповедник о величии их; не менее того свидетельствует о том же и прославление потом посмертных священных его останков.

Вот настало время и окончания земных злостраданий сего славного подвижника и упокоения его там, где ни плача, ни вопля, ни болезни не будет ктому (Откр. 21, 4). Умерщвлявший по вся дни свое тело безболезненно отдает общий долг смертности и отходит к Тому, Коего душа его желала от юности, возносясь на небеса в песнопениях и дориношении ангелов. В теснейшей своей пещере, ознаменованной и освященной столькими дивными подвигами, он мирно предал в руце Божии мирный свой дух. При ней же братия его кельи благоговейно предали земле многопобедное и многотерпеливейшее его тело. А чудный во святых Своих великодаровитый Мздовоздаятель, славно прославляющий славящих Его, в верное и ясное свидетельство чистой и Божественной жизни сего высокого подвижника прославил его тем, что из гроба его впоследствии

начало истекать благовонное миро с целительными силами. Миро это, как свидетельствует предание, текло в таком обилии, что стекало вниз по стремнине даже до самого моря[312]. И когда разнеслась о сем слава всюду, стали во множестве стекаться сюда христиане от самых отдаленых стран Востока, приставая на своих каиках (лодках) ниже и прямо против пещеры, чтоб получить сего священного мира во исцеление и освящение души и тела. От этого самого, говорят, и место, находящееся ниже пещеры Ниловой, названо karabosrasion (кораблестояние). Преподобный же с того времени наречен Мироточивым. При этом рассказывают, что ученик, оставшийся после святого Нила и бывший очевидцем скромности и глубокого смирения своего старца при земной его жизни, не вынося молвы от множества стекающихся мирян, тревоживших покой Святой Горы, будто бы решился жаловаться своему прославленному старцу на него самого, что он вопреки своим словам не искать и не иметь славы на земле, а желать ее только на небесах весь мир скоро наполнит славою своего имени и нарушит чрез то спокойствие Святой Горы, когда во множестве начнут приходить к нему для исцелений: и это так подействовало на святого мироточца, что тогда же миро иссякло. В недавнее время некоторые из кавсокаливских отцов, получившие исцеление от различных болезней чрез благоговейное молитвенное призывание святого в помощь себе, по чувству святой благодарности решились построить при его пещере храм. 7 мая 1815 года было приступлено к постройке. Копая место для основания храма, открыли не замеченный дотоле свод, и вдруг вышло из оного неизреченное благоухание. Надобно сказать, что до того времени, хотя все были уверены, что гроб преподобного и мощи его находятся при его пещере, но никто не знал определенно, в каком именно месте. Для непытливой веры достаточно было только знать, что там находится чтимая ею святыня. Итак, разобрав этот свод, нашли под ним безценное сокровище – священные мощи святого, благоухавшие неизъяснимым райским ароматом. Тотчас же сообщили об этом Лавре. Лавра немедленно послала туда иереев. Иереи, взяв с величайшим благоговением из-под свода святые мощи, перенесли их в Лавру, где в то время находился Константинопольский патриарх, блаженный Григорий V, и участвовал при встрече святых мощей. Лавра, достодолжно украсив череп и челюсть святой главы, первый оставила у себя, положив его во святом алтаре вместе с другими святыми мощами, вторую же отослала в келью святого Нила, во освящение пребывающих там и приходящих туда ради благоговения к святому и почитания его памяти. Между тем, окончен был устройством и священный храм при пещере святого Нила. Он сообразно с пространством места может вместить не более десяти-пятнадцати человек. Позади алтаря сего храма означено место, где был гроб святого.

Вот краткое описание жизни преподобного отца нашего Нила, который, как верный раб и благодарный делатель, послужил Владыке и Богу нашему в привременной жизни и прославил Его в телеси своем, умертвив душевредные страсти и злые похоти плоти, презрев всякое временное упокоение тела и даже самые необходимые его нужды. За что и всещедрый дародатель Бог прославил его здесь на земле, освятив временно злострадавшее его тело и дав посмертным его останкам благодать исцеления недугов душевных и телесных с верою к ним притекающих; паче же он прославляется ныне на небесах, веселясь своим духом со всеми святыми и с ангелами и наслаждаясь невечерним светом и неизреченной красотою Триипостасного Божества. Молитвами и ходатайством преподобного отца нашего Нила да достигнем и мы в меру возраста и исполнения Христова и да сподобимся наслаждаться купно с ним блаженной и не стареющейся жизнью. Аминь.

13 НОЯБРЯ

Страдание святого преподобномученика Дамаскина[313]

Блаженный Дамаскин пострадал в царство султана Мехмета IV, при Константинопольском патриархе Иакове, уроженце хиосском. Родился он в Галате константинопольской, в приходе Богородицы Елеусы (милующей), от благочестивых родителей Кириака и Кириакии: имя его в мире было Димандис; в отрочестве остался он сиротою. Без руководства и надзора родительского Диамандис, по ремеслу швец, вел себя безнравственно и, будучи схвачен турецким правительством в преступлении, для избежания наказания отрекся от христианской веры. Достигнув же совершенного возраста, часто воспоминал он об обетованиях Евангелия, о святости и чистоте христианской веры и, чувствуя, в какую пал бездну погибели отрекшись Христа, решился удалиться на святую Афонскую Гору и там оплакивал тяжкий свой грех. Итак, он прибыл на Святую Гору и поступил в лавру святого Афанасия; двенадцать лет оплакивал свое падение, изнуряя себя разнообразными трудами подвижничества и безусловно следовал советам духовного своего старца, которому по приходе открыл несчастное свое положение и всецело подчинился. Здесь принял он святую схиму с именем Дамаскина. Несмотря, однако же, на то, что своей строгой жизнью превосходил он многих тогдашнего времени иноков, несмотря на все свои труды и слезы, он считал свой грех столь тяжким, что никакие подвиги, казалось ему, не могли удовлетворить за него правде Божией. Одно, на чем успокаивалась мысль его, – пострадать и умереть за Христа, слова Которого он постоянно содержал в памяти: *иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, Иже не небесех: а иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех* (Мф. 10, 32. 33). Когда он открыл свое желание – идти на смерть за Христа, – никто не одобрял того из опасения немощи человеческой, чтоб последнее не оказалось горше первого. В то время в лавре находился патриарх Константинопольский Дионисий: ему надлежало отправляться в Константинополь. Дамаскин открыл ему свое желание; патриарх благословил его на подвиг и взял с собой в Константинополь.

– Я возвращусь опять на Святую Гору, – сказал ему патриарх, – а ты вступишь в подвиг мученичества и умрешь за Христа: помолись Ему и о мне, да милостив будет мне в исходе моем.

По прибытии в Константинополь Дамаскин снял с себя иноческое одеяние, чтобы при исповедании имени Христова не навлечь на братий гнева, когда мусульмане услышат от инока хулу на Магомета. Подобный случай гонения на монахов был за несколько лет до того, когда пострадали двое иноков, Киприан и Гавриил. Потом, приобщившись святых Таин Христовых в храме святого Николая, что в Галате, Дамаскин пошел в Софию и там начал молиться, ограждаясь знамением честнаго креста. Проходившие мимо агаряне, видя христианина в Софийской мечети молящимся, изумились. Впрочем, почитая его помешанным, не обращали внимания. Дамаскин, видя, по молитве, что никто из турок не тревожится, вышел из Софии. На пути встретил он имама, читающего книгу, и спросил его:

– Писано ли что-нибудь в книге твоей о Христе?

– Не хочешь ли ты быть мусульманином? – отвечал ученый.

– А что такое мусульманин? – сказал Дамаскин. Между тем, подошли и окружили их агаряне, слушали Дамаскина и насмехались над ним, как над неистовым. Тогда спросил их исповедник:

– Хотите ли слышать слово к пользе вашей?

– Хотим, скажи, – отвечали они.

Мученик говорит:

– Христос есть Бог истинный, Творец всего видимого и невидимого.

– Ты безумец, – возразили они.

– Не я, а вы безумны и несмысленны, если не веруете, что Христос есть истинный Бог.

Не обращая внимания на него как на неистового, турки оставили его. Оттуда переходит святой исповедник в мечеть султана Мехмета и тоже проповедует тамошним имамам, но и они только прогнали его как неистового. Недовольный неисполнением своего желания, Дамаскин удалился к месту, называемому Капани, и там громко среди мусульман воззвал:

– Мусульмане! Одна вера Христова есть истинная, а ваша вера ложная: вас обманул Магомет, и вы за свое заблуждение будете наказаны.

Но как громко ни обличал он турок – и там никто не обратил на него внимания. На другой день утром, придя во дворец визиря, Дамаскин начал говорить:

– Одна вера христианская есть истинная и Христос есть Бог истинный, а ваша вера ложная.

Исступленные турки схватили его, били без милости и наконец как неистового выгнали.

На третий день является исповедник в мечеть, называемую Сейзаки, близ казарм янычарских. Когда турки после обычных своих молитв выходили из мечети, он громко говорил им:

– Несчастные! Кого вы почитаете? На что надеетесь от ложного пророка вашего? Одна есть истинная вера – вера христианская.

Но, как и прежде, принимая исповедника за помешанного, никто не обратил на него внимания. Сильно огорченный тем, что и здесь не достиг желаемого, он нечаянно возвратился в Галату; всю следующую ночь провел в молитве и смиренно вопиял ко Господу: «Не возгнушайся мною, смиренным рабом Твоим, единородный Сыне Божий, удостой меня пролить кровь мою и положить живот мой за Тебя, моего Господа». Наутро, в день воскресный, встав, пошел он в мечеть, что у Топханы, в которой прежде в молодости имел несчастие отречься от Христа и признать Магомета великим пророком. Множество агарян стеклось тогда в мечеть на утреннюю молитву. Исповедник, став посреди турок, возопил:

– Бедные! Зачем вы собираетесь? На кого вы надеетесь? Горе вам, несчастные, вечная мука ждет вас! Христос един есть Бог истинный!

Услышав такое обличение, турки исполнились гнева, устремились на исповедника, били его без милосердия и наконец повлекли к надзирателю галатийской части Константинополя. Здесь исповедник проклял Магомета и гнусное его учение, не вытерпев чего, агарянин отправил его к визирю с описанием досаждения и безчестия, какими оскорблял исповедник Магомета и учение его. Прочитав донесение, визирь спросил Дамаскина:

– Правда ли то, что о тебе здесь пишется?

– Да, все правда, – отвечал тот.

– Прощаю тебя, – кротко сказал визирь исповеднику, – ты наш подданный, твоя обязанность платить подать царю, и сего ради тебе даруется жизнь. Но, как кажется, ты нищий, и потому желаешь смерти.

Мученик возразил:

– Напротив, я богаче тебя, так как имею сокровище веры в моем сердце и вера моя краше солнца. Ты имеешь много мирского богатства, которое собрал, но сегодня владеешь им, а завтра возьмет его другой. Сокровище же веры моей пребывает во веки в Царствии Небесном.

Визирь, видя, что мученик тверд в своем исповедании и не увлекается его словами, повелел отсечь ему голову. Исполнители приговора и казни, связав его, повлекли в Фанари. Там, пред вратами патриаршеского двора, мученик, благодаря Бога за исполнение желания, встал на колена, преклонил выю под меч, и его обезглавили. Кровь брызнула. И священные ее капли пали на дверь стоящей близ того места торговой лавки. Прилучившийся тогда игумен монастыря Мавромала, именем Макарий, купил дверь, принес в монастырь свой для освящения его каплями крови мученической. Между тем, святые мощи по приказанию турок лежали на месте усечения целых три дня на улице пред патриаршеским двором. Наконец христиане подкупили стражей, взяли их оттуда и положили в каик, чтоб перевезти святыню на остров Халки, в монастырь Святой Троицы, но отцы обители Пресвятой Богородицы, находящейся на том же острове Халки, предупредили их, взяли мощи в свою обитель и погребли честно позади святого жертвенника. Молитвами святого преподобномученика Дамаскина да удостоит Спаситель и нас всех Царствия Своего. Аминь.

Св. преподобномученик Дамаскин пострадал в 1681 году, 13 ноября.

14 НОЯБРЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Григория Паламы, архиепископа фессалоникийского[314]

Божественный отец наш Григорий имел родителей благородных и добродетельных. Отец его, в царствование Андроника второго Палеолога, занимал при дворе высшую государственную должность. При такой любви царя земного он пользовался особенной благодатью и Небесного, чему ясным свидетельством служит то, что, предвидя исход свой от времени в вечность, он сложил с себя звание государственное и принял ангельский образ с именем Константия, и мирно отшел ко Господу. Между тем, Григорий по смерти

отца своего продолжил классические занятия, посвящая себя изучению философских наук и всего, что входило в состав тогдашнего юношеского образования. Замечательно, между прочим, было в нем то, что, не доверяя собственной своей памяти, он положил себе за правило – пред каждым уроком класть три земных поклона, с молитвою пред иконой Госпожи Богородицы, – и таким образом успехи его были быстры. Сам император, по тайному расположению и сердечной привязанности к осиротевшему отроку, принимал в его положении живое участие и отечески озабочивался его воспитанием. Постоянные успехи и отлично скромное поведение были следствием царственного попечения о Григории: по своим дарованиям и сердечным качествам он был дивом для всех и радостью сердца царева. Но, тогда как внимательный Палеолог имел ввиду земные цели и земное благо в отношении к юному Григорию, Григорий, с своей стороны, по тайным побуждениям девственного сердца и по чувству пламенной любви к Богу, становился выше земного своего предназначения и всех временных благ, располагаясь оставить мир и славу его и удалиться в пустыню. По этому побуждению, часто имея сношения и встречи с святогорскими иноками, он требовал от них советов в рассуждении своего положения, вызнавал образ подвижнической жизни и наконец, согласно общим их убеждениям, решился, не оставляя двора и своих занятий, испытывать силы – может ли он быть действительным иноком. Прежде всего блестящие свои одежды заменил он ничтожными и худыми рубищами, потом начал мало-помалу изменять свои прежние привычки и образ внешнего поведения, оставил все условия светских приличий, что, само собою, обратило на него общее внимание света. Так что все признали его сумасшедшим. Сам Григорий мог предвидеть это и знал, но не изменялся, с удовольствием принимая насмешки людей и общее к себе пренебрежение. Протекло уже несколько лет такой строгой жизни – и ни убеждения императора, ни его внимательность и желание возвести его на степень государственной службы, ни ласки искренне преданных ему друзей, ни родственные связи – ничто не могло остановить его на крестном пути к небу. Между тем, назидательная его жизнь, убеждения, полные силы и благодати, действовали уже на некоторых из его домашних: несколько человек из его прислуги вследствие его убеждений удалились от мира и остались навсегда в ангельском лике. Вслед за ними и сам Григорий в сопровождении своих братий погрузился в пустынную лавру Ватопедскую, на святой Горе Афонской, подчинив себя безусловно свидетельствованному тогда от всех, известному между святогорцами старцу Никодиму, от которого впоследствии принял и пострижение в иноческий образ.

На второй год своего пребывания у старца Никодима Григорий был удостоен Божественного явления. Однажды, когда мысль его была погружена в Боге, внезапно стал пред ним честной муж – это был Иоанн Богослов – и, смотря на него весело, спросил:

– Что за причина, что, взывая к Богу, ты всякий раз только повторяешь: «Просвети тьму мою, просвети тьму мою?»

Григорий отвечал:

– Чего другого должен я просить, кроме этого? Да просвещусь и узнаю, как творить волю Его святую!

Тогда говорит ему евангелист:

– По воле Владычицы всех Богородицы с этой поры я буду с тобою неотступно.

По истечении трех лет безусловного послушания и подвижнической жизни под мудрым водительством Божественного наставника, Никодима, Григорий лишился его, в глубокой

старости отошедшего ко Господу. Тогда святой Горигорий удалился в великую лавру святого Афанасия – и там приняли его отцы с великой честью, ибо давно наслышались о добродетельной его жизни. Там он пробыл три года, удивляя всех своими подвигами и мудростью. Когда кончилось это время искуса, игумен поручил ему служение с братией в общей трапезе, а с тем вместе и должность церковного певца. И здесь, и там чудный Григорий был изумительным образцом иноческого совершенства, так что не только безсмысленные движения плотских страстей царственно и навсегда укротил он и подавил, но и в самых существенных требованиях природы имел строгое ограничение, как будто не нуждаясь ни в чем земном, и представлял собою утешительный пример ангельского безстрастия и Божественной чистоты. Самый сон, без которого нельзя обойтись никому, у него был так побежден, что в течение трех месяцев он боролся с ним, не давая себе ночью ни покоя, ни отдыха, за исключением только слабой дремоты, в которую погружался ненадолго после обеда, – и то собственно из предосторожности от пагубных следствий долгой и изнурительной безсонницы. Само собой разумеется, что при таком образе жизни общение с братией много отвлекало его от совершенного удовлетворения требованиям безсмертного духа, и Григорий скрылся из лавры.

Из лавры святой Григорий удалился в так называемый скит Глоссия, где обитало много отшельников под руководством старца Григория, родом тоже из Константинополя. Этому-то дивному старцу, в тогдашнее время славившемуся опытами созерцательной жизни и сердечной, или умной, молитвы, поручил себя Григорий и от него впоследствии занял и изучил таинства созерцания, или умного делания, и Божественной чистоты. Нельзя выразить, конечно, ни на каком человеческом языке и никаким словом тех таинств, когда ум человека, сердце и как бы все существо его сливаются в одно желание воли и силы – благоугождать Богу, любить Его и молитвою непрестанною, как щитом, ограждать себя от всякого поползновения к плотскому мудрованию и от неприязненных действий сатаны; но самые плоды такой созерцательной жизни объясняют собою, или проявляют, тайны благодатных даров, которыми Бог обогащает избранных Своих. И святой Григорий, погружаясь во глубину молитвенного духа и озаряясь им, доходил до такой степени умиления и плача сердечного, что слезы струями текли из очей его и были постоянны и неиссякаемы. Впрочем, Григорий и его сподвижники не могли наслаждаться всегда благим безмолвием – там, в Глоссии, по причине нападений, какие делали агаряне на монахов, безмолвствовавших вне монастырей. Посему во избежание опасностей Григорий и собрание его, состоявшее из двенадцати человек, принуждены были удалиться в Фессалоники и там, посоветовавшись между собою, согласились идти во Иерусалим, для поклонения святым местам, а если возможно – и для окончания жизни где-нибудь в пустынном безмолвии. Божественный Григорий желал узнать, благоугодно ли Богу намерение их, – и вот, когда он помолился об этом и после того заснул, представилось ему, как сам он говорит, будто он находился в царском дворце с сподвижниками своими пред троном дивного царя, окруженного безчисленным множеством вельмож и телохранителей. Один из числа царственной свиты, как будто великий князь, отделился и, приблизившись к Григорию, дружески обнял его, а потом, обращаясь к собратиям его, сказал:

– Я удерживаю Григория у себя – так угодно это царю, а вы подите, куда хотите.

Это видение великий Григорий объявил своим собратиям – и как сам он, так и прочие объяснили оное следующим образом: великий князь, удержавший божественного Григория, был не иной кто, как святой великомученик Димитрий, – почему и решились не оставлять Фессалоники, где почивает этот великий угодник Божий. Здесь, в Солуни, братия начали убедительно просить божественного Григория принять священство, на что он, со своей стороны, и соглашался, но не прежде, чем узнает, что на это есть воля Божия.

По сему случаю назначили пост и молитву: молитва была услышана Богом – и святой Григорий вслед за тем принял священство.

После рукоположения в сопутствии небольшой своей братии он удалился в тамошний скит, где и начали они подвизаться снова. Образ жизни его был таков: пять дней в неделю он и сам вовсе не выходил никуда, и к себе не принимал никого; в субботу только и в воскресенье, по совершении священнодействия и по принятии Божественных Таин, он входил в духовное общение с братиями, назидая и утешая их увлекательной своей беседою. Тогда ему было еще немного более тридцати лет от роду. Совершенное здоровье и телесные силы не изменяли ему. А чтобы плоть во всех отношениях подчинить духу, он продолжал жизнь чрезвычайно строгую и для плотского мудрования и воли изнурительную, что имело благотворными следствиями назидание для братии и высокий образец совершенства иноческого.

Случалось так, что иногда он весь как бы погружался в глубокое безмолвие и тишину: тогда слезы рекою текли из молитвенных его очей. Когда же открывал он уста свои для беседы, слышавшие дивные его речи трогались сердечно, увлекались и плакали. В часы же, следовавшие за его затвором, а особенно после Литургии, лицо его было славно – на нем играл дивный свет Божественный. В это время отошла ко Господу великая в добродетелях мать его, по имени Каллиста. Дочери и сподвижницы ее, сестры Григория, просили его придти к ним для утешения их сиротства и для духовного наставления. Григорий повиновался призыву родственной любви и прибыл в Константинополь к сестрам своим, которые потом, при отбытии его в Веррию, последовали за ним и были определены им в женский монастырь. По возвращении святого Григория на свое место, к братии, случилось ему войти в дружеские отношения и близкое знакомство с одним простым старцем, безмолвником Иовом, который, слушая однажды божественного Григория, выражавшего мысль, что не только подвижники, но и все христиане должны молиться непрестанно, по заповеди апостольской, – не соглашался с ним и возражал, что непрестанная молитва есть долг только монахов, а не мирян. Святой Григорий, не желая оскорбить старца и не любя многословия, замолчал. Но едва только возвратился Иов в свою келью и стал на молитву, является ему в небесной славе Божественный ангел и говорит:

– Не сомневайся, старец, в истине слов Григория – он говорил и говорит правду; так умствуй и ты, и другим передавай.

Наконец, по истечении пяти лет безмолвной жизни Григория в Верии, он был принужден по причине частых набегов албанцев снова удалиться на Святую Гору, в лавру святого Афанасия, где и принят был отцами и братиями с великой любовью и веселием. И здесь также, уединяясь вне монастыря, в безмолвной келье св. Саввы, кроме субботы и воскресенья он никуда не выходил, ни с кем не виделся, никто не видел и его, разве по нуждам священнодействия. Все прочие дни его и ночи текли в молитвенном подвиге и Божественном созерцании.

Однажды, в вечер спасительных страстей Христовых, по древнему обыкновению было в лавре великолепное бдение, на котором был и святой, участвуя с братией в славословии. Здесь было ему открыто очень ясно – так что не только душевными, но и телесными очами увидел он в полном архиерейском облачении тогдашнего игумена лавры Макария. Чрез 10 лет после сего видения Макарий, действительно, был возведен в достоинство архиерея Солуни, где и скончался.

В другой раз в келейной своей молитве пред Богоматерью святой Григорий ходатайствовал и просил Ее, чтобы в устранение от него и его собратий всякого развлечения и препятствий к безмолвию и совершенной иноческой жизни благословила Она принять на себя заботливость и промышления о всех житейских его потребностях. Всемилостивая Владычица удостоила его явления Своего, в сопутствии множества светоносных мужей. Она предстала святому Григорию и, в виду его обращаясь к тем светоносным мужам, произнесла:

– Отныне и навсегда будьте попечителями о нуждах Григория и его братии.

Впоследствии признавался святой Григорий, что со времени явления Богородицы он, действительно, где ни находился, везде видел дивные опыты Божественного о нем промышления. На третий год пребывания своего в безмолвии однажды во время молитвы Григорий чувствует, что он погрузился в сон, и ему представилось, будто в руках его сосуд чистого молока, до такой степени полный, что он переливается чрез край; вслед за тем показалось, что молоко приняло вид лозного ароматического вина, которое, переливаясь также чрез край сосуда, омочило руки его и одежду и потом, струясь всюду, выдыхало из себя дивный аромат. Чувствуя сладость аромата, Григорий радовался. Между тем, является ему светлый юноша и говорит:

– Почему бы тебе не передать и другим этого чудного питья, так утрачиваемого тобою без всякого внимания? Или не знаешь, что это неиссякающий дар Божией благодати?

– Но если в настоящее время нет нуждающихся в таком питии, – отвечал Григорий, – кому передать?

– Хотя, в настоящее время, действительно, нет жаждущих, – возразил юноша, – но ты все-таки обязан исполнять долг свой и не пренебрегать даром Божиим, в котором Владыка потребует от тебя отчета.

При этих словах видение кончилось. Значение молока святой Григорий впоследствии объяснял так, что это дар слова обыкновенного, для сердец простых, требующих нравственного учения, а перемене молока на вино придал он смысл гораздо высший, именно: этим означалось, что нужда со временем потребует от него слова догматического и небесного. Вскоре после сего богомудрый Григорий был избран игуменом в Есфигменский монастырь, где братство тогда состояло из двухсот монахов. С той поры, кроме слова устного, святой Григорий начал составлять систематические свои произведения и проявлять дар чудотворения. – В монастыре однажды недостало елея, а между тем, в нем была крайняя нужда. Святой Григорий со всеми братиями приходит в подвал, где обыкновенно хранилось все продовольствие обители, и, по молитве, благословил пустой сосуд: вдруг сосуд в виду всех наполнился елеем. Узнав же, что причиною недостатка елея – маслины, не принесшие обычного плода, святой Григорий вместе с братией приходит в масличные сады, благословляет деревья – и с тех пор они сделались плодовитыми. А в доказательство чудодейственной силы молитв и благословения Григория те из дерев, к которым он приближался или прикасался, впоследствии оказались чрезвычайно плодоносными.

Впрочем, немного времени был он игуменом. Желание безмолвия и пустынной тишины увлекло его снова в лавру. Тогда в первый раз прибыл на Святую Гору из Калаврии Варлаам и показывал вид, будто соглашается с Восточной Церковью, вследствие чего желает быть монахом. В удостоверение составил он обличительные доводы – в опровержение мудрования латинян. Несмотря, однако ж, на это, божественный Григорий

явно восставал на Варлаама и обличал его лукавство – что и было первой причиной вражды Варлаама к святому Григорию. Между тем, вызнав образ мыслей афонских отшельников в рассуждении таинств созерцательной жизни и сердечной молитвы, он чрез малое время удалился в Константинополь и там, войдя в связи с простейшими из монахов, занятием которых была умная молитва и трезвение, притворился, будто делается учеником их и другом. Впоследствии, слыша от них простые изложения условий, необходимых монахам в начатках умной молитвы, Варлаам явно восстал и против них, и против молитвы, и против таинственного созерцания. Его возражениями поначалу увлекся сам император, и даже патриарх. Но прежде, нежели клеветы Варлаама на афонских иноков сделались гласными, этот обманщик за предосудительное и укоризненное свое поведение был выслан патриархом с безчестием. Сильно огорченный, Варлаам удалился в Солунь, неся с собою и туда свои клеветы на монахов, и усиливался доказать, между прочим, то, что древние богоносные отцы и учителя были виновниками увлечения монахов в еретические мудрования касательно созерцательной жизни. Потрясения со стороны Варлаама были сильны. От природы быстрый и увлекательный в слове, он взволновал умы солунян, так что иноки солунские вынуждены были, не имея собственных сил противостать Варлааму, вызвать со Святой Горы божественного Григория. Святой Григорий по прибытии в Солунь сначала действовал в духе кротости, стараясь убедить таким образом и обезоружить дерзкого своего противника, но когда увидел, что меры кроткие не действуют и что потрясения Церкви и ее законоположений день от дня становятся со стороны Варлаама чувствительнее, начал всюду уничтожать возражения и клеветы Варлаама не только словом, но и сильными своими писаниями, исполненными высоких истин и доводов Божественного слова. Сам Варлаам, узнав произведения пера Григориева, оставил в покое монахов и их созерцание и со всею силою напал личными и заочными клеветами на божественного Григория. Но когда и это не помогло, когда Григорий всюду теснил его, ниспровергая все его возражения – в виду всех пристыженный и обезсиленный Варлаам скрылся из Фессалоник и прибыл снова в Константинополь.

С той поры протекло три года. Все это время, оставаясь в Солуни, святой Григорий занимался изложением начал православия, сильно ратуя за чистоту их. И здесь, в это время, обычный плач и совершенное уединение и безмолвие были любимым занятием келейного его досуга. Но так как среди многолюдства он не мог иметь всех удобств пустынной тишины, то по крайней мере всячески старался избегать связей и отношений с миром. Для сего в отдаленной части дома, в коем жил, сделал он малую келейку и там безмолвствовал, сколько мог. Однажды, в праздник святого Антония Великого, ученики его были все вместе у чудного Исидора-отшельника и там совершали бдение божественному Антонию, а святой Григорий, между тем, остался в своем затворе. Вдруг является ему св. Антоний и говорит:

– Хорошо и совершенное безмолвие, но и общение с братством иногда необходимо – особенно во дни общественных молитв и псалмопений. Посему и тебе должно теперь быть с братиями на бдении.

Убежденный таким видением великого Антония, божественный Григорий явился тогда же к братиям, которые приняли его с радостью, – и всенощное бдение протекло для них с особенным торжеством. Кончив письменные свои занятия в защиту афонских иноков и в опровержение еретических мудрований Варлаама, святой Григорий возвратился на Святую Гору и показал тамошним безмолвникам и старцам все, что написал о благочестии против заблуждений Варлаама. Общий похвальный отзыв был явным свидетельством правоты мыслей божественного Григория.

Между тем, при отбытии его из Солуни на Святую Гору, сестра его, по имени Феодотия, находилась при смерти. Поэтому ученики и друзья спрашивали его о похоронах сестры, думая, что она уже более не увидится с ним.

– Нет нужды спрашивать вам об этом, – отвечал Григорий, – по воле Божией я возвращусь к ней еще прежде кончины ее.

Так сказал – и слово оправдалось делом: ибо, когда наступил последний час Феодотии, она спросила о брате Григории, где он; узнав же, что он удалился на Святую Гору, опечалилась сердечно и называла себя несчастной, что не удостоилась последнего свидания с ним. С той самой минуты она погрузилась в забытье, не отвечала на вопросы окружающих ее – и в таком безжизненном ее положении прошло восемь дней; только слабое дыхание и движение глаз показывало, что она была еще жива и как бы ожидала своего брата. Наконец, при наступлении вечера 8?го дня, прибыл со Святой Горы Григорий и, став близ сестры, произнес ее имя. Умирающая устремила на него прощальный взгляд и, не в силах будучи говорить, с последним усилием подняла благодарственно руки свои к Богу, а чрез несколько минут тихо испустила последний вздох.

Наконец, наступило время, когда божественный Григорий должен был ратовать против своего врага в виду всего света и за свой подвиг получить безсмертную славу и венец. Варлаам, враг истины, прибыв из Солуни в Константинополь, увлекательной силой слова и внешней мудрости, как мы сказали, в короткое время успел переубедить и совершенно склонить на свою сторону патриарха Иоанна XIV. А при чрезвычайности таких успехов вслед за тем произвел общее брожение умов, возбудил сомнение и довел наконец дело до того, что патриарх грамотою вызвал на суд Церкви Григория, как бы виновного, вместе с его сподвижниками. Григорий, однако ж, не смутился этим. В сопровождении Исидора, Марка и Феодора – искренно преданных ему друзей – он прибыл в Константинополь и взамен спора и личных состязаний с Варлаамом представил на общее рассмотрение и строгий суд Церкви аскетические свои сочинения и ответы на пустословие Варлаама. Когда этот труд смиренного афонского инока был рассмотрен, обсужден и наконец всеми признан в высшей степени удовлетворительным в оправдание и защиту православных верований и правил афонского подвижничества, – Варлаам провозглашен был отъявленным врагом истины и восточного православия, а Григория, между тем, провозгласили учителем благочестия, во всем согласным с божественными отцами Церкви, и патриарх отдал справедливость произведениям его. Впрочем, несмотря на это, так как дело Варлаама с божественным Григорием было чрезвычайной важности в отношении догматическом, патриарх, со своей стороны, признал необходимым созвать местный собор, на что изъявил царственное свое желание и волю и сам император. Вследствие сего и стеклось множество знаменитых тогдашнего времени отшельников, в числе которых особенно замечательны Давид и Дионисий: последнему были предварительно открыты свыше следствия сего собора и торжество божественного Григория. Местом собора назначен был храм святой Софии. Как ни силен был в своих беседах Варлаам, опиравшийся притом на полную доверенность императора (Кантакузена), но простота слова Григориева в изложении Божественных истин доставила православию и Церкви решительную победу над Варлаамом и его приверженцами. Только притворное его раскаяние и признание пред всем собором своих сочинений еретическими спасли его жизнь, обреченную на проклятие и вечный стыд. Уничтоженный таким образом и не вынося общего к нему презрения, он скоро после того скрылся из Константинополя и удалился в свою отчизну, к своим латинам, оставив во многих из греков силою увлекательного своего красноречия глубокое впечатление. Но этим не были вовсе подавлены заблуждения Варлаама. Едва только скрылся он, в защиту еретических

его мудрований восстал Григорий Акиндин и объявил себя последователем его; этот сильно напал на аскетическую жизнь пустынников – приписывал им характер и свойства мессалиан, евхитов и квиетистов. Новые потрясения и волнения умов были сильны: нужда требовала нового церковного собора и новых подвигов со стороны божественного Григория. Акиндина сильно поддерживал сам патриарх, несмотря на то, что Григорий решительно уничтожил, как и прежде, все клеветы на пустынное подвижничество и из борьбы за его чистоту вышел победителем, опроверг все еретические мысли Варлаама и жаркого его последователя Акиндина – опроверг сколько, с одной стороны, Священным Писанием, столько же – с другой – ясными свидетельствами учителей и древних отцов Церкви. Тогда уничиженный в лице Акиндина патриарх решился лично мстить Григорию, который неоднократно убеждал его дорожить миром церковным. Чтоб успешнее достигнуть своей цели, патриарх признал Григория виновником всех нестроений и церковных смут тогдашнего времени, разгласил это в народе и, чтоб придать собственному своему суду более силы и значения, Акиндина возвел на степень диакона, имея в виду впоследствии почтить его достоинством иерейским и званием церковного проповедника, а Григория, между тем, по его повелению, схватили и бросили в мрачную тюрьму. Четыре года томился там невинный страдалец.

Впрочем, такая несправедливость патриарха не осталась безнаказанной. Тогдашняя императрица Анна, узнав о действиях патриарха и привязанности его к Акиндину, на двух соборах уже признанному еретиком и отъявленным врагом Церкви, нашла еретика Акиндина не заслуживающим и недостойным церковного общения и священного сана и приказала изгнать его из Церкви. Между тем, и сам патриарх (Иоанн) испытал на себе гнев Божий. Увлеченный Никифором Григорасом в еретические мудрования Варлаама и Акиндина, он признан был врагом истины и, как еретик, лишен кафедры и церковного общения (в 1347 году). Следствием сего были наконец церковный мир и свобода невинного страдальца, святого Григория. Патриарх Исидор, занявший патриаршую кафедру после Иоанна, торжественно почтил заслуги Григория, и хотя Григорий, со своей стороны, отрекался, но император Кантакузен и патриарх убедили его принять на себя иерархическое служение Церкви. Григорий был рукоположен в сан солунского митрополита и отпущен к своему месту с благоволением царственным и патриаршим. Однако ж, по случаю возникших в Солуни смут, новый митрополит не был принят паствой, что и побудило его удалиться на Святую Гору. В то самое время, как Солунь отреклась принять Григория, наступил праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Один из солунских иереев – сиропитатель – располагаясь служить Литургию в числе прочих, смиренно молил Господа, чтобы Он благоволил открыть, действительно ли, как думает народ, Григорий в заблуждении по своим мудрованиям и верованиям, в отношении к иноческой жизни, и имеет ли он у Господа дерзновение? Это откровение иерей просил показать расслабленной своей дочери, три года уже бывшей без всякого движения и чувства: «Если, Господи, истинно раб Твой Григорий, – молитвами его исцели несчастную дочь мою!» Господь послушал иерея сиропитателя, потому что дочь его вдруг сама собою поднялась с постели и с той поры получила совершенное здоровье, как будто никогда никаких болезненных припадков прежде и не имела. Это чудо прославило Григория.

В настоящее пребывание святого Григория на Святой Горе прибыл туда же болгарский царь Стефан и, зная добродетели и заслуги его, убедительно просил и умолял его отправиться с ним в Болгарию с тем, чтоб занять там кафедру; однако ж ничто не могло склонить и убедить к тому божественного Григория. Впрочем, и на Святой Горе Григорий не нашел себе прежнего спокойствия и тишины: нужды Церкви скоро вызвали его опять в Константинополь, а потом, не принятый снова своей паствой по случаю народных смут и замешательств клира, он удалился на соседственный Святой Горе остров Лемнос, где,

творя чудеса и знамения и немолчно проповедуя слово Божие, оставался до того времени, пока сами солуняне не восчувствовали необходимости в его присутствии для паствы, долго сиротевшей и тяготившейся чуждым влиянием на дела церковные и народные.

Тогда представители клира и высшие сановники Солуни прибыли на Лемнос и с чрезвычайным торжеством возвратились оттуда в Солунь со своим пастырем. Радость народная при встрече его была невыразима – так что Церковь солунская, как будто вдохновенная свыше, пред лицом своего пастыря при настоящем случае представляла вид совершенно торжествующий: вместе обычных хвалебных песнопений клир и народ пели пасхальные гимны и канон, не давая ни себе, ни другим отчета в своих чувствах и в необычайном торжестве и радости. Таким образом святой Григорий занял наконец свою кафедру. По истечении трех дней после своего прибытия он при безчисленном собрании народа совершил крестный ход и Литургию, при которой Бог прославил его новым чудом. У того же самого сиропитателя-иерея сын страдал падучей болезнью: когда настало время причащения, иерей пал к стопам своего архипастыря и смиренно умолял, чтоб он сам, своими святительскими руками, преподал болезненному дитяти пречистые Тайны. Тронутый смирением иерея и страдальческим положением сына его, божественный Григорий исполнил его просьбу – и дитя сделалось здорово. Тихо и спокойно с тех пор текла жизнь святого Григория: клир составлял исключительный предмет его заботливости; поучая всех и каждого словом, он не менее того назидал паству строгой и благочестивой своей жизнью.

Но тогда как солунская Церковь под мудрым его правлением наслаждалась миром и тишиною, единомысленники Варлаама и Акиндина не переставали снова смущать православную Церковь в Константинополе – так что император Иоанн Кантакузен и патриарх Исидор I признали необходимым для умиротворения волнующихся умов и для утверждения правоты церковных истин открыть новый собор. Для сего прежде прочих грамотами царя и патриарха был приглашаем в Константинополь божественный Григорий. Отказаться было нельзя: нужда Церкви требовала новых подвигов – и послушный Григорий явился на собор. Враги истины, как и прежде, были посрамлены и уничтожены, и личные беседы святого Григория и его догматические произведения, читанные на соборе, сомкнули уста еретические. Напутствуемый внимательностью и уважением царя, любовью и благословением патриарха и Церкви, Григорий с честью оставил Константинополь и отправился было к своей пастве, но в то время пребывавший там Иоанн Палеолог не допустил его до Солуни, и святой Григорий принужден был отправиться на Святую Гору, откуда, впрочем, чрез три месяца самим же Палеологом был вызван с честью на солунскую кафедру.

Однажды, в праздник Рождества Пресвятой Богородицы, святой Григорий совершал Литургию в девическом монастыре. Монахиня, по имени Елеодора, слепая на один глаз, узнав, что митрополит совершает Литургию, скрытно приблизилась к нему и тайно приложила святительскую одежду его к слепому своему глазу: глаз тотчас же получил зрение. Проведя один год на кафедре, святой Григорий впал в чрезвычайную и продолжительную болезнь, так что все опасались за жизнь его: однако ж Бог еще продлил ее для новых подвигов. Не успел он оправиться совершенно от своего недуга, как получил от Иоанна Палеолога убедительное письмо, которым царь приглашал его прибыть в Константинополь и подавить ссоры и несогласия в царственной семье. Иоанн Палеолог был в большой немилости у своего тестя, Иоанна Кантакузена, что и было причиною, что на некоторое время Палеолог удалялся в Солунь. Не жалея собственного спокойствия и сил, Григорий не замедлил для доставления спокойствия и взаимной любви царственным особам отправиться в Константинополь. Однако Бог судил иначе. На пути в Константинополь он был схвачен агарянами и отвезен в Азию как пленник и раб. Но и

здесь не оставался он праздным: целый год, продаваемый из города в город, он всюду вступал в состязание с агарянами о вере, неверных просвещал светом Евангелия, а в порабощенных и пленных христиан вдыхал жизнь и утешение, убеждая их к безропотному ношению страдальческого своего креста, в чаянии наград и венцов за гробом. По истечении года болгаре выкупили из рук агарянских чудного Григория и таким образом возвратили солунской Церкви ее ангела.

В течение последних трех лет иерархической деятельности, после агарянского плена, святой Григорий сотворил несколько чудес над болящими. Друга своего, иеромонаха Порфирия, он дважды восставил от болезненного одра молитвою. Самое же прибытие из плена в Константинополь было ознаменовано чрезвычайным торжеством невидимых ликов, носившихся над божественным Григорием и сладкими пениями в похвалу его приведших в движение пристань, где он должен был ступить на берег.

Незадолго до своей кончины он исцелил знамением честнаго креста и молитвою пятилетнее дитя золотошвеи, страдавшее чрезвычайным кровотечением и уже обреченное на смерть, и возвратил ему совершенное здравие.

Но при таких чудесах и знамениях, совершенных им над обреченными уже на смерть, и сам он, как человек, должен был исполнить общий долг. Целивший других от болезней всякого рода, он заболел, слег в постель и окружавшим его предсказал день своего отхода в вечность.

– Друзья мои! – говорил он им после праздника Златоуста, именно – в 14?й день ноября, – я отыду от вас ко Господу. Это знаю я потому, что являлся мне в видении божественный Златоуст и, как своего друга, с любовью призывал к себе.

Так и случилось. Когда же умирающий Григорий испускал последний вздох, окружавшие его видели, что уста его еще что-то шепчут; при всем усиленном внимании вслушаться в слова они могли только слышать:

– В горняя, в горняя!

С этими словами святая душа его тихо и мирно отделилась от тела и унеслась в горняя! (1360 г.). Григорий имел от роду всего 63 года. Когда же блаженная его душа разлучилась с телом, лицо его просветилось и вся та комната, где он почил, озарилась светом, чему был свидетелем весь город, стекавшийся к святительским мощам для последнего целования. Таким чудом Бог прославил Своего угодника, конечно, потому, что и при жизни своей он был светлым жилищем благодати и, по выражению Константинопольского святейшего патриарха Филофея[315], сыном Божественного света. Составитель жизни и подвигов святого Григория, извиняясь невозможностью исчислить множество чудес и знамений, сотворенных им и при жизни, и по смерти, желающему знать о них указывает на пространное описание жизни божественного Григория. А чтоб доказать, что Григорий был действительно великим пред Богом и что православная Церковь, празднующая память его, как единого от своих дивных святых, есть точно святая Церковь и Божественная, в заключение приводим следующее событие, оправдывающее истину слов наших.

Чтоб обличить и уничтожить ложь и клеветы латинян, обвиняющих восточную нашу Церковь и полагающих, что, по отступлении от нее Западной, то есть Римской, Церкви, нет в нашей более ни чудес, ни новых святых, прославленных Богом, – святейший Нектарий, поставленный патриархом Иерусалимским в 1660 году от Рождества Христова,

говоря о многих новых святых, просиявших в Восточной Церкви, повествует, между прочим, и о святом Григории Фессалоникийском. На острове Сантурине в день памяти божественного Григория – именно во вторую неделю Великого поста – франки разгулялись: набрали с собою мальчиков и пустились плавать на легких каиках, или лодках, по морю, при совершенной тишине и ясной погоде. Между тем, как они таким образом веселились, демон внушил им злую мысль на собственную их погибель – всплескивая руками, как неистовые, они и безнравственные их дети вопили:

– Анафема Паламе! Анафема Паламе! Если свят Палама – путь утопит нас!

И божественный Григорий Палама, по их собственному суду, испросил им у Бога желаемое ими отмщение. Пучина зевнула – и несчастные вместе с каиками погрузились в море и потонули. Это чудо подтверждает и Иерусалимский патриарх Досифей[316]. Таким образом Бог проявил славу Григория, как единого от великих Своих святых, в которых Он и дивен, и страшен.

В пространном житии святого Григория между прочими другими помещается следующее замечательнейшее и назидательнейшее чудо, совершенное им уже по исходе из этой временной жизни.

Инок, по имени Ефрем, пришедший из Кастории в Солунь, рассказывал о себе следующее. «Два года тому назад необходимость заставила меня пойти из моей обители в Фессалию. Исполнив там свои нужды, я на обратном пути потерпел несчастие: по моей неосторожности в правую ногу мою вонзилась терновая игла, отчего я чувствовал сильную боль в течение нескольких дней; потом из правой ноги не знаю каким образом перешла боль в левую и так была сильна, так невыносима, что я не мог ни заснуть, ни даже укрепиться пищею. По прошествии нескольких дней на ноге появилась ужасная опухоль и открылось более сорока ран, знаки которых видны и теперь, по исцелении. Из ран текла заразительная и нестерпимо гнилая материя. Так протекло полтора года. Все пособия врачей были совершенно безполезны, так что я отчаялся в выздоровлении от этой болезни и даже тяготился уже самою жизнью. В таком мучительном положении услышал я наконец от соотечественников моих и от приходящих из Солуни о весьма многих и преславных чудесах дивного Григория – верил от сердца слышанному и, судя по чудесам и знамениям, не иначе думал о нем, как о великом светильнике Церкви, исполненном апостольской силы и благодати. При такой вере я обратился к нему с теплой молитвой. Лежа на болезненном одре, я горько плакал и просил у святого Григория исцеления, обещаясь тотчас по исцелении сходить в Солунь для поклонения святым его мощам и для заявления всем величия Божия и благодати, данной ему от Господа. Окончив свою молитву, я заснул – и вот, вижу, приходит ко мне старец в архиерейском облачении. Он, казалось, поприветствовал меня, потом сел близ меня и спросил о здоровье. Вместо ответа я показал ему больные ноги и раны и рассказал о страданиях, какие вынес в течение полутора лет. Тогда он охватил обеими руками мою ногу, начал выдавливать из ран и выдавил всю гнилую материю. «Теперь будь покоен: болезнь твоя кончилась», – кротко сказал мне явившийся и удалился. После этого видения я погрузился в сладкий сон, какого никогда в течение болезни у меня не было. Между тем, настало время утрени: я почувствовал в себе силы, не ощущая уже никакой боли в ногах, и, опираясь на свой жезл, явился в церковь на славословие. Изумленные внезапным моим появлением в церкви, братия окружили и спрашивали меня, как я внезапно получил здравие. Я рассказал им о чуде преславного исцеления и привел их еще в большее удивление.

Прошло после того 8 дней. Я чувствовал себя совершенно здоровым и потому отправился в Божественный храм, в котором находится священный образ чудотворца Григория,

чтобы поклониться ему, и в чувстве сердечного благодарения возвратился в монастырь. Но этого мало: нужно было исполнить обещание, которое дал я божественному своему врачу, прося от него исцеления, а, между тем, время было зимнее – значит, и путешествие, особенно мне, старику, – тяжкое и трудное. Оставлю путешествие в Солунь, – сказал я сам себе, – потому что теперь не то время. А вместо исполнения обещания странствовать в Солунь я попрошу обитель отправить торжественную службу святому Григорию – и таким образом воздадим Богу должное благодарение и честь святому угоднику. Так я и сделал.

Но неприятно это было святому Григорию. За чудом моего исцеления следовали новые знамения. До наступления еще того дня, когда мы готовились в обители торжествовать память его, появилась у меня сильная горячка: снова показалась жестокая опухоль на ноге и боль не менее прежней. Я тотчас понял причину новой болезни, начал горько каяться в моей неблагодарности к святому Григорию и непременно обещался исполнить обет, как только получу здравие. Чрез день после сего болезнь моя совершенно исчезла, и я, пробыв недолго в обители, прибыл пешим в Солунь для поклонения священному гробу моего исцелителя[317] и всюду прославлял чудеса, которые чрез него сотворил надо мною Бог. Дивному во святых Своих Богу – слава и держава во веки веков. Аминь».

Страдание святого новомученика Константина[318]

Родиной святого новомученика Константина был безводный остров Идра. Он родился от христианских родителей, отца Михалаки и матери Марины. Достигнув восемнадцатилетнего возраста, Константин перешел на жительство в Родос и поступил там в услужение к родосскому правителю Хасану. Прожив некоторое время в доме Хасана, Константин своей расторопностью, честностью и примерным усердием обратил на себя внимание своего господина, который положил в своем намерении отторгнуть эту кроткую овцу от стада Христова и привести оную в стадо козлищ, т.е. в магометанскую веру.

Хасан успел в своем замысле при помощи диавола, который, как уже погибший и осужденный на вечное мучение, по зависти своей не желал, чтобы верующие во Христа наслаждались райскими добротами, которых он за гордостное высокомерие лишился, почему день и ночь рыкает, подобно льву, ища поглотить в свою ненасытимую утробу последователей Христовых и чрез это сделать их участниками с ним вечных мук. Итак, улучив удобное время, Хасан, призвав Константина, сперва ласками, а потом разными подарками убедил его отречься от Христа и сделаться магометанином.

Как только Константин отвергся от Христа, тотчас дали ему магометанское имя Хасана, и жизнь его в доме правителя Родоса приняла другой оборот: ему дана была другая, высшая, должность; даны деньги, и все служащие в доме Хасана начали почитать и уважать его. Но все это, как временное и скорогибнущее, быстро присмотрелось, и отверженник мало-помалу начал приходить в себя; совесть стала обличать его в глубоком его падении. Вследствие этого он начал тосковать и втайне от товарищей плакать и рыдать о тяжком своем грехопадении. И таким образом отверженник прожил у своего обольстителя три года.

Господь Бог, видя сердечное сокрушение отверженника, внушил ему благую мысль: обратиться к духовнику и раскаяться в своем падении. Не медля нимало, он послушался сердечного гласа и, избрав удобное время, отправился к духовнику, которому исповедал

свое глубокое падение. Духовник, поболев душою о столь тяжком согрешении, посоветовал ему удалиться из Родоса и где-либо в другом отдаленном месте залечивать душевные раны покаянием, а Господь Бог не замедлит явить ему Свою милость. Но Константин просил у духовника благословения, чтобы, не удаляясь с Родоса, теперь же отречься от мерзкого Магомета и исповедать себя опять верующим в Господа нашего Иисуса Христа. Духовник, видя его ревность и будучи неуверенным в его мужестве, притом боясь, чтобы он в столь младых и юношеских летах, убоявшись лютых мук, вторично не отрекся от Христа, отклонил его от этой несвоевременной мысли и желания, предоставляя его намерение времени и тому возрасту, в который человек более тверд бывает в своих убеждениях, и тогда уже, предварительно подготовившись постом, бдением и молитвою, предать себя на мученический подвиг, но и то лишь только тогда, если на это будет воля Божия. Константин послушался духовного отца и, придя в дом Хасана, собрал все свое состояние и деньги и, раздав оное нищим, сам чрез несколько дней оставил злополучный дом своего господина и удалился в Крым.

В Крыму Константин прожил три года, в которые, сокрушаясь о бывшем своем отречении, приносил Богу покаяние. Но, однако, сердце его страдало и не получало вожделенного мира, ему так и слышались страшные оные слова, сказанные Спасителем в Божественном Евангелии: *Иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех* (Мф. 10, 33). А потому он решился сразиться с диаволом и страдальческими подвигами смыть свой позор, для чего немедленно отправился в Константинополь. Здесь он открыл одному опытному духовнику, что желает за свое отречение пострадать за Христа, при этом рассказал ему подробно все, с ним бывшее. Но духовник, видя его молодость, не решился ему дать благословение на страшный подвиг, а представил его знаменитому Константинопольскому патриарху Григорию, которому рассказал все о Константине, а также и о намерении его пострадать за Христа.

Владыка порадовался обращению погибшей овцы, высказал ему в своей беседе, как опасен избранный им путь, а потому посоветовал сперва отправиться на св. Афонскую Гору и там, среди искусных подвижников Христовых, подвизаться в духовных подвигах, а потом уже, когда старцы увидят, что приспело время предать себя на мученический подвиг, привести в исполнение свое намерение.

После беседы с патриархом Константин отправился на Св. Гору и там поступил в братство Иверского монастыря, где ревностно и с любовью стал проходить послушания, притом часто обращался с усердной молитвою и слезами к тамошней чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, именуемой Портаитисса, и умолял Пречистую, чтобы Она умиротворила его сердце и сподобила бы его пострадать за Христа, от Которого он по своему неразумию, будучи прельщен блеском богатства и славы, отрекся. И таким образом сердце его все более и более распалялось к Иисусу Христу, за Которого он был готов подъять не только страдания, но даже тысячи смертей. И с этого времени мысли начали понуждать его предать себя на мучение. Находясь в возбужденном состоянии, он открыл свои мысли Предтеченского скита духовнику иеромонаху Сергию и старцам, которые, однако, не советовали ему предавать себя на мученический подвиг, говоря, что возможно и без мучения спасти свою душу. Но Константин, горя сердечной любовью пострадать за Христа, не мог последовать совету старцев и вскоре оставил Св. Гору и отправился в Родос, для исповедания имени Иисуса Христа.

По прибытии в Родос он исповедался пред духовником и, приобщившись Св. Таин, открыл ему свое намерение вступить в борьбу с диаволом. Но духовник, боясь, дабы он не возмалодушествовал в муках, подобно афонским старцам отклонял его от его намерения и

советовал возвратиться обратно на Св. Гору. Однако Константин твердо решился пострадать за Христа.

Помолившись Богу и укрепивши свое сердце молитвою, он пошел в дом бывшего своего господина Хасана и, представ пред ним, сказал:

– Здравствуй, господин мой! Свидетельствую тебе мою покорность от бывшего твоего слуги, которого ты назад тому три года обманом и лестными и коварными словами убедил отречься от Господа моего Иисуса Христа, Которого теперь исповедую, как истинного Бога, вашего же ложного пророка Магомета проклинаю, как обманщика и губителя душ человеческих!

– Несчастный! – сказал Хасан, – я не признаю тебя бывшим моим слугой, так как ты одет в монашескую одежду, а потому сними с себя эту черную и плачевную одежду, и я прикажу одеть тебя в самые дорогие и лучше цветные, и тогда я тебя признаю своим слугою, и кроме того еще большими обогащу почестями и богатством, чем прежде.

– Господин! – отвечал исповедник Христов, – напротив, я советую тебе оставить свое нечестие; все то зло, которое ты мне сделал, обольстив меня принять магометанство, вследствие чего сколько времени я терзался и мучился совестью о своем падении, – все то я тебе прощаю, но только с тем, чтобы ты уверовал в Иисуса Христа истинного Бога. Итак, будь же благоразумным и не теряй времени, но обратись в христианскую веру.

– Презренный! – с гневом вскричал Хасан. – Кто это тебя научил предлагать мне такое пустословие? Я тебе доставил счастье и впоследствии хотел женить на моей дочери, а ты, презрев все мои о тебе заботы, наносишь такое мне оскорбление.

В это время один из слуг Хасана ударил мученика Христова в ланиту, на что св. Константин отвечал:

– Слава Тебе, Христе Боже, что Ты сподобил меня получить ударение в ланиту за исповедание имени Твоего и удостоил меня быть подражателем крестной страсти Твоей, ибо и Тебя, Господа моего, на судилище нечестивого первосвященника Анны презренный его слуга подобно сему ударившему меня раба Твоего дерзнул скверной своей рукою ударить в ланиту.

После этого Хасан приказал св. мученика ввергнуть в темницу. Чрез три дня св. Константин позван был к Хасану, который гневно спросил его:

– Подлый и дерзкий раб! Одумался ли ты о твоем заблуждении и как ты дерзнул вразумлять меня уверовать во Христа?

– Напрасно, господин, на меня гневаешься: я тебе говорил истину и советовал уверовать во Иисуса Христа истинного Бога, Которым все сотворено и все Им управляется, без веры в Которого невозможно получить Царства Небесного. Ваш же пророк Магомет обманщик, он погиб, да и вас, своих последователей, туда же влечет. Итак, умоляю тебя, отрекись от проклятого Магомета и уверуй в Господа нашего Иисуса Христа и, сделавшись христианином, наследуешь Царство Небесное. – О, мужественный воин Христов! Слава и хвала твоему безбоязненному исповеданию пред врагами Христовыми! Блаженны твои уста, дерзновенно исповедавшие имя Иисуса Христа! Ты не убоялся сильных мира сего, по слову пророка Давида: *глаголах о свидениих Твоих пред цари, и не стыдяхся* (Пс. 118, 46).

Хасан, от гнева не в силах долее сдерживать себя, вскричал:

– Бейте его, выдерните из головы его волосы, раздерите ногтями на части тело его, сокрушите камнями челюсти его, чтоб он знал, как должно говорить и держать себя пред властями!

Как дикие звери слуги Хасана бросились на святого мученика, и одни из них вырывали из головы волосы, другие заушали и сокрушали камнями уста и всякими способами терзали тело его. Но святой страдалец Христов мужественно терпел все мучения и, как твердый адамант, оставался непоколебим в своем исповедании и только часто взывал к подвигоположнику Иисусу Христу: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!». После всех зверских терзаний злобные мучители, заковав св. мученика Константина в тяжелые цепи, бросили его в мрачную темницу.

В темнице св. мученика посетил Сам Владыка Христос, исцелил его раны, волосы же на голове и ногти на ногах повелением Его выросли вновь.

На другой день Хасан велел представить к себе св. мученика, и когда он подошел к нему, нечестивец спросил:

– Ну что, раскаялся ли ты, Хасан, в своем пустословии или нет?

– Во-первых, я не Хасан, – отвечал св. мученик, – это имя, данное тобой мне после бывшего моего отречения от Господа моего Иисуса Христа, я теперь проклинаю, имя же мое настоящее, которое я получил во св. крещении, Константин. Слова же, которые я тебе вчера говорил, не есть пустые, но в них я выразил свое исповедание и веру во единого Бога в трех лицах Отца и Сына и Святого Духа; вашего же скверного пророка Магомета опять проклинаю.

Тогда нечестивый Хасан повелел бить святого палками по спине и по ногам. От многочисленных ударов тело св. мученика отторгалось от костей, а ногти на ногах все свалились, и он от изнеможения упал на землю и лежал как мертвый. Мучители, думая, что мученик Христов уже скончался, подняли его с земли и бросили в темницу.

По прошествии трех дней мучитель Хасан приказал слугам своим выбросить из темницы труп страдальца Христова, думая, что оный уже там предался тлению. Но каково же было удивление слуг, когда они, войдя в темницу, увидели мученика Христова здрава, невредима и с сияющем лицом! Они немедленно об этом донесли своему господину, который тоже удивился и приказал представить его пред себя. Когда св. страдалец вошел к Хасану, то Хасан вместо того, чтобы уверовать во Иисуса Христа, при виде явного чуда, начал склонять его отвергнуться от христианской веры, при этом обещая великие почести и богатства.

Мученик Христов, видя душевное ослепление Хасана, сказал ему:

– Послушай, господин, тебе очень хорошо известно, что три дня тому назад ты видел, как твои усердные слуги изранили мое тело, вырвали на голове все волосы, сбили с ножных пальцев все ногти, но теперь, смотри, я здоров. Итак, прославь Господа моего Иисуса Христа, Который не возгнушался придти ко мне во смрадную темницу, исцелил мои раны и повелел волосам и ногтям вырасти вновь. Поэтому – мыслимо ли отречься от Источника жизни и уверовать в ложного Магомета, учителя всякой нечистоты и пороков! Тебе же от

души советую и умоляю: открой душевные твои очи и опять уверуй во Иисуса Христа, в Которого родители твои веруют и ты некогда веровал[319].

Слыша обличение себя в отступничестве, о котором, он думал, никто здесь не знает, Хасан смутился и приказал скорей бросить святого мученика в тюрьму, наложив на него тяжелые цепи. Три дня и три ночи провел мученик в неволе. В течение сих дней в ту же самую темницу заключены были еще восемь христиан из селения Сорони и в числе их два иерея, а также и четыре турка. В одну из сих ночей Бог, прославляющий святых Его, восхотел утешить раба Своего и прославить его среди узников, дабы они впоследствии, в утверждение христианской веры и в посрамление врагов креста, распространили следующее чудесное явление. В самую полночь вдруг в темнице воссиял свет, подобный солнечному, и в то же время со святого мученика сами по себе спали тяжелые цепи. Видя себя освобожденным от цепей, св. страдалец тотчас стал на молитву. Священники и прочие христиане, увидев столь необычайное чудо, пришли в умиление и стали тоже молиться, а турки от страха пали ниц на землю. Между тем, и стража, видевшая в темнице необыкновенный свет, подумала, что в темнице случился пожар. Но каково же было их удивление, когда они по входе в темницу нашли все в порядке, а св. мученика – разрешенного от уз и стоящего на молитве! Стража немедленно об этом чуде донесла Хасану, который и это чудо, подобно первому, желая заглушить, повелел страже не разглашать об оном в народе, узникам же и христианам, и туркам, во избежание страшных наказаний, также было запрещено рассказывать об оном, и потом они освобождены были из заключения, а св. мученика приказал уже более не представлять к себе, но в темнице каждодневно налагать на него удары. Но Господь, испытав терпение святого, уже более не допускал до него мучений. Так, один турецкий имам хотел заушить святого, но в то время, когда он поднял руку, она почернела подобно углю.

Вследствие этого другого чуда турки не решались прикасаться к мученику, боясь, чтобы и им не пострадать подобно имаму. И таким образом пять месяцев пробыл св. мученик Константин в темнице, претерпевая голод, жажду и холод. Между тем, Господь, пекущийся о святых Своих, внушил одному боголюбивому христианину приносить ему св. Тайны, которыми узник Христов укреплял свой дух и ослабевшее тело.

Столь долгое пребывание св. мученика в узилище продлилось потому, что Хасан не смел самовластно осудить его на смерть, как уроженца острова Идры, боясь силы и власти, какую идриоты имели в Порте, и особенно у капитана паши Архипелажского. Поэтому он написал письмо капитану Георгию, родом с острова Идры, находившемуся тогда в Александрии, извещая его о деле св. мученика Константина и, ожидая от него ответа, отлагал окончательный приговор о страдальце.

Между тем, и св. узник Христов, узнав, что Хасан послал о нем донесение, и боясь, чтобы окончательному его подвигу со стороны капитана Георгия не было препятствия, сам написал ему письмо и заклинал его именем Божиим не препятствовать ему совершить мученический подвиг.

Капитан Георгий, получив от св. мученика письмо и увидев его пламенное желание пострадать за Христа, написал правителю Родоса, что, дескать, мы этого человека не знаем, а потому поступай с ним по своему усмотрению.

Получив ответ, Хасан призвал к себе св. страдальца и еще раз начал ему предлагать отречься Христа, но видя его твердость и пренебрежение ко всем предлагаемым им почестям, приказал отвести его обратно в темницу и там удушить. И таким образом доблестно скончал течение св. мученик Константин и святая его душа, очищенная своей

кровью, чистой отошла в руки Божии 14 ноября 1800 г., в пять часов ночи, для принятия от Него мученического венца. Тело же его с подобающей честью христиане невозбранно взяли из темницы и погребли в храме Пресвятой Богородицы в Варусионе. При погребении св. мощей преблагий Бог прославил Своего угодника чудесами, так что больные, страдавшие различными болезнями, от прикосновения к ним получали исцеление.

Вскоре после мученической кончины мать св. Константина, узнав, что сын ее с честью пострадал за исповедание имени Иисуса Христа и что честные его мощи погребены в Родосе, пожелала перенести оные в свое отечество, что, при содействии упомянутого капитана Георгия, невозбранно было ей дозволено.

При перенесении св. мощей тоже совершилось много чудес. Из числа оных приведем здесь следующее: один родосский христианин вследствие поражения молнией лишился слуха, голоса и был не в своем уме, но когда подвели его к мощам св. мученика и он облобызал оные, тотчас стал здрав. Также получил исцеление и другой несчастный, который три года страдал от мучившего его беса, бегая от людей и скитаясь по горам нагой и босой. К этому несчастному лишь только приблизили св. мощи мученика, бес тотчас вышел из него, и он велегласно стал славить Бога и благодарить святого Его угодника[320].

Так Бог благоволил прославить страдавшего за Него и посрамить мучителей. Аминь.

17 НОЯБРЯ

Память преподобного Геннадия Ватопедского[321]

Преподобный отец наш Геннадий в славной обители Ватопедской проходил должность дохиара и во время своей службы удостоился видеть следующее чудо: в некий год во время его служения случился недостаток в масле, так что в запасе оставался уже только один сосуд с ним. Преподобный, желая сохранить эти остатки для церковных лампад, не стал более давать масла братии. Но игумен обители, твердо уповая на помощь Богоматери, имени Которой посвящена обитель, велел ему отпускать масло. Дохиар повиновался воле своего игумена. Однажды, когда святой Геннадий вошел в дохиарную в чаянии найти бывший с маслом сосуд пустым, увидел его полным, так что масло даже переливалось через край сосуда и текло вон из дверей дохиарной. Тогда все прославили Бога и Пресвятую Богородицу, так матерински заботящуюся о Своих рабах, и от души возблагодарили Ее пред Ее святой иконой, в то время там, в дохиарной, стоявшею. (Икона сия и теперь находится в дохиарной).

22 НОЯБРЯ

Память святителя Каллиста II-го, патриарха Константинопольского[322]

Святой патриарх Каллист II-й носил название Ксанфопула. Сначала он подвизался в монастыре Ксанфопулов, находившемся, по Мелетию (Istoria Ekklhsiastikh, том 3, стр. 203), на святой Горе Афонской[323], потом, в 1397 году, восшел на престол патриаршеский

и святительствовал при Мануиле Палеологе. Оставив же патриархию константинопольскую, как пишет современник его Симеон Солунский (гл. 295), он нашел единомысленного с собой Игнатия, называвшегося тоже Ксанфопулом и бывшего из одного с ним города: тесно соединившись, они жили так, как бы у них была одна душа в двух телах. Духовно, богомудро и весьма высоко любомудрствовали они об умной молитве в ста главах – изложив совершенный о ней разум в совершенном числе. Главы эти помещены в книге, известной под названием «Добротолюбие» (в нашем славян. издании – часть 2). Потом о Каллисте и Игнатии говорит еще Симеон Солунский (там же), что они получили Божественное осияние, как апостолы на горе, и что при излиянии благодати не только в сердца их, но даже и на лица казались блистающими солнцевидно, подобно Стефану или великому Моисею (об этом Каллисте см. у Мелетия, том 3, стр. 239)[324]

5 ДЕКАБРЯ

Память святых преподобномучеников карейских

Святые преподобномученики карейские пострадали от папистов, разорявших святую Афонскую Гору в царствование византийского императора Михаила Палеолога (1260–1281 гг.) За дерзновенное обличение латиномудрствующих в ереси прот Святой Горы был ими повешен, а иноки, жившие вокруг Кареи в кельях, усечены мечом.

Память их в Карейском протате совершается 5 декабря. Общая же память св. новомучеников празднуется на святой Афонской Горе в неделю вторую по неделе Всех Святых.

Подробное сказание о сих св. преподобномучениках карейских см. в «Повести о нашествии папистов на Святую Гору», помещенной под 10 октября.

Житие преподобного и богоносного отца нашего Нектария, подвизавшегося в скиту Карейском в келье Архангелов, именуемой Ягари[325]

Божественный Нектарий родился в так называемой ныне Битолии и наречен был при св. крещении Николаем. Когда турки намеревались занять это место, мать преподобного, работая на гумне, забылась кратким сном и видит Пресвятую Богородицу, повелевающую ей бежать тотчас с мужем и детьми и скрыться в какой-нибудь неведомой стране, объявляя ей, что турки пленят область их. Лишь только видение кончилось, она объявила о сем мужу, и они, нимало не медля, взяли детей своих, оставили родину и скрывались до тех пор, пока агаряне, пленив Битолию, по расхищении и разграблении ее не рассыпались для грабежа и неистовств по другим местам. Так было спасено то благочестивое семейство предстательством Богородицы, Которой с того времени оно с особенной верою, признательностью и любовью поручило себя.

Родитель Нектария в это время был уже преклонных лет, а потому с согласия жены своей оставил мир и яже в мире и, взяв с собою Николая и другого сына, удалился в монастырь святых Бессребренников, находившийся близ соседственной горы в окрестностях Битолии. Там он принял ангельский образ под именем Пахомия и, благоугождая Господу,

прилагал всевозможное старание к воспитанию детей, обучая их страху Господню и утверждая в правилах христианской нравственности.

Так мирно текла жизнь его. Между тем, надобно сказать, что тамошние христиане имели обыкновение уделять часть плодов и все то, что давала земля, по собственному усердию каждого, в пользу монастыря святых Бессребренников, где подвизался с детьми Пахомий. Такое приношение бывало каждогодно на память святых безсребренников Космы и Дамиана. Однажды, когда таким образом совершалась память их и предложена была трапеза и приличное угощение, истощился запас виноградного вина. Чтоб очистить и вымыть опорожненный сосуд, старец Пахомий, зажегши свечу, пошел на это послушание со своими детьми. Но лишь только взялся за сосуд, чувствует, что он еще не тронут и полон вина. На это чудо сошлись братия и все прилучившиеся чтители памяти святых Бессребренников: вкусив вина, они нашли, что вино чрезвычайно легко, ароматно и приятно на вкус. Тогда все прославили Бога, прославившего сим знамением святых Бессребренников. Между тем, Николай, назидаясь образцами высокой иноческой жизни в монастыре Бессребренников и видя, что безмолвие там неудовлетворительно по причине стекающихся мирян, удалился оттуда на Святую Гору. Здесь он избрал старца, по имени Дионисий, опытного в жизни духовной, и остался при нем. Этот Дионисий, по прозванию Ягарис, был сын одного из знаменитых в свое время вельмож константинопольского двора и по любви к Господу презрел все и поселился на Святой Горе, подчинив себя водительству одного из афонских старцев, по имени Филофей.

Впрочем, Дионисий не вдруг принял к себе Николая. Он прежде представил его своему старцу Филофею, который, имея дар прозорливости, прежде нежели Николай что-либо сказал о себе, назвал его и отца его по имени и с любовью принял к себе в подвижничество.

Таким образом, Николай, поселившись на Святой Горе, вскоре принял иноческий образ с именем Нектария и безусловно предал себя послушанию старческой воле и строгому исполнению великого своего обета.

Напрасно враг добра – диавол – восставал на него сначала помыслами, предубеждая его противу старца и стараясь разлучить его с ним в надежде впоследствии сокрушить его без ограждения старческих молитв и советов. Ведь сатана знает, что пока послушник находится при старце, трудно уловить его в сети, так как он имеет несокрушимый против сего оплот – молитвы и наставления отеческие. Впрочем, неудача в одной брани не затрудняет врага, неистощимого в вымыслах злобы: он нападает на послушного Нектария с другой стороны. Старец Филофей, кроме Нектария, имел еще ученика. Этого последнего сатана до того озлобил и под виг на зависть и ненависть против Нектария, что несчастный стал явно говорить Филофею и Дионисию, чтоб прогнали Нектария, иначе он или его убьет, или самого себя. Старцы трепетали от ужаса, слыша о таких демонских замыслах. Напрасно вразумляли они несчастного, убеждали и молили его примирить свое сердце и подавить чувство злобы и зависти, напрасно грозили ему судом Божиим и геенною: он ничего не хотел слышать, но требовал исполнения своего желания. Чтоб уступить гневу, старцы предложили Нектарию удалиться от них на малое время, пока завистливый брат его не придет в чувство. Напутствуя Нектария старческими молитвами, они отправили его к тогдашнему проту Святой Горы, Даниилу, который принял его с любовью и с отеческой заботливостью наставлял и укреплял его в подвигах иноческой жизни.

Во время пребывания Нектария у прота скончался в глубокой старости боголюбивый Филофей. Тогда Дионисий Ягарис, не вынося безнравственного поведения своего ученика, пригласил к себе Нектария в сожитие, как брата по духу, а несчастному

предоставил искать другое место и другого старца. Таким образом, Дионисий с Нектарием мирно проводили жизнь, питаясь от своего рукоделия и по силам помогая бедным, а тот несчастный брат их, не пришедши в чувство смирения и раскаяния, переходил с места на место, потом удалился в мир и там, предавшись невоздержанности, скончался жалким образом среди народной площади, даже без обычного напутствия христианского. Вот что значит братоненавидение и зависть! Гибельные следствия их в полной мере испытывает человек еще в настоящей жизни и часто отходит в вечность без всякой надежды спасения! Надобно беречь себя от столь богоненавистных пороков!

Наконец и блаженный Дионисий, после многих скорбей и тесноты иноческой жизни, достиг совершенства духовного и мирно отошел к Господу. Потеря столь искреннего друга и отца сильно поразила Нектария. С этой поры все мысли его, желания и надежды перенеслись в загробный мир. Желая скорее соединиться с любимым и любящим его Господом и видеться со своими старцами, он посвятил себя всей строгости пустынных подвигов: пост и бдения истощили телесные его силы, тогда как дух его более и более мужал и окрылялся. Враг видел это и терзался. Наконец, как Иов, блаженный Нектарий был предан на испытание и искус. Чтоб возбудить в нем чувство малодушия и жалобы, враг поразил его чрезвычайными болезнями телесными, но истинный подвижник был непоколебим и, в этих страдальческих искушениях очистившись как злато в горниле, мирно предал дух свой Господу. Это было 5 декабря 1500 г. По истечении четырех лет ученики его раскрыли его могилу, и райский аромат разлился от святых его мощей. Тогда же был устроен подобающий ковчег с изображением священного лика преподобного на лицевой доске. В ковчег положены были святые мощи, и он поставлен в келейной церкви. Молитвами святого да сподобимся и мы Царствия Небесного. Аминь.

Память преподобного и богоносного отца нашего Филофея Карейского

Преподобный отец наш Филофей подвизался в карейской келье Ягари, был старцем преподобного Нектария и за высокую чистоту своей жизни сподобился от Бога дара прозорливости. Смотри о нем в вышеописанном житии преподобного отца нашего Нектария, 5декабря.

7 ДЕКАБРЯ

Память преподобного отца нашего Григория, ктитора обители Григориатской[326]

Отечеством святого Григория, ктитора святогорской обители Григориата, была Сербия. Так говорит предание и так говорится в службе ему[327]. На западной стороне монастыря, в четверти часа пути от обители, поныне показывают еще пещеру, в которой ангельски подвизался преподобный Григорий. Устроенная им обитель посвящена святителю Христову Николаю, но она как в давние времена, так и ныне в честь основателя своего называется Григориевой (Grhgoriou)[328]. Недавний составитель похвального слова в честь сего отца, почерпнувший скудные о нем сведения из местных источников, нашел в актах афонских подпись его, 1405 г. К сожалению, полная его биография погибла вместе с другими актами обители от пожаров, из коих особенно был истребителен бывший во второй половине прошедшего столетия (1761 г.). Есть предание, что в то время мощи преподобного Григория унесены были сербскими иноками с Афона.

19 ДЕКАБРЯ

Житие преподобного отца нашего Даниила, архиепископа сербского[329]

Блаженный Даниил, архиепископ всей земли Сербской, был муж высокий по уму и просвещению и выдающийся по строгой жизни и по любви к отчизне. Сын богатых и знатных родителей, остававшийся единственным у них по смерти других детей, он был любимым сыном их. По любви родители не хотели изнурять его учением, но он сам упросил их поручить его хорошему учителю и скоро оказался даровитым и лучшим учеником. Он в скором времени стал помогать в науках тем своим сотоварищам, у которых недавно сам просил пояснений, так что все дивились разуму и дарованиям его. Родители святого весьма скорбели и огорчались о разлуке с любимым своим детищем, но, узнав о такой являемой ему благодати Божией, поручили его воле Господа. Боголюбивый юноша, изучив слово Божие, по примеру великих богоугодных мужей тщательно хранил себя в целомудрии и чистоте, прилежно подвизаясь в посте, бдении и молитвах. При встрече с иноком он непременно приветствовал его с любовью и часто молил Господа о том, чтобы сподобиться послужить Ему в образе монашеском.

В это время благочестивый краль сербский Стефан Урош Милютин, узнав о прекрасных качествах и добродетелях святого юноши, вызвал его ко двору своему, вскоре полюбил его, приблизил к себе и отличал своим вниманием. Но почести не увлекали его. Блаженный, считая все сие маловременным и суетным, стремился к жизни монашеской, ожидая удобного случая исполнить свое намерение. Однажды, сопровождая благочестивого краля, посещавшего Сопочанский монастырь, он сблизился с одним богоугодным старцем-иноком и, беседуя о душевном спасении, открыл ему свое стремление к иноческой жизни и просил от него содействия. Поклонившись святыне, краль со своей свитою отправился дальше. Вечером того же дня, по окончании своих обязанностей у краля, святой с прочими отправился для отдыха и, когда все заснули, он в сопровождении одного прислужника скрылся, вверив себя водительству Божию. Пристанищем ему послужил монастырь святителя Николая в местности, называемой Коньчул на берегу реки Ибра. Здесь он принял пострижение в иноческий образ от игумена того монастыря, именем тоже Николая. По имени святого наречен был Даниилом. – Возблагодарив от глубины души Бога, совершившего благое желание его, святой предался подвигам – неослабно пребывая в молитвах и смиренно исполняя все монастырские работы вместе с прочими братиями; он лишал себя покоя и ночью, углубляясь в размышления о Боге и о грозном втором пришествии Христовом. Богоугодная жизнь его служила примером всей братии. В скором времени повсюду прошел слух о таком богоугодном житии и добродетелях святого. Услышал о нем и преосвященный архиепископ Евстафий и вызывал его к себе, но он никак не хотел оставить своего любимого места подвижничества. После неоднократных попыток вызвать его к себе, видя святого непреклонным в намерении оставаться в уединении, архиепископ Евстафий стал убеждать краля Уроша, чтобы он вызвал его своим повелением. Краль увещевал святого исполнить волю преосвященного и писал ему так: «Ты всегда отличался преданностью и послушанием моей воле, исполни же и теперь мое требование и желание; притом ты сам хорошо знаешь, похвально ли ослушаться архиепископа. Он меня многократно и усиленно о сем просит». Тогда святой в уповании, что Бог не оставит его Своим Небесным вразумлением и благодатной помощью, решился отправиться к архиепископу. Приняв благословение игумена и простившись со всею братией того монастыря, он явился к архиепископу Евстафию, который с великой любовью принял его и рукоположил во пресвитера. Вскоре, увидев его высокий разум и преуспеяние в добродетели, архиепископ полюбил его и принял в свою келью. Святой же продолжал прежнюю свою подвижническую жизнь, преуспевая в благочестии. Так продолжалось пребывание там

святого до половины следующего года. В то время на святой Афонской Горе, в Хиландарской обители Пресвятой Богородицы, понадобился игумен. Благочестивый краль и архиепископ по взаимном совещании решили назначить туда святого Даниила. Он был отпущен с великими почестями и многими дарами во вверенную ему обитель на Святую Гору, которую всегда он так глубоко чтил и к которой измлада стремилось сердце его. Там еще более предался святой Даниил духовным подвигам, проводя свое житие в глубочайшем смирении и безмолвии. Много перенес он искушений и нападений от злых духов, которые во время его уединенных келейных молений, особенно в ночное время, старались всячески препятствовать ему разными страхованиями, но святой препобеждал все ухищрения и усилия бесов прилежной молитвою, терпением, усилением подвигов и твердым упованием на Бога. Усердно пекся святой и о вверенной ему братии Хиландарской обители, неустанно и мудро поучая их в благочестии и наблюдая полное единомыслие, согласие и любовь между братий.

Так прошло довольно времени. И вот попущением Божиим поднялась на святую Афонскую Гору буря: изгнанные из Палестины крестоносцы, смешавшиеся там с арабами, высадились во Фракии под именем арабов. Их встретили без страха и дали им для поселения земли в Романии, но, пообжившись здесь, они стали разбойничать и буйствовать по всей греческой земле: захватывали чужую собственность, похищали жен и дев. Преследования магометан еще более увеличивали страдания православных. Бессильная византийская империя не могла совладать с буйными разбойниками. К разным мерзостям своим присоединили они и то, что вздумали совсем поселиться вблизи Афона, чтобы жить на счет святогорских монастырей. Безбожные враги расхищали и грабили монастыри, не щадя никакой святыни, и принесли на всю Святую Гору великое запустение. Также и Хиландарский монастырь потерпел в это время великие скорби и бедствия. Внутри стен его заперлись вместе со святым Даниилом и братией монастыря множество мирских людей, искавших там спасения от злодейства крестоносцев. Все это множество питалось из обильных житниц хиландарских, но когда запасы истощились, стали все бедствовать от голода. Наконец бедствия и страдания осажденных дошли до того, что и люди, и животные стали умирать с голоду. Некоторые во время усиления сего бедствия решились было, оставив стены обители, бежать – но были захвачены врагами и или умерщвлены, или обращены в рабство. Много употребляли враги усилий, чтобы ворваться внутрь Хиландаря, пытались разбить ворота или пробить стены, осыпали обитель стрелами, но, видя все усилия свои тщетными, они удалились, с яростью похваляясь возвратиться снова и овладеть монастырем. Преподобный Даниил с полным упованием на Бога и с благодарением претерпевал все сии тяжкие беды и нужды. По отшествии варваров, опасаясь конечного разграбления, он взял драгоценности монастырские, отправился в отечество свое к кралю, а защиту Хиландаря поручил на это время двум избранным опытным мужам. Святому Даниилу предстоял трудный и опасный путь. Нужно было проходить почти посреди врагов, но, несмотря на это, преподобный, при помощи Божией, совершенно невредимо достиг города Скопии, местопребывания краля, и в целости принес все взятые им драгоценности церковные, которые и вручил кралю, сообщив ему и о всех перенесенных бедствиях, коим подверглась Святая Гора от врагов. Благочестивый Стефан Урош весьма обрадовался свиданию со св. Даниилом и немало удивился, что преподобный, неся с собою такие драгоценности, прошел среди самих врагов без всякого вреда для себя. Краль усиленно просил святого не возвращаться на Святую Гору, пока не успокоится вся та местность от опасностей и нападений варваров, но св. Даниил никак не соглашался пребывать вне Афонской Горы, он немедленно собрался в обратный путь, уповая на милость и помощь Божию и поминая слово Господне о том, что не следует страшиться убивающих тело, душе же не могущих что-либо сделать. Он, как добрый подвижник, решился терпеть все лишения и бедствия, даже и самую смерть, но не оставлять вверенной ему обители. Итак, с любовью

простившись с кралем, преподобный возвратился на Святую Гору, мужественно подвергая себя всем трудностям и опасностям, которые предстояли ему на пути и в Хиландаре. Трудно пересказать, сколько пришлось потерпеть святому Даниилу на этом возвратном пути; только особенное покровительство Божие и богодарованная святому мудрость спасали его от безчисленных опасностей и врагов. Достигнув наконец Афона и своей Хиландарской обители, преподобный нашел тех мужей, которым поручил защиту Хиландаря на время своего отсутствия, готовыми сдаться в руки неверных, ибо уже долгое время они страдали в своем заключении от голода и жажды. Святой Даниил, при таком полном недостатке всякой пищи, послал некоторых опытных из своих людей, которые пробрались к морю, купили там корабль пшеницы и доставили оную в монастырь. Затем преподобный также нанял в окрестностях Святой Горы вооруженных воинов для защиты обители от врагов. Варвары, услышав о прибытии св. Даниила в Хиландарь и о собравшихся там воинах, не решились в этот год трогать монастырь, но, рассеявшись по всей Святой Горе, повсюду производили свои неистовства. Когда же, по разорении Святой Горы, варвары возвратились назад, то часть их проходила близ обители Хиландарской. Узнав об этом, воины, находившиеся у святого в обители, стали просить позволения напасть на врагов. Святой Даниил не соглашался на это, не желая подвергать их опасности и ранам, но они, уповая на Господа и Пречистую Богородицу и на молитвы преподобного, вооружившись, засели в одном скрытом и удобном для нападения месте и здесь внезапно напали на проходящих варваров. Множество врагов было изранено, избито, много приведено связанными в монастырь, а пленники, захваченные неверными, отпущены на свободу. Немало при этом взяли украшенного дорогого оружия и других драгоценностей. Св. Даниил признал эту победу всецелой помощью Божией, воздавал горячую благодарность Богу, а захваченные у врагов богатства послал в дар кралю Урошу с несколькими верными слугами. По удалении врагов преподобный снова предался строгим, благочестивым подвигам, проводя все время в молитве, посте и богомыслии. Великую он от всех приобрел любовь и почтение за свои добродетели, великие труды и мудрость.

Спустя немного времени стало, однако, известно на Святой Горе, что варвары снова готовятся сделать нападение на Хиландарь, намереваясь уже непременно покончить с ним. Они, как звери, алкали добычи от хиландарских богатств, всячески ухищряясь каким-либо способом овладеть монастырем. Преподобный, узнав об этом и ожидая себе смерти от варваров, отправился в русский монастырь св. Пантелеймона к своему духовному отцу, чтобы повидаться с ним и духовно побеседовать. Прибыв в эту обитель, св. Даниил поклонился храму св. великомученика и затем удалился с духовным отцом в высокий пирг (башню) монастырский, пробыв с ним в уединенной беседе целый день и ночь. Между тем, враги нашли себе помощников, двоих из хиландарских служителей – Николая и Георгия – (любимых преподобным), которые, по действу диавола, за обещанное им золото согласились предать св. Даниила в руки врага. Когда святой пребывал в Русском монастыре, варвары пришли на Хиландарь, узнав же, что преподобный находится вне своего монастыря, они нашли упомянутых мужей, согласившихся с ними на предательство св. Даниила, и послали их в русскую обитель, чтобы они, проникнув туда, и им обезпечили бы вход. Предатели, придя ночью к воротам монастыря св. Пантелеймона, стали стучаться и называть свои имена, прося впустить их в обитель для свидания с преподобным по делам монастырским. Но отцы побоялись отворить ворота и не пустили, даже не сказали ничего об этом и преподобному, пока не настало время утрени. Когда святой, узнав о них, велел впустить и спрашивал их о причине их прихода, то они сообщили ему вымышленный предлог, которому святой, будучи сам чистосердечен, вполне поверил. Пред рассветом же, когда преподобный, ходя близ пирга монастырского, пел часы, – увидел он вдали на возвышенности как бы стаи больших птиц, но когда рассвело, то оказалось, что спешили к монастырю полчища

врагов. Варвары, обступив обитель, с диким криком усиленно старались пробить стены монастырские. Наконец им удалось ворваться внутрь, и здесь начали они зверски все расхищать и истреблять. Враги требовали от начальствующих обители, чтобы выдали им св. Даниила, если не хотят, чтобы все было до основания разрушено и сожжено; звали на помощь себе и обещавших предать преподобного. Тотчас зажгли они и храм, и жилые кельи монастыря; затем, обложив пирг, где скрылся преподобный, множеством дров, досок и соломы, они старались разжечь его подобно раскаленной печи, так что пламень яростно охватывал пирг до самой вершины[330]. Слуги же, находящиеся там вместе с преподобным, стреляли с пирга в варваров и многих из них поразили. Тогда те из слуг, которые были в заговоре против святого, начали увещевать остальных, бывших в пирге, предать преподобного Даниила в руки врагов, дабы избегнуть всем такового бедственного положения. Святой по своей проницательности уразумел весь коварный замысл их, и тогда-то обнаружилась та его мудрая находчивость, которой он отличался еще с ранней юности. На самом верху пирга была церковь, запиравшаяся отвне крепкими железными затворами. Преподобный, взяв тайно ключи к себе, стал звать всех в церковь – помолиться и проститься между собой пред близким уже концом; сам же во все это время умственно взывал о небесной помощи ко Господу. Когда вошли в церковь, то слуги, оставшиеся верными святому, по его предупреждению внезапно отняли оружие у заговорщиков и вместе со св. Даниилом выскочили из церкви, заключив в ней изменников. Пламя между тем досягало уже дверей, преподобный, найдя немного воды, утишил оное несколько; нашлось еще немного вина, и его вылили в огонь. В это время Господь явил им Свою явную милость: вдруг с вершины Афона подул сильный прохладный ветер, который стал тушить пламя и разогнал дым, и своей прохладой спас от нестерпимой жары находящихся в пирге. Так продолжалось до полудня, когда враги вышли из монастыря и расположились обедать. Вдруг между ними произошло большое смущение и мятеж: они, схватив свое оружие и, повскакав на коней, быстро удалились от обители. Преподобный Даниил сперва счел это за какой-либо новый их умысел или хитрость и, не оставляя своего положения в пирге, усердно взывал ко Господу. Но прошло довольно времени – враги не возвращались. Наконец святой узнал, что так как главные начальники варваров оставили Святую Гору со своими воинами, то и эти, свирепствовавшие в Русском монастыре, узнав об отшествии предводителей своих, не решились продолжать осаду пирга и бежали. Увидев тщетный конец всех усилий вражеских, преподобный горячо благодарил Бога за такое чудное спасение свое. Оставив Русский монастырь, преподобный отправился со своими чадами в Ксиропотамскую обитель св. Сорока мучеников, лежащую на берегу моря. Монастырь этот много был облагодетельствован и украшен св. и богоносным отцом нашим Саввою, вписавшим имя свое и сродников своих в помянник обители. Пробыв там несколько дней, преподобный Даниил возвратился в свой Хиландарь. Вскоре затем прекратилось это ужасное бедствие Святой Горы от безбожных варваров[331] – они погибли в Греции и Сербии, куда направились после совершенного разорения Афона, который подвергался этому бедствию в продолжение трех лет и трех месяцев. Безбожные и свирепые враги опустошили и разорили всю Святую Гору – святые храмы были сожжены; обители обезлюдели: часть обитателей была уведена в рабство, многие же погибли от голода, так что некому было и убирать трупы, которые служили добычей хищных птиц и зверей. Каталонцы, разграбив окрестности Святой Горы, доходили до Солуни и Верии, но затем они разделились – на свою погибель. Часть франков отправилась морем в свои земли, другая часть варваров под начальством Мелекила направилась во владения краля Уроша Милютина в Сербию, с обязательством ему служить, но, когда они составили заговор на его жизнь, то Милютин решился рассчитаться с незванными гостями. Он выгнал всех их за Дунай за исключением лучших, оставшихся в числе прислуги. Главные же силы этой разбойничьей шайки под начальством Халика устремились на Влахиотскую землю (Эпир) и Ливадию. Затем варвары поступили на службу греческому императору и дошли до г. Каллиполя, но и здесь предались снова неистовствам, разоряя и разграбляя греческие

владения. Краль Урош явился на помощь греческому царю со своими силами, и здесь уже варвары были окончательно поражены. Так заключились двадцатилетние подвиги этих разбойников-франков.

Когда на Святой Горе водворились снова тишина и безопасность от варваров, св. Даниил пожелал предаться полному уединению и безмолвному служению Господу, поэтому сложил с себя игуменство Хиландарской обители. Вместо него игуменом был поставлен Никодим, бывший ученик св. Даниила. А св. Даниил удалился в келью св. Саввы на Карее, где сам св. Савва безмолвствовал и оставил для руководства будущим безмолвникам собственный устав, которому и сам следовал во время своего здесь подвижничества. Тут преподобный Даниил обрел вполне желаемое: он усвоил себе устав и правила св. Саввы, с великим усердием и любовью подвизаясь в молениях, всенощных стояниях, поклонах и песнопениях, услаждаясь сердцем в сих святых подвигах, которые так вожделенны были ему еще с самой ранней юности. Велики и неподражаемы были его иноческие труды: постом строгим удручал он тело свое; проводя все ночи в молитвенном бдении, пении псалмов и поклонах, он до самого рассвета не давал себе ни малейшего отдохновения. Он стяжал дарование обильнейших слез. Много нападений и ухищрений воздвигал на него диавол во время этих подвигов, но святой, сняв с себя крест, который всегда носил на персях, ограждал им себя с верою и молитвою, уничтожая и сокрушая сим все коварства вражеские, – это было обыкновенное его средство и оружие в искушениях и нападениях бесовских. Преподобный сиял своими добродетелями, так что все иноки Святой Горы пользовались его наставлениями и советом.

Чрез некоторое время после сего благочестивому кралю Урошу (Милютину) приключилась великая скорбь: на него восстал его брат Стефан (Драгутин), краль Сремской земли. Он шел с большим войском, намереваясь отнять престол у Уроша и возвести на него своего сына Урошица. В тяжелых обстоятельствах находился тогда краль Урош: многие правители и начальники областей изменили ему, и никого он не видел настолько преданным и верным, чтобы можно было вполне на него положиться. Всех более опасался краль за знаменитый монастырь св. Стефана на месте, называемом Банск, ибо в этом монастыре хранились все богатства его; епископ же, которому вверена была та обитель, скончался в этом году. Тогда краль, вспомнив о преподобном Данииле, стал усилено звать его к себе для свидания. Много усилий потребовалось, чтобы св. Даниил решился наконец снова оставить место своего безмолвия, уступая сердечным мольбам краля. О цели же, с которой он звал, преподобному ничего не было известно. Краль несказанно обрадовался прибытию св. Даниила; принял его с великой любовью и вскоре же наедине сообщил ему подробно все свое горе и непременное желание и необходимость поручить ему упомянутый монастырь св. Стефана со всеми сокровищами. Сильно огорчился этой неожиданностью св. Даниил и упорно отрекался от поручения, которое снова грозило ему разлукой с любимым Афоном. Но убеждения, мольбы и действительно тяжкое положение краля заставили наконец преподобного согласиться, тем более, что краль обещал, если, при помощи Божией, благополучно возвратится с войны, отпустить его на Святую Гору. Так св. Даниил посвящен был в епископа Банского и поставлен настоятелем монастыря св. Стефана. Там краль тайно от всех вручил преподобному все сокровища и повел войска свои против брата, вопреки собственному желанию. По воле Божией поход окончился счастливо для Уроша: он благополучно возвратился на престол свой. Св. Даниил был посредником-миротворцем между братьями: он убедил Драгутина отказаться навсегда от предприятий, оскорбительных для чувств христианских.

Здесь, в Банске, благочестивый краль вознамерился создать вновь кафедральный храм св. апостола и архидиакона Стефана, который он предназначил для своего погребения. Храм этот, изумлявший современников красотою форм и массами золота, был создан по

проекту и под смотрением преподобного Даниила. Завершив наконец постройку храма христианским делом примирения братьев, св. Даниил неотступно стал проситься в свое уединение на Афон. Краль пробовал упрашивать его остаться в отечестве, но все было тщетно – преподобный на этот раз не уступил никаким просьбам и ушел снова на Святую Гору, в Хиландарь, где предался прежним своим иноческим подвигам, с прежней неподражаемой ревностью о молитве, поучении в Божественном Писании, о бдении и посте, – заботясь единственно о спасении души. Но и еще раз Бог помог ему быть миротворцем: по просьбе страдальца, кралевича Стефана, он принимал живое участие в примирении отца с сыном. У краля Уроша (Милютина) был от первой жены сын Стефан, который по достижении совершеннолетия вступив в брак с Марией, дочерью князя болгарского, получил от отца в управление Зетскую землю. Ласковый, добрый, кроткий, щедрый к бедности он располагал каждого любить его искренне. Мачеха, гречанка (дочь византийского императора Андроника), желавшая предоставить престол сыну своему Константину, с женскими ласками внушала супругу кралю, что сын Стефан замышляет недоброе на отца, но этого мало, она, наконец, со слезами говорила, будто Стефан покушался даже на ее супружескую чистоту.

Стефана предупреждали о кознях против него, с коварной целью возбудить его ненависть к отцу. На несчастие некоторые областные начальники, негодовавшие на замыслы хитрой гречанки, высказали непокорность кралю. Недоброжелатели поспешили выставить это пред кралем-отцом как дело, не чуждое замыслов сына. Краль Урош явился с войском в Зету и усмирил мятеж. Сын, обвиняемый приверженцами мачехи в участии с мятежниками, замедлил явиться к отцу по его требованию, чем усилил подозрение отца против него. Когда явился он с полной сыновней покорностью, отец сперва принял его ласково, как и обещал, но потом партия мачехи до того расстроила доброго отца, что он, не выслушав возражений сына против обвинений, повелел ослепить его в г. Скопле и отослать его с детьми к тестю, императору греческому, в заточение[332].

На дороге в Овчеполе, где храм святителя Николая, явился ему Святитель и сказал:

– Не теряй духа: вот очи твои на моей длани, – и показал ему глаза.

Это видение утешило страдальца и облегчило боль страшной экзекуции. Когда прибыл страдалец в Царьград, то заперт был во дворце со строгим приказанием не допускать никого до него. Потом заключили его в монастырь Вседержителя под строгий надзор.

В то время хитрый сторонник запада Варлаам тревожил Царьград своими схоластическими спорами о свете фаворском. Собор иерархов осудил Варлаама, но пронырливый калабриец нашел себе сторонников при дворе и волновал столицу. Император, узнав о терпении Стефана и его искренней любви к вере, выказывал ему приязнь. При одном свидании император спросил мнение Стефана о Варлааме.

– Ненавидящия Тя, Господи, возненавидех, – отвечал умный страдалец и прибавил, – вредных людей надобно изгонять из общества.

Государь поступил по его отзыву.

Упражнения в церковной молитве, посте, слушании книг, смирении так полюбил Стефан, что приводил иноков в изумление, и они с любовью выслушивали советы его о духовной жизни. На пятом году заключения, когда совершалось всенощное бдение на праздник святителя Николая, Стефан, утомленный трудом, вздремнул в седалище церковном. И вот являвшийся ему прежде, явился вновь и сказал:

– Обещание мое пришел я исполнить, – и, знаменовав его крестным знамением, коснулся очей его.

Стефан стал ясно видеть. Возблагодарив святителя сердцем полным радости, Стефан для безопасности от врагов своих продолжал носить повязку на глазах. Два года еще томился страдалец в своем изгнании. В это время он писал на Афон убедительнейшие письма к преподобному Даниилу, прося его вместе с великими старцами Святой Горы ходатайствовать о прощении у державного отца. Преподобный искренно любил Стефана и сострадал ему в постигших его бедствиях, потому с великим усердием подвигся на дело миротворения. Он убедил великих святогорских старцев послать избранных людей к кралю Урошу с грамотами, как от всего собора афонских отцов, так и от преосвященного, которыми они сильно ходатайствовали пред отцом-кралем за страдальца. Когда избранные старцы прибыли в Сербию и просили краля Уроша возвратить отеческую любовь страдальцу-сыну, в то время прибыл туда по государственным нуждам, как доверенное лицо от византийского императора, умный и благочестивый игумен обители Вседержителя. Когда краль при разговоре с игуменом спросил о сыне своем, игумен отвечал:

– Ты спрашиваешь меня, государь, о втором Иове, да будет известно, что нищета его выше державного величия твоего.

И рассказал ему об изумительном терпении и благочестии Стефана. Добрый Урош любовно принял ходатаев за сына. Он, как отец, давно желал видеть Стефана и теперь рад был, что снимают тяжесть с его души. При свидании отец и сын плакали навзрыд. Краль поручил Стефану снова в управление отдельную область. Это было в 1316 году. В это время стало известно кралю Урошу, что преподобный собирается в Палестину – ко святым местам, по своему давнему желанию. Тогда краль снова начал усиленно призывать к себе преосвященного Даниила, всячески убеждая его еще раз доказать свою любовь и преданность к нему новым приходом. Не зная намерений краля, св. Даниил исполнил его усердные мольбы прибыть опять, в третий раз, в Сербию. Урош выразил ему то, насколько утешительно для него свидание с ним, как он скорбел о разлуке с преподобным после его отбытия на Афон, и наконец настойчиво и решительно возвестил ему, что более его не отпустит от себя, а намерен иметь в нем себе наставника и утешителя, обещая окружить его почетом и славою. Горько было преподобному отказаться от любимого своего уединения на Святой Горе. «Буди о всем благословенно имя Господне», – сказал тогда преподобный, увидев, что безуспешны все отказы его и все просьбы. Краль повелел поместить преподобного в обители св. апостолов, где его встретили с великой честью, и он пребывал в помещении тогдашнего архиепископа Сербии Саввы III.

Краль Урош имел твердое намерение возвести на архиепископскую кафедру Сербии преосвященного Даниила. Но когда скончался архиепископ Савва III, то на святительский престол был возведен, вероятно по указанию св. Даниила, его ученик, сиявший благочестием и добродетелями хиландарский игумен Никодим[333], а св. Даниил занял в это время епископию Холмскую. Наконец, и благочестивый краль Урош (Милютин) приблизился к смерти тяжкой болезнью, постигшей его во дворце породимльском и скончался на руках преподобного Даниила 29 октября 1320 года. Святой Даниил, бывший духовным его отцом, похоронил его в Банской обители, согласно с давним желанием его. Восшедший по смерти отца на престол новый краль Стефан (Дечанский) Урош III любил преосвященного Даниила еще более, нежели отец, так как живо чувствовал признательность за участие его в избавлении от заточения, хорошо знал все его заслуги, мудрую и деятельную помощь всегда во многих важных нуждах и делах государства

сербского. Никому новый краль не доверял так, как преподобному Даниилу, – ему поручал он все сношения с соседними государствами. Когда двоюродный брат краля Владислав склонил болгарского князя в свою пользу и против краля, то в государственном совете Стефана положили: «Дело посредника успешнее других может совершить холмский епископ Даниил». И действительно, блаженный Даниил счастливо исполнил поручение в Царьграде и у болгарского князя. По окончании этих поручений св. Даниил, невзирая на почести и знаки любви, которыми краль осыпал блаженного, отправился снова в свое любезное уединение на Афон.

В это отсутствие св. Даниила скончался блаженный архиепископ Никодим (в 1325 г.), правивший сербской Церковью около четырех лет. Краль Стефан немедленно стал вызывать с Афона св. Даниила, ничего ему не сообщая о своем намерении. Когда же преподобный возвратился, то волей царской и собором всей земли Сербской наречен был архиепископом всех сербских и поморских земель. В этом наречении принимали участие и бывшие в то время у краля Стефана прот Святой Горы Гервасий и почетные святогорские старцы. Это совершилось в день Воздвижения Животворящего Креста Господня. Со смиренной преданностью воле Божией и горячей молитвой о Его благодатной помощи и неосужденном исполнении возлагаемой на него великой обязанности и высокого сана принял св. Даниил свое новое служение Церкви и земле Сербской.

Занимая престол св. Саввы, св. Даниил и в новой своей архиепископской деятельности отличался теми же великими достоинствами. Он был столпом и примером благочестия, ревностнейшим и мудрым архипастырем: совершенная нестяжательность, неустанные заботы и труды о нуждах Церкви и паствы, а также и благолепие св. храмов – вот черты его святительского служения. Св. Даниил также ревностно заботился об обращении к православию богомилов, живших около Прилепа, равно как с успехом отражал нападения папы. Во время оборонительной войны краля Стефана (Дечанского) против болгарского князя Михаила (в 1336 году) святитель Даниил оставался при кралице Марии для советов. По окончании войны полным поражением нападавших врагов краль Стефан писал к св. архиепископу Даниилу: «Вестно буди, яко помощию Божиею, молитвою и предстательством святого господина нашего преп. отца Симеона и Саввы и молитвами вашими заступляемь и укрепляемь, и силою Св. Духа вооружихомся, и здрави есмы, и защищаемо кралевство мое с превозлюбленным сыном моим Стефаном (Душаном) и с вои моими, яже реку чада отечествия моего, оного злокозненного врага царя болгаром, пришедша с многими силами язык иноплеменных – в месте Землин, Богу помогшу ми, силы того мощныя и многия победих. – Да о сем убо возрадовавшеся якоже достойно есть, воздадите хвалу Богу в помощь нашу». Благочестивый краль еще в 1327 г. начал строить памятник благодарности своей Господу – дечанский храм, поручив созидание его св. архиепископу Даниилу, создавшему уже для его отца, краля Милютина, великолепный кафедральный храм св. архидиакона Стефана в Банске. Теперь, по окончании болгарской войны, краль, выражавший в разных видах благодарность Господу за дарованную победу, особенно горел желанием оставить в Дечах памятник самый достойный и прочный. Святитель Даниил создал храм, согласно мысли краля, – на изумление векам. Расходы по построению этого храма были очень велики. Дечанский монастырь сохранился доселе[334]. Прекрасная и знаменитая обитель сербская, лучший памятник древнего сербского величия и благочестия, находится в 3 часах пути от Печа. Храм изумительно легок и светел – это одно из совершеннейших произведений византийского искусства. Даже внешние стены поражают своим величием: они снизу доверху состоят из плит белого, розового и серого мрамора, расположенных горизонтальными полосами. Главный престол храма – во имя Вознесения Господня, правый – в честь свят. Николая, левый – во имя св. Димитрия Солунского. Храм окончен в 1335 году. В ноября 1336 года страдальчески окончил дни

свои блаженный краль Стефан и погребен был в его задушбине – в дечанской обители. Св. Даниил венчал на кралевство Душана, хотя и со скорбью за его отношения к отцу.

Св. Даниил кроме храмов, созданных по начертанным им планам, по желанию кралей Милютина и Дечанского, поновлял, украшал и обогащал многоценными вкладами по всей Сербии многие древние храмы, пришедшие в упадок или имевшие какие-либо недостатки, и созидал и сам новые. Из воздвигнутых им храмов особенно замечательны: храм Пресвятой Богородицы Одигитрии Цареградской, который был им богато разукрашен, отличался дивным благолепием и красотою. Служба здесь пелась на греческом языке. При церкви этой были устроены придельные храмы во имя св. Иоанна Предтечи и св. архиепископа Арсения и вне храма малая церковь во имя св. Николая. Вообще, св. Даниил заботился определять к храмам причет, знающий хорошо порядок и уставы церковные, так чтобы служба была соответственна благолепию св. церквей. В храмах свв. апостолов и св. Димитрия были устроены им богатые мраморные колонны и украшенные прекрасной живописью своды. В обители же свв. апостолов пред храмом был возвигнут им высокий пирг и вверху его церковь во имя св. Даниила Столпника. Церковь эту он богато украсил живописью и позолотой, а в пирге (колокольне) повесил звонкие колокола. В сербской епархии в месте, называемом Жидча, была древняя обитель Спасова, подвергшаяся при нашествии варваров разграблению и разорению и вследствие этого совершенно пришедшая в запустение. Хотя во время святительства архиеп. Евстафия эта обитель и была по его распоряжению возобновлена, но не была приведена вполне в прежний вид. Св. Даниил и на это обратил внимание и усердно позаботился об украшении этой славной и древней обители Спаса. В местечке Елешьце построил церковь во имя св. Арх. Михаила, в местности Лизице (в экономии церковной области) храм во имя первосвятителя сербского св. Саввы, построенный при архиеп. Никодиме, св. Даниил расширил, украсил, а в окрестностях этой обители размножил виноградники, сады и огороды. Много прилагал забот и попечений святой на разведение, умножение и улучшение виноградников и садов; никакая часть хозяйства не осталась без следов его полезной и многотрудной деятельности.

Святой Даниил, при любви к Господу, любил просвещение и отечество свое. Он собирал сведения о прошлом Сербии и написал Родослов, где в первой части красноречиво описал дела сербских властителей, а во второй – жизнь сербских первосвятителей[335]. Обращение св. Даниила с подчиненными и со всеми приходящими к нему было всегда самое кроткое, приветливое; всякий выходил от него обласканным. Кроме всех вышесказанных трудов своих по обязанности архиепископа, св. Даниил продолжал жизнь вполне подвижническую и не изменял прежним своим правилам: алчба, жажда, труды молитвенные составляли по-прежнему для него необходимое условие его жизни. Чтение Божественного Писания было его пищей – святыми изречениями слова Божия он руководствовался во всем, во всех своих предприятиях, в каждом предпринимаемом труде. Жизнеописатель св. Даниила, бывший весьма близким к нему, свидетельствует, что преподобный еще при жизни своей сподобился от Господа дара чудотворений. Многие больные получали исцеление по его молитвам.

На престоле архиепископском св. Даниил пробыл четырнадцать лет и три месяца и скончался в 19 день декабря в первом часу по полуночи 1338 года.

Так многоплодна, добродетельна и богоугодна была жизнь и деятельность сего угодника Божия. Церковь сербская поет ему: «Чудо явився извещения (по повествованию), делами добродетелей Божиих возсиял еси, монашествующих лики упасл еси, еретического нападения не усумнився, Церковию Христовою управляя, преподобне отче Данииле, премудре: уснул еси яко спя, тело же твое цело и нетленно соблюдено бысть, и подает

цельбы болящим от различных недугов, и демоны прогоняет. Сего ради молим тя, моли спастися душам нашим»[336].

Страдание святого священномученика Константина Россиянина[337]

Преблаженный иеромонах Константий был родом великороссиянин. Состоя при российском императорском посольстве в Константинополе священником, он проводил жизнь свою тихо и мирно. В то время, в царствование императрицы Елисаветы Петровны, возникли неприязненные действия между Турцией и Россией. Русское посольство по сему случаю выбыло из пределов враждебной Порты, но иеромонах Константий, как чуждый политических смут и отношений, производящих разрыв между сильными державами, не захотел оставить Востока. Зная, между тем, что Святая Гора Афонская всегда была в стороне от военных потрясений, он отправился туда и поселился в лавре святого Афанасия. Пока продолжались военные действия, он в виде простого странника посетил Иерусалим и прочие святые места, а потом опять возвратился на Святую Гору в ожидании окончания войны и вожделенного мира.

«В то время был знаком с ним и я, – говорит составитель сего жития[338], – так как служивал с ним Литургию в лавре и при погребении артского епископа Неофита, который очень любил его. Константий был муж мудрый и добродетельный: обращаясь с ним, мы часто разговаривали о России, а особенно о церковных наших нуждах и о прочих духовных предметах».

Когда же, по милости Божией, кончилась война Турции с Россией и по-прежнему водворился мир, тогда иеромонах Константий отправился со Святой Горы в Константинополь для занятия по-прежнему священнической должности при посольской церкви. Посланник принял его с любовью и относился к нему с чувством уважения и почтения. Но чрез несколько дней после сего Бог весть от какой причины между посланником и иеромонахом Константием возникли неудовольствия. Никто положительно не знал о поводах к неприятным между ними отношениям, и если в свое время говорили о том, то говорили гадательно и различно. Может быть, из страха и опасения дурных для себя последствий со стороны высшего своего правительства, а может быть, и для того, чтоб подвергнуть посланника строгой ответственности и гневу царскому, иеромонах Константий решился на чрезвычайный поступок: он тайно скрылся из посольства и, явившись в султанский дворец, в турецком верховном диване, объявил, что желает лично представиться султану, чтоб пред ним и в виду всех мусульман отречься от Христа и исповедать Магомета истинным пророком великого аллаха. Можно себе представить, как велико было торжество неверных! По желанию несчастного Константия его представили к султану, и – увы! – вслух всех отрекся он своего Господа и веры в Него и признал мусульманизм спасительным, а Магомета великим пророком. Султан осыпал его милостями, и полились на него почести. Но немного протекло дней, как бедный отверженец пришел в чувство: всеблагой Господь, *не хотяй смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему* (Иез. 33, 11), коснулся Своею благодатью отступнического его сердца, и мысль Константия вдруг озарилась Божественным светом: он глубоко почувствовал страшное свое падение и во всей силе понял, с какой высоты и в какую бездну погибели низвергся, несчастный. Долго, горько, чрезвычайно горько плакал он о своем бедствии и, подобно кающемуся Петру, взывал о помиловании. Наконец, презирая стыд и страх, повязал он ветхим платком свою голову и в изодранной ряске явился во дворец султана. Там, на том самом месте и при тех же самых царедворцах султана бросил он на пол турецкое платье, которым одели его в минуты его отступления, попирал, топтал

его и громогласно проклинал Магомета и его учение, проклинал и всех его последователей. Такой поступок кающегося Константия привел всех турок в бешенство и гнев: без всякого суда и допросов они схватили его и на дворцовой площади отсекли ему голову, в то самое время, когда он, проклиная Магомета, исповедал Христа единым истинным Богом. Таким образом приял он с радостью мученический венец. Молитвами его и нас да спасет Господь Бог. Аминь.

Святой Константий пострадал в 1743 году, 26 декабря.

28 ДЕКАБРЯ

Житие преподобного и богоносного отца нашего Симона Мироточивого[339]

Святость и особенное достоинство аскетической жизни своей преподобный Симон проявил дивными подвигами и чудесами, которые совершил как при жизни, так и по смерти, а особенно точением мира, подобно великомученику Димитрию Солунскому. Но откуда был он родом, кто были его родители, как воспитан и, наконец, где положил начатки иноческих своих подвигов, об этом нет ни исторических сведений, ни даже местного предания. Что же касается до прекрасной его жизни на святой Афонской Горе, это покажет следующее повествование. Помня старческое изречение, что без послушания спастись невозможно, преподобный Симон прежде всего постарался, чтобы он был ему не только верным водителем ко спасению и светлым образцом совершенного подвижничества, но и строгим судьей в отношении к его немощам. Вследствие сего, подобно оленю, жаждущему животворных струй источника, он проходил по всем монастырям и скитам Святой Горы в чаянии найти себе желаемого руководителя. При каждой встрече с иноками испытанной жизни пришлец входил с ними в подробные расспросы и суждения о добродетелях иноческих; и наконец, во множестве их, нашел искомого старца, совершенного во всех отношениях подвижничества. Единственным правилом всех своих действий, по тонком раскрытии пред старцем всех обстоятельств минувшей своей жизни, поставил он безусловную покорность всему, что бы ни повелевал ему старец, положил исполнять в точности и без всякого размышления каждое из отеческих его слов – так, как бы слова эти исходили не из уст старца, а от Самого Бога. Такая покорность ученика радовала учителя. Впрочем, чтоб не подать ему случая к тщеславным помыслам и с тем вместе усовершить его в опытах крестной жизни и безусловного послушания, старец вместо хвалы и снисхождения не только постоянно бранил его, но даже нередко и бил. А блаженный принимал это с великой радостью и благодарением. Следствием сего, при содействии благодати, было с его стороны то, что когда старец вместо побоев и унижения начинал оказывать ему внимательность, он скорбел и считал это важным ущербом в деле спасения. Таким образом, между ними воцарилась такая взаимность сердечной любви, которая составляет счастье и радость как родителей, так и детей, и которой к сожалению иногда не пользуются ни те, ни другие. Сладкие плоды подобной любви преподобный очевидно проявлял с своей стороны в неподражаемом благоговении и привязанности к своему старцу. Эта привязанность простиралась до того, что он, когда старец спал, лобызал ноги его и даже то место, где тот имел обыкновение отдыхать после трудов своих или молитвенно беседовать с Богом. Что все это делал он по чистым побуждениям сердца, объяснялось его же словами: он говорил другим, что сколько, с одной стороны, должны мы любить Бога, приведшего нас из небытия в бытие, столько же, с другой, и старца, ибо и этот последний, при помощи Божией, преобразует в нас внутреннего человека, некоторым образом восстановляет и обновляет образ Божий, падший и сокрушенный нашим небрежением и тяжкими грехами.

Так глубоко проникнут был преподобный чувством важности и необходимости безусловного повиновения старческой, а не собственной воле. Этим образом мыслей о добродетельной жизни преподобный Симон скоро прославился по всей Горе, так что равные с ним по возрасту благоговели пред ним, а старшие любили его, потому что те и другие в юном его возрасте видели разум старческий, в подвигах – неподражаемое терпение, в разуме – совершенство, в слове – назидание, строгую рассудительность и, наконец, искреннюю ко всем любовь, составляющую венец всех добродетелей. Одним словом, святой Симон сделался на Святой Горе украшением своего времени и светлым образцом испытанного послушания, которое полагается в незыблемое основание смирения и прочих подвигов иночества. Наконец, и старец, убедившись постоянными опытами в истинно безусловном послушании Симона, совершенно изменился в обхождении с ним, так что, при отеческой внимательности к нему, он располагал им, как послушником, а обходился с ним, как с братом, и даже в некоторых случаях просил его советов и рассуждения. Какие же были следствия такой перемены для смиренного Симона в старческом обхождении? Вместо того, чтоб радоваться внимательности старца, он чрезвычайно огорчался и положил оставить его, под тем предлогом, что ищет себе совершенного безмолвия. Когда передал он это своему старцу и, заливаясь слезами, начал просить его благословения, – тот, хотя и с сердечным прискорбием, однако изъявил старческое свое соизволение. Таким образом, святой Симон расстался с своим старцем, для которого в последнее время был уже не столько учеником, сколько другом и дивным сподвижником.

Святой Симон долго искал себе по Святой Горе такой сокровенной пустыни, где бы никто не мог ни знать, ни найти его, доколе наконец, при Божией помощи, обрел, по желанию, пустынную скалу и при ней пещеру на южной стороне Святой Горы, где ныне существует монастырь Симонопетр, основанный, как увидим ниже, этим самым преподобным. При вступлении своем в пещеру, зная, что ему предстоит ратовать против невидимых врагов, он при содействии Святого Духа облекся в духовное всеоружие, облобызал крест, молитву, веру, терпение, пост и все, что уничтожает демонские козни и возвышает человека до ангельской чистоты и младенческого безстрастия. Трудно представить крепость и тайные сети ловительства и брани сатаны против святого Симона, который, впрочем, царственно наступил и попрал его гордыню и низложил все козни. Из множества таких случаев представим следующий. Раз ночью святой молился – вдруг является пред ним демон в виде страшного дракона. Зевнув пастью, он хотел проглотить его, но так как не было на то соизволения свыше, не мог умертвить его, хотя одним ударом своего хвоста поверг преподобного наземь так сильно, что святой Симон, в совершенном изнеможении чувств, едва мог собраться с духом и воспеть с Пророком: *приближишася на мя злобнующии во еже снести плоти моя* (Пс. 26, 2); *аз же яко глух не слышай, и яко нем не отверзаяй уст своих* (Пс. 37, 14). Между тем, страшный дракон не преставал бить его хвостом своим с намерением если не совсем умертвить, когда бы допустил это Бог, то по крайней мере навести страх и таким образом выгнать его из пустыни. Но вместо страха, несмотря на чувство невыносимой боли, святой Симон обратился к Богу с молитвенным воплем страдальческой души, и зная, что не чувственный дракон напал на него, а под видом его вооружился сатана, противопоставил ему имя Господа Саваофа, и дракон, как дым, исчез в виду его. Следствием сего подвига и непостыдной надежды на помощь Господа было то, что, едва только исчез демон, тихий Божественный свет разлился в пещере, повеял райский аромат и святой Симон, исполненный сердечного веселия и мира, услышал свыше голос:

– Мужайся и крепись, послушный и верный раб Сына Моего!

Таким образом, святой Симон остался по-прежнему в пещере и провел в ней много лет, несмотря на постоянную борьбу с невидимым врагом своего спасения и на чрезвычайные скорби и лишения с внешней стороны.

Между тем, узнав о строгой его жизни и особенном духе ведения и рассудительности, многие из иноков Святой Горы начали ходить к нему, ибо, по слову Божию, *не может укрытися град верху горы стоя* (Мф. 5, 14), – и получали великую пользу для души своей от душеполезных его советов. С тем вместе он удостоился получить от Господа дар прозорливости и предведения. Впрочем, по своему смиренномудрию, не терпя с одной стороны славы, а с другой – избегая докучливости людской, он тяготился своим положением, особенно когда увидел, что посещение братии служило препятствием его безмолвию, и потому хотел было перейти оттуда в место более пустынное. Но Бог, промышляющий и пекущийся о пользе и спасении всех и каждого, воспрепятствовал такому его намерению. А как это было – послушаем:

В одну ночь, упражняясь в молитве, преподобный видит пещеру, как и прежде, осиянной Божественным светом; неизъяснимое благоухание разливалось вокруг него, и вот послышался ему свыше голос:

– Симон, Симон, верный друг и служитель Сына Моего! Не удаляйся отсюда, Я положила прославить это место, ты будешь для него светом, и имя твое будет славно.

Сначала Симон не поверил сему видению из предосторожности, не сети ли это лукавого, зная, что, по словам Апостола, сатана преобразуется и в ангела светла. Поэтому-то он все-таки не преставал думать, куда бы удалиться ему на безмолвие. Это было пред Рождеством Христовым. И вот в одну ночь, выйдя из пещеры, он видит страшное явление: ему представилось, что с неба опустилась звезда и стала над скалою, где впоследствии создан им честной монастырь. Это видение повторялось несколько ночей сряду, но преподобный Симон все-таки боялся, не есть ли это действо вражеское, а потому и не доверял ему. Когда же наступила ночь на Рождество Христово – он видит снова светлую звезду и слышит Божественный голос:

– Симон! Ты должен здесь основать иноческое общежитие. Оставь твое сомнение, Я Сама буду тебе Помощница, а иначе за твое неверие будешь наказан!

Голос этот слышит он трижды. И в это время (как говорил он впоследствии ученикам своим) ему представилось, что он находится в Вифлееме Иудейском на месте пастырей и слышит сладкие звуки ангельского пения: *слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение: не бойтеся, се бо благовествуется вам радость велия, яже будет всем людем* (Лк. 2, 10. 14). После сего, говорил святой, страх и исступление оставили меня и я веселился духовно, таинственно созерцал события вифлеемские, когда там, в яслях, Владычица Богородица и праведный Иосиф благоговейно предстояли Божественному Младенцу, повитому пеленами. Затем прошло несколько дней от Рождества Христова, и вот приходят к преподобному три мирянина, братия по плоти и люди очень богатые: припав к нему, они исповедались ему во всех грехах своих и потом стали убедительно упрашивать его о принятии их к себе на послушание. Это было следствием того, что слава добродетельной жизни преподобного пронеслась уже по Македонии и Фессалии. Не вдруг склонился на прошение их святой Симон, под предлогом великих трудностей, какие сопряжены с обетами иноческой жизни и безусловного послушания. Однако же они, невзирая на то, как свыше посланные в сотрудничество преподобному при создании киновии, не преставали умолять его, чтоб он оставил их при себе по крайней мере на несколько дней. «А когда не будешь доволен нами, говорили они, – тогда вышли нас

отсюда». Такое усиленное их моление тронуло преподобного: он принял их и, по надлежащем искусе облекши в ангельский образ, на Литургии приобщил их Пречистых Таин[340]. Тогда-то уже, как своим детям по духу, он открыл им о Божественном видении, повторявшемся неоднократно над соседственною скалою пещеры его, прося никому не сказывать о том до тех пор, пока он жив. Братия, выслушавши его сказание, с любовью предложили преподобному все свое богатство на устроение киновии и, согласно желанию и благословению его, озаботились немедленным приготовлением всего нужного к этому столь важному и богоугодному делу. Явились мастера, подготовлены материалы и оставалось только назначить место, где положить основной камень возникающей обители. Но когда преподобный Симон указал им, где строить церковь и прочие здания, строители ужаснулись, видя отвесную скалу, которая должна была по его указанию служить основанием обители.

– Шутишь ты, авва, – говорили ему, – или говоришь правду? Посмотри, можно ли приняться за дело, когда эта скала может быть опасна и для строителей, а тем более для тех, которые будут жить здесь. Как хочешь, а мы против тебя.

И дело, таким образом, осталось незавершенным. Между тем, святой Симон, видя, что не может убедить их приступить к постройке, велел приготовить трапезу.

Когда они кушали, один из учеников преподобного, поднося им вино, по зависти демонской запнулся и упал со скалы вниз, в страшную пропасть, держа в одной руке сосуд, а в другой – налитый из него стакан вина. Пораженные таким несчастным случаем, мастера строго заметили преподобному:

– Видишь, авва, начатки убийственных следствий твоего неосновательного предприятия! Сколько бы могло быть подобных случаев смертоубийства, если бы мы решились строить здесь обитель!

Святой ничего не отвечал им, а между тем, втайне молился Владычице Богородице, да не постыдится он в чаянии Ее заступления. И что же? Сколь неизреченны чудеса Твои, Владычице, и кто может восхвалить величие Твое!

Не прошло и получаса, как брат, неосторожно павший в пропасть, выходит из нее с противоположной стороны, заступлением Пресвятой Богородицы не только совершенно здоровый и невредимый, но и с неразбившимся стаканом и сосудом в руках, так что и вина из них не было пролито ни одной капли. Такое чудо привело мастеров в трепет и ужас; они пали к ногам святого и, прося прощения, говорили: «Теперь мы узнали, отче, что ты точно человек Божий», – и по усердному их желанию все они приняты были преподобным в число его учеников и вскоре удостоены ангельского образа. Тогда-то под непосредственным наблюдением и распоряжениями самого преподобного Симона ученики его, бывшие дотоле мастеровыми, приступили к построению монастыря. Но так как им нужно было прежде всего положить в основание огромной величины камень, то святой указал им для сего на один, находившийся вблизи них, и велел перенести его, а они, забыв чудо преподобного и видя, что не только нельзя им общими силами донести эту тяжесть до назначенного места, но и сдвинуть ее, стояли в недоумении и не знали что делать. Видя это, святой подходит к ним и, напечатлев на том камне знамение животворящего креста, поднимает его на свои плечи без всякой сторонней помощи и, принеся, полагает его там, где было нужно. Таким образом, он на деле показал истину слов, которые сказал Господь апостолам: *аминь, аминь глаголю вам, аще имате веру, яко зерно горушно, и речете горе сей: двигнися и верзися в море, будет тако.* Человек, совершенно иссохший от постнических трудов и подвижнической жизни, поднимает

тяжесть, превышающую человеческие силы. Не видно ли из этого, что преподобный в сем случае сделался очевидным орудием всемогущей десницы Вышнего? Что подтверждается и следующим чудом. Когда монастырь, которому преподобный, по явившейся над ним звезде, дал имя Нового Вифлеема, был устроен и братство его умножилось, однажды хищные сарацины показались у монастырской пристани с целью разграбить монастырь. Заметив неприязненные их действия, святой в сопровождении некоторых из своих учеников спустился к пристани и поднес им хлеб и плоды. Сарацины взяли приношение, но, желая расхитить монастырские сокровища, приступили к преподобному и требовали, чтоб он показал им начальника обители. Святой кротко отвечал им, что смиренный настоятель ее – он сам и что кроме вынесенных к ним даров у них нет ничего. Недовольные таким ответом, разбойники бросились на святого, как дикие звери, с неистовством, а один даже обнажил меч, чтобы убить его, но Бог не допустил совершиться этому: рука дерзкого убийцы внезапно иссохла, а прочие сарацины поражены были слепотою. Вразумленные таким небесным гневом, злодеи в один голос закричали: «Аллах, аллах», – и заливаясь слезами, смиренно начали просить святого об исцелении.

– Умилосердись над нами, авва, – вопияли они, – и исцели нас; мы даем слово быть христианами!

Незлобивый старец, подражатель незлобивого Учителя Христа, тронулся несчастием врагов своих и, послав одного из учеников за елеем от лампады Спасителя, помолился о них, потом помазал крестообразно глаза сарацинов, а также иссохшую руку товарища их, и все они, потрясенные чудом исцеления, не только, по обещанию, приняли крещение, но остались в этой обители в числе братства. Наконец дивный Симон достиг глубокой старости и, узнав, что приблизились уже время и час отшествия его ко Господу, призвал всех учеников своих и дал им прощальный завет:

– Вот, братия мои и чада возлюбленные о Господе, – говорил он, – я отхожу от вас, но не скорбите об этом, потому что все мы скоро опять увидимся. Если же я получу дерзновение пред Богом, то буду всегда посещать вас и хранить от всякого искушения видимого и невидимого, впрочем с тем, если и вы сохраните устав общежития, благочиние церковное и все, чему я научил вас и словом, и делом. Вот единственное с моей и с вашей стороны условие! Не любите временного богатства, бегайте тщеславия, не прельщайтесь, не принимайте в киновию детей; вы знаете, что сделал великий Евфимий со святым Саввой в детстве его: хотя и знал он, что святой Савва был освящен от чрева матери, однако ж не принял его в киновию. И в старчестве замечено, что в древнее время опустели четыре лавры – именно оттого, что приняты были туда дети. И богоносный отец наш Афанасий, основатель здешней лавры, заклял учеников своих не принимать детей, хотя бы они были и царской крови. Будьте миролюбивы, страннолюбивы, отправляйте праздники духовно, а не по мирскому, т.е. не занимайтесь в такие дни празднословием, шутками и смехом: праздник есть освящение и просвещение души, которое должно происходить от молчания, молитвы и чтения священных книг; на службе церковной пойте с благоговением, а не с безчинным криком и, наконец, от души любите игумена. Если это соблюдете по смерти моей, как исполняли при жизни, то духом я всегда буду с вами. В противном случае придется нам судиться на Страшном и всемирном Суде!

Когда святой так поучал, братия и ученики, окружив его, безутешно плакали о разлуке с ним. Наконец, помолившись о них единому Богу в Пресвятой Троице славимому, да соблюдет их и по смерти его, под покровом Богоматери и всех святых, умолк и в следующую за тем ночь предал святую свою душу Богу. Это было 28 декабря 1287 года. На другой день утром лицо почившего праведника просветилось дивным светом в

присутствии всего братства. Совершив над ним погребальное пение, они с благоговением и слезами опустили его в могилу.

Преподобный Симон, как светозарная звезда сияя в своей жизни и творя безчисленные чудеса, не преставал исцелять различные болезни и после своей смерти. От него получила исцеление дочь царя Иоанна Углешского. Углешский Иоанн царствовал в 1294 году от Р.Х. в западной части Сербии (в Боснии). У него была беснующаяся дочь. Скорбя о такой ее болезни, он часто молился о ней Богу и некоторым из великих святых, прося их быть ходатаями пред Ним. Но Бог, желая исполнить прошение отца не тогда, когда он хотел, а после, как бы не внимал его молитвам. Это чрезвычайно трогало и печалило царя. Наконец однажды вдруг слышит он от демона, который мучил дочь его:

– Напрасно ты, царь, трудишься; если не придет с Афонской Горы Симон, я не выйду.

Удивленный этим, царь немедленно отыскал некоторых афонских монахов, расспросил их о святом Симоне и, узнав, что хотя он и давно уже отшел ко Господу, но постоянно творит чудеса, источая из гроба миро, весьма возрадовался этому и тогда же, войдя в домашнюю церковь, припал ко Господу и во имя святого Симона просил у Него милости своей дочери. Когда таким образом царь молился, с верой и благоговением испрашивая у Бога, предстательством Симона, исцеления своей дочери, – демон завопил и, ударив девицу оземь, зарыкал, привел в сотрясение все ее тело и тут же вышел из нее: с той поры она, по благодати Христовой, сохранила свое здоровье в мирном состоянии, во все дни и лета своей жизни, за что премного славила Бога и прославленного Им божественного Симона. А царь, отец ее, видя чудо столь скорого исцеления помощью преподобного, убедился в великом его дерзновении пред Богом и немедленно отнесся в святогорский протат, прося у него дозволения устроить обитель святого Симона с царским великолепием, в благодарность дивному благотворителю преподобному Симону и в заявление всем, что сотворил он с его дочерью. Прот и все святогорцы приняли предложение Иоанна с любовью и с чувством благодарности. Из сохранившихся же актов и из владеемых обителью метохов в различных местах можно видеть, как ущедрил ее признательный царь Иоанн. Но этим одним чудом не ограничивается благодать преподобного Симона и данные ему от Бога силы. Для пользы читателей предлагаем и следующее прекрасное и душеполезное повествование.

В царствование того же Иоанна Углешского турки, владея Иконией – главным городом Анатолии – производили во владениях греческих царей великие опустошения. Когда же греки заключили с ними мир, они вторглись в Сербию и, опустошая ее, пошли открытою войною на Иоанна. Иоанн напал на них и при содействии брата своего, краля, разбил их и одержал над ними победу, что, впрочем, имело для него худые следствия, потому что эта победа успокоила его и он предался безпечной жизни. Заметив это, турки внезапно напали на него ночью и поразили войско его смертью и страхом, так что, устремившись в бегство, многие из рати его утонули в реке Тундже. В числе прочих был убит и царь Иоанн. Вследствие всего турки во все пределы Сербии внесли грабеж, опустошение и смерть. Это зло разлилось тем более, что сын Иоанна, от страха ли или по тайным побуждениям к безмолвной жизни, не принял на себя сана, а удалился в пристанище спасения – на святую Афонскую Гору. Там, никем не знаемый, он посетил монастыри и скиты и пришел наконец в устроенный отцом его монастырь преподобного Симона. Когда, войдя в портик, царственный юноша просил позволения вступить в обитель, привратник по обычаю святогорскому, докладывая о нем игумену, говорил что пришел юноша прекрасный собою, воинственного вида, но сиромаха (бедный по одежде) и, по-видимому, истинный раб Христов. «Он, – сказал привратник, – желает беседовать с твоей святостью». Игумен принял его и, согласно его желанию и просьбе, дозволил пожить несколько времени в

обители. Таким образом, юноша остался в числе братства. Благочиние монашеское, безусловное повиновение игумену, усердие к службам церковным, строгое молчание, порядок в церкви и прочее – все это восхищало пришельца, так что он не мог нарадоваться своему положению и о всем прославлял Бога. На вопрос игумена, нравится ли ему обитель и порядок в ней, юноша отвечал:

– Очень нравится, отче!

– Итак, ты хочешь остаться здесь, как и прочие, в чаянии Царствия Христова?

– Да, если позволишь и если твоими святыми молитвами будешь поддерживать мою немощь.

– Чем же ты можешь заниматься здесь?

– Единственное мое занятие, – отвечал юноша, – уход за садом.

– Итак, благословен Бог, – сказал игумен, – ты остаешься до конца жизни своей копать землю, сажать, поливать и трудиться зимою и летом в саду, для трапезы братней, из любви к Богу!

– Обещаюсь! – произнес царевич и вслед за тем принял в свое распоряжение сад.

Там в течение трехлетнего своего искуса, по словам Давида, *полагая восхождения в сердце своем,* он преуспевал в подвигах послушнической жизни и трудился для братии, а по истечении этого времени принял на себя иноческий образ. Тихо и в безмолвии проводил жизнь свою юный, никем не знаемый инок, но враг спасения наблюдал, видел и не стерпел того, в каком смирении, трудах и уничижении служил Богу царственный юноша, низлагавший его чрезвычайным своим терпением и самопроизвольной нищетою, и вооружился на него всею силою демонского своего неистовства. Сначала стал он тайно наводить на него скуку, потом раскаяние в избранном им послушании, представляя, в каком низком занятии протечет вся жизнь его. Вслед за тем диавол возбудил в его сердце чувство недовольства и презрения к братии, потом нерадение к молитве и другим подвижническим трудам и проч., и проч.; не довольствуясь же нападением на него со стороны собственного его сердца, сатана начал ратовать против него и со стороны самих братий. Нашлись легкомысленные из среды братства, которые упрекали садовника за то, что он взялся не за свое дело, как не способный к садоводству, что он нерадиво возделывает гряды и, наконец, делается предметом соблазна и смут. Но напрасно ратовал сатана. Блаженный в отношении к братиям сокрушал его крепость своим смирением и терпением, прося у них во всем прощения и обещаясь быть исправным, а в отношении к самому себе делаясь более бдительным и строгим; решительно же низложил он врага оружием креста Христова и непрестанной молитвой: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», – так что выйдя из всех подвигов, по благодати Божией, победителем, он наконец сделался избранным сосудом Святаго Духа и удостоился Божественного откровения об отношении своем к Богу. Вскоре после того, как водворился мир в его душе, после многоразличных демонских искушений, он слегка заболел и, зная, что настает время отшествия его к Богу, чрез одного из братий приглашает к себе игумена для открытия ему тайны. Удивленный этим, игумен приходит и на вопрос, что он желает открыть ему, царевич отвечал:

– Отче! Скоро Господь позовет меня от вас в Царство славы Своея; итак, мне хочется открыть тебе, что я сын царя Иоанна, строителя сей святой обители.

Услышав это, игумен ужаснулся:

– Почему же, чадо мое, ты не объявил нам этого прежде? Зачем до сих пор скрывался? Почему бы тайны своей не открыл мне?

– Если бы я открыл это, то лишился бы райского венца и милости Божией. В таком случае, зная, кто я, вы принимали бы меня за царевича и эта честь очень легко могла бы лишить меня не только надежды небесной, но и душевного спасения.

Сказав это, он мирно вздохнул и в присутствии игумена предал дух свой Господу. Тайна не осталась тайной: игумен тотчас объявил всей братии, кто такой был смиренный их садовник, и, тронутые смирением царственного подвижника, своего собрата, братия почтили почившего своего садовника духовным торжеством и всенощным славословием и согласно его завещанию похоронили его на братском кладбище, прославляя дивного Бога, укрепившего его совершить столь великий подвиг. Таков рассказ о сыне царя Иоанна! Расскажем еще несколько чудес, совершенных преподобным Симеоном – чтобы мы знали, какое дерзновение имеет он пред Богом.

Один из братии священной обители преподобного, не имея страха Божия и оставаясь под влиянием сатанинского искушения, поносил подвижника Христова, не хотел признать его за святого и наравне с прочими праздновать годовую его память. Случилось раз, когда все отцы отправляли преподобному бдение, этот несчастный брат, волнуясь чувствами сомнения и неверия в святость Симона, вышел из церкви и, удалившись в свою келью, лег спать. Тогда является ему во сне преподобный Симон, осияваемый молниевидным светом, в сопутствии двух первых своих учеников, и говорит:

– Ужели не нравится тебе, нечестивец, та слава, которой прославил меня Бог!

При этих словах по знаку его ученики положили неверного и хулителя лицом ниц и преподобный дал ему несколько ударов по пятам палкой, так что несчастный от боли и безмерного страха проснулся, – и видит, что ноги его распухли. Объятый чрезвычайным ужасом, он немедленно пришел к церковь и, пав к ногам игумена, признался ему в своих грехах против преподобного, а потом, обращаясь к братии, сказал:

– Простите меня, отцы! Теперь я убедился, что преподобный отец наш Симон дивно прославлен Богом; отныне и я верую и кланяюсь ему, как единому от древних святых, каковы были Антоний, Евфимий, Савва и другие.

Потом, возвысив голос, воскликнул пред иконою преподобного Симона:

– Благодарю тебя, угодниче Божий, что ты избавил меня от демонского искушения, насильства и погибели!

Тогда же, заливаясь слезами, он среди церкви рассказал всему братству о явлении преподобного в небесной славе, и все прославили Бога, *не хотящаго смерти грешнику, но еже обратитися и живу быти ему.*

Другой брат обители преподобного долго боролся с демоном блуда, но, не имея сил устоять в подвиге, с благоговением пал пред священным его образом и со слезами просил его избавить от сей брани. После сего, помазавшись елеем от лампады, теплившейся пред ликом преподобного, он совершенно освободился от скверн демонских и нечистых движений плоти.

В другой раз в годовую память святого во время великой вечерни вошел в церковь один брат, по имени Савва, из обители святого Дионисия, что на Олимпе, – чтоб приложиться к святому лику преподобного. Но заметив, что икона очень мала, оскорбился и сказал:

– Я не хочу кланяться такому образу.

Конечно, это было следствием его невежества, а не пренебрежения к преподобному, однако ж преподобный все-таки исправил его следующим образом. Когда этот инок удалился из церкви в келью, данную ему для отдохновения, и заснул, ему видится, что открылся верх кельи и страшный змий, дыша пламенем и испуская дым и смрад, разинул пасть, чтоб поглотить его.

– Тебе не нравится малый образ святого, – человеческим языком заговорил явившийся змий, – и ты с негодованием вышел из церкви, не дождавшись конца службы: так знай – ты мой, я поглощу тебя, – и с ужасным воплем бросился на него.

Несчастный Савва вне себя от страха и трепета завопил:

– Преподобный Симоне, помоги мне! – и в это мгновение, пробудившись, с ужасом пошел в церковь, где, пав на колена пред образом преподобного, с любовью лобызал его несколько раз, так что все бывшие тут удивились перемене сего брата, ибо лицо его было бледно, как у мертвеца. Тогда же рассказал он всем, что за свое невежество пострадал от сатаны.

– Малый образ, брат мой, – заметил при этом один из старцев, – при теплоте веры и благоговении, при чистоте ума и непорочности тела ничем не отличается от большого; посему будь внимателен, воздавай достойную честь святым и священным их ликам, малые ли они, или большие.

Таким образом, исправленный брат воздал славу Богу и благодарение преподобному.

Другой брат, по имени Герасим, стоя на всенощном бдении в праздник преподобного Симона, с великим усердием и благоговением слушал чтение о его подвигах, искушениях, какие переносил он от диавола, и о том, с каким терпением послушен он был Божественному своему старцу, – и крайне удивлялся, отчего он до тех пор не слыхал об этом? – Что же? Во время литии, когда вышли священник с диаконом и прочие братия в притвор, неся по обыкновению обители и икону преподобного, брат тот не пошел, но остался в храме и размышлял о славе, какую имеют святые на небесах и на земле. Во время такого размышления Герасим видит телесными очами светоносное облако, покрывшее алтарь и икону преподобного, стоявшую близ престола. Небесный свет и сияние облачное осеняли алтарь до конца литии. Когда же окончилась лития и начались стихиры, светлое облако само собою поднялось в высоту и видение кончилось. Таковы подвиги и чудеса преподобного отца нашего Симона, егоже молитвами и нас да не лишит Господь Царствия Своего во веки. Аминь.

30 ДЕКАБРЯ

Страдание святого преподобномученика Гедеона[341]

Святого преподобномученика Гедеона место родины было селение Капурна Димитриатской епархии. Отец его Авгиринос и мать Кираца были благочестивые христиане, он же во святом крещении назван Никоном. Родители Никона так были бедны, что, будучи не в состоянии содержать большое семейство, ибо кроме Никона у Авгириноса было три сына и четыре дочери, отдали их на воспитание двоюродному своему брату, занимавшемуся торговлей в Велестине, где в то время уже и они жили. Отличаясь расторопностью и смышленостью, Никон весьма понравился одному влиятельному и богатому турку, по имени Али, который насильственным образом похитил его и, приведя в свой дом, заставил служить на женской половине своим женам, а впоследствии ласками и разными подарками совратил отрока в мусульманскую веру, переименовав и имя его христианское в мусульманское. По прошествии двух месяцев Божественная благодать коснулась сердца несчастного отрока и он теперь только узнал, что по детскому неразумению отрекся от Христа, Источника жизни. Раскаяние, овладевшее сердцем, изменило и образ его жизни, так что, доселе будучи веселым и услужливым, он сделался скучным и с неохотою стал исполнять свое дело; при этом втайне, подобно апостолу Петру, горько плакал и положил намерение бежать из этого ненавистного ему дома.

Выбрав удобное время, Никон убежал от своего похитителя и пришел к своему отцу, который к несчастью по свой бедности не мог укрыть его у себя; зная, что похититель его настолько силен и богат, что ему никоим образом невозможно вести борьбу с неравным противником, он отправил Никона в селение Керамиди, а оттуда посоветовал ему немедленно ехать на святую Афонскую Гору, боясь, как бы злобный его похититель не погнался в погоню за несчастным отроком. Но, однако, Авгиринос не избежал неприятностей, постигших его от бывшего похитителя его сына за сокрытие Никона. Между тем, и несчастный Никон, при гнетущей его сердечной скорби, лишен был и нужных средств к своему пропитанию и, таким образом, три года скитался из одного места в другое, пока наконец прибыл на святую Афонскую Гору, где также странствовал по всем обителям и кельям, расположенным по Святой Горе, в намерении найти опытного духовника, которому желал открыть свое падение и получить от него уврачевание больной его души. Наконец искомое найдено было в обители Каракалл, и здесь усталый путник приютился и открыл духовнику свое падение, который огласил его церковными молитвами и потом приобщил опять к Православной Церкви. А спустя некоторое время он за свою подвижническую жизнь удостоен был пострижения в монашество с именем Гедеона. Старцы, видя его добродетельную жизнь и безпрекословное во всем послушание, избрали его екклесиархом. Проходя сие новое послушание, Гедеон начал прилагать труды к трудам, усугубив при этом пост, бдение, молитву и коленопреклонения, и в течение 35 лет сердце его очистилось и согрелось любовью к Иисусу Христу, так что однажды при чтении книги о страданиях святых мучеников, которые за свои подвиги получили от Бога мученические венцы и Царство Небесное, и у него родилось пламенное желание самому пострадать за любовь Иисуса Христа, омыть себя своей кровью за бывшее отречение от христианской веры. Запавшая в его сердце мысль о мучении начала его преследовать и изо дня в день все более и более распаляла его, так что он уже, будучи не в состоянии долее переносить Божественной теплоты, решился последовать влечению своего сердца. Но предварительно он открыл свое намерение старцам святой обители, прося их благословения и молитв на укрепление себя в столь великом подвиге.

Старцы, видя Гедеона мужем совершенным и процветшим в добродетелях, дали ему свое отеческое благословение и обещались молить подвигоположника Иисуса Христа укрепить его в страданиях. И таким образом, простившись с блаженными старцами, с которыми прожил неисходно в обители Каракалл тридцать пять лет, отправился он в Велестину, где в свое время отвергся Христа, и как только прибыл в сей город, тотчас пошел в суд и, представ пред судьями, исповедал пред ними христианскую веру, а Магомета, ложного их пророка, проклял; но судьи, ограничившись несколькими побоями, выгнали святого Гедеона из судилища, что повторялось не один раз. Тогда Гедеон пошел в другие места для совершения мученического подвига, но и здесь то же самое случилось, что и в Велестине, то есть били и выгоняли его из судилища, как юродивого. Видя в этом несоизволение Божие, он возвратился на святую Афонскую Гору, но, прожив один год, сердце его не успокоилось и он опять, взяв благословение у старцев, отправился в Велестину, где предстал в судилище и исповедал Иисуса Христа, а мусульманскую веру проклял, но и теперь, как и прежде, получив побои, он выгнан был из судилища. Тогда святой пошел в другое место и, представ пред правителем, исповедал себя христианином, а мусульманскую веру укорил и проклял.

Правитель, слыша хулу на свою веру, убоялся и тотчас же написал главному начальнику той местности Вели-паше, жившему в Фессалии, в селении Турнове, что некто христианин дерзко поносит и хулит их веру. Тогда паша послал двух воинов и приказал привести к нему дерзкого хулителя. Когда приведен был святой мученик, то Вели-паша повелел собрать из окрестных селений именитых граждан и духовных, и пред это нечестивое скопище представлен был на суд святой Гедеон. Но и теперь мученик Христов дерзновенно исповедал христианскую веру, мусульманскую же проклиная, оставался твердым в своем исповедании. Тогда, видя твердость и мужество святого Гедеона и что все их ласки, обещания и почести святой отвергнул с презрением, судьи, эти изуверы, сперва захотели посрамить его пред всем населением. Для этого обрили ему голову и возложили на нее внутренности убитой овцы и, посадив верхом на осла задом наперед, в руки дали держать хвост животного и таким образом возили его по всем улицам селения. Но святой преподобномученик, вменяя безчестие в славу за Христа Бога, благодушно переносил посрамление, а святые уста еще более обличали их веру и хулили их ложного пророка.

После этого посрамления святого мученика стали истязать самым жестоким образом. У него, как у Иакова Персянина (см. 27 ноября), были постепенно отсечены, кроме головы, все члены святого его тела топором. Но святой, имея ум устремленным к укрепляющему его Иисусу Христу, терпеливо переносил лютые муки от ожесточенных мучителей. Потом его, еще живого, бросили в нечистое место, где святой преподобномученик Гедеон предал свою душу в руце Божии, 30 декабря 1818 года.

Святые мощи преподобномученика, как тело с главою, так равно и все отсеченные члены, благочестивые христиане выкупили у мусульман и с честью погребли в церкви Двунадесяти апостолов в Турнове.

Спустя несколько времени часть святых мощей мученика была пренесена в обитель Каракалл, где преподобномученик от юности подвизался в иноческих трудах. – Всемогущий Бог, за подвиги и страдания Своего угодника, восхотел и его прославить чудесами, которые изобильно подавались от цельбоносного его гроба и от прикосновения к святым его мощам всем, с верою к нему приходящим. Святой еще при жизни предсказал падение мучителю своему Вели-паше, что вскоре и сбылось после его мученической кончины. Молитвами святого преподобного Гедеона, Христе Боже, помилуй и спаси нас. Аминь.

Добавление

В похвальном слове в честь афонских святых, помещенном в составленной блаженной памяти Никодимом Святогорцем службе святым, на Афоне просиявшим, кроме поименованных и известных святых, упоминаются им и неизвестные по имени, как-то: преподобный *Игумен* ватопедский, видевший ужасное чудо от иконы Богоматери Отрады и Утешения[342], преподобный *Экклесиарх* ватопедский же, иеродиакон, который при нашествии варваров скрыл чудотворную икону Богоматери Алтарницы (Bhvatarissa)[343]; преподобный *Инок,* обитавший в пределах монастыря Пантократора, услышавший от архангела Гавриила песнь Богородице: «Достойно есть»[344]. Но кроме сих, упомянутых Никодимом в его похвальном слове афонским отцам, из других источников видно, что есть и еще отцы, также просиявшие святой жизнью на Афоне, но которые почему-либо остались не известными Никодиму. О некоторых из них собраны нами сведения, которые мы и помещаем в виде прибавления; прочих же преподобных отцов, о жизни которых не имеем дальнейших сведений, приводим здесь только имена – для благочестивых читателей.

Из жития преподобного Афанасия Афонского видим, что под его руководством пожил и перешел в Небесное отечество высокий подвижник *Никифор* Калабриец, прозывавшийся Нагим, пришедший ко св. Афанасию по особенному Божественному откровению. Сей доблестный подвижник скончался еще при жизни св. Афанасия и по кончине источал из костей своих благовонное миро (Помяловский И.В., «Житие преп. Афанасия Афонского». Спб. 1895, 69–70). В сербском же переводе житие св. Афанасия (Ркп. XV в. – нашей б-ки) упоминается другой ученик его – *Марко.* Он исполнял послушание повара и, ревнуя в подражании свв. столпникам, предпринял подвиг стояния в продолжение 45 дней. От такого усиленного подвига у него опустились все внутренности. Тогда он обратился с горячей молитвою о помощи к сему преп. *Никифору* Калабрийцу и молитва его была услышана: он получил исцеление.

Святейший патриарх Константинопольский Каллист I-й, ученик преподобного Григория Синаита, описывая подвиги своего божественного учителя, приводит в житии его следующие имена просиявших святостью жизни учеников преподобного, во время пребывания св. Григория на Святой Горе:

1) Святой *Герасим* – родом из Еврита, труждавшийся в проповеди слова Божия в Элладе – где и скончался.

2) *Иосиф,* соотечественник Герасима, ревностный подвижник православия против латинян.

3) Авва *Николай* , афинянин, в пожилом уже возрасте страдал исповеднически от слуг уклонившегося от православия царя Михаила Палеолога, затем удалился на Афон и под руководством св. Григория достиг высокой меры добродетелей; скончался в глубокой старости.

4) *Марко* – родом из Клазомен, постриженец солунский. Св. Каллист называет его «светлейшим органом Святаго Духа». Жил вместе с Каллистом до смерти своей, 28 лет, в скиту Магула.

5) *Иаков,* достиг высоты добродетелей под водительством св. Григория, впоследствии сделался епископом епархии Сервион.

6) *Аарон-* слепец, просвещенный свыше даром прозорливости, не нуждался уже более в зрении телесном.

7) *Моисей,* 8) *Логгин,* 9) *Корнилий,* 10) *Исаия,* 11) *Климент,* – все они под руководством св. Григория преуспели в делании и видении, приобрели сами потом многих учеников и мирно почили о Господе. Последний – Климент – родом из Болгарии, по чистоте душевной был удостаиваем духовных видений.

Преподобный Савва Новый Ватопедский

Житие сего преподобного отца написал святейший вселенский патриарх Филофей (1354–1355 и 1363–1376гг.)[345]. Оно доселе еще не издано и находится в рукописях, как в библиотеке Ватопеда, где и подвизался преподобный, так и в библиотеках других монастырей; есть оно и между греческими рукописями Моск. синод. б-ки (см. «Каталог» архим. Владимира, М. 1894. № ркп. 257). Помещаем здесь сведения о сем преподобном отце, заимствуя их из соч. Еп. Порфирия «История Афона» (ч. III. Спб. 1892) по сделанному им краткому пересказу указываемого жития по ватопедской рукописи.

Савва, в мире Стефан, произошел на свет в Солуни от благочестивых и добродетельных родителей знатного рода в царствование Андроника Старшего, и там же изучил Св. Писание и эллинскую философию. Когда он пришел в возраст, то ушел тайно из родительского дома на Афон и поступил в Ватопедский монастырь, где и принял иноческий постриг. Отсюда же по случаю нашествия турок на Святую Гору во дни Андроника Младшего, отправился путешествовать; был на островах: Лемносе, Лесбосе, Хиосе, Патмосе и Кипре; с Кипра ходил во Иерусалим и, поклонившись там Гробу Господню и проч. свв. местам, ушел во Иорданскую пустыню, где видел святых подвижников. Отсюда же возвратился на св. Сион, а из Сиона отправился на Синай и там провел два года в подвигах духовных. С Синая же опять возвратился в Иорданскую пустыню, где и подвизался три года в монастыре св. Иоанна Предтечи. Здесь ему было откровение свыше, повелевавшее возвратиться в греческое царство. Посему он отправился в Константинополь и на пути туда посетил Дамаск, Антиохию, остров Крит, Пелопонесс, Афины и остров Тенедос и, пройдя Македонию и часть Фракии, наконец прибыл в Царьград и здесь поселился в обители св. муч. Диомида. Стоустая молва о святости Саввы быстро разнеслась по всей этой столице. Услышал о нем и государь. Но праведник никому не показывался. Тогда стали подозревать его в ереси и подослали к нему мужей мудрых и ученых из синклита и из церковного клира для испытания его. Преподобный отшельник написал им «Исповедание» веры православно и красноречиво, и когда возложил на них свои руки и молился, тогда некая особая благодать коснулась сердец их, так что они проливали слезы свои. После этого Савва возвратился на Афон и там в Ватопеде для всех служил образцом благочестия. Отсюда он – нехотя – ездил опять в Константинополь, в марте 1342 года, с протом Исааком и прочими святогорскими старцами, мирить царицу Анну с Кантакузеном, предсказавши безуспешность предпринятой поездки.

В июне месяце 1341 г. скончался византийский император Андроник Младший, а наперсник его Иоанн Кантакузен незаконно возложил на себя в городе Дидимотихе царскую одежду при жизни законного государя малолетнего Иоанна Палеолога; между ним и вдовствующей царицею Анной закипела тогда междоусобная война, а все попытки к примирению оказывались тщетными, ибо в столице империи послов его не принимали и обращались с ними жестоко, как с бунтовщиками. Поэтому Кантакузен, осаждавший в

феврале 1342 г. не признававший его власти город Перифеорий, из военного своего стана отправил письмо к проту Святой Горы и к тамошним старцам, более других отличавшимся святостью жизни[346]. Письмом этим Кантакузен упрашивал старцев отправиться в Константинополь и представить царице, насколько настоящие политически дела вредны, и предотвратить ежедневное пролитие христианской крови. Афонские отцы, прочитав это письмо, рассудили, что для общественной пользы им подобает исполнить просьбу Кантакузена, и поощряли к тому друг друга. Посему избранные им старцы, именно: прот Исаак, муж достопочтенный и святейший, игумен лавры Макарий и другие настоятели святогорских монастырей не в малом числе, а также иеромонах Каллист, впоследствии патриарх Константинопольский (с 1350–1362 г.), и уединявшийся близ Ватопеда и «показавший дивные и великие подвиги в добродетели» *старец Савва* – отправились в Византию. Здесь они представились царице Анне и в присутствии патриарха и единомысленников его говорили о цели своего прибытия, ради которой они, презрев свою старость, телесную немощь и трудность путешествия, явились туда; просили согласиться на мир и любопрением не губить греческой державы. Речи их нимало не огорчили царицу, напротив, они совершенно согласовались с мнением ее, потому что она, узнав происки и обман патриарха и других лиц, желала прекратить войну как бы то ни было и примириться с царем Кантакузеном; однако, будучи связана клятвами, которые навязали ей обманщики, не могла сделать сего. А клялась она подписать мир только тогда, когда пожелают его все и когда она дождется решения государственного совета. Патриарх же и сообщники его оскорбились речами монахов, ибо они, как им казалось, навлекли на них крайнюю опасность, поэтому хоть и не отважились отринуть мир явно, дабы не показаться безстыдными и гневными, но стакнулись между собою иным способом расстроить единомыслие монахов; расхвалив их радение об общественной пользе, присоветовали им отдохнуть после трудного путешествия и ожидать ответа на предложение их, а, между тем, поместили их в разных местах, надеясь убаюкать каждого из них обещаниями и ласковыми словами. Время летело, а о монахах этих и о предложении их не было и помину. Тогда они, видя, что желательна брань, а не мировая сделка, попросились на Афон. Но приверженцы брани не уважили и этой просьбы их, полагая, что преподобные отцы по возвращении своем будут оглашать их виновниками войны, а Кантакузена превозносить как миротворца. Поэтому игумена Афанасиевой лавры Макария назначили митрополитом в Солунь, а прота Исаака поместили в монастыре, называемом Петра, доступ же к нему всем воспретили, приказавши довольствовать его всем нужным. Прочих отцов отпустили на Афон. Савву же преподобного, так как он превосходил других в добродетели и был весьма известен царским приближенным людям, за несогласие с ними заключили в другом монастыре, называемом Хора[347], для безысходного пребывания и, хотя при этом предлагали ему обильное довольствование, он, однако, ничего не принимал, говоря, что не подобает брать что-либо от людей, которые потешаются убийством и кровью. При этом преподобный изрек, что тому, кого Бог хранит, никакие напасти повредить не могут. И так проводил там жизнь в уединении[348].

Далее в житии повествуется, что незадолго до кончины преподобного Саввы хотели его возвести на патриаршую кафедру, но он не принял этого предложения; и вскоре там и скончался о Господе. Кончина его последовала, как надо полагать, после 1347 года, ибо в январе сего года был низложен патриарх Иоанн Калека, а в мае возведен на патриарший трон Исидор митрополит Монемвасийский, также подвизавшийся вначале на святой Афонской Горе.

Преподобный Исаия старец

Для Святой Горы XIV век был вообще временем расцвета ее питомцев, которые украсили ее своими подвигами на всех поприщах иночества и своими трудами на пользу св. Церкви и духовной письменности. В это время сиял в лике преподобный отцов Святой Горы и известный давно в истории сербской Церкви и письменности знаменитый *старец Исаия.* Из составленного св. Даниилом архиепископом сербским Родослова, или Цароставника, содержащего жития царей и святителей сербских, известно, что старец этот принимал деятельное и непосредственное участи в снятии отлучения, наложенного патриархом Царьградским на краля Стефана Душана[349]. Известно было и о трудах старца Исаии в переводе творений свв. Отцов с греческого языка на сербский[350]. Также и из хранящихся в архиве Русика древних грамот сербских кралей известно, что Стефан Душан, возобновивший Русик в половине XIV века, поручил это дело *старцу Исаии* . Но из всех этих отрывочных сведений, касающихся его деятельности, нельзя было сделать положительного вывода, что это одно и то же лицо.

Душан, владея всей Македонией (в состав которой искони входила и Святая Гора), посетил лично Афон в 1348 г. и пробыл здесь, по преданию, четыре месяца. Посетив все монастыри его, он, проникнутый более всех сербских государей сознанием исторического призвания славянского племени, обратил особое внимание на славянские обители Святой Горы, желая дать здесь преобладание славянскому элементу. После Хиландаря Русский монастырь удостоился его особого внимания и благоволения, видимым знаком коего была, во-первых, присылка в обитель (еще в 1347 г.) честной главы святого великомученика Христова Пантелеймона, подтверждение права владения обители ее имениями и приложение разных сел и угодий. В это время русская афонская община, не получая вследствие неблагоприятных обстоятельств на родине (после погрома России монголами – с 1237 года и далее) почти никакой вещественной оттуда поддержки, пришла в бедственное состояние; обитель клонилась к совершенному упадку и разрушению; вследствие чего должна была искать себе ближайшей опоры у своих единоверцев и единоплеменников – южных славян. Душан великодушно решился взять на себя поддержку и возобновление единоплеменной ему «честной обители россов». Вот что говорит он в своем хрисовуле 1349 года[351]: *…видевше убо иноци, елици се обретаху храма святаго великомученика Христова безребреника Пантелеймона, нищету последню монастира, и всякаго промишления и попечения тьщь и пусть, и еще от Русие вськоньчно оставление, ни нуждние пище или потреби имуще, придоше к царству ми, и вса сия исповедеше и слише царство ми, яко приети ми на се обитель ту святую, и бити ми ктитору в ней; видев же царство ми, яко се дело угодно и душеспасно, прие сь усердием, и любовию, и потьщахь се вьздвигнути и сьзидати и укрепити святую сию обитель, и всакими потребами и метохиями в довольство испльнити; и постно подвизающихь се инокь сьбрати; поиска же царство ми сь всаким прилежаниемь, иже на сие богоугодно дело послужити могущаго; обретохь же честнаго вь иноцехь, мне-же многолюбима и верна, монаха Исаию и на сего наложихь всако попечение и промишление о сей святой обители …*

Но кто был сей «честный во иноцех» монах Исаия, современник царя Стефана Сильного, «многолюбимый и верный ему»… с достоверностью не было известно[352] (как уже мы сказали и выше). Только из недавно открытого жития того знаменитого старца, которое нашел архимандрит Н.Дучич в рукописях Хиландарской библиотеки, мы узнаем подробности о св. старце, имеющем такое непосредственное значение для истории нашего монастыря[353].

Вот что говорит жизнеописатель преподобного подвижника: «Прославившийся святостью своей жизни, преподобный Исаия родился в Сербии, в епархии Лимской, в царствование сербского краля Уроша, в начале XIV столетия. Родители его, сербские вельможи Георгий и Калина, дав ему хорошее образование, усердно желали видеть его на службе при дворе царском. Он исполнил их волю, но ненадолго. Слыша слова евангельские: *кто оставит отца и матерь и вся красная мира сего, сторицею приимет и жизнь вечную наследует,* он умилился душою и, привлекаемый любовью Божией, оставил все и удалился в монастырь св. Иоакима в Сарандапоре[354], где и принял ангельский образ. Но желание духовное влекло его на св. Афонскую Гору, и он с благословения Сарандапорского игумена отправился туда и поступил в сербский Хиландарский монастырь. «Усердную и трудолюбивую жизнь, – говорится в жизнеописании, – какую он проводил, кто передаст? Терпением, смирением, послушанием, воздержанием, пощением, бдением, кротостью, благоговением, молитвами и всякими добродетелями он так украсился, что превосходил ангелоподобным в теле жительством всех монахов той обители».

Но спасая свою душу, он, подобно св. Савве Сербскому, заботился и о спасении родителей своих и, желая склонить их к жизни иноческой, решился посетить свое отечество. Чрезвычайно обрадовались родители, увидя в своем доме любимого сына, и вскоре же, увлеченные его душеполезными наставлениями и советами, приняли ангельский образ с именем Герасима и Феодосии. Поучив их довольно подвижнической жизни, он немедленно возвратился в свою хиландарскую обитель. Родители же его, недолго пожив богоугодно, скончались в один день и погребены в одной могиле. Возрадовавшись о сем и поблагодарив Господа, преп. Исаия при помощи благодати Божией подвигся на бол ьшие подвиги и предал себя в полное послушание и покорность игумену своему, великому и духовно-просвещенному старцу Арсению.

Великого сего и святого старца Арсения, свидетельствует жизнеописатель преп. Исаии, много любил благочестивый и христолюбивый царь наш Стефан и очень усердно слушал его ради многих его добродетелей. Когда прибыл благочестивый царь наш Стефан на Святую Гору, он посетил великого старца Арсения и много беседовал с ним, наслаждаясь душеполезными словами. Тогда св. старец, взяв за руку отца нашего Исаию, говорит: благочестивый и христолюбивый царь! Время отшествия моего пришло; я иду в путь отцов моих, и уже больше в теле меня не увидите; вот тебе сын мой духовный Исаия: имей его вместо меня в утешение твоим духовным исправлениям. С того времени благочестивый царь Стефан такую стал питать веру, любовь и благоговение к блаженному отцу нашему Исаии, что я не могу этого и выразить. Затем старец Арсений переселился из этой жизни к Богу.

По кончине св. старца отец наш Исаия удалился на безмолвие с учеником своим Сильвестром в место, называемое «пустыня св. Павла»[355], имея советником и сподвижником блаженного и преп. о. Дионисия Освященного, и там провел довольно времени в большом борении и подвиге. Оттуда, наставляемый Св. Духом, прибыл в святую обитель св. и славного великомученика и целебника Пантелеймона, потому что и прежде он много помогал тому св. месту и подкреплял его. Видя обитель разрушенной и совсем почти запустевшей, подвигнулся Божественной ревностью, подобно св. Афанасию Афонскому, и испросив помощь Божию и св. великомученика Пантелеймона и благословение от святых и духовных отцов, по их совету отправился (вероятно, взяв с собою и некоторых иноков русского монастыря) к благочестивому царю Стефану. Царь весьма был рад прибытию старца, утешившись его духовными и Божественными словесами. Старец же Исаия сообщил ему обо всем, в чем имелась нужда, об обновлении и воссоздании монастыря св. Пантелеймона и о других святогорских потребностях, прося помощи, заступления и подкрепления. Благочестивый царь Стефан с великим усердием и

радостью внял всему, предложенному от отца нашего Исаии. Также и благочестивая царица Елена с большой охотою выслушала слова его, и все, чего он хотел, с радостью они исполнили и пожертвовали много золота и имений на созидание и помощь монастырю, а также на раздачу другим бедным монастырям и немощным инокам, и таким образом с миром и утешением его отпустили. Отец наш Исаия возвратился от благочестивых царей в монастырь с великой радостью и от основания воздвиг прекрасную церковь, трапезарню, дохиарню и прочее необходимое для монастыря на утешение монахам. Церкви, пирги и метохи с царскими хрисовулами, все это совершил помощью Божией и св. великомученика Пантелеймона.

Но когда он хотел почить уже и успокоиться от подъятых им трудов, то ненавистник добра, древний злодей, который многим святым причинил искушения, навел и на сего святого мужа многие искушения прежде его кончины. Воздвиг на него зависть и клеветы не кого-либо иных, а именно присных ему и ближних, тех, кому он столько сделал добра. Видя это, блаженный, не желая давать им повода к претыканию и соблазну, дабы не распалялись более в злобе, удалился от них. Взяв с собою любимого своего ученика – потребного ему во всякой службе Никандра – и некоторых из братий, он отправился в западную страну (Унгровлахию). Там благодатью Христовой он сотворил много добрых дел: создал многие храмы, устроил общежития и множество народа привел к благочестию. Затем он возвратился к своим любимым духовным чадам. Тогда и те, кто восставал против него, пришли в чувство и раскаялись в своих поступках против преподобного, и получили от него прощение. Иноки той св. обители – любимая братия духовная – ликовали от радости, что даровал им Бог наслаждаться медоточными поучениями этого светильника. А блаженный, видя такое усердие и любовь своих чад, радовался и веселился духом. Однажды стоял он на некоем ровном и светлом месте, а вокруг него собрались лики святых отцов и братий, множество любимых его учеников, которые стояли как лики ангелов, внимая словам его с верой и страхом, и с любовью духовной принимали их в своем сердце. Старец, прозирая сердечными очами любовь и веру своих чад, плакал от умиления и, помолившись в себе довольное время, сказал: «Благодарю Тя, Владыко многомилостиве Господи мой Иисусе Христе, Сыне и Слове Бога живаго, собравшего святое Твое стадо сие: Ты его соблюди и настави на путь святых Твоих заповедей!» – Великую оказал он духовную любовь ко всем там пребывающим братиям не только той св. обители, но и прочим, которые жили в иных монастырях Святой Горы. Всем было подано от него посещение, подкрепление и помощь, а также и все множество тех св. отцов, которые сидели в безмолвии окрест св. Афона и служили Богу в тиши уединения и славили непрестанно Пречистую Владычицу Богородицу, – получили от него упокоение и утешение духовное и телесное.

Было некогда прекословие, раскол и несогласие между церковными властями греческими и сербскими; греки не принимали к приобщению Пречистых и Божественных Таин духовенство сербское и ругались ему.

Сербский краль Стефан Душан к началу 1346 года[356] сделал весьма большие завоевания в Византийской империи и вследствие этого задумал принять титул царя или императора, решив вместе с тем переименовать в патриарха и своего архиепископа. Это он и сделал единственной своей властью, не только не предприняв по сему поводу каких-либо сношений с патриархами греческими, но и не побоявшись навлечь на себя из-за этого поступка церковное отлучение. Часть завоеванных областей принадлежала в церковном отношении архиепископу охридскому, который теперь и сам стал подданным сербского государя, а другая часть, именно восточная Македония, по ту сторону Вардала, и Фессалия с горным Эпиром и Акарнанией, по ту сторону Быстрицы и Воюцы, – патриарху Константинопольскому. Оставив неприкосновенной автономию архиепископа охридского

как своего, Душан не хотел, чтобы по-прежнему остались в заведовании чужого, в смысле государственном, патриарха Царьградского архиерейские кафедры тех завоеванных областей, которые прежде принадлежали к патриархату последнего, и заместив их вместо греков сербами, присоединил к своему патриархату Печскому. Это и было причиной отлучения и вражды. Патриарх Константинопольский (Каллист I) нашел, что сербы учинили неправедное церковное хищение и требовал, чтобы несмотря на государственную власть все принадлежавшее прежде ему было оставлено за ним по-прежнему. Когда Душан отказал ему в этом, он и произнес отлучение на него и на его патриарха, и на все его духовенство, и вообще на всю Церковь сербскую. Еще сам Душан, вероятно безпокоимый смущением своих подданных находиться под клятвой вселенского патриарха, пытался было устроить примирение, но тщетно. Во время правления сына Душанова Уроша (продолжалось 12 лет) дело это не возобновлялось, а возобновлено было оно только после того, как в 1367 г. место Уроша занял Вукашин. Брат сего последнего Иоанн Углеш, бывший деспотом или удельным владетелем тех именно областей, из-за которых были спор и вражда, около 1368 г. отправил в Константинополь к патриарху Филофею посольство, изъявляя свою готовность уступить его требованиям, но переговоры об этом, хотя и шли благоприятно, затянулись, однако, до 1371 г., и хотя мир считался уже восстановленным, но не совершенно. В том же 1371 г. Углеш вместе с Вукашином погибли на Марице в войне с турками, и патриарх Сербский, пользуясь наставшим государственным безначалием, отказался подчиниться условиям состоявшегося помимо его воли соглашения, т.е. уступить патриарху Константинопольскому эти спорные епархии. Окончательным восстановителем мира и был именно преп. старец Исаия[357]. Явившись к преемнику Вукашинову Лазарю и возбудив его благочестивую ревность, он успел по поручению князя убедить к уступчивости и патриарха Савву[358].

Блаженный наш старец Исаия, видя такое умножение злобы, побужденный Божественной ревностью, решился с великим тщанием исполнить порученное ему князем и патриархом дело. Пригласив с собою бывшего прота, именем Феофана, очень долго жившего на Святой Горе и достигшего глубокой старости, мужа, украшенного многими добродетелями и весьма им любимого, так как был достоин чести не только по своим добродетелям, но и отличался особенной сладостью в беседе, растворенной Божественной простотой, – и Никодима, мужа честного и освященного, сильного в книжном учении и разуме, грека родом[359], а также и из своих учеников избрал двоих искусных в духовных добродетелях Никандра[360] и Сильвестра и, взяв с собою довольно потребного в путь, отправился в царствующий град. Там преп. Исаия, при помощи Божией и поспешением Святаго Духа, получил все желаемое: испросил примирение и благословение, утишил раздор Церкви, которая благодатью Христовой и доднесь мирствует. Святейший же вселенский патриарх (Филофей) с великой почестью отпустил блаженного, исполнив с готовностью все им просимое относительно духовных предметов.

И даже более того. По сербским сказаниям[361], старец Исаия успел достигнуть того, что патриарх Сербский был признан при этом в Константинополе за действительного патриарха. Вселенский патриарх со всем собором не только разрешили от прежде бывшего запрещения и отлучения царя и патриарха и всех живых и преставльшихся и приняли в общение и сослужение всех архиереев и иереев, но ради сих прибывших (т.е. афонских отцов), особенно же ради кир-Исаии, который был «зело возлюблен патриарху», уступил сербам иметь уже не архиепископа только, но патриарха самовластного, с таким единственным условием, что буде сербы возьмут силу и опять овладеют этими греческими епархиями, то митрополиты должны непременно поминать патриархов, как повелевают и соборные правила; в подтверждение чего и написали сингилий. Для более же совершенного установления примирения отпустили со старцем Исаией посланных от

лица патриарха двух иеромонахов – кир-Матфея и кир-Моисея, которые, прибыв в Призрен, служили в придворной церкви со всеми архиереями и священниками сербскими, бывшими прежде в отлучении[362].

Наконец, преподобный возвратился в монастырь из Царьграда, откуда принес много различных вещей на монастырскую потребу и церковной утвари, честных икон, завес, свещников, киотов, паникандил (хора) и лампад (кандила сирска). И было в монастыре веселие и радость многая по случаю прибытия праведного. Но древняя злоба не престала еще наносить искушения праведнику.

В одно время отправился блаженный некоей ради потребы в лавру св. Афанасия в сопровождении пяти братий честных иноков, но среди пути напали на них внезапно варвары и, схватив всех их, ввергли в корабль. Преподобного же отца Исаию оные проклятые кровопийцы столь немилостиво били по всему телу и по святой главе, что весь он обагрился кровью. О, сколькие великие скорби и тесноты приключились нам тогда![363] По смотрению Божию приключилась преп. Исаии сия скорбь: «многи бо скорби праведным». Однако благий и человеколюбивый Бог испытывает скорбями Своих угодников, но смерти не предает их до конца. Он, якоже Сам весть, освободил от этой напасти блаженного вскоре. И сбылось на нем слово некоего великого святого старца, который предрек блаженному, говоря: «отче Исаия, мужайся и крепися, яко болезни и скорби ждут тебя». И от того времени[364] блаженный старец от стольких перенесенных им искушений подвергся тяжким болезням – по Промыслу Божию, разумеется, – как видим это из примера Иова и многих свв. отцов. И кто может пересказать те долготерпение, утешение, кротость, смиренномудрие, умиление, милость, сладкие и теплые слезы, святую незлобивую простоту, каковые показала эта светлая и просвещенная Святым Духом душа! Подобно тому, как видим из отеческих писаний повествуемое о св. Сисое великом и о иных многих великих святых, пришедших в великую и чудную простоту и незлобие, так и блаженный отец наш Исаия такого достиг незлобия и святой простоты, что не ведал уже, существует ли в мире сем какая-либо злоба. При своих тяжких болезнях никого не обременил, никому не сказал какого бы то ни было недоброго слова, никому не воспомянул оказанных ему несправедливостей и зла…

В начале жития стоит такая надпись:

«Месяца августа 21-го, память… приснопоминаемого преподобного отца нашего Исаии». И затем стихи:

… Исаин дух приемлет небесный воздух.
Тело же на земли остави
духовным своим чадом:
Велика утешения и радости.

***

На земли остави Исаия
сьзданную новую обитель
Чедам своим духовным, Христе мой,
На небеси духом вселяется в вечные обители.

***

Добродетельный твой сладкий язык,
Аще угасе на земли, о, отче,
Но имаши в вышних небесных умов
сладчайшую беседу.

***

Взыде отсюда к воздуху
Великая слава Исаия,
Ему же слава великая на земли.

***

Тебе прияша небесная селения, о, отче!
Идеже уготова Бог любящим Его.
И нас убогих, немощных
и многими скорбьми одержимых
Не остави святыми молитвами нас.

***

В 21 день, Сладка беседа –
Исаия успе о Господе.

В описании лавры св. Афанасия, составленном в 1757 году лаврским скевофилаксом, проигуменом Макарием, критянином, и напечатанном в Венеции в 1772 г., помещен перечень подвижников и отцов, прославившихся святостью жизни в пределах Лавры. Кроме святых, внесенных нами в настоящий Патерик, под известными днями их памятей, составитель книги упоминает еще следующих: *Марко* , названный Препростым, ученик св. Григория Синаита. См. о нем ниже.

Авва *Харитон* и *Геронтий,* подвизавшийся в местности Вулевтириа, где ныне скит св. Анны[365]; оба современники св. Григорию Синаиту.

Корнилий, Исаия, Макарий – об этих упоминается в житии св. Григория Синаита; *Авксентий, Дорофей, Геронтий* (другой) *, Феодул, Иаков,* и другой *Иаков, Климент, Галактион* и *Марко* – это современники и друзья преподобного Максима Кавсокаливита, как говорится о них в житии его[366]. Святой *Иоанникий,* иеромонах лавры, живший вскоре после преподобного Максима и написавший житие его.

Преподобный *Феодор* , современник Нила Мироточивого (XVII в.), подвизался в местности «Мегали Вигла».

Упоминая о подвигах преп. Акакия Кавсокаливского[367] и учеников его, украсившихся венцом мученическим, проигумен Макарий говорит еще о некоем *Косме* Спартиоте, жившем в скиту св. Анны, который также за исповедание Христово был усечен во главу в Константинополе. В 1780 году вышло второе издание вышеупомянутой книги, только уже под именем Саввы Скевофилакса лаврского. Савва этот также говорит о мученическом подвиге сказанного Космы и указывает год страдания его 1760?й. Затем приводит ряд

дивных подвижников, украшенных благодатными дарованиями и скончавшихся уже в его время – после 1760 года.

Упомянем еще и подвизавшегося на св. Афонской Горе св. *Афанасия III-го* , Пателария, патриарха Константинопольского. Отечество его – остров Крит. На патриаршую кафедру возведен из митрополитов Солуни. После первого отречения от престола поселился на Афоне близ Кареи, но потом еще дважды занимал патриарший трон. Испытанный в скорбях как странник, он посетил Москву и на обратном пути в пределах Малороссии, в обители Лубенской, преставился 6 апреля 1654 года. Мощи святителя чрез восемь лет открыты нетленными, и память его установлено совершать 2 мая киевским митрополитом Иосифом Тукальским. Мощи почивают открыто и в положении сидящего, как он и был похоронен по обычаю греческому. А сколько и еще святых по разным причинам остаются в неизвестности для мира! Например: в Дионисиатской обители остаются непрославленными четыре преподобномученика, мужественно пострадавших за Христа и принявших мученическую кончину, именно потому, что страдальческие их подвиги не были приведены в известность в свое время. Хотя духовный старец, руководивший ими в иноческих подвигах, скончался уже в шестидесятых годах настоящего столетия, но на все наши расспросы о времени их страдания он мог нам сказать с достоверностью только то, что они пострадали до греческого восстания. Имена сих преподобномучеников: *Христофор* и *Иосиф* , пострадавшие в Адрианополе, *Геннадий* в Европе и *Павел* в Пелопонессе; в Дионисиатской обители они чтутся как святые.

Впрочем, об одном из сих преподобномучеников, именно о Павле, не чужом для Русской обители нашей, было помещено в изданной недавно в Афинах книге: «Megaz Sunaxaristhz» (Maiou – 1892 г.) сказание, которое воспроизводим здесь в извлечении.

Преподобномученик Христов Павел родился в Пелопонессе (нынешняя Морея), в селе Сопотос, епархии Калаврита, от православных родителей бедного состояния и в св. крещении наречен Панагиотом. Достигнув зрелого возраста, он перешел в Патры Ахайские, где обучился изготовлять обувь, и прожил там 14 лет. Затем возвратился в свое отечество Калаврита и здесь открыл в сообществе с другими торговлю, продолжая заниматься ремеслом. Обвиненный своими товарищами, он был посажен властями в темницу, и по освобождении перешел на жительство в город Триполицу. Развозя по селениям свои изделия, он, чтобы избежать притеснений, везде называл себя турком… Затем, однако, он сознал в своей совести, что чрез это впал в великое искушение, и, бросив торговлю, удалился в святоименный Афон. Встретив в лавре св. Афанасия своего соотечественника, монаха Тимофея, он поступил в братство лавры и определен помощником к Тимофею, проходившему послушание в поварне. Чрез некоторое время Панагиот был пострижен в мантию и назван Павлом. Тимофей после того перешел в новый русский монастырь св. Пантелеймона, где игумен Савва, также пелопонессец, устраивал тогда по благословению патриарха Каллиника общежитие[368]. По удалении из лавры Тимофея и Павел вскоре перешел также в Русик и занимался здесь своим рукоделием – шитьем обуви, проводя жизнь в постоянном пощении и великих подвигах. От таких подвигов возгорелась в душе его Божественная любовь к сладчайшему Спасителю нашему и явилось желание пострадать за пресвятое имя Его. Тимофей, с которым он обо всем советовался, не соглашался на это, да и прочие отцы, кому он открывал желание свое, отклоняли его от такого великого дела, но как желание его было непреодолимо и день ото дня возрастало, то он взял благословение у игумена перейти для испытания себя в скит св. Анны. Принятый там духовником Ананией, блаженный исповедал ему все о себе, но и этот старец поначалу не соизволял Павлу искать мученичества, видя же твердость его намерения и разнообразно испытав его строгим постом, молитвенными бдениями и коленопреклонениями, после долгого искуса облек его

в св. схиму. И затем с общего согласия отцов благословил его на мученичество. Будучи напутствован и утвержден отеческими молитвами и благословением, Павел потек в желанный путь с радостью. Достигнув отечества своего, блаженный посетил монастырь, находящийся в епархии Калавритской, называемый Мега-Спилеон, и там пробыл сорок дней в посте и бдении, моля Пречистую Богоматерь укрепить его на подвиг мученичества. Здесь сподобился он Божественного откровения, которое укрепило его в намерении и дало ему дерзновение. Оттуда он отправился в Навплию, где жил его двоюродный брат, ставший мусульманином. Блаженный увещал отступника обратиться и восстать от лютого падения – отречения Христа и, взяв его в спутники, прибыл в Триполь. Он немедленно явился к тамошним мусульманским властям и исповедал пред ними со всем мужеством и дерзновением Христа истинным Богом, а ложного пророка и веру их обличил и проклял. В Триполе тогда были собраны со всей Мореи начальники епархий, городов и сел (так как тогда возникло у правительства подозрение на греков в восстании). Агаряне, услышав дерзновенные речи блаженного, готовы были растерзать его, но главный паша пытался склонить его разными способами к отречению от Христа; увидев, однако, непреложность его убеждений, приказал сжечь его. При этом некоторые из агарян просили переменить казнь, с той целью, чтобы христиане не могли ничего найти от мощей его, поэтому решено было отсечь мученику главу несколькими ударами, а тело бросить туда, откуда было бы невозможно его достать. Слуги, схватив святого, вытолкали его из судилища, били его сколько хотели, пока не привели на определенное место казни; тот доблий исповедник, преклонив колена, помолился Богу, и палач отсек ему голову мечом. Честные мощи святого оставались трое суток поверженными на месте казни; никто из христиан не смел показаться там, так как было объявлено, что если кто приблизится взять какую-либо часть от мощей или что-либо из одежды, или собрать кровь, будет осужден на смерть. После трех дней агаряне бросили честные мощи в безчестное место конака пашинского, в надежде, что христиане не возмогут найти и достать их. Святой Павел обезглавлен в полдень 22 мая 1818 года, под платаном, близ ворот дворца паши[369]. Теперь на месте усечения красуется св. храм во имя преподобномученика, память которого 22 мая отправляется гражданами торжественно. Двое из друзей святого извлекли тайно впоследствии честные мощи и главу святого из того места, куда они были брошены, и перенесли в монастырь св. Николая, называемый Варсес, в расстоянии от Триполя на два часа пути, где после надгробного пения и погребли их, через двадцать дней по усечении его, во славу Пресвятой Троицы, единого Бога, дивного во святых Своих. Аминь.

Вот те, скажем и мы с приснославным Никодимом, именуемые и известные нам святые, прозябшие на Святой сей Горе. Но есть и другие, безыменные и нам неизвестные, из которых одни умерщвлены были от нечестивых арабов и агарян во многих обителях прежде взятия Константинополя, а другие благоугодили Богу и освятились в различные времена и разным образом. Если исчислять их, они, по Давиду, умножатся действительно, как песок: *изочту их, и паче песка умножатся* (Пс. 138, 18). Все они суть те огненные и высокие столпы, которые стоят вокруг Святой Горы, как видел их в бодрственном состоянии преподобный Марко, ученик Григория Синаита: все образуют то множество иноков, которые, как сподобился видеть тот же Марко, стояли с архангелами и ангелами кругом Богородицы, славя Ее и покланяясь Ей, – тогда как Она, имея высокие и златые палаты в Мегали Вигла[370], сидела на троне в царственном великолепии: так о видении сем пишется в житии святого Максима Кавсокаливского [371]. Кратко сказать: все они явили истинным пророчение Богоматери, Которая известила, что гора сия назовется *Святой* , ибо эти подвижники освятили ее, прославили и сделали чудной и именитой в целом мире[372].

Заключим собрание житий этих святых приличной песнию Церкви, от нее им посвященной: «Что вас наречем святии? Херувимы ли? яко на вас почил есть Христос.

Серафимы ли? яко непрестанно прослависте Его. Ангелы ли? тела бо отвратистеся. Силы ли? действуете бо чудесы. Многая ваша имена, и большая дарования: молите спастися душам нашим». (Октоих, гл. 8, понедельник утра на стиховнах стихиры).

Из службы святым, на афоне просиявшим

Иже в телеси безплотнии и Божии воистинну человецы, Афон весь освятившии столпы Горы огненнии, стоящии с любовию и радостию пред Богоматерию Пречистою, яко созерцатели в Божественном видении, честнии отцы наши да восхвалятся.

Стихира на Великой вечерне, глас 5-й.

Приидите вси сонмы монашествующих – тмочисленное воинство Давида, предводимое тысящами добродетелей, – сущих на Афоне отцев восхвалим, преподобных и иерархов, преподобномучеников и священномучеников, и всех вкупе, их же имена ведомы и не ведомы. Они бо воистинну делы и словесы и многообразным и равноангельным житием и благодатными дарами Божиими, показашася святи, и Горе сей нарицание *святое* даша, их же и гробы Бог чудесами и благоуханием и миром прослави. И ныне они, предстояще пред лицем прославившаго их Христа, молятся непрестанно о нас, с любовию совершающих светлое их празднество.

На малой вечерне. Слава, глас 6-й.

Отцов, соделавших Гору небом, и показавших в ней житие ангельское проходити, и множества монахов в ней собравших, восхвалим вси, взывающе к ним: от всякия нужды и навета избавите нас, множество преподобных, Афонская похвало!

Икос.

«Коль добро есть совокупление ваше отцы богомудрии! Коль красен и сладок общий сей ваш праздник, в немже вси в Горе сей просиявшии святии именуемии вкупе и не именуемии, общее благохваление, яко по духу братия, приемлете яко миро. Подобаше бо всяко во едином месте Господеви угодившим и во един день спраздноватися. Сего ради и мы, сущии во Афоне пустынножители и общежители, во едино сошедшеся, по долгу вас ублажаем: новии древних, сыны отцев, грешнии святых, согласно взывающе: место сие, еже во обитание себе избрасте, сохраняйте от всякаго зла, множество преподобных, Афонская похвало!»

КОНЕЦ И БОГУ СЛАВА

---

[1] Указатель авторов св. Горы Афонской, ст. 4, 1. 4.

[2] Смотри «Письма Святогорца о святой Афонской Горе, ч. 1, письмо 5, и «Очерк путешествия по европейской Турции» Григоровича, стр. 92, Каз. 1848.

[3] Издатели, в начале составленного Никодимом собрания санаксарей, приложили краткое жизнеописание сего великого мужа, принесшего столько пользы Церкви

греческой своими прекрасными произведениями. Этот великий аскет, глубокий богослов и славный писатель, светило новейших времен для Церкви православной, был уроженец одного из Кикладских островов, Наксоса (Naxoz). В юности своей Николай воспитывался в Смирне и получил приличное образование в эллинском языке; потом, бегая мирских сует и смятений и имея пламенное стремление к жизни иноческой, удалился на святую Афонскую Гору, в 1765 году. Здесь вступил он сначала в братство обители святого Дионисия, где скоро удостоен был иноческого ангельского образа, с именем Никодим, и возведен на степень чтеца и письмоводителя обители; затем уединенно подвизался в двух кельях (последняя его келья, близ Кареи, и доныне стоит, напоминая собою о знаменитом своем насельнике). При постоянных подвижнических трудах и злостраданиях он, весь преданный занятию Божественным Писанием, чтению святых отцов и составлению душеспасительных произведений, не знал почти покоя ни днем, ни ночью. Наконец, истощившись в силах от постоянных и безмерных аскетических и ученых трудов, знаменитый сей муж, после кратковременной болезни, мирно отошел ко Господу в 1809 году, 14 июля, будучи 60 лет от роду. Изданных и не изданных еще книг Никодима в жизнеописании его помечается 47. Кроме того, им написано было безчисленное множество тропарей, икосов, целых служб или только канонов, похвальных слов различным святым и других мелких сочинений.

[4] Это тот самый Иаков, о котором говорит автор «Писем с Востока» (см. ч. 1, стр. 412), что он отыскал в местных афонских источниках имя игумена, к которому приходил основатель нашего русского иночества, святой Антоний. Иаков скончался в 1875 г.

[5] Главнейшие из них: M.I. Gedewn. O Aqwz. Kwnitantinoupoliz. Kwv 1885 г. Die haupturkunden fuer die Geschichte der Athoskloester, von Meeir, Leipzig. 1894.

[6] Нельзя умолчать об этих трудах. И хотя некоторые из них, много обещая своими заглавиями, дают мало удовлетворительных исторических сведений, но, как бы то ни было, все эти писания знакомят любознательных с Афоном более и более. Из них для интересующихся современной историей Святой Горы можем рекомендовать недавно изданную книгу А.А.Дмитриевского: «Русские на Афоне». Спб. 1895.

[7] Приб. к творениям св. отцов. 1884 г. I. 330–333.

[8] См. обстоятельную рецензию на этот посмертный труд еп. Порфирия, помещенную опытным византинистом А.А. Дмитриевским в «Византийском Временнике», т. I, 413–429. Спб, 1894 г.

[9] Можем указать с благодарностью на недавно изданные по древним рукописям московской синодальной библиотеки, в подлинном изложении, профес. И.В.Помяловским житие свв. – Григория Синаита, Спб. 1894 г., и Афанасия Афонского, Спб. 1895г.

[10] Смотри «Письма с Востока в 1849–50 гг..», ч. 1, стр. 213. Утраты книг и рукописей от сторонних для Афона причин г. Григорович не принимает. См. его «Очерк путешествия по европейской Турции», стр. 96; но на стр. 94–98 он говорит несколько иначе.

[11] В честь всех преподобных афонских в русском монастыре сооружен благолепный храм при больничном корпусе.

[12] С рукописи скита св. Предтечи.

[13] Может быть, он не исповедал духовнику о своем бывшем отречении от Христа или духовник не счел оное препятствием к принятию диаконского сана. Но по 10-му правилу 1-го Вселенского собора не могут быть удостоиваемы священнослужительского сана отрекшиеся христианской веры и приносившие жертву идолам. См. изъяснение сего правила на 305 стр. Опыт курса церковного законоведения, архим. Иоанна. Т. 1. Спб. 1851 г.

[14] Пострадали в 1816 году; память их 1 мая.

[15] Дава – процесс тяжущихся о чем-либо лиц, рассматриваемый низшим судебным местом; когда же одно из тяжущихся лиц бывает недовольно решением этого места, а желает перенести свое дело в какое-нибудь высшее судилище, то, в удостоверение на это права, выдается ему из низшего судилища фетуфа (свидетельство).

[16] Даничич. Животи кральева и архиепископа ернских. Загреб. 1866.

[17] Калайдовича экзарх, стр. 164.

[18] Григоровича путеш.

[19] См. свв. южных славян. Филарета, архиеп. Черниговского, 1865, допол. стр. 250.

[20] Сербляк. Белград. 1861 г.

[21] Из Neon Eklogion.

[22] В области монастыря Филофейского.

[23] Проигумен Ватопедской обители Феофан.

[24] По греческому синаксарю память св. Саввы только 14 января; в славянских же минеях память его празднуется 12 января и, вместе с отцом его преп. Симеоном Мироточивым, 13 февраля. В славянских рукописных минеях XIV века (хранящихся в библиотеке нашей Обители) и писанных, несомненно, на Афоне, память св. Саввы положена 15 января; вероятно, вследствие того, что 14 января бывает отдание праздника Богоявления. Западная церковь также признает Савву в числе святых и празднует память его 14 января.

[25] Св. Савва родился в 1169 году (Славян.народон. Шафарик. 55). В этом же году поступила во владение русских обитель св. Пантелеймона, в которой св. Савва принял иноческое пострижение. Весьма знаменательное совпадение!..

[26] О времени поселения русских на Афоне см. книгу: «Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеймона на Св. Горе Афонской», М. 1886г.

[27] Пирг, или башня, с которой св. Савва сбросил одежды, цела и доселе. В ней устроена (в 1871 г.) церковь, посвященная его имени.

[28] Св. Симеон сложил с себя достоинство великого жупана Сербии 1195 г. 25 марта, а на Афон прибыл в 1197 г. 2 ноября (Слав. древн. Шафарик. Ч. II, кн. 1, 118. Dwdekabibloz Dosiqeou patr. ‘Ierousalum. кн. 2, 814.

[29] Карея в древности называлась и «Срединою» и «великою Срединою» (Mesh. megalh Meoh).

[30] Памятник сего завета существует и доныне. В главный праздник Хиландаря, именно в день Введения во храм Пресвятой Богородицы, призывают настоятеля ватопедского и уступают ему начальство и первенство; ту же честь делают монахи ватопедские настоятелю хиландарскому в свой главный праздник – в день Благовещения Пресвятой Богородицы. (См. об этом в «Письмах с Востока», ч. I, 194).

[31] Этот жезл существует и теперь в Хиландаре.

[32] Об уставе, данном св. Саввою этой келье, см. в конце сего жития.

[33] Гроб этот существует и доныне. Замечателен он тем, что из него как бы взамен св. мощей выросла виноградная лоза в виде древа, с наружной стороны храма, целебная по своим плодам. О всем этом подробно говорит автор «Писем с Востока» (ч. I, стр. 227) и Святогорец (см. его письма об Афонской Горе, ч. II, письмо 13).

[34] В этом именно году патриарх Герман 2-й взошел на кафедру. Gedewn. Patriarc. Pinakez. 383–385.

[35] 1224 г., 24 сентября. См. «Святые южных славян» Филарета, архиепископа Черниговского.

[36] Так передает об этом жезле и автор «Писем с Востока»: «я нашел в малой церкви Преображения, св. Саввой основанной при келье (это другая его келья на капсале близ Кареи) патерицу его, которую заповедал всегда там хранить, отчего и самая келья прозвалась Патерицей. Умилительно предание об этой патерице. Св. Савва Освященный Палестинский употреблял ее вместо пастырского жезла и, умирая, завещал ученикам отдать ее только соименному ему пришельцу, который, по прошествии многих лет, посетит плачевную юдоль. Прошло семь столетий, и не являлся достойный понести посох Освященного; и вот однажды приходит в лавру инок, убогий с виду, хотя и царского рода, и к его ногам сама собою падает патерица. Изумленная братия спрашивает о его имени и узнает в нем того Савву, коему искони предопределен был посох блаженного их отца. Царевич сербский взял его с собой на Афон и, отходя сам на святительскую кафедру своей родины, хотел, чтобы пустынный посох всегда оставался в его пустынной келье. И что же? Несмотря на частые запустения Горы Афонской, патерица сия доселе остается в убогой церкви, где даже редко бывает богослужение, потому что два старца греческие, нанимающие себе келью святого Саввы для жительства, уже не в силах совершать Литургии, а, между тем, основанная им лавра Хиландарская не смеет нарушить его заповеди и взять посох» (Часть I, стр. 114).

[37] Архимандрит Леонид относит первое путешествие св. Саввы в Палестину к 1225–1230 гг. См. Православный Палестинский сборник, вып. 5, Спб, 1884.

[38] Второе путешествие св. Саввы архимандрит Леонид относит к 1233–1237 гг. См. Православный Палестинский сборник, вып. 5, Спб, 1884.

[39] Ныне Бриндизи.

[40] В «Летописи» архим. Арсения год кончины св. Саввы указан 1235 (изд. 2. Спб. 1880, 467).

[41] Устав св. Саввы по сербскому подлиннику XIII в. был напечатан архимандритом Леонидом в Гласнике (XXIV) 1868 г. с фотографическими снимками и объяснительным предисловием. А немного ранее, в том же Гласнике (XX) был помещен Шафариком этот устав «типик светог Саве» – в церковно-славянском переводе, сделанном, по исследованию арх. Леонида приснопамятным старцем Паисием Величковским в 1788 г. Были напечатаны и отдельные оттиски, в Белграде, 1868 г. В недавно изданной А.А.Дмитриевским книге «Описание литургических рукописей, находящихся в восточных книгохранилищах» (т. 1, ч. 1, Киев, 1895г.) устанавливается факт, что св. Савва главнейшую основу своего устава для Хиландаря заимствовал из типика монастыря Пресвятой Богородицы Эвергетиссы в Константинополе (см. Предисловие, стр. XLIV-I). Монастырь этот, не однажды упоминаемый в предлагаемом житии, находился в самых близких отношениях к преподобным Савве и Симеону, так как они считались ктиторами его. В той же книге упоминается и о другом подобном уставе св. Саввы: «Типик св. Саве за монастырь Студеницу» (изд. I. Иречек. Гласник, кн. XL, 1874 г., стр. 132–181).

[42] Он издан дословно архимандритом Дучичем в его книге «Старине Хиландарске у Београду». 1884. А в исправленном церковно-славянском чтении помещен арх. Леонидом в изд. И. обществом любителей древней письменности монографии «Афонская Гора и Соловецкий монастырь». Спб, 1883 г., в приложении.

[43] См. «Письма с Востока», ч. 1, стр. 115. Святогорец с достаточной полностью передает устав св. Саввы для его кельи. См. «Письма об Афонской Горе», ч. II, письмо II.

[44] Act. Sanct. Bolland. T. III, p. 992, in vita Sabbae.

[45] Некогда знаменитый, а ныне разрушенный монастырь Милешева в Герцеговине близ Приаполе и реки Лима основан Владиславом, около 1234 г., Шафарик о Кирил. Типогр. Чт. Моск. Общ. Ист. 1846 г.

[46] Раич. Истор. Слав. Народ., ч. II, стр. 349.

[47] Из «Следов Псалтири» письма митр. Киприана, Рук. М. Д. Акад. № 142.

[48] Из книги: «Святые южных славян», арх. Филарета Черниговского, 1865г.

[49] В рукописи Белградской библиотеки два жития пр. Ромила, одно краткое, другое – пространное; последнее, писанное Григорием Цамблаком, находится и в синаксаре Гильфердинга. Изд. акад. VIII, 399.

[50] Впоследствии митрополит Киевский, † 149 г.

[51] Краткое житие в Гласнике IX, 252. Служба преподобному поставлена под 16 января. Гласник XI, 37.

[52] Из Neon Martirologon.

[53] Из Neoz Paradeisoz.

[54] Из книги «Житие преподобного отца нашего Максима Грека, трудившегося в переводе богослужебных книг с древнегреческого на славянский язык в царствующем граде Москве, в первой половине XVI в., при Великом князе Василии Иоанновиче, а

потом двадцать пять лет томившегося в заточении за правду». Составитель – иеромонах св. Троицкой Сергиевой Лавры Харлампий. Спб. 1886.

[55] Память его 21 января почитается в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, где почивают и мощи его под спудом.

[56] Вероятно, Максим путешествовал с Ласкарисом, который в то время был послан в Венецию по делам государственным из Франции.

[57] По поручению Лаврентия Медичи Ласкарис из Флоренции отправился на Афон за рукописями и вывез оттуда до 200 древних книг.

[58] Письмо Великого князя на Афон и ответ афонцев напечатаны в 5 кн. Врем. Общ. Ист. М. 1850.

[59] Карамз. т. VII, пр. 340.

[60] Монастырские письма. Москва, 1863г.

[61] Из Neoz Paradeisoz.

[62] Neon Martirologon.

[63] Из Neon Martirologon.

[64] «Святые южных славян», Филарета, арх. Черниговского. «Животи кральева и архиепископа србских». Даничич. Загреб 1866.

[65] Память его 28 мая.

[66] Сравн. «Повесть о нашествии на Святую Гору папистов», – 10 октября.

[67] В «Летописи» архим. Арсения (Спб. 1880) время кончины св. Саввы показано 12 февраля, 1267 г. (479).

[68] Служба св. Савве в Серблякe. 1861 г.

[69] Из книги Шафарика: Drevniho pisinictvi jihoslovanuv. U Praze. 1873.

[70] Так в оригинале. – Ред.

[71] т.е. св. Савву.

[72] Преподобный Симеон почил на 87 году жизни 13 февраля 1200 г. См. «Святые южных славян». Филарета, архиеп. Черниговского, I, 19.

[73] С 1204 г. Константинополем, Мореей и Аттикой владели уже латины-крестоносцы; овладев Солунью, они разоряли и монастыри Святой Горы.

[74] В 1381 году князь Стефан Лазарь приложил Русику церковь Спасову «у Хвосну». «Акты». Киев. 1873. 378-380.

[75] Из Neon Martirologon.

[76] Из Akolouqia twn agioreitwn paterwn.

[77] Из Neon Martirologon.

[78] В честь усекновения честной главы св. Предтечи, – малый монастырь близ села Salhtxianhn.

[79] Отдельная служба св. преподобномученику Дамиану напечатана в Венеции, в 1805 году.

[80] Из Neoz Paradeisoz.

[81] Из Neon Martirologon

[82] См. житие его 7 мая.

[83] С рукописи скита св. Предтечи.

[84] Куручешме – предместье Константинополя на Босфоре. Там существовало прежде училище «Народное» – tou genoz – находящееся теперь в Фамаре близ Патриархата.

[85] Об этой скуке впоследствии рассказывал сам преподобномученик.

[86] Министр иностранных дел в Турции.

[87] Надобно заметить, что Елевферий и по отречении своем от Христа носил на себе обыкновенный крест, который оставался на нем, как знак прежнего благочестия.

[88] Этот Кирилл впоследствии был Константинопольским патриархом.

[89] Еще в то время, когда он жил в Константинополе, нередко бывал в доме Российского посольства, а потому всем там живущим и был известен как христианин.

[90] Подобное сему видим и в житии св. Саввы Освященного – разумеем поступок его с яблоком.

[91] См. его житие 20 октября.

[92] См. жизнеописание св. преподобномученика Игнатия, 20 октября.

[93] Из Neon Leimonarion.

[94] И Русик, где священнодействовал священномученик Никита, и скит св. Анны, где он безмолвствовал, празднуют память его 4 апреля (день мученической его кончины) по особо составленной службе.

[95] От этого христианина, без сомнения, узнал проигумен сущность исповедания преподобным Никитой веры христианской и обличение им магометанского заблуждения; по свободному доступу к князю именитый христианин мог сам видеть у него, слышать дерзновенного исповедника имени Христова. *Перев.*

[96] *В церк. службе:* раскаленный – puraktwmenw stejei stejomenoz.

[97] В греческих минеях сей святой священномученик Никита не включен, между тем как включены мученики, пострадавшие за Христа в первой половине XIX века, а этот святой пострадал в 1808 году. На вопрос наш, предложенный нашим сожителям грекам, почему нет у нас в монастыре полного синаксаря сего святого, подвизавшегося в нашей обители, и почему не позаботились они включить имя и сего священномученика Никиты в греческую Минею, они нам простодушно отвечали: «Кому же было у нас, братия, в те тяжкие времена писать что-нибудь и приводить в известность дела нашего монастыря? Теперь же, глядя на вас, и у нас нашлись люди, способные что-нибудь написать и другое кое-что сделать, а тогда до этого ли было?!.. Если бы не письмо почтенного настоятеля Серронской обители, то мы и не знали бы, что наш монастырь имеет одного великого мужа, отшедшего к Богу мученической кончиной». Письмо это писано в Русский монастырь в 1809 году 19 февраля, за подписью настоятеля Серронской обители иеромонаха Константия и некоего врача Николая. Оно хранится в архиве обители.

[98] Из Akolouqia twn agioreitwn paterwn.

[99] Из Neon Eklogion. Синаитом он называется по принятию им на Синае пострижения в монашество.

[100] Клазомен был некогда город приморский, лежавший в соседстве со Смирной (Мелет. Геогр., стр. 465), на Эритрейском полуострове, в Лидии, у Смирнского залива; он принадлежит Ионическому союзу. Ныне – это село Келисмен. См. Спр. Энц. Слов.: «Клазомены».

[101] Святейший патриарх Константинопольский Каллист.

[102] Ныне он в развалинах.

[103] В области лавры святого Афанасия. Этим именем простонародье назвало существовавшую здесь в 12 веке итальянскую православную обитель (как можно видеть из актов афонских) Амальфи. А знаменитый паломник наш Барский передает об этом следующий основанный на предании рассказ: «От монастыря (лавры) два часа прошедше, обретаем пирг, – си есть столп, мурованный еще древними леты, егда тамо мир жительствоваше. Создася, якоже повествуют, от некоего царя и вельможи, ради упокоения дщери своей, именуемой Морфину, яже тамо многими леты безмолвствовавше, веселяся от красоты места, ибо стоит на холме зело красном, недалече от моря, яко на два стреляния лука; окрест же – воды текущие и горы с густым лесом, яже суть воскрилия Афона, и зеленеют лепозрачно, в зиме и в лете, не точию сего ради, яко есть место тепло, от дыхания морского, но и естественно вся Святая Гора имать благодать сию, яко много обретается в ней таковых древес, яже в зиме и в лете на себе имут листвие зеленое, от нихже в странах российских не обретаются. Место же оное речется столп красоты, – или от имени предреченной девы, или от естественной красоты места, ибо первее нарицашеся ту Морфину, последи же, от простобеседна языка общенародного, слово умалися и наречеся Морфину, еже знаменует: зрачное» (см. второе посещение св. Афонской Горы Барским, стр. 60–61, издание Афон. Русск. Пантел. монастыря). Во время последнего разорения Святой Горы (1536 г.), магистром родосским, монастырь Амальфийский, которого развалины, под названием Морфину, подают повод к разным сказаниям, был уничтожен, говорит г. Григорович (см. его «Очерк путешествия по европ. Турции». Казань 1848 г., стр. 91. См. об этом также и у г. Муравьева, в его «Письмах с Востока», ч. I, стр. 124 и 275.

[104] «Житие иже во святых отца нашего Григория Синаита» (Спб, 1894) издано в подлиннике И.В.Помяловским по рукописи Московской синодальной библиотеки. В предисловии к этому житию г. издатель, вероятно, на основании указания архим. Сергия (см. полный месяцеслов – 8 авг.), кончину преподобного Григория относит к 1310 году, но это неверно: приводимые в самом житии исторические факты и личности свидетельствуют, что кончина преподобного должна быть отнесена к первой половине XIV столетия – к 1346 году – как утверждает и архим. Арсений (см. его «Летопись», изд. 2, Спб, 1880 г, стр. 505, и его же «Очерк жизни патриарха К.П.Каллиста» - Православное Обозрение, 1873 г., т. I, стр. 917).

[105] Из Akolouqia twn agioreitwn paterwn.

[106] См. житие преп. Максима Грека, 21 января.

[107] См. наше издание: «Преподобный и богоносный отец наш Нил Сорский и устав его о скитской жизни», издание 3-е, М, 1892 г.

[108] Из Neon Martirologon.

[109] Его лично знал знаменитый наш русский паломник Барский. См. наше издание: «Второе посещение св. Афонской Горы В.Г.Барским». Спб, 1887г, стр. 55.

[110] Катунаки – прибрежная пустыня, в недальнем расстоянии от скита св. Анны.

[111] О местности этой смотри в житии преп. Максима Кавсокаливита, 13 января.

[112] См. страдания преподобномученика Романа, 16 февраля.

[113] См. страдание преподобномученика Никодима, 11 июля.

[114] Извлечено из книжки, заключающей в себе службу и жизнь сего преподобного, напечатанной в Смирне 1646 года.

[115] С рукописи Есфигменского монастыря.

[116] Иеромонах Герман – один из лучших современных богословов. Он скончался в 1851 году, оставив после себя много прекрасных произведений своего пера. Желающий ближе ознакомиться с этим замечательным старцем пусть читает о нем в письмах г. Муравьева, видевшего его при своем посещении Афонской святыни (См. его «Письма с Востока» 7. 6. стр. 219–221).

[117] См. их жизнеописания: Евфимия – 21 марта, Акакия – 1 мая, Игнатия – 20 октября.

[118] См. его жизнеописание 4 января.

[119] См. житие его 21 марта.

[120] С рукописи скита святого Предтечи.

[121] Из Filokalia и Akolouqia twn agioreitwn paterwn.

[122] Из книги «Святые южных славян», Филарета архиеп. Черниговского, Даничич. «Животи кральева и архиепископа српских», Загреб. 1866.

[123] Даниил у Раича 2, 506-507.

[124] Гласник V, 62, 63. В Сербляке общая служба: «радуйся Никодиме, подобный пророку Илии, доблестный ревнителю».

[125] Изд. в Гласнике XI, 1859г. 189–193.

[126] (Сербляке служба ему л. 118): «православными ученьми твоими иноплеменныя ереси от церкве Христовы далече отгнал еси… Ревность Божественную имея, яко Илия великий, гневом дыхаеши на враги Креста Христова, и сих отгоняешь, якоже волки хищныя, от своего стада, пастырю блаженне!»

[127] Гласник VI, 35.

[128] Западное Географическое Общество XIII, 173. В сербском уставе: 12 мая «преставися архиепископ святый Никодим». Гласник XI, 194.

[129] Из Akolouqia twn agioreitwn paterwn.

[130] Из Neon Eklogion.

[131] В рукописи, заключающей в себе жизнеописание ктиторов сей обители – Иоанна, Евфимия и Георгия, усматриваются некоторые несообразности со взятым нами из Neon eklogion жизнеописанием преподобного Евфимия; есть также некоторые особенности, относящиеся к житию святого Афанасия. О все этом нелишним считаем сказать здесь. В рукописи сей значится, что Иоанн жил уже на Афоне, когда прибыл в Константинополь дед Евфимиев, занимавший при дворе высокую должность, как муж способнейший, избранный тогдашним царем Иверии, по некоторым государственным делам отправиться к царю Никифору; собираясь в Константинополь, он имел мысль посетить и сына своего, слава добродетелей которого далеко уже распространилась, и хотел вызвать его в отечество, чтобы там устроил он монастырь и подвизался, как на Афоне. Но случилось так, что, к приезду его в Константинополь, куда вместе с ним, почти против воли, прибыл и Евфимий, чрезмерно желавший узнать отца своего, явился там и Иоанн, посланный к царю Афанасием и другими отцами, по некоему общему для всей Святой Горы делу. Евфимий, без всякого между его отцом и дедом спора, увидев, при неожиданной встрече в столице, взаимные, родственные, радостные их друг другу поздравления, понял, что то был отец его, и убедился в этом тем более, что заметил некоторое внешнее между ними сходство. Поэтому, движимый внутренним влечением и природным чувством, он притек в объятия своего отца. Иоанн, от всей души возблагодарив Бога за явное к нему в этом отношении благоволение, оставил Евфимия в Константинополе обучаться греческому языку и другим полезным предметам, а потом Евфимий сам уже прибыл на Афон. Иоанн, 14 июля, Евфимий 13 мая, и Георгий 28 июля, ублажаются многими похвалами и в Грузии, на языке иверском. Все они вместе вышли из лавры Афанасия и, создав Иверскую обитель, были в ней, один после другого, игуменами: игуменом же лавры не был никто из них, хотя Афанасий и очень желал того, скорбел о разлуке с ними, и только предвидя из этого великую для многих человеческих душ пользу, согласился расстаться с ними. Наконец, латиняне, бывшие здесь, на Горе, как говорит предание, взяли с собой мощи, как Евфимия, перенесенные из Константинополя, так и Иоанна и Георгия, вместе с сосудами обители, и оставили ее в запустении.

[132] Из Akolouqia twn agioreitwn paterwn.

[133] Древний храм на месте погребения св. апостола Симона находится ныне в пределах нашего новоафонского Симоно-Кананитского монастыря. См. кн. Архиман. Леонида: «Абхазия и ее христианские древности», Изд. 2, М, 1887.

[134] Из Akolouqia twn agioreitwn paterwn.

[135] Как о сей, так и о других чудотворных афонских иконах не говорим здесь пространно, потому что сказано о них в особой повести собственно о всех афонских чудотворных иконах. См. книгу «Вышний покров над Афоном». М. 1892.

[136] Из Neon Martirologon.

[137] «Животи краљева и архиепископа српских», Даничич. Загреб. 1866 г.

[138] Память его 8 февраля.

[139] В 1269 г. «Св. южных славян», Филарета, архиеп. Черниговского, Дополн. 249.

[140] Память его 4 января.

[141] Из Neon Martirologon 1858 г.

[142] Патриарх Григорий V в то время опять возвращен был на трон.

[143] Святому новомученику сему есть отдельная служба на греческом языке.

[144] Akolouqia twn agioreitwn paterwn.

[145] Из Neon Martirologon.

[146] См. о сем подробно в книге «Вышний покров над Афоном», М, 1892 г.

[147] Из o aplouz Ejraim. Под этим заглавием известна у греков книга, в которой заключаются жизнь и некоторые творения преподобного Ефрема Сирина и несколько жизнеописаний разных святых. Составителем жизнеописания святого Петра признается в нем некий монах Николай, живший в самое время обретения мощей св. Петра, ибо, сказав о себе в начале своей повести, что чудо избавления святого Петра из темницы читано им еще прежде, по изложению Мефодия, епископа патарского, он вместе с тем выдает себя за очевидца чудес, бывших от святых мощей Петра, и за слышателя из первых уст о всем, что сам написал о нем. Таким образом, полное житие этого угодника Божия составлено на основании описания Мефодиева и на том, что сам он видел и слышал о преподобном Петре. Время жизни святого Петра в источнике не сказано. Блаженной памяти агиорит Никодим, не означая времени, когда он жил, называет его только первым безмолвником Афона, а другой агиорит, дидаскал Иаков, основываясь на разных обстоятельствах, относит его к девятому веку. В том же веке видят жизнь его Киевский Месяцеслов и Библейско-биографический словарь Ф.И. Яцкевича. Полный месяцеслов архим. Сергия указывает кончину св. Петра в 734 году.

[148] Схоластик – законоискусник, мудрый изъяснитель трудных мест в писаниях. Такое значение имели они в Церкви пятого века. См. «Начертание церковной истории» Иннокентия: век пятый; училища.

[149] Все это случилось в царствование Феофила, когда агаряне, завоевав Амморею фригийскую, многих отвели в плен в Сирию и доставили мученический венец известным 42 мученикам в Амморее (смотри 7 марта). Агиорит Иаков. Ркп. в нашей библиотеке.

[150] т.е. унция – 12-я часть фунта.

[151] Мысль эта хорошо раскрыта у преподобного Макария Египетского, смотри его творения, беседа 7. Изд. 3, Москва, 1880.

[152] Небесная та пища, приносимая Ангелом святому Петру через 40 дней, было приобщение пречистых, животворящих Христовых Таин, то есть определенный на послужение ему святой Ангел являлся к нему в назначенное Богом время и приобщал Святых Таин, как это было и с теми преподобными отцами, которых преподобный Пафнутий обрел в пустыне (см. 12 июня). А манна была пища телесная. Посему-то святой Петр и не просил (как увидим ниже) обретшего его, по устроению Божию, ловца принесть ему святого хлеба, подобно преподобной Марии Египетской (см. 1 апреля, и Феоктисте из Лезвы см. 9 ноября) и многим другим святым, жившим отшельнически. Агиорит Иаков.

[153] Не удивляйтесь, говорит агиорит Иаков, слыша название *обители* , ибо в продолжение пятидесяти трех лет сокровенного пребывания святого Петра на Горе начали созидаться на ней и обители. Притом нужно заметить, что Гора никогда не была совершенно необитаема; только тогдашние монидрионы во время нашествия варваров и разбойников часто были разрушаемы, опустошаемы и уничтожаемы. Мы знаем, что обитель Зиг существовала уже тогда, когда прибыл на Афон преподобный Афанасий.

[154] Климентовой пристанью назывался залив близ существовавшего в древности города – Kleonwn. Здесь пристал корабль Богоматери; здесь же остановился и чудотворный образ Богородицы Портаитиссы. По этому-то названию пристани устроившийся там в первый раз монидрион и получил название обители Климентовой. Во времена святого Петра он носил то же название. В 960 году явились из Грузии Иоанн с сыном своим Евфимием и создали там пирг и храм во имя Предтечи, под названием Piqou и Carsana. Потом, в 1030 году, прибыл туда же из Грузии Георгий Торникий Спафарий, и там, на месте монидриона, воздвиг обширную обитель, которая доныне носит имя Иверской. Агиорит Иаков.

[155] Из Neon Eklogion.

[156] В области лавры святого Афанасия.

[157] В области лавры святого Афанасия.

[158] Там же.

[159] Филарета, архиеп. Черниговского, «Святые южных славян». Даничич: «Животи кральева и архиепископа српских». Загреб. 1866.

[160] Сербляк л. 153. В древнем сербском уставе: «июня 5 престависе иже во светых патриарх 3-й Ефрем». Гласник XI, 194.

[161] Из Akolouqia twn agioreitwn paterwn.

[162] В 1354 году. Gedewn. Patriarcikoi Pinakez. 426.

[163] Там же, 426.

[164] В половине 1363 года. Там же, 429.

[165] Феры – древний город в Фессалии магнисийской, ныне называется Велестин (Belestinoz).

[166] Migne. Patrolog., t. CLIV, 368.

[167] Помещаемое издавна, в пересказе, в книге Neon Eklogion, и только в 1894 г. изданное в подлиннике г-ном Помяловским по рукописи московской Синодальной библиотеки.

[168] В старом славянском переводе помещено в 1-й книге «Чтений общей истории и древностей» за 1860 год.

[169] Migne. Patrolog., t. CXLVII. «Добротолюбие» в русском переводе, т. 5, стр. 331–369, 474. М. 1890

[170] см. 22 ноября.

[171] В библиотеке нашей обители хранится греческая рукопись, содержащая 52 Слова патриарха Каллиста на разные праздники и против варлаамитов. Есть и славянская рукопись, содержащая слова сего светильника, только слова эти по содержанию несходны ни с теми, которые находятся в греческой рукописи, ни с теми, какие прибавлены в новом издании греческого «Добротолюбия» (Filokalia, ekd. 2, Ermoupoliz. 1894.

[172] Из Neon Paradeisoz.

[173] Хрисовулы, данные императором Алексеем Комнином обители Дионисиевской, хранятся в архиве обители.

[174] Препод. Дионисию в монастыре его есть особая служба.

[175] Из Akolouqia twn agioreitwn paterwn.

[176] Из Neon Leimonarion.

[177] Нечто подобное смотри в Четьях Минеях святого Димитрия Ростовского, 26 марта, о презрении старческого благословения преподобным Малхом.

[178] «Летопись», архим. Арсения, изд. 2, стр. 497.

[179] Нужно заметить, что со времен Льва Исавра, а по другим, со времен Константа, внука Ираклиева, агаряне так усилились, что простирали власть свою не только на Египет и на всю почти Ливию, но и на Италию, Сицилию и Испанию: Крит держали они до воцарения Никифора Фоки; тогда и самый Константинополь, если б не было ему помощи свыше, близок был к падению, – как это видно из синаксаря субботы акафистной.

Опасность грозила ему сперва при Ираклии, а потом от агарян, при Константине Погонате и Льве Исавре. Эмир Ниссир, во времена Льва Философа, из Крита нападал со своим флотом на острова, лежащие на Эгейском море, и опустошил Лесбос.

[180] Смотрите – обитель внутри Горы, а вне обители – безмолвники; и те, и другие, – и безмолвники, и иноки обители – все собираются на Карею, в протат, трижды в год (как это увидим немного ниже). – Агиор. Иаков, ркп. нашей библиотеки.

[181] После первой кафизмы, иногда и после второй. Потом после 6-й песни; иногда же и после 3-й, назидательные чтения не только в праздники, но даже и в будни бывают и по сю пору на Святой Горе.

[182] По мнению Агиорита Иакова, этот Павел – не сын Михаил Ранкавея, по Кедрину, сосланного Львом Армянином в монастырь, на остров Проти, в 813 году, а внук Романа Старшего, именовавшийся до иночества Петром и скончавшийся между 1020 и 27 годами. В самом деле, первый типик афонский составился при Иоанне Цимисхии, в 972 году, вследствие жалобы святогорцев на Афанасия. Для принесения этой жалобы царю, как показывает типик, представлялся к нему, с протом горы, и Павел Ксиропотамский. Под типиком он подписывается просто: «Павел, монах и пресвитер». Но видно, что он был муж важный, игумен если не обители, то монидриона, и имевший на Горе вторую степень по Афанасии, ибо правилами сего типика поставлено было являться ему в общее собрание святогорцев с одним послушником, Афанасию – с двумя, проту – с тремя, а прочим игуменам (Древнее название «игумен» – то же, что старец, т.е. старший инок, у которого были под духовным руководством два или три послушника, назывался просто: игуменом, ибо под первым типиком только Афанасий подписался определенно, назвав себя игуменом великой лавры, прочие же пописались (всех подписавшихся под типиком – до 60 лиц) хотя тоже игуменами, но без означения своего местопребывания, а это показывает, что они управляли только какими-нибудь рассеянными по Горе скитами или даже кельями), келиотам и безмолвникам – всегда без послушников. Следовательно, если, во время составления первого афонского типика, под Павлом Ксиропотамским разуметь сына Ранкавея, то ему тогда было более 160-ти лет: между тем, Павел Ксиропотамский является потом еще в двух афонских актах – 1011 и 1016 годов.

[183] Из этого видно, что Афон издревле был известен как жребий Богоматери. Почему и Лев приходит сюда с благодарностью к Всенепорочной. – Агиорит Иаков.

[184] Он и теперь существует – только в запустении.

[185] Поэтому в лавре не бывает эконома, а только подэконом. Впоследствии в лавре была устроена икона Пресвятой Богородицы Экономиссы. Икона эта изображает Ее сидящей на престоле; на Ее лоне – Предвечный Младенец. С правой стороны престола святой Михаил Синадский, с левой – святой Афанасий: оба в молитвенном положении; последний держит на своих руках вид своей лавры, образуя тем особенное свое хранение, покровительство и заботливость о ней. Эта икона – в скромном кивоте и устроена среди монастыря, разделенного на две части. Свет неугасимой лампады тихо разливается пред изображением Божественной Экономиссы.

[186] Рассказ об этом заимствован из другой греческой книги: Amartolwn swthria. В память явления на этом месте святому Афанасию Божией Матери воздвигнута в честь Ее небольшая церковь, с неугасимою лампадой пред иконой, изображающей совершившееся здесь чудо. При пути устроена открытая галерея для отдыха пришельцев и поклонников – особенно в летнюю пору, когда жары бывают утомительны и едва выносимы. Иноки

соседственной кельи, живописно отсюда рисующейся на значительной высоте прибрежного холма, теплят здесь неугасимую лампаду.

[187] Монеты эти у святителя Ростовского называются «златница» и «цата».

[188] У святителя Ростовского об этом патриархе Николае сказано: он же назывался и Харитон. Но этого нет ни в эллинской рукописи жития святого Афанасия, ни в нашем источнике. Еп. Порфирий Успенский считает «Харонит» эпитетом патриарха (Истор. Афона, ч. III, 93) и думает, что это был Николай Мистик (901–925); но это будет анахронизм. Вернее, как утверждает г. *И. Соколов* (рецензия на книгу И.В.Помяловского «Житие преподобного Афанасия Афонского», Спб, 1895. – Визант. Врем., т. III, 658), что был Николай Хрисоверг (983–996). Харонит же (perivohtoz Caronithz) означало отдельное лицо. И, очень может быть (по догадке г. Соколова, см. там же), здесь разумеется основатель афонского монастыря Харонита, или Харона (Monh Carwntoz, Carwnoz), известие о котором есть в актах Русского монастыря под 1048 г. (см. «Акты». Киев, 1873, 26, 36). Что Харонит отдельное лицо, видно и из печатного греческого текста жития св. Афанасия, а также и по славянскому переводу сего жития в сербской редакии половины XV в. (ркп. нашей библиотеки) – где говорится: «от нихже беше и сии великыи в партиарсех Николае, словии харонитин и премудрыи и в воздержании многы Андреа Хрисополит»…

[189] Керасия – черешня. В области лавры так называется одно место, отстоящее от нее на два часа ходу, и носит это имя от обилия там черешен. У святого Ростовского оно по ошибке названо Кесарийским.

[190] Надобно заметить, что здесь, на этом острове, по распоряжению святого, жили молодые лаврские иноки и до известного времени упражнялись в деле иночества под надзором одного благоговейного и опытного старца. Так был искусен и рассудителен преподобный в деле руководства всех и каждого ко спасению. На пути к небу он не отказывал в своей помощи и юным, но для избежания соблазна не держал их не только в лавре, но даже и на Горе. Остров этот: h twn newn nhsoz, потому так назван, как говорит эллиногреческая рукопись жития святого Афанасия, что он был местом попечения о юных, что там, из монахов лавры, предупражнялись oi newteroi.

[191] Перевод завещания преп. Афанасия заимствуем из книги покойного архимандрита Антонина: «Заметки поклонника Святой Горы» (Киев, 1864г.), отдавая должную справедливость высказанным о сем предмете мыслях достопочтенного автора ее. «Ничто так не знакомит нас с человеком, как его собственная речь, и в особенности речь предсмертная. Прочитавши завещание св. Афанасия, мы видели как бы его самого прошедшим мимо нас, хотя и в некотором отдалении от нас. Очерк его отпечатлелся резко в воображении нашем. Даже черты лица в общности уловлены нами. Конечно, в его завещании виден прежде всего игумен монастыря, но в складе речи многократно отобразился и человек – Афанасий». Подлинный текст завещания напечатан у Meyera: Die haupturkunder fuer die Geschichte der Athoskloester. Leipzig. 1894. 123–130.

[192] Никифор II Фока, славный в византийской истории полководец, родившийся в 912 году, возведенный на престол в 963 г. и убитый 10/11 декабря 969 г.

[193] Т.е. Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. Из сего видно, что св. Афанасий «святым и благим» царем называет имп. Василия Багрянородного, прозванного «болгаробойцем». Видно также, что завещание писано после 975 года, в котором умер Цимисхий. Императоров тогда было двое: Василий и Константин – братья. Образ выражения св.

Афанасия подтверждает слова историков о том, что Константин, хотя носил титул императора, но не царствовал, пока жив был брат его. Факт замечательный: все три императора, столько непохожие друг на друга и столько причин имевшие действовать вопреки один другому, равномерно покровительствовали св. Афанасию.

[194] О epi Kanikleion придворная должность значения не совсем теперь ясного. Дю-Канж не различает ее с должностью логофета.

[195] Кто таков был сей патриций Никифор? С вероятностью полагать можно, что это был кто-нибудь из той же фамилии Фока, и именно братний внук императора Никифора (сын Варды († 989), сына Льва, младшего брата Никифорова, убитый в походе против абхазцев в 1019 или 1020 г.) – Отчего сын, а не отец избирается св. Афанасием в блюстительство Лавре, причиною этому могло быть то, что в 987 г. Варда возмутился против Василия и объявил себя императором.

[196] Лавра сия – нынешний Иверский монастырь афонский. Многократно упоминаемый св. Афанасием, Иоанн есть, чествуемый обителью, один из трех ктиторов ее.

[197] Антоний сей упоминается нередко в житии преподобного. Он был наиболее приближенным учеником его. Св. Афанасий называет его своим.

[198] Под актом подписались оба Феофана – оба пресвитера.

[199] Игуменом после св. Афанасия избран некто Евстратий, как свидетельствует о том греческое жизнеописание преподобного.

[200] Из Neon Martirologon.

[201] Из рукописи Пантократорской келье святого Василия.

[202] Об этом событии упоминает и наш путешественник Трифон Коробейников, бывший на Востоке в 1583 году. См. его «Путешествие». Спб. 1841 г., стр. 44–48.

[203] В сороковых годах на Афоне появилось предание, что преподобный Антоний подвизался в пещере, высеченной в скале, над самым морем, в расстоянии получаса ходьбы от монастыря Есфигмена, и что имя игумена, который постриг преп. Антония, было Феоктист. Тогда же появилась в Есфигмене и служба преп. Антонию, и жизнеописание его на греческом языке (в рукописи). Автор «Писем с Востока» говорит, что по житию этому, списанному для него в Есфигмене, видно, что св. Антоний пришел в Есфигмен, к игумену сего монастыря Феоктисту, в 973 г. (см. стр. 213, ч. I, Спб. 1851). В таком же виде это сказание о преп. Антонии было повторено в «Описании монастырей и скитов, находящихся на св. Горе Афонской» (см. стр. 104, 105. Спб. 1859). Этого жития нам видеть не пришлось, и теперь существует оно в других редакциях, но и в новом виде сообщаемые в нем сведения мало удовлетворительно показывают, что преп. Антоний подвизался действительно в Есфигмене. Не входя здесь в подробное рассмотрение этого вопроса, мы укажем на то, что он был рассматриваем серьезно и исследуем людьми более нас сведущими, чтобы судить об его исторической достоверности (См. «История Русской Церкви», Макария М.М., т. 2, стр. 31, 32, 279. Спб. 1857; «История русского монашества», Петра Казанского, стр. 197. М. 1855; – «Заметки поклонника Святой Горы», архим. Антонина, стр. 293–296. Киев. 1864; «Пелгримация, или путешественник честного иеромонаха Ипполита Вишенского», изд. архим. Леонидом, стр. 118 (и особенно в конце книги: *Общее примечание к описанию св. Афонской Горы*) М. 1877; «Первое путешествие

в афонские монастыри и скиты в 1846 году», еп. Порфирия Успенского. Киев. 1877 г., ч. 2, отд. 1-е, стр. 244. Кстати укажем, что и Барский не слыхал на Афоне Есфигменского предания. (См. наше издание «Второе посещение святой Афонской Горы Вас. Григ. Барского» Спб. 1887, стр. 224, 225).

[204] Местечко Любеч ныне принадлежит графу Г.А.Милорадовичу. Пещера преп. Антония находится в саду владельца; в 1870 г. у входа в пещеру устроен памятник с изображением преподобного; к этой пещере – месту его подвигов – установлен с 1874 г. ежегодный крестный ход 30 июля.

[205] Из Lkolouqia agioreitwn paterwn.

[206] Из Neon Martirologon.

[207] Из рукописи скита святой Анны.

[208] Турецкая шапочка.

[209] Из Neon Eklogion.

[210] Царствовал в 811–812 гг.

[211] Некоторые говорят, что святые мощи его были погребены в обители Перивлептос, что ныне армянский *Сулу* – монастырь (см. «Письма с Востока», ч. 1, стр. 300).

[212] Из Neon Martirologon.

[213] Булгарисом, который впоследствии был архиепископом екатеринославским и херсонским (с 1775 по 1779 год).

[214] Как это делают мусульмане.

[215] Домашний учитель веры.

[216] Из Neon Eklogion.

[217] Из Neon Eklogion.

[218] Максим III скончался в 1482 году, после него правил патриаршим престолом Симеон 1-й – вторично: 1482–1486 г. См. Gedewn. Patriarcikoi Pinakez, 485–487.

[219] Св. Нифонт патриаршествовал в первый раз с небольшим два года: 1486–1489. Gedewn. Patriarcikoi Pinakez, 488.

[220] Во второй раз: 1497–1498 г. См. там же, 492.

[221] См. житие его 14 сентября.

[222] См. житие его 26 октября.

[223] Год кончины святителя Никодима в своем Синаксаристе указывает совершенно неверно – 1460-й. А Gedewn. Patriarcikoi Pinakez, 495) гадательно полагает кончину св.

Нифонта между 1504–1508 г. Между тем, известно, что св. Нифонту, находившемуся в Молдавии в 1511 году, предлагали в третий раз занять патриарший престол (см. А. K. Yjhlantou. Ta meta thn alwsin. K. poliz. 1870, стр . 36). Принимая во внимание показания его жизнеописателя, что один из учеников его – Макарий – пострадал в Солуни еще при жизни святителя в 1527 году (14 сентября), а второй его ученик – Иоасаф – увенчался мученическим венцом *вскоре* после кончины святителя в 1536 году в Константинополе (26 октября), – год кончины св. Нифонта надо полагать около 1530–1535 года.

[224] Из книги, заключающей в себе службу сему святому и жизнь его и отпечатанной в Венеции 1654 года.

[225] Филарет, архиеп. Черниговский: «Святые южных славян».

[226] Из Neon Eklogion.

[227] Из Neon Martirologon.

[228] См. слово похвальное Киприану, произнесенное в 1409 году племянником Киприана и согражданином, Григорием Цамвлаком (см. Собрание Летописей III, 106, V, 259), который был также монахом на Афоне, откуда взят на игуменство в Дечанскую обитель (в старой Сербии), потом перешел в Молдавию и около 1409 года в западную Россию, где в 1414 г. в Новгороде, собором южно-русских епископов, избран и посвящен митрополитом Киеву и Белой Руси, – умер в 1419 году.

[229] Известны по своим писаниям в этом духе: Св. Григорий Палама, арх. Солунский; Григорий Синаит, распространивший на Афоне правила безмолвной, внутренней, или умной, молитвы; Максим Кавсокаливит – друг Григориев; патриарх Каллист и Игнатий Ксанфопулы; патриарх Филофей. Некоторые творения их собраны в «Добротолюбии».

[230] Из них патриархи вселенские: Афанасий 1-й (1289–1293 г. и 1303–1311), Нифонт 1-й (1311–1314), Исаия (1323–1341), Исидор (1347–1350), Каллист 1-й (1350–1362 и 1365–1369), Филофей (1362–1365 и 1369–1376), Каллист 2-й (1397), Нифонт 2-й (1486–1489 и 1497–1498), Максим 4-й (1491–1497), и другие.

[231] См. Р. Истор. Библиотеку, т. VI.

[232] Флоринский Т. «Памятники законодательной деятельности Душана». Киев. 1888, 40.

[233] Кроме Русика, Зографа и Хиландаря, славяне пребывали тогда и в монастырях: Св. Павла, Григориате, Ксенофе, Филофее, Ксиропотаме и Симонопетре.

[234] Митрополит Киприан в своей псалтири постоянно имеет в виду одиночное отправление суточных служб в келье (см. Мансветов, Типик. М. 1885 г., 225).

[235] Послание это в полном виде доселе не напечатано. Отрывки из него напечатаны архимандритом Леонидом в его исследовании о Киприане (см. «Чтения Имп. Общ. Истории и Древностей Российских при М. Университ.», кн. 2-я, 1867 г.) по списку славянского сборника XVIII в. Хиландарской библиотеки. Послание это находится и между славянскими рукописями Москов. Синод. библиотеки.

[236] Как справедливо замечает о нем митрополит Евгений (см. Словарь Историч. Изд. 1818 г., часть 2-я, стр. 348).

[237] Известно, что большая часть славянских переводов святоотеческих писаний и духовно-нравственных сочинений догматического и полемического содержания переведена именно на Афоне между 1350–1450 годами, что доказывает достаточно разбор славянских рукописей Моск. Синод. Библиотеки. Отд. II, М. 1857 г.

[238] См. «Первое путешествие в синайские монастыри» архим. Порфирия Успенского. Спб. 1856. Стр. 215–216.

[239] *Голубинский.* «Истор. Правосл. Церквей болгарской, сербской и румынской». М. 1871. Стр. 462.

[240] Об этом преподобном отце, прославившемся на Святой Горе святостью жизни и оказавшем столько благодетельного участия в судьбах нашей русской на Афоне обители. См. в конце настоящего тома. См. о нем же: *Голубинский,* «Истор. Прав. Церквей болгарской, сербской и румынской». М. 1871. 472, 476, 507, и наше изд.: «Русский монастырь св. великомуч. и целит. Пантелеймона на св. Горе Афонской». Изд. 7. М. 1886. 27, 30.

[241] См. Гласник. Кн. XI, стр. 160–266.

[242] Соборное деяние 1389 года в Архиве Калачова. Спб . 1861 г ., кн . 3. Acta Patriarch. Constant. III, 118.

[243] Или 3 мая 1380 г., как указано в очень интересной статье г. Н. Шлякова (см. «Церк. Ведомости», 1892 г., стр. 1411–1414).

[244] С рукописи скита святой Анны.

[245] Начальник над агами.

[246] Для наказания так называемой *фалангой* употреблялось следующее приспособление: к круглому дереву известной длины прикрепляются веревки, которыми туго притягиваются к дереву обнаженные ноги наказываемого и поднимаются вверх, после чего по подошвам бьют гибкими прутьями.

[247] Из Neon Eklogion.

[248] См. Sunaxariothz Никодима и Akolouqia twn agioreitwn paterwn.

[249] Из книги Avartolwn Swthria.

[250] Кукузель – детское шуточное название. Иоанн, как болгарин родом, находясь при дворе греческом, сначала не знал хорошо греческого языка. Когда спрашивали его сверстники, что он сегодня кушал, – тот простодушно отвечал им: *«Куку и зелия»,* (koukia – бобы, зелень). От этого дети, шутя, и прозвали его Кукузелем (бобы и зелия). И вот детский этот шуточный эпитет и переходит теперь из рода в род, из века в век.

[251] Из Iepa kathchsiz. Kwnotantinoupoliz. 1861 г .

[252] В лавре хранится его завещание – Diaqgkh. 1363 г.

[253] Патриарх 3-й сего имени патриаршествовал с 1354 г., а тогда находился в лавре.

[254] Патриарх Филофей, сам бывший игуменом Лавры св. Афанасия до 1347 года. Особенно благоволил к этой Лавре, понятно поэтому, что и распоряжения сего патриарха были с уважением исполняемы в Лавре.

[255] И Каллист, и Филофей восходили на престол по дважды: в которое из них патриаршествований (1350–1376 гг.) случилось это, – в источнике не показано. Судя, однако, по обстоятельствам, событие произошло при первом патриаршествовании Святейшего Филофея (1354–1355 гг.).

[256] Из Neon Martirologon.

[257] С рукописи Ватопедского монастыря.

[258] Евдоким – слово греческое, оно означает «прославленный», или «данный по благоволению», что ближе всего подходит к этому событию, в котором Бог *благоволил прославить* сокровенного Своего угодника.

[259] Афоне, как известно, каждое тело, по истечении трех лет, вырывается из земли; оставшиеся кости от сгнившего трупа омываются и потом складываются в особо устроенное здание, которое и называется усыпальницей или гробницей. При усыпальнице всегда бывает церковь.

[260] В Ватопеде тогда же составлена и отдельная служба сему святому угоднику Божию, которая и совершается ежегодно 5 октября.

[261] Из Neon Leimonarion.

[262] Жития свв. росс. Ц., октябрь.

[263] Смирнов, прот. «Ученики препод. Сергия Радонежского». Душепол. чт. 885, ч. 2.

[264] Послание афонцев к императору Михаилу Палеологу находится в рукописях во многих библиотеках святогорских обителей. Оно напечатано в изд. И. Ак. Наук «Истории Афона» еп. Порфирия (см. ч. III, отд. 2, № 5, стр. 622–633), Спб. 1892. – Еп. Порфирий относит это послание к 1272 году. С более исправным текстом помещено оно в книге: Dokimion iotorikon peri tou scismatoz thz Dutikhz Ekklhsiaz apo thz Orqodoxou Anatolikhz, Kallistou Blastou agioreitou. Aqhnai. 1896, стр. 97–111.

[265] Исповедание это напечатано еп. Порфирием в его книге «История Афона», изд. И. Ак. Наук (см. ч. III, отд. 2, стр. 644–645), Спб. 1892. А русский перевод его см. там же, ч. III., отд. 1, стр. 13–114. См. также в упомянутой книге – Dokimion istorikon... Kallistou Aqhnai. 1896. Стр. 113–114. О смерти Михаила см. «Странник» 1889 г., т. 2, стр. 179–181.

[266] Из рукописи зографской на славянском языке. Повесть эта была напечатана в книге «Рай мысленный», издание Валдайского Иверского монастыря (7167 г. 28 окт.). И здесь событие это обозначено 1276-м годом (см. стр. 19–34), т.е. согласно с зографской рукописью. В этом же виде повесть сия известна была и Барскому (см. наше изд. «Второе посещение святой Афонской Горы Вас. Григ. Барского». Спб. 1887. 317–319), однако хронология этого события у него показывается неправильно. На русском языке повесть эта напечатана в «Холмском календаре» на 1886 г. (Киев). О подвигах страдальцев есть известие и в послании прота к Великому князю Василию Васильевичу, писанном около 1441 года. О зографских мучениках здесь сказано, что они за твердость в вере задушены

огнем в башне «и ныне мощи тех во освящение имамы». Послание это напечатано в 3-м т. «Летописи занятий Археографической Комиссии» (Спб. 1865). Знал о сем предмете и говорил в своей знаменитой «Палинодии» и Захария Копытенский, и многие другие писатели (см. «Изучение Византийской истории в древней Руси» – Фил. Терновского, вып. 2-й, Киев, 1876, стр. 221 и дал., «Пахомий Серб», – Ив. Некрасова, в Записк. Новороссийского Университета, 1871 г., т. VI, стр. 4, «Апокрисис» Христофора Филарета, Киев, 1870, стр. 396–399, «Святые южных славян» Филарета, архиеп. Черниговского, Чернигов, 1865, отд. 2, стр. 136–286). О нашествии на Святую Гору еретиков-латинян есть на Афоне сказание в рукописях и на греческом языке. Последнее, заимствованное из рукописей Московской Синодальной библиотеки было напечатано архимандритом Димитракопулом в его книге H orqodoxoz Ellaz (Leipzig, 1872). Такое же сказание на греческом языке из рукописи XVI века, принадлеж. Синайскому монастырю, напечатано еп. Порфирием в его «Истории Афона» (ч. III, отд. 2, № 6, стр. 634–637). Кроме того, об этом событии говорится и в книге: Sunoyiz tvn diajorwn iotorivn (Enetihsin, 1806), что будто бы на Святую Гору являлся со своим насилием сам папа Николай, преемник папы Евгения, при котором состоялся известный Флорентийский собор. Здесь передается и самый акт соединения Церквей, совершившегося на этом соборе. В числе подписей под сим актом есть подпись и какого-то екклесиарха – иеромонаха и местоблюстителя Великой лавры Святой Горы. А о Михаиле Палеологе говорится только то, что он принял латинство (олатинился), и более ничего (см. стр. 399, 484, 534, 535 и 538). Что на Флорентийском соборе были, действительно, депутаты и от святой Горы Афонской – см. «История Флорентийского собора» (см. 34, М. 1847).

[267] См.: Парвев. «Папские буллы по греко-униатскому вопросу». Спб. 1888. 6, 7 и др.

[268] Семь соборов – это вселенские, на которых была раскрыта в главных чертах вся суть христианского учения. Вопросом о Св. Духе главным образом занимался 2-й Вселенский собор, хотя и раньше это учение было довольно полно раскрыто в сочинениях св. отцов: Афанасия Александрийского, Василия Великого и др.

[269] Т.е. по иудейскому обычаю, по которому употреблялся только пресный хлеб.

[270] Соборный храм всей Святой Горы – на Карее.

[271] См. 13 мая.

[272] См. 4 января.

[273] На Востоке 1-й час после восхода солнца соответствует 7-му часу вечера по европейскому счету времени.

[274] С рукописи. По нашим месяцесловам память его – 15 октября, в Четьих Минеях же святителя Димитрия краткие о нем замечания находятся под 14 числом сего месяца. Под сим же числом и в синаксаре Никодима св. Евфимий показан подвизавшимся за св. иконы: но из жития его не видно таких подвигов. Житие св. Евфимия написано учеником его архиепископом солунским Василием, причтенным Церковью тоже к лику святых: память его, по греческому синаксарю, 1 февраля; скончался он в конце IX в.; указанный год его кончины в П. Мес. арх. Сергия – 830 г. – неверен, так как он описывает в сказанном житии происшествия 867 г. и далее. Полагают, что он святительствовал на Солуни в 895–900 гг. (см. Ekklhsiastikh Alhqeia. 1897, № 46.).

[275] Как из этого, так и из других мест жизнеописания Евфимия ясно видно, что святой Евфимий, придя с Олимпа на Святую Гору, нашел ее не пустынею, как думают некоторые; только не видно, как в то время жили на Афоне иноки: в монастырях ли или в скитах, или в кельях.

[276] Замечательная черта области Армянской в девятом веке.

[277] Т.е., так как не посвященным не позволено брать Христовы Таины своими руками, то святой Евфимий принял диаконское рукоположение, чтобы ему можно было самому приобщаться в пустыне запасными Дарами. Агиорит Иаков.

[278] Следовательно, в наших месяцесловах память его обозначена вернее, чем в греческом синаксаре. Впрочем, Никодим упоминает, что память святого в некоторых греческих источниках указывается и 15 ноября. Год кончины преп. Евфимия – по вычислениям еп. Порфирия – 889-й.

[279] По этой причине святой Евфимий и называется Фессалоникийским, хотя отечеством его было совсем другое место. – Иаков.

[280] После сего следует обширное обращение признательного ученика – архиепископа Василия, к учителю своему, святому Евфимию, но мы для краткости оставляем его.

[281] Из Neon Leimonarion.

[282] Да не покажется кому-нибудь странным, что преподобный отец наш Герасим обошел столько мест. Богоносный этот человек, говоривший с Давидом к Богу: *светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим* (Пс. 118, 105), переходил из места на место отнюдь не вследствие какого-либо непостоянства или будто какой-нибудь заблудший: он ходил по воле и манию Божественному – от одних пользовался, а других сам пользовал. Читай повествование о преподобных Варнаве и Софронии, которым Пресвятая Богородица повелела путешествовать три года, чтобы они пересмотрели многие монастыри и в различных местах видели монашеское житие для лучшего и большего изучения иноческой жизни (Состав. сего жизнеописания). О Варнаве и Софронии повесть положена в Neon Leimonarion.; память их 18 августа. Смотри и в нашей Четьи Минее житие святого Мартиниана 13 февраля.

[283] А патриарх Константинопольский Кирилл в июне 1622 года соборною грамотою засвидетельствовал о нетлении мощей и святости преп. Герасима. См. «Летопись» арх. Арсения. Спб. 1880 г.

[284] Есть отдельно напечатанная служба св. Герасима со сказанием о житии его.

[285] С рукописи скита св. Предтечи

[286] См. жизнеописание св. Евфимия, 21 марта.

[287] Эту скуфью святого Игнатия купил у палачей один монах, служивший при церкви Пресв. Богородицы Кикку.

[288] Из Neoz paradeisoz.

[289] В М. Азии.

[290] Из Neon Martirologon.

[291] Из Neoz paradeisoz.

[292] Память его 26 ноября.

[293] Это было 14 октября 1289 г. M. Gedewn. Patriarcikoi Pinakez. 402.

[294] Отказ от кафедры и некоторые письма св. Афанасия помещены в Patrol. Migne, t. 142.

[295] 16 октября 1293 г . М . Gedewn. Patriarcikoi Pinakez. 402.

[296] 23 апреля 1303 года («Летопись» арх. Арсения. 491). Во второе патриаршествование св. Афанасий рукоположил первосвятителя московского св. Петра митрополита.

[297] В 1311 году. Gedewn. Patriarcikoi Pinakez. 405.

[298] С рукописи Есфигменского монастыря.

[299] Он мирно скончался на Афоне, в Пантократорском монастыре в 1852 г.

[300] Из Neon Martirologon.

[301] Преподобномученику Иакову и сомученикам его есть служба, которая поется в день памяти в скиту Честного Предтечи и в обители св. Анастасии, где и мощи их почивают. Служба напечатана в Афинах в 1894г.

[302] Из Proskunhtarion monasthriou Doceiarion.

[303] Автор книги Koinon proskunhtarion tou agiou orouz, называя святого Евфимия тоже другом святого Афанасия, полагает его жившим при Никифоре Вотаниате. Но Вотаниат жил целым веком позднее святого Афанасия. Ясно, что здесь перемешаны Никифор Фока с Никифором Вотаниатом.

[304] Это ныне главная афонская пристань. Место, где она находится, и ныне известно под тем же названием. Это от монастыря Ксиропотамского – на три четверти часа ходу.

[305] На Афоне во храмах пред иконостасом нет амвонов.

[306] Октоих 8-го гласа. Воскресная служба, стихиры на хвалитех.

[307] С рукописи лаврской кельи Нила преподобного.

[308] Оно находится в области Лавры.

[309] В настоящее время Лавра идиоритм.

[310] Желающего иметь ясное понятие об обыкновении, соблюдаемом на Святой Горе при покупке кем-либо мест или келий, также об условиях здешней келейной жизни и об отличии келий от каливы и кавьи, просим прочитать об этом в «Письмах Святогорца к друзьям своим» (См. ч. I, письмо 13).

[311] Оно не более было отрадно и во время посещения Святой Горы знаменитым нашим паломником Барским в 1744 году. Вот что пишет он о нем: «От жилища, именуемого Келия Безбрадого, нижае мало, яко на вержение камени, или далее, обретается пещера, над великим, глубоким и ужасным удолием, в ней же скиташесе некий преподобный отец святогорский Нил, идеже и до ныне самая оная пещера, и храм во имя его именуется, и мощи его повествуют быти там пред пещерою, под зело великим каменем, иже нерукосечно сам сверху паде Промыслом Божиим, во время, егда хотяху понести его мощи на иное место; путь же к нему толь зело страшный и бедный, яко унывает сердце грядущаго по нем. Поклонившися убо аз тамо, умилися и помыслих, яко тесным и прискорбным путем ходящие спасаются, широким же шествующие погибают, ибо по реченному: тесен есть путь и прискорбен вводяй в живот вечный; келий же или колибки тамо отнюдь несть, жестокости ради и теснаго места» (см. книгу нового издания: «Второе посещение св. Афонской Горы Барским», стр. 57). Место это и теперь необитаемо, и посещается с довольной затрудняемостью только чтущими память высокого афонского подвижника XVI века. Сто четырнадцать ступеней сводят пришельцев к церкви, которая возвигнута в небольшом объеме над могилою преподобного Нила. От нее, близ северной стены, начинается подъем по 27 ступеням в самую пещеру святого Нила, иссеченную в отвесной скале, над небольшим заливом. А на четверть часа ходу от этого места стоит келья во имя всех святых, называемая обыкновенно Ниловою, по хранению в ней мощей преподобного Нила и по безмолвствованию там сего угодника.

[312] Это будет в отвесе сажен по крайней мере шестьдесят.

[313] Из Neon Martirologon.

[314] Из Neon Eklogion.

[315] Им и составлено было жизнеописание божественного Григория.

[316] Tomoz Agaphz. л. 31.

[317] Честные мощи св. Григория почивали в соборном храме Солунской митрополии до 1890 г.; во время великого пожара, 23 августа, сгорела митрополия. По разрытии пожарища обретены не поврежденными огнем глава святого и кости его св. мощей.

[318] Из Neon Leimonarion.

[319] Хасан был грузинец, рожден от христианских родителей, но, будучи взят турками в плен, из-за временных благ отрекся Христа.

[320] Служба св. новомученику напечатана в Афинах в 1895 году.

[321] Из Neoz paradeisoz.

[322] Из синаксари.

[323] Это, кажется, монастырь Пантократора, ибо я сам читал собственноручную запись этого Каллиста, находящуюся в Пантократорской обители, в которой он говорит, что безмолвствовал в келье святого Онуфрия, находящейся вне Пантократорской обители, и что обитель сия есть его. – Так говорит Никодим в Синаксаристе.

[324] Многие говорят, что находящиеся в греческом «Добротолюбии» главы, под именем Каллиста Тиликуди, Каллиста патриарха, Каллиста Катафигиота суть труды Каллиста Ксанфопула и что Каллист этот называется различными именами. Катафигиотом он назван по обители Богородицы, именуемой Катафиги и находящейся в епархии артской: есть предание, что Каллист там безмолвствовал. Другие вышупомянутые главы приписывают первому Каллисту, патриарху Константинопольскому (см. о нем 20 июня). Главы, приписываемые сему патриарху, помещены в изданном нами «Добротолюбии» в русском переводе покойн. еп. Феофана, т. V, стр. 333–474. М. 1890. См. о сих Каллистах и в Христ. Чтении 1843 года, часть 4, стр. 428, 430 и 432.

[325] Из Neon Eklogion.

[326] С рукописи Филарета «Святые южных славян».

[327] В службе на греческом языке, совершающейся и теперь в честь святого в Григориате, говорится: «От Сербии, преподобне, воссияв всем благодати, облиставаеши молниями чудес, Григорие, сего ради и любовию тя присно величают».

[328] Василий Григорьевич Барский в первое свое посещение Горы Афонской упоминает о болгарских старых книгах в этой обители, см. наше издание «Первое посещение святой Афонской Горы Вас. Григ. Барского», Спб. 1884, стр. 25, а во второе уже ничего о них не говорит. Стало быть, монастырь этот был сначала славянским, а потом перешел во власть греков.

[329] Даничич. «Животи кральева и архиепископа српских». Загреб. 1866. Филарет, архиеп. Черниговский. «Свв. южных славян».

[330] Император Андроник Палеолог в данном Русику подтвердительном хрисовуле – 1312 г. – вместо утраченных актов на его имения упоминает об этом сожжении монастыря. См. «Акты Р. на св. Афоне м-ре». Киев. 1873. 163.

[331] По известию ученика преп. Даниила, написавшего его житие, сличенному с грамотою краля Милютина и «родословом», описанным самим Даниилом – это нападение франков на Афонскую Гору окончилось в 1296 году. Феодул магистр, известия которого напечатаны в Anecdota Boissonadi (II, 226) относит разорение Афона каталонцами к 1308 году. См. «Летопись» архимандрита Арсения (изд. 2), под 1308 годом.

[332] Это случилось не позже 1310 года.

[333] Память его – 11 мая.

[334] Банский собор св. Стефана во время владычества мусульман опустошен и обращен в мечеть.

[335] Ему же приписывают перевод Кормчей.

[336] Сербляк , л . 174.

[337] Из Neon Martirologon.

[338] Иеромонах Иона, ученик преп. Акакия Кавсокаливита.

[339] Из Neon Leimonarion.

[340] Отсюда видно, что преподобный был иереем.

[341] Извлечено из жизнеописания преподобномученика Гедеона, приложенного к службе его, напечатанной в Константинополе 1840 года.

[342] См. о сем в книге «Вышний покров над Афоном». М. 1892, стр. 65–67.

[343] См. там же, стр. 62–63.

[344] См. там же, стр. 13–17, и здесь в книге под 11 июня.

[345] Патриарх Филофей имел особенное расположение к прославлению жизнеописания тех святых мужей и жен, которые или прославили подвигами своими родную ему Солунь, или происходили из этого города. Кроме известных составленных им житий: св. великомуч. *Димитрия* (Patrol. Migne, t. CXVI, 1173), *Григория* Паламы, архиеп. Солунского (там же t. CLI, 551–656). Св. преподобномученицы *Анисии* (30 декабря. Помещ. в изд. K. Triantajillidou Sullogh ellhnikvn anekdotwn, Benetia, 1874, 99 - 144). Св. преподобномученицы *Февронии,* священномуч. *Фоки, Германа* Святогорца, он написал житие и своего предшественника патриарха *Исидора* (см. об этих житиях: Patrol. Migne. Tt. CL, 795; CLIV, 715), и пространное житие своего учителя и старца *Саввы* Нового. С достоверностью можно полагать, что только обстоятельства того времени (крайне тревожное состояние и Церкви, и всего Византийского царства) не дали патриарху Филофею возможности причислить к лику святых обоих этих подвижников, которых он так уважал. Самому блаженному патриарху Филофею так же находится на Афоне в рукописях служба и житие (см. Cataloque of the greek manuscripts on Mount Athos, by S. P. Lambros. Campbrige, 1895, № ркп . 153, б - ка м - ря св . Павла , № 26): « Akolouqia kai bioz tou agiou Filoqeou Kwnotantivoupolewz tou qeologou».

[346] Кантакузен лично познакомился с афонскими знаменитыми отцами при посещении Афона, вероятно в 1340 году, когда и сам помышлял покинуть мир и стать монахом, – о чем сам он говорит в своей истории. См. Patrol. Migne, t. CLIV, 189–192.

[347] Теперь это мечеть Кахрие-Джамиси, близ Адрианопольских ворот.

[348] Patrol. Migne, t. CLIII, 900–904.

[349] См. об этом в житии митроп. Киприана (16 сентября).

[350] В венской дворцовой библиотеке хранится сербская рукопись творений Дионисия Ареопагита с записью об этом труде святого старца, предпринятом им по поручению серосского митрополита Феодосия. Запись приводится у Миклошича: Chrestomathia paleoslovenica. Vindobonae. 1861. См. также «Опис. Румянц. музея» Востокова, № 93, стр. 161.

[351] См. «Акты русского монастыря на Афоне». Киев. 1873, 351 и далее.

[352] В журнале М. Нар. Просв., т. 309 (1897 г. февраль, II, 365) одним славистом высказана догадка, что «этот Исаия, кажется, русского происхождения», с указанием на «хрисовул в *Гласнике* , кн. XXIV, стр. 294», но положительные сведения помещаемого нами жития о родине преп. Исаии не дают места этой догадке.

[353] Житие это помещено архим. Никифором Дучичем в изданной им книге «Старине Хиландарске». У Београду. 1884, стр. 63– 78.

[354] Иоаким Сарандапорский, или Осоговский, подвизался в стране Овчепольской в месте, называемом Сарандапор, в подкрылии горы Осоговских, в потоке, называемом Бабин-дол, при реке Скупице. Память его 16 августа. † 1105 году.

[355] В пределах монастыря св. Павла, который тогда тоже был славянским.

[356] Душан короновался царским венцом 16 апреля 1346 г. Даничич. «Животи кральева и архиепископа српских». У Загребу. 1866, 378–380.

[357] Голубинский. «История правосл. славян. церквей болгарск. сербск. и румынск.» М. 1871, стр. 472–475.

[358] Родослов говорит так: «и пришед едва умоли его о сем разрешении, он же преклонив се и моли старца Исаию поити в Царьград поискати о сем разрешения». См. Даничич, стр. 380–382 «…о поставлении 2-го патриарха сераблем кир Саввы».

[359] Этот Никодим, как повествует далее житие, при помощи трудов, тщания и советов преп. о. Исаии составил в Угровлахии два больших монастыря, в которых собрал в общежитие множество черноризцев, сиявших в той земле духовными добродетелями как светлая денница.

[360] Родослов называет сего ученика Нифоном. См. Даничич, стр. 382.

[361] См. там же, стр. 382–383.

[362] Это было в начале 1375 г., незадолго до смерти патриарха Саввы, который скончался в этом году 29 апреля, на антипасху. Официальные сведения и акты об этом церковном раздоре и примирении сербов с греками см. в Acta Patriarch. Constatinop. Миклошича, т. 1-й, №№ 300, 301, 303, 306.

[363] По смыслу сих слов можно разуметь, что житие это писано одним из учеников преп. Исаии, сопровождавших его в этом путешествии.

[364] В подлиннике, как замечает здесь о. архим. Н. Дучич, конец жития во многих местах трудно уже читается, так что от времени целые строки выцвели и изгладились. Поэтому восстановляем дальнейшее по смыслу тех строк, которые еще могут быть прочтены.

[365] В изданном в Афинах «Megaz Sunaxariothz» (июль) 1892 г. помещено краткое сказание о житии преп. *Геронтия* , написанное дикеем скита св. Анны Каллистом иконописцем. Память преп. Геронтия празднуется в скиту, который считает его своим ктитором, 26 июля.

[366] Находится в рукописи в лаврской библиотеке.

[367] Преп. Акакия видел Барский на Кавсокаливе в 1726 г. в первое посещение Афона. См. наше изд. Барского «Второе посещение св. Афонской Горы», Спб. 1887, стр. 55, 56.

[368] Сигиллион патриарха Каллиника об учреждении киновии в Русике 1803 года, см. «Акты» сего монастыря. Киев, 1873, 235–251. Тимофей принял св. схиму в Русике, где и

скончался в глубокой старости. Он-то и сообщил составителю сего сказания иеромонаху Иакову сведения о преподобномученике Павле.

[369] В периодическом издании «Akropoliz» 1888 года помещена о кончине и мощах св. Павла заметка г-на Пападопула, бывшего очевидцем-свидетелем страданий и честной кончины св. новомученика.

[370] Место на Афоне, не в дальнем расстоянии от перешейка Афонского.

[371] По рукописному его жизнеописанию.

[372] Так заключает Никодим оное похвальное слово в честь афонских святых, помещенное в составленной им службе святым, на Афоне просиявшим.